

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

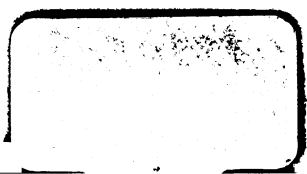
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190774 7

Allen

14A7

* QCA

242

OK.

103

103

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀλοχρῶν, τοῦδε ἐπίρουε μὴ θύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γυναι μῆτε ποίβοαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνδρῶν
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὀμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικούντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9. 77

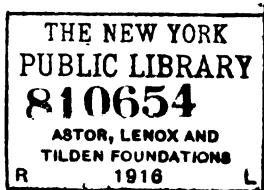
ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ЖИРНАКОВА.

11

=
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
слово алфавитно. Санктпетербургъ, 1844 года, октября 31 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ Н. Ивановскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЬБЕРТЪ, герцога баварскій и тирольскій курьерствъ Римской Имперіи.

ГЕРМАННЪ, импровизаторъ.

МАРГЕРИТА, жена его.

МАТИЛЬДА, дочь ихъ.

БАРОНЪ РУДОЛЬФЪ ОГАУ.

ЛУНИГУНДА, племянница Альберта и невеста Рудольфа.

БАРОНЪ ШПИРИЦРУНГЪ.

БАРОНЪ БЕРЕРЕ.

БАРОНЪ ДЕРЕРЕ.

ПИЛЬНАДОРЪ, шугъ барона Рудольфа Огау.

КАСТЕЛЯНЪ РУДОЛЬФА.

БАРОНЪ ФРИДЕРИКЪ ЭМЕРСЪ.

ФРИЦЪ, егеря барона Шпирицрунга.

Бароны, егеря, крестьяне, музыканты, гости.

=

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

внутренность сельскаго дому, опрятно убраннаго; въ окнахъ цвѣтныя стекла; цвѣты, мебель рѣзная и прочая.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАТИЛЬДА у окна, МАРГЕРИТА у другаго.

МАРГЕРИТА.

Нечего смотреть! Горный вѣтеръ умѣетъ прорыться и въ эти дубовыя рѣзныя рамы; дождемъ буд-

то съѣю Божій міръ накрыло; да, благо, теперь крыша здорова; спасибо барону: лучшая солома на домъ нашъ положена, лучшіе мастера изъ Инспрука крыли; а то, бывало, въ своей комнатѣ утонуть боишься. И куда ни глянь, все перемѣнилось; бывало, дымъ отъ лучины глаза вывдалъ, а теперь чистый жиръ горитъ подъ свѣтильней; въ пенъковой рубашкѣ стыдно было съ горы сойти, а теперь дорогій лень на плечахъ; серебряную монету будто стариннаго знакома встрѣчали съ крикомъ радости, а провожали дорогаго гостя со слезами, надолго, надолго.... Теперь золото въ ларцѣ не переводится; душа вползла въ тѣло; чувствуешь, что живешь.... Эхъ, Матильда! Ты счастлива! Не будь ты мнѣ дочерью, я позавидовала бы тебѣ.... Правда, мой Германнъ былъ по-лучше твоего барона: когда въ село прійдетъ, дѣвушки всѣ у оконъ сидятъ; когда пѣсню запоетъ, города плачутъ; стихи такіе изъ устъ вырываются, что по всей имперской землѣ ни у одного минезингера не слыхивали.... Такъ и жжетъ словами. Отъ этого полымя и у меня занялось сердце.... Отецъ и мать не хотѣли меня выдавать за пѣвца бездомнаго.... Чтò у него, говорили: бандура, да шалашъ на горѣ.... Не послушалась я ни отца, ни матери, ушла изъ дому; пaterъ чужаго прихода обвѣнчалъ насъ—и сладость любви была слишкомъ сладка только одинъ мѣсяць; нищета отравила все; изгорькло мое счастіе.... Еще вдвоемъ легче бремя нести: а то прійдетъ весна; Германнъ за бандуру и пошелъ на заработки; повдно осенью воротится; только на хлѣбъ хватить, а ужъ объ лакомствѣ какомъ мнѣ и во снѣ не снилось... Гдѣ-то онъ теперь, горемычный! Видно, мы ему опротивѣли.... Третій годъ исходить, какъ онъ ушелъ....

МАТИЛЬДА.

Матушка! Онъ скоро воротится, онъ порадуется моему счастію.... Объ чемъ ты задумалась?

МАРГЕРИТА.

Ничего, дитя мое! Такъ! Прѣ людскую душу задума-
лась! Вотъ ужъ второй годъ пошелъ, какъ молодой
баронъ сюда прѣхалъ; вотъ уже сколько мѣсяцевъ
прошло.... Ничего, мой ангелъ, ничего! У матери свои
начальники.... Не бойся.... Я такъ, сонъ вспоми-
да.... Дай только Богъ, чтобы свадьба раньше Гер-
манна пришла....

МАТИЛЬДА.

Какая свадьба?

МАРГЕРИТА.

Овечка ты нагорная! Любовь—иной разъ грѣхъ; что
тамъ?.... голоса?....

МАТИЛЬДА, бѣжить къ окну.

Это вѣрно—Рудольфъ, мой милый Рудольфъ; я зна-
ла, что онъ будетъ сегодня; мнѣ говорило сердце,
сны, предчувствія.... Боже мой! Чужіе! Стучатся! Ма-
тушка, не пускай ихъ; я такъ боюсь чужихъ людей...

МАРГЕРИТА.

Какой вздоръ! Ты ступай въ свою горенку, спрячь-
ся; а въ такое несчастіе не впустишь прохожихъ об-
сохнуть и обгрѣться.... какъ это можно! Громъ за это
прійдетъ на гору нашу, грѣхъ....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАТИЛЬДА, одна.

И въ самомъ дѣль? За что я не люблю никого, кро-
мѣ Рудольфа? Неужели на всемъ свѣтѣ только онъ
одинъ такъ прекрасенъ, такъ добръ? Вѣдь отецъ мой,
Германнъ, тоже добръ... Можетъ-быть, пришли также
добрые люди.... А всё-таки я ихъ боюсь. Отчего бы
это?.... А?.... Идутъ!....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

БАРОНЪ ШПИРЦПРУНГЪ И МАТИЛЬДА, вслѣдъ за ними БАРОНЪ БЕРЕРЕ, БАРОНЪ ДВЕРЕРЕ, ФРИЦЪ И ЕГЕРЯ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Что ты это, лѣнивая кошка, заставляешь благородныхъ бароновъ мокнуть на дождь и стучать чуть не лбомъ въ твои дурачкія ворота! Выдра этакая! Тѣло измокло, желудокъ высохъ; съ-голоду я хотѣлъ уже съѣсть сырую куропатку съ перьями! Ну, поворачивайся! Что у тебя въ печкѣ? Есть какая-нибудь дрянь? Подавай на столъ.... Гей! Фрицъ, вина!

ФРИЦЪ.

Какого прикажете?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Всякаго. Корчемнаго.....

ФРИЦЪ.

Корчемнаго нѣтъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ну, такъ аптекарскаго.....

ФРИЦЪ.

И аптекарскаго нѣтъ.....

ШПИРЦПРУНГЪ, въ ужасѣ.

Нѣтъ?

ФРИЦЪ.

Ни капли.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Нѣтъ!

ФРИЦЪ.

Ни пол-капли.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Гдѣ же оно?....

ФРИЦЪ.

Господинъ баронъ изволилъ выкупать....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Какой баронъ?

ФРИЦЪ.

Баронъ Шпирцпрунгъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я?....

ФРИЦЪ.

Вы.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Два ведра?....

ФРИЦЪ.

Аптекарскаго винограднаго вина, да еще бутылъ
хлѣбнаго....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Помилуй! Да эта масса больше меня ростомъ....

ФРИЦЪ.

Видно у васъ, господинъ баронъ, такая укладистая
натура....

ШПИРЦПРУНГЪ.

И ты еще смѣешь шутить, осель, наканунѣ моей
смерти! Я умру, я непременно умру; я погибну ужас-
ною смертью, отъ жажды!!.... О проклятая охота!
Проклять и тотъ, кто ее выдумалъ..... Въ два дни
убилъ что-то въ родѣ мухи, которой мало двухлѣтне-
му ребенку на закуску; усталъ какъ лошадь, измокъ
какъ мышь—и умру какъ песъ въ пустынь.... Въ та-
кой глуши, я думаю, кромѣ воды, ничего нѣтъ, а
вода, доказано, есть медленный ядъ; она съѣдаетъ да-
же камни.... Фрицъ! И ты смѣешь смотреть на меня
такъ покойно? Какъ-будто не ты выпилъ бѣдную
часть моего бѣднаго запаса?

МАРГЕРИТА.

Не извольте беспокоиться, господинъ баронъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Не беспокоиться, когда нѣтъ ни капли вина....

МАРГЕРИТА.

Есть.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Гдѣ?

МАРГЕРИТА.

У меня.... только не много....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Тсъ! тсъ! Боже сохрани, услышать.... (*Шопотомъ.*)
Сколько? Какое?.....

МАРГЕРИТА.

Какое, не знаю, взято въ лучшей инспрукской аптекъ; а сколько, этого я тоже не знаю; привезли боченокъ, да уже цѣдили.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Сколько разъ?....

МАРГЕРИТА.

Раза три, по большой кружкѣ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Маловато..... Только сдѣлай дружбу.... Ахъ, какая ты красавица, я и не замѣтилъ!.... Право, прехорошенькая.... а ручки, ручки, ухъ какія ручки! Ты, душа моя, сама стряпаешь?....

МАРГЕРИТА.

Сама.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вотъ должно быть вкусное кушанье! Не томи, красавица! Позволь убѣдиться въ пріятной догадкѣ. А гдѣ у тебя кухня?

МАРГЕРИТА.

Тутъ, подъ-бокомъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

А боченокъ?

МАРГЕРИТА.

Подъ ногами....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Господа бароны! знаете ли что! Я полагаю, что тутъ очень тѣсно. Не лучше ли намъ покушать на открытомъ воздухѣ? Фрицъ! Ставь столъ въ саду....

БЕРЕРЕ.

Любезный собесѣдъ! У васъ всегда странныя выдумки; дождь льетъ какъ изъ бочки....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Пусть его льетъ! Вода! Жалѣть нечего.

ДЕРЕРЕ.

У всякаго барона своя фантазія. Жаль, что мы лишаемся пріятнаго собесѣдника, но я промокъ до костей и очень радъ, что попалъ въ теплую комнату. Я обѣдаю здѣсь, а вы, баронъ Берере?

БЕРЕРЕ.

Тамъ гдѣ и вы, баронъ Дерере....

ДЕРЕРЕ.

Ну, такъ за дѣло, баронъ Берере....

БЕРЕРЕ.

Радъ вамъ служить, баронъ Дерере....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Берере, Дерере!... Пойдите, пойдите! Фрицъ, ставь столъ вотъ сюда; стулья для господъ бароновъ вотъ сюда; а я сбоку; я буду хозяйничать; мое единственное наслажденіе—услужить ближнему.... Послушайте, господа бароны, я долженъ обратить ваше вниманіе на прелести здѣшней хозяйки.... (Про себя.) Это по ихъ части! (Вслухъ.) Надо вамъ сказать, что съ первой минуты я ей понравился.

БЕРЕРЕ.

Вы, баронъ Шпирцпругъ?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я, собственно моею персоной! Вамъ смѣшно, вамъ забавно! Полноте, полноте! Ужъ этой красотки вамъ у меня не отбить, если бы и захотѣли....

БЕРЕРЕ, самодовольно.

Въ самомъ дѣлѣ?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія. Надо вамъ сказать, что когда она меня увидала, сдѣлала вотъ такую сладкую рожу. Я посмотрѣлъ: хороша, больно хороша; я ей сейчасъ вынулъ и отпустилъ десятокъ самыхъ пріятныхъ, ласковыхъ словъ; она такъ и растаяла; тогда я спокойно оглянулся на васъ, господа бароны, и съ гордостью въ душѣ сказалъ: не боюсь соперниковъ.

БЕРЕРЕ.

Посмотримъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Посмотримъ! Вотъ она! И съ кушаньемъ!—Вдвойнѣ прекрасна! Душа ты моя! Тебѣ ли служить! Ты должна быть царицей! Садись съ нами! Предсѣдательствуй на сонмищѣ знаменитыхъ имперскихъ бароновъ; мы въ честь твою разыграемъ турниръ; съѣдимъ все дотла; жаль, что пить нечего....

МАРГЕРИТА.

Позвольте, господинъ баронъ!...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Нѣтъ, ужъ я этого не позволю. Я принялъ на себя твою должность....

МАРГЕРИТА.

Но вы не знаете....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Все знаю, и то что подъ бокомъ, и то что подъ ногами...

БЕРЕРЕ.

Въ самомъ дѣлѣ не дурна, баронъ Дерере!

ДЕРЕРЕ.

Не дурна, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Отъ скуки можно приволонуться, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Я то же думаю, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Ну, такъ ужъ я займусь этимъ, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Отчего же не я, баронъ Берере....

(Оба подходятъ къ столу.)

БЕРЕРЕ.

Насъ очень удивляетъ....

ДЕРЕРЕ.

Меня ни мало не удивляетъ....

БЕРЕРЕ.

Что въ такой глуши....

ДЕРЕРЕ.

Что на такой большой дорогъ....

БЕРЕРЕ.

Цвѣтеть такая прекрасная....

ДЕРЕРЕ.

Цвѣтеть такая роскошная....

БЕРЕРЕ.

Роза....

ДЕРЕРЕ.

Пивонія....

ШПИРЦРУНГЪ.

Ха, ха, ха! Напрасно! Напрасно.... Садись, моя душенька! Докажи, что ты умѣешь говорить съ имперскими баронами....

МАРГЕРИТА.

А вы думаете, что мы простые люди, такъ ужъ бароновъ и не видывали....

ШПИРЦПРУНГЪ, кушая.

Кто въ этомъ сомнѣвается!

ДЕРЕРЕ.

Бароновъ! Да теперь въ священной римской имперіи бароновъ больше чѣмъ перепелокъ; кто не ѣзжалъ по дальнимъ дорогамъ, тотъ не можетъ вообразить сколько у насъ бароновъ. Ёдешь:—плотина и мельница, да на дорогъ застава. Кто тутъ сидитъ? Имперскій баронъ. Ёдешь:—оврагъ, надъ оврагомъ огородъ, плетнемъ обнесень; у плетня конурка; на дорогъ застава. Кто сидитъ? Баронъ. Чтѣ дѣлаетъ? На большой дорогъ разбойничаетъ. Ёдетъ нашъ братъ рыцарь, баронъ въ лѣсъ бѣжить. Рыцарь! Видѣлъ я дворъ Фридриха австрійскаго, бывалъ и у Альберта баварскаго, и у Матѣя венгерскаго. Столъ для пиру накроютъ человекъ на сто; всѣ бароны, а рыцарей—и трехъ не начтешь! Право, доброму рыцарю стыдно въ такомъ обществѣ оставаться. Служитъ некому.

ШПИРЦПРУНГЪ, утираясь.

Какъ некому? Я къ вашимъ услугамъ, господинъ баронъ!

ДЕРЕРЕ.

Не о томъ рѣчь. А за столомъ какая бесѣда? Тотъ баронъ съ тѣмъ барономъ намѣренъ поссориться. За чтѣ? Тотъ баронъ у другаго барона кормленого кабака укралъ.... Будетъ война! Обѣ стороны собираютъ союзниковъ, готовятся открыто къ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Походъ. Сильнѣйшій разрушаетъ заставу и плетень, зажигаетъ конурку, бьетъ всю живность, жаритъ, кушаетъ и войнѣ конецъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Въ самомъ дѣлѣ глупая война! Кончаютъ тѣмъ,

чѣмъ начинать слѣдуетъ. У меня тоже задрливые сосѣди; я ихъ тотчасъ вызываю на бой въ мою столовую; начинается сраженіе, враги одинъ за другимъ валятся со скамьбѣкъ; наступаетъ мертвая тишина, я торжествую побѣду, и чтобы не обидѣть враговъ, также падаю, но послѣдній.... Прочный миръ продолжается съ недѣлю. Тамъ опять война. Тамъ опять миръ. — Пѣвцы поютъ, что всегда такъ бывало....

(Продолжаетъ кушать; а Берере во все время шепчетъ что-то Маргеритѣ; та улыбается.)

ДЕРЕВЕ.

Семнадцать тысячъ демоновъ! Никогда такъ не бывало! Конецъ миру приходитъ! Содомъ! Прежде рыцарь до всего дослуживался; прежде женщина была святою цѣлью чистыхъ желаній. Цвѣтокъ изъ рукъ красавицы засыхалъ на груди рыцаря и ложился съ нимъ въ могилу; шарфомъ или платкомъ любимой женщины покрывали глаза покойнику. Дерзкое слово обнажало сто острыхъ мечей.... Въ пѣсняхъ восхваляли добродѣтель....

ШПИЦЕНРУНГЪ.

И вино. Впрочемъ, вино и добродѣтель — одно и то же.

ДЕРЕВЕ.

Вино пили, да не пьянствовали! Семнадцать тысячъ демоновъ! А теперь и пѣсни срамныя и пѣвцы — подлые; мужичьи изъ Тироля и Лотарингив; по городамъ цѣхи завели, будто и пѣсни ремесло.... Нищія! Стихами деньгу у честныхъ людей выманываютъ, и поютъ только грѣхи баронскіе. Возьми любую пѣсню: что въ ней? Ужъ непременно есть баронъ-соблазнитель—и поселянка-жертва. И не виновато грубое мужичье. Что видятъ, то и поютъ. Безбородые бароны вырвутся изъ-подъ опеки, засядутъ въ замкъ.... Что имъ дѣлать отъ скуки? Охотятся на дичь и женщинъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Что правда, то правда. Вотъ и теперь на лицо три барона. Одинъ, то есть, я, усердно занялся дичью, другой—еще усерднѣе ухаживаетъ за женщиной....

БЕРЕЕРЕ.

А третій читаетъ сказку о старомъ времени, которой никто уже не вѣрить....

ДЕРЕЕРЕ.

Сказку, семнадцать тысячъ....

БЕРЕЕРЕ.

Разумѣется, сказку....

ШПИРЦПРУНГЪ, встаетъ и идетъ къ люку.

Самую неправдоподобную, которой я и слушать не хочу. (*Спускается въ люкъ.*)

БЕРЕЕРЕ.

О нѣтъ, въ этой сказкѣ много правды.

ДЕРЕЕРЕ.

То-то же.

БЕРЕЕРЕ.

Безбородые нынче въ чести. Давно ли, и двухъ лѣтъ не прошло, помните, при дворѣ Альберта баварскаго, былъ молодой пажъ, что служилъ принцессѣ Кунигундѣ, племянницѣ герцога.

ШПИРЦПРУНГЪ, изъ люка, громко.

Помню, помню! (*Про себя.*) Надо участвовать въ общемъ разговорѣ. Нето догадаются, какая добродѣтель обитаетъ у нихъ подъ ногами.

БЕРЕЕРЕ.

Помните ли, какъ мы всѣ, именитые, владѣтельные бароны....

ШПИРЦПРУНГЪ, изъ люка.

Помню, помню!

БЕРЕРА.

Ухаживали за этой смазливой дѣвчонкой.....

ШПИРЦПРУНГЪ, громко.

Какъ же не помнить! (*Всторону.*) Я никогда и не видывалъ Кунигунды.

БЕРЕРА, съ чувствомъ.

И этотъ мальчишка, этотъ пажъ—женится на Кунигундѣ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Съ-горя ничего болѣе не остается, какъ выпить за здравіе новобрачныхъ.

ДЕРЕРА.

На моей невѣстѣ! баронъ Берере....

БЕРЕРА.

На моей, баронъ Дерере!

ШПИРЦПРУНГЪ.

И на моей! Только я не такъ глупъ, чтобы огорчаться пустяками. Благоразумный въ горѣ ищетъ дѣйствительнаго утѣшенія.....

ДЕРЕРА.

Мнѣ обѣщаль ея двоюродный братъ.....

БЕРЕРА.

А мнѣ—родной.... И Германнъ, мивезингеръ, знаменитый пѣвецъ, котораго такъ любить герцогъ, и дворъ и Кунигунда, и я, и всѣ.

МАРГЕРИТА.

Мой мужъ!

БЕРЕРА.

Вашъ мужъ! (*Всторону.*) Вотъ тебѣ разъ; если онъ узнаеть, что я говорилъ его женѣ...

МАРГЕРИТА.

О, ради самаго неба, скажите, гдѣ онъ?... что съ нимъ дѣлается?....

Т. LXVII. — Отд. I.

2

БЕРЕРЕ.

Что съ нимъ дѣлается?... Ничего..... такъ-собѣ.... потерялъ голосъ... не поетъ... но зато у него открылся дивный даръ.... Иной разъ онъ говоритъ стихами часа два, три, и герцогъ страстно любить его слушать... Десять разъ онъ порывался въ Тиролю, домой; герцогъ не пускаетъ.... Но, кажется, скоро отпустить.

МАРГЕРИТА.

Когда же это?

БЕРЕРЕ.

Послѣ свадьбы принцессы Кунигунды съ барономъ Огау.

МАРГЕРИТА, и Матильда закулисами.

Барономъ Огау!...

БЕРЕРЕ.

Съ вашимъ сосѣдомъ, барономъ Рудольфомъ Огау, безбородымъ мальчишкой, который отбилъ у меня невесту и двухъ любовницъ!.... Что съ вами?

МАРГЕРИТА.

Боже великій! Мнѣ дурно! О, ради самаго Бога, благородный баронъ, скажите, что вы пошутили....

БЕРЕРЕ.

О, мнѣ не до шутокъ! Я догадываюсь.... Онъ посещаетъ и вашу уединенную гору; онъ находитъ много радости и въ вашей бесѣдѣ.... Что же тутъ худого?... И на принцессу Кунигунду онъ женится по расчету....

МАРГЕРИТА.

Перестаньте! Я не хочу знать....

БЕРЕРЕ.

Вы должны знать.... Кунигунда его не любитъ.... Онъ любитъ Кунигунду, какъ любитъ низкій сластолюбецъ каждую хорошенькую женщину. Онъ не любитъ, онъ не любитъ никого!

МАРГЕРИТА.

Умоляю васъ, перестаньте!

БЕРЕРЕ.

Вашъ мужъ, добрый Германнъ, говорилъ объ этомъ при дворѣ прекрасную притчу стихами; герцогъ не хотѣлъ понять ея смыслу и подарилъ пѣвцу дорогое кольцо—за стихи, не за правду.... Сыграютъ свадьбу, пройдетъ годъ, не больше, герцогъ пожалуетъ о судьбѣ своей племянницы.... Весь электоратъ знаетъ, что Рудольфъ—записной волокита; но признаюсь, я ни какъ не могъ думать, что въ такія молодые лѣта у него такъ мало разборчивости, особенно при его богатствѣ! Воображаю, что на все на это скажетъ честный Германнъ. Какъ вы думаете, баронъ Дерере?...

ДЕРЕРЕ.

Скажетъ стихи, баронъ Берере....

ШПИРЦПРУНГЪ, выходятъ изъ лѣва.

И запеть виномъ. Жаль только, что ничего не осталось. Я не люблю заниматься пустыми вещами, и потому запираю этотъ пустой погребокъ, въ которомъ тайно хранится пустой боченокъ. Ну, господа бароны, довольно вамъ волочиться за моей красавицей; теперь моя очередь....

БЕРЕРЕ.

Уступаемъ безъ сожалѣнія! Не забудьте, баронъ, что у васъ будутъ два сильные соперника, Германнъ—Тирольскій Соловей, и баронъ Огау, мужъ племянницы герцога баварскаго и тирольскаго....

ШПИРЦПРУНГЪ, придерживаясь за стулъ, на которомъ Маргерита сидитъ въ совершенномъ забвѣннѣи.

Такъ что жъ! Между двухъ великихъ силъ я стану для равновѣсія.... Мнѣ оно самому теперь очень нужно.... О чемъ ты задумалась, моя красавица?...

МАРГЕРИТА, вскочивъ.

Боже мой, Боже, что съ нами будетъ!....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ МАРГЕРИТЫ.

ШПИРЦПРУНГЪ, садясь на ея мѣсто.

Что съ нами будетъ? А? Какъ вы думаете, господа бароны, что съ нами будетъ?.... Мнѣ не хочется самому объ этомъ думать.... Мысль моя въ испрукскихъ бочарняхъ. Какъ это они умѣютъ дѣлать такіе объемистыя боченки съ такою тѣсною внутренностью! Кружекъ десять, не больше, а до меня только три раза пѣдили.... Сколько же тамъ было вина?... Что вы это, господа бароны, ничего не кушаете, ничего не пьете? Одно волокитство не накормитъ; напротивъ, возбуждаетъ аппетитъ героическій.... Да чего вы оба надулись, какъ индѣйскіе пѣтухи? Велика бѣда, что красавица уже не свободна; повѣрите, что женщинъ больше, чѣмъ бочекъ. А я и тутъ не унываю.... И вино и женщины каждый годъ рождаются. Съ насъ станеть.... Но благоразуміе совѣтуетъ помнить, что во всемъ должно быть умѣреннымъ и что, такъ сказать, боченокъ не естъ еще бочка; что боченокъ не что иное какъ сынъ бочки, малолѣтній; можетъ вырасти; что тучность въ женщинѣ—есть недостатокъ; въ бочкѣ—достоинство; что (зѣваетъ) послѣ трудовъ дневныхъ—спать хочется..... что.... боченокъ....

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТЪ ЖЕ И ПИЛЬПАДОРЪ.

ПИЛЬПАДОРЪ, вбѣгаетъ.

Братецъ Рудольфъ! Братецъ Рудольфъ! Ъдутъ, ѡдутъ! Вотъ тебѣ разъ! Баронъ Берере! Баронъ Дерера! Баронъ Шпирцпругъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Не мѣшай! Я сплю и вижу пріятный сонъ!

БЕРЕРЕ.

А, Пильпадоръ! Ты, вѣрно, пріѣхалъ утѣшать несчастную....

ПИЛЬПАДОРЪ.

А вы уже все знаете! У васъ, баронъ—собачій носъ. И вообще вся ваша натура крѣпко смахиваетъ на домашняго звѣря, который умѣетъ безъ-устали преслѣдовать добычу....

БЕРЕРЕ.

Дуракъ, какъ ты смѣешь?...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Потому-то и смѣю, что дуракъ. Только умныхъ людей бьютъ за правду.... Умныхъ бьютъ—а дураковъ не любятъ, такъ и правды на свѣтъ нѣтъ. Да, впрочемъ, мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Вы не за моими занубушками гоняетесь; вамъ и просторно.... Если бы вы зацѣпили мою Гретхенъ, я устроилъ бы вокругъ ея огорода волчьи ямы; какой звѣрь, такая и западня. А что любо: за одною добычею гоняются, а друзья!.... Чай вы сегодня и у моего братца на пиру будете?...

ШПИРЦПРУНГЪ, вскочивъ.

Буду, непременно буду! Гдѣ пирь?

ПИЛЬПАДОРЪ.

Въ замкъ Огау.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Скажи барону, что я съ удовольствіемъ принимаю его приглашеніе. Спасибо, что ты отыскалъ меня въ этомъ захолустьи. А по какому случаю пирь?...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Да по самому важному случаю въ человѣческой жизни. Хотя правду сказать, свадьба—ворота; иной разъ

счастливо на дворъ въѣдешь; а иной разъ хватишься лбомъ о перекладину....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ничего, ничего! Пройдетъ... Ну, такъ въ замкъ Огау сегодня свадьба?.....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Не свадьба, а этакая штука, что передъ свадьбой-то бываетъ. Знаете, ни то, ни сѣ. Съѣдутся, усядутся, передъ гостями попляшутъ дѣвушки, потомъ стихоцлеты пропоютъ, потомъ сядутъ за столъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

И пошелъ пиръ, на цѣлый мѣръ! Знаю, знаю. Трубы ревуть, золотыя и серебряныя чары будто живыя по столу ходятъ. Вино журчитъ, въ горль такъ и сохнетъ; едва успѣваешь промачивать; а на столъ цѣлый звиринець. То богемскому фазану скажешь здравствуй, тамъ съ венгерской серной поцѣлуешься; тутъ ножомъ въ сердце хватишь нѣжнаго барашка, или изъ огромной, глубокой серебряной мисы вытащишь форель съ блестками. Во рту ни дать ни взять Франкфуртскій натуральный музей! Отойдетъ мясное; пойдеть пирожное; и въ рукахъ съ пирогомъ или съ арбузомъ—уснешь за столомъ покойно; пуховика не надо. Однако жъ мы заболтались. Не пора ли, Фрицъ, лошадей сѣдлатъ?....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Пора-то, пора! Только гдѣ же я брата Рудольфа отыщу?... Стоялъ я сторожемъ у гильдауерской заставы; три мили будетъ; стою и сплю, а баронъ Гильдауеръ дуется; съ огаускихъ людей дорожной подати брать не указано. Не посмотрѣлъ бы онъ на запретъ; да, видно, про гостей пронюхалъ; согналъ всѣхъ поселенъ съ околотка: сѣдлатъ, бѣднати.... Хорошо, что

не долго ждать пришлось. Слышимъ: трубы трубятъ, такъ и есть; я на коня; гляжу: герцогъ.

БАРОНЪ БЕРЕРЕ.

Герцогъ! Самъ герцогъ! Слышите, баронъ Дерере!

ВАРОНЪ ДЕРЕРЕ.

Слышу, баронъ Берере!....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Герцогиня!... Принцесса Кунигунда, другіе принцы, принцессы, бароны, войско.... Я ужъ болѣе не смотрѣлъ, во всю скачь въ замокъ; нѣтъ братца; сюда; нѣтъ братца; прощайте! Я опять въ замокъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

И мы съ тобой! Я думаю, такого пиру въ замкѣ Огау отъ сотворенія міра не бывало! А вы, господа бароны?...

БЕРЕРЕ.

Дорога въ Огау идетъ черезъ наши земли! Всѣ всторону! Какъ честные и вѣрные вассалы мы встрѣтимъ герцога у своихъ границъ....

ДЕРЕРЕ.

И поздравимъ съ прїездомъ....

БЕРЕРЕ.

И съ хорошимъ выборомъ жениха для принцессы Кунигунды....

ДЕРЕРЕ.

И проводимъ герцога.....

БЕРЕРЕ.

Пожалуй, хоть до этой горы, до этого порогу....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Такъ чего же медлите, господа бароны? Этакъ герцогъ безъ васъ проѣдетъ, а между-тѣмъ въ замкѣ Огау не успѣютъ хорошенько изготавиться къ пиру; недожарятъ; не-допекутъ..... Такое великое дѣло испортятъ, къ стыду всей нашей области.... Повзжайте ско-

рше на большую дорогу; а я прямо на кухню въ замокъ Огау; я докажу и покажу, что значить добрый со- съдь.... Барана, который долженъ стоять передъ гер- цогомъ, я жарю самъ!... Прощайте! Боюсь опоздать! Добрый пиръ стоитъ победы! Въ походъ!!

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

БАРОНЪ БЕРЕРЕ И ДЕРЕРЕ.

БЕРЕРЕ.

Покоримся необходимости, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Покоримся необходимости, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Поѣдемъ, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Поѣдемъ, баронъ Берере.

(Уходить.)

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

МАТИЛЬДА, тащитъ за руку Маргериту.

Сюда! Сюда! Пусть судятъ люди! Я любила.... Я утопала въ счастьи, въ блаженствѣ. Цѣлый мѣръ былъ въ однихъ глазахъ Рудольфа. Вся жизнь моя была сладкій сонъ.... Приходилъ Рудольфъ, я просыпалась, мой сладкій сонъ сбывался; онъ былъ со мною; Ру- дольфъ уходилъ, и мнѣ не было скучно. Тотъ же сонъ, съ тѣми же надеждами; я вышивала шелками милое имя; я пѣла,—и въ душевной пѣснѣ я пересчитывала всѣ нѣжныя имена и будто цвѣтами убирала ими Ру- дольфово имя.... (Рыдая.) А онъ не любилъ меня!....

МАРГЕРИТА.

Матильда!

МАТИЛЬДА.

А ты.... О! ты знала, что онъ не любилъ меня!....

Помнишь ли, когда я встрѣтилась съ нимъ у часовни въ долину, помнишь, я перепугалась, прибѣжала домой не своя.... Мой страхъ, мой трепеть.... то была Божія защита, небо меня охраняло.... А ты.... Ты обрадовалась нашей встрѣчѣ.... Съ какою лестью ты приняла его на этомъ порогѣ, — благословляла его за горсть золота!....

МАРГЕРИТА.

Вспомни и ты, Матильда, за чѣмъ ты сидѣла у часовни...

МАТИЛЬДА.

Просила милостыни....

МАРГЕРИТА.

То-то же.

МАТИЛЬДА.

Но мой промыселъ былъ чистъ передъ Богомъ, отцомъ, передъ людьми. Я смотрѣла покойно въ глаза разбойнику, а теперь мнѣ совѣстно даже передъ тобою....

МАРГЕРИТА.

Вспомни, безумная, что я тебѣ мать....

МАТИЛЬДА.

Ты — мнѣ мать! Никогда! Никогда! Ты знала, что онъ не любилъ меня.... Больше! Ты знала, что въ любви этой грѣхъ, проклетіе земли и неба! Все знала ты — и чуть сомнѣніе легкимъ облачкомъ набѣгало на мою совѣсть, кто разгонялъ святой вопросъ невинной души?... Ты! Ты! И ты мнѣ мать!... Ярмо нищеты стало тебѣ въ тягость; ты продала меня за ничтожное довольство въ этой ничтожной жизни.... Маргерита!.... (*Возвысивъ голосъ.*) Ты ошиблась! Невинность моя при мнѣ! Преступленіе совершилось — но не я преступница. Я любила и вѣрила! Я любила — а ты приказывала мнѣ вѣрить..... Я лю-

была въ первый разъ.... а ты одобряла мою любовь....
 О! Боже мой! И какъ я любила! Теперь только чувствую, когда перестала любить.... Да мнѣ и нечѣмъ любить. У меня вырвали сердце! Но, Маргерита, у меня еще осталось много; я могу ненавидѣть, метить, проклинать.... И проклятіе мое уже дрожить въ душѣ.... губы его слагають... А я не смѣю....

МАРГЕРИТА.

Опомнись, дочь моя; несчастіе доводитъ тебя до безумія. Можетъ-быть, всѣ эти рассказы клевета; мы не могли съ тобой не вѣрить....

МАТИЛЬДА, смѣется.

Мы съ тобой!... Что ты потеряла, Маргерита? Только дочь! А вспомни, какъ эту дочь любилъ отецъ, какъ хвалили сосѣди, какъ ее звали «Голубкой Вороньей Горы»... Изба наша, какъ лохмотья на нищемъ, висѣла на скаль; мы просили милостыни—и были веселы; мы любили добраго Германна.... а теперь.... ты ненавидишь мужа, я отца! Великій Боже! Я боюсь отца какъ грому небеснаго. Никогда, никогда грѣшныя уста мои не коснутся отцовскихъ устъ; при жизни родителей — я сирота.

МАРГЕРИТА.

Матильда, милая дочь....

МАТИЛЬДА.

Подумай, кто я, и отвернись съ презрѣніемъ.... Нѣтъ, нѣтъ! Гляди на меня и кайся! Гляди на меня и молись! Я твоя совѣсть!

МАРГЕРИТА, на колѣняхъ.

Умилосердись, дочь моя!

МАТИЛЬДА.

Въ душѣ моей буря... Тамъ нѣтъ любви... Одинъ громъ раздаётся... Громъ прокля.....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ТЪ ЖЕ И БАРОНЪ ОГАУ.

МАРГЕРИТА.

О, помогите, помогите, благородный баронъ!

БАРОНЪ ОГАУ.

Что съ тобою, милая Матильда?

МАРГЕРИТА.

Вы одни только, благородный баронъ, можете....

МАТИЛЬДА, зажимая ей ротъ.

Тсъ! У меня у самой языкъ есть.... Довольно ты говорила за меня.... Позволь и мнѣ поговорить съ милымъ Рудольфомъ.... Другъ мой! Подойди ко мнѣ! Мнѣ надо сказать тебѣ одно слово; ближе, ближе.... Рудольфъ! Я не люблю тебя....

РУДОЛЬФЪ.

Матильда, что это значить!....

МАТИЛЬДА.

Я никогда не думала, что эту ужасную, тяжкую тайну я выскажу когда-нибудь; но мысль моя созрѣла, чувство ненависти переполнилось — и я съ гордостью могу сказать: Рудольфъ, я ненавижу тебя!

РУДОЛЬФЪ.

Но, Матильда, неужели слишкомъ годъ такой нежной, пламенной любви....

МАТИЛЬДА.

Люби? Притворства, благородный баронъ, мучительнаго, невыносимаго, адскаго притворства.... Мы гнили въ нищеть, вы блистали золотомъ; мы умирали съ голоду — вы протянули руку помощи, подали намъ кусокъ горькаго хлѣба, но потребовали страшной платы.... О, для меня нищета была сладкимъ бременемъ, но я не могла снести чужихъ страданій. Я исполнила мой долгъ; долѣе притворяться я не въ силахъ.... Я утоляла тайную ненависть слезами; ихъ не стало —

изнемогла.... и только теперь стала дышать покойнѣе, когда уста мои проговорили вождельнное признаніе....
О! Какъ я теперь счастлива!...

РУДОЛЬФЪ.

И какъ я несчастливъ, Матильда!

МАТИЛЬДА.

Право?...

РУДОЛЬФЪ.

Будто острый ножъ пробѣжалъ сквозь сердце....

МАТИЛЬДА.

Бѣдный!

РУДОЛЬФЪ.

Я любилъ, я люблю тебя, Матильда, и если слова твои не коварная шутка, я не перенесу такой утраты; умру съ горести.

МАТИЛЬДА.

Не умирайте, благородный баронъ! Нето вамъ придется умирать нѣсколько разъ.... Не знаю, гдѣ живутъ мои нищія соперницы, но знаю, что въ вашемъ замкѣ васъ ждетъ богатое, блистательное утѣшеніе; оно вознаградитъ васъ за всѣ утраты.... Спѣшите, баронъ, въ замокъ Огау.... Принцесса Кунигунда уже тамъ....

РУДОЛЬФЪ.

Великій Боже!

МАТИЛЬДА.

Я объявила вамъ эту новость, баронъ, только для того, чтобы скорѣе отвязаться отъ вашей ненавистой бесѣды.... Одною боюсь.... Вы подумаете, что ревность извлекла мою глубокую тайну. Нѣтъ, баронъ! Вѣсть объ вашей женитьбѣ—показалась мнѣ радостною вѣстью съ небесъ. Все существо мое возопило съ восторгомъ: Матильда! твой подвигъ совершился, ты — свободна; снимай личину, теперь ты можешь открыто ненавидѣть Рудольфа.

РУДОЛЬФЪ.

Выслушай, Матильда!....

МАТИЛЬДА.

Сказку? Разкажите вашу сказку Маргеритъ; она мнѣ завтра перескажетъ....

(Хочетъ идти.)

РУДОЛЬФЪ.

Ненавидь меня, Матильда, проклинай, но выслушай! Я не такъ виноватъ, какъ тебѣ кажется....

МАТИЛЬДА.

То же говорить про себя и Маргерита; то же и я; во всѣхъ дѣлахъ нашихъ виноватъ третій.... Прощайте, баронъ! Надѣюсь, мы больше не увидимся!...

РУДОЛЬФЪ.

Изъ состраданія, Матильда!...

МАТИЛЬДА.

Изъ состраданія? Извольте, но я требую, чтобы это была ваша послѣдняя просьба.... Рассказывайте, я слушаю....

(Садится.)

РУДОЛЬФЪ.

Боже мой, Боже мой! Она ли это?—Тихая голубка—стала львицей.... Что я скажу ей!... Матильда! Нѣтъ! Напрасно я просилъ, чтобы ты меня выслушала! Никто, ничто не оправдаетъ меня! О, баронъ Огау, Морицъ, отецъ мой! Страшенъ, гибеленъ твой завѣтъ.... Онъ завѣщалъ мнѣ свои богатства и невѣсту.... Если я не женюсь на Кунигундѣ, замокъ, богатство, самое имя Огау перейдетъ къ другому.... Что я долженъ былъ дѣлать, Матильда?...

МАТИЛЬДА.

Любить Кунигунду....

РУДОЛЬФЪ.

Я былъ слишкомъ молодъ; я не любилъ никого....

первая моя любовь была Матильда и этой любви никогда не изменить сердце....

МАТИЛЬДА.

Стыдитесь! Матильда могла любить, хоть и притворно, Рудольфа, свободного юношу; но мужа Кунигунды, владельца замковъ и богатствъ, она и ненавидеть не будетъ. Я отыскала для васъ другое, приличное чувство....

РУДОЛЬФЪ.

Дружбу, Матильда....

МАТИЛЬДА.

Презрѣніе!... Боже мой! Огни! Васъ ищутъ! Несчастная! Я должна еще разъ унизиться передъ этимъ благороднымъ барономъ.... Пусть горе мое останется тайной! Бѣгите! Застанутъ васъ здѣсь.... Молю.... Я онемѣю отъ ужасу!

РУДОЛЬФЪ, убѣгая.

До свиданія, Матильда!

МАТИЛЬДА, упавъ въ кресла.

Рудольфъ, Рудольфъ! Прости на вѣки!...

МАРГЕРИТА.

Она безъ чувствъ! Боже, за что казнишь несчастныхъ! Матильда! Матильда! Проснись, моя Матильда! Она не дышетъ.... Глаза закрылись.... Рука какъ ледъ.... Боже, кого я призову на помощь?....

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТЪ ЖЕ И ГЕРМАННЪ.

ГЕРМАННЪ.

Маргерита! Матильда!

МАРГЕРИТА.

Германнъ!

(Въ совершенномъ ошпеніи остается нѣсколько времени неподвижною. Германнъ съ жаромъ обвиняетъ ее.)

ГЕРМАННЪ, снимая руки жены, радостно смѣется.

Вывало слова, будто утки пьютъ,
Я въ звукахъ купаюсь, что въ морѣ;

Языкѣ и душа и сердце поютъ
 И въ звучномъ и сладостномъ хорѣ;
 Я радость чужую умѣлъ разсказать,
 Я плакалъ чужими слезами.....
 Зачѣмъ же живая стиховъ благодать
 Не движеть моими устами?....
 Зачѣмъ же такъ бьется сердце мое,
 Нѣмѣтъ привѣтное слово?....
 Нѣтъ, горе свое и блаженство свое
 Полнѣе и глубже чужаго.

МАТИЛЬДА, приходя въ себя, шопотомъ.

Боже! Это онъ! Ночь, скрой меня, поглоти меня!

(Садится въ изнеможеніи.)

ГЕРМАННЪ, съ умилениемъ глядитъ на Маргериту.

О! Я счастливъ, блаженъ, веселъ, я позабылъ труды мои и лишенія; время лѣтъ свалилось съ плечъ моихъ. Я тотъ же юноша, какимъ впервые ты увидала меня на улицѣ передъ твоимъ завѣтнымъ окномъ... Помнишь, Маргерита, помнишь?...

МАРГЕРИТА.

Какъ же не помнить!....

ГЕРМАННЪ.

Люди говорили: не на долго эта любовь.... И вотъ сколько лѣтъ уже прошло, а мы будто вчера полюбили другъ друга.... Поцѣлуй меня, Маргерита! Жарче, жарче, душа моя! О! Теперь уже я съ тобою не расстанусь; небо благословило бѣднаго странника. Пѣснями я купилъ себѣ золото, девольство, свободу.... Теперь я уже не слуга чужаго веселія; теперь я господинъ моихъ чувствъ и мыслей. Радуйся, жена. Ты, кажется, не вѣришь моимъ словамъ?...

МАРГЕРИТА.

Вѣрю, Германнъ, вѣрю, но скажи, гдѣ Богъ по-
сламъ тебѣ?...

ГЕРМАННЪ.

Славу?

За пѣсней могучей летаетъ она,
Шумитъ золотыми крылами,
Какъ радугой свѣтомъ вѣнчаетъ пѣвца
И стелетъ ковры подъ ногами;
И зависть, какъ моль, истлѣваетъ предъ ней,
И будто желѣзомъ окованъ
Пѣвецъ, невредимый, смущенныхъ людей
Чаруетъ, чѣмъ самъ очарованъ....

Маргерита, Маргерита, но теперь эти пѣсни будутъ
чисты какъ небо надъ Тиродемъ.... Свѣтъ не будетъ
клеймить моихъ мыслей, налагать подати на мое ду-
шевное богатство.... Много пѣсень хотѣлъ бы я от-
пѣть назадъ, много ложныхъ чувствъ воротить въ эту
грудь и тамъ изжечь ихъ въ чистомъ, священномъ
пламени.

Иная пѣснь съ клеймомъ нужды,
Бродягой, милостыни просить;
Ея постыдные слѣды
Пескомъ забвенія заносить;
Она безъ тѣни мѣръ пройдетъ,
Воспоминаній не оставитъ
Какъ прокаженная умретъ.....
Ее презрѣнiе отравитъ.....

Иная пѣснь съ другимъ клеймомъ,
Съ ошейникомъ позорной лести;
Ту пѣснь казнятъ другимъ стыдомъ —
Огнемъ неумолимой мести;
Отъ смрадныхъ ранъ пѣвецъ умретъ
Но ихъ забвенью не залечитъ.....

Ту пѣснь потомство пролянетъ
Презрѣніе увѣковѣчитъ....

(Шопотомъ.) Маргерита! Много тѣхъ постыдныхъ пѣсень изъ этихъ устъ извлекла нужда... Но (торжественно) лесть—ни одной! Бѣдность мою забыли люди; я самъ позабылъ мою нищету. Теперь я человекъ; ахъ, какъ сладостны эти минуты свиданія! Не упрекай меня, Маргерита! Полно! полно! Я уже опомнился! Я снова семьянинъ, но веселый, довольный.... Знаешь, Маргерита! Мнѣ совѣстно даже оглянуться, страшно увидѣть развалины той темницы, куда мой жребій заперъ васъ на три года.... Но я все исправлю, клянусь, я постараюсь вознаградить васъ за всѣ лишенія.... Гдѣ твоя сострадалица, гдѣ Матильда?....

МАТИЛЬДА.

Здѣсь!....

МАРГЕРИТА.

Великій Боже! Она больна, Германнъ!....

ГЕРМАННЪ.

Больна? Маргерита! Не поздно ли пришелъ врачъ?... Нищета довела ее до смертельнаго недуга.... Юность, юность! Мало силъ у тебя для страданій....

Утро одно — роза цвѣтеть;

Утро пришло — солнце не встало;

Буря гремитъ, вѣтеръ реветъ.....

Утро прошло — розы не стало.....

Маргерита! Она не знала ни одного счастливаго дня; ей неначто было и улыбнуться; нищую — ее не допускали сверстницы къ играмъ; нищую, — ей не давали лакомства; кусокъ хлѣба.... на, только не умри — и уходи; видомъ своимъ не возмущай людскаго веселія... Маргерита, а плакала она много?.... Стало у нея слезъ....

МАРГЕРИТА.

Бѣдный Германнъ!....

Т. LXVII. — Отд. I.

ГЕРМАННЪ.

Понимаю, понимаю! Маргерита! Еще одинъ вопро-
съ... Не разслушала ты въ тайномъ ропотѣ, въ
стонахъ страданія—моего имени?... Не проклинала...
она... отца?...

МАРГЕРИТА.

О, нѣтъ! никогда! Съ молитвой за тебя она встрѣ-
чала и провожала солнце...

ГЕРМАННЪ, бѣжитъ къ ней.

Матильда, дочь моя...

(Матильда падаетъ на колѣни. Германнъ въ ужасѣ останавлива-
ется.)

ГЕРМАННЪ.

Боже, да умереть ропотъ на грѣшныхъ устахъ....
Нѣтъ! Ты благъ; Ты милосердъ; я спасу тебя, Матиль-
да, я изжену недугъ твой....

МАТИЛЬДА, упавъ безъ чувствъ.

Не можешь!...

ГЕРМАННЪ.

Огню, огню!.... Тамъ прежде всегда передъ ликомъ
святымъ теплилась....

(Убѣгаетъ.)

МАРГЕРИТА, припадъ къ Матильдѣ.

Дочь моя, спаси несчастную!... Скрой нашу тайну;
Богъ все устроитъ.... Матильда!....

МАТИЛЬДА, подымаясь.

Маргерита! Пусть только Богъ проститъ насъ!

ГЕРМАННЪ, вбѣгаетъ съ свѣтильни-
комъ.

Что? Очнулась? Ей лучше?....

(Оглядывается и въ ужасѣ останавливается.)

Гал!... Что?... Гдѣ я? Я не ослѣпъ, не силенъ!...

(Подымая свѣтильникъ вверхъ.)

Небесныхъ звѣздъ свѣозъ кровлю ужъ не видно;
Въ цвѣтныхъ стекла смотрится луна;

Вездѣ цвѣты, ужъ нѣтъ сырой соломы;
Какъ войны, торчатъ рѣзныя стулья....
Остатки пиру на столѣ!!...

(Медленно приближается къ Маргеритѣ.)

Жена!

На милостыню этого не купишь.....

(Освѣщаетъ ее съ возрастающимъ ужасомъ.)

Одѣта, будто гостя городская!

(Съ трепетомъ прикасаясь къ ея одеждѣ.)

На плечахъ лентъ, на платьи шелкъ шумитъ;
Жжетъ, больно жжетъ!... А въ праздничномъ нарядѣ
Сама мертва, какъ грѣшница предъ казнию.....
Преступные глаза замкнула совѣсть.....
Страхъ мести оковалъ твои уста.....

(Схвативъ ее за руку.)

Напрасно, Маргерита! Признавайся!....

Я тайну изъ души съ душою вырву!....

Чело горитъ стыдомъ, какъ-будто въ язвахъ.....

Все существо мое, что въ пыткѣ, стонетъ

Вся кровь, что море подъ бичомъ грозы.....

Въ разбитомъ сердцѣ — какъ въ пустой пещерѣ,

Единый голосъ слышу: Мести! Мести!....

МАРГЕРИТА.

Умилосердись, Германнъ.....

ГЕРМАННЪ.

Признавайся!

МАРГЕРИТА.

Но ты какъ волкъ! Я словъ моихъ боюсь!

Пустое слово разрѣшитъ грозу,

Что на меня въ душѣ твоей собралась....

ГЕРМАННЪ.

Молчу..... Молчу.....

МАРГЕРИТА.

Ты, Германнъ, бросаешь насъ!....

(Германнъ вздрогнулъ.)

Ты нашу жизнь сдалъ случаю въ опеку.....
 Слухъ о тебѣ не доходилъ до насъ.....
 Мы жили..... Нѣтъ, не жили..... прозябали;
 Насъ дождь поилъ, насъ грѣлъ морозъ; нашъ сонъ
 Ласкала буря и громовъ раскаты,
 Осенній листь служилъ намъ вмѣсто шубы.....
 Мы умирали ежедневной смертью;
 Мы за тебя молились, а уста
 Отъ стужи злой съ молитвой цѣпенѣли.....

(Германнъ одной рукой зкрывъ глаза, подаетъ знакъ,
 чтобы Маргерита перестала.)

Былъ теплый день! Какъ тѣнь, моя Матильда,
 Полу-нагая поплелась къ часовнѣ.....
 Я умираю съ-голоду.....

ГЕРМАННЪ.

Довольно!

Преступникъ—я! Нужды тяжелый гнетъ
 Я наложилъ на нѣжное созданье.....
 Ты не снесла, ты не могла снести!....
 Твой грѣхъ на мнѣ: пусть будетъ казнь на мнѣ!

Я черные кудри посыплю золой,
 Пойду въ власяницѣ, босыми ногами,
 Ни слова не вымолвлю, будто нѣмой
 Кормиться я буду моими слезами,
 Подушкой мнѣ будетъ колючій упрекъ,
 А сномъ—лихорадка страданья.....
 Быть-можетъ, помилуетъ грѣшника Богъ
 Подъ тяжкимъ крестомъ покаянья!....

Прощайте! Маргерита, ты вдова!
 Ты обо мнѣ ужъ больше не услышишь!
 На! Золото, добычу сладкихъ пѣсень...
 Послѣднихъ пѣсень..... Пѣсни, пѣсни, пѣсни!!

(Рыдаетъ.)

Какъ-будто на сердцѣ живой водопадъ!
 Немолчно отрадныя пѣсни гремятъ.....
 И день или ночь на святыхъ небесахъ,
 А дума не дремлетъ..... Въ блестящихъ стихахъ,
 Что въ пѣнѣ жемчужной, съ надзвѣдныхъ высотъ
 Высокая мысль или чувство падеть.....
 Не сносить богатства убогій пѣвецъ
 И дѣлить сокровища на сто сердецъ.....
 Но онъ не изсякнетъ, живой водопадъ;
 Отрадныя пѣсни немолчно гремятъ.....
 Вы, ласточки сердца, вы, духа орлы,
 Цвѣтущей любви золотые цвѣты,
 Вы, Божія ласка, вы, милость Творца....
 Изъ пѣсень тѣхъ звучныхъ душа у пѣвца.....

Простите! На вѣки! Ужъ васъ, не пѣвецъ,
 Устами льдяными цѣлуетъ мертвецъ!....

МАРГЕРИТА.

Опомнись, Германнъ!

ГЕРМАННЪ.

Не хочу! Мнѣ горько,
 Но въ этой горечи есть медъ небесный.....
 Уйдите! Дайте мнѣ васъ не увидѣть,
 Не вспомнить, что жена мнѣ измѣнила,
 Что я имѣлъ, что я любилъ жену.....

МАТИЛЬДА.

Родитель!

ГЕРМАННЪ.

Боже! Это кто! Чей это голосъ?....

МАТИЛЬДА.

Достояна я забвенья твоего,
 Достояна я отцовскаго проклятья.

ГЕРМАННЪ.

Проклятья?!

МАТИЛЬДА.

Да, не Маргерита, я.....

ГЕРМАННЪ.

Что, ты?

МАТИЛЬДА.

Довѣрчивость—моя вина.....

МАРГЕРИТА.

Онъ обѣщаль жениться на Матильдѣ.....

МАТИЛЬДА.

День свадьбы назначаль.....

МАРГЕРИТА.

Своей супругой

Предъ людьми онъ называль Матильду.....

ГЕРМАННЪ.

Кто онъ?

МАТИЛЬДА.

Рудольфъ.

МАРГЕРИТА.

Баронъ Огау.....

ГЕРМАННЪ.

Огау!

Скорѣй, скорѣй рассказывайте повѣсть,

Сосчитаны часы его свободы;

Предъ Богомъ сочѣтаютъ ихъ, а люди

Не разрѣшатъ священнаго союза.....

Скорѣй, скорѣй..... Коварный соблазнитель,

Онъ вашу нищету благословляль,

Онъ бѣдностью несчастныхъ любовался,

На нищихъ счетъ отрадно пироваль.....

Но, конченъ пиръ! Рудольфъ, ступай къ расчету;

Цѣна известна..... Честь твою, баронъ,

Сорву и растопчу въ куски какъ стлянку

Не пѣсни, нѣтъ, Рудольфъ, широкій ножъ

Вслѣдъ за стихомъ, какъ молнія блеснетъ.....
Я какъ животное тебя зарѣжу,....

(Схвативъ за руку Матильду и Маргариту.)

Пойдемъ!

МАТИЛЬДА.

Родитель!

ГЕРМАННЪ.

Мести, мести, мести!

Въ небесный громъ я слово облеку,
Могучими, горящими стихами,
Честь растерзаю, совѣсть обожгу,
И этими безкровными руками
Грудь разорву, гдѣ спрятанъ стыдъ отца,
Гдѣ милой дочери безчестіе таятся.....
И теплый трупъ презрѣннаго врага
Германіи проклятемъ задымится!
И смерть твою далече разнесутъ
О подвигъ моемъ некупленные вѣсти;
Скорѣй, скорѣй, часы летать; зовутъ —
На ниръ отрадный.....

(Схвативъ и унося на рукахъ Матильду.)

Мести! Мести! Мести!

=

АКТЪ ВТОРОЙ.

Главная зала въ замкѣ Огау. Приготовлены мѣста для герцогской фамилии.—Вечеръ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ПИЛЬНАДОРЪ И КАСТЕЛЯНЪ.

КАСТЕЛЯНЪ.

Нѣтъ нигдѣ! На охоту одинъ не пойдетъ! Гулять не время! Сосѣдей тутъ такихъ нѣтъ...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Да есть сосѣдки....

КАСТЕЛЯНЪ.

Что ты глупости врешь!—Сосѣдки у всякаго барона есть. Нельзя безъ сосѣдокъ. Женится по баронству, и какъ тамъ по уму-разуму приходится; ну, и жена—баронесса; а любить по-сердцу. А у большихъ людей и сердце большое....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Видно, и я большой человекъ... Страхъ люблю хорошихъ, всѣхъ, всѣхъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ; на всѣхъ бы женился....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТЪ ЖЕ И ШПИРЦПРУНГЪ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Безпорядокъ! Ужасный безпорядокъ! Ни на одной бочкѣ не написано котораго году! Погребъ безъ хронологіи! Не слыхано, не видано! Я долженъ былъ отвѣдывать всѣ бочки! Языкомъ опредѣлять возрастъ винъ; а есть превосходныя! Какой ароматъ! Будто цветникъ въ бочкѣ.... Рай, просто рай! Если бы въ перспективѣ не было пиру,—я остался бы тамъ.... Но, кастелянъ, еще безпорядокъ! На кухнѣ я нашелъ только оленину; я приказалъ убить быка, десять барашковъ, сотню кормленныхъ куръ, но вѣдь все это такъ ordinarily! Бога вы не боитесь! Никакой дичи! Что герцогъ подумаетъ о нашей области!

КАСТЕЛЯНЪ.

Но, господинъ баронъ!....

БАРОНЪ.

Полно, не оправдывайся! Я принялъ уже мѣры! Дичь будетъ! Черезъ часъ вся моя кухня будетъ здѣсь къ услугамъ моего благороднаго сосѣда... Но гдѣ скороходы, гдѣ факелоносцы, трубачи?.... Подумайте, что вы встрѣчаете не какого-нибудь пильгрима, а держав-

наго герцога Баваріи и Тироля, вашего государя.....
 Безпорядокъ, безпорядокъ, ужасный безпорядокъ!....
 Постоите, кастелянъ! Я уже распорядился! Но пошлите на башни людей, прикажите зажечь маяки; надъ воротами поставьте смоляныя бочки; на главномъ дворѣ доски.... Ну, скорѣе, скорѣе.... Я только сбѣгаю на кухню!....

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

Пильпадоръ, одинъ.

Можно подумать, что не баронъ Огау, а баронъ Шпирцпругъ женится на Кунигундъ.... Вотъ, поди! Какихъ людей на свѣтъ нѣтъ! Ему до всѣхъ дѣло, кромѣ себя... А бѣдный мой братецъ, если не ошибаюсь, ушелъ, спрятался отъ своего счастья! Тоже странно и съ этой стороны посмотрѣть на человѣка. Женится по завѣщанію, не по своей воли; подай ему красавицу что краше всѣхъ красавицъ вмѣстѣ... Не нравится..... Право, глупо, что у меня не было такого умнаго отца! Мой старикъ не оставилъ ни какого завѣщанія; умеръ прескверно, въ конюшнѣ; когда его хоронили, я горько плакалъ, потому что онъ не оставилъ ровно ничего, даже завѣщанія. Конюхъ Антопъ сказалъ: полно плакать, не поможешь, лучше смѣйся. Я и давай смѣяться... Спасибо Антону! Куда ни повернусь, смѣшно. Вотъ на примѣръ....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пильпадоръ и Рудольфъ, въ задумчивости.

Пильпадоръ.

Братецъ Рудольфъ! Братецъ Рудольфъ! Куда ты запропалъ! Ъдутъ, ѡдутъ! Я ихъ видѣлъ! Часу не пройдетъ....

Рудольфъ.

Часу не пройдетъ, и судьба моя совершится! Нѣтъ, Матильда..... Ты меня не поняла! Безъ тебя, я умру

въ блескъ славы и могущества! Да! Для тебя я цѣлительную жертвную честию принадлежать къ высокому владѣтельному дому Альберта! Онъ справедливъ, великій столбъ Германіи! Онъ уничтожитъ безумный заветъ своего друга! Онъ не захочетъ.....

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ ШПИЦПРУНГЪ, ведетъ музыкантовъ на возвышеніе.

ШПИЦПРУНГЪ.

Сюда, сюда! Смотрите, не ошибитесь, не примите какого-нибудь расшитаго въ золото шута за герцога. Онъ одѣтъ какъ я; онъ будетъ вести за руку красавицу, будущую вашу баронессу.....

РУДОЛЬФЪ.

Никогда, никогда.

ШПИЦПРУНГЪ.

А, вы ужъ здѣсь! Сдѣлайте милость, не мѣшайтесь не въ свое дѣло! Вы не знаете чего мнѣ стоило привести весь этотъ хаосъ въ гармонію! Пильпадоръ, что жъ ты стоишь! Поддай барону цѣпь, мечъ и парадную шляпу. Ухъ, усталъ. Изъ силъ выбился! Постоите! Постоите! У васъ маншеты поизмялись.... Вотъ такъ!... Ну, теперь цѣпь!... Хорошо! Теперь мечъ,.. Прекрасно!—Надѣвайте шляпу!... Слава Богу, все въ порядкъ... Только въ такой огромной залѣ пусто.... Герцогъ можетъ обидѣться... Будущая баронесса оскорбится... Постоите! Постоите!

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

РУДОЛЬФЪ И ПИЛЬПАДОРЪ.

РУДОЛЬФЪ.

Будущая баронесса! Нѣтъ! Я брошусь въ ноги Альберту; я расскажу ему душу свою, какъ исповѣднику....

ПИЛЬЦАДОРЪ.

При всѣхъ! Послушайся, братецъ, моего дурацкаго разсужденія! То что наединѣ принимаютъ за ласковое слово, при другихъ считаютъ грубостью. Что же ты, барониска, закричитъ герцогъ: изволишь брезгать моёй племянницей! Вотъ я тебя! А эти большіе господа умѣютъ такъ брови насупить, что со страху на двухъ племянницахъ женишься.

РУДОЛЬФЪ.

Но если сердце мое....

ПИЛЬЦАДОРЪ.

Станетъ онъ спрашиваться твоего сердца; пошелъ, женись; а не хочешь, такъ вонъ изъ замковъ и помѣстьевъ; у меня жениховъ много; вонъ баронъ Людовикъ Эммерсъ, такъ за Кунигундой и ухаживаетъ; и та на него кошкой поглядываетъ; на, тебѣ, Людовикъ, Кунигунду; на, тебѣ и замки и помѣстья Огау! Такъ было угодно старому моему другу.... А этого долой со двора, а за безчестье послѣ взыщу.... И взыщеть!

РУДОЛЬФЪ.

Такъ! И нищій я уже не буду въ силахъ устроить ея счастья!

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

ТѢ ЖЕ И ШПИРЦПРУНГЪ, съ толпой сельскихъ дѣвушекъ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вотъ сюда! За рѣшетку!... Только стоять смирно! Не горланить; руками не размахивать; помнить, что вы не вѣтряныя мельницы, а гости въ замкъ Огау. Которыя по-чище одѣты, впередъ; хорошенькія тоже впередъ... О-го! Всѣ впередъ лѣзутъ; а у иной рожа—прости Господи! Пойдите, пойдите, на ковры не ступайте! Нынче грязное время!... Какъ-только герцогъ на порогъ, вы всѣ вотъ такъ и присядьте (*присядаетъ*) и кричите: да здравствуетъ Альбертъ Великій!...

ДѢВУШКИ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Молчите! Молчите! Ну, а потомъ: Да здравствуетъ
Кунигунда, мать и надежда наша!

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ТЪ ЖЕ И КАСТЕЛЯНЪ.

КАСТЕЛЯНЪ.

Блудтъ!

В С ъ.

Блудтъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Постойте! Постойте! Факелы впередъ!.. Скороходы...
Ну, баронъ, теперь вы! Теперь я! Ты, дуракъ, отстань
на пол-мили.... Маршъ!

РУДОЛЬФЪ.

Нѣтъ! Я не могу! Душа моя смущена, сердце бьетъ-
ся.... Матильда! Матильда!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вы ошибаетесь, баронъ: не Матильда, а Кунигунда!
Боже васъ сохрани, такъ ошибиться передъ герцо-
гомъ.... Впередъ!...*(На дворъ.)*

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Браво! Это мой повара и конюхи! Молодцы! Ну, те-
перь наша очередь! Кастелянъ! отворяй двери! *(На пути
Рудольфу.)* Больше важности, баронъ! Голову вверхъ...
Эй, вы, трубачи! Дѣвушки!.. Глядите, не прозывайте!...
(Проходя мимо публики торжественно.) А ? что?
Каково?....

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

*(Изъ другихъ дверей Германнъ-тащить за руку Маргериту и
Матильду.)*

ГЕРМАННЪ.

Ушли! Сюда! Спрячьтесь за этихъ поселянокъ! А я,
какъ левъ, лягу на аренъ....

Безчестье—проказа на честномъ челѣ;
 Но кровью проказу смываютъ,
 И кто отомстить, то на бѣдной землѣ
 Того ужъ честнымъ величаютъ;
 А горе, а слезы, а подвигъ грѣха!
 Ихъ черная кровь не воротить!
 Толпа рукоплещетъ, но та же толпа
 Отмщенной презрѣньемъ заплатитъ.
 И смерть соблазнителя сказкой пройдетъ
 А дѣву замучитъ злословье....
 Умрешь, но насмѣшка съ тобой не умреть,
 А ляжетъ въ гробу въ изголовье....
 И злобѣ въ потѣху ночью порой
 Твой трупъ изъ могилы подыметъ,
 Натѣшится злоба и дерзкой рукой
 Въ позорную яму закинетъ....

(Поблѣднѣвъ.)

Я слышалъ: когда-то Римлянинъ былъ
 И дочь у него соблазнитель взялъ силой....
 Чтò жъ!

(Оглядывается.)

Римлянинъ прежде....

(Шопотомъ.)

Дѣву.... убилъ....

(Трепеща и закрывая лицо руками.)

Спаси меня, Богъ, и помилуй!

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТѢ ЖЕ, ФАКЕЛОНОСЦЫ, СКОРОХОДЫ, ПАЖИ, БАРОНЫ, БАРО-
 НЕССЫ, БАРОНЪ ШПИРЦПРУНГЪ, БАРОНЪ ОГАУ, ПАЖИ И
 АЛЬБЕРТЬ, ведетъ за руку Кунигунду; ПАЖИ, ВОЙСКО.

ШПИРЦПРУНГЪ, показывая руками тру-
 бачамъ.

Ну, разомъ!

(Трубы.—Подбѣгая къ поселянамъ.)

Ну-ка, ну-ка, тоже вмѣстѣ, складно и ладно! Разъ,
 два, три!

ПОСЕЛЯНЕ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!...

ШПИРЦПРУНГЪ, хватая за руки Рудольфа и Германна.

Ну, теперь на колѣна, какъ прилично честнымъ и знатымъ вассаламъ....

(Всѣ бароны становятся на колѣна, баронессы преклоняются.)

АЛЬБЕРТЪ.

Миръ дому благороднаго друга моего! Баронъ Морицъ! Тѣнь твоя между нами! Ты слышишь, ты видишь, какъ свято исполняю обѣтъ мой. Да возрадуются благородныя кости твои. Встаньте, благородныя бароны Тироля!

(Всѣ встаютъ.)

Недавно воля священнаго Имперскаго Сейма поручила мнѣ судьбу вашей страны! Я желаю и желаю одного—мира! Подъ бурей и крѣпкой дубъ расти не можетъ; но въ тиши достигаетъ небесъ и широкими вѣтвями бросаетъ благотворную тѣнь на цѣлую область. Приятно сердцу моему, что въ наше печальное время, на всемъ пространствѣ моего электората, пламени войны погасъ, кровь не льется; миръ цвѣтетъ и обѣщаетъ богатые плоды....

Баронъ Рудольфъ! Передъ твоими сосѣдями и баронами Тироля объявляю, что я избралъ тебя супругомъ племянницы моей, Кунигундъ, баронессъ Трентской! Отецъ твой спасъ жизнь мнѣ, когда мы съ нимъ сражались противъ Оттомановъ въ Венгрии.... Тогда еще и тебя и Кунигунду носили въ пеленкахъ; мы дали другъ другу слово устроить ваше счастье! Замокъ моего друга, гдѣ совершился обѣтъ, я избралъ мѣстомъ ~~женихства~~ ~~женихства~~ вѣли нашей! Я здѣсь съ Кунигундой, со всѣмъ дворомъ моимъ!... Почтимъ прахъ Морница над-

гробнымъ пѣніемъ и приступимъ къ свадьбѣ.... А пока познакомъ меня съ моими благородными вассалами....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ваша свѣтлость, высокомогущій герцогъ баварскіи, электоръ римской имперіи, господинъ Тироля и многихъ другихъ странъ верховный властитель! Простите замѣшательству моего друга! Я никогда не теряю присутствія духа, но если бы на меня ниспало такое счастье, не ручаюсь, я смѣтился бы, онѣмьля бы отъ радости,—что случилось и съ моимъ другомъ; поручилъ бы другому исполнить долгъ хозяина,—что мой другъ и сдѣлалъ. Въ силу и слѣдствіе того имѣю счастье начать съ себя и представить въ особѣ моей барона Кристофа, Герменегильда, Марию, Каетана Шпирцпрунга, потомука многихъ знаменитыхъ и славныхъ предковъ....

АЛЬВЕРТЪ, съ улыбкой.

Радъ вашему знакомству.... Въ какихъ походахъ бывали?...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Въ разныхъ; ваша свѣтлость, но по миролюбивому характеру оставилъ военное поприще; стараюсь ободрять мирныя и полезныя занятія; въ-особенности покровительствую винодѣлію; и могу увѣрить вашу свѣтлость, что нѣкоторые сорта уже соперничаютъ съ винами рейнскаго электората....

АЛЬВЕРТЪ.

Примите мою признательность, баронъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я совершенно счастливъ вниманіемъ вашей свѣтлости.... Теперь позвольте представить барона.... (*Взявъ за руку Германа.*) Какъ васъ зовутъ? Подсказывайте проворнѣе....

ГЕРМАННЪ.

Германномъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Барона Германна....

АЛЬБЕРТЪ, ласково:

Ну, этого барона я знаю. Здравствуй, Германнъ!
 Чтò, видѣлъ своихъ?...

ГЕРМАННЪ.

Видѣлъ!...

АЛЬБЕРТЪ.

Обрадовались?...

ГЕРМАННЪ.

Чуть не до-смерти....

АЛЬБЕРТЪ.

Однако же хотя съ трудомъ отпустили. Я не надѣялся тебя здѣсь видѣть.... Мы разстались, кажется, на всегда. Признаюсь, Германнъ, я скучалъ безъ тебя; Минезингеры мои не по моему вкусу.... Любовь, да любовь! Соблазнители, да измѣнники....

ГЕРМАННЪ.

Да! Ихъ много, великій государь! Они ходятъ толпами по вашимъ коврамъ, посягаютъ на родство съ вами, и скрываютъ свои подвиги подъ золотыми покрывами....

АЛЬБЕРТЪ.

Германнъ! Чтò съ тобой!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Чтò съ вами, баронъ!!!...

ГЕРМАННЪ.

Арфу! Арфу! Арфу!...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Подайте арфу благородному барону!... Неудобно ли вашей свѣтлости занять мѣсто?... Сидя лучше слушать....

АЛЬВЕРТЬ, подводя Кунигунду.

Рудольфъ, теперь уже ты долженъ быть опорой Кунигундъ... Мой долгъ—конченъ....

РУДОЛЬФЪ, въ замѣшательствѣ.

О! Я счастливъ.... Полнота моего счастья....

(Садятся.)

ГЕРМАННЪ, про себя.

Достигла края!... Я опрокину чашу твоего блаженства....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вотъ вамъ почетный табуретъ, вотъ сладковзвучная арфа.... По-настоящему, надобно бы добрую чару вина пропустить предварительно, для очистки голоса.... А? какъ вы думаете, баронъ?...

(Германнъ не слушая его, начинаетъ наигрывать на арфѣ и какъ-будто что-то припоминаеть.)

ШПИРЦПРУНГЪ.

Онъ не о томъ думаетъ.... Чудаки! Будто безъ вина можно выдумать что-нибудь порядочное.... Увидите, понесетъ гиль....

(Германнъ играетъ сильнѣе и сильнѣе, но послѣ рѣзкаго аккорда, останавливается; оставивъ арфу, восторженнѣе, медленно выходитъ впередъ.)

БАЛЛАДА.

Ударили въ колоколъ; въ церковь зовутъ;

Печалью одѣлась столица;

Властителя Чеховъ въ могилу несутъ....

Но гдѣ жъ королева-вдовица?

Но гдѣ же младенецъ, богемскій король?...

Ихъ ночью изъ замка украли

И будто злодѣевъ въ далекій Тироль

Подъ стражей тайкомъ отослали.

Заплакали Чехи.... и стали искать

Себѣ короля межъ чужими....

Т. LXVII. — Отд. I.

1/4

Достойному мужу рѣшили отдать
 Корону съ дарами святыми.
 Ихъ выборъ одобрилъ имперскій соборъ;
 Весь свѣтъ освятилъ ихъ рѣшенье....
 Съ короной послы привезли приговоръ
 И чешской земли приношенья....

Онъ принялъ дары, приговоръ цѣловалъ
 И къ сердцу прижалъ онъ корону.
 «Не мнѣ и не вамъ!» онъ Богемцамъ сказалъ:
 «Вѣнецъ отдадимъ по закону.
 «И въ ссылкѣ—у васъ есть законный король;
 «Мнѣ въ тягость чужая держава....»
 И залилъ онъ войскомъ гористый Тироль,
 Изъ плѣну исторгъ Владислава.

Спокойно младенца возвелъ онъ на тронъ;
 И подвигу свѣтъ изумился....
 И снова надъ миромъ священный законъ
 Альберта рукой воцарился....

всѣ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ГЕРМАННЪ.

Да здравствуетъ вѣки, кто право другихъ,
 Какъ право свое уважаетъ;
 Кто слабыхъ и добрыхъ отъ сильныхъ и злыхъ
 Сѣкирой суда защищаетъ!
 Кто чтить справедливость, какъ благо земли!
 Кто подданнымъ дѣлать равно свой судъ царскій!
 Пошли ему, Господи, долгіе дни!
 Да здравствуетъ Альбертъ Баварскій!

всѣ.

Да здравствуетъ! Да здравствуетъ!

АЛЬБЕРТЪ, привстаѣ.

Друзья мои и дѣти! Первый разъ слышу отъ Германна льстивые стихи, но, признаюсь, желалъ бы ихъ обратить въ истину.... Справедливость принадлежитъ только Богу....

ГЕРМАННЪ.

И королямъ!

Справедливый Альбертъ,
Вызываю тебя
На праведный судъ,
На тяжбу святую....

АЛЬБЕРТЪ.

Что это значить, Германнъ?...

ВАРОНЫ.

Не мѣсто! Не мѣсто!....

ГЕРМАННЪ.

Чужія страсти и страданья
Я вамъ рассказывалъ въ стихахъ.
И жадно, въ трепетномъ молчаньи
Вы мнѣ внимали на пирахъ.
За что жъ теперь своей печали
Не смѣетъ высказать пѣвецъ!...
Нѣтъ, пѣснь, что честь и месть слагади
Поетъ обиженный отецъ.

И слеза въ глазахъ
И жаръ на устахъ
И дыбомъ подъѣмлетъ волосъ,

И стыдъ на душѣ
И сердце въ огнѣ,
И рвется какъ нитка мой голосъ.

О, какъ разсказать
 Въ словахъ передать
 Всѣхъ чувствъ неисходную пытку!...

Изъ молвій, изъ аду,
 Изъ пламени аду
 Я пѣсню послѣднюю вытку....
 (Въ сильной внутренней борьбѣ.)

Ахъ!

Скорѣе, скорѣе, желѣзо въ ножнахъ
 Какъ-будто живое зардѣлось
 И руки зудятъ, а въ горящихъ устахъ
 Смерть крови чужой захотѣлось....

(Выглянуть на Рудольфа, быстро подходить къ нему и взять
 за руку, выводить его на передъ-сцену... Всѣ встаютъ и окру-
 жаютъ ихъ.)

АЛЬБЕРТЬ.

Опомнись, Германнъ!

РУДОЛЬФЪ.

Чего ты отъ меня хочешь, немстовый!

ГЕРМАННЪ.

Я тигръ—ты змѣя! Ты готовься, баронъ!
 Бой будетъ свирѣпъ, но не равенъ....
 Смирный пѣвецъ, я стыдомъ опаленъ,
 Барономъ Огау обезславленъ!...

РУДОЛЬФЪ.

Что съ тобой! Я тебя вижу первый разъ въ жизни!

АЛЬБЕРТЬ.

Успокойся, Германнъ! Объясни!

ГЕРМАННЪ.

Онъ мой! Никому я змѣи не отдамъ;
 Ножомъ у измѣнника сердце добуду,

И дочери бѣдной то сердце продамъ....
И дочь и змѣю позабуду....

МАТИЛЬДА, вырывается изъ рукъ матери, бѣжитъ и схвативъ отца за руку, падаетъ на колѣни.

Германнъ, Германнъ, не убивай его! Я ему прощаю!

РУДОЛЬФЪ, закрывъ руками глаза.

Боже Великій! Отецъ Матильды....

(Германнъ указываетъ на Матильду; общее изумленіе и молчаніе.)

ГЕРМАННЪ.

Узналъ! И не бьетъ лихорадка стыда
Къ злодѣйству привыкшую совѣсть?!...
Отбрось же притворство; гляди ей въ глаза;
Дослушай кровавую повѣсть....
Я слышалъ, когда-то Римлянинъ былъ
И дочь у него соблазнитель взялъ силой,
Что жъ?... Римлянинъ прежде Матильду убилъ....

(Вынимаетъ ножъ.)

всѣ, въ ужасѣ.

Спаси насъ Господь и помилуй!...

РУДОЛЬФЪ, схвативъ его за руку.

Германнъ! Пощади! Она невинна!

ГЕРМАННЪ.

Знаю!

РУДОЛЬФЪ.

Я не могъ исполнить безумнаго, неосторожнаго обѣта. Я, я одинъ преступникъ... О, и я знаю, что ей на долю остается....

ГЕРМАННЪ.

Смерть!

РУДОЛЬФЪ.

Мою, мою жизнь возьми, Германнъ!

АЛЬБЕРТЬ.

Умолкните, вассалы! Я ванцъ государь и судья! Баронъ Рудольфъ, судьба поставила тебя между сыновнимъ послушаніемъ и любовью, между страхомъ или потерять мою милость и богатства—или любимую женщину.... Баронъ Огау! Мы дали съ Моризою другъ другу слову устроить ваше счастье.... Кунигунда не будетъ препятствовать твоему... и возвращаетъ данное тебѣ слово....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Какъ? Что? А?... А свадебный пиръ?... А вина, установленныя въ порядкѣ лѣтъ и достоинства, будто на лѣстницѣ.... Ваша свѣтлость... А завѣщаніе?

АЛЬБЕРТЬ.

Я за все и за всѣхъ отвѣчу Моризу! Мое дѣло устроить дѣйствительное и прочное счастье его сына! Бароны и вассалы, поздравьте (*беретъ за руку Матильду*) здѣшнюю баронессу и властительницу трубными звуками и радостными восклицаніями....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Трубы! Трубы! Пиръ будетъ! Громче! Громче!

РУДОЛЬФЪ.

Государь и отецъ! Я не достоинъ ни такой милости, ни Матильды....

ГЕРМАННЪ, оторопѣлый, начинаетъ тихо.

Вы слышали..... Буря неслась въ небесахъ;
Перуны грудь міра огнемъ раздирали;
И рушились дубы; въ кровавыхъ волнахъ
Несчастныя жертвы уже утопали....

Но онъ захватилъ насъ державной рукою
И на берегъ твердый поставилъ,
И правду святую предъ цѣлою землею
Онъ подвигомъ новымъ прославилъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Честный Германнъ! Мы оба только исполнили долгъ
нашъ... Благослови дѣтей!...

ГЕРМАННЪ.

Дѣти! У меня опять есть дѣти! Я опять женатъ. Мар-
герита, Матильда, Рудольфъ, сюда, сюда!

(Обнимаются.)

АЛЬБЕРТЬ.

Кунигунда! Счастіе Рудольфа упрочено! Надо поза-
ботиться и о твоёмъ! Мнѣ известна склонность твоя къ
Людовику. Баронъ Эммерсъ! Ты также сынъ моего до-
браго вассала и друга. Твоему прекрасному сердцу по-
ручаю судьбу любимой племянницы.

(Баронъ Эммерсъ и Кунигунда изъявляютъ радость и призна-
тельность.)

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ваша свѣтлость! И я счастливъ, я вполне счастливъ:
два пира вдругъ! Это весьма полезно для успѣховъ ви-
нодѣлія.... Но я не знаю, какъ это будетъ. Мы гото-
вились только къ одной свадьбѣ... Пойдите, посто-
йте!... Я сбѣгаю....

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ШПИРЦПРУНГА.

АЛЬБЕРТЬ.

Германнъ, у насъ съ тобою сегодня двойная радость!
За добрымъ пиромъ ты почтишь ее доброй пѣсней!

ГЕРМАННЪ.

Единую пѣснь я въ душѣ заключилъ;

Клянуся, другой тамъ не будетъ;
Ту пѣснь ты дѣлами своими сложилъ
И время тѣхъ дѣлъ не забудеть;
Стихи вѣковые въ вѣкахъ не умрутъ—
Ихъ поздній потомокъ услышитъ....
 Ту пѣсню народы Альберта поютъ
А дѣтопись золотомъ пишетъ....

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

=

БЫЛЬ НЕ БЫЛЬ И НЕ СКАЗКА.

=

I.

Н А Ч А Л О.

— Бросьте ее въ болото, вашу Анну Ивановну, съ ея дѣломъ совсѣмъ, любезнѣйшій Федоръ Ивановичъ!

— Дѣльцо-то интересное, Павелъ Марковичъ.....

— Повѣрите ли, что оно мнѣ и вотъ тутъ сидитъ и вотъ тутъ стадо и вотъ этакая голова!....

При этомъ Павелъ Марковичъ сначала показалъ рукою на свою грудь, послѣ на горло и, наконецъ, поднялъ обѣ руки надъ головою, будто несъ что-то очень тяжелое на головѣ.

— Ваша правда, замѣтилъ Федоръ Ивановичъ: а всё-таки надобно же что-нибудь говорить, знаете, такъ, для провожденія времени.....

— Это правда, а знаете ли что я думаю?...

— Не знаю, Павелъ Марковичъ.

— Пойдемъ-ка слушать соловья.

— Пожалуй пойдемъ. У васъ, говорятъ, отличный соловей.

Т. LXVII. — Отд. I.

5

— Восхитительный!.... А вы слышали о моемъ соловьѣ?.... Развѣ говорятъ о немъ?

— Какъ же! Сегодня мы съ часикъ убили времени, въ почтовой конторѣ, говоря о разныхъ птицахъ..... Почтмейстеръ не нахвалится вашимъ соловьемъ. Это, говорить, просто второй Паганини.... Знаете, изъ газетъ вычиталъ.

— Тѣ-то онъ, каждый вечеръ, этакъ попозднѣе ходитъ мимо моего саду съ тросточкою; а я уже подумывалъ и то и другое: человѣкъ, думаю, молодой, овдовѣлъ недавно, а у меня дворня порядочная, при женѣ дѣвушки этакъ и въ гребенкахъ ходить и въ фартучкахъ....

— Э! нѣтъ, почтмейстеръ человѣкъ благочестивый....

— Благочестивый, грѣхъ сказать. Ну, пойдѣте, Федоръ Ивановичъ.

— Пойдѣте, Павелъ Марковичъ.

Это было весною, часу въ девятомъ, а можетъ-быть и въ десятомъ вечера. И было далеко отъ Петербурга въ губернскомъ городѣ..... Вотъ и раздумье беретъ: какую ни поставь букву, добрые люди приберутъ къ буквѣ губернской городъ, скажутъ что это личность—городъ обидится. А надобно назвать городъ, и въ сказкахъ называютъ города по имени, а у меня не сказка, хоть и не бьмь.—Въ этомъ городѣ послѣ дождика мостовая бываетъ какого-то коричневаго цвѣту, у архитектора коричневый дроздки, одна важная дама ѣздитъ въ коричневомъ бурнусѣ и въ коричневомъ капотѣ, многіе чиновники носятъ коричневые фраки и курятъ коричневаго цвѣту табакъ, который даже немного пахнетъ корицею, красныя крыши на домахъ отъ времени сдѣлались коричневыми и въ городѣ очень много гнѣдыхъ лошадей, которыя, какъ извѣстно всякому, имѣютъ большую претензію на коричневый цвѣтъ.—По этимъ причинамъ, кажется, не грѣша противъ совѣсти, можно назвать *оний* губернской городъ—Коричневымъ.

И такъ два пріятеля, чиновники губернскаго правленія Коричневаго города вышли въ садъ слушать соловья. Вы не думайте, чтобы соловей былъ собственность Павла Марковича и вслѣдъ въ садъ въ клѣткѣ, нѣтъ, онъ принадлежалъ столько же Павлу Марковичу, какъ и Федору Ивановичу, а только пѣлъ въ саду у перваго; не Павелъ Мар-

ковичъ рѣшительно считалъ его своимъ и готовъ былъ разсориться съ цѣлымъ свѣтомъ, если бъ свѣту нечего было дѣлать и онъ сталъ увѣрять, что соловей поетъ такъ же какъ и всѣ другіе.

Погода была тихая, прекрасная, садъ цвѣлъ, въ Коричневомъ утихала ѣзда, соловей громко пѣлъ въ густой черемухѣ.

— Слышите, слышите, Федоръ Ивановичъ?

— Слышу, Павелъ Марковичъ.

— Да не кричите такъ, вы, съ позволенія сказать, орёте такъ на соловья, какъ на вашего пріятеля въ казначействѣ; птица испугается.... слышите, слышите? экъ дробить! словно пальчиками кто перебираетъ у него въ горлѣ.

— Слышу.

— Удивительная птица!....

— Удивительная.

— Восхитительная!

— Восхитительная.

— Однако.... постойте, постойте, Федоръ Ивановичъ... слышите.... онъ, чортъ его знаетъ, какъ выкричался.... замѣчаете, какъ басить.... право, басить!...

— Что же тутъ удивительнаго? Вѣрно, изъ мужскаго пола.

— Постойте.

Соловей вдругъ умолкъ; но въ саду раздавалась трель, довольно грубая для соловья, будто кто выдѣлывалъ ее на скрипичномъ баскѣ. Трель постепенно затихала, новые звуки смѣняли ее сильнѣе и сильнѣе: далеко въ концѣ сада кто-то игралъ на скрипкѣ извѣстный во время оно *бе-мольный* вальсъ господина Рачинскаго.

— У васъ кто-то играетъ на скрипкѣ, замѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не у меня, а въ саду его превосходительства; онъ изволилъ нанять себѣ домъ купца Подметкина.

— Вотъ счастливое сосѣдство!.... одинъ заберъ раздѣляетъ васъ отъ начальника.... нѣтъ, Павелъ Марковичъ, признайтесь, вамъ везетъ!

— Что жь тутъ такого? Я служу честно.... жалобъ на меня нѣтъ.... люблю благочестіе.... Разумѣется, почетное сосѣдство.... да и то надо вспомнить: близъ чести близъ смерти!...

— И то правда!... Такъ это его превосходительство такъ нарѣзываетъ?

— Богъ знаетъ что вамъ въ голову плыветъ!.... гдѣ бы такому лицу заниматься скрипкою? Человѣкъ важный, въ Петербургѣ происходилъ чинами весь свой вѣкъ, было ли ему время для скрипки!... А всё-таки любопытно знать, кто это такой смѣльчакъ? играетъ бойко. Подойдите къ забору.

— Подойдите, это любопытно.

Пріятели тихо подошли къ досчатому забору и начали осторожно смотрѣть въ щелку: въ саду его превосходительства было довольно темно; въ концѣ аллеи между зеленою бѣлѣя домъ, въ окнахъ не было свѣту; скрипка играла по-прежнему, только не вальсъ, а варіація того же Рачинскаго на пѣсню: *Чьмъ тебя я огорчила.*

— Пойдемте домой, Павелъ Марковичъ, какого нечистаго мы здѣсь увидимъ? перекусимъ чего-нибудь, да я и домой, шепталъ Федоръ Ивановичъ.

— Тсъ!.... Павелъ Марковичъ дернулъ за полу своего пріятеля и по-тихонько кашлянулъ.

— Гмъ! отозвалось за заборомъ.

Павелъ Марковичъ толкнулъ Федора Ивановича, высунулъ на сторону языкъ и поднялъ кверху указательный палецъ. Федоръ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Это вы.... началъ говорить тоненькій голосокъ за заборомъ.

— Я, я, Прасковья.... отвѣчалъ Павелъ Марковичъ.

— Ахъ! я думала.....

— Что ты думала?

— Ничего, я думала: это, вѣрно, сосѣдъ, Павелъ Марковичъ слушаетъ музыку.....

— Да, да, это мы съ Федоромъ Ивановичемъ гуляли по саду, да остановились немножко отдохнуть.... А что тамъ у васъ какъ?... все благополучно?

— Все слава Богу. Я вотъ это собираю хозяйну зорю для настойки.

— Хорошая настойка изъ зори, если прибавить немного мяты.... А что тамъ у васъ, новыйи жилецъ, что ли?...

— Да, переѣхали третьяго дня....

— Гмъ! и ничего этакъ?

— Ничего, такой добрый....

— Разумѣтся!... онъ, кажется, человекъ не женатый?

— Вы лучше меня знаете — а для меня всё-равно, что мнѣ въ немъ? Только-что хорошо играетъ на скрипкѣ....

— Такъ это онъ играетъ?

— А кто жъ? извѣстно онъ.

— Вотъ штука!....

— Куда ему, Павелъ Марковичъ, заниматься скрипкой! насмѣшливо замѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

— Вотъ вы, пожалуй, еще изъ этого и исторію выведете, Федоръ Ивановичъ! Тѣмъ болѣе чести, что такой важный человекъ занимается для отдыха такимъ приятнымъ искусствомъ. Я даже своего Васю хочу учить играть на скрипкѣ. Это самый благородный инструментъ... Ну, послушай, милая Прасковья, такъ онъ того?...

— Прасковья! раздался въ саду визгливый голосъ жены Подметкина, Прасковья, гдѣ ты?! а? а Прасковья?...

— Здѣсь, матушка! закричала Прасковья, отбѣгая отъ забора.

— Проклятая самоварница! ворчалъ Павелъ Марковичъ, идя домой: раскричалась будто барыня какая, будто съ нея кожу дерутъ; не дала ни о чемъ разспросить толкомъ.

— Да, можно бы узнать кое-что насчетъ и платья, и гардеробу, и привычекъ, и прочее.

— Разумѣтся!... Славно играть его превосходительство!... Отличная игра!

— А вы еще и вѣрить не хотѣли.

— Я? полноте, Федоръ Ивановичъ, я только изумлялся, любезный другъ, способностямъ человеческимъ.

Съ этого дня для десятилѣтняго Васи, сына Павла Марковича, ко многимъ мученіямъ, то есть: грамматикѣ, арифметикѣ, географіи и исторіи Кайдапова, прибавилось но-

вое: игра на скринкѣ. Чуть, бывало, отецъ увидитъ Васю, сейчасъ и кричитъ: А ты уже тутъ, осель? а гдѣ твоя скринка? пошелъ играть! Этакая дурацкая порода, не приведи Господи!

И Вася сквозь слезы начиналъ немилосердно пилить смычкомъ по струнамъ разбитой скрипки. Отъ этой операціи домашніе затыкали уши хлопчатою бумагою, собаки выли на дворѣ и на улицѣ, всѣ воробьи слетѣли съ двора Павла Марковича, даже моль пропала въ комнатахъ. Одинъ только Павелъ Марковичъ твердо переносилъ сыновнюю игру и подмигивая на Васю лѣвымъ глазомъ, говаривалъ пріятелямъ: *съ талантомъ, бестія!*

II.

Нѣсколько словъ о его превосходительствѣ.

Давно, очень давно жилъ-былъ на Васильевскомъ Острову старикъ-Нѣмецъ, не знаю ни его чина, ни имени, а фамилія ему была Гутентагъ. Онъ былъ вдовъ, старъ, сѣдъ, курилъ постоянно канастеръ и хвалился прилежаніемъ и аккуратностью своего сына, маленькаго Гутентага. Маленькій Гутентагъ былъ лѣтъ осемнадцати; но былъ маленькаго росту, какимъ остался и до старости. Въ школѣ всѣ его любили и ставили въ примѣръ. У Гутентага руки были постоянно вымыты, ногти обрѣзаны, тетрадки обливаны, на платьѣ ни пушинки.

— Вотъ вамъ, господа, примѣръ, часто говаривалъ школьникамъ высокій, тощій учитель: смотрите на Гутентага, вотъ человекъ, всегда занятъ; у него есть и ниточки и иголки, всегда убѣгаетъ лѣности и прилѣпляется къ труду и даже въ часы досуга, когда вы предаетесь матери пороковъ—праздности, онъ возьметъ скрипочку и разгрызаетъ чтѣ-нибудь пріятное и полезное. Идите ко мнѣ, Гутентагъ, я васъ поцѣлую: вы подаете большія надежды...

Старикъ Гутентагъ умеръ, а молодой Гутентагъ, окончивъ школу, поступилъ на службу въ департаментъ. Въ

департаментъ очень полюбили маленькаго Гутентага, да нельзя было и не любить его: тихъ, скромнень, приходитъ на службу, поклонится, сядетъ и пишетъ; кто возится съ Щучаю, кто съ новостями прошедшаго тандкласса, кто съ чѣмъ, а Гутентагъ всё надъ казенными бумагами; всё разошлись, и онъ идетъ домой; но прежде сложитъ бумаги, оботретъ перья, запретъ ящикъ и положитъ ключъ въ карманъ.

Но нѣтъ на свѣтѣ совершенства. И у Гутентага была своя слабость: неодолимое влеченіе къ прекрасному полу. При взглядѣ на женщину, отъ десяти до пятидесяти лѣтъ включительно, Гутентагъ чувствовалъ себя какъ-то не ловко, его морозило и нело, и тянуло Богъ знаетъ на какія прѣказы. Прошу послѣ этого вѣрить скромникамъ! Къ нему очень пристали стихи Ломоносова:

Весьма необычайно дѣло,
 Чтобъ всѣмъ кто дарами цѣль:
 Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
 Но духъ въ немъ слабъ и умъ не зрѣлъ.
 Въ иномъ блистаетъ умъ небесный,
 Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный...

Влюбчивости, которая заключалась въ маленькомъ тѣлѣ Гутентага было бы достаточно для пяти рослыхъ гренадеровъ.

У знакомаго фортепіаннаго мастера былъ на вечерѣ Гутентагъ, танцовалъ очень много и послѣ вальса съ Миною Карловною, хозяйскою дочерью, какъ-то невзначай поцѣловалъ ея въ бѣленькую шейку — не выдержалъ. Здѣсь были братъ, свать, зять, дядя и шуринъ Мины Карловны, они тоже не выдержали и пригнули къ Гутентагу съ разными, довольно грозными, вопросами; въ другой комнатѣ тѣтка, невѣстка, двѣ золовки и двѣ двоюродныя сестрицы, поздравляли Мину Карловну съ побѣдою.

Вслѣдствіе этого вечера Гутентагъ женился на Минѣ Карловнѣ.

Женатый Гутентагъ служилъ такъ же хорошо какъ и холостой; его повышали, давали чины и награды, начальники

крестили у него дѣтей и его жизнь протекла мирно, спокойно, двадцать пять лѣтъ, раздѣляемая между департаментомъ и Васильевскимъ Островомъ, кромѣ изгнанія Мينوю Карловною двухъ трехъ горничныхъ, но неизвѣстнымъ причинамъ, о чемъ Гутентагъ, какъ человекъ добраго сердца, всегда отъ души соболѣзновалъ. Два сына Гутентага служили, третій оканчивалъ курсъ, а самъ онъ почти не перемѣнился, только посѣдѣлъ немного, а всё по-прежнему былъ малъ, любилъ женщинъ, служилъ аккуратно и игралъ на скрипкѣ. Въ это время Мина Карловна простудилась, слегла въ постель и умерла черезъ недѣлю. Гутентагъ хотъ и женился единственно по вспышкѣ своего темперамента, однако его благословенная натура скоро свыклась съ женою, какъ съ должностью и онъ успокоился, потому не удивительно, что Гутентага крѣпко опечалила утрата Мины Карловны. Онъ два дня послѣ похоронъ не былъ въ департаментъ, на третій пошелъ и немного утѣшился, узнавъ что его произвели въ статскіе совѣтники.

Между-тѣмъ третій его сынъ вышелъ изъ училища опредѣлился на службу, а въ департаментъ возникъ довольно трудный вопросъ: куда дѣвать Гутентага?... Чинъ у него большой и самъ онъ человекъ хорошій, а всё ему нѣтъ мѣста въ департаментѣ. Куда его дѣвать?... Къ-счастью, открылась въ Коричневомъ городѣ вакансія важнаго мѣста; по чину Гутентагъ могъ занять его — и послали Гутентага на важное мѣсто въ Коричневый городъ.

Гутентагъ обнялъ сыновей, заказалъ имъ служить аккуратно, не слишкомъ много умничать, а еще менѣ говорить, и уѣхалъ.

Съ недѣлю передъ извѣстнымъ разговоромъ нашихъ знакомыхъ, Павла Марковича и Федора Ивановича, всѣ чиновники Коричневаго города встрѣчали важнаго человека, Гутентага. Гутентагъ на ихъ глаза показался маленькимъ, сѣдымъ старичкомъ, съ коротко выстриженными волосами, зачесанными кверху, съ немного кривыми ножками, съ четверугольнымъ лицомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами, съ крестомъ на шеѣ и золотою цѣпочкою у часовъ... Всѣ коричневые чиновники, не знаю по-

чему, называли его: ваше превосходительство. Онъ жилъ дня четыре въ гостинницѣ и нанявъ у купца Подметкина домъ, переѣхалъ къ нему на квартиру.—Теперь вы знаете Гутентага?

III.

ГУТЕНТАГУ ХОРОШО.

Многіе, очень многіе жестоко ошибаются, воображая нашихъ провинціаловъ какими-то медвѣдями; люди, не выѣзжавшіе изъ столицы судятъ о провинціи по комедіи Фонъ-Визина «Недоросль» и глубоко убѣждены, что за Павловскомъ и Гатчиною вся православная земля наша населена Простаковыми, Скотининными и Митрофанушками. А между-тѣмъ посмотрѣли бы вы провинціальныя собранія, балы, особливо въ губернскихъ городахъ: вы бы изумились, увидя что тамъ

Все такъ же пригнуто и тальи такъ же узки!...

Тамъ вы услышите и вальсы Ланнера и Лабичкаго и кадрили Лядова, тамъ вы найдете паркетные полы, карселевскія лампы, эластическіе диваны, тамъ мужчины отлично играютъ въ преферансъ, дамы безъ-умолку лепечутъ по-французски (что, благодаря просвѣщенію, теперь выводится по-немного въ Петербургѣ), словомъ, провинція—дагеротипный снимокъ со столицы.

Подобный балъ былъ у самаго важнѣйшаго человѣка въ Коричневой губерніи, по случаю пріѣзда важнаго человѣка, Гутентага.

Домъ былъ освѣщенъ великолѣпно, даже у подъѣзду горѣли плошки и разноцвѣтные китайскіе фонарики; лѣстница благоухала цвѣтами; музыка гремѣла, въ залѣ по свѣтло выложенному паркету скользили коричневые франты, офицеры и коричневыя дамы, въ другихъ комнатахъ пожилые коричневцы сидѣли за картами; лакеи въ башмакахъ и бѣлыхъ перчаткахъ разносили оржалъ и моро-

женос. Гутентагъ игралъ за однимъ столомъ съ важнѣйшимъ челоѣкомъ коричневой губерніи.

Танцовали шестую фигуру французской кадрили. Вдругъ тактъ музыки сдѣлался живѣе, звуки рѣзвѣе, шаловливѣе, веселѣе—кадриль окончилась, скрещивалась, разбѣгалась по залѣ.

— Осемь въ червяхъ, сказалъ Гутентагъ, глядя внимательно въ свои карты.

— Пасъ! почти вздохнувши сказалъ совѣтникъ губернскаго правленія.

— А я..... началъ важнѣйшій челоѣкъ....

— Извините, ваше превосходительство, закричалъ уланскій ремонтёръ, врываясь съ дамами въ игорную комнату и прогалошировалъ мимо стола: за нимъ пролетѣли еще нѣсколько паръ....

— Экой пострѣлъ, замѣтилъ важнѣйшій челоѣкъ: а я повнстую.

— Что же вы не играете? спросилъ Гутентага важнѣйшій челоѣкъ.

Но Гутентагу было не до преферанса: галопадная кавалькада, пробѣжавъ всѣ возможныя комнаты, опять возвращалась прежнимъ путемъ въ залъ. Въ головѣ летучаго отряда несли ремонтёръ; стройно вытянувъ носокъ лакированнаго сапога, онъ какъ-то гармонически склонялъ къ нему плечо, сверкающее эполетомъ, а между-тѣмъ лукаво изкосилъ глаза вправо и глядѣлъ съ наслажденіемъ на бѣлыи, нѣжныи бюстъ своей дамы, которая, престодушню склоняясь къ нему головкою, какъ тѣнь скользила съ нимъ по паркету. Она была высока, стройна, темно-каштановые, почти черныя волосы еще бѣлѣе отгѣняли нѣжную бѣлизну ея лица и шеи; она была одѣта въ бѣлое полу-воздушное платье, пышный пучокъ легкихъ курчавыхъ алыхъ ленточекъ прихотливимъ каскадомъ падалъ съ ея головнаго убора на матовыя плечи.

Вотъ нара всё ближе и ближе. Гутентагъ змился глазами въ бѣлую даму; полу-лежа на рукѣ своего кавалера, она, невинно улыбалась, какъ ребенокъ, который видитъ во снѣ пріятныя грезы, и вдругъ у самаго стола под-

вила свои длинныя рѣсницы, взглянула на Гутентага и — скрылась.

Кровь бросилась въ голову Гутентага; юношескія дѣта, казалось, воскресли со всѣми своими чарами и обаяніями; въ глазахъ потемнѣло. — Кто эта дама? спросилъ овъ страннымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Это наша помѣщица, Анна Ивановна, отвѣчалъ важнѣйшій человекъ, да ходите же, пожалуйте.

— Сію минуту, ваше превосходительство.

Гутентагъ проигралъ осемь въ червахъ.

Кончилась пулька. Гутентагъ проигралъ пульку. отговорился отъ преферанса головою болью—и пошелъ въ залъ.

Натянувъ бѣлыя лайконыя перчатки, Гутентагъ съ чувствомъ своего достоинства гордо прошелся по комнатѣ и съ улыбкою, невыносимо-отвратительною старыхъ волежикъ, остановился передъ Анной Ивановною, которая разговаривала съ ремонтѣромъ, очень невинно свивая и развивая алую ленточку своего головнаго убора, между тѣмъ, какъ уланъ подымалъ плечи, шевелилъ усами, сверкалъ взглядами, словомъ, игралъ роль человекъ, одушевленнаго сильными страстями, могучею душою.

До-сихъ-пѣръ еще есть люди, которые воображаютъ что сильныя страсти выражаются многословно, красно-рѣчиво, кудряво, размахисто!...

— Вы очень хорошо галонируете, сказалъ Гутентагъ, обращаясь къ Аннѣ Ивановнѣ.

Анна Ивановна привѣтливо улыбнулась.

— Я вамъ говорю, ваше превосходительство, началъ ремонтѣръ, что скоро дамы перещеголяютъ насъ въ наѣздничествѣ.

— Вы здѣшняя помѣщица? продолжалъ Гутентагъ, будто не дослышавъ рѣчей кавалериста.

— Да, отвѣчала Анна Ивановна.

Уланъ отошелъ всторону съ видомъ человекъ, жестоко оскорбленнаго.

— И я нахожу, говорилъ Гутентагъ, что вы оживляете собою коричневое общество.

— Вы думаете? спросила Анна Ивановна, простодушно взглянувъ на Гутентага.

— Но только думаю, но даже буду спорить, съ кѣмъ вамъ угодно, что вы составляете украшеніе общества.

— Это похоже на лесть, ваше превосходительство.

— Всякая лесть въ-отношеніи къ вамъ дѣлается непре-ложною истиною. Позвольте имѣть счастье танцевать съ вами слѣдующую кадрили?

Въ кадрили Гутентагъ былъ невыразимо-любезенъ; его маленькіе глазки сверкали недобримъ огнемъ; самые приторные комплименты, самые изысканныя нѣжности добраго осмнадцатаго вѣка сыпались на Анну Ивановну. Анна Ивановна съ невыразимымъ удовольствіемъ слушала всю эту дичь, улыбалась, опускала глазки, краснѣла, точь-въ-точь институтка, танцующая въ первый разъ съ мужчиною.

Кадриль окончилась. Гутентагъ просилъ Анну Ивановну на мазурку.

— Очень рада, отвѣчала Анна Ивановна, но.... у меня такая дурная память, кажется я дала слово.... позвольте.... *Escoutez, monsieur Trombon!* я съ вами танцую мазурку?... И Анна Ивановна выразительно посмотрѣла на ремонтѣра.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ улапъ, и ловко поклонился, прихлопнувъ шпорами.

— Такъ вы меня извините, сказала Анна Ивановна обращаясь къ Гутентагу.

— Сударыня! законы бала, какъ и другіе законы, имѣють....

— Впрочемъ, вы будете танцевать мазурку?

— Если вы прикажете.

— Кчему это! я васъ прошу; мнѣ будетъ очень жаль, если мазурка лишится прекраснаго танцора.

Гутентагъ поклонился и ангажировалъ какую-то старушку въ лентахъ и розахъ.

— Вы, кажется, любите розы? спросила Гутентага Анна Ивановна.

— Иногда.

— Какъ, иногда?

— Если вѣтъ другаго цвѣтка.

— Значить, вы предпочитаете...

— Всѣмъ цвѣтамъ стройную бѣлую лилію, сказалъ Гутентагъ, страстно сверкнувъ глазками по стройному стану Анны Ивановны.

Мазурка была самая веселая: коричневыя жители плясали отъ души. Гутентагъ рѣшительно потерялъ голову; онъ скакалъ, прыгалъ на коротенькихъ ножкахъ, вертѣлся какъ сѣренькій попугайчикъ. Впрочемъ, нельзя его и осуждать за это, ему думъ самый попутный вѣтеръ: подводитъ къ нему мужчина двухъ дамъ: одна лилія, другая незабудка. Гутентагъ выбралъ лилію и это была Анна Ивановна!... Одна дама выбрала его и ремонтѣра и пресила назначать качества.

— Я буду — основательность, сказалъ Гутентагъ.

— А я — фіалка, сказалъ ременѣтръ.

Дама подвела ихъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Анна Ивановна выбрала основательность и такъ посмотрѣла на Гутентага, что онъ сдѣлалъ антрша и заскакалъ по залѣ, какъ волчокъ пущенный рукою школьника.

Поздно окончился балъ. Гости разѣхались. Гутентагъ посадилъ въ карету Анну Ивановну, поклонился ей, и самъ уѣхалъ домой, взволнованный, очарованный, влюбленный до безумія. Бываютъ же этакія натуры!...

IV.

Нѣсколько словъ объ Аннѣ Ивановнѣ.

Я люблю скромную, душистую фіалку, когда она цвѣтетъ на родимомъ лугу или въ родной рошѣ. Какъ приятенъ ея цвѣтъ и запахъ между дикими травами въ сосѣдствѣ простенькихъ анемоновъ и ранункуловъ! Но мнѣ жалко, когда прихотливая рука человѣка унесетъ ее изъ родимой роши, посадить въ роскошную фарфоровую вазу и поставить на богато драпированное шелкомъ и золотомъ окно.

Невыносимо грустно видѣть въ блестящихъ аристократическихъ покояхъ, такъ называемыхъ воспитанницъ. Я всегда смотрю на бѣдную дѣвочку какъ на жертву людской прихоти: взятая отъ бѣдныхъ родителей, почти изъ хижины, бѣдняжка свыкается съ роскошью; ея ножки привыкаютъ къ мягкимъ коврамъ и скользяму паркету, ея физическія чувства свыкаются со всѣмъ изящнымъ, такъ упоительно ласкающимъ жизнь человѣка; она окружена всѣми удобствами, всѣми утонченностями роскоши и богатства; она въ италіанской оперѣ съ ея сіятельствомъ, она слушаетъ Листа и Бласа, она говоритъ съ людьми вышедшими изъ ряду, съ людьми отиѣченными необыкновенными мыслями или чувствомъ, и гордится, что понимаетъ ихъ; на шумномъ гуляньи мчитъ ее орловская четверня въ блестящей вѣнской коляскѣ между рядами скромныхъ пѣшеходовъ, изъ которыхъ передъ многими ея отецъ почтительно спялъ бы шляпу..... Ея жизнь, какъ чудное сновидѣніе; но какъ горько пробудиться послѣ такого сна!... Лучше бы никогда не просыпаться.

Живетъ человѣкъ слѣпой отъ рожденія. Не видѣлъ онъ никогда ни Божьяго солнца, ни свѣтлой зелени полей, ни голубаго неба; и счастливъ человѣкъ въ своемъ невѣдѣніи, и веселъ человѣкъ. Но пришелъ докторъ-благотворитель и захотѣлъ слѣвать добро своему ближнему; онъ снялъ толстую кору съ глазъ слѣпаго; онъ показалъ ему новый міръ. И тихо, въ молчаніи, преклонилъ колѣни прозрѣвшій; въ душѣ его развился восторгъ радости, его грудь наполнило святое чувство, доступное повтамъ въ минуты вдохновенія, онъ вкусилъ небесной радости; слишкомъ сильно было это чувство для прозрѣвшаго, слезы полились изъ глазъ его, снова ослѣпъ онъ. И, Боже мой! Какъ стала горька жизнь этого человѣка, пропала прежняя добрая, беззаботная улыбка, онъ позналъ благо и утратилъ его; — грустныя думы осѣнили чело ослѣпшаго, онъ скучалъ, тосковалъ по далекой недоступной лазури, которая такъ привѣтно наклонилась надъ нимъ, обняла его и исчезла невозвратно....

Ваше сіятельство! если вы увидите далеко въ провинціи

красиваго ребенка-дѣвочку, не берите ея къ себѣ для воспитанія, не вводите ея въ ваши золоченыя палаты, не заставляйте ея дышать вашимъ столичнымъ воздухомъ! Вы живете въ другомъ свѣтѣ, въ блестящемъ, сверкающемъ, радужномъ! Горе, если бѣдный ребенокъ привыкнетъ къ нему!...

Анна Ивановна была (по выраженію Панаева) дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, отецъ ея служилъ чуть-ли не помощникомъ архиваріуса въ коричневомъ губернскомъ правленіи, а послѣ управлялъ небольшимъ помѣстьемъ одной очень богатой графини. Графиня была очень добрая женщина, взяла къ себѣ маленькую Анюточку и увезла ея въ Петербургъ. Черезъ десять лѣтъ Анюточка выросла, похорошѣла, сдѣлалась Анною Ивановною; часто съ удивленіемъ франты лорнировали ея стройный станъ, когда она съ графинею гуляла по Невскому; не одна театральная трубка, вмѣсто сцены обращалась на ложу бельэтажа, гдѣ сидѣла Анна Ивановна; многіе корнеты и прапорщики вздыхали по ней, покручивая свои крохотные усики, многіе штабъ-офицеры освѣдомлялись объ ея приданомъ, даже одинъ стихотворецъ сочинилъ и гдѣ-то напечаталъ очень обязательное посланіе «Къ ней», гдѣ сравнивалъ ея съ солнцемъ, а себя съ подсолнечникомъ, а знакомый ему чиновникъ, прочтавъ посланіе, такъ былъ тронутъ, что вырѣзалъ у себя на печаткѣ въ серединѣ цвѣточекъ съ подписью *tourne-sol*, а въ уголку маленькое солнышко.

Анна Ивановна пѣла, рѣзвилась, ни о чемъ не думала— и вдругъ сильно задумалась: ея благодѣтельница-графиня умерла, нечаянно, неожиданно, съ-разу, отъ апоплексическаго удара. Было о чемъ подумать Аннѣ Ивановнѣ!— Она осталась одна, рѣшительно одна въ шумномъ городѣ. Безъ денегъ, безъ покровительства.— Къ-счастью, отецъ ея, собравъ послѣднія деньги пріѣхалъ въ Петербургъ и увезъ дочку въ Коричневый городъ. Коричневые франты воспламенялись при видѣ петербургской *барышни*; многіе изъ нихъ, добрые люди, предлагали ей свои сердца и руки, вмѣстѣ съ маленькими своими достатками. Для скромнаго помощ-

ника-архивариуса подобные люди казались даромъ неба, а дочка ему отвѣчала: помилуйте, папаша! Что это за люди? Двухъ словъ сказать не умѣютъ, а какъ я буду жить съ ними, да что я стану дѣлать въ деревнѣ? да развѣ я затѣмъ воспитана!...

— Дѣлай, какъ знаешь, вздыхая отвѣчалъ отецъ, — и отказывалъ женихамъ.

Не мое дѣло мѣшаться въ чужія дѣла, а можетъ-быть была и права Анна Ивановна.

Въ коричневой губерніи жилъ одинъ старый холостякъ, мучимый шестидесятью годами не слишкомъ воздержной жизни и подагрою. — Не знаю почему, ему вздумалось подъ старость жениться — и несмотря на его тысячу душъ всѣ, такъ-называемыя, столбовыя, невѣсты рѣшительно ему отказывали. Онъ какъ-то въ церкви увидѣлъ Анну Ивановну и узнавъ, что она бѣдная дѣвушка, рѣшился отомстить коричневымъ знаменитостямъ и предложилъ Аннѣ Ивановнѣ свою руку. Къ великому изумленію всѣхъ, знавшихъ разборчивую Анну Ивановну и даже самого отца ея, она согласилась. Вышла замужъ за стараго подагрика, управляла имъ какъ ребенкомъ и спустя полгода послѣ свадьбы схоронила его, горько оплакивая свою потерю.

Старикъ записалъ Аннѣ Ивановнѣ все имѣніе. — Анна Ивановна стала богатою вдовой. Дальніе родственники покойнаго завели съ нею процессъ, хотѣли отнять у нея все. Въ ожиданіи пока все отнимутъ, Анна Ивановна пользовалась настоящимъ, имѣла блестящій экипажъ, петербургскіе наряды и на балахъ кружила головы коричневымъ жителямъ, а между ними и пріѣзжему важному человѣку, Гутентагу.

V.

ГУТЕНТАГУ ОЧЕНЬ ХОРОШО.

И вотъ зашевелились, заболтали, зазвонили коричневые языки; новость свѣжая, животрепещущая, современ-

нам, переходила изъ усть въ уста, какъ бѣттель: въ индѣйской бесѣдѣ:

— Вы слышали, Павелъ Марковичъ?...

— Охъ, слышалъ, Федоръ Ивановичъ: лучше бы я не слышать; я вамъ говорилъ всегда, что Анна Ивановна, чертъ ее знаетъ, имѣеть у себя какое-то приворотное зелье что ли, совершенно опутала важнаго человѣка!.... Я только удивляюсь его превосходительству, чему онъ обрадовался?... Я думаю, человѣку въ такихъ чинахъ и отличіяхъ тамъ, въ Петербургѣ, ни почему не этакія невѣсты, анъ нѣтъ, здѣсь грѣхъ попуталъ!...

— А дѣло-то Анны Ивановны?...

— Это-то и бѣсѣтъ! вы не повѣрите, какъ его превосходительство все повернулъ по-свѣдому! Какъ-будто простой чиновникъ читаетъ всѣ бумаги отъ первой строки до послѣдней, и—говорить, наврано, издѣсь подскоблено, и тутъ запутано. Бѣдные наследники!.... страшно сказать: дѣло ихъ почти правое, хожденіе по дѣлу было съ ихъ стороны самое исправное, внимательное, и, вѣрите ли? проиграютъ!... противъ воды не поплывешь!...

— Плохо, плохо, я понимаю, тутъ есть интересъ и собственно его превосходительства.

— Въ томъ-то и дѣло!

— Признаюсь, пріятно получить во владѣніе и жему этакую, такъ сказать, маргариточку, и тысячу душъ.

— По-мѣму будь она хоть ромашка, а приношенія-то чувствительнѣе....

— Да, да, да!... Павелъ Марковичъ!

— Да, Федоръ Ивановичъ: знатное было въ рукахъ дѣло, а ускользнуло какъ живой угорь.

—

— Да, матушка, Елена Филипповна, умѣеть прѣзжая, петербургская-то, обдѣлывать свои дѣла; полумаешь, дрянная такая была дѣвчонка, давно ли?... а прѣехала изъ столицы и узнавать никого не хочетъ, башмаки съ заплатками, а горда!.. Нашелся же одинъ старый дуракъ, хотъ и юнкеръ въ отставкѣ, и сдѣлалъ ее богатою, а теперъ знать беретъ!...

— Да, Фекла Кузминична: а теперь станет генеральшею... у моего мужа, у Лёшеньки, все, бывало, стоитъ ея отецъ въ передней....

— И карету, говорятъ, заказалъ Гутентагъ къ вѣчанью....

— И бѣлье мадамъ Набель шьетъ, всё голландское, тонкое; я заѣзжала нарочно смотрѣть съ дочкою Варютою; уже помѣчено красными вензелями А. и Г., а кругомъ вѣночки и стрѣлы. Варюта покраснѣла даже, какъ увидѣла.

— Важнаго человѣка опутала!...

— Да и онъ-то что? только-что важный человѣкъ, а самъ пугало гороховое: моя Варя не богата, а я бы ее не выдала за него; и старъ и малъ и кривоножка....

— Да и она-то что? только-что высока, велика Федора, да дура!... Куда, ваша Варюта король противъ нея!

— Э, родная! Гутентагъ себѣ на умѣ, не бойсь не сунулся къ намъ, знаетъ, что отѣхалъ бы съ носомъ, онъ и подбился къ этакой шарлатанкѣ, прости Господи....

— Такъ, такъ. А на свадьбѣ вы будете?

— Катись, хоть и не хочется, вѣдь это такъ говорится по-пріятельски, а мы еще дружны съ Анною Ивановною.

— Вѣстимо, служба службой, а дружба дружбой.

— Разомъ два удара!... Любовь моя презрѣна, честь оскорблена, а во-вторыхъ: кто заплатитъ долги мои по ремонту? Дѣло шло очень хорошо, и эта старая архивная крыса... все испортила!... О, женщины!... Коварный полтъ!...

Ремонтёръ взялъ какой-то чувствительный романъ и бросаясь на диванъ, началъ читать громко: «Сударыня, говорилъ ротмистръ Лидинъ Греминой: любовь измѣнчива, какъ майскій вѣтерокъ, вѣтерокъ играетъ на озерѣ, очерчивая легкіе силуэты на жидкомъ хрусталѣ непостоянной влаги и летитъ далѣе, далѣе на шумное море, широкое какъ вѣчность, безпредѣльное какъ отчаяніе, холодное какъ ласки дѣвы измѣнницы! У! какимъ ураганомъ шу-

вить онъ, вздымаетъ косматыя волны, чешетъ сѣдые гребни пѣны и брызжетъ въ небо горькою водою — слезами отчаянія!.. Это душа моя, моя! Escoutez, madame! Гигантскія усилія пустяки для характеровъ могучихъ, я могу!.... Невыносимые удары молота, громаднаго молота, не разрушаютъ твердаго булата, не куютъ изъ него благородное оружіе—сильныя потери, лишеныя, облагороживаютъ духъ человѣка! человѣкъ претерпѣвшій измѣну, долженъ быть благороденъ!....

— Великая истина! сказалъ ремонтёръ, потягиваясь на диванѣ.... Ванька!—

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Экъ ревнулъ! какъ изъ бочки.... пошелъ вонъ, дуракъ.

— Слушаюсь.

Деньщикъ вышелъ....

— Ванька!

— Что....

— Молчать!... подай трубку.

Ванька подалъ трубку.

— Зачѣмъ стоишь болванъ?!.. Экая образина!

Ванька вышелъ.

— Ванька!...

Ванька вернулся.

— Ну, что ты молчишь?... двухъ словъ сказать не умѣешь!...

— Да я, ваше....

— Молчать!... наказаніе со скотомъ! И гдѣ родилась такая образина?!..

— Въ Костромской губерніи, ваше благородіе.

— О люди! и это человѣкъ?!.. какая разница между образованнымъ человѣкомъ, понимающимъ свое достоинство и подобнымъ!... Слушай: пойдѣ сейчасъ туда.... и принеси.... да, принеси.... Ну, что стоишь?

Ванька побѣжалъ совсѣхъ ногъ.

— Ванька! Ванька! куда ты?... куда ты бѣжишь?...

— Не могу знать, ваше благородіе.

- Куда ты бѣжалъ?
- Куда послали.
- Куда жъ тебя послали?
- Виноватъ, ваше благородіе, въ-торопяхъ, позабылъ-съ.
- Пошелъ, дуракъ, принеси мѣн pistols.
- Слушаю-съ.
- Да, я покажу ей, что значитъ сильная любовь человека образованнаго, пускай взглянетъ на мой трупъ — и терзается, неблагодарная!...

Деньщикъ принесъ pistols. Ремонтёръ осматривалъ ихъ, продулъ, посыпалъ на полку пороку и задумался.... Потомъ прошепталъ:—А можетъ-быть Федя поможетъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ: онъ человекъ богатый, займетъ денегъ, а тамъ.... авось сойдетъ!... Потомъ положилъ pistols на столъ, говоря:—Именно такъ, я живой буду ея лучшимъ укоромъ, пусть глядитъ на меня живаго и мучится!... Ванька!...

- Что прикажете?
- Дуракъ! какіе ты мнѣ принесъ pistols? какъ они вычищены? вотъ я тебя! Возьми ихъ, вычисти.
- Ванька вышелъ, но скоро опять возвратился.
- Кто тебя звалъ? пошелъ....
- Письмо вамъ....
- А ты не можешь сказать что письмо? подай его сюда.

Ремонтёръ прочелъ письмо, улыбнулся, еще разъ прочелъ и захохотавъ проговорилъ:—Ай-да барыня!... ай-да молодецъ!... сущій чортъ въ хорошенькомъ переплетѣ!... Ванька!...

- Что прикажете?
- Давно принесли это письмо?
- Сейчасъ, ваше благородіе....
- А ты его не могъ принести сію минуту? Болванъ! Убирайся.

Въ очаровательномъ полусвѣтѣ будоара, на мягкомъ диванѣ почти лежала Анна Ивановна. Гутентагъ сидѣлъ подлѣ дивана на низенькомъ табуретѣ.

— Такъ завтра рѣшительно? спросила Анна Ивановна.

— Завтра въ полдень вамъ объявятъ рѣшеніе и вы остаетесь полною владѣтельницею всего вашего имущества, какъ вы всегда обладательницею всѣхъ сердець....

— Я не знаю чѣмъ благодарить васъ....

— Вы очень знаете, прелестное существо!... неужели вы забыли мои просьбы, мои рыданія?!..

— Помню, помню. Быть по-вашему; я цѣню ваше постоанство....

— Договаривайте!!!

— Завтра въ шесть часовъ мы вѣчаемся.

Гутентагъ, увидѣвъ на ногѣви, сладко цѣловалъ бѣлыя ручки Анны Ивановны. Анна Ивановна немного покраснѣла.

VI.

КОНЕЦЪ.

Въ мундирѣ, въ бѣломъ галстухѣ, торжественно вывелъ изъ церкви маленькій Гутентагъ свою стройную супругу, красавицу Анну Ивановну. Лакей въ богатой ливреѣ отворилъ дверцы щегольской кареты—Анна Ивановна порхнула въ нее. Ужъ Гутентагъ занесъ на подножку и свою маленькую ногу, вдругъ лакей довольно невѣжливо оттолкнулъ его, захлопнулъ дверцы и карета умчалась. Когда карета стала передъ домомъ Анны Ивановны, ремонтѣръ не допустилъ лакея отворить дверцы и самъ повелъ блистательную хозяйку подъ ручку по лѣстницѣ. Это видѣли многіе коричневыя.

Когда карета скрылась, Гутентагъ стоялъ будто пораженный громомъ, потомъ сѣлъ на первыя дрожки и поѣхалъ къ дому своей супруги.

— Нельзя, сказалъ довольно грубо небритый лакей Гутентагу, когда онъ хотѣлъ отворить дверь.

— Почему?

— Не смѣю принимать; баринъ не здоровъ.

— Да я вашъ баринъ.

— Гмъ! сказалъ лакей, насмѣшливо посмотрѣвъ на Гутентага, спрятался въ переднюю и защелкнулъ изну три замѣкъ:

Напрасно Гутентагъ кричалъ, стучался, дергалъ дверь — отвѣту не было.

Черезъ четверть часа выбѣжала изъ-подъ воротъ какая-то босоногая дѣвчонка и подала Гутентагу письмо. Я не знаю содержанія письма, но оно должно быть очень неприятное, потому что Гутентагъ, прочитавъ его, страшно улыбнулся и пошелъ домой, повѣсивъ голову.

На-завтра всѣ коричневцы узнали, что статская совѣтница Анна Ивановна Гутентагъ уѣхала ночью въ Петербургъ.

Статскій совѣтникъ Гутентагъ остался въ Коричневомъ городѣ, приказалъ обить свои комнаты чернымъ сукномъ, завѣсилъ окна черными сторами, одѣлся весь въ черное, сидѣлъ въ темнотѣ и даже ничего не ѣлъ, кромѣ чернаго хлѣба, черныхъ бобовъ и черной рѣдьки; въ его домѣ была гробовая тишина. — Такъ прошло съ недѣлю. Никто не видалъ Гутентага, никто не слышалъ про Гутентага — будто умеръ Гутентагъ!...

Но въ одинъ вечеръ вдругъ распахнулись окна въ комнатѣ Гутентага, и неслись изъ него печальные звуки скрипки. Идущая по улицѣ простая баба остановилась у окна и заплакала.

— О чемъ ты плачешь, матушка? спросила ее молодая дѣвушка.

— Послушай, милая, такъ и беретъ за сердце, словно хороню своего покойнаго сынка, слышно какъ плачетъ, прощается.

— Послушай, матушка, это словно мой женихъ, Ваня, шелъ въ рекруты, да попрощался со мною.... ей Богу такъ выговаривалъ. И дѣвушка залилась слезами.

И не было другихъ слушателей игры Гутентага, кромѣ этихъ двухъ бабъ, а Гутентагъ игралъ удивительно! Онъ игралъ не композиціи извѣстныхъ мастеровъ, не гениальныя созданія гениевъ музыки, которыя часто искажаютъ люди, не понимая ихъ глубокаго смысла, нѣтъ, онъ игралъ

самъ не зная что такое: его душа переполненная горести выливалась въ чудныхъ звукахъ; игралъ на скрипкѣ, не статскій совѣтникъ Гутентагъ, не маленькій человекъ Гутентагъ съ кривыми ножками, это игралъ внутренній невидимый человекъ, душа играла, часть божества, заключенная въ человекъ, тосковала о своей земной неволѣ, вопила, стонала невѣдомыми звуками, которыми говорятъ не здѣсь, и которые мы понимаемъ инстинктивно.... Звукъ дѣлался всё тише и тише, и громкія рыданія смѣнили ихъ.

— Страшное что-то дѣлается съ этимъ бариномъ, сказали бабы, перекрестились и пошли своею дорогою.

На другой день къ удивленію всѣхъ коричневцовъ вышелъ Гутентагъ, блѣдный, тощій, пошелъ прямо къ важнѣйшему человеку и подалъ въ отставку.

— Умно дѣлается, говорили коричневые чиновники: какъ ему здѣсь жить, послѣ такого аффронта!

И вотъ опять Гутентагъ въ Петербургѣ, живетъ на родномъ Васильевскомъ Острову, съ дѣтьми своими, въ самой скромной квартирѣ, въ 15-й линіи, часто гуляетъ по Большому Проспекту и до-сихъ-поръ любитъ акомпанировать на скрипкѣ молоденькимъ дамамъ, причемъ всегда однимъ глазомъ смотритъ въ ноты, слѣдитъ за кудрявыми бемолями и діезами, а другимъ изъ-подъ круглыхъ черепашковыхъ очковъ очень лукаво поглядываетъ на бѣленькія ручки, летающія по клавишамъ или тамъ, на что придется.

Такая натура у человека!

Вы часто можете встрѣтить Гутентага здѣсь въ Петербургѣ: онъ ходитъ всегда пѣшкомъ въ коричневомъ поношенномъ сюртукѣ, въ неприглаженной шляпѣ, съ умильной физиономіей.

Въ одной изъ самыхъ многочисленныхъ улицъ Петербурга есть большой каменный домъ, съ чугуннымъ балкономъ, съ зеркальными окнами, съ торцовою мостовою у подъѣзда, гдѣ часто останавливается красивая коляска и карета. Въ бель-этажѣ живетъ хозяйка. Тамъ стоятъ въ окнахъ индѣйскіе цвѣты, стѣны увѣшаны дорожными кар-

тинами; по вечерамъ великолѣпное освѣщеніе отъ оконъ ложится по улицѣ длинными яркими полосами и привлекаетъ праздное вниманіе не одного зѣваки. На воротахъ прибита досочка съ надписью: «Домъ статской совѣтницы Гутентагъ. Свободенъ отъ постоа».

Е. ГРЕВЕНКА.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ.

=

РОМАНЪ СЪРА ФРЕНСИСА ТРОДЛОНА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ ноябрьскій воскресный вечеръ добрый капитанъ Педди О'Кренъ сидѣлъ за гигантскимъ стаканомъ гроггу въ чистой комнатѣ таверны подѣ вывѣскою «Короны».

Капитанъ Педди былъ Ирландецъ, ростомъ въ шесть футовъ, а толщиною въ шесть дюймовъ; въ синемъ фракѣ съ черными пуговицами, въ лосинныхъ панталонахъ, въ полу-шелковыхъ чулкахъ и въ широкихъ, нечищенныхъ башмакахъ.

Въ другомъ концѣ комнаты сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока, съ честной и спокойной физиономіей; но глаза его были неподвижны и безсмысленно устремлены впередъ. Этотъ человѣкъ иногда приходилъ въ таверну, гдѣ былъ извѣстенъ подѣ именемъ «Слѣпаго Тирреля».

Хозяйка, мистриссъ Бѣрнетъ, по временамъ отходила отъ буфета, чтобы поговорить съ капитаномъ Педди, который, по-видимому, былъ обычнымъ посѣтителемъ таверны.

Т. LXVII. — Отд. II.

1

Въ отворенныхъ дверяхъ стояла служанка, которая, вѣрно, была бы очень богата, если бѣ жила въ то время, когда художники дорого платили натурщицамъ. Она была изумительно хороша. На лицѣ ея, профиль котораго напоминалъ идеальный контуръ античнаго рисунка, лежала печать твердаго и спокойнаго величія. Длинные, черные какъ смоль, волосы, вырываясь изъ-подъ тюлеваго чепца, падали густыми локонами на полу-обнаженные плечи. Величественный станъ ея, несмотря на полноту свою, былъ очень строенъ и граціозенъ; въ чертахъ ея преобладалъ еврейскій типъ. Черные, большіе глаза были мутны и безъ блеску, какъ глаза лунатика. Въ мускулахъ лица не замѣтно было ни малѣйшаго движенія.

На нея былъ устремленъ неподвижный взоръ слѣпца, который медленно и съ наслажденіемъ шлѣлъ вино съ сахаромъ.

Въ общей комнатѣ собралось человѣкъ двадцать, которыхъ грязный костюмъ сходствовалъ съ костюмомъ лодочниковъ; не садась и громко разговаривая, они пили джинъ.

— Сузанна! сказала капитанъ Педади: разведи мнѣ, моя милая, на двѣнадцать пенни джину съ холодной водой, безъ сахару.... да подбавь немножко лимону!

Красавица-служанка, къ которой обращались эти слова, не тронулась съ мѣста.

— Будь я проклятъ, если она меня услышитъ! проворчалъ капитанъ: я долженъ буду позвать мистриссъ Бёрнетъ.... мистриссъ Бёрнетъ!

Козылка явилась. Она была низенькаго роста, краснолицая; задняя часть чепца ея висилась фута на два надъ головою.

— Будь я проклятъ, мистриссъ, началъ опять капитанъ: если не звалъ Сузанну.... но чортъ возьми, хоть мѣтъ пушки грянуть у нея водъ-ухомъ, такъ она не тронется.

— Сузи! закричала рѣзкимъ голосомъ козылка.

Незамѣтная дрожь пробѣжала по вѣкамъ слѣпца. Служанка не трогалась.

— Ну, что я говорилъ? спросилъ капитанъ: я готовъ битися объ бакладъ со всѣми чертями, что она не удостоитъ отвѣту даже самого лорда-мера.

Между-тѣмъ мистриссъ Бѳрнетъ бросилась къ Сузаннѣ и грубо дернула ее за руку.

— Что это ты, дѣвнвица! закричала она съ сердцемъ.

Красавица отступила на одинъ шагъ.... лицо ея покрылось яркой краской. Королева незадводала бы невольному движенію, которымъ она отвѣтила на грубое нападеніе хозяйки, которая, уничтоженная, стояла разинувъ ротъ, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова.

Въ то же время слѣпой улыбнулся и сталъ потирать руки, какъ-будто бы радостная мысль блеснула въ умъ его.

Но Сузанна вскорѣ опять приняла прежнее положеніе мрачнаго равнодушія. Блескъ прекрасныхъ черныхъ глазъ ея угасъ. Это возвратило хозяйкѣ мужество.

— Вотъ что значитъ накормить, принять въ домъ нищую!... Она отгучить отъ моего заведенія всѣхъ посѣтителей... потому что не слушается ихъ. Вотъ благодарность!...

— Мистриссъ Бѳрнетъ, прервалъ капитанъ: оставьте эту бѣдную дѣвчонку.... чортъ съ ней! Дайте-ка мнѣ лучше.... гроггу....

Хозяйка повиновалась, но обиженная грубымъ заступничествомъ капитана, со злобью поднесла кулакъ подъ носъ Сузанны. Красавица презрительно улыбнулась. Слепой однимъ глоткомъ выпилъ оставшееся у него въ стаканѣ вино.

Пробило пять часовъ. Люди, пившіе въ общей комнатѣ, зашвелились, стали перешоптываться и одинъ изъ нихъ, огромный дѣтина съ геркулесовскими формами, просунулъ голову въ створенную дверь чистой комнаты.

Капитанъ поспѣшно всталъ.

— Ладно, Тѳрибулъ! ладно! вскричалъ онъ, поспѣшно застегивая узкій фракъ свой. Сузанна!... Не слышишь.... мистриссъ Бѳрнетъ! Я еще ворочусь нынче вечеромъ! Прикажете, пожалуйста, приготовить гроггъ мой....знаете?

Капитанъ взялъ трость и вышелъ изъ таверны. На улицѣ его ждали лодочники. Они пошли по направленію къ Темзѣ. Матросы шли отдѣльными группами, притворяясь пьяными и расиѣвая во все горло. Педали слѣдовалъ за ними шагахъ въ двадцати. Подошедъ къ берегу, они остановились. Капитанъ бросилъ вокругъ себя проницательный

взглядъ и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, подавъ знакъ; матросы безъ шума стали спускаться къ водѣ, по старой, полу-развалившейся каменной лѣстницѣ.

— Чья очередь сегодня? спросилъ Педди.

Два человѣка отдѣлились отъ толпы.

— Сони и Патрикъ? продолжалъ капитанъ: смотрите же, не зѣвать.... а вы, по лодкамъ!

Сони и Патрикъ остались на набережной, развернули сторожевые вѣщи, бывшіе у нихъ подъ-мышкой, закутались въ нихъ и молча растянулись на землѣ. Матросы и капитанъ Педди О'Крентъ размѣстились по-ровну въ трехъ лодкахъ, длинныхъ, черныхъ и съ краями, едва-едва возвышавшимися надъ водою.

— За весла! ровнѣе! сказалъ тихимъ голосомъ Педди, командовавшій главной лодкой:—греби!

Лодки въ тишинѣ отчалили и стали лавировать между множествомъ судовъ, которыми покрыта была Темза.... трудно было грести, часто весла запутывались въ сѣти канатовъ и веревокъ, но никто не говорилъ ни слова, не слышно было ни малѣйшаго шума....

Густой туманъ, смѣшанный съ тяжелыми парами отъ каменнаго угля, покрывалъ рѣку какъ огромный саванъ. Только изрѣдка, подобно искрамъ, свѣтились въ туманѣ прибрежные огни.... на судахъ не видно было ни души.

Мы уже сказали, что это былъ воскресный вечеръ. Всѣ дѣла были прерваны. Только изъ-дали, изъ болѣе населенной части города, слышались урывками тяжелыя и печальныя пѣсни пьяной лондонской черни.

Три лодки капитана Педди выбрались наконецъ на середину рѣки и пошли вверхъ противъ теченія.

— Славная погодка, Томмъ голубчикъ, славная погодка, чортъ возьми! сказалъ капитанъ, подъѣзжая подъ арку новаго лондонскаго моста.

— Славная погодка, капитанъ! отвѣчалъ дюжій Томмъ Тёрнбуллъ: только скоро вода перестанетъ прибывать....

— А на убыли подымется вѣтерокъ, разгонитъ туманъ надо поторопиться: прибавилъ другой лодочникъ, тѣмъ толстякъ, что занималъ всю ширину лодки.

— Поторопимся, толстый Чёрли, сказалъ небольшой

мальчикъ, по имени Снэль; его честь давно не видалъ насъ; карманы наши пусты, а жить въ Лондонѣ чертовски дорого, какъ говорить Бобъ-Лантернъ.....

— Молчать, воровское отродье; не шуми, сынокъ мой милый, сказалъ ласково капитанъ. Чѣмъ меньше будешь говорить о его чести, тѣмъ лучше для тебя..... Но что сталося съ этимъ подлымъ висѣльникомъ, съ добрымъ нашимъ Бобъ-Лантерномъ?

— Женлся, отвѣчалъ Чёрли: на бабѣ ростомъ въ шесть футовъ..... Съ-тѣхъ-поръ его и не видно.

— А! вскричалъ Снэль, мистеръ Бобъ хитрѣе насъ. Онъ трудится для себя.... по воскресеньямъ онъ ходитъ вечеромъ въ церковь.... Тамъ славно....

— Смирно, чертѣнокъ! Тише, мой милый! прервалъ опять капитанъ: на этомъ мосту водятся полицейскіе.... Чёрли, ударисья объ стѣну, тетеревь!.... правымъ ве-
сломъ, правымъ!

Чёрли повиновался. Лодка вышла изъ густаго мраку, царствовавшаго подъ мостомъ.

— О-о! вскричалъ Томмъ: три огонька! Добыча хороша.... довольно ли будетъ трехъ лодокъ?

Огни, о которыхъ говорилъ Томмъ, ясно видны были сквозь туманъ съ трехъ разныхъ сторонъ, и бросали яркій зеленоватый свѣтъ.

— Намъ надо раздѣлиться, сказалъ капитанъ, и тихимъ голосомъ отдалъ приказанія матросамъ, сидѣвшимъ въ другихъ двухъ лодкахъ, назначивъ каждой, въ которую сторону плыть. Лодка капитана осталась на серединѣ рѣки.

— Сегодня не видно желтаго фонаря, сказалъ Томмъ: это странно; въ теперешнее время иностранцевъ съ материка пріѣзжаетъ множество.

— Тѣмъ лучше, возразилъ Педди: не люблю желтаго фонаря.... мнѣ всё кажется, что я слышу послѣдній крикъ бѣдняка, котораго рѣжутъ.... Да, это слабость.... но когда я вижу желтый фонарь, я пью больше джину; чтобы придать себѣ смѣлости.... Ты смѣешься, Томмъ, бездушный плутъ....

— Однимъ болѣе, однимъ менѣе, сказалъ Тёрнбуллъ равнодушно: во множествѣ оно и не замѣтно.

— Притомъ же, прибавилъ толстый Чёрли: надо же чѣмъ-нибудь жить. Если бѣ хозяева трехъ нашихъ гостиницъ не занимались иногда ремесломъ рѣзакъ, что бы случилось съ добрыми братьями нашими, Бишопомъ и компаніей?

— Меня желтый фонарь радусть! заключилъ маленькій Смалъ.

— Въ эти лѣта! проворчалъ Педди; этотъ милый мальчикъ самое ядовитое животное.... Осторожнѣй, Чёрли!

Лодка повернула къ берегу и опять вступила въ лабиринтъ кораблей, парусовъ, барокъ и другихъ судовъ, стоявшихъ возлѣ берега. Чёрли искусно дѣйствовали веслами, Тёрбуллъ правилъ рулемъ и лодка вскорѣ пристала къ берегу около Темплъ-Гардена, въ небольшой гавани, образованной выступами высокаго дому, построеннаго частью на сваяхъ, частью на твердой землѣ. У этого дому стоялъ фонарь, изливавшій зеленоватый свѣтъ.

Педди сталъ ошупью искать чего-то на одномъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ сводъ; рука его встрѣтила проволоку, съ кольцомъ на концѣ: онъ позвонилъ.

Нѣсколько минутъ спустя послышался надъ самой лодкой скръшь, какъ-бы отъ заржавленныхъ дверныхъ петель.

— Кто тамъ? осторожно спросилъ чей-то голосъ.

— Товарищи, почтенный и достойный Груфъ, отвѣчалъ капитанъ: будь я проклятъ, если не радъ пожелать вамъ добраго вечера! А какъ поживаетъ супруга ваша?... Педди былъ прерванъ толчкомъ тюка, спускавшагося на веревкѣ со свода.... Экой мошенникъ, Груфъ! проворчалъ онъ съ досадою: чтобъ тебѣ самому провалиться въ люкъ!... и капитанъ поспѣшно уклонился.

Матросы сняли тюкъ и бросили его на дно лодки. Веревка была немедленно втянута кверху.

— Это пахнетъ мускусомъ, сказалъ Томмъ: видно, чемоданъ джентльмена.... Чёрли, не заваливай клапана....

— Не бойсь, Томмъ, онъ на виду; только мнѣ очень не хотѣлось бы выкупаться сегодня, отвѣчалъ толстякъ.

Пять тюковъ были спущены одинъ за другимъ и уложены на дно лодки.

— Добрай ночи! прожались наконецъ грубый голосъ сверху.

Веревка встала; лодъ былъ закрытъ.

— Гребни, Чёрли, толстый лебедь мой! сказалъ капитанъ. Кажись, вѣтеромъ хочеть разогнать туманъ.... Добрай ночи, Грусь, старый вампиръ, проклятый рѣзакъ. Добрай ночи!.. но вотъ, кажись, одна изъ лодокъ нашихъ... Оэ!

— Шесть тюковъ, напуганъ.

— Ладно!... гребите, ребята! Вотъ и лодка отвратительнаго злодѣя, Мичеля, нашего добраго товарища... Оэ!

— Два маленькіе пакета, капитанъ.

— Два маленькіе пакета! повторилъ Педди съ недовольнымъ видомъ и пожавъ плечами.

Три лодки шли теперь по теченію; онѣ неслись быстро, однако жъ вѣтеръ, поднявшійся вмѣстѣ съ отливомъ, разгонялъ туманъ; можно было уже различать лѣса мачтъ и сѣть канатовъ; въ струяхъ рѣки начинало искривляться отраженіе газоваго освѣщенія.

— Дѣло портится, сказалъ Тёрнбуллъ. Свѣтъ съ мосту прямо падаетъ на насъ.... увидать....

— Гребни, Чёрли, толстая акула! проговорилъ капитанъ. Еще одинъ ударъ веслами и мы скроемся за кораблями, а тамъ Богъ дастъ.... Педди вздохнулъ и прибавилъ: — А вода должна быть холодна сегодня; не хотѣлось бы выкупаться!

Вскорѣ лодки приблизились къ тому мѣсту, отъ котораго отправились. По знаку капитана всѣ остановились.

— Мяучь, Снэль, котёнокъ, мяучь! сказалъ тихимъ голосомъ Педди.

Въ то же мгновеніе въ одной изъ лодокъ раздалось протяжное и весьма натуральное мяуканье. Нѣсколько секундъ спустя съ берегу послышался глухой лай.

— Проклятіе! проворчалъ Педди; намъ преградили дорогу!... Впрочемъ, чортъ знаетъ этого Сони, онъ такъ хорошо лаесть, что право, не знаешь, онъ ли или кака-нибудь паршивая собака.... Мяучь еще, Снэль.

Мяуканье повторилось. Лай послышался снова.

— Ну, ужъ теперь это дѣйствительно Соня! проворчалъ

Тёрбуллъ... Плохо, видно таможенная лодка между нами и пристанью.

— Разбойники, эти таможенные! прибавилъ Педди: будто нашъ братъ станетъ контрабандой заниматься!... Что дѣлать, ребята! подымайся выше, пристанемъ за мостомъ.... По счастью вѣтеръ падаетъ, туманъ густѣетъ.... Греби веселъ!

Три лодки тронулись разомъ, но въ то самое время когда лодка Педди миновала корабль, въ тѣни котораго находилась, появилась съ другой стороны черная масса.

— Стой! закричалъ повелительный голосъ.

— Лавируй, Томмъ!... греби, Чёрли! шопотомъ проговорилъ капитанъ.

Лодка съ быстротою птицы направилась къ берегу, но тяжелый крюкъ вцѣпился въ бордъ и остановилъ ходъ ея.

— Живѣ руби веревку! сказалъ капитанъ.

Томмъ съ-размаху ударилъ топоромъ.

— Цѣпь! проворчалъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Оѵ! Стой! Кто на лодкѣ? спросилъ опять повелительный голосъ.

Отвѣту не было.

Цѣпь, къ которой былъ придѣланъ крюкъ, натянулась и съ силой повлекла лодку къ черной массѣ, которая была не что иное, какъ таможенный катеръ.

Капитанъ надвинулъ шляпу на глаза и прицѣпилъ трость къ петлѣ фрака.

— Чортъ ихъ возьми! проговорилъ онъ хладнокровно. Не хотѣлось мнѣ сегодня выкупаться.... Чёрли, прочь съ клапана.... спасайся кто можетъ!

Дно лодки открылось какъ по волшебству: люди и тюки исчезли въ водѣ.... таможенный крюкъ привлекъ къ катеру пустую, бездонную лодку....

Другія двѣ лодки, воспользовавшись минутной суматохой, успѣли пристать къ берегу, на который въ то же время вышли капитанъ и его товарищи.

— Холодна вода сегодня, сказалъ Педди, выходя на пристань: болвно холодна, чортъ ее поберетъ!....

Онъ не потерялъ ни трости, ни шляпы. Снѣзь отряхнулся, какъ мокрый пудель, мяукнулъ и спрятался подъ

плащъ Сони, который весело залапалъ. Матросы взвалили на плеча тюки и отправились по мрачнымъ закоулкамъ, стараясь какъ-можно болѣе удалиться отъ таможни. Капитанъ Педди пошелъ домой, надѣлъ другой синій фракъ, другія лосинныя панталоны и преспокойно явился опять въ тавернѣ «Короны».

Когда онъ входилъ въ чистую комнату, мистриссъ Борнетъ опять ссорилась съ Сузанной, которая слушала громкую брань хозяйки съ спокойствіемъ, походившимъ на презрѣніе или апатію. Мистриссъ Борнетъ никогда не славилась терпѣливостью, а теперь совершенно вышла изъ себя и съ-размаху опустила толстую руку свою на блѣдную щеку Сузанны.

— Чортъ возьми! подумалъ Педди: теперь я не скоро дождусь гроггу!

Слѣпой сидѣлъ всё на томъ же мѣстѣ, за вторымъ стаканомъ вина съ сахаромъ. При звукѣ пощечины онъ вскочилъ.... шея его вытянулась; на лицѣ, обыкновенно незначительномъ, выразилось живѣйшее любопытство.

Дѣйствіе пощечины на Сузанну было ужасно. Судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Мрачный огонь блеснулъ въ черныхъ глазахъ ея... можно было подумать, судя по движенію всего тѣла, что она, какъ разъяренная тигрица бросится на обидчицу....

— Хе, хе! проворчалъ капитанъ: бьюсь объ закладъ, что это не пройдетъ даромъ хозяйшкѣ.

Мистриссъ Борнетъ подумала, вѣроятно, то же; краска сошла съ лица ея.... она задрожала.... но красавица, подавивъ гнѣвъ, съ видомъ презрѣнія скрестила руки на груди. Слѣпой вздохнулъ, какъ-бы успокоившись.

Сузанна, не говоря ни слова, пошла къ дверямъ и вышла изъ таверны. Тиррель бросилъ монету на столъ и не требуя сдачи, послѣдовалъ ощупью за служанкой, которая твердымъ, мѣрнымъ шагомъ шла по мостовой. Она не торопилась. Тусклый свѣтъ фонарей придавалъ прекраснымъ формамъ ея что-то фантастическое. Тиррель, какъ-бы ведомый таинственнымъ инстинктомъ, слѣдовалъ за нею, но уже не ощупью.

Сузанна направила шаги къ рѣкѣ. Тиррель скоро догналъ ее.

— Куда ты идешь, красавица? спросилъ онъ заботливо.

— Къ Темзѣ! отвѣчала Сузанна не останавливаясь и не ускоряя шаговъ.

— Къ Темзѣ! повторилъ Тиррель. Неужели вы хотите умереть?

— Да, отвѣчала Сузанна.

— Зачѣмъ?

— Я не имѣю ни надежды въ будущемъ, ни пристанища въ настоящемъ.

— Я вамъ дамъ пристанище и надежду, Сузанна.

Сузанна не останавливалась.

— Многіе уже говорили мнѣ это же самое, сказала она: они хотѣли купить меня.... вы, вѣрно, тоже.... Я не продаюсь.

— Сохрани Боже, Сузанна!

— Я люблю одного человѣка, продолжала она: оттого и не хочу продать себя.

Тиррель отступилъ съ изумленіемъ.

— Только оттого? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала красавица небрежно.

Оставалось нѣсколько шаговъ до Темзы. Тиррель схватилъ руку служанки и произнесъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ любовиства:

— А стыдъ?

— Стыда я не знаю.

— Чему же васъ научила мать? вскричалъ пораженный Тиррель.

— Ничему.... я дочь женщины, которая покинула меня въ колыбели и Жюда, повѣшеннаго въ Тибурнѣ за веревство, произнесла Сузанна спокойнымъ голосомъ.

— Слѣдовательно, вы ничему не учились?

— Отецъ мой былъ нѣкогда богатъ!... отвѣчала она съ живостью: я умѣла наряжаться, пѣть, танцовать.... я знала нѣсколько европейскихъ языковъ....

— Возможно ли? Правду ли ты говоришь, Сузанна? перервалъ ее слѣпой.

— Я хочу умереть, холодно отвѣчала дѣвушка.

Свѣтъ изъ окна, мимо котораго они проходили, освѣтилъ лица дѣвушки и слѣпца; на лицѣ первой выражалось прежде мрачное разнедушаніе; глаза Тирреля блистали страннымъ огнемъ.

— А если тебѣ возвратять прежнюю жизнь твою, дитя? спросилъ онъ.

— Прежнюю жизнь мою! прошептала красавица: о!...

— Я возвращу ее, говорятъ тебѣ.

Она поколебалась, быстро взглянула на своего спутника, и столь же быстро бросилась къ рѣкѣ, проговоривъ:

— Не вы первые!... Нѣтъ... сердце и тѣло мое, все принадлежитъ ему!

— Мнѣ не нужно ни сердца, ни тѣла твоего, вскричалъ Тиррель: я слѣпой!

Слова эти достигли слуха Сузанны, когда она готовилась уже броситься въ воду... она остановилось внезапно.

— Ни сердца, ни тѣла моего! повторила она: слѣпой?... Что же вамъ надо?

— Мнѣ нужна твоя воля.

Сузанна опустила прекрасную голову свою на грудь.

— Однажды, проговорила она: умирая отъ голоду и усталости, я упала у порога этой женщины, которая сейчасъ ударила меня... Взамѣнъ свободы моей, она дала мнѣ хлѣба, только хлѣба!... Я могу еще быть служанкой....

— Вы согласны? спросилъ Тиррель.

— Что мнѣ надо дѣлать?...

Тиррель вынулъ изъ кармана туго набитый кошелекъ и положилъ его въ руку Сузанны.

— Ждать... сказалъ онъ; слушайте: я покупаю васъ не для себя, слабаго слѣпца, но для сильнаго, страшнаго общества.... Я хорошо знаю васъ и знаю, какъ вы можете быть полезны.... Ни слова о нашей встрѣчѣ!... вѣрность и безусловное повиновеніе, вотъ обязанности ваши.... Найдите себѣ на эту ночь гдѣ-нибудь пристанище.... Завтра въ полдень, явитесь въ домъ, означенный на этомъ адресѣ (онъ вручилъ ей карточку); дверь передъ вами отворится, вы войдете и малѣйшее приказаніе ваше исполнится,

потому что домъ этотъ будетъ вашъ.... Прощайте, Сузана! Мы еще увидимся.

Въ это же воскресенье и въ тотъ же вечеръ, когда происходило рассказанное нами, Стѣфенъ Макъ-Набъ, родомъ Шотландецъ, званіемъ докторъ, около двадцати-четырехъ лѣтъ отъ-роду, шелъ съ двумя кузинами своими въ темпльскую церковь. Старшую звали Кларой, младшую Анной. Отецъ ихъ былъ судья думфрійскаго графства—его звали Энджусомъ Макъ-Фарлэнномъ.

Клара и Анна были прелестныя дѣвушки—только лицо первой было серіознѣе, взглядъ задумчивѣе; Анна, вмѣстѣ робкая и веселая, сохранила дѣтское выраженіе лица; въ будущемъ ей представлялись только радость и счастье; ни одна печальная мысль не омрачала еще беззаботнаго ея личика; большіе, веселые, черные глаза ея были доселѣ знакомы только съ тѣми слезами, которыя текутъ безъ горечи и высыхаютъ на щекѣ, не оставляя слѣда на душѣ.

Обѣимъ были внушены восторженныя идеи шотландскаго благочестія. Молиться было главнымъ ихъ занятіемъ, и обряды религіи наполняли всю жизнь ихъ. Мать Стѣфена Макъ-Наба, тѣтка ихъ, у которой онѣ жили, была благочестива и проводила все время съ добрыми, но мало-занимательными мистриссами и пасторомъ Джономъ Бутлеромъ, который полюбилъ молодыхъ дѣвушекъ отеческою любовью.

Стѣфенъ былъ добрый малый; кончивъ курсъ медицины, онъ занимался практикою въ Лондонѣ въ ожиданіи пока королевская академія приметъ его въ число ученыхъ членовъ своихъ. Онъ воображалъ, что прекрасно знаетъ свѣтъ и людей; порядочно игралъ въ вистъ и одѣвался щеголевато. Онъ очень любилъ своихъ кузинъ: къ Кларѣ онъ питалъ любовь, а къ Аннѣ искреннюю дружбу—но эти два чувства были такъ неопредѣленны въ душѣ его, что онъ не могъ еще дать себѣ яснаго въ нихъ отчета.

Мать Стѣфена была нездорова, а потому не могла проводить племянницъ въ церковь и поручила эту обязан-

ность сыну. Молодые дѣвушки, войдя въ церковь, преклонили колѣна, помолились, потомъ встали и пошли впередъ, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли женщины. Анна сѣла и привѣтствовала милой улыбкой нѣкоторыхъ изъ подругъ; Клара этого не сдѣлала: она обратила разсѣянный взоръ къ колоннамъ, у которыхъ остановился Стѣфенъ. Вдругъ молодая дѣвушка вздрогнула, опустила голову и поблѣднѣла. Казалось, таинственная сила оковала всѣ ея члены и огненный взоръ не сходилъ съ колонны.

— Странно! подумалъ Стѣфенъ: на кого это она смотритъ, и поспѣшно обойдя колонну, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который стоялъ прислонившись къ столбу.

Стѣфенъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; бросилъ быстрый взглядъ на Клару, но она уже отвернулась и сѣла. Глубокая, тягостная боязнь вкралась въ сердце молодого доктора.... любовь, въ которой онъ доселѣ не могъ еще отдать себѣ отчету, вдругъ обнаружилась.... Клара сдѣлалась цѣлью его жизни, необходимою для его счастья. Объ Аннѣ онъ и не вспомнилъ. Лицо его горѣло; сердце сильно билось въ груди, онъ готовъ былъ плакать.... Отчего жъ эта любовь, до-тѣхъ-поръ незамѣтная, едва зародившаяся, вдругъ вспыхнула?

Цѣль, до которой мы легко можемъ достать рукою, не прельщаетъ насъ; чтобы понять всю цѣну сокровища, надо бояться потерять его.... и Стѣфенъ произнесъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Она смотрѣла не на меня!

Тщетно старался онъ подавить непріятное чувство, которое имъ овладѣло.... Взоръ его, исполненный ненависти, устремился на человѣка, котораго онъ считалъ своимъ соперникомъ, и какъ-бы вызывалъ его на смертельный бой.

Незнакомецъ ни чего не замѣчалъ. Глаза его были закрыты; улыбка не сходила съ лица. Ему казалось лѣтъ подлѣ-тридцать; онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и отличался аристократическимъ изяществомъ; одѣтъ по модѣ, но просто и съ отличнымъ вкусомъ. Лицо его представляло замѣчательный типъ мужественной, выразительной красоты;

высокий лобъ, гладкій, безъ морщинъ, но перерѣзанный сверху внизъ легкимъ слѣдомъ отъ раны, почти незамѣтнымъ когда лицо его имѣло спокойное выраженіе, было обрамлено прекрасными, черными волосами. Глазъ его не было видно, подъ опущенными вѣками. Ротъ, полу-открытый улыбкой и надъ которымъ проходили черные усы, выказывалъ рядъ бѣлыхъ, маленькихъ зубовъ, которымъ могла бы позавидовать женщина. Черныя, рѣзко очерченныя брови придавали видъ твердости и гордости этому слишкомъ нѣжному лицу. Небрежно прислонясь къ столбу, онъ, казалось, спалъ и слѣдилъ за радостнымъ свидѣніемъ; на лицѣ его отражались быстрыя, но пріятныя ощущенія.

Стѣфенъ долго, съ досадою смотрѣлъ на него. Молодой докторъ зналъ, что онъ самъ не дуренъ собою, но ему и въ умъ не приходило сравниться съ незнакомцемъ-красавцемъ. Ревность заставляла его смотрѣть на незнакомца, какъ на одного изъ тѣхъ людей съ магнитическимъ взглядомъ, которые, въ романахъ, побѣждаютъ добродѣтельныѣйшихъ женщинъ; ему казалось, что этотъ человекъ настоящій донъ Хуанъ. Не зная, кчему бы прицѣпиться, Стѣфенъ обратилъ все свое вниманіе на закрытые глаза незнакомца; онъ представлялъ ихъ себѣ красными, болѣзненными; потомъ, исполненный сладостной надежды, онъ сталъ потирать руки и подумалъ:

— Онъ, вѣроятно, косъ!

Эта благодѣтельная мысль значительно успокоила его и такъ какъ проповѣдь подходила къ концу, то онъ отошелъ отъ прекраснаго мечтателя, чтобы лучше присматривать за Кларой. Едва онъ занялъ новое мѣсто, какъ всѣ въ церкви встали; вся душа Стѣфена перешла въ глаза.

Вставая, Клара опять бросила взглядъ къ злополучному для Стѣфена столбу. И въ этотъ разъ взглядъ ея былъ пронзателенъ, исполненъ огня. Стѣфенъ отдалъ бы полгода своей жизни за одинъ подобный взглядъ. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ отвѣчалъ на него незнакомецъ.

Странное дѣло! незнакомецъ продолжалъ мечтать.

— Онъ даже не смотритъ на нея! подумалъ Стѣфенъ съ негодованіемъ: любить она, а не онъ!...

Въ это время священникъ началъ пѣть псаломъ и хоръ

свѣжыхъ и чистыхъ голосовъ вскорѣ заглушала дрожавшій голосъ его.

Мечтатель граціозно приподнялъ голову; улыбка еще болѣе развилась на лицѣ его, выразившись неясный восторгъ. Стѣфенъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Немѣръ-того, какъ всакомъ приближался къ окончанію, лицо и положеніе незнакомца приняли выраженіе болѣе нѣжнаго, чувственнаго наслажденія.

— Для больныхъ нашихъ! сказалъ въ это время нѣжный голосокъ за Стѣфеномъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ Анну, которая собирала подавлянія на бѣдныхъ. Стѣфенъ, порывшись въ карманахъ, и увлеченный порывомъ необъяснимой щедрости, бросилъ въ кошелекъ двѣ кроны. Анна поблагодарила его граціозной улыбкой.

— Въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, я превзойду тебя, ненавистный незнакомецъ! подумалъ Стѣфенъ, бросивъ на него торжествующій взглядъ.

— Для нашихъ больныхъ! повторила Анна, остановившись передъ мечтателемъ.

Онъ вздрогнулъ и въ-половину раскрылъ глаза. При видѣ Анны, они совершенно раскрылись и взоръ его, такъ сказать, впился въ нее. Анна, покраснѣвъ и стыдливо опустивъ глаза, хотѣла удалиться, но онъ остановилъ ее жестомъ, исполненнымъ граціи и вынувъ изъ кармана бумажникъ, опустилъ въ кошелекъ ассигнацію въ десять фунтовъ стерлинговъ, низко поклонившись молодой дѣвушкѣ.

Стѣфенъ судорожно сжалъ кулаки и до-крови укусылъ нижнюю губу.

— Десять фунтовъ!.... а я хвасталъ своими десятью шиллингами! проворчалъ онъ.

Незнакомецъ нѣсколько времени слѣдилъ взоромъ за Анной. Когда она исчезла въ толпѣ, онъ выршился и бросилъ вокругъ себя равнодушный и разсѣянный взглядъ.

— Онъ не косо! подумалъ Стѣфенъ съ горестью. Потомъ, какъ-бы пораженный внезапной мыслью, прибавилъ: — И гдѣ-то его видѣлъ!....

Тщетно старался онъ припомнить гдѣ и когда, и, наконецъ, заключилъ, что его обманывало одно слабое сходство.

Незнакомецъ не только не былъ косымъ, но прекрасные, большіе темно-голубые глаза увеличивали еще прелесть его физиономіи. Взглядъ его былъ величественъ и исполненъ глубокой мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ, эмалевый видъ зрачковъ придавалъ глазамъ ту сухость, которая, по мнѣнію Лафатера, означаетъ обдуманную и неограниченную чувственность.

Между-тѣмъ на дворѣ стало уже совершенно темно. Часть церкви, въ которой происходила служба, была ярко освѣщена, тогда какъ прочія части были погружены въ глубокой мракъ.

Незнакомецъ, развлеченный въ мечтаніяхъ своихъ, отошелъ отъ столба и медленно направилъ шаги къ выходу. Въ одно время съ нимъ, тронулся съ мѣста человекъ, дурно одѣтый и подозрительной наружности, бросившій жадный взглядъ на бумажникъ незнакомца. Человекъ этотъ не послѣдовалъ за мечтателемъ, но пошелъ по другой сторонѣ, такъ что оба должны были встрѣтиться въ самой отдаленной и мрачной части сводовъ.

Стѣфенъ замѣтилъ это и внезапная мысль сверкнула въ головѣ его. Онъ былъ уже довольно давно въ Лондонѣ, чтобы знать, что тамъ самый умѣренный злодѣй смѣется надъ святотатствомъ. Ему казалось, что намѣренія человека подозрительной наружности не чисты. Стѣфенъ былъ не романическій герой, однако жъ человекъ образованный и благородный. Отвергнувъ всякое эгоистическое чувство, онъ смѣло послѣдовалъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, за незнакомцемъ, рѣшившись, въ случаѣ нужды, подать ему помощь.

Мечтатель шелъ медленно. Онъ по временамъ останавливался, возвращался и опять удалялся, какъ-бы отыскивая то мѣсто, откуда лучше всего могло быть слышно неясное и отдаленное пѣніе псалмовъ. Иногда онъ подымалъ голову и восхищался лѣсомъ готическихъ столбовъ, освѣщенныхъ только съ одной стороны и походившихъ такимъ образомъ на узкую полосу свѣту, выходящую изъ-подъ полу и касавшуюся стропиль. На каждомъ шагѣ

ему представлялись новыя, фантастическія картины, раз-
нообразившіяся до безконечности.....

Стѣфенъ долго слѣдовалъ за мечтателемъ, но въ церков-
ной галереи было такъ темно, что на десять шаговъ
нельзя было различать предметовъ. Молодой докторъ по-
терялъ изъ виду мечтателя и несмотря на всѣ поиски,
не могъ найти его. Тогда Стѣфенъ бросился къ противопо-
ложной сторонѣ, чтобы остановить человѣка, намѣренія
котораго казались ему преступными, но и тамъ не на-
шелъ никого.

Стѣфенъ находился въ затруднительномъ положеніи;
нельзя же ему было, по одному подозрѣнію, которое могло
показаться безразсуднымъ, нарушить благочестивую ти-
шину молившихся; съ другой стороны жизнь человѣка
могла находиться въ опасности.... Онъ былъ въ какомъ-
то лихорадочномъ состояніи..... по временамъ слышался
ему глухой, хриплый стонъ умирающаго.... А въ отдале-
ніи всё раздавалось гармоническое и священное пѣніе псал-
мовъ.....

Между мелодическими звуками церкви и тишиною га-
лерей, между освѣщеніемъ одной и мракомъ другой, былъ
контрастъ, наводившій ужасъ на бѣднаго Стѣфена.....

Между-тѣмъ мечтатель, и не подозрѣвая опасности,
быть-можетъ, мнимой, въ которой находился, вступилъ
въ часть галереи, гдѣ полъ былъ закрытъ коврами, спле-
тенными изъ тонкаго камышу. Эти-то ковры, заглушивъ
шумъ шаговъ незнакомца, и заставили Стѣфена потерять
слѣдъ его. Туда достигало церковное пѣніе уже слабо, но
исполненное меланхолической гармоніи. Мечтатель былъ
въ поэтическомъ расположеніи духа и все вокругъ него
дышало поэзіей..... онъ опустился на скамью; въ ту же
минуту за нимъ послышался легкій шумъ, онъ оглянул-
ся—никого не было; но мало-по-мало воспримчивое воо-
браженіе его наполнилось другими картинами. Высокая
галерея, уединенная и мрачная, представилась вдругъ
передъ нимъ въ ужасающемъ видѣ. Послѣдніе звуки рели-
гіозной музыки могли, по мнѣнію его, заглушить стонъ
умирающаго. Въ тѣни могли скрываться злоумышленники
и, можетъ-быть, въ то самое время, когда тамъ, при свѣ-

тъ люстръ и свѣчей, молился Богу, здѣсь, въ тишинѣ и мракѣ нечистая сила направляла шаги убійцы!....

Мысли эти толпились въ головѣ его, когда другой шумъ, болѣе явственный, вторично поразилъ слухъ его.... Казалось, что-то ползло по камышевымъ коврамъ..... Незнакомецъ былъ неподвиженъ; но мечты улетали и умъ его, внезапно возвратившись къ дѣйствительности, хладнокровно сталъ обдумывать опасность своего положенія. Тихимъ, едва замѣтнымъ движеніемъ, онъ поворотилъ голову и увидѣлъ черную массу, ползкомъ приближающуюся къ нему...

— Этотъ негодяй угадалъ мысль мою, подумалъ незнакомецъ: онъ хочетъ убить меня.

Онъ не трогался и ждалъ спокойно; нѣсколько секундъ спустя человекъ подозрительной наружности, однимъ скачкомъ, подобно тигру, бросился впередъ.... Ножъ его, искусно направленный, ударился о спинку скамьи.... незнакомецъ уклонился съ быстротою молніи. Когда убійца опомнился, рука его была сжата, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— Уфъ! простоналъ онъ отъ боли: я полагалъ, что на свѣтѣ только у одного человека такая ручка!

Онъ вперилъ взоръ въ незнакомца. Глаза обоихъ были, по-видимому, привычны къ мраку; они узнали другъ друга.

— Бобъ-Лантернъ! проговорилъ мечтатель.

— Сжальтесь! Ваша честь! простоналъ убійца, упавъ на колѣни. Я не узналъ васъ.

«Его честь» отпустилъ руку Бобъ-Лантерна, который умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Добрый господинъ мой, добрый сэръ Эдуардъ, въ этомъ платѣ у васъ талья какъ у молоденькой дѣвушки.... Я не узналъ васъ.

— Молчать! сказалъ повелительно сэръ Эдуардъ. Что дѣлають твои товарищи?

— Ничего хорошаго.... въ Лондонѣ жить дорого.....

— Приходите завтра, вамъ заплатятъ; но смотри, мистеръ Бобъ, впередъ не пускайся на такія дѣла!

Сэръ Эдуардъ спокойно пошелъ впередъ. Бобъ послѣ-

доваль за нимъ, опутивъ руки въ карманы и съ видомъ собаки, наказанной хозяиномъ.

Стёфенъ рѣшился наконецъ воротиться въ церковь, гдѣ благочестивые молеельщики готовы были ужерастходиться. Онъ крайне изумился, увидѣвъ опять незнакомца, который спокойно возвращался въ сопровожденіи дурно одѣтаго человѣка. Увидавъ, что не было никакой опасности, Стёфенъ опять возненавидѣлъ мечтателя и почти раскаявался въ томъ, что беспокоился о немъ.

Сэра Эдуарда нельзя было теперь назвать мечтателемъ. Онъ шелъ, гордо поднимая голову и бросивъ перчатки, которыми прикоснулся къ Бобъ-Лантерну, надѣвалъ другія.

Бобъ поднялъ брошенные перчатки и спряталъ ихъ въ карманъ. Добыча эта была очень бѣдна, но есть люди, которые подымутъ булавку, а Бобъ-Лантернъ былъ изъ тѣхъ, которые скорѣе согласятся взять хоть что-нибудь изъ чужаго кармана, нежели ничего не брать.

Надѣвая перчатки, Эдуардъ замѣтилъ хорошенькую дѣвушку, превращую мечтанія его, но не обратилъ вниманія на Клару, которая не спускала съ него глазъ. Стёфенъ смотрѣлъ только на Клару и ревность волновала кровь его. Эдуардъ приставилъ лорнетъ къ глазу.

— Она, рѣшительно, очаровательна, прошепталъ онъ, сдѣлавъ знакъ Бббу, чтобы тотъ приблизился. — Видишь ли ты эту хорошенькую дѣвушку, подлѣ кафедръ? шепнулъ онъ ему на-ухо.

— Тамъ ихъ нѣсколько.

— Самую хорошенькую.

— Это дѣло вкуса.

— Ту, которая закрываетъ молитвенникъ.

— А-га! Вижу.

— Ступай за нею и завтра прійди сказать мнѣ, гдѣ она живетъ и кто она.

Бобъ-Лантернъ сдѣлалъ утвердительный знакъ и Эдуардъ, натянувъ перчатки, удалился. Онъ прошелъ мимо Стёфена, но не обратилъ вниманія на взглядъ, полный ненависти, который бросилъ на него молодой докторъ. Клара долго слѣдила за нимъ взоромъ. Какъ-скоро онъ ушелъ, Стёфенъ подошелъ къ Бобъ-Лантерну.

— Какъ зовутъ этого человѣка? спросилъ онъ.

— Какого человѣка? спросилъ Бобъ вмѣсто отвѣту.

— Съ которымъ ты говоришь.

— Это не человѣкъ, важно возразилъ Бобъ, а джентльменъ.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю.

Стефенъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ два шеллинга, и всунулъ ихъ въ руку Бобъ-Лантерна.

— Вотъ это другое дѣло, сказалъ послѣдній, спрятавъ деньги въ карманъ: вы хотите знать, какъ его зовутъ?

— Да; скорѣй!

— Не знаю.

Потомъ насмѣшливо и вмѣстѣ униженно поклонившись, онъ прибавилъ:

— Дай Богъ вамъ здоровья, добрый господинъ! — и исчезъ.

Въ этотъ же самый вечеръ въ Треворъ-Гоузъ былъ балъ. Лордъ Джемсъ Треворъ, вельможа по происхожденію и по богатству, занималъ нѣсколько лѣтъ назадъ важную политическую должность. Со времени усиленія министерства виговъ, онъ удалился отъ дѣлъ и въ домѣ его сходились только важнѣйшія лица партіи тори. Онъ былъ вдовецъ; воспитаніемъ единственной дочери его, миссъ Мери Треворъ, занималась сестра его, леди Кемпблъ.

Леди Кемпблъ слыла красавицей въ 1820 году. Въ 183—году, времени, въ которомъ происходило разсказываемое нами, она уже лишилась значительной части своихъ прелестей, но сохранила еще желаніе нравиться. Это желаніе не выражалось у нея тѣми смѣшными и неблагопристойными манерами, которыя романтики наши, тонкіе наблюдатели, приписываютъ кокеткамъ большаго свѣта. Она не играла опахаломъ болѣе, сколько нужно было, чтобы освѣжиться; не бросала томныхъ взглядовъ; не вальсировала съ молодыми людьми. Кокетство ея было искуснѣе. Какъ женщина умная, она отбросила всѣ внѣшнія притязанія на молодость и красоту. Леди Кемпблъ была, въ своемъ кругу, женщина-исключеніе, о лѣтахъ ко-

торой никто не заботился; она господствовала въ избранномъ кругу, котораго была царицей и оракуломъ. Кавалерами ея во всѣхъ обстоятельствахъ были самые модные молодые люди. Всѣ любили ее, но — никто не уважалъ. Этого-то она и добивалась. Когда женщину перестаютъ любить и начинаютъ уважать, это значитъ, что она состарѣлась. Впрочемъ, возлѣ нея былъ магнитъ, могуществу котораго она была многомъ обязана.

Миссъ Мери Треворъ было осемнадцать лѣтъ; она обладала нѣжною, но блѣдною и слабою красотою — типомъ англійской аристократіи. Прозрачная, перламутровая бѣлизна лица ея окрашивалась иногда легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, но никогда не принимала румянца свѣжести. Прозрачность тѣла ея была особенно замѣтна вокругъ глазъ, гдѣ оно имѣло свѣтло-лазоревый цвѣтъ, посреди лба и на вискахъ, гдѣ сквозь тонкую кожу просвѣчивались тоненькія, голубыя жилки. Свѣтло-русые волосы ея, удивительно нѣжныя, ниспадали легкими локонами по обѣимъ сторонамъ лица. Глаза, нѣжно-голубаго цвѣту, часто вполнну закрывались и имѣли тогда выраженіе томной нѣги. Она улыбалась какъ дитя, но когда лицо ея дѣлалось серіознымъ, дрожація, едва замѣтныя морщинки, обрисовывавшіяся по сторонамъ рта, придавали ей выраженіе презрѣнія.

Въ нравственномъ отношеніи миссъ Мери была созданіе леди Кемпблъ. Слабая умомъ, какъ и тѣломъ, она, какъ мягкій воскъ, принимала всѣ образы, какіе хитрой тѣтушкѣ ея угодно было придать ей. Леди Кемпблъ гордилась своимъ созданіемъ и деспотическою властью, которую имѣла надъ племянницей.

Миссъ Мери была единственная дочь лорда Тревора. У отца ея было тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода. Не удивительно, что множество молодыхъ людей домогались руки ея; но выборъ Мери, или лучше сказать, выборъ тѣтки ея палъ на молодого человѣка, отличавшагося не богатствомъ, но знатностью происхожденія; этотъ молодой человѣкъ былъ младшій сынъ графа Фейфа, называвшійся Франкомъ Персевалемъ. Счастіе его казалось уже рѣшеннымъ, когда вдругъ явился новыи

поклонникъ, и побѣда стала клониться на его сторону. И не удивительно, потому что поклонникъ этотъ былъ никто иной, какъ самъ Рио-Санто!

Въ 183—году прибылъ въ Лондонъ маркизь Рио-Санто. Три дня послѣ прїѣзду его, весь Лондонъ говорилъ только о красотѣ и богатствѣ маркиза, хотя никто еще не видалъ его, потому что цѣлую недѣлю послѣ прїѣзду своего, Рио-Санто нигдѣ не показывался. Откуда же произошла эта извѣстность? Не знаемъ. Мало ли что бываетъ на свѣтѣ необъяснимаго.

Каждый представлялъ себѣ этого таинственнаго человѣка по обыкновеннымъ понятіямъ своимъ. Мужья, испуганные репутаціей его, представляли его себѣ въ красномъ плащѣ Фра-Діаволо или, по-крайней-мѣрѣ, донъ-Хуаномъ. Женщины надѣляли лицо его тѣмъ неопреодолимымъ выраженіемъ, фатализмомъ, на который онъ очень рады сваливать вину свою. Молодымъ дѣвушкамъ онъ снялся съ томными взглядами, орлинымъ носомъ и адской, но плѣнительной улыбкой. Старыя служанки, наконецъ, воображали, что у него на каждомъ пальцѣ брилліантовый перстень, трость изъ кости носорога и часы съ печатками, цѣною въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Можно представить себѣ до какой степени эта таинственность возбуждала всеобщее любопытство; тѣмъ болѣе, что вскорѣ въ дѣло вмѣшалась и политика. Въ клубахъ стали поговаривать, будто бы Рио-Санто тайный посолъ значительной державы. Данное ему порученіе, какъ увѣряли, имѣло высокую политическую важность. Никто не зналъ источника этихъ вѣстей, но всѣ дружно распространяли ихъ.

И виги и тори зашевелились. Кому маркизь отдастъ предпочтеніе? Какой партіи сдѣлаетъ онъ первый визитъ?

Въ одинъ вечеръ Рио-Санто явился въ гостиной леди Офелии Бернвудъ, прелестной, богатой, двадцатилѣтней вдовѣ графа Дѣрби.

Рио-Санто пошелъ. Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу женщины; всѣ взоры съ невыразимымъ любопытствомъ были устремлены на него.... всѣ единодушно рѣшили, что онъ красавецъ. Вскорѣ всѣ увѣрились, что онъ обладаетъ

рѣдкимъ умомъ, гибкимъ и сильнымъ, способнымъ все обнимать быстро. Краснорѣчіе его было неистощимо, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ рѣдкую, высокую способность—молчать.

Черезъ нѣсколько недѣль Рио-Санто былъ царемъ моды, душею всѣхъ аристократическихъ обществъ Лондона.

Въ одно время съ нимъ появились въ гостиныхъ большаго свѣта, нѣсколько людей знатнаго происхожденія или богатыхъ. Мы назовемъ изъ нихъ замѣчательнѣйшихъ: маіора Боруэма, сэра Джемса Ватерфильда, доктора Мюллера и кавалера Анджело Бѣмбо. Всѣ эти люди были, болѣе или менѣе, знакомы съ маркизомъ, но ни одинъ не былъ съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ.

Первой возлюбленной маркиза въ Лондонѣ, была, какъ говорили, графиня Дѣрби; до-тѣхъ-поръ репутація леди Офеліи была чиста какъ зеркало. Мужчины любили и боялись ея; женщины ей завидовали и ненавидѣли. Явился Рио-Санто.... и всѣ поступки графини покрылись таинственностью, которою воспользовались злые языки. Графиня могла заставить ихъ умолкнуть, по-прежнему принимая каждый день, но она не хотѣла; она любила Рио-Санто, любила его пламенно, безумно....

Рио-Санто любилъ сильно, но не долго. Страсть его была слишкомъ горяча, и потому не могла быть продолжительною. Онъ повергъ къ ногамъ леди Офеліи сердце, жизнь, будущность свою.... онъ поклялся ей въ вѣчной любви, но увылъ... если Рио-Санто и не обманывалъ, такъ онъ самъ часто обманывался.

Весь фешенебельный Лондонъ въ продолженіи цѣлой недѣли говорилъ о скоромъ бракѣ маркиза Рио-Санто съ леди Офеліей Бернвудъ, графиней Дѣрби. Несмотря на то бракъ не состоялся. Рио-Санто самъ вездѣ рассказывалъ, что получилъ отказъ. Иные повѣрили ему, другіе напротивъ, говорили, что ему не отказали даже въ томъ, въ чемъ бы слѣдовало отказать.

Между-тѣмъ Рио-Санто оправдалъ мнѣніе, которое составили себѣ объ немъ Лондонцы. Онъ велъ жизнь роскошную, былъ щедръ, великодушенъ и мужественъ.

Послѣ графини Дѣрби онъ любилъ еще многихъ дру-

гихъ женщинъ, и случайно встрѣтился съ миссъ Мери Треворъ; съ перваго взгляду это блѣдное дитя показалось ему весьма незначительной дѣвочкой. Мери была смущена присутствіемъ челоуѣка, странная извѣстность котораго не согласовалась съ ея робостью и слабостью. Они встрѣтились въ другой разъ. Миссъ Мери стала пѣть. Нѣжный и слабый голосъ ея почти не достигалъ до слуха маркиза. Онъ заговорилъ съ нею. Звучный и полный голосъ его неприятнымъ образомъ поразилъ слухъ молодой дѣвушки. Отчего? Мери сама не могла дать себѣ въ томъ отчету.

Наконецъ, въ третій разъ они встрѣтились въ гостиной леди Офелии, на концертѣ. Въ тотъ вечеръ Рио-Санто былъ блѣденъ, молчаливъ и бросалъ вокругъ себя разсѣянные взоры. Миссъ Треворъ тихо разговаривала съ лучшей подругой своей, миссъ Діаной Стѣвартъ, кузиной Франка Персеваля, путешествовавшаго въ то время по материку Европы. Молодыя дѣвушки говорили объ немъ. Рио-Санто, прислонившись къ колоннѣ, могъ слышать разговоръ дѣвушекъ, но онъ не слушалъ. Мери сидѣла къ нему спиной и, слѣдовательно, не могла его видѣть. Незамѣтнымъ образомъ молодыя дѣвушки стали говорить громче и громче, не думая, что ихъ могло подслушать нескромное ухо. Голоса ихъ смутнымъ ропотомъ достигали до слуха Рио-Санто, но онъ всё не обращалъ на нихъ вниманія, бывъ погруженъ въ мечтанія.

Рио-Санто былъ настоящій мечтатель. Не довольствуясь безчисленными удовольствіями, которыя доставляла ему существованность, онъ часто вызывалъ наружу тщательно скрытыя силы своей поэтической организаціи и увлекаемый призраками, которые самъ создавалъ себѣ, вполне предавался очаровательнымъ мечтамъ. Очень понятно, что Рио-Санто забывался въ этихъ сладостныхъ мечтаніяхъ не въ шуму празднествъ и баловъ, но въ этотъ разъ гармонія концерта увлекла его въ волшебный замокъ воображенія—теперь мечты его были мечты любви.... сердцу его представлялась молодая дѣвушка, обращавшая къ нему нѣжный, робкій, довѣрчивый, ангельскій взглядъ.... оркестръ аккомпанировалъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ и трогательныхъ мотивовъ, которые создаютъ вдохновен-

ные барды дикой Ирландіи. Лицо Ріо-Санто выражало восторгъ, смѣшанный съ тихою грустью.... видно было, что онъ находился подъ вліяніемъ сладостнаго воспоминанія....

Когда раздалась послѣдніе аккорды оркестра и умолкъ голосъ пѣвца, слезинка выкатилась изъ-подъ длинныхъ, черныхъ, опущенныхъ рѣсницъ его.

— Мери, произнесъ онъ со вздохомъ: милая Мери!

— Бѣдная Мери! вскрѣчала въ то же мгновеніе миссъ Діана Стewardъ, разговаривавшая съ миссъ Треворъ. Потомъ она прибавила съ легкимъ смѣхомъ:

— Такъ ты очень любишь его?

При имени Мери, Ріо-Санто вздрогнулъ и взоръ его прямо упалъ на граціозный профиль миссъ Треворъ. Ріо-Санто нѣсколько разъ уже видалъ Мери, но теперь ему показалось, что онъ видитъ ее въ первый разъ. Можетъ-быть граціозная улыбка ея нашла мѣсто въ его мечтаніяхъ; можетъ-быть слабое сходство, увеличенное именемъ Мери, довершило очарованіе маркиза. По этимъ или по другимъ причинамъ, но сердце его вздрогнуло....

— Я скучаю послѣ отъѣзда его, отвѣчала Мери на вопросъ подруги послѣ нѣкотораго молчанія: и съ нетерпѣніемъ жду его.

Легкое движеніе маркиза заставило миссъ Треворъ оглянуться, и блѣдныя щеки ея покрылись румянцомъ.... она угадала, что Ріо-Санто слышалъ отвѣтъ ея. Потомъ, поддаваясь инстинктивному страху, который поражалъ ее при видѣ маркиза, она вся затрепетала и схватила руку Діаны.

— Пойдемъ, сказала она, увлекая подругу въ концертную залу.

— Ты, точно, будто испугалась змѣи? сказала шутя миссъ Стewardъ.

— Тутъ былъ мужчина! проговорила Мери.

Діана быстро оглянулась и увидѣла огненный взглядъ маркиза, слѣдившій за ея подругой. Она перестала смѣяться.

— Какъ онъ смотритъ на тебя! произнесла она съ наив-

ной завистью. Изъ глазъ его падаетъ на тебя огненный лучъ....

Марія еще сильнѣе затрепетала.

Ріо-Санто отошелъ отъ колонны и опустился въ кресла, которыя занимала миссъ Треворъ. До самаго конца концерта онъ не сходилъ съ нихъ.

— Бѣдная Мери! сказалъ онъ вставая: давно уже я не любилъ такъ пламенно....

Нѣсколько дней спустя, Ріо-Санто былъ представленъ леди Кемпблъ и лорду Тревору. Леди Кемпблъ болѣе другой женщины могла оцѣнить блестящія качества маркиза; вниманіе его польстило ея самолюбію; она поняла, что это увеличитъ ея свѣтское значеніе. И точно, Треворъ-Гоузъ вошелъ въ моду. Всѣ хотѣли быть представлены хозяевамъ, и молодые люди, пріѣхавшіе въ Лондонъ въ одно время съ маркизомъ, первые добились этой чести; едва они были представлены, какъ сдѣлались постоянными поклонниками леди Кемпблъ. Четыре джентльмена, о которыхъ мы уже упомянули, не находились, по видимому, ни въ какихъ короткихъ отношеніяхъ между собою; несмотря на то, казалось, будто они сговорились дѣйствовать въ пользу Ріо-Санто. Быть можетъ, это былъ одинъ случай....

Впрочемъ, Ріо-Санто не нуждался ни въ чьей помощи; чѣмъ умнѣе была женщина, тѣмъ скорѣе поддавалась она оболъщеніямъ его ума; мы уже сказали, что леди Кемпблъ обладала тонкимъ умомъ, а потому была скоро побѣждена. По прошествіи нѣсколькихъ дней, она стала смотрѣть на Ріо-Санто, какъ на давнишняго, семейнаго друга; черезъ мѣсяць она жила и дышала только имъ.

Такимъ образомъ маркизъ дѣйствовалъ на миссъ Треворъ не прямо. Леди Кемпблъ невольно и сама того не зная, сдѣлалась его орудіемъ. Она была такъ занята имъ, что только о немъ и говорила, представляла его племянницѣ своей какъ образецъ, достойный изученія и подражанія, какъ совершеннѣйшій типъ свѣтскаго человѣка.

— Онъ добръ, говорила она: а между-тѣмъ въ-состояніи дѣлать зло почти безнаказанно! Каждый мѣсяць огромныя суммы переходятъ въ руки скромнаго пастора, и сот-

ни несчастныхъ имѣють кусокъ хлѣба... Онъ вѣтренъ, непостояненъ въ любви; кто это говорить? Соперники? — Изъ зависти! Женщины? — Съ досады!

Подобныя вещи тѣтушка безпрестанно твердила племянницѣ, такъ что послѣдняя стала стыдиться и раскаяваться въ антипатіи, которую съ перваго разу почувствовала къ маркизу. Вскорѣ она угадала, что онъ любилъ ее. Женщина отъ любви можетъ перейти къ равнодушію, — отъ антипатіи — никогда; странное чувство, въ которомъ Мери сама еще не могла дать себѣ отчету, стало пробуждаться въ душѣ ея....

Въ то самое время, когда въ Лондонѣ разнесся слухъ, что Рио-Санто женится на леди Офелии, онъ просилъ руки миссъ Мери Треворъ и, противъ ожиданій своихъ, получилъ отказъ. Во-первыхъ, леди Кемпблъ объявила ему, что рука племянницы ея была обѣщана, что она сама устроила все, чтобы соединить ее съ Франкомъ Персевалемъ; отказать ему теперь, было бы неблагородно. Во-вторыхъ, лордъ Джемсъ Треворъ, старый джентльменъ, ни за что не согласился бы измѣнить слову, которое далъ Франку. Въ-третьихъ, наконецъ, Мери любила его.

Отказъ этотъ не произвелъ, внутренно, большаго впечатлѣнія на маркиза; но онъ далъ лицу своему выраженіе глубокой горести, печально поцѣловалъ руку леди Кемпблъ и поспѣшно удалился какъ человекъ, не желающій выказать своего отчаянія.

Возвращаясь домой, онъ думалъ о томъ, какъ бы придать будущему браку своему все возможное великолѣпіе.

Леди Кемпблъ горько раскаялась въ словѣ, данномъ Персевалу, который былъ, безспорно, прекрасный молодой человекъ, но во всѣхъ отношеніяхъ ниже Рио-Санто. По счастью, женщины ума тонкаго имѣють рѣдкую способность обманывать самихъ себя. Леди Кемпблъ была въ отчаяніи, а потому ей показалось, что и Мери груститъ. Допустивъ горестъ молодой дѣвушки, можно было объяснить ее разнымъ образомъ; леди Кемпблъ объяснила ее по-своему: Мери груститъ о томъ, что маркизу отказали, слѣдовательно, она любитъ его.

Тётушка сначала сама не вѣрила этому, но мало-по-мало, усвоивъ себѣ эту идею, стала считать ее нетолько возможно, но и вѣрною. Она рѣшилась поговорить съ Мери. Первые слова ея поразили молодую дѣвушку.... Миссъ Треворъ, слабая характеромъ, не привыкшая справляться съ сердцемъ безпрекословно повиновавшаяся всѣмъ рѣшеніямъ своей тётушки, была вскорѣ убѣждена..... Леди Кемпблъ восторжествовала, не имѣя причинъ обвинять себя въ измѣнѣ Персевалу. Главнымъ долгомъ ея было пещись о счастіи племянницы.... а все счастіе Мери, по мнѣнію ея, заключалось въ любви маркиза! Самое лучшее при этомъ еще то, что леди Кемпблъ сочла долгомъ сдѣлать племянницѣ выговоръ за ея непостоянство....

Бѣдная Мери находилась въ то время въ утомительномъ и скучномъ забытіи. Рио-Санто произвелъ на нея впечатлѣніе, которое она не могла объяснить. Леди Кемпблъ называла это любовью—вѣроятно, то была любовь!

Между-тѣмъ образъ Франка Персевала оставался въ глубинѣ ея сердца. Бѣдная Мери колебалась, не знала и почти не хотѣла знать, что происходило съ нею. Она тайно страдала, и по временамъ старалась не пробуждаться изъ томительнаго забытія, но заглушать ропотъ сердца и замѣнять потерянное спокойствіе апатіей....

Оставалось убѣдить лорда Тревора, твердаго какъ сталь; дѣйствовать прямо не было никакой возможности, но если уже леди Кемпблъ удалось обмануть собственную совѣсть свою, убѣдить молодую дѣвушку въ несбываемомъ, не обвиняя себя ни въ чемъ, то ей не трудно было сладить съ старымъ джентльменомъ, чаще дѣйствовавшимъ на полѣ битвы, нежели въ дипломатическихъ кабинетахъ и—Рио-Санто получилъ позволеніе изъяснить чувства свои миссъ Мери Треворъ.

Около того же времени Франкъ Персеваль возвращался въ Англію съ самыми сладостными надеждами....

Въ Треворъ-Гоузѣ былъ балъ.

Великолѣпныя залы мало-по-мало наполнялись гостями, и оркестръ приглашалъ къ танцамъ; ряды креселъ, уставленныхъ около стѣнъ, были уже, болѣею частію, заня-

ты; главная комната гдѣ сидѣла леди Кемпбл, представляла прелестное зрѣлище и походила на корзину уже полную, но въ которой недостаетъ еще нѣсколькихъ цвѣт-ковъ.

Говоръ магически сообщался отъ одного къ другому. Леди Кемпбл и миссъ Треворъ, окруженные многочисленной группой, безпрестанно измѣнявшейся, кланялись, выслушивали комплименты, отвѣчали тѣмъ же, кланялись опять и повторяли то же и вѣчно то же съ другими лицами. Таково незавидное препровождение времени хозяйки дома, во время бала, отъ десяти часовъ вечера до полуночи.

— Позвольте, миледи.... говорилъ молодой виконтъ де-Лантюрь-Люсь, поднося руку леди Кемпбл къ губамъ своимъ; и потомъ, поцѣловавъ руку миссъ Мери, повторилъ:—Позвольте.... какфе у васъ очаровательное опахало! Прелестное.... Кромѣ шутокъ!

— Виконтъ, отвѣчала леди Кемпбл улыбаясь: вы уже седьмой разъ восхищаетесь опахаломъ моей племянницы.

Окружавшіе тѣтушку и племянницу, сочли долгомъ засмѣяться. Виконтъ смѣялся громче и долѣе другихъ.

— Очаровательно! прокартавилъ онъ: семь разъ.... очаровательно!....

Никто не засмѣялся, что очень удивило виконта, который, сконфузившись, поправилъ жабо и проговорилъ:

— Кромѣ шутокъ.

Леди Кемпбл поклонилась еще нѣсколько разъ въ разныя стороны и подала руку подошедшей леди Офелии, между-тѣмъ какъ Мери поцѣловала подругу свою, Діану Стѣвартъ, прибывшую съ матерью.

— Сэръ Джонъ, Ватерфильдъ, сказала леди Кемпбл обращаясь къ одному изъ гостей: что новаго?

— Говорятъ, отвѣчалъ сэръ Джонъ Ватерфильдъ, что маркизъ Рио-Санто покупаетъ новые экипажи и за-ново меблируетъ весь домъ свой.

— Неужели? спросилъ виконтъ: но вѣдь онъ обзавелся только три мѣсяца тому назадъ.

— У маркиза свои причины...

— Что жъ онъ, снѣгі, не сказалъ мнѣ ни слова! вскри-

часть Лантьюръ-Люсь, который всячески старался выдавать себя за Пилада маркиза....

— По какому же это случаю? спросила леди Кемпбл.

— Онъ хочетъ жениться, отвѣчалъ маіоръ Боруэмъ.

Улыбка исчезла съ лица Мери. Ей стало и жарко и холодно. Леди Кемпбл посмотрѣла на нея сбоку и подумала:

— Какъ она его любитъ!

Миссъ Треворъ думала о Персевалѣ, котораго она уже не любила—это было дѣло рѣшеное, но который съ утра до вечера владѣлъ умомъ и всѣми ея мыслями, вмѣстѣ съ маркизомъ: стараніями тѣтушки, Мери удѣлила и ему уже часть мыслей, но не сердца. Слова тѣтушки стали высокой преградой между умомъ и сердцемъ молодой дѣвушки и, такъ сказать, разлучили ихъ. Мери жила только умомъ и въ этомъ отношеніи вся принадлежала леди Кемпбл, то есть, маркизу.

Тѣтушка приняла смущеніе племянницы за любовь къ Рю-Санто. Она ошиблась. Мери испугалась, узнавъ, что тайна союза ея съ маркизомъ сдѣлалась гласною; она испугалась, понявъ, что минута, въ которую надо было рѣшиться и дѣйствовать, приближалась и ударъ этотъ сильно подѣйствовалъ на слабую ея натуру....

— Какъ маркизъ измѣнился, сказалъ кавалеръ Анджело Бембо.

— Узнать нельзя, прибавилъ маіоръ Боруэмъ.

Сэръ Джонъ Ватерфильдъ сказалъ что-то въ этомъ же родѣ, а докторъ Мюллеръ проворчалъ что-то невнятное.

— Что жъ сдѣлалось съ нашимъ милымъ маркизомъ? спросилъ виконтъ де-Лантьюръ-Люсь.

— Онъ влюбленъ, хоромъ отвѣчали четыре джентльмена.

— На три дня, сказалъ виконтъ, граціозно бросивъ шляпу подъ-мышку.

— На всю жизнь! сказалъ протяжно маіоръ.

Минутное чувство гордости пробудилось въ сердцѣ Мери; но вслѣдъ затѣмъ ею овладѣла неясная, неопредѣленная болезнь....

Начался балъ. Анджело Бембо подалъ руку миссъ Треворъ и повелъ ее въ танцевальную залу. Все оживилось,

звонилось.... раздалась громкая музыка, пары двинулись.

Между-тѣмъ леди Кембль осталась въ кругу нѣкоторыхъ дамъ и мужчинъ. Разговоръ шелъ о маркизѣ Рио-Санто.

По окончаніи кадрили, миссъ Треворъ едва успѣла воротиться на мѣсто, какъ громкій, звонкій голосъ слуги, покрывъ весь гулъ разговоровъ, произнесъ:

— Сэръ Франкъ Персеваль!

Настало минутное молчаніе.

Щеки миссъ Треворъ, разгорѣвшіяся отъ танцевъ, покрылись смертною блѣдностью.... она прижала руку къ сердцу, которое сильно забилося въ груди ея.

Леди Кембль наклонилась къ ней и шепнула ей на-ухо:

— Успокойся, дитя мое! Бѣдный Франкъ думаетъ, что имѣетъ еще права на тебя; первое свиданіе будетъ тягостно.... но ты была еще такъ молода!... Кто знаетъ, не измѣнился ли и Франкъ?

Эти послѣднія слова, которыя тѣтушка произнесла въ видѣ утѣшенія, вызвали слезу на глаза Мери.

— Безъ слабости! продолжала леди Кембль: когда мужчина видитъ слезы на глазахъ женщины, онъ думаетъ, что она его еще любитъ.... а вѣдь ты не любишь его? прибавила она съ искреннею заботливостью.

Мери не отвѣчала.

— Да и какъ любить его послѣ маркиза! Бѣдный Франкъ! произнесла со вздохомъ тѣтушка, и мысль ея съ быстротою молніи представила ей, что безъ нея Мери заглушила бы въ душѣ своей любовь къ маркизу, по ложному чувству долга вышла бы за Франка и была бы несчастлива....

Чудное дѣло — воображеніе!

Леди Кембль была, какъ-нельзя болѣе довольна собою. Миссъ Мери Треворъ страдала невыразимо.

Старый лордъ принялъ Франка Персеваля съ радостнымъ, искреннимъ радушіемъ. Онъ самъ повелъ его къ своей дочери, но тутъ сцена измѣнилась. Миссъ Мери приняла бывшаго жениха своего тѣмъ съ болѣею холодна-

стію, что внезапно пробужденное сердце ея сильно стремилось къ нему. Одно имя Франка вывело ее изъ убойственной апатіи—видъ его совершенно пробудилъ ее.... но Мери была слаба—возлѣ нея сидѣла леди Кемпблъ.... и она опять подчинилась власти тѣтки; голосъ ея сердца умолялъ.

Мери не вынесла взгляда Франка, опустила глаза и на привѣтствіе его отвѣчала несвязными словами. Невыразимая боязнь стѣснила сердце Франка. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но леди Кемпблъ слегка коснулась опахаломъ руки его.

— Каково путешествовали? спросила она, и не дожидаясь отвѣта, прибавила шопотомъ: — Ради Бога, завтра! Всѣ взоры обращены на нея, на насъ!

Франкъ не понималъ.

— Завтра, продолжала леди Кемпблъ съ состраданіемъ, болѣзненно поразившимъ Франка: завтра я вамъ все объясню.... Я по-прежнему искренно люблю васъ, добрый Франкъ.... она, бѣдняжка, долго боролась.... страдала....

— Что это значитъ, миледи! вскричалъ Франкъ.

— Прошу васъ, сэръ, завтра... завтра.... и леди Кемпблъ съ непритворнымъ чувствомъ пожала руку Франка. Онъ поклонился и отошелъ съ невыразимымъ страданіемъ.

— Дитя мое, говорила тѣтушка племянницѣ: главное сдѣлано.... остальное я беру на себя.... только изъ любви къ тебѣ, я рѣшаюсь говорить съ бѣднымъ Франкомъ.... но когда дѣло идетъ о твоемъ счастіи, я готова жертвовать собою.... И она поцѣловала холодный лобъ молодой дѣвушки... Ты нездорова, мой ангелъ? прибавила она съ нѣжной заботливостью.

— Не знаю, отвѣчала Мери, я страдаю.... мнѣ кажется....

— Что, другъ мой?

— Мнѣ кажется.... что мы обѣ ошибаемся.... видъ Франка....

— Только-то? прервала ее леди Кемпблъ: положишься на меня.... Ахъ! какъ ты счастлива, Мери, что я такъ хорошо умѣю читать въ твоемъ сердцѣ!...

Франкъ прохаживался по заламъ, стараясь разогнать горестныя предчувствія—онъ хотѣлъ еще надѣяться. Приемъ, сдѣланный ему лордомъ Треворомъ, былъ такъ же искренно радушенъ, какъ и прежде, а слова деи Кемпбл могли имѣть различное значеніе. Но Мери!.... возможно ли сомнѣваться послѣ ея ледянаго равнодушія?

На каждомъ шагѣ останавливали его прежніе пріатели и дружески пожимали ему руку.

— Что новаго на Симплонѣ? спрашивалъ одинъ.

— Вы должны показать намъ альбомъ вашъ, Франкъ, говорилъ другой.

— Какъ вы печальны! восклицалъ третій. Развѣ вы ужъ знаете?...

Франкъ съ живостью прервалъ послѣдняго.

— Что такое? спросилъ онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— Бѣдный! отвѣчалъ пріатель: впрочемъ еще ничего не рѣшено.... это одни слухи....

— Какіе слухи?

— Это, можетъ-быть, неправда.... говорятъ, будто бы Ріо-Санто женится на миссъ Треворъ.

Франкъ провелъ рукою по лбу, на которомъ выступилъ холодный потъ.

— Кто этотъ Ріо-Санто?

Пріатель съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы не знаете Ріо-Санто, Франкъ?... Да объ комъ же говорятъ въ Швейцаріи, за границей?... Ріо-Санто, маркизъ какихъ не много.... это маркизъ.... но, виноватъ, тамъ недостаетъ четвертаго въ вистъ, сэръ Джонъ Ватерфильдъ зоветъ меня.

Новый ударъ поразилъ Франка въ сердце....

— *Et bonjour, très-cher!* вскричалъ тоненькій голосокъ подъ самымъ ухомъ его: сто лѣтъ васъ не видно! Я еще вчера говорилъ.... Кому это я говорилъ? Ахъ, да! нашему милому маркизу.... Я говорилъ: давно не видать нашего добраго Персеваля; онъ, видно, веселится за границей.... Кромѣ шутокъ, я это говорилъ.... Но вы не-веселы, *très-cher*.... а! понимаю; я сейчасъ узналъ, что Ріо-Санто....

— И такъ это правда! проговорилъ Франкъ.

— Не знаю, *trés-cher*; но этотъ Рио-Санто настоящій чортъ, кромѣ шутокъ! Притомъ же у него миллионы, а у васъ сто фунтовъ стерлинговъ доходу.... Да! онъ опасный соперникъ!

Съ послѣдними словами, виконтъ де-Лантюрь-Люсь повернулся и пошелъ болтать далѣе.

Франкъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.... Кто-то взялъ его подъ-руку.

— Сэръ Франкъ, сказала ему графиня Дербн, вы несчастны, очень несчастны! сожалѣю объ васъ.... вы, вѣроятно, уже знаете....

— Все, миледи!

— Все?... нѣтъ, сэръ, не все.... послушайте, я тоже страдаю; мнѣ бы хотѣлось облегчить горестъ вашу и, можетъ-быть.... я дамъ вамъ средство бороться съ Рио-Санто....

— Вѣчно, этотъ Рио-Санто! воскликнулъ Франкъ, съ чувствомъ яростной ненависти.

— Приѣзжайте ко мнѣ завтра, продолжала графиня: мнѣ надо сообщить вамъ тайну.... но, тсъ! до завтра... И она отошла отъ него съ граціознымъ, улыбающимся лицомъ, какъ-будто послѣ пріятнаго разговору.... а на лицѣ Франка ясно выражались горестъ и мученія. Кузина его, миссъ Діана, подозвала его къ себѣ.

— Садитесь возлѣ меня, Франкъ, сказала она: мнѣ надо поговорить съ вами.... о! я знала, что этотъ ударъ жестоко поразитъ васъ.

— Вы подруга ея, съ усиліемъ произнесъ Франкъ: вамъ извѣстны всѣ мысли Мери.... скажите....

— Я скажу вамъ все, что знаю, бѣдный кузень мой; но вооружитесь мужествомъ и твердостью....

— Діана, говорите мнѣ объ ней! Я жду.

— Она страдаетъ не менѣе васъ, Франкъ: повѣрьте мнѣ. Съ нею произошло что-то непонятное для меня, но сердце ея не измѣнилось. Миссъ Треворъ по-прежнему любить васъ.

Ощущеніе невыразимаго блаженства проникло въ душу Франка.

— Но этотъ бракъ!.... сказалъ онъ.

— О немъ говорятъ, что леди Кемпблъ желаетъ его....
Мери не противится.

— Не противится! повторилъ Франкъ.

— Рио-Санто очаровалъ ихъ!...

— Опять Рио-Санто!... Діана, знаете ли вы его?

— Знаю, отвѣчала миссъ Стевартъ, опустивъ глаза и покраснѣвъ.

— Покажите мнѣ его.... скажите мнѣ, что это за человекъ....

— Это человекъ, которому ни что не можетъ противиться, отвѣчала тихимъ голосомъ молодая дѣвушка: благородный и могущественный красотой, родомъ и богатствомъ.... горе соперникамъ его, Франкъ....

— Горе ему! вскричалъ Персеваль, вставъ.—Видь его былъ грозенъ.—Покажите мнѣ его! Я долженъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ человекомъ; я долженъ.....

Монотонный и звонкій голосъ слуги произнесъ:

— Донъ Хосе-Марія-Теллесъ де-Аларконъ, маркизъ де-Рио-Санто....

Этотъ титулъ, торжественно произнесенный, болѣзненно поразилъ слухъ Франка и отозвался въ душѣ его.... въ то самое время, когда онъ вызывалъ незнакомаго, но ненавистнаго врага, тотъ, какъ злой духъ, являлся на вызовъ его. Дрожа отъ гнѣву, Франкъ бросился къ двери и остановился на самой серединѣ дороги, по которой, какъ онъ инстинктивно угадывалъ, соперникъ его долженъ былъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли леди Кемпблъ и миссъ Треворъ.

Въ то же мгновеніе явился Рио-Санто.

Онъ былъ высокъ ростомъ, прекрасно сложенъ. Тонкія и прекрасныя черты лица его имѣли выраженіе того нечеловѣческаго спокойствія, которое италіянскіе живописцы умѣли представлять на своихъ картинахъ. Онъ былъ хорошъ, какъ идеалъ миеологическаго божества. Концы тоненькихъ усевъ его, черныхъ какъ смоль, были нѣсколько загнуты въ верху, по обыкновенію Испанцевъ. Волосы его красиво волновались надъ высокимъ лбомъ, исполненнымъ примодушія и гордости; черныя брови образовывали тонкую, рѣзкую черту; взоръ его плѣнялъ

и очаровывалъ всякаго. Одно только въ прекрасномъ лицѣ маркиза могло заслужить упрекъ со стороны строгаго наблюдателя: ó взглядъ Рио-Санто, на нѣсколько толстыхъ губахъ его, лежала печать чувственности, которая, встрѣтивъ сопротивление, могла дойти у этого сильнаго и страстнаго человѣка до преступленія. Походка его была величественна и вмѣстѣ граціозна. На немъ былъ костюмъ, который могъ служить образцомъ изящества, соединеннаго съ строжайшею простотою. Грудь его была украшена тремя орденами.

Франкъ не могъ сравниться съ блистательнымъ маркизомъ въ отношеніи наружныхъ качествъ. И онъ былъ хорошъ собою, но красота его не столько заключалась въ правильности лица, какъ въ благородной физіономіи, въ выраженіи ума и великодушія.... онъ, безспорно, между всѣми присутствовавшими молодыми людьми, былъ первый—послѣ Рио-Санто. Франкъ былъ моложе его; хотя маркизъ былъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ лѣта какъ бы не имѣютъ вліянія, но ему недоставало той свѣжести молодости, которую сохранили черты Франка.

Долго и пристально смотрѣлъ послѣдній на своего соперника; съ перваго взгляду ему показалось, что лицо маркиза было ему знакомо, но это впечатлѣніе было мимолетно; Персеваль замѣтилъ только одно—одно только усилило ненависть и мученія его.... То была красота маркиза!.... Онъ всё-еще смотрѣлъ на него, не трогаясь съ мѣста. Рио-Санто шелъ всё медленнѣе и, наконецъ, остановился, глазами отыскивая леди Кемпблъ и ея племянницу. Онъ даже не замѣтилъ Франка.

— Вотъ тамъ, маркизъ, тамъ! говорилъ услужливый виконтъ, указывая въ ту сторону, гдѣ находилась леди Кемпблъ; *ses dames* жалуются на вашу медленность.... Пропустите же насъ, *très-cher* Персеваль: развѣ вы не видите, что я иду съ маркизомъ?

Франкъ не трогался и во взорѣ его, не сходившемъ съ маркиза, выразилось самое оскорбительное презрѣніе.

Рио-Санто спокойно посмотрѣлъ на молодаго человѣка, и вѣжливо поклонившись, отвѣчалъ съ милымъ добродушіемъ на нѣмой вызовъ Франка:

— Надѣюсь, что я буду имѣть удовольствіе познакомиться съ сэромъ Франкомъ Персевалемъ, — и сдѣлалъ едва замѣтный знакъ головою чловѣку, стоявшему у дверей. Въ то же мгновеніе этотъ чловѣкъ, котораго мы знаемъ, поднявъ голову и устремивъ впередъ неподвижные глаза свои, пошелъ въ ту сторону, гдѣ стояли лицомъ къ лицу соперники.

Это былъ слѣпецъ Тиррель.

Онъ пошелъ прямо на Франка и, какъ-бы нечаянно, оттолкнулъ его всторону. Маркизь прошелъ.

— Будьте осторожныѣ, вскричалъ Франкъ съ гнѣвомъ.

Слѣпой обратилъ къ нему безжизненные, тусклые глаза свои.

— Это вы мнѣ говорите? спросилъ онъ кротко.

— Вамъ, сэръ, и я нахожу страннымъ....

— Ха, ха! громко засмѣялся виконтъ; что это сдѣлалось съ вами, мосьё Персеваль!... Неужели вы хотите ссориться съ слѣпымъ сэръ Эдмондомъ Мекензи?

— Извините, проговорилъ Франкъ, взоромъ отыскивая маркиза.

— Напротивъ, я виноватъ передъ вами, добродушно отвѣчалъ слѣпой.

Рю-Санто исчезъ въ толпѣ.

— Неужели онъ трусъ? подумалъ Франкъ. Ему казалось страннымъ, что маркизь такъ поспѣшно воспользовался случаемъ, чтобы удалиться. — Неужели онъ трусъ? повторилъ онъ вполголоса: о нѣтъ! я желаю, чтобы онъ былъ мужественъ!

— Желаніе ваше исполнится, молодой джентльменъ, произнесъ насмѣшливый голосъ надъ его ухомъ.

Франкъ оглянулся. Никого не было. Въ двухъ шагахъ отъ него стояла какая-то высокая фигура, съ неловкостью вытиравшая стекло лорнета.

— Что вы сказали? гордо спросилъ молодой чловѣкъ.

— Нишево не казалъ, отвѣчала флегматическая фигура доктора Мюллера.

— Но вы сейчасъ сказали....

— Нишево не казалъ, zum teufel! возразилъ Нѣмецъ отъвернувшись.

Франкъ сталъ думать, что онъ ошибся; впрочемъ, ему было теперь не дотого.

Леди Кемпблъ приняла Рио-Санто, какъ мать принимаетъ нѣжно любимаго сына.

— Мери соскучилась безъ васъ, сказала она, когда маркизъ цѣловалъ руку молодой дѣвушки.

— Не было ли другой причины скуки миссъ Треворъ? спросилъ Рио-Санто, улыбаясь и какъ-бы безъ намѣренія.

Мери тоже хотѣла улыбнуться, но не могла. Въ присутствіи маркиза, она совершенно теряла сознаніе того, что происходило въ ней. Онъ былъ въ этотъ вечеръ нѣжнѣе, краснорѣчивѣе обыкновеннаго. Не внимая тайному голосу, который предостерегалъ ее, миссъ Треворъ невольно поддавалась очарованію; между-тѣмъ она не любила маркиза, и забывала Франка, котораго любила.

Персеваль стоялъ въ амбразурѣ окна. Вся душа его обратилась въ зрѣніе, онъ слѣдилъ за малѣйшими движеніями соперника. Когда Рио-Санто наклонялся къ Мери, сердце Франка вздрагивало, пальцы его судорожно сжимались; когда Мери подымала глаза къ Рио-Санто, Франку казалось, что въ нихъ выражалась любовь робкая, но краснорѣчивая въ своемъ молчаніи—и тогда имъ овладѣвала ярость, раздиравшая его сердце!... а между-тѣмъ онъ не трогался съ мѣста, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ предавался добровольной пыткѣ.

Время проходило. Рио-Санто, вѣроятно въ жару разговора, насупилъ на мгновеніе брови. Свѣтъ отъ канделябра падалъ прямо на лицо его. Франкъ, не спускавшій глазъ съ маркиза, вздрогнулъ и вторично старался припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого человѣка. Но черты лица Рио-Санто приняли опять обыкновенное свое выраженіе и Франкъ снова сталъ сомнѣваться. Ужасное несчастье поразило нѣкогда Персеваля; человѣкъ, игравшій главную роль въ этомъ обстоятельствѣ, былъ похожъ на Рио-Санто, только въ такой степени, въ какой нищій можетъ походить на князя. Франкъ отвергнулъ всѣ подозрѣнія..... притомъ же ему и безъ того было уже довольно причинъ ненавидѣть маркиза.....

Рио-Санто всталъ, чтобы пройти по заламъ. Франкъ,

ожидавшій этой минуты съ нетерпѣніемъ, пошелъ прямо къ маркизу.

— Маркизь, сказалъ онъ ему съ тѣмъ притворнымъ спокойствіемъ, которымъ свѣтскій человѣкъ умѣетъ прикрыть сильнѣйшія ощущенія души: маркизь, вы сейчасъ говорили, что желали бы познакомиться со мною.

Ріо-Санто не узналъ его съ перваго взгляду. Узнавъ, онъ протянулъ къ нему руку и сказалъ съ ласковой улыбкой:

— Сэръ Франкъ Персеваль, я нетерпѣливо желалъ познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ леди Кемпблъ говоритъ всегда съ материнскою нѣжностью, и котораго миссъ Треворъ любитъ какъ брата.....

Франкъ схватилъ руку маркиза и судорожно сжалъ ее.

— А вы считаете себя обязаннымъ любить все то, что она любитъ? спросилъ онъ съ горькой усмѣшкой. Вы, маркизь, теперь въ чести, а я, по-неволѣ, дѣлаюсь смѣшнымъ лицомъ, забытымъ женихомъ, который всѣмъ мѣшаетъ, котораго всѣ презираютъ, или о которомъ сожалеютъ..... Я люблю миссъ Мери Треворъ!

Ріо-Санто не отнималъ руки своей.

— Я это зналъ, отвѣчалъ онъ болѣе холоднымъ голосомъ, но съ утонченною вѣжливостью: леди Кемпблъ говорила мнѣ..... Но я надѣялся..... мы надѣялись.....

— О комъ говорите вы? прервалъ его Франкъ.

— О себѣ, о леди Кемпблъ.....

— И больше ни о комъ! прервалъ его повелительнымъ голосомъ Франкъ: вы будете лжецомъ, если прибавите еще одно имя!

— И о миссъ Мери Треворъ, продолжалъ протяжно Ріо-Санто, и въ то же время отнялъ руку свою и приложилъ одинъ палецъ къ губамъ.

Взоръ его былъ спокоенъ; ни одна морщинка не измѣнила выраженія лица его.

— Сэръ Франкъ, продолжалъ маркизь съ кротостью, я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ вашего вызова. Я хотѣлъ быть вашимъ другомъ; вы рѣшили иначе — какъ вамъ угодно.

Франкъ покраснѣлъ отъ внутренняго удовольствія.

— И такъ до завтра, сэръ, сказалъ онъ; одного изъ насъ не должно быть на свѣтѣ, и я благодарю Бога, что вы не трусь. До завтра!

Ріо-Санто прошелся по залѣ, шутилъ, смѣялся съ дамами и воротился къ Мери.

— Вы разговаривали съ Франкомъ Персевалемъ? сказала ему шопотомъ и съ безпокойствомъ леди Кемпблѣ.

— Онъ премилый молодой человекъ, отвѣчалъ Ріо-Санто.

На адресъ, данномъ слѣпцомъ Тиррелемъ Сузаннѣ, было написано: *Wimpole-Street, 9.*

Въ полдень, на слѣдующій день, Сузанна была въ Вимпольской Улицѣ и стучалась въ двери красиваго дома, на которомъ былъ выставленъ № 9. Едва ударила она мѣднымъ молоткомъ, какъ дверь отворилась. Лакей, въ богатой ливреѣ, принялъ ее, и не говоря ни слова, провелъ въ залу, гдѣ сидѣла служанка, которую можно было почесть барынею, и, по-видимому, ждала.

При входѣ Сузанны, служанка поспѣшно встала и почитительно поклонившись, сказала по-французски:

— Я доложу сейчалъ герцогинѣ о прибытіи вашего сіятельства. Не угодно ли вамъ будетъ, княгиня, обождать въ гостинной?

Сузанна вошла за горничной въ богато мебелированную комнату и опустилась въ мягкія кресла. Еще разъ поклонившись, горничная удалилась. Сузанна не изъявила ни малѣйшаго изумленія, когда служанка назвала ее сіятельствомъ и потомъ княгиней. Она машинально опустилась въ кресла, не обращая вниманія на богатое убранство комнаты. На дѣвушкѣ былъ красивый, но странный, почти театральный костюмъ, купленный на деньги, которыя далъ ей слѣпецъ. Черное бархатное платье обрисовывало роскошныя ея формы; вмѣсто шляпы, на головѣ ея былъ большой кружевный воаль, небрежно наброшенный на густыя кудри. Этотъ костюмъ и дневной свѣтъ еще болѣе увеличивали красоту, которая говорила не однимъ чувствомъ; при внимательномъ наблюденіи можно было замѣтить, что подъ холодной наружностью ея скрывалась ду-

ша сильная пламенная, ожидавшая только случая, чтобы пробудиться.

Дверь въ гостинную медленно отворилась и на порогѣ показалась фигура старухи, почти исчезавшей подъ несмѣтнымъ множествомъ лентъ и кружевъ. Во всей наружности маленькой и худощавой старухи поражали только глаза, исполненные хитрости и пронзительности. Она остановилась на порогѣ и долго, съ видомъ знатока, смотрѣла на Сузанну.

— Прекрасно! произнесла она съ видомъ удовольствія: прекрасно! Только слѣбнымъ и находить красавицъ!....

Она кашлянула и отошла отъ дверей. Сузанна медленно обратилась къ ней.

— Милое дитя мое, сказала старуха: я герцогиня де-Жевръ; а вы, вдова несчастнаго племянника моего, умершаго въ цвѣтъ лѣтъ, князя Филиппа де-Лонгвиля....

— Какъ вамъ угодно.

— Поцѣлуйте жъ меня; неправда ли, вы не забудете имени вашего мужа, котораго лишились сполгода назадъ? Помните, красавица моя, Филиппъ.... де.... Лонгвиль..... Слышите?

Сузанна обратила равнодушный взоръ на новую тётку свою.

— Филиппъ де-Лонгвиль! повторила она.

— Прекрасно! И такъ слушайте же, княгиня, сказала старая Француженка: вы племянница моя, а я—тётка ваша; мы должны полюбить другъ друга... такъ ли? Божусь, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ какъ я живу на свѣту, а такой красавицы не встрѣчала! Я думаю, я не первая восхищаюсь красотой вашей..... а ргорос, вотъ гербъ вашъ, милая Сузаннъ—слышите, я буду звать васъ Сузаннъ, а не Сузанной!... И герцогиня надѣла на палець молодой дѣвушки большой перстень, украшенный брилліантами и съ гравированнымъ гербомъ.— Вотъ такъ, продолжала она; теперь поговоримте о дѣлѣ. Прочтите сперва это письмо, адресованное на ваше имя.

Сузанна распечатала письмо и прочла слѣдующее:

«Разставшись съ человѣкомъ, который спасъ вамъ вче-

«ра жизнь, вы дошли до жидовскаго квартала. Тамъ вы долго простояли у развалинъ одного дому....»

— Дому отца моего! произнесла со вздохомъ Сузанна.

«Оттуда вы наняли фiakръ до первой гостинницы, въ началѣ Регентской Улицы, и провели тамъ ночь. Утромъ, «вы вышли чуть свѣтъ и купили платье, которое вамъ надо будетъ перемѣнить на болѣе благопристойное; потомъ на углу Клифордской Улицы вы два часа продали «человѣка, который не пришелъ»....»

— Который не пришелъ! печально повторила Сузанна.

«Наконецъ вы пошли въ Вимпольскую Улицу и вошли въ домъ, гдѣ теперь находитесь. Ни что не скроется отъ «взору, наблюдающаго теперь за вами.

Ждите!

«Когда получите приказаніе — повируйтесь; исполнивъ «приказаніе — молчите!»

Подписи не было.

Сузанна бросила письмо и пристально посмотрѣла на старуху.

— За мной присматриваютъ, сказала она: к чему?... Они грозятъ мнѣ: можно ли угрожать женщинаѣ, которая сама шла на встрѣчу смерти?

Проницательные глаза герцогини де-Жевръ невольно опустились при взглядѣ Сузанны. Она невольно подчинилась спокойной твердости молодой дѣвушки.

— Милая моя, сказала она съ какой-то покорностью: вы ошибаетесь, вамъ никто не угрожалъ.... Вы послужите орудіемъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій... но зато вы будете окружены роскошью, удовольствіями, счастіемъ....

— Счастіемъ! сказала красавица со вздохомъ: когда онъ меня не любитъ!

— Кто можетъ не любить васъ, дитя мое?

— Онъ меня не знаетъ!

— Тѣмъ лучше!... Знаете ли какъ вы сдѣлались могущественны со вчерашняго дня? Вы вступили въ число тысячи членовъ, составляющихъ одно цѣлое, громадное, могущественное!... Вы будете служить этой таинственной власти, а она будетъ служить вамъ.... то, что вы желаете, испол-

нится; то, что вамъ казалось несбыточной мечтой, сдѣлается дѣйствительностью....

При послѣднихъ словахъ Сузанна встала. Прекрасное лицо ея постепенно теряло мрачную безчувственность. Глаза горѣли, грудь высоко подымалась; магнетическимъ токомъ разливалась жизнь по всѣмъ жиламъ ея.... она была прекрасна!

Француженка смотрѣла на нея съ нѣмымъ восторгомъ.

— Что я пожелаю—исполнится? сказала съ усиленіемъ Сузанна: что мнѣ казалось мечтой, сдѣлается дѣйствительностью?...— Она подняла глаза къ небу, и двѣ слезинки покатались по щекамъ ея....—О! что я желаю, продолжала она, сложивъ руки съ невыразимымъ жаромъ: мечта моя—его любовь!... Могутъ ли они дать мнѣ любовь его?

Француженка улыбнулась и взявъ Сузанну за руку, усадила ее.

— Для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго! сказала она съ напыщенною таинственностью: успокойтесь.... вы много плакали?

— О, много!

— Теперь вы забудете, что такое слезы.... скажите мнѣ... человекъ, котораго вы любите, богатъ и знатенъ?

— Я думаю, что онъ бѣденъ. Онъ часто занималъ деньги у отца моего....

— Какъ его зовутъ?

— Бріанъ Ленчестеръ, отвѣчала красавица съ гордостью.

— Бріанъ Ленчестеръ! повторила Француженка съ легкимъ выраженіемъ презрѣнія: бѣдный братъ богатаго графа Вейтъ-Манорскаго!... Боже мой! и изъ-за него-то вы столько плакали?

— Я люблю его, отвѣчала Сузанна съ величественнымъ выраженіемъ гордости: и горжусь моей любовью!

— Прекрасно, отвѣчала старуха съ нѣкоторою робостью: я Француженка, слѣдовательно, люблю пошутить и посмѣяться.... не сердитесь на меня.... Впрочемъ, Бріанъ Ленчестеръ, можетъ сдѣлаться наслѣдникомъ имуществъ и титуловъ старшаго брата.... но теперь главное въ томъ, чтобы вы могли видѣться съ нимъ....

— Когда? когда? произнесла молодая дѣвушка съ живостью.

Старуха сложила руки на колѣняхъ, прищурила глаза и подумавъ съ-минуту, отвѣчала:

— Нынче вечеромъ.

— Нынче вечеромъ! вскричала Сузанна, какъ-бы не довѣряя своему слуху; потомъ, протянувъ руку къ старухѣ, она произнесла съ выраженіемъ искренней признательности:—Благодарю; я буду любить васъ.

— Бѣдное дитя мое, сказала старуха, покачавъ голову: вы его горячо любите—вы любите его слишкомъ горячо. Подобная любовь опасна.... можете ли вы скрыть отъ него какую-нибудь тайну?

— Нѣтъ, я все буду говорить ему.

— Вы погубите себя!

— Что мнѣ въ жизни?

— Вы убьете его!

Сузанна нахмурила брови.

— Я не угрожаю вамъ, моя милая, продолжала герцогиня; я говорю правду; мнѣ, какъ и всему городу, извѣстенъ эксцентрическій и смѣлый до безразсудства, характеръ Бриана Ленчестера. Если вы скажете ему одно слово, онъ пойметъ все остальное и захочетъ бороться съ таинственною властью, но при первомъ столкновеніи онъ будетъ разбитъ какъ стекло!

— Я буду молчать, сказала Сузанна.

— Такъ и должно: наслаждайтесь настоящимъ счастіемъ и не вступайте въ безразсудную борьбу.... зачѣмъ ему знать тайны ваши? Бѣдный дворянинъ долженъ быть счастливъ любовью вдовы князя де-Лонгвилъ; которой двадцать лѣтъ, которая хороша какъ ангелъ и богата какъ королева!...

— Я буду молчать, повторила Сузанна; но вы сказали, что я увижусь съ нимъ нынче вечеромъ?

— Я сдержу свое обѣщаніе, сказала герцогиня. Она встала и позвонила. По приказанію ея горничная принесла письменный приборъ.

— Теперь три часа, сказала герцогиня, написавъ двѣ записочки: намъ осталось довольно времени. Меріеттъ, от-

дай эту записку Джону, чтобы онъ тотчасъ отнесъ ее къ доктору; другую записку отдашь Дику, чтобы черезъ полчаса она была у маіора; прикажи Неду, чтобы въ половинѣ седьмого была готова карета княгини.... Ступай!

— Милая племянница, продолжала герцогиня, когда горничная удалилась: сегодня дадутъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ нѣмецкую оперу.... вся аристократія будетъ тамъ. Одѣньтесь, мы поѣдемъ въ театръ.

— А Бріанъ?

— Сэръ Бріанъ Ленчестеръ будетъ тамъ.

— Но почему вы знаете?...

— Онъ будетъ тамъ.

Въ то время, къ которому относится рассказъ нашъ, на углу Финчъ-Ленской Улицы и Коригильской Площади былъ узенькій, грязный, немощный переулокъ. На переулокъ, улицу и площадь, выходили три фасада огромнаго дому, мрачнаго въ переулкѣ, промышленнаго въ улицѣ и великолѣпнаго на площади, гдѣ въ нижнемъ этажѣ были два роскошные магазина. Одинъ принадлежалъ золотыхъ дѣлъ мастеру, въ другомъ заключались всевозможныя тоалетныя вещи, начиная отъ лакированныхъ ботинокъ, шелковыхъ чулковъ, манжетокъ, до готовыхъ фраковъ и шапелей. Эти два магазина были въ большой модѣ; на магазинѣ бриллианщика было выставлено имя Фалькстона, на модномъ магазинѣ — мистриссъ Бертрамъ.

На Финчъ-Ленской Улицѣ, узкой и грязной, служившей какъ-бы переходомъ отъ широкой, свѣтлой площади, къ мрачному переулку, была, въ томъ же домѣ, мѣняльная лавка, съ внутренними рѣшетками и сторами, придававшими ей почти таинственный видъ. Возлѣ мѣнялы былъ продавецъ старыхъ вещей и рѣдкостей. Перваго звали Вальтеромъ, втораго Проктейсомъ.

Наконецъ, въ темный переулокъ выходили девять или десять оконъ съ рѣшетками; стекла были забѣлены мѣломъ, такъ что нескромный взглядъ не могъ проникнуть во внутренность дому. Тутъ была контора торговаго дому Эдварда и К^о.

Какую торговлю велъ этотъ домъ? Этотъ вопросъ чрезъ-

вычайно занималъ всѣхъ сосѣднихъ вумушекъ, но ни одна не могла рѣшить его. Часто приносили тюки, часто даже повозки останавливались у дверей; тюки и пакеты вносили въ домъ, но никогда и ничего изъ него не выносили; никто не видалъ ни хозяина торговаго дому, ни компаньоновъ его. Каждый мѣсяцъ входили въ контору человекъ тридцать, иногда и болѣе, матросовъ. Единственное живое существо, появлявшееся на порогахъ, былъ лакей въ ливрѣ огненнаго цвѣту.

На другой день послѣ бала въ Треворъ-Гоузъ матросы отдѣльными парами входили въ домъ. Когда лакей въ ливрѣ огненнаго цвѣту, насчиталъ ихъ тридцать шесть человекъ, онъ заперъ дверь на замокъ и удалился.

Эти матросы были почти всѣ дюжие парни, съ отчаянными, рѣшительными физиономіями; на лицахъ бѣльшей части изъ нихъ былъ написанъ рѣзкими чертами развратъ. Между ними было двое молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ дѣтства. Читатели уже знакомы съ нѣкоторыми изъ этихъ молодцовъ. Тутъ былъ дюжій Томмъ Тёрнбуллъ, толстый Чёрли, Патрикъ, лапальщикъ Сонни, мяукальщикъ Снэзъ и другіе товарищи капитана Педди, которыхъ мы не назвали. Но самого добраго капитана, въ синемъ застегнутомъ фракѣ и лосинныхъ штанахъ, не было.

Контора находилась въ большой комнатѣ, раздѣленной на-двое рѣшеткой, плотно закрытой изнутри толстою зеленою занавѣскою. Въ рѣшеткѣ были вдѣланы маленькія окошечки; надъ одной изъ нихъ была надпись: «Касса.»

Матросы въ молчаніи усѣлись на скамьяхъ, расположенныхъ около стѣнъ. Последний, не находя мѣста, сталъ въ амбразуру окна, приложивъ лицо къ стеклу, густо забѣлленному мѣломъ. Съ перваго взгляду можно было подумать, что онъ хотѣлъ соскоблить мѣлъ, но онъ былъ занятъ менѣе матеріальной работой. Указательный палецъ правой руки его быстро пробѣгалъ по пальцамъ лѣвой: онъ считалъ. Это, по-видимому, былъ человекъ разсчитливый, если не скуной. На немъ былъ пальто изъ грубого сукна, надѣтый сверхъ синей рубашки; короткіе штаны изъ полосатой шерстяной матеріи и съ разрѣзами вы-

зу, по сторонамъ, оставляли незакрытыми грязные сапоги съ заплатками, и толстыми подошвами. На головѣ у него была старая шляпа съ микроскопическими полями.

Онъ былъ весьма низенькаго роста и члены его, взятые вмѣстѣ, были лишены всякой симметріи; но зато взятые отдѣльно, они имѣли характеръ чрезвычайной силы. Голова, плотно посаженная на широкихъ плечахъ, имѣла свой особенный типъ. За низенькимъ, едва замѣтнымъ лбомъ слѣдовалъ прямо, безъ всякаго углубленія, длинный, узенькій, орлиный, или лучше сказать, совиный носъ; бороды у него не было, только мѣстами, длинные рыжеватые пучки волосъ видѣлись на подбородкѣ и щекахъ. Узенькій ротъ, съ незамѣтными губами, имѣлъ по сторонамъ двѣ морщинки, придававшія ему безпрестанно улыбающійся видъ. Взглядъ его былъ то пронизателенъ, то вкрадчивъ, то дерзокъ.

Прежде нежели назовемъ этого человѣка, замѣтимъ еще оригинальную черту его костюма: вездѣ, въ пальто, въ штанахъ, въ жилетѣ и даже въ рубахѣ, были у него карманы. На одномъ пальто было ихъ шесть.

Этотъ человѣкъ былъ Бобъ-Лантернъ.

Матросы прождали нѣсколько минутъ, когда наконецъ за зеленой занавѣской послышался голосъ:

— Всѣ ли на лицо?

— Всѣ, мистеръ Смитъ, отвѣчалъ Томмъ Тёрнбуль, имѣвшій, по видимому, нѣкоторую власть надъ своими товарищами.

— Всѣ-я-у! промучилъ съ гримасой маленькій Снэль.

За рѣшеткой, послышался рѣзкій и сухой звукъ отпиравшагося тяжелаго замка.

— Какой я разсѣянный! произнесъ въ то же время невидимый мистеръ Смитъ. Я забылъ размѣнять ассигнаціи.... Ничоласъ!.... И онъ позвонилъ.

Ничоласъ, лакей въ ливреѣ огненнаго цвѣту, явился на зовъ мистеръ Смита, за рѣшеткой. Конторщикъ вручилъ ему пукъ ассигнацій.

— Размѣнай! сказалъ онъ: сейчасъ же!

Ничоласъ ушелъ.

— Слышали? вы? сказалъ Томмъ тихимъ голосомъ: раз-
мѣнный, говорить.

— Слышали, Томмъ, отвѣчалъ толстый Чёрли; намъ при-
несутъ деижать.

— Чёрли правъ, сказалъ Снэль, оборванный мальчишка,
на лицѣ котораго выражались уже всё дурныя страсти.

— Молчи, ты, крыса проклятая! грубо сказалъ Чёрли:
не надо мнѣ твоего подтвержденія.

Томмъ Тёрнбуллъ всталъ. Потомъ, не говоря ни слова,
сталъ на скамью и заглянулъ за рѣшетку.

— Чтò ты тамъ дѣлалъ? спросили его товарищи.

Томмъ соскочилъ со скамьи и приложивъ палецъ къ
губамъ, прошипѣлъ: — Стъ!.... Потомъ, собравъ около
себя товарищей, онъ сказалъ имъ шопотомъ:

— Тамъ, сзади, въ двухъ шагахъ отъ насъ, желѣзный,
открытый сундукъ.

— Ну, такъ чтò жъ?

— Въ этомъ сундукѣ нѣтъ ни серебра.....

— Тѣмъ хуже!

— Ни золота....

— Это еще хуже!

— Молчите! Убью перваго, кто заговоритъ! грозно про-
изнесъ Томмъ. Снэль осторожно всталъ сзади. — Ни золо-
та! повторилъ Тёрнбуллъ; но знаете ли отчего?

— Отчего?

— Оттого, что мѣста нѣтъ! Оттого, что онъ набитъ ас-
сигнаціями до-верху....

У всѣхъ глаза засверкали; послышался глухой ропотъ.

— Тамъ на cadaго изъ насъ, продолжалъ Тёрнбуллъ,
будетъ по миллиону!

Глухой ропотъ усилился. Жадность выразилась во всѣхъ
взорахъ, устремленныхъ на рѣшетку.

— Потерпите, друзья, потерпите! сказалъ мистеръ Смитъ,
принимавшій ропотъ за выраженіе нетерпѣнія. Контор-
щикъ сидѣлъ за своимъ бюро и спокойно читалъ журналъ
Times. Невозможно описать лица его, которое было закры-
то синими очками и зеленымъ зонтикомъ.

— По миллиону! повторило нѣсколько голосовъ.

— Друзья! сказалъ голосъ Бобъ-Дантеризъ; надо дѣйстви-

вать осторожно. Не надо дурачиться.... могут быть дурныя послѣдствія....

— Полно лицемѣрить! сказалъ Томмъ; говорятъ тебѣ, что тамъ горы ассигнацій!...

— Это чертовски соблазнительно! возразилъ Лантернъ облизываясь: кабы можно было дѣйствовать по-тихонько, а то.... Капитанъ не придетъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чѣрли.

— Чертовски соблазнительно! повторилъ Бобъ, и подкравшись къ рѣшеткѣ, слегка потрясъ ее.

— Потерпите, друзья, потерпите! сказалъ конторщикъ, продолжая читать газету.

— Крѣпко, проворчалъ Бобъ поморщась, чертовски крѣпко!

— Крѣпко? повторилъ Томмъ, пожавъ плечами; нѣшто мы дѣти?

— Какіе дѣти! смѣло воскликнулъ Спэълъ.

— Чтò же намъ дѣлать? спросилъ другіе.

Томмъ не отвѣчалъ, но бросился къ рѣшеткѣ и съ-размаху ударилъ въ нее каблукомъ.... рѣшетка пошатнулась, но не упала.

— Это чтò значитъ? сердито вскричалъ Смитъ.

Томмъ хотѣлъ повторить ударъ, Бобъ-Лантернъ остановилъ его.

— Ты слишкомъ шумяшь, любезный, сказалъ онъ: на-все дѣлать съ-разу. И, по-видимому, безъ усилій, онъ съ такою силой ударилъ каблукомъ по замку, что замокъ разлетѣлся въ куски; потомъ Бобъ отскочилъ, пустивъ другихъ впередъ.

Когда осаждавшіе кассу ворвались за рѣшетку, мистеръ Смитъ успѣлъ уже стать въ оборонительное положеніе. Бюро его было на колесахъ; онъ проворно придвинулъ его къ двери, стараясь припереть ее, но уже было поздно.

— Не трудитесь, мистеръ Смитъ, вскричалъ Тернбуллъ: дѣло сдѣлано, и если вы не будете шумѣть, такъ мы по-дѣлимся съ вами.

— Дерзкіе! вскричалъ конторщикъ дрожащимъ голо-сомъ. Вы должны убить меня, чтобы добраться до кассы!

— За этимъ дѣло не станетъ! равнодушно отвѣчалъ Томмъ.

Громкій смѣхъ одобрилъ его шутку.

За рѣшеткой была дверь въ обширныя кладовыя торговаго дому; круглая, дубовая лѣстница веда во второй этажъ.

Пока Томмъ, Чёрли и другіе отталкивали бюро, одинъ изъ толпы, болѣе смѣлый или ловкій, вскочилъ на бюро, закричавъ:

— Мнѣ первая доля!

— Bravo, Сони! закричала толпа.

— Тебѣ первая доля! повторилъ мистеръ Смитъ, послѣш-но выхвативъ изъ боковаго кармана пару маленькихъ пистолетовъ. Не слышно было ни шуму, ни выстрѣла, только что-то свиснуло въ воздухъ, и Соци, съ раздробленною головою, упалъ мертвый съ бюро....

— О-го! плохо! проворчалъ Бобъ, пятась къ выходу.

Но другіе не послѣдовали его примѣру. Они бросились на конторщика и опрокинули его. Томмъ Тёрбуллъ вынималъ уже изъ-за пазухи длинный ножъ....

Но вдругъ произошло что-то чудное, необыкновенное... Матросы вздрогнули, отскочили за рѣшетку и остановились тамъ, иѣмы, неподвижны.... По круглой лѣстницѣ медленно спускался человѣкъ въ черной маскѣ.... Остановившись на послѣдней ступени, онъ произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Что здѣсь за шумъ, мистеръ Смитъ? Мнѣ нуженъ покой.... прикажите имъ не шумѣть.

— Его честь! произнесъ Томмъ со страхомъ.

— Попались! проворчалъ Бобъ-Лантернъ, спрятавшись въ углубленіе окна.

Его честь медленно ушелъ.

Мистеръ Смитъ всталъ и поставилъ бюро на мѣсто.

— Уберите это, сказалъ онъ холодно, указывая на обезображенный трупъ Сони.

— Слушаю, мистеръ Смитъ, почтительно отвѣчалъ Тёрбуллъ.

И какъ-будто бы ничего не произошло, мистеръ Смитъ принялся опять за газету, во ожиданіи Ничоласа.

— Бѣдный Сони! произнесъ кто-то въ толпѣ.

— Онъ такъ славно лаялъ! жалобно пропичалъ Сналь.

Въ комнатѣ, убранный съ восточною роскошью и выходявшей окнами на Корнгильскую Площадь, находился у окна, съ закрытыми занавѣсами, знакомый намъ мечтатель, къ которому ревновалъ бѣдный Макъ-Набъ. Онъ лежалъ на бархатной кушеткѣ и курилъ изъ длинной трубки съ янтаремъ; лицо его было блѣдно и выражало усталость послѣ ночи, проведенной безъ сна. Передъ нимъ маленькій Негръ, живой попугай, держалъ открытую книгу, на страницы которой по временамъ былъ обращенъ разсѣянный взоръ сэръ Эдуарда. Возлѣ него, на креслахъ, лежала черная маска и короткій четырехствольный пистолетъ.

Лакей, въ ливреѣ огненнаго цвѣту, пришелъ доложить, что какой-то Бобъ-Лантернъ имѣетъ сказать нѣчто важное его чести. Эдуардъ приказалъ ввести его, и сдѣлалъ знакъ Негру, чтобъ тотъ удалился.

Бобъ-Лантернъ, согнувшись въ дугу и осторожно ступая по ковру, вошелъ, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Эдуарда.

— Что тебѣ надо? спросилъ послѣдній.

— Я пришелъ поклониться вашей чести, униженно прозвесь Бобъ: и доложить объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ.

— О какомъ дѣлѣ? Говори коротко и ясно.

— Постараюсь, ваша честь.... Неужели вы изволили забыть Темплъ и хорошенькую миссъ? Славная штука!

Ощущенія Эдуарда въ церкви были такъ сладостны, что онъ послѣ первыхъ словъ Боба припомнилъ все. Онъ провелъ рукою по глазамъ и промолчавъ нѣсколько минутъ, отвѣчалъ:

— Да.... да! она очаровательна! сколько благочестія во взглядѣ! сколько невинности во взорѣ! сколько скромности въ голосѣ! и сколько любви во всемъ этомъ!..

— Да, славная штука!

Эдуардъ опустилъ руку и посмотрѣлъ на Лантерна.

— Я тебѣ далъ порученіе.....

— Точно такъ; потому-то я и пошелъ за барышнями.... ихъ двѣ сестры....

— Гдѣ же она живетъ?

— Какъ нарочно, ваша честь, близёхонько!... Не надо вамъ будетъ нанимать извозчика....

— Но гдѣ же? прервалъ съ нетерпѣніемъ Эдуардъ.

— Напротивъ васъ, по другой сторонѣ площади, поспѣшно отвѣчалъ Бобъ.

Эдуардъ невольно послѣдовалъ взоромъ за направлениемъ пальца Бобъ-Лантерна, который указывалъ на второй этажъ противоположнаго дому. Онъ такъ поспѣшно подошелъ ко второму, незавѣшенному окну, что молодая дѣвушка, стоявшая у окна противоположнаго дому, не успѣла отойти.

— Это она, сказалъ Эдуардъ, когда очаровательное видѣніе исчезло: я увѣренъ, что это она!... Хорошо, сказалъ онъ, обратившись къ Лантерну; скажи мистеръ Смитту, чтобы онъ заплатилъ тебѣ.

— Мнѣ бы гораздо было пріятнѣе и почетнѣе, отвѣчалъ съ смущеніемъ Бобъ: получить награду изъ рукъ вашей чести....

Эдуардъ бросилъ ему два совереня и сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ удалился.

— Да благословитъ васъ Господь, сказалъ Бобъ, низко поклонившись. Удаляясь, онъ ворчалъ:—Сорокъ жалкихъ шеллинговъ за то, что я открылъ ему кладъ.... это несправедливо.... я жъ отплачу ему!...

Эдуардъ опять опустился на кушетку, слегка отдернувъ часть занавѣса и обративъ глаза на окна противоположнаго дому.... Онъ ошибался: дѣвушка, которую онъ видѣлъ у окна, была не Анна, а сестра ея. Клара, по невольному, необъяснимому влеченію сердца, полюбила Эдуарда тою глубокою, восторженною любовью, какую развиваютъ единеніе и тихая, мирная жизнь. Вдали отъ свѣта, она не имѣла случая тратить на мелочныя, пустыя прихоти душевной и тѣлесной полноты.

Клара и младшая сестра ея, Анна, провели дѣтство въ Локмобенѣ, гдѣ отецъ ихъ былъ главнымъ судьей. Въ тѣ лѣта, когда материнскія ласки и наставленія становятся необходимыми молодымъ дѣвушкамъ, сестры лишились матери. Онѣ остались еще два или три года у отца. Вдругъ поведеніе судьи, Макъ-Ферлана, измѣнилось; всѣ поступ-

къ его окружились какою-то таинственностью. Незнакомые люди стали появляться въ его домѣ; всли съ нимъ частыя, продолжительныя бесѣды; онъ предпринималъ секретныя поѣздки, цѣль и причины которыхъ не были никому извѣстны. Около того времени онъ попросилъ сестру свою, мистриссъ Макъ-Набъ, которая проживала въ Лондонѣ, взять къ себѣ дочерей его. Мать Стѣфена находилась тогда въ большой горести; мужъ ея былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ. Она съ удовольствіемъ приняла племянницъ, любила ихъ материнскою любовью и каждый разъ, когда Макъ-Ферлэнъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, она страшилась, чтобы онъ не разлучилъ ее съ милыми дѣвухами; но Макъ-Ферлэну это и въ голову не приходило. Бывая въ Лондонѣ, онъ совершенно предавался дѣламъ, по которымъ пріѣзжалъ.

Стѣфенъ также привязался искреннею братскою любовью къ своимъ кузинамъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда отецъ его палъ подъ ударами убійцы; онъ присутствовалъ при этой ужасной катастрофѣ, и воспоминавіе о страшной смерти отца и черты убійцы глубоко вѣзались въ его памяти, хотя послѣдняго онъ видѣлъ только одну минуту, когда съ лица его спустилась маска; убійца представлялся воспоминавіямъ его, какъ человѣкъ высокій, сильный, здоровый.... въ то самое время, когда съ лица его спала маска, онъ наносилъ смертельный ударъ; черныя брови его были нахмурены и надъ ними проходила бѣлая полоса отъ зажившей раны....

Стѣфенъ поступилъ въ оксфордскій университетъ, въ медицинскій факультетъ. Въ первые годы студенческой жизни своей онъ вступилъ въ тѣсную дружбу съ однимъ изъ товарищей своихъ. Молодые люди тѣмъ сильнѣе полюбили другъ друга, что все въ нихъ было различно, почти противоположно: одинъ былъ сынъ простаго гражданина, другой принадлежалъ къ высшей англійской аристократіи. Дворянинъ былъ пылокъ, страстенъ, смѣлъ и храбръ; медикъ былъ положительнѣе, спокойнѣе и не доводилъ ни страстей, ни храбрости своей до крайности.

Другъ Стѣфена Макъ-Наба былъ Франкъ Персеваль.

Въ воскресенье вечеромъ, въ церкви, въ сердцѣ Стѣфена

произошелъ переворотъ. Онъ понялъ, что любилъ одну изъ кузинъ своихъ, Клару, любовью не братскою; онъ узналъ, что такое ревность—и воротился домой грустный, печальный. Онъ былъ приглашенъ въ этотъ вечеръ на большой балъ, къ лорду Джемсу Тревору, и крайне радовался этому случаю войти въ свѣтъ новый, незнакомый ему. Онъ родился на границахъ Шотландіи, гдѣ лордъ Треворъ имѣлъ значительныя помѣстья. Знатный лордъ зналъ и уважалъ покойнаго Макъ-Наба и когда Стѣфенъ былъ представленъ ему, то принялъ его радушно, обѣщалъ покровительствовать ему и самъ первый вступилъ въ число пациентовъ молодого медика. Какъ домашній докторъ, Стѣфенъ часто бывалъ въ домѣ лорда, и его пригласили на балъ. Цѣлую недѣлю занимался онъ приготовлениями, а теперь, когда насталаъ часъ бала, онъ не одѣвался и сидѣлъ задумчивъ и печаленъ въ комнаткѣ своей передъ каминомъ....

Въ девять часовъ, мать его вошла къ нему.

— Что же ты не одѣваешься, Стѣфенъ? сказала она.

— Зачѣмъ! отвѣчалъ онъ: что я буду дѣлать между гордыми аристократами, которые станутъ смѣяться надо мной, либо не обратятъ на меня никакого вниманія!... Терпѣть не могу знатныхъ!... И онъ подумалъ:—Вѣроятно, и тотъ тщеславный мечтатель какой-нибудь графъ!

— Ахъ, Стѣфенъ, сказала мистриссъ Макъ-Набъ съ упрекомъ: ты забываешь, что бѣдный отецъ твой былъ любимъ и уважаемъ всѣми дворянами нашего графства. Это правда, мы не дворяне, но выше лондонскихъ гражданъ, потому что макъ-набскій кланъ....

— Э! что до этого! прервала ее Стѣфенъ нетерпѣливо.

— Что съ тобой сегодня, сынъ мой? Впрочемъ, дѣлай что хочешь. Я пришла сюда не для того чтобы говорить о балѣ, но вотъ письмо.... ты не станешь читать его, потому что оно отъ дворянина....

— Отъ Франка! вскричалъ Стѣфенъ радостно.

— Я знаю его руку, мой милый, по тому только что письма его радуютъ тебя.

Стѣфенъ поцѣловалъ мать свою.

— Онъ здѣсь! Онъ въ Лондонѣ! вскричалъ молодой человекъ, прочитавъ первыя строки письма: бѣдный Франкъ! И онъ несчастливъ!...

— И онъ? повторила мистриссъ Макъ-Набъ. Но развѣ ты, Стѣфенъ, несчастливъ?

Онъ принудилъ себя улыбнуться и добрая мать, успокоившись, оставила сына одного. Едва она вышла, какъ послышался легкій стукъ въ дверь и нѣжный голосъ произнесъ.

— Благодарю васъ, кузень.

Надобно замѣтить, что хорошенькая Анна всю недѣлю употребляла все краснорѣчіе свое, чтобы уговорить Стѣфена, не ходить на балъ. У нея была своя, наивная ревность. Она неопредѣленно понимала, сколько обошественій окружаютъ свѣтскую женщину; женскій инстинктъ ея угадывалъ упоеніе, овладѣвающее молодымъ человекомъ при входѣ въ великолѣпную залу, наполненную благоуханіями, гдѣ улыбки и взоры скользятъ по сердцу, и боязнь проникла въ душу молодой дѣвушки, потому что она любила Стѣфена столько, сколько могла....

Стѣфенъ Макъ-Набъ не пошелъ на балъ къ лорду Джемсу Тревору.

Пролежавъ еще нѣсколько минутъ на кушеткѣ, Эдуардъ позвонилъ.

— Ударъ въ гонгъ средней залы, сказалъ онъ вошедшему Негру.

— Сколько ударовъ?

— Пять.

Нѣсколько секундъ спустя послышались пять глухихъ и протяжныхъ ударовъ въ мѣдный тазъ. Эдуардъ вышелъ изъ кабинета и прошелъ въ круглую залу, находившуюся въ центрѣ дома. Въ залѣ не было ни одного окна; она освѣщалась люстрой; но зато въ разныхъ разстояніяхъ было шесть дверей; въ одну изъ нихъ вошелъ Эдуардъ. Вокругъ красиваго камина стояли пять стульевъ и одно кресло, на которое сѣлъ Эдуардъ.

Почти въ то же мгновеніе открылись всѣ двери. Въ первую вошла нарядная дама, хозяйка моднаго магазина,

выходившаго на Корнгильскую Площадь—мистриссъ Бертрамъ; она была еще хороша собою, хотя давно уже переступила за границы первой молодости.

Во вторую дверь вошелъ бриллианщикъ, мистеръ Фалькстонъ; онъ былъ щегольски одѣтъ; синеватый отливъ подбородка и половинны щекъ заставлялъ думать, что свѣтлорусые усы его и прекрасно завитые русые волосы были не натуральные.

Третью дверь отворилъ мужчина, порядочной, скромной наружности. Это былъ ибѣлла, мистеръ Вальтеръ. Черный парикъ его не согласовался ни съ голубыми глазами, ни съ матовой бѣлизной лица; впрочемъ, глаза его были закрыты зелеными очками.

Въ четвертую дверь вошелъ маленькiй, желтый, худощавый старичокъ; въ изношенномъ сюртукѣ; по выраженiю лица его и угловатымъ ужимкамъ не трудно было узнать въ немъ ростовщика. Это былъ Практейсъ, прокуроръ, лишенный этого званiя за плутни; теперь онъ былъ ростовщикомъ, и прикрывалъ продѣлки свои будто бы покупкой и продажей старыхъ и рѣдкихъ вещей.

Наконецъ изъ пятой двери показался мистеръ Смитъ въ синихъ очкахъ и съ зонтикомъ, почти совершенно закрывавшимъ лицо его.

Они вошли, почтительно поклонились и сѣли, но не прежде какъ Эдуардъ сдѣлалъ имъ знакъ величественнымъ движенiемъ руки. Нѣсколько минутъ длилось молчанiе.... Эдуардъ посмотрѣлъ на золотые, украшенные бриллиантами часы свои.

— Половина перваго! произнесъ онъ. Такъ ли, Фалькстонъ?

— Точно такъ.

Практейсъ вытащилъ изъ кармана толстые серебряные часы и поставилъ ихъ по часамъ Эдуарда.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ послѣднiй, нечего терять времени; вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ нужно десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Десять тысячъ! воскликнулъ Практейсъ, судорожно сжавъ часы свои.

— Десять тысячъ! повторилъ всѣ.

— Нынче вечеромъ, не позже, прибавилъ холодно Эдуардъ.

Всѣ головы опустились.

— Сэръ Вальтеръ, спросилъ Эдуардъ: можете ли вы мнѣ отсчитать ихъ сейчасъ же?

— Могу, но....

— Что, но?

— Захотите ли вы принять эту монету....

— Не хочу.... а вы, Фалькстонъ?

— Дѣла идутъ очень плохо....

— А вы, Фанни? нетерпѣливо перервалъ Эдуардъ, обратившись къ мистриссъ Бертрамъ.

— Вся касса моя къ услугамъ вашимъ, отвѣчала она: но у меня не будетъ и четверти этой суммы....

— Я возьму, что есть.... вы, Фанни, милы и добры по-прежнему. А вы, Практейсъ?

— Я скажу вашей чести на-прямки, отвѣчалъ бывшій прокуроръ: я скажу безъ отговорокъ, коротко и ясно; я скажу то же, что сказалъ сосѣдъ нашъ, мистеръ Фалькстонъ: дѣла идутъ очень плохо, то есть, ужасно плохо! Я даже осмѣлюсь прибавить свое замѣчаніе; то есть, что дѣла вовсе нейдутъ!

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

Прокуроръ трижды открывалъ ротъ прежде нежели рѣшился дать слѣдующій отвѣтъ жалобнымъ голосомъ:

— Бѣдная касса моя и все мое имущество къ услугамъ вашей чести.

— Васъ, Смитъ, я и не спрашиваю, сказалъ Эдуардъ послѣ краткаго молчанія: я знаю, что у васъ есть.... Какъ вамъ не стыдно, господа! Я прошу у васъ бездѣлицы....

— Десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ! произнесъ со вздохомъ Практейсъ.

— А вы отказываете мнѣ. Развѣ я мало для васъ дѣлаю? Развѣ полиція беспокоитъ васъ? Развѣ вся аристократія Лондона не закупаетъ въ вашихъ магазинахъ? А вы не хотите услужить мнѣ бездѣлицой!

— Вы знаете, что все мое имущество принадлежитъ вамъ, прошептала мистриссъ Бертрамъ.

— Знаю и благодарю васъ, Фанни.... но эти господа....

— Мы готовы, прервалъ его Фалькстонъ.

— Мы готовы, повторили другіе, исключая Смита.

— Давно бы такъ! сказалъ Эдуардъ вставая: я надѣюсь на васъ. Надѣйтесь и вы на меня. Въ нуждѣ и бѣдѣ, я всегда готовъ служить вамъ. Прощайте, Фанни.

Мистриссъ Бертрамъ поклонилась и ушла.

— Нѣтъ ли чего новаго, Фалькстонъ? спросилъ Эдуардъ.

— Чѣмъ кончилась ваша исторія въ прошедшую ночь?

— Вздоромъ.... мы скоро избавимся отъ него.

— Тѣмъ лучше. Кому отдать деньги?

— Фанни, какъ и всегда.

Фалькстонъ поклонился и вышелъ; за нимъ ушелъ и Практейсъ.

— Дурныя вѣсти, сказалъ Вальтеръ: вчера у меня не приняли трехъ ассигнацій и нехорошіе слухи начинаютъ распространяться по сосѣдству.

— Чтò жъ такое говорятъ?

— Ничего опредѣленнаго; но всѣ дѣлаются мнительными, всякую ассигнацію разсматриваютъ и оборачиваютъ разъ десять.

— Не бойся, Вальтеръ, другъ мой, сказала Эдуардъ улыбаясь: скоро дѣла наши поправятся.

Мѣняла пожалъ плечами и мѣрными шагами пошелъ къ своей двери.

— Смитъ, сказалъ Эдуардъ конторщику, когда остался съ нимъ наединѣ: каково идетъ работа наша въ Банковской улицѣ?

— Я былъ тамъ нынче утромъ, отвѣчалъ Смитъ шопотомъ. Педди кормить и поить своего великана на убой и тотъ работаетъ за четверыхъ, но онъ ослабѣваетъ.....

— Какъ это идетъ медленно! произнесъ Эдуардъ съ досадою.

— Но вѣдь въ Банковской улицѣ до сорока футовъ ширины! возразилъ Смитъ—и громадный кротъ нашъ роетъ въ двадцати футахъ глубины.... Еще недѣлку и великанъ умретъ, но проходъ будетъ готовъ.

— Дай-то Богъ, добрый Смитъ..... Эдуардъ оттолкнулъ кресла къ стѣнѣ и сталъ надѣвать надушенные перчатки.

Прощай, Смитъ, прибавилъ онъ: похлопочи, чтобы старый скрага Практейсъ отсчиталъ къ-вечеру деньги.

Эдуардъ ушелъ въ дверь, которая вела къ магазину Фалькстона; остался тамъ нѣсколько минутъ, какъ-бы выбирая драгоценныя украшенія, и вышелъ изъ магазина какъ покупатель, онъ сѣлъ въ красивую коляску, запряженную парой прѣкрасныхъ лошадей, которымъ подобныхъ можно было найти развѣ только въ княжескихъ конюшняхъ маркиза Рио-Санто.

Въ мрачномъ, сыромъ и душномъ подвалѣ, слабо освѣщенномъ маленькимъ фонаремъ, человѣкъ не высокаго росту, но плотный, вынималъ осторожно камень изъ стѣны..... Камень уступилъ легкому и привычному натиску этого человѣка и упалъ на земь, оставивъ въ стѣнѣ не большое, но глубокое отверстіе..... вспыхнувшій въ фонарѣ огонь освѣтилъ лицо Бобъ-Лантерна, выразившее дикую и вмѣстѣ жадную радость.

Онъ подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ, крѣпко ли она была заперта, потомъ двумя скачками воротился къ отверстию и опустилъ туда судорожно сжатые руки свои.... Все тѣло его задрожало отъ удовольствія и въ то же время послышался звукъ пересыпавшагося золота. Лицо Лантерна, освѣщенное снизу фонаремъ, стоявшимъ на землѣ, отражало энергическое выраженіе наслажденія, доведеннаго до своего пароксизма..... Онъ сначала медленно, съ наслажденіемъ перебиралъ золото, потомъ судороги стянули его пальцы, глаза вполонину закрылись, онъ съ какою-то яростію сталъ рыться въ золотѣ, произнося невнятные звуки.... руки его по локоть исчезали въ золотѣ.

Насладившись видомъ и прикосновеніемъ своего сокровища, онъ вынулъ изъ кармана деньги, *заработанныя* въ тотъ день и бросилъ ихъ въ отверстіе. Видно было, что Лантерну стоило большихъ усилій, чтобы разстаться съ казной своей, но надо было рѣшиться. Онъ поставилъ камень на мѣсто, и такъ ловко, что его рѣшительно нельзя было отличить отъ другихъ.

— Темперенсъ хитра, когда не пьяна, сказалъ онъ: но она вѣчно пьяна, и я хитрѣе ея!...

Нѣсколько минутъ спустя Бобъ-Лантернъ, тщательно замкнувъ толстую дверь подвала, былъ опять на улицѣ. По другую сторону ея, въ грязной тавернѣ, онъ увидѣлъ Темперену, которая спала, опустивъ голову на столъ.

— Какъ жалъ! произнесъ онъ съ сожалѣнiемъ: какъ жалъ, что она такъ неумѣренна! А скоро ли найдешь женщину, ростомъ въ пять футовъ и шесть дюймовъ!

Было около двухъ часовъ по полудни.

Толкая дѣтей и женщинъ и почтительно уступая дорогу джентльменамъ, Лантернъ дошелъ до высокаго, великолѣпнаго дому, передъ фасадомъ котораго проходила желѣзная рѣшетка. За рѣшеткой, по обѣимъ сторонамъ крыльца, сидѣла праздная толпа грумовъ и лакеевъ, которые разговаривали между собою и смѣялись.

Бобъ-Лантернъ вступилъ на первую ступеньку крыльца.

— Что надобно этому неучу? вскричалъ маленькiй, худенькiй жокей.

— Добрый мистеръ Тюлипъ, отвѣчалъ Бобъ: неужели вы меня не узнаете? Я Бобъ-Лантернъ, вашъ покорный слуга.

— Да, да! вскричали лакеи, это Бобъ-Лантернъ, мужъ мистриссъ Темперенсы..... А что тебѣ надо?

— Хочу засвидѣтельствовать вамъ мое почтенiе и узнать, могу ли я видѣться съ управителемъ.

— Онъ очень занятъ.

— Это не бѣда! Мы съ мистеръ Патерсономъ старые знакомые; я увѣренъ, что онъ схотно приметъ меня.

— Проводи его, Тюлипъ, сказалъ одинъ изъ лакеевъ-великановъ маленькому жокею.

Бобъ-Лантернъ, какъ человекъ осторожный, поклонился лакеямъ, которые громко насмѣхались надъ нимъ и пошелъ за жокеемъ въ переднюю. Она была полна народомъ, ожидавшимъ очереди предстать передъ лицомъ управителя Патерсона, которыя и, будучи заняты важными дѣлами, заставляли ихъ ждать. Тюлипъ доложилъ управителю объ Лантернѣ.

— Лантернъ..... Лантернъ..... говорилъ Патерсонъ, какъ бы припоминая: а, знаю!пусти его.

Ропотъ поднялся между бѣдняками, которые нѣсколько

дней уже тщетно выжидали случая поговорить съ управителемъ. Они не хотѣли пропустить Лантерна, но Тюлипъ схватилъ мокрую щетку и брызнулъ на нихъ грязною водою; всѣ отступили. Бобъ воспользовался этимъ случаемъ и проскользнулъ въ кабинетъ.

— Запри дверь, сказалъ управитель не оглядываясь: и ступай сюда.

Бобъ исполнилъ его приказаніе.

Мистеръ Патерсонъ, человекъ самой обыкновенной, даже площадной наружности, былъ очень запяты — онъ грѣлъ ноги у каминна. Помолчавъ съ-минутой и зѣвнувъ, онъ посмотрѣлъ на Боба.

— Ты продаешь..... сказалъ онъ, желая сказать острое слово, но не находя его: ты продаешь..... Ну! какъ бы это сказать?.... понимаешь, плутъ?

Лантернъ добродушно засмѣялся.

— Вы все изволите шутить; точно, я продаю..... вы сами изволите знать что.

— Ты, любезный, пришелъ не въ-время; товаръ твой намъ теперь не нуженъ.....

— Жаль, возразилъ Бобъ холодно: жаль для васъ, потому что такой отличный товаръ, какъ вы изволите говорить, у меня дома на рукахъ не останется! Я его какъ-разъ сбуду.

— Развѣ она очень хороша? спросилъ управитель.

— Прелесть!... То есть, просто.... прелесть!

Мистеръ Патерсонъ пожалъ плечами, и сказалъ:

— Всякой купецъ свой товаръ хвалить.

— Можете посмотреть, мистеръ.....

— Кчему?.... Женщины надѣла мшлору.

— Извините, что я напрасно побезнокопалъ васъ, мистеръ.

Лантернъ униженно поклонился и пошелъ къ двери. Мистеръ Патерсонъ остановилъ его, спросивъ, съ притворнымъ равнодушіемъ:

— А который сѣ годъ?

— Лѣтъ семнадцать..... много осьмнадцать..... Ахъ, мистеръ! она свѣжа какъ свѣлая вишня, стройна какъ пвовая вѣтка, граціозна, мила, скромна, певинна.....

— Та, та, та! прервалъ его управитель: а гдѣ она живетъ?

— Вотъ это ужъ денежекъ стоить, отвѣчалъ Лантернъ съ отвратительной улыбкой. Это ужъ половина всего дѣла.... Впрочемъ, если милорду надобля женщины, такъ нечего и говорить.

— Послушай, честный Бобъ....

— Слушаю, мистеръ.

— Не прерывай меня. Если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, какъ ты говоришь, такъ мы можемъ испытать; можетъ-быть, милордъ и полюбитъ ее.

— Полюбитъ, мистеръ, непременно полюбитъ!

— Надо испытать.

— Непременно надо.

— Тѣмъ болѣе, что съ-тѣхъ-поръ какъ милордъ пере-мѣнилъ образъ жизни, я теряю кредитъ свой. Повѣришь ли ты, честный Бобъ, что его сіятельство потребовалъ у меня на прошлой недѣлѣ нѣкоторыхъ объясненій по своимъ дѣламъ!

— Возможно ли! вскричалъ съ крайнимъ изумленіемъ Бобъ.

— Да. Пора пустить его въ прежнія продѣлки. Я увижу эту молодую дѣвушку.

— Давно бы такъ!

— Завтра же.

— Когда вамъ угодно.

— Сколько жъ тебѣ за это?

Бобъ подошелъ къ камину и отвѣчалъ:

— Я вамъ скажу имя и адресъ ея, если вы мнѣ отсчитаете сейчасъ тридцать золотыхъ совереновъ.

— Ты съ ума сошелъ, почтенный Бобъ! вскричалъ управитель. Тридцать совереновъ за адресъ!

— И имя.... адресъ и имя самой хорошенькой миссъ во всемъ Лондонѣ. Чего жъ вамъ больше?

— Но подумай самъ.... тридцать совереновъ!

— Это даромъ.... Когда увидите ее, вы сами скажете: Бобъ-Лантернъ глупъ: это стоить ста гиней.

— Но вѣдь всякій другой могъ бы встрѣтить эту миссъ....

— Лондонъ великъ. Ищите, я вамъ мѣшать не буду.

Мистеръ Патерсонъ подумалъ съ-минуту, потомъ всталъ, не говоря ни слова, и пошелъ къ бюро. Бобъ жаднымъ взоромъ слѣдилъ за всѣми его движеніями. Управитель выдвинулъ ящикъ и медленно отсчиталъ тридцать золотыхъ монетъ.

— Дорогонько, ворчалъ онъ про себя: но Бобъ никогда не обманывалъ меня. У него удивительный вкусъ. Притомъ же, деньги милорда... Ступай сюда, продолжалъ онъ вслухъ: смотри, если ты меня обманешь!...

— Неужели вы, мистеръ, думаете, что у меня нѣтъ чести и благородства! напыщенно спросилъ Лантернъ.

— Бери!

Не дожидаясь повторенія, Бобъ схватилъ деньги, которыя въ то же мгновеніе исчезли въ одномъ изъ его безчисленныхъ кармановъ.

— Анна Макъ-Ферлэнъ, говорилъ онъ тихимъ голосомъ, между-тѣмъ какъ Патерсонъ записывалъ; номеръ 32, на Коригильской Площади, противъ Финчъ-Лэнской улицы; двѣ сестры, старая тѣтка или мать.... и молокососъ, родной или двоюродный братъ.

— Гмъ! проворчалъ управитель: молокососъ-то тутъ не кстати.

— Мѣшаетъ маленько.... ну, да въ случаѣ наобности.... я беру на себя и подобныя дѣла.... Лантернъ сдѣлалъ ужасное движеніе, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться. Управитель пристально посмотрѣлъ на него и заиспавшись сказалъ:

— Да у тебя, почтенный Бобъ, должны быть милліоны!

— Гдѣ намъ! отвѣчалъ униженно Бобъ: въ Лондонѣ жить дорого; если бѣ ваша милость не дали мнѣ тридцати совереновъ, такъ нѣначто было бы купить хлѣба!... Сушца бѣда! Когда жѣ прикажете мнѣ зйти?

— Завтра.

Бобъ поклонился и вышелъ. Патерсонъ позвонилъ и приказалъ слугѣ сказать ожидавшимъ его бѣднякамъ, что сегодня онъ чрезвычайно занятъ, а потому не можетъ принять ихъ.

Франкъ Персеваль не прибавлялъ къ имени своему никакихъ титуловъ. Это было не изъ презрѣнія къ нимъ, но изъ гордаго и благороднаго уваженія къ древнему историческому имени своихъ предковъ. Старшій братъ его, графъ Фейфскій, получилъ въ наслѣдство почти все отцовское имѣнiе, согласно съ англійскими законами. Имѣнiе это было, однако жъ, не довольно велико, чтобы графъ могъ назначить пенсію брату, потому что онъ самъ жилъ при дворѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ вести жизнь вельможи.

Франкъ принужденъ былъ довольствоваться маловажною суммою, доставшеюся ему въ удѣлъ; она была бы даже недостаточна, если бъ мать не удѣлила ему часть собственнаго своего состоянія. Вдовствующая графиня Фейфская жила въ то время въ Шотландіи, съ послѣднею изъ дочерей своихъ, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою. Франкъ жилъ въ Лондонѣ, въ Додлей-гоузѣ, собственности матери его. У него была домоправительница и старшій слуга — не было ни экипажей, ни лошадей.

На другой день послѣ бала въ Треворъ-гоузѣ, Стѣфенъ Макъ-Набъ около полудня входилъ въ квартиру Персевала. Его принялъ старшій слуга.

Джекъ былъ честный, вѣрный и преданный слуга. Онъ всю душою любилъ своего господина и былъ недоволенъ только однимъ: равнодушіемъ Франка къ титуламъ. Онъ зналъ Стѣфена съ малолѣтства; ему извѣстна была дружба, которую питалъ къ нему господинъ его и только по этой причинѣ онъ уважалъ молодаго доктора — не дворянина. Старшій слуга принялъ Стѣфена съ почтительнымъ радушіемъ и объявивъ, что господинъ его вышелъ съ утра и, вѣроятно, скоро воротится, попросилъ доктора обождать въ кабинетѣ.

Стѣфенъ сѣлъ у кампа.

— Здѣсь ничто не измѣнилось, сказалъ онъ; вотъ тѣ же книги любимыхъ авторовъ нашихъ, которыя мы такъ часто вмѣстѣ читали; вотъ статуйка герцогини Беррійской; вотъ и большой гербъ дому Персевалей....

— Не прикажете ли объяснить вамъ въ подробности всѣ части этого герба? съ живостью спросилъ слуга.

— Въ другой разъ, добрый Джекъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ старикъ, но въ то же время подумалъ:—Сейчасъ видно, что не дворянинъ!... Однако, что это значить? прибавилъ онъ вслухъ и съ безпокойствомъ осматриваясь: здѣсь стоялъ пистолетный ящикъ сэра Франка; куда онъ дѣвался?

Что-то необыкновенное, какъ тяжкое предчувствіе, поразило сердце Стѣфена.

— Ахъ, Боже мой! продолжалъ старикъ, всплеснувъ руками: и шпаги нѣтъ!...—Джекъ поблѣднѣлъ.

— Что это значить? вскричалъ Стѣфенъ вставая.

— Сэръ Франкъ вышелъ рано утромъ, отвѣчалъ Джекъ задыхающимся голосомъ: я былъ еще въ постели.... Я не видалъ его... онъ унесъ съ собою пистолеты.... и шпагу!..

— Дуэль! прервалъ его Стѣфенъ.

— И до-сихъ-поръ его милости нѣтъ еще! воскликнулъ старикъ, опустившись въ кресла.

— Дуэль! повторилъ Стѣфенъ, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ: онъ прибылъ вчера.... а нынче утромъ дуэль.... Это странно! непостижимо!... Но, можетъ-быть, это маловажная ссора, которая не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій....

Джекъ медленно покачалъ сѣдой головой.

— Что касается до чести Персевалей, не можетъ быть маловажнымъ; господинъ мой не изъ тѣхъ, которые считаютъ поединокъ игрушкой.... Боже мой! скоро двѣнадцать часовъ.... а онъ ушелъ въ семь!...—Старикъ закрылъ лицо руками.

— Добрый Джекъ, сказалъ Стѣфенъ, старавшійся обмануть самого себя: мы безпокоимся напрасно. Франкъ не могъ имѣть послѣ пріѣзда своего серьезной ссоры.

— И точно, его милость ни съ кѣмъ не видался и былъ только на балу у лорда Тревора....

— У лорда Тревора! вскричалъ Стѣфенъ, пораженный внезапною мыслию, и всплеснувъ руками, прибавилъ съ отчаяніемъ: маркизъ Рио-Санто!

— Кто это? вы знаете его? спросилъ Джекъ.

— Рио-Санто! повторилъ Стѣфенъ: они встрѣтились.... вотгдѣ узнать, Боже мой!... У кого спросить!...

— Куда бѣжать! прибавилъ Джекъ; о, сжальтесь надъ бѣднымъ старикомъ! Я не понялъ смыслу вашихъ словъ, но я угадываю.... О, если вы знаете, гдѣ господинъ мой, скажите мнѣ.... Я побѣгу туда и, быть-можетъ, подоспѣю къ нему на помощь.... Господинъ мой! продолжалъ онъ, сложивъ руки и со слезами на глазахъ: вѣдь я носилъ его на рукахъ, укачивалъ, я люблю его!

Стѣфенъ машинально подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣсъ. Улица была пуста.... только съ одного конца ея приближалась карета....

— Увы! продолжалъ съ отчаяніемъ Джекъ: фатализмъ преслѣдуетъ благородный родъ.... почти всѣ Персевали погибли на поединкахъ.... и девизъ, окружающій гербъ ихъ, кажется вѣчной, кровавой угрозой....

Стѣфенъ невольно обратилъ глаза къ гербу и прочелъ девизъ:

— *Mors ferro, nostra mors!* (Смерть отъ желѣза, наша смерть!)

Бываютъ минуты, когда душа, безъ малѣйшаго сопротивленія, предается самымъ суевѣрнымъ предчувствіямъ. Стѣфенъ съ ужасомъ отвернулся отъ герба. Блестящія краски его казались ему, облитыми кровью.... ему казалось, что на глазахъ благородныхъ лордовъ, портреты которыхъ украшали стѣны кабинета, были слезы....

— *Mors ferro, nostra mors!* медленно повторилъ старшій Джекъ. Въ послѣдній разъ я слышалъ, какъ произносили эти слова покойный графъ Фейфскій, сопровождая гробъ старшаго изъ сыновей своихъ, павшаго на поединкѣ!...

Карета остановилась у Додлей-гоуза. Два незнакомца вышли изъ нея и съ помощью кучера вынесли изъ кареты безчувственное, безжизненное тѣло....

— Франкъ! бѣдный Франкъ мой! вскричалъ Стѣфенъ раздирающимъ голосомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Старшій Джекъ подбѣжалъ къ окну, посмотрѣлъ внизъ, задрожалъ и упалъ безъ чувствъ на полъ, проговоривъ задыхающимся голосомъ:

— *Mors ferro, nostra mors!*

Когда Джекъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на томъ же

жѣствъ. Никто не обратилъ на него вниманія. Онъ осматрѣлся безсмысленнымъ взглядомъ.... Комната была пуста. Воспоминаніе о прошедшемъ неясно представлялось его памяти. Онъ имѣлъ неопредѣленное помятіе о недавнемъ и ужасномъ несчастіи, но не могъ или не хотѣлъ вѣрить въ него.... взоръ его невольно остановился на дѣвизѣ.... горестный ударъ поразилъ его прямо въ сердце....

— Господинъ мой! вскрикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ: дуэль.... кровь!.... Я видѣлъ трупъ Франка Персеваля!...

— Стъ! произнесъ незнакомецъ, полу-растворивъ дверь: не шуми!

Дверь затворилась. Джекъ на колѣняхъ подползъ къ порогу и приложилъ ухо къ щели: — Ничего не слышно! произнесъ онъ шопотомъ: Боже мой! Что тамъ дѣлается?.... Живъ онъ?.... или....

Старикъ не успѣлъ договорить: въ сосѣдней комнатѣ слышался легкій шумъ.... какъ-будто отъ тренія двухъ кусковъ стали.... Джекъ приподнялся и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.... Онъ увидѣлъ посреди комнаты кровать своего господина, которую выдвинули, для большаго удобства, изъ алькова. На постели лежалъ Франкъ Персеваля, безъ движенія, безъ жизни, съ закрытыми глазами, съ лицомъ покрытымъ смертною блѣдностью.... Тамъ и сямъ, на полу, были разбросаны бинты и полотенца упитанные кровью. Возлѣ окна сидѣлъ Стѣфень-Макъ-Набъ, блѣдный, съ опущенной головою и закрывъ лицо обѣими руками.

По сторонамъ кровати стояли два незнакомца: одинъ, весь въ черномъ, съ холоднымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, держалъ руку Франка. У другаго были засучены рукава; въ окровавленныхъ рукахъ его былъ длинный стальной инструментъ, который, по временамъ, исчезалъ подъ рубашкой бѣднаго Франка. Лицо втораго было такъ же холодно, какъ и перваго.

Джекъ пританлъ дыханіе. Вся жизнь его сосредоточилась въ чувствѣ зрѣнія.

Человѣкъ въ черномъ платьѣ, который безъ-сомнѣнія, былъ докторъ, продолжалъ щупать пульсъ Франка. Дру-

гой, по-видимому помощникъ первого, продолжалъ опускать сондъ въ рану, ощупывалъ, прислушивался и сомнительно покачивалъ головой. Наконецъ онъ произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ Джекъ не могъ слышать. Человѣкъ въ черномъ отвѣчалъ дожатіемъ плечъ и странной улыбкой.

— Что онъ сказалъ?.... думалъ старый слуга: и что значить улыбка?... Не предвѣстіе ли спасенія?...

Помощникъ вытащилъ наконецъ сондъ и хладнокровно смѣрилъ глубину раны. Джекъ задрожалъ.... Тихонько пожалъ ручку дверя.... она полу-растворилась.... никто не замѣтилъ этого.... Старый слуга могъ слышать разговоръ незнакомцевъ.

— Еще бы на поллиніи и артерія была бы пересѣчена, сказалъ тихимъ голосомъ помощникъ.

— Пол-линіи! повторилъ человѣкъ въ черномъ фракѣ увѣрены ли вы, Роулей, что артерія цѣла?

— Совершенно!

Помощникъ передалъ доктору окровавленный сондъ и вынулъ изъ бокового кармана пучокъ корнии. Грудь бѣднаго Джека облегчилась.... была надежда спасти его господина!... Вынувъ корнію, хирургъ бросилъ изъ-подлобья взглядъ на Макъ-Наба, остававшагося въ прежнемъ безчувственномъ состояніи и сдѣлалъ головою знакъ доктору; тотъ тоже посмотрѣлъ на молодого человѣка и сказалъ шопотомъ:—Онъ ничего не слышитъ и не видитъ; дѣлайте, что я вамъ приказалъ.

Опять молчаніе.

Джекъ удвоилъ вниманіе и увидѣлъ, что помощникъ опустилъ руку въ боковой карманъ и вынулъ оттуда маленькую хрустальную стеклянку, поднесъ ее къ корніи, бросивъ на Ст Фена еще взглядъ.... отъ котораго сильно забилось сердце въ груди стараго слуги.

Стѣфенъ не трогался. Докторъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія. Роулей вылилъ каплю жидкости на корнію.... въ это самое мгновеніе Стѣфенъ поднялъ голову, Роулей задрожалъ и побѣднѣлъ. Корнія выпала изъ рукъ его... онъ поспѣшно прикрылъ ее ногой....

Подозрѣнія, возраставшія каждую минуту въ умѣ Дже-

ка, внезапно превратились въ увѣренность. Онъ вскочилъ, схватилъ со стѣны шотландскій кинжалъ и вбѣжавъ въ комнату, вскричалъ:

— Мистёръ Стѣфенъ! вы не видите, что здѣсь дѣлается!

— Молчи! сказалъ Рѹлей, махая одной рукой, а другою указывая на больнаго.

— Молчи ты самъ, съ бѣшенствомъ отвѣчалъ Джекъ: злодѣй! Я стоялъ тамъ. Я все видѣлъ.

Рѹлей машинально сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

— Что онъ, сумасшедшій? спросилъ докторъ, обратившись къ Стѣфену: прикажите ему удалиться, или я не отвѣчаю за жизнь сэръ Франка Персевала.

Стѣфенъ всталъ. Онъ смотрѣлъ то на Джека, то на Рѹлея, который успѣлъ прійти въ себя.

— Молчи, Джекъ! сказалъ онъ; а вы, докторъ, ради Бога, сдѣлайте по-скорѣе перевязку.

Джекъ сталъ между господиномъ своимъ и докторомъ.

— Мистёръ Макъ-Набъ, сказалъ онъ почтительнымъ, но твердымъ голосомъ, обратившись къ Стѣфену: я готовъ повиноваться вамъ во всемъ, потому что вы другъ сэра Франка, но клянусь всѣмъ святымъ, что не позволю этому человѣку прикоснуться къ моему господину!

— Этотъ лакей сумасшедшій, сказалъ холодно докторъ. Препятствуя намъ произвести перевязку, онъ убиваетъ своего господина.

Джекъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Холодный потъ выступилъ на лбу его, но онъ не тронулся.

— Я видѣлъ.... сказалъ онъ тихимъ, но явственнымъ, пронизательнымъ голосомъ:—не сомнѣвайтесь въ словахъ моихъ, мистёръ Макъ-Набъ; клянусь пменемъ покойнаго отца моего, что я никогда не лгалъ.... они замыслили убійство.... здѣсь.... сейчасъ.... въ вашемъ присутствіи.... убійство надъ безчувственнымъ, умирающимъ.... О! я видѣлъ, клянусь вамъ! Эти люди хотѣли убить Персевала!

Стѣфенъ обратилъ на доктора глубокой, пронизательный взглядъ.

— Этотъ слуга честнѣйшій человѣкъ, сказалъ онъ: я

знаю, что докторъ Муре, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ медицинскаго факультета и уважаю глубокія познанія его.... но этотъ джентльменъ лучшій другъ мой.... простите жъ мнѣ сомнѣнія мои и позвольте мнѣ быть помощникомъ вашимъ въ перевязкѣ; я недавно кончилъ курсъ медицины въ оксфордскомъ университетѣ...—Съ послѣдними словами Стѣфенъ живо засучилъ рукава свои.

— Берегитесь, мистеръ Стѣфенъ! сказалъ Джекъ и поспѣшно приблизившись къ молодому человѣку, шепнулъ ему что-то на ухо.

Рдулей воспользовался этой минутой и поднялъ корпію, бывшую у него подъ ногой; потомъ посмотрѣлъ на доктора, понялъ легкое движеніе зрачковъ его, и исчезъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ Стѣфенъ, отвѣчая на слова стараго слуги.

— Не можетъ быть?... Хотите ли, я обѣщу его и найду стклянку....—Онъ оглянулся и только тогда замѣтилъ тѣбгство Рдулея.

— Что вы теперь скажете? спросилъ Джекъ: повѣрите ли вы теперь?

Стѣфенъ опять обратилъ на человѣка въ черномъ платьѣ проницательный и строгій взоръ.

Докторъ Муре скрестилъ руки на груди и съ непоколебимымъ спокойствіемъ и презрительной улыбкой слѣдовалъ за происходившимъ. Ему было лѣтъ сорокъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и нѣсколько худощавъ. Передняя часть головы его была лишена волосъ и придавала и безъ того уже высокому лбу величественное и умное выраженіе; во взглядѣ его было что-то злобное; овалъ лица его, узкій у висковъ, широкій подъ ушами, имѣлъ ту форму, которая по мнѣнію Лафатера и Галля, означаетъ коварство и хитрость; вообще лицо его было не изъ тѣхъ, которыя внушаютъ довѣріе.

Докторъ Муре былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и искуснѣйшихъ врачей въ Лондонѣ. Самая извѣстность его должна была удалить всякое подозрѣніе....

— Докторъ, сказалъ Стѣфенъ, природное спокойствіе духа котораго побѣдило негодованіе: этотъ честный слуга

не сумасшедшій.... впрочемъ справедливость словъ его доказывается бѣгствомъ этого злодѣя....

— Не намѣрены ли вы обвинить меня передъ судомъ?

— Не будемъ напрасно терять времени.... Я требую, чтобы вы сейчасъ же произвели перевязку.... слышите ли?

— Сейчасъ же! повторилъ Муре. Это похоже на приказаніе.

— Это и есть приказаніе, съ твердостью отвѣчалъ Стѣфенъ.

Брови доктора грозно сошлись. Онъ отступилъ на одинъ шагъ. Руки его какъ-бы машинально опустились въ карманы черного фрака.... Но это продолжалось секунду, не болѣе; лицо его прояснилось и грозный видъ замѣнился горькой усмѣшкой.

— Ну, такъ готовьте бинты и корпію, молодой товарищъ мой, сказалъ онъ съ принужденною веселостью.... Я готовъ перевязать этого джентльмена.

Началась перевязка. Муре, подъ надзоромъ опытнаго взгляда своего товарища, употребилъ всю ловкость хирургической практики, которая столько прославила его. Онъ дѣйствовалъ скоро, вѣрно и, какъ-бы съ намѣреніемъ не пропускалъ ни малѣйшей подробности, предписываемой въ подобныхъ случаяхъ хирургіею. Стѣфенъ, исполняя приказанія его со всевозможною послѣдностью, слѣдилъ за всѣми движеніями доктора, который, какъ-бы въ отмщеніе, сохранялъ на лицѣ своемъ насмѣшливую и вмѣстѣ горькую усмѣшку.

За нимъ стоялъ Джекъ. Онъ еще не успокоился и держа въ рукахъ кинжалъ, не спускалъ глазъ съ лица Стѣфена. При малѣйшемъ знакѣ его, онъ готовъ былъ разить безъ милосердія. Добродушное, спокойное лицо его приняло грозное выраженіе; въ голубыхъ, кроткихъ глазахъ видна была твердая рѣшимость; спина его, согбенная лѣтами, выпрямилась.... Онъ былъ молодъ, твердъ и силенъ!

Докторъ стоялъ къ нему спиной, но могъ видѣть лицо его, отражавшееся въ противоположномъ зеркалѣ. Эта олицетворенная угроза придавала, можетъ-быть, всѣмъ движеніямъ его ту математическую точность, о которой

мы говорили. Однако жъ, помѣръ-того, какъ перевязка приходила къ концу, сердце стараго слуги смягчилось.... угроза была еще написана на лицѣ его, но въ душѣ ея уже не было....

По окончаніи перевязки губы раненаго покрылись легкой красной.... вѣки его задрожали.... глаза открылись....

Кинжалъ выпалъ изъ рукъ Джека; онъ смотрѣлъ теперь на доктора не какъ на убійцу, но какъ на спасителя; слезы выступили на глазахъ его.

— Да благословить васъ Господь! произнесъ онъ: и да проститъ мнѣ Всевышній, если я напрасно обвинилъ васъ! Докторъ не удостоилъ его ни взгляда, ни отвѣта.

— Сэръ Франкъ Персеваль спасенъ, сказалъ онъ Стѣфену: въ неопытныхъ рукахъ рана его была бы смертельна; я ручаюсь за его выздоровленіе.

Стѣфенъ поклонился и вынувъ изъ бумажника ассигнацію въ пять фунтовъ стерлинговъ, подалъ ее доктору, который отказался безъ гордости.

— Мнѣ теперь здѣсь нечего дѣлать, сказалъ онъ, взявъ шляпу и трость: я надѣюсь, что вы не станете долѣе удерживать меня?

— Вы свободны, отвѣчалъ Стѣфенъ.

Докторъ слегка поклонился и пошелъ къ двери, но на порогѣ остановился, опустилъ обѣ руки въ карманы фрака и обратившись къ Стѣфену сказалъ:

— Вы говорите, что я свободенъ; позвольте жъ мнѣ замѣтить вамъ, молодой товарищъ мой, что я во все время былъ свободенъ.... Впослѣдствіи вы узнаете, что наше званіе чрезвычайно опасно и что надо всегда принимать мѣры осторожности.... — Онъ вынулъ руки изъ кармановъ: въ каждой было по двуствольному пистолету. — Это такія правила, которыхъ въ Оксфордѣ не преподають, но которымъ вы научитесь въ Лондонѣ, молодой товарищъ мой. Вы видите, что я могъ заставить васъ выпустить меня отсюда и что мнѣ нечего было бояться заржавленнаго ножа этого дряхлаго слуги; но я самъ не хотѣлъ удалиться, не противопоставивъ безумному подозрѣнію матеріальнаго доказательства моего благородства.... Я спасъ этого джентльмена, потому что на то была моя доб-

рая воля.... (онъ спряталъ пистолеты въ карманъ).
— Прощайте; молодой товарищъ мой. Съ этой минуты я вашъ смертельный врагъ.... Я въ жизнь свою не забывалъ и не прощаль обиды!

Дверь захлопнулась и докторъ Муръ исчезъ.

Стефенъ-хладнокровно выслушалъ слова доктора и на угрозу его отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы. Джекъ ничего не слышалъ. Онъ преклонилъ колѣни у постели своего господина и, тихо рыдая, цѣловалъ холодныя руки его. Стефенъ подошелъ къ Джеку и слегка дотронувшись до плеча его, спросилъ:

— Еще разъ спрашиваю тебя, Джекъ: точно ли ты видѣлъ?...

— Какъ васъ теперь вижу! отвѣчалъ Джекъ вставая: въ одной рукѣ злодѣй держалъ сткланку, въ другой корпію... вы пошевелинулись.... разбойникъ спряталъ сткланку и уронивъ корпію, наступилъ на нее ногой.... стойте, она должна быть еще здѣсь....

Джекъ перешелъ на другую сторону кровати. Стефенъ послѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ, продолжалъ старый слуга: корпія исчезла, но знакъ остался....

— Знакъ?... прервалъ его Стефенъ: гдѣ?

Джекъ показалъ ему сырой еще кружокъ на полу.... Стефенъ сталъ на колѣни, чтобы рассмотреть этотъ знакъ; наклонившись, онъ зашѣтилъ подъ кроватью что-то блестящее. Это была хрустальная сткланка.

— Вотъ она! вскричалъ старый слуга: это та самая сткланка!

Стефенъ открылъ ее и понюхалъ. Въ ней былъ сильный ядъ.

—

Леди Офелія Бернвудъ, графиня Дѣрби, поздно проснулась на другой день послѣ бала въ Треворъ-гоузѣ. На лицѣ ея выражалась еще усталость, глаза ея смыкались, но тысячи смѣшанныхъ, разнообразныхъ мыслей, овладѣвшихъ пробудившимся умомъ ея, совершенно прогнали сонъ. Въ спальнѣ было холодно, несмотря на огонь, раз-

веденный въ каминъ и освѣщавшій красноватымъ свѣтомъ всѣ предметы; но Офелія предпочла холодъ тому нестерпимому огню, который пожиралъ ея внутренность, отъ котораго шелковое одѣяло тяготѣло надъ нею свищовою тяжестью.

Она вскочила, одѣлась безъ помощи служанки и опустилась въ мягкую бержерку противъ камина. Въ то же самое время послышался ударъ молоткомъ въ парадную дверь. Офелія вздрогнула; лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ ея.

— Можетъ-быть это онъ! подумала она.

Давно ли, около этого самаго времени, раздавался подобный ударъ и служанка приходила докладывать ей, что «милордъ ждетъ въ гостиной». Милордъ—это былъ тотъ, кого она любила, кто измѣнилъ ей — маркизь Рио-Санто. Надежда ея была непродолжительна.

— Это, вѣрно, Франкъ Персеваль, подумала она: онъ пришелъ на свиданіе, которое я ему назначила.... о, нѣтъ! Я не могу открыть этой ужасной тайны!... не хочу!

— Какой-то джентльменъ просить позволенія повидаться съ вами, миледи, сказала вошедшая служанка: вотъ его карточка.

— Это не Персеваль, проговорила Офелія, бросивъ бѣглый взглядъ на карточку, на которой было награвировано имя Стѣфена Макъ-Наба: я не принимаю, Женни!... но постой.... открой занавѣсъ; тутъ написано что-то карандашомъ.

Женни отдернула занавѣсъ и графиня прочла:

— По порученію сэра Франка Персеваля.... Что это значить? Женни, проси этого джентльмена въ залу и дай мнѣ одѣваться.... скорѣй!... Что это значить? повторила леди Офелія, когда горничная ушла: ужъ не случилось ли съ бѣднымъ Франкомъ какое-нибудь несчастіе?...

Графиня на-скоро одѣлась и вышла изъ спальни.

Стѣфенъ ждалъ въ залѣ. Хотя онъ обыкновенно былъ не слишкомъ ловокъ съ дамами, особенно знатными, но въ этотъ разъ несчастное положеніе друга и важность порученія придали ему смѣлости.

— Миледи, сказалъ онъ: извините, что я осмѣлился

обезпokoитъ васъ. Я пришелъ сюда по порученію Франка Персеваля.

— Но отчего же онъ самъ не пришелъ? спросила графиня, садясь и указавъ Стѣфену стулъ.

— Онъ не могъ, отвѣчалъ печально Стѣфень.

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Франкъ раненъ на дуэли, миледи.

— На дуэли! повторила графиня.

— И раненъ опасно.

— Но кѣмъ?... кѣмъ?

— Онъ не сказалъ мнѣ имени своего противника.

— И вы не имѣете никакого подозрѣнія?...

— Имѣю, миледи; я даже увѣренъ.... но я пришелъ сюда по порученію Франка, а потому, подобно ему, долженъ забыть о дуэли, чтобы заняться болѣе важнымъ дѣломъ...

— Болѣе важнымъ? спросила Офелія съ безпокойствомъ.

— Часа два назадъ, продолжалъ Стѣфень, принесли Франка, раненнаго, умирающаго, въ Долей-гоузъ.... ужасное происшествіе, подробностей котораго я не могу передать вамъ, замедлило первыя пособія и несчастный другъ мой чуть не умеръ, въ присутствіи моемъ.... жертвой убійства....

— Вы ужасаете меня, сэръ! сказала графиня: раненнаго.... хотѣли убить?

— Отравить, миледи.

— О!... но, неужели вы думаете.... что.... противникъ сэра Франка.... Это было бы ужасно!

Стѣфень пожалъ плечами и послѣ короткаго молчанія отвѣчалъ:

— Вы правы, миледи; это было бы ужасно!.... Когда Франкъ совершенно пришелъ въ себя, то первое слово, произнесенное имъ, было имя драгоцѣнной для него особы.... потомъ ваше, миледи...

— Мое?... Да, я знаю.... вчера, на балу, я просила сэра Франка прійти ко мнѣ....

— Онъ прислалъ меня за себя, миледи.

— Васъ!... но я хотѣла сообщить ему обстоятельства, которыхъ никому, кромѣ его, ввѣрить не могу....

— Я лучший другъ его.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, сэръ, но не могу....

— Франкъ сильно страдаетъ, миледи; онъ съ нѣтерпѣніемъ ждетъ вашего отвѣта.

— О, Воже мой!... Я не знаю.... слушайте....

Графиня внезапно замолчала и стала прислушиваться; у входу послышался легкій ударъ молоткомъ.

— Это онъ! это онъ! проговорила она въ лихорадочномъ волненіи: послушайте, сэръ, не обижайтесь словами мои; но я не хочу, не могу никому вѣрить, что хотѣла сказать Персвалю!

Стѣфенъ всталъ.

— Я надѣялся воротиться къ бѣдному Франку съ утѣшительною вѣстью, сказалъ онъ печально.

— Скажите ему, вскричала графиня: скажите ему, что онъ узнаетъ все, скажите ему...

— Милордъ! произнесла горничная, отворивъ дверь.

— Или нѣтъ, не говорите ничего, продолжала графиня дрожащимъ голосомъ: я подумаю.... Женни, проби милорда въ будоаръ.... Скажите сэру Франку, что я принимаю живѣйшее участіе въ его несчастіи.... простите мнѣ, сэръ, но мнѣ теперь некогда.... меня ждутъ....

Стѣфенъ холодно поклонился и вышелъ. На лѣстницѣ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который увидѣвъ молодого доктора слегка вздрогнулъ, надвинулъ на глаза шляпу и скоро прошелъ. Минуту спустя Рио-Санто вошелъ въ будоаръ леди Офеліи. Онъ поцѣловалъ руку графини, посмотрѣлъ на нея съ нѣжностью и облокотившись на спинку кресла, произнесъ надъ самымъ ухомъ ея, съ любовью:

— Вы были вчера очаровательны, Офелія.

Графиня оглянулась, съ изумленіемъ посмотрѣла на маркиза и прелестные глаза ея наполнились слезами.

— Вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы не были у меня, сказала она тихимъ голосомъ.

— Страданія этой невольной разлуки и заставили меня сегодня прійти къ вамъ.... Повѣрите мнѣ, Офелія, я болѣе васъ сожалею о тѣхъ дняхъ, когда мы были такъ счастливы.... но, миледи, никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей. Я долженъ достигнуть цѣли или погиб-

нудъ!... — При послѣднихъ словахъ онъ выпрямился; на лицѣ его выразилась непобѣдимая, неограниченная гордость.

Леди Офелія посмотрѣла на него нѣсколько минутъ молча, потомъ сложивъ руки на груди, произнесла со страстью: — О! какъ я васъ люблю!... Больше, чѣмъ когда-либо!... Я вѣчно буду любить васъ!

— Благодарю, Офелія, благодарю! возразилъ нѣжно маркизъ, преклонивъ колѣно: вы мой добрый геній, моя надежда.... и я люблю и вѣчно буду любить васъ!....

Онъ сѣлъ на подушку, у ногъ Офеліи, которая провела рукою по блестящимъ, чернымъ кудрямъ его.

— Вы меня не обманываете? сказала она: потому что любовь ваша, уголокъ вашего сердца, который я похищаю у соперницы, дороже мнѣ жизни.... дороже чести!

— Милая Офелія! отвѣчалъ маркизъ, покрывая поцѣлунми бѣлую и нѣжную ручку графини.

Она перестала говорить; слезы высохли на глазахъ ея; щеки горѣли; роскошная грудь высоко подымалась.... И въ пламенномъ взорѣ маркиза была теперь истинная любовь; онъ всегда находился подъ вліяніемъ впечатлѣнія настоящей минуты. Онъ пришелъ, чтобы сыграть заранѣе приготовленную роль и—любилъ!...

— О, нѣтъ... нѣтъ! бессознательно говорила прерывающимся голосомъ леди Офелія: я не измѣню ему. Какая мнѣ нужда до страданій этихъ людей?... Онъ любитъ меня.... я не открою его тайны.... не скажу.... ничего!....

Полу-закрытые глаза ея ничего не видѣли; она находилась какъ-бы въ сладостномъ снѣ; но ни одно слово ея не ускользнуло отъ Рио-Санто. Брови его насушились, губы задрожали, злобная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ и на лбу обозначился бѣлый шрамъ давно зажившей раны... Онъ схватилъ руку графини и, вѣроятно, крѣпко сжалъ ее, потому что та вскрикнула, открыла глаза и замѣтивъ грозный видъ маркиза, спросила:

— Что съ вами, Хосе-Марія?

— Миледи, сказалъ онъ строгимъ голосомъ: я требую у васъ отчета въ послѣднихъ словахъ вашихъ; я хочу

знать кто былъ этотъ человѣкъ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ на лѣстницѣ?

Леди Офелія, внезапно пробужденная изъ сладостныхъ мечтаній, смотрѣла на маркиза со страхомъ.

— Я жду отвѣта, сказалъ онъ холодно.

— Что вамъ надо отъ меня, донъ Хосе?

— Вы сейчасъ говорили объ измѣнѣ, тайнѣ; я угадываю ваши намѣренія. Человѣкъ, котораго я встрѣтилъ на лѣстницѣ, другъ Франка Персеваля?

— Это правда.... онъ приходилъ отъ него.

— Отъ него! повторилъ Рио-Санто съ горькой усмѣшкой. Вы вчера, миледи, разговаривали съ Персевалемъ; развѣ вы не знаете, что отъ меня ничто не ускользнетъ? Хотите ли я передамъ вамъ каждое слово разговора вашего съ Франкомъ?

— Вы могущественны, милордъ, я это знаю, отвѣчала Офелія, поднявъ голову съ гордымъ спокойствіемъ: но могущество ваше подобно могуществу падшаго ангела.... и я не боюсь васъ, милордъ.

— Вы не боитесь меня! повторилъ Рио-Санто глухимъ голосомъ.

— Я люблю васъ.... Увы! я люблю васъ!—сказала графиня послѣ краткаго молчанія и съ отчаяніемъ.

Гордая, самодовольная улыбка на секунду появилась на лицѣ маркиза, и онъ продолжалъ голосомъ, въ звукахъ котораго не было уже гнѣву:

— Офелія, простите мнѣ эти минуты вспыльчивости, происходящія отъ тайныхъ страданій.... я несчастливъ... двѣ страсти борются въ груди моей и убиваютъ меня; во-первыхъ, любовь моя къ вамъ....

Графиня съ печальной улыбкой подняла глаза къ небу.

— Любовь моя къ вамъ, смѣло повторилъ Рио-Санто: и мое безпредѣльное честолюбіе.... Я встрѣтилъ на пути своемъ Персеваля и посторонился. Клянусь честию, миледи, мнѣ жаль было этого молодаго человѣка.... но онъ оскорбилъ меня и я долженъ былъ наказать его... Я могъ убить его безъ состраданія; я имѣлъ на то полное право, потому что онъ не пощадилъ бы меня; между-тѣмъ я только ранилъ его.

— Это благородно, милордъ, это великодушно! О, сколько возвышенныхъ чувствъ таится еще въ душѣ вашей! вскричала съ жаромъ графиня.

— Но къ чему послужило мнѣ мое великодушіе? возразилъ Ріо-Санто. Вы назначили ему свиданіе.... онъ надѣялся, что вы дадите ему средство вредить мнѣ и едва онъ пришелъ въ себя, какъ первою мыслью его было послать къ вамъ своего друга. За что же вы хотите погубить меня, Офелія?.... Вы хотите мстить и забываете.... что я несчастливѣе васъ!

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ, отвѣчала графиня: я не хочу мстить.... я не хочу вредить вамъ.... случай сдѣлалъ меня повѣренною ужасной, кровавой тайны, которая тяжело лежитъ на моей совѣсти.... Я не могу безъ ужаса вспомнить объ этомъ происшествіи....

— Вы никогда не ревновали, миледи? спросилъ Ріо-Санто вкрадчивымъ и нѣжнымъ голосомъ.

— И вы еще можете меня спрашивать!

— Отчего жъ вы не хотите понять, что порывъ ревности.....

— Ни слова болѣе! прервала его графиня. Фя, милордъ!

Ріо-Санто хотѣлъ употребить ложь и самъ устыдился ея; человѣкъ, смѣло шедшій на преступленіе, убійство, устыдился жи! Сколько странностей въ природѣ человеческой!

Кромѣ тайнъ любви, между маркизомъ и графиней была еще другая тайна, которая будучи открыта, могла остановить Ріо-Санто во всѣхъ его предпріятіяхъ и намѣреніяхъ. Изъ ревности леди Офелія хотѣла открыть эту тайну; маркизъ узналъ о томъ и пришелъ къ ней, чтобы отклонить бѣду. Краснорѣчіе его подѣйствовало, потому что Офелія пламенно любила его, но онъ забылся и ступилъ далѣе, нежели того требовала осторожность. Чтобы поправиться, онъ послѣ краткаго молчанія, продолжалъ съ большимъ жаромъ:

— Графиня, вся жизнь моя не что иное, какъ мучительная борьба любви съ честолюбіемъ..... отказаться отъ по-

слѣднаго, значить умереть.... но, съ другой стороны, и лучше согласенъ умереть, нежели жить безъ васъ.

— Но развѣ вы не любите ее?

— Мери?... Бѣдное дитя!.... Какъ не любить ее! сказалъ Рио-Санто съ притворнымъ состраданіемъ: я бы желалъ любить ее такъ, какъ она этого достойна, миледи, но между ею и мною вашъ образъ.....

— О, если бѣ я была увѣрена, что вы меня любите, донъ Хосе!.... проговорила графиня съ страстнымъ выраженіемъ.

— Вѣрьте, вѣрьте, Офелія! вскричалъ маркизъ, увлеченный внезапною и почти искреннею страстью. Если бѣ я не достигъ цѣли своей, то.....

— Вы сдѣлались бы для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ донъ Хосе?

— Но развѣ я измѣнился, миледи?... Чѣмъ могу я васъ убѣдить?... Кто знаетъ? Излеченный отъ честолюбія, снѣдающаго меня, я, можетъ-быть, возвращусь къ ногамъ вашимъ.

— Можетъ-быть, повторила графиня задумчиво: и вы принадлежали бы мнѣ одной?

— Вамъ одной.....

Съ этой минуты графиня сдѣлалась разсѣянною; тайная мысль, надежды или болзни, поглотила все ея вниманіе.

— Я ѣду вечеромъ въ Ковентъ-Гарденъ, сказала наконецъ Офелія. Вы поѣдете со мною, милордъ?

— Я провожу васъ, Офелія; но я приглашенъ въ ложу леди Кемблѣ.

— Предложеніе ваше очень ограничено, милордъ: однако жъ я принимаю его..... Потрудитесь подождать меня. Графиня позвонила и приказала Женни приготовить вечерній туалетъ ея.

Рио-Санто остался одинъ въ будоарѣ, и погрузился въ мечтанія.

Леди Офелія торопила горничную, которая крайне изумлялась невниманію госпожи къ столь важному дѣлу, каковъ вечерній дамскій туалетъ.

— Хорошо, Женни, сказала наконецъ графиня: довольно!

— Не прикажете ли убрать волосы ваши, миледи?

— Нѣтъ, Женни.

— Не прикажете ли приколоть хоть нѣсколько цвѣт-ковъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!.... Постои, Женни, дай мнѣ письмен-ный приборъ....

— Миледи, вы забываете, что милордъ....

Офелія прервала ее нетерпѣливымъ движеніемъ; Женни исполнила ея приказаніе.

— Теперь ты можешь идти! сказала графиня.

Женни вышла, изъ-подлѣбья и съ изумленіемъ посмотре-рѣвъ на госпожу свою.

— Это необходимо..... говорила едва внятнѣмъ голо-сомъ графиня, дрожащею рукою опуская перо въ черни-лицу: онъ самъ сказалъ, что если бъ ему не удалось..... Она остано-вилась и положила перо. — Боже мой! продол-жала Офелія, послѣ краткаго молчанія: я не знаю..... Она закрыла лицо руками, подумала съ минуту; потомъ съ живостью схвативъ перо стала писать..... Франкъ дастъ мнѣ честное слово—честное слово дворянина! продолжала она: я не могу болѣе оставаться въ этомъ положеніи; на-дежда, которую онъ подалъ мнѣ, сводитъ меня съ ума..... Она сложила письмо, подписала: «Сэру Франку Персева-лю», оставила его на туалетѣ и воротилась въ будоаръ.

— Я оставила на столѣ письмо: отдай его тотчасъ на почту, сказала она, встрѣтивъ горничную.

Нѣсколько часовъ спустя, когда Ріо-Санто выходилъ изъ коляски у театральнаго подъѣзда и подавалъ руку гра-финѣ, къ нему подошелъ какой-то человѣкъ, всунулъ въ руку бумажку и исчезъ въ толпѣ. Ріо-Санто, всходя по лѣстницѣ, вслѣдъ за графиней, изкоса взглянулъ на бумажку и прочелъ слѣдующее: «№ 3, съ лѣвой стороны. Княгиня де-Лонгвиль.»

— Какой счастливый случай! проговорилъ Ріо-Санто.

Нѣсколько всторонѣ отъ королевскаго Ковенъ-Гарден-скаго театра, есть узенькій переулочъ, называемый бе-форъ-лэнскимъ. Группы оборванныхъ, грязныхъ нищихъ прохаживались по этому мрачному переулку, перешепты-

вались и исчезали въ тавернѣ, самой жалкой наружности. У двери висѣлъ еще, на заржавленномъ желѣзномъ шестѣ, обломокъ выѣски. Въ первой комнатѣ, стѣны которой были покрыты паутинами и пылью, на буфетѣ стояло около дюжины стакановъ, изъ которыхъ самые лучшіе были только надломаны. Общая комната была засыпана обломками штукатурки, обвалившейся съ потолка — никто туда не входилъ. Чистая комната была уставлена грязными столами и скамьями. Таверна эта была извѣстна подъ именемъ «Труби и Кружки — The Pipe and Pot.»

За полчаса до открытія театра, въ чистую комнату вошли двѣ, весьма замѣчательныя пары. Въ первой шла дѣвушка лѣтъ тринадцати, подъ-руку съ дюжимъ мужчиной лѣтъ сорока. Молодая дѣвушка была типомъ тѣхъ развратныхъ несовершеннолѣтнихъ существъ, составляющихъ отвратительнѣйшую язву Лондона. Она была худощава до-крайности и блѣдность лица худо скрывалась подъ грубыми румянами. Глаза ея, глубоко впалые, были окружены синеваго-бурой полосой и бросали взгляды, незнакомые со стыдливостью; когда она говорила, ротъ ея кривился и въ груди слышалось глухое хрипѣніе;—ея звали Чохоточной Лу.

Въ наружности ея кавалера, котораго звали Мичемъ, не было ничего особенно замѣчательнаго:—то былъ, просто, лондонскій бродяга, съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ немѣреннаго употребленія элю, и рыжими волосами,

Вторая пара была рѣзкой противоположностью первой: ее составляли высокая женщина съ грубымъ, нахальнымъ выраженіемъ лица и—мальчишка. Женщина, лѣтъ сорокъ, была одѣта въ широкій мужской сюртюкъ и женскую шляпу; на ногахъ у нея были сапоги. Ее звали Меджъ; въ рту у нея была коротенькая трубка. Кавалеръ ея былъ маленькій Снэль, братъ Чохоточной Лу.

— Здравствуй, старая вѣдьма, Пегъ, сказалъ Снэль, съ важностью джентльмана обратившись къ хозяйкѣ таверны: джину! элю! и всего, что есть лучшаго въ вашей грязной труппѣ..... Я угощаю!

— Сейчасъ, Снѣлюшка, отвѣчала раскланиваясь хозяйка.

— Я не Снѣлюшка! сердито закричалъ Снѣль, ударивъ кулакомъ по трехногому столу; — не разсуждай, а подавай джину, невѣста палача!

Пегъ улыбулась, еще разъ поклонилась и ушла.

— Хочешь пить, Лу? спросилъ Снѣль.

— Всегда, отвѣчала Лу; дай мнѣ табаку, Мичъ.

— Мичъ, такъ какъ ты женихъ сестры моей, продолжалъ Снѣль, садясь: то я хочу позаботиться о тебѣ; кому жъ и заботиться о сестрѣ, какъ не мнѣ, коли отецъ нашъ почти нищій?....

— Не говори объ отцѣ, Снѣль! сказала Лу нахмурившись: онъ честный человѣкъ..... дай мнѣ табаку, Мичъ.

— Ну, ладно, ладно!.... Заго онъ и сидитъ безъ хлѣба; да не въ томъ дѣло, у меня есть хорошее мѣстечко для Мича..... А! вотъ и джину!.... прелестная Меджъ, не угодно ли выпить за здоровье твоего мужа?

— Моего мужа?.... повторила Меджъ съ изумленіемъ и вынувъ трубку изъ рта.

— Экой у нея голосъ! вскричалъ Снѣль, взявъ собѣдку свою за подбородокъ: словно въ рупоръ кричить.... развѣ я не мужъ твой, красавица моя?

— А! произнесла небрежно Меджъ, принявшись опять за трубку.

— Какое же мѣсто хочешь ты мнѣ доставить, Снѣлюшка? спросилъ Мичъ.

— Слышишь, зять, я переломаю тебѣ ребра, если ты еще разъ назовешь меня Снѣлюшкой! Я хочу доставить тебѣ мѣсто..... умѣешь ли ты лаять, Мичъ?

— Лаять?

— Да..... Я умѣю мяукать.... Слушай.

Снѣль спряталъ голову подъ столъ и послышалось продолжительное, рѣзкое мяуканье.

Хозяйка таверны и служанка ея вбѣжали въ чистую комнату съ метлами, чтобы прогнать незваного гостя; нарушавшаго спокойствіе почтенныхъ посѣтителей: Торжество Снѣля было совершенно.

— Джину, вѣдьма Пегъ! закричалъ онъ засмѣявшись: садись-ка лучше на метлу свою, да подавай намъ джину!....

— Дай мнѣ табаку, Мичъ! сказала Лу, у которой голо-

ва покачнулась уже на бокъ и языкъ едва ворочался.

— Видишь ли, зять, какъ я славно умѣю мяукать! вскричалъ Снэль. А ты умѣешь лаять?

— Это не доставить же мнѣ мѣста, отвѣчалъ Мичъ, пожавъ плечами.

— Не доставить?... а сколько ты зарабатываешь въ день?

— Два шеллинга, извѣстное дѣло.

— Ладно!... а такъ, стороной, сколько приобретаешь?....

— Говори тише, мальчишка!

— Я не мальчишка, говорятъ тебѣ, волъ!.... Сколько жъ ты приобретаешь?

— Какъ случится..... живу по-маленько.....

— По-маленько? возразилъ Снэль, вытаскивъ изъ кармана гинею, полученныя въ конторѣ Эдуарда и К^о: а я вотъ что зарабатываю, не считая постороннихъ доходовъ.

— За мяуканье? спросилъ Мичъ, съ изумленіемъ вытаскивъ глаза.

— За мяуканье, любезный зять..... Очаровательная Меджъ, я жертвую тебѣ одну гинею.

Меджъ взяла двѣ и не поблагодарила.

— А мнѣ? спросила Лу.

— Тебя я угощаю.... ну, что, Мичъ?

— Я не умѣю лаять, Снэль.

— Надо выучиться.... и ты можешь быть увѣренъ, что по протекціи моей тебѣ дадутъ мѣсто Сони.... Онъ сегодня умеръ.

— Умеръ? спросила Лу хриплымъ голосомъ: джину!

— Джину, вѣдьма Пегъ! Сестру мучить жажда; надо промочить бѣдную грудь ея. Подумай, Мичъ, о моемъ предложеніи.

— Рѣшено. Я выучусь лаять.

На улицѣ слышался въ нѣкоторомъ отдаленіи глухой шумъ.

— А-га! театръ открыли! сказалъ Снэль вскочивъ: пойдёмъ, Мичъ.

— Эй, Лу! вскричалъ Мичъ: вставай, лѣнивица, пойдемъ работать! вставай.

Чахоточная открыла мутные глаза, опять закрыла ихъ и опустила голову на столъ.

— Горить.... здѣсь!... жгетъ! проговорила она, указавъ костлявыми пальцами на плоскую грудь.

— Бѣдная Лу! сказалъ Снѣль съ состраданіемъ. Я тебѣ заплачу за нея два шеллинга, Мичъ..... оставь ее здѣсь..... Вѣдьма Пегъ, давай прелестной Меджи и сестрѣ моей джину... и чортъ тебя поberi!

Снѣль и Мичъ поспѣшно вышли изъ таверны и вскорѣ подошли къ Ковентъ-Гарденскому театру, двери котораго только-что отворились. Народъ толпился съ шумомъ, но едва половина этого народу шла въ театръ. Другая половина состояла изъ воровъ и полицейскихъ чиновниковъ. Суматоха была такая, какой нельзя вообразить себѣ въ образованномъ городѣ. Воры «работали» съ изумительною ловкостью и смѣлостью. Платки улетали изъ кармановъ; кошельки выпадали изъ прорѣзанныхъ кармановъ; часы исчезали съ неимовѣрною быстротою.

Въ толпѣ было нѣсколько знакомыхъ намъ лицъ.

Смотрите! вотъ въ тѣснотѣ пробирается человекъ точно змѣя. Руки его дѣйствуютъ съ невообразимымъ проворствомъ. Куда же пропадаютъ вещи, которыя онъ присвоиваетъ себѣ? Ему все годится: шелковые или полотняные платки, часы, кошельки, даже полы фраковъ и сюртуковъ.... и все это умѣщается на немъ: руки его безпрестанно наполняются и опоражниваются. Но вотъ «полимень», вѣроятно дурно пообѣдавшій, ловить его въ-расплахъ. Воръ оборачивается къ нему съ пріятной улыбкой.

— А, мистеръ Хендкуфсъ, очень радъ, что вижу васъ! говоритъ онъ съ вѣжливостью: здорова ли супруга ваша и дѣточки?... Давно собираюсь къ вамъ съ гостинцомъ.

Полицейскій чиновникъ также улыбнулся, почувствовавъ въ рукѣ своей соверень, и поспѣшно спряталъ его въ карманъ.

— Добрый вечеръ! продолжаетъ бродяга. Клаанитесь мистриссъ Хендкуфсъ и дѣточкамъ.... Прощайте!

И онъ спокойно продолжалъ на минуту прерванное за-

нiе свое.... Впрочемъ, въ Лондонѣ жить дорого и не даромъ же Бобъ-Лавтеръ нашлъ себѣ столько кармановъ.

Но чья эта голова, худощавая и продолговатая, возвышается надъ толпой? Она принадлежитъ почтенному капитану Педди О'Крену. Капитанъ сегодня «гуляетъ»; онъ идетъ въ театръ съ какой-то дамой, которая исчезаетъ въ толпѣ, и потому мы не можемъ еще сказать читателямъ кто она.

Публика мало-по-мало продиралась въ театръ, а воры торопились зарабатывать насущный хлѣбъ свой.

— О, Педди! о, мистеръ О'Крень! заговорила дама капитана: меня давятъ.... я задыхаюсь.... душно. ..

— Душно? спросилъ капитанъ, съ наслажденiемъ вдохнувъ свѣжiй вечернiй воздухъ: мнѣ, напротивъ, кажется, что свѣженько... Ахъ, ты, негодяй! попался... Послѣднiя слова обращались къ человѣку, руку котораго Педди поймалъ въ своемъ карманѣ. Онъ держалъ ее крѣпко, но въ тѣснотѣ не могъ обернуться. — Господа! продолжалъ онъ, обращаясь къ сосѣдямъ: схватите это мошенника; онъ не знаетъ своего дѣла!

Сосѣди схватились за собственные карманы, но никто не исполнялъ просьбы капитана. Нигдѣ болѣе Лондона не придерживаются правила, что всякой долженъ заботиться прежде всего о самомъ себѣ.

— Мистриссъ Бѳрнетъ! вскричалъ капитанъ дамѣ своей: помогите мнѣ задержать этого мошенника!

Мистриссъ Бѳрнетъ это была она—хотѣла обернуться, но не могла.... между-тѣмъ вору удалось высвободить руку и онъ ускользнулъ.

— Такъ и есть, украли платокъ! проворчалъ капитанъ; я увѣренъ, что это никто иной, какъ разбойникъ Бобъ...

— Мистеръ О'Крень, сказала хозяйка таверны: я задыхаюсь....

— Чортъ васъ... то есть, нѣтъ! Сердце мое, я заплатилъ за этотъ платокъ пол-кроны....

— Задыхаюсь! закричала мистриссъ Бѳрнетъ.

Въ это время они добрались до крыльца.

— Уфъ! вздохнула хозяйка таверны: теперь легче.

— Тѣмъ лучше, Дороти, тѣмъ лучше.... сказалъ капитанъ; но у меня въ карманѣ опять чья-то рука! Этотъ не уйдетъ!

Капитанъ опять схватилъ чью-то руку и сжалъ ее какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Послышалось жалобное и тихое мяуканье и въ то же время острые зубы вонзились въ пальцы капитана.

— Снэль! проклятый котенокъ! проворчалъ Педди, дѣлая всевозможныя усилія, чтобы обернуться: я тебѣ сверну шею, если не перестанешь кусаться!

— Какъ вамъ не стыдно, капитанъ, прошепталъ ему Снэль: итти въ театръ безъ носоваго платка.... Миѣ надо вамъ кое-что сказать.

— Экой змѣснись, до-крови укусилъ! проворчалъ Педди: что ты хочешь миѣ сказать, милый Снэль?

— Извольте видѣть, капитанъ.... а! мистриссъ Бѳрнетъ.... ай-да капитанъ!... Что это она такъ раскраснѣлась?

— Душно! сказала толстая хозяйка таверны, попавшись опять въ толпу: задыхаюсь....

— Она задыхается, капитанъ....

— Не твое дѣло, котенокъ!

— Капитанъ! нынче вечеромъ будетъ кутѣжь; если я вамъ понадобится, приходите въ таверну «Трубки и Кружки»; мы всѣ будемъ тамъ.

— Ладно, дьяволенокъ, ладно, маленькая кучка грязи! я прійду!

— А вамъ всё-таки стыдно ходить въ театръ безъ носоваго платка.

Педди не успѣлъ отвѣчать, потому что въ это самое время онъ вступилъ съ мистриссъ Бѳрнетъ въ театръ. Последняя-вздохнула свободнѣе и опустила руку капитана, чтобы поправиться. Педди хотѣлъ уже войти въ залу, какъ-вдругъ двѣ руки тяжело опустились на плечи его и незнакомый голосъ произнесъ:

— Запрещаю тебѣ оглядываться, «ночной джентльменъ»!

Педди остановился и не шевельнулся. Толпа отдѣлила его отъ мистриссъ Бѳрнетъ, которую онъ потерялъ изъ виду.

— Знаешь ли ты леди Б***, возлюбленную герцога Г***? спросилъ голосъ.

— Знаю, милордъ.

— Если она прійдетъ въ ложу герцога, то ты сойдешь въ фойе, тотчасъ же послѣ перваго дѣйствія. Тамъ тебѣ скажутъ, что надо дѣлать.

— Слушаю, милордъ.

— Если жъ она прійдетъ послѣ перваго дѣйствія, то ты выйдешь во второй антрактъ.... понимаешь?

— Понимаю, милордъ ... Что жъ мнѣ надо будетъ дѣлать?

Незнакомецъ снялъ руки съ высокихъ плечъ Педди.

— Нѣтъ отвѣта! проворчалъ онъ; вѣчно тайны... чортъ бы ихъ побралъ!

— Педди! мистеръ О'Кренъ! кричалъ жалобный голосъ въ толпѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Дороти, мой милый боченокъ! сейчасъ!... И Педди вошелъ въ залу, не смѣя оглянуться.

Толпа вошла въ театръ. Мелкій и холодный дождь разогналъ зѣвакъ. Воры и бродяги разбрелись по тавернамъ, гдѣ они продавали украденныя вещи торгашамъ, которые всегда въ подобныхъ случаяхъ появлялись неизвѣстно откуда.

Во всѣхъ почти англійскихъ театрахъ есть три отдѣльные входа. Первый, для «публики» (средняго класса), открывается въ одно время съ кассой; второй, для *gentle-people* (высшаго класса), открывается полчаса спустя; тутъ ворами пожива плохая, потому что грумы вооружены длинными и гибкими хлыстами, и полисмены, столь беззаботные когда дѣло идетъ о публикѣ, пробуждаются нѣсколько на защиту милордовъ и миледи. Несмотря на то, нѣкоторые мошенники, болѣею частію люди молодые, смѣлые, предприимчивые и искусные въ высшей степени, пробираются къ экипажамъ, подходятъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ джентльменамъ, и успѣваютъ иногда утащить батистовый платокъ, часы, флакончикъ, табакерку или другую какую-либо вещь.

Наконецъ третій входъ—«полуцѣнный»—предоставленъ низкимъ классамъ народа. Онъ открывается около десятого часу.

Одинъ изъ первыхъ экипажей, останавливавшихся у

второго входу Ковентъ-Гарденскаго театра, была карета леди Кемпбль. Миссъ Мери Треворъ и тѣтушка ея безъ всякихъ приключеній дошли до своей ложи; онѣ вошли туда около половины перваго акта, когда театръ былъ уже полонъ и представлялъ великолѣпное, блистательное зрѣлище. Для бѣльшей ясности разсказа, мы должны объяснить читателямъ положеніе дѣйствующихъ лицъ нашихъ.

Въ первой ложѣ, выходившей на сцену и принадлежавшей герцогу Г^{***}, никого еще не было. Сосѣднюю ложу занимала леди Кемпбль и ея племянница; нѣсколько далѣе была ложа княгини де-Лонгвиль и тѣтки ея; возлѣ нихъ ложа, закрытая опущенной сторой. Съ другой стороны театра, противъ ложи княгини де-Лонгвиль, сидѣли леди Офелія и Рио-Санто. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдней ложи сидѣлъ блѣдный, скучавшій, утомленный мужчина, смотрѣвшій на плафонъ и не обращающій вниманія на то, что происходило на сценѣ; это былъ милордъ графъ Вейтъ-Манорскій, старшій братъ Бриана Ленчестера и господинъ честнаго мистера Патерсона, имѣвшаго дѣла съ Бобъ-Лантерномъ. Внизу, подъ ложей герцога Г^{***} былъ обширный бенъоаръ, составленный изъ двухъ ложъ, въ которыхъ перегорodka была снята, и называвшійся у лондонскихъ денди «адской ложей». Въ ней были Лантюръ-Люсъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, между которыми особенно отличался одинъ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста, прекрасно сложенный, широкоплечій. Правильныя черты его имѣли ледянистое выраженіе, свойственное кровнымъ Англичанамъ; но въ серіозномъ взорѣ его было написано неограниченное мужество, доходившее иногда до дерзости и холодно насмѣшливое выраженіе. Высокій, круглый лобъ его увеличивалъ еще силу выраженія этого лица, смягченнаго нѣжными, мягкими, бѣлокурыми кудрями, до которыхъ, по-видимому, никогда не касались щипцы парикмахера. По всему видно было, что это былъ человѣкъ энергическій, смѣлый, скрывавшій подъ холодной наружностью пламенное, страстное и иногда до безразсудства пылающее сердце. Сверхъ-того это былъ человѣкъ оригинальный,

эксцентрической — eccentric man. Таковъ былъ Брианъ Ленчестеръ.

Наконецъ въ верхней галереѣ сидѣли почтенный капитанъ Педди О'Кренъ и красная, толстая мистриссъ Бёрнетъ; она была въ большомъ смущеніи, потому что принуждена придерживать одной рукой косынку, изъ-подъ которой рвались наружу массивныя округлости ея. Снэль, разговаривая съ капитаномъ, похитилъ у мистриссъ Бёрнетъ брошку, которою застегнута была косынка. Педди не спускалъ глазъ съ пустой ложи герцога I^{***}, и начиналъ уже надѣяться, что проведетъ антрактъ въ пріятныхъ разговорахъ съ обожаемою хозяйкой таверны.

Но въ то самое время, когда занавѣсъ опускался, дверь въ ложу отворилась съ шумомъ и вошла леди B^{***}, усыпанная брилліантами.

— Прелестная мистриссъ, сказалъ Педди съ глубокимъ вздохомъ: не прикажете ли апельсинчика?

— А развѣ у васъ есть?

— Я сейчасъ принесу, мистриссъ, чортъ меня поберет!

И капитанъ поспѣшно перешагнувъ черезъ скамью, вышелъ въ корридоръ, но вмѣсто-того, чтобы идти къ буфету за апельсиномъ, отправился прямо въ фойе: Какъ-скоро онъ вступилъ туда, незнакомый человѣкъ заступилъ ему дорогу и осмотрѣлъ его съ ногъ до головы.

— Капитанъ Педди? отрывисто спросилъ незнакомецъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, слегка прикоснулся указательнымъ пальцомъ до груди О'Крена и произнесъ: — «Ночной джентельменъ».

Педди почтительно поклонился. Незнакомецъ отвелъ его всторону и сталъ разговаривать съ нимъ шопотомъ.

— Во всѣхъ сосѣднихъ тавернахъ есть теперь наши, сказалъ капитанъ, выслушавъ приказаніе незнакомца.

— Надо человѣка ловкаго!...

— Я достану вамъ настоящаго угря, милордъ.

Незнакомецъ приложилъ палецъ ко рту и удалился.

— Навязалъ я себѣ на шею эту бочку, мистриссъ Бёрнетъ! проворчалъ капитанъ со вздохомъ: по кого выбрать? добраго пріятели моего, окаяннаго Бѣба, или милаго дьяволенка-Снэля?... Кого изъ нихъ?...

И почесываюсь ва ухомъ какъ человекъ, находящійся въ нерѣшимости, Педди вышелъ изъ театра.

Какъ-скоро занавѣсъ опустился, въ залѣ раздался общій говоръ.

Ріо-Санто, обойдя нѣсколько ложъ, воротился къ леди Офелии, облокотился на спинку ея кресла и равнодушно навелъ лорнетъ на противоположную ложу.

— Я не ошибаюсь! вскричалъ онъ вдругъ съ радостнымъ изумленіемъ: Это княгиня де-Лонгвиль!

— Гдѣ? спросила графиня.

— Напротивъ насъ, миледи.... вы позволите мнѣ представиться ей? я ее очень хорошо зналъ въ Парижѣ.

— Какъ она хороша! невольно воскликнула Офелия.

— Она славилась своей красотой въ Парижѣ, въ Сень-Жерменскомъ предмѣстіи, сказалъ Ріо-Санто, выходя изъ ложи.

Сузанна была, въ самомъ дѣлѣ, очаровательна. Она ждала—она надѣялась. И какъ вся эта роскошь, все это великолѣпіе плѣняли ее! Какъ сладостно-упойтельно казалась ей германская музыка!... Она не видала еще Бріана, но она надѣялась, она была твердо убѣждена, что увидитъ его, будетъ съ нимъ говорить....

Графиня не могла отвести отъ Сузанны глазъ. Каждая женщина казалась ей соперницей, и она еще разъ произнесла съ глубокимъ вздохомъ:

— Какъ она хороша, Боже мой!...

Дверь ложи княгини де-Лонгвиль отворилась и Ріо-Санто вошелъ. Сузанна бросила на него равнодушный взглядъ. Она не его ждала; но встрѣтившись съ пронизательнымъ, холоднымъ взглядомъ маркиза, она почувствовала невольный страхъ и уваженіе къ этому человекъ, котораго однако жъ никогда не видала. Ріо-Санто не спускалъ взору съ мнимой княгини; лицо ея напоминало ему что-то давно минувшее.... Поклонившись небрежно герцогинѣ, Ріо-Санто приблизился къ Сузаннѣ.

— Маркизь де-Ріо-Санто, сказала герцогиня молодой дѣвушкѣ.

Сузанна поклонилась и сказала тихимъ голосомъ:

— Я приняла всё предложенія, милордъ, и надѣюсь, что не обману вашихъ надеждъ....

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, княгиня, отвѣчалъ маркизь улыбаясь. Я пришелъ поговорить съ вами о Парижѣ, о Франціи....

— Какъ вы неосторожны! шепнула старая Француженка Сузаннъ.

— Я думала, что это тотъ, которому я должна повиноваться, отвѣчала вполголоса Сузанна.

Герцогиня сдѣлала отрицательный знакъ; въ глазахъ молодой дѣвушки выразилось сомнѣніе; маркизь молча смотрѣлъ на нея.

— Удалитесь, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія Француженкѣ шопотомъ: она должна быть одна въ ложѣ, когда я ворочусь.—Сказавъ эти слова, онъ поклонился Сузаннѣ и вышелъ.

— Ma chère, сказала герцогиня Сузаннѣ: я бы охотно осталась съ вами, но мнѣ не здоровится, а въ мои дѣта надо беречься.... Я оставлю васъ однихъ, Сюзанъ; не забывайте моихъ наставленій; повинуйтесь всякому, будь онъ нищій, кто произнесетъ извѣстныя вамъ два слова; не забывайте, что вы недавно изъ Франціи.... и особенно будьте осторожны съ маркизомъ: онъ не изъ нашихъ....

— Увижу ли я Бриана Ленчестера? спросила Сузанна.

Старая Француженка улыбнулась.

— Потерпите, красавица моя, потерпите! Вы увидите его скоро.... прощайте!

Сузанна осталась одна.

Ріо-Санто воротился къ леди Офелии. Онъ сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ что-то сказать, но не могъ рѣшиться. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Графиня замѣтила смущеніе его и, улыбувшись, спросила:

— Что съ вами, донъ Хосе?

— Миледи, отвѣчалъ Ріо-Санто заикаясь: у меня есть до васъ просьба... вещь самая пустая, ничтожная, но.... нѣкоторымъ образомъ несогласная съ вашими англійскими обычаями....

— Развѣ вы забыли, что я ни въ чемъ не могу отказать вамъ?

•

— О, миледи! отвѣчалъ маркизь, слегка пожавъ руку ея. Я знаю, какъ вы добры. Я смѣло попросилъ бы отъ васъ важной услуги, но есть бездѣлицы.... выслушайте меня, графиня!... Княгиня де-Лонгвиль одна въ Лондонѣ, съ тѣтушкой своей, герцогиней де-Жевръ, которой слабое здорье не позволяетъ почти выѣзжать; вотъ и теперь.... смотрите... княгиня и теперь осталась одна.... Миледи, вы очень обязали бы меня, если бъ помогли заплатить княгинѣ долгъ вѣжливости.... я бы желалъ представить вамъ ее....

— Здѣсь, милордъ? прервала его Офелія.

— Если вы позволите, миледи.

— Нѣтъ, милордъ.... Это не возможно.... приличіе....

— Вы отказываете мнѣ! сказалъ Рио-Санто съ нѣжнымъ упрекомъ.

Графиня встала.

— Милордъ, сказала она, потрудитесь проводить меня: вы представите меня княгинѣ де-Лонгвиль.

Рио-Санто поблагодарилъ Офелію взоромъ, исполненнымъ любви.

Нѣсколько минутъ спустя, графиня и Рио-Санто вошли въ ложу Сузанны, которая встала и къ величайшему изумленію маркиза, приняла графиню съ простою, благородною граціей. Рио-Санто, по-видимому, очень заботился о томъ, чтобы открыть передъ Сузанной дверь англійскаго большаго свѣта и вполнѣ достигъ своей цѣли. Результаты превзошли даже всѣ ожиданія его.... Двѣ дамы, княгиня и графиня, представленныя одна другой мужчиной, въ театрѣ, въ Лондонѣ! Это былъ геркулесовскій подвигъ! Первый шагъ былъ сдѣланъ. Вслѣдъ за графиней Дѣрби, Сузанна могла вступить во всѣ аристократическіе дома; въ противномъ случаѣ ей ничему не послужило бы княжеское званіе; оно было бы подобно золотому ключу, который не приходится ни къ какому замку. Въ Лондонѣ надо быть представленнымъ. Это правило, аксіома, вѣчная, тяжелая ось, около которой вертится все зданіе англійскаго этикета.

Графиня почувствовала невольное влеченіе къ Сузаннѣ, которая, въ свою очередь, готова была полюбить Офелію всею душою.

Онъ говорили мало, но каждое слово было много значительно. Время летѣло. Вдругъ Сузанна вспомнила о Брианнѣ.... онъ не приходилъ! Она вздохнула и печально опустила голову.

— Онъ придетъ, шепнулъ ей кто-то на-ухо, скоро!

Сузанна оглянулась. За нею никого не было, но стора, закрывавшая сосѣднюю ложу, слегка колыбалась....

Между-тѣмъ, почтенный капитанъ Педди О'Кренъ входилъ въ таверну «Трубки и Кружки».

Меджъ сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, не снимая шляпы, курила, пила и молчала. Мичъ, облокотившись на столъ, утиралъ по временамъ рукою капли крови, которыя медленно текли со лба его. Снэль пилъ, мяукалъ, пѣлъ, бранилъ хозяйку, цѣловалъ иногда жесткую щеку Меджи и брызгалъ джиномъ въ лицо служанки. Въ одномъ углу плясала Чахоточная, напѣвая монотонную, грустную мелодію. Никто не обращалъ на нея вниманіе. На лбу бѣдной дѣвушки выступилъ потъ, плоская грудь ея подымалась, издавая какой-то хриплый свистъ. Два красныя пятна рѣзко обрисовывались на блѣдныхъ щекахъ. По временамъ она подходила къ столу, требуя джину. Въ другомъ углу, за кускомъ заплѣсневѣлаго сыру и кружкой пива сидѣлъ Бобъ-Лантернъ.

Появленіе такой важной особы, какъ капитанъ Педди О'Кренъ, произвело на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Пегъ встала и пошла къ нему на встрѣчу, а Бобъ-Лантернъ проверно спряталъ носовой платокъ, въ который онъ только-что хотѣлъ высморкаться.

— Здравствуй, Пегъ, отвратительная Мегера, милая хозяйка, сказалъ капитанъ: подай-ка мнѣ стаканъ рому!....

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять остановился въ нерѣшимости, поглядывая то на Снэля, то на Боба.

— Добрый вечеръ, чортъ меня побери, капитанъ! закричалъ Снэль.

— Почтеннѣйшій мистеръ О'Кренъ, сказалъ Бобъ, честь имѣю кланяться.

— Нѣтъ! проговорилъ Педди: ужъ лучше этого змѣныша, голубчика-Снэля! Этотъ разбойникъ Бобъ славнѣе!

малый, чортъ его побери, но мнѣ самому становится страшно, какъ посмотрю на него!... Эй, Снэль, кучка грязи, мнѣ надо поговорить съ тобой о дѣлѣ.

Снэль громко захохоталъ.

— О дѣлѣ? вскричалъ онъ: слышишь ли, хорошенькая Меджъ? Слышите ли вы, Лу и Мичъ?... онъ хочетъ говорить со мной о дѣлѣ, когда я угощаю! Какъ бы не такъ!

— Ты будешь раскаиваться, дружокъ.

— Говорятъ вамъ, капитанъ, что я хочу кутить.

— Э! неотъемлемое достояніе вице-лици, милый сынъ мой, ты будешь кутить..... только послѣ!

— Развѣ вы не знаете, что здѣсь сегодня будетъ побойще?

— А мнѣ что за дѣло, младшій, сынъ сатаны?

— Что вамъ за дѣло?... Посмотрите-ка на лобъ Мича, моего зятя.... Жаль, что Лу пьяна, а нето она бы славно поемѣлась.... Мичъ и Террибуллъ поссорились и подрались; полцѣмны разняли ихъ, но они отложили побойще до полуночи..... Какъ же вы хотите, чтобы я ушелъ отсюда?

— Но, гадкій выкидышъ, милый сынъ мой.....

— Послушайте! прервалъ его Снэль, какъ бы пораженный внезапной идеей: Мичъ добрый малый, хоть онъ слишкомъ часто бьетъ бѣдную Лу..... если я пойду съ вами, дадите ли вы мѣсто Сонн, Мичу?

— Дамъ, проклятый щенокъ!

— Честное слово?

— Честное слово!

— Слышишь, Мичъ? Не дай убить себя, и ты будешь имѣть хорошее мѣсто.... Пойдемте, капитанъ!

Педади вынулъ стаканъ рому, взялъ Снэля за руку и вышелъ съ нимъ въ переулочъ.

Бобъ тихонько всталъ и пошелъ за ними.

Капитанъ отвелъ Снэля въ самый темный закоулочъ мрачнаго переулка, и, внимательно осмотрѣвшись, началъ говорить важнымъ голосомъ:

— Сынъ мой, несмотря на то, что ты развращенъ не по лѣтамъ и что у тебя душа грязнѣе самаго грязнаго угла этого грязнаго переулка, тебѣ не рекомендую еще

никогда важнаго дѣла.... тебѣ, наконецъ, надо составить себѣ каррьеру, имя, состояніе, чортъ тебя возьми! Не вѣкъ же мяукать! И такъ, я говорилъ..... гмъ! гмъ!.... ты меня совсѣмъ сбиль съ толку, разбойничье отродье!... Я говорилъ.... что бышь я говорилъ, Снэль?

— Не знаю.

— Не знаешь.... и я не знаю.... отложимъ рѣчь мою до другаго разу..... хочешь ли заработать десять гиней?

— Пожалуй.

— Какъ! презрѣнный червь, возлюбленный сынъ мой! Я тебѣ говорю о десяти гинейхъ, а ты отвѣчаешь: пожалуй!.... да знаешь ли ты, подлая тварь, голубчикъ мой, что на эти деньги ты можешь напоить даже свою хорошенькую Меджъ, которая, мимоходомъ сказать, самое обратительное созданіе!.... Но не въ томъ дѣло.....

Снэль не слушалъ капитана; наклонивъ голову въ одну сторону, онъ прислушивался къ чему-то другому. Онъ наблюдалъ за черной массой, которая медленно двигалась около деревяннаго забора.

— Что жъ ты молчишь, адская улитка? спросилъ капитанъ.

— Это Бобъ, шеннулъ Снэль; экой любопытный!

— Ты или пьянъ, или съ ума сошелъ, сказалъ Педди: какой тутъ Бобъ?

— Вотъ онъ! отвѣчалъ Снэль.

— Гдѣ? спросилъ капитанъ, невольно вздрогнувъ.

Снэль указалъ на приближавшуюся черную массу.

— Это Бобъ? спросилъ капитанъ тихимъ голосомъ. Ну, надо признаться, что онъ ночью, точно такъ же какъ и днемъ, похожъ на кучу грязи!.... Что жъ касается до тебя, Снэль, то ты суцая кошка! Гдѣ бы мнѣ догадаться, что эта змѣя, Бобъ, добрый товарищъ нашъ, ползетъ сюда. Говори тише..... пусть себѣ идетъ.... я ему отплачу.... И такъ ты говоришь, что охотно заработалъ бы десять гиней?

— Еще охотнѣе пятнадцать гиней, капитанъ.

— Ну, ладно, пятнадцать, пиввица! Я торговаться не охотникъ..... Дѣло очень простое. Ступай и купи себѣ сейчасъ же полный джентльменскій костюмъ. Упрячь въ

него когти свои, ступай въ театръ, въ фойе.... Понимаешь?

— Понимаю..... Бобъ шагахъ въ тридцати отъ насъ.

— Ладно, ладно.... Въ фойе къ тебѣ подойдетъ джентльменъ и дотронется до руки твоей такимъ образомъ....

— А какъ узнаетъ меня этотъ джентльменъ?

— Экой я разсѣянный! чортъ меня побори! Я и забылъ сказать, чтобы ты прицѣпилъ себѣ желтую ленточку.....

— Хорошо..... Бобъ въ двадцати шагахъ.

— Пусть идетъ.... джентльменъ скажетъ тебѣ, что надо дѣлать и ты исполнишь его приказаніе..... Вотъ тебѣ пять гиней на платье, и еще пять гиней, чтобы придать себѣ смѣлости, чортовъ ввукъ! Остальные пять послѣ получишь....

— Ладно.... Бобъ въ десяти шагахъ.

— А, онъ въ десяти шагахъ, проворчалъ Педди; тѣмъ лучше! и возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ:— Да, Снэль, умныхъ людей обманываютъ чаще, нежели дураковъ.... вотъ хоть бы гадкій Бобъ, котораго мы всѣ уважаемъ и любимъ: Темпераенса его обманываетъ, а онъ влюбленъ въ нее какъ дуракъ!

Бобъ вдругъ остановился. Снэль смѣялся изподтишка. Капитанъ продолжалъ:

— А вѣдь жаль, право жаль! Бобъ злодѣй, олицетворенная помойная яма, но добрый малый..... а между-тѣмъ жена его связалась съ Тёрнбуллемъ.....

— Тёрнбуль! прохрипѣлъ Бобъ съ яростью.

— Что это? вскричалъ капитанъ: здѣсь кто-то есть! Кто-то подслушивалъ насъ!.... И схвативъ трость обѣими руками, Педди принялся во всю мочь колотить Боба. Снэль хохоталъ отъ души. Бобъ пустился бѣжать.

— Впередъ не будетъ красть у меня носовыхъ платковъ! сказалъ Педди, торжествуя.

Но мщеніе его зашло дальше, нежели онъ думалъ. Бобъ не чувствовалъ ударовъ тростью; онъ былъ пораженъ въ самое сердце.

— Темпераенсъ! произнесъ онъ, удалившись отъ того мѣста, гдѣ находился капитанъ: Темпераенсъ! Тёрнбуль! Я отомщу вамъ!....

Второе дѣйствіе «Волшебнаго Стрѣлка» подходило къ концу.

Ріо-Санто, желая тотчасъ же ввести Сузанну въ аристократическій кругъ ввелъ въ ложу ея, одного за другимъ, кавалера Анджело Бѣмбо, сэра Джона Ватерфильда, доктора Мюллера, маіора Боруэма, Лантюрь-Люса и другихъ. Сузанна принимала ихъ такъ, какъ-будто бы провела все дѣтство въ одномъ пѣзъ фешенебельныхъ пансіоновъ, въ которыхъ учать молодыхъ дѣвушекъ «держаться прямо и вести себя прилично!» Она говорила мало, потому что была печальна, но говорила хорошо и леди Офелія во всѣхъ словахъ ея замѣтила что-то поэтическое, странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнительное. Можетъ-быть, это происходило и отъ прелести французскаго языка, который Сузанна знала въ совершенствѣ.

Посреди разговора съ графиней что-то съ силой ударило въ сердце Сузанны, и въ то же время въ корридорѣ послышались чьи-то шаги. Дѣвушка замолчала; шаги эти были ей знакомы. Ожиданіе ея продолжалось не болѣе минуты..... у двери послышался легкій шорохъ.....

— Это онъ! произнесъ таинственный голосъ надъ ухомъ Сузанны: будьте счастливы и—осторожны!

Дверь отворилась. Вошелъ Бріанъ Ленчестеръ. Онъ вѣжливо поклонился, былъ представленъ княгинѣ, сказалъ ей два, три слова и вступилъ въ разговоръ съ графиней. Сузанна жаднымъ взоромъ смотрѣла на него, не искоса, какъ молодыя пансіонерки, но прямо, не скрывая непреодолимаго влеченія къ нему.

— Вы не были вчера на балу въ Треворъ-гоузъ? спросила графиня Бріана.

— Нѣтъ, миледи, отвѣчалъ онъ: несмотря на прелесть подобнаго балу, я не могъ оставить своего дѣла..... Я продавалъ фосфорныя спички у дому милорда, моего брата.

— Бѣдный графъ! сказала графиня, невольно улыбнувшись при словахъ Бріана, произнесенныхъ серьезно: вы жестоки къ нему!.... Но вѣдь вы не всю же ночь продавали спички?

— Нѣтъ, миледи, только до одиннадцати часовъ; при томъ же я подвергнулся маленькой неприятности... Управ-

ляюшій брата моего, Патерсонъ, приказалъ прибить меня, за то, что я не хотѣлъ сойти съ крыльца.... Одинъ изъ грумовъ милорда, графа Вейтъ-Манора, старшаго моего брата, отсчиталъ мнѣ дюжину порядочныхъ ударовъ...

— Возможно ли! вскричала графиня.

Невольная краска разлилась по щекамъ Сузанны.

— Это истинная правда, миледи, отвѣчалъ Бріанъ.

— Что же вы сдѣлали?

— По несчастію я не богатъ, миледи, а потому не могъ дать этому груму болѣе пяти фунтовъ стерлинговъ.

— За побой, сэръ!

— Я бы охотно заплатилъ за нихъ сто гиней, миледи.. О! вы можете быть увѣрены, что милорду, моему брату, въ прошлую ночь не спалось! Нѣсколько прохожихъ были свидѣтелями ударовъ, которые я получилъ и сегодня утромъ я подаю жалобу... дѣло будетъ весьма занимательное! Братъ, прибитый слугою брата....

Бріанъ Ленчестеръ всталъ, произнося послѣднія слова; глаза его сверкали; во всей наружности его выражалась энергія, мало согласовавшаяся съ его, по-видимому, шуточными словами. Сузанна поняла изъ всего разговора только одно: Бріанъ былъ несчастливъ. Сердце ея кипѣло негодованіемъ при мысли объ оскорбленіи, нанесенномъ человѣку, который, въ ея мнѣніи, стоялъ выше всѣхъ другихъ людей. Она хотѣла бы утѣшить его, любовью своею залечить рану, заставлявшую Ленчестера страдать. Онъ готовился уже удалиться; сердце молодой дѣвушки сжалось: когда она опять увидитъ его?

Дверь въ ложу отворилась. Вошелъ кто-то изъ молодыхъ людей. Бріанъ, подошедшій уже къ двери, воротился и сѣлъ за Сузанной.

Между-тѣмъ какъ графиня разговаривала съ вошедшимъ, Бріанъ устремилъ на Сузанну неподвижный взоръ, который имѣлъ на нея странное, могущественное вліяніе.... Она сознавалась рабой этого человѣка, тысячи мыслей толпились въ головѣ ея, сердце глухо билось въ груди....

Молодой человѣкъ, разговаривавшій съ графиней, какъ-бы нечаянно обратился къ Сузаннѣ спиной и такимъ образомъ

совершенно отделил ее отъ леди Офелии, съ которою разговаривалъ о чемъ-то съ живостью.

— Какъ вы прекрасны, княгиня! сказалъ наконецъ Бріанъ тихимъ и печальнымъ голосомъ. Зачѣмъ я увидалъ васъ?... Онъ замолчалъ и взялъ руку Сузанны, которая не отняла ея. Меня, можетъ-быть, обманули, продолжалъ онъ, въ такомъ случаѣ я зарадѣе прошу у васъ извиненія въ своей дерзости.... мнѣ сказали, что вы любите меня, княгиня?

— Васъ не обманули, отвѣчала Сузанна.

Этотъ неожиданный отвѣтъ поразилъ Бріана. Онъ невольно опустилъ глаза. Когда онъ опять поднялъ ихъ, двѣ слезинки катились по щекамъ красавицы.

— Вы любите меня! повторилъ Бріанъ врываемымъ голосомъ: но знаете ли вы меня?... знаете ли вы странную жизнь мою?... Нѣтъ, княгиня, я не люблю васъ, я не хочу васъ любить.... Это было бы жестоко, коварно!

Сузанна посмотрѣла на него, и улыбка появилась на лицѣ, изъ котораго едва высохли слезы.

— Вы полюбите меня, сказала она; о! вы полюбите меня!... Я это чувствую; я это знаю.... выраженіе голосу вашего искреннѣе вашихъ словъ.

Бріанъ нѣсколько времени молчалъ, съ восторгомъ смотря на очаровательное созданіе, принадлежавшее ему, и съ наслажденіемъ упиваясь страстію, горѣвшею въ полу-закрытыхъ глазахъ Сузанны; онъ былъ побѣжденъ.

— Да, я буду любить васъ, сказалъ онъ наконецъ тихимъ, но полнымъ чувства голосомъ: я буду весь принадлежать вамъ!... Нѣкоторые считаютъ меня полоумнымъ и я самъ, по временамъ, думаю.... Пойдите!

Бріанъ произнесъ послѣднее слово рѣзко, сухо. Взоръ его, за нѣсколько минутъ, устремленный на прекрасное лицо Сузанны, обратился на противоположную сторону залы съ выраженіемъ горечи и гнѣву. Онъ увидѣлъ скучающее и безжизненное лицо своего брата, графа Вейтъ-Манора.

— Княгиня, сказалъ онъ холодно: если черезъ десять минутъ вы не перестанете любить меня, то я буду любить васъ вѣчно!

Онъ всталъ, поклонился и поспѣшно ушелъ. Вслѣдъ за нимъ ушелъ и молодой человѣкъ, разговаривавшій съ Офеліей.

Ленчестеръ скоро сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

— Джонни! закричалъ онъ.

Къ нему въ то же мгновеніе подбѣжалъ жокей.

— Ящикъ и куртку! сказалъ Бріанъ, поспѣшно снимая щегольской фракъ; потомъ онъ надѣлъ бѣлую куртку, передникъ, перекинулъ черезъ голову ремень отъ ящика, который подалъ ему Джонни и поспѣшно воротился въ театръ.

Бріанъ Ленчестеръ былъ младшій сынъ Юза Ленчестера, графа Вейтъ-Манорскаго. — Будучи еще очень молодъ, онъ вступилъ въ то ложное, непріятное положеніе, которое часто бываетъ въ Англіи удѣломъ младшихъ сыновей знатныхъ фамилій. Воспитанный въ роскоши, почти царственной, онъ, послѣ смерти отца, получилъ свою, весьма умѣренную, долю изъ наслѣдства. Братъ его, благодаря неизмѣннымъ правиламъ закона, наслѣдовалъ вмѣстѣ и титулы и девять десятыхъ отцовскаго имѣнія; старшій дѣлался знатнымъ и богатымъ вельможей; младшій впадалъ въ состояніе, близкое къ бѣдности.

Графу Вейтъ-Манору и не пришло на мысль улучшить состояніе младшаго своего брата, съ молоду привыкшаго къ роскошной и праздной жизни, а Бріанъ, не думая о будущемъ, беззаботно моталъ. Одно обстоятельство вскорѣ почти совершенно разорло его: братъ или, лучше сказать, управитель послѣдняго, затѣялъ съ Бріаномъ процессъ, который онъ, за неимѣніемъ средствъ поддерживать его, проигралъ. Братья никогда не пятали другъ къ другу особой нѣжности, а послѣднее обстоятельство совершенно ожесточило Бріана; онъ поклялся, что будетъ бороться съ братомъ своимъ на-смерть.

Ленчестеръ сдержалъ слово. Оружіе, избранное имъ, было странно, необыкновенно, но онъ умѣлъ такъ хорошо владѣть имъ, что графъ горько раскаялся въ томъ, что озлобилъ противъ себя человѣка, могущественнаго по покровительству, которое оказывала ему аристократія, и

какъ-бы шутя наполнявшаго жизнь его невыносимою горечью—но уже было поздно.

Чтобы избавиться преслѣдованій брата, графъ предложилъ ему сумму, сначала умѣренную, потомъ значительнѣйшую. Брианъ требовалъ половины всего имущества. Графъ отказалъ.

И борьба продолжалась. Чудная борьба слабого съ сильнымъ и гдѣ всѣ преимущества находились на сторонѣ слабого. Графъ впалъ въ сплинъ и сдѣлался несчастнѣйшимъ человѣкомъ трехъ соединенныхъ королевствъ. И странная вещь! въ этой борьбѣ помощниками и союзниками Бриана были именно тѣ, которые по природѣ и законамъ, должны были вступить въ число злѣйшихъ враговъ его. То были молодые лорды, которые черезъ нѣсколько времени должны были стать съ младшими братьями своими въ тѣ же отношенія, въ какихъ находился графъ Вейтманоръ съ Ленчестеромъ. Но они видѣли только забавную сторону поведенія послѣдняго; они не понимали, что каждая изъ шутокъ его была ударомъ, нанесеннымъ праву старшинства; ударомъ, потрясавшимъ вѣковую опору закона.

Чѣмъ страннѣе были нападки Бриана, тѣмъ болѣе восхищался большой свѣтъ. Весь *gentle-folk* приходилъ въ восторгъ, читая въ *Times* слѣдующее объявленіе:

«Вчера, благородный графъ В.... М....., прогуливаясь въ лодкѣ, по Темзѣ, узналъ въ одномъ изъ гребцовъ брата своего сэра Б.... Л.....

«Говорятъ, что графъ отвернулся, чтобы не видѣть роднаго брата и приказалъ немедленно причалить къ берегу.

«Мы живемъ въ чудномъ вѣкѣ!...» и такъ далѣе. Или:

«Въ сырой и холодный вечеръ прошлаго воскресенья, нѣсколько прохожихъ видѣли сэра Б*** Л***, лежавшаго на холодныхъ плитахъ крыльца графа В*** М***, своего брата. Люди, заслуживающіе полной довѣренности, говорятъ, что графъ приказалъ лакеямъ прогнать несчастнаго своего брата» и такъ далѣе.

Могущественный лордъ не смѣлъ никуда показываться. Онъ прогуливался только по уединеннымъ мѣстамъ, гдѣ надѣялся не встрѣтить своего палача; но Брианъ, казалось,

имѣлъ вездѣ сообщниковъ. Графъ вездѣ встрѣчалъ холодное, насмѣшливое лицо его. Бріанъ, напротивъ, былъ даже въ модѣ. Его вездѣ принимали, всюду приглашали.

Занавѣсъ опустился во второй разъ, когда Бріанъ Ленчестеръ вошелъ въ залу, въ костюмѣ пирожника. По всему театру разнесся глухой гулъ разговоровъ и подавленного смѣху.

— Купите, господа, говорилъ Бріанъ, обходя партеръ: купите пирожки и конфекты и подчуйте дамъ вашихъ; такъ водится въ Парижѣ!

Покупалитолько люди, не знавшіе Бріана и не понимавшіе мистификаціи. Когда онъ подошелъ къ «адской ложѣ», оттуда раздались громкіе bravo и шумныя рукоплесканія. Бріанъ повторилъ предложеніе свое монотоннымъ голосомъ и не улыбувшись. Молодые люди бросились покупать и ящикъ оригинала опорожнился бѣ въ ту же минуту, если бѣ онъ не захлопнулъ его, сказавъ:

— Довольно, господа, довольно: надо оставить для тѣхъ... И съ послѣдними словами онъ обратилъ взоръ къ ложѣ, въ которой сидѣлъ графъ Вейтъ-Маноръ, не подозрѣвавшій грозы, собиравшейся надъ его головою.

— Очаровательно! неподражаемо! картавилъ Лантюръ-Люсъ; точно, въ Парижѣ продаютъ лакомства, но только гризеткамъ!... Очаровательно, неподражаемо! Жаль только, что я не буду видѣть, какъ вы пойдете къ ложамя, у меня кто-то отрѣзалъ лорнетъ!...

Молодой Французъ болталъ еще, когда Бріанъ былъ уже у ложъ. Вездѣ его принимали съ громкимъ смѣхомъ. Помѣръ-того, какъ онъ проходилъ, всѣ слѣдили за нимъ любопытнымъ и поощрительнымъ взоромъ, такимъ образомъ, что когда онъ подошелъ къ ложѣ графа Вейтъ-Манора, до тысячи глазъ были обращены на братьевъ.

— Чего они, чортъ ихъ побери, смотрятъ на этого бродягу въ бѣломъ передникѣ? говорилъ капитанъ мистриссъ Бёрнетъ.

— Не хотите ли вы имъ запретить смотрѣть? отвѣчала съ сердцемъ хозяйка таверны: вы видите, что всѣ лорды покупаютъ дамамъ конфекты, а вы и обѣщали, да не купили апельсина.

— Ну, ладно, ладно, очаровательная Дороти, клянусь чортомъ, вы....

— Чтò я?

Капитанъ проглотилъ дюжину проклятій и не отвѣчалъ. Бріанъ Ленчестеръ остановился передъ ложей графа Вейтъ-Манора. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, надѣясь, что одно присутствіе его обратитъ на себя вниманіе графа. Но онъ ошибся. Скучавшій, полу-сонный графъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, и дремалъ. Бріанъ поднялъ ящикъ и постучалъ. Графъ съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ внизъ; взглядъ его упалъ на Бріана... онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ; лицо его позеленѣло, мертвые глаза оживились и губы затряслись.

Наступила глубокая тишина.

— Милордъ, братъ мой, произнесъ Бріанъ чистымъ и звучнымъ голосомъ: купите нѣсколько конфетъ у сына отца вашего, чтобы ему было на чтò купить хлѣба!

Адская ложа стала аплодировать. Весь партеръ послѣдовалъ ея примѣру, а въ галереяхъ зрители, сами не зная зачѣмъ, стали кричать: браво! Педди въ невинности души своей, даже заревѣлъ грубымъ голосомъ своимъ:

— Ай-да чортъ его поберни!

Между-тѣмъ лордъ Вейтъ-Маноръ, причина этого шума и цѣль всѣхъ насмѣшекъ, былъ неподвиженъ, какъ пораженный громомъ.

— Чтò же, милордъ, братецъ мой? продолжалъ безжалостный Ленчестеръ.

Графъ хотѣлъ чтò-то сказать — наступила тишина, но слышался только пискливый голосъ Лантиоръ-Люса, который говорилъ:

— Клянусь вамъ, très chers, что я дорого бы далъ за лорнетъ—кромѣ шутокъ!... Я ничего не вижу!

Графъ, не будучи въ-состояніи произнести ни слова, бросилъ на брата взглядъ кровавой ненависти и опустилъ стору своей ложи.

Въ это же самое время въ галереяхъ и партерѣ поднялась суматоха. Былъ десятый часъ—время открытія третьяго, «полу-цѣннаго» входа. Тамъ и сямъ дрались, бранились, шумѣли. Бріанъ воспользовался суматохой, удалился,

и тотчасъ же возвратился въ своемъ фешенебельномъ костюмѣ. Шумъ нѣсколько утихалъ, когда въ одной изъ ложъ перваго яруса раздался женскій крикъ, исполненный страху и ужасу....

Всѣ взоры, съ любопытствомъ смотрѣвшіе на ложу графа, вдругъ обратились въ другую сторону.

Въ ложѣ герцога Г*** леди Б***, блѣдная, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, бросилась къ двери ложи, на порогѣ которой въ то же мгновеніе показалось блѣдное, кроткое лицо Тирреля, извѣстнаго въ свѣтѣ подь именемъ Эдмонда Мекензи....

—

Около половины втораго дѣйствія въ фойе прогуливался молодой человѣкъ, щегольски одѣтый, всячески старавшійся подражать манерамъ джентльменовъ. Онъ не выпускалъ зубочистки изо-рту, смѣло глядѣлъ въ глаза всѣмъ проходившимъ, кашлялъ, сморкался, но все тщетно. Никто не обращалъ на него вниманія, несмотря на то, что въ петличкѣ у него была желтая ленточка....

Снэлю надоѣло ждать.... ему очень хотѣлось воротиться въ таверну, гдѣ безъ него веселилась очаровательная Меджъ. Ктому же ему нельзя даже было мякнуть, чтобы нѣсколько разсѣяться! Съ-горя онъ подошелъ къ буфету и велѣлъ подать себѣ джину. Джину нѣтъ. Элю? Тоже нѣтъ. Ему подали мороженаго. Пока Снэль разсматривалъ мороженое, не зная какъ приняться за него, къ нему подошелъ какой-то мужчина и пожавъ ему руку особеннымъ образомъ, сказалъ:

— Ступай за мной!

— Что-о-о? протяжно спросилъ Снэль, гордо поднявъ голову: ступай за мной? Знаете ли вы, съ кѣмъ имѣете честь говорить?

Незнакомецъ нахмурилъ брови, но это нисколько не испугало Снэля.

— Чтò вы пристали ко мнѣ? продолжалъ онъ: я васъ и знать не знаю, чортъ меня побери!—какъ говорить почтенный другъ мой, капитанъ О'Кренъ.

— Отчаянный малый! проговорилъ незнакомецъ, при-

стально и съ улыбкой посмотрѣвъ на Снэля; потомъ приблизившись къ нему, онъ сказалъ ему на-ухо: — Ночной джентльменъ.

— Давно бы такъ! съ важностью отвѣчалъ Снэль: а то, милордъ, вы понимаете, что я не могу же слѣдовать за первымъ встрѣчнымъ, который скажетъ мнѣ—ступай за мной!

— Конечно.... какъ тебя зовуть?

— Снэлемъ, милордъ.... а васъ?

— Меня?.... и незнакомецъ невольно улыбнулся: это не твое дѣло; ступай за мной.

Оба вышли изъ фойе въ то самое время, когда зрители, пользуясь антрактомъ, выходили изъ залы. Они насилу пробились сквозь толпу и остановились возлѣ той ложи, въ которой находились леди Офелія и княгиня Лонгвиль. Незнакомецъ постучался особеннымъ образомъ; дверь открылась и онъ втолкнулъ Снэля въ ложу. Дверь тотчасъ же была заперта. Ни одинъ лучъ изъ ярко освѣщенной залы не проникалъ въ эту ложу.

Нѣсколько секундъ царствовало глубокое молчаніе. Снэль струсилъ.

— Ты дрожишь, «дитя семьи», произнесъ кто-то глухимъ голосомъ. Если ты трусь, такъ уйди!

— Нѣтъ, милордъ.... чортъ возьми! Я не трусь, отвѣчалъ Снэль, — только въ потьмахъ какъ-то скверно на сердцѣ. Чтò жъ мнѣ дѣлать?

— Молчать.

Кто-то взялъ Снэля за руку и подвелъ къ самой сторѣ, въ которой въ то же мгновеніе открылось едва замѣтное отверстіе.

— Приложи глазъ къ этому отверстию, сказалъ тотъ же голосъ.

Снэль повиновался. Глазъ его, начинавшій уже привыкать къ мраку, въ которомъ онъ находился, былъ сначала ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ люстръ и лампъ.

— Смотри на противоположную сторону, на первую ложу, произнесъ невидимый, послѣ минутнаго молчанія, какъ-бы обождавъ, чтобы глазъ Снэля присмотрѣлся къ свѣту. Чтò ты видишь?

— Вижу раздраженную леди, въ атласномъ платьѣ, усыпанную брилліантами.

— Видишь ли ты руку этой леди?

— Вижу, одну.

— Которую?

— Постойте, милордъ, дайте подумать..... Правую..... нѣтъ! лѣвую; эта рука лежитъ на бархатномъ передкѣ ложи.... ухъ! Какіе перстни! вотъ бы Меджи моей хотъ одинъ подарить!....

— Молчи!.... Между перстнями замѣтъ одинъ, который блестяще другихъ....

— Какъ же, милордъ, какъ же!.... вижу: какъ осколокъ солнца горитъ!

— Отойди!

Отверзтіе закрылось. Снэль опять очутился во мракѣ. Невидимый крѣпко сжалъ руку его и сказалъ:

— На лѣвой рукѣ, на второмъ пальцѣ отъ мизинца. Помнишь?

— Помню, милордъ.

— Теперь ступай сюда.

Его толкнули къ правой сторонѣ ложи. Стора приподнялась, образовавъ вышзу едва замѣтную щель и яркій лучъ свѣту прорѣзалъ мракъ; но въ то же мгновеніе двѣ руки схватили голову Снэля, чтобы онъ не могъ оглянуться.

— Смотри вправо. Чтò ты видишь?

— Женскія плечи, милордъ; удивительныя плечи, милордъ!

— Молчи.... лица не видишь?

— Не вижу.

— Постой.

Руки поворотили нѣсколько голову Снэля, который произнесъ шопотомъ:

— Вижу, милордъ! Теперь вижу!.... Чтò это значить? Лицо знакомое....

— Ни слова!

Стора опустила голову Снэля, который отряхнулся, какъ мокрый пудель.

— Гдѣ это я видѣлъ эту леди? думалъ Снэль; экой я

дуракъ! Она похожа на Сузанну, служанку въ тавернѣ «Герба»; надо показать ее капитану—это разсмѣшитъ его!

— Теперь ты можешь идти, сказалъ невидимый. Обернись къ дверямъ и не оглядывайся.

Дверь отворилась. Снэля вытолкнули. Въ корридорѣ ждалъ его тотъ же незнакомецъ, который подвелъ его къ ложѣ.

— Вотъ и я! сказалъ Снэль, которому свѣтъ возвратилъ всю смѣлость: вотъ и я! Эти лорды проводятъ время самымъ страннымъ образомъ! Зачѣмъ они приходятъ въ театръ! Имъ стоитъ только спуститься въ какой-нибудь подвалъ, тамъ они столько же увидятъ!

— Не теряй по пустому словъ, мальчишка!

— О-го! мальчишка.... я теперь джентльменъ.... впрочемъ, не въ томъ дѣло; скажите мнѣ одно слово: не «его личесть» въ этой ложѣ?

— Кто это «его чество»?

— Тотъ.... хозяинъ.... знаете? который платитъ.

— Его тамъ нѣтъ.

— Ну, такъ мнѣ не жаль, что я пробылъ въ потьмахъ. Только на «его чество» и хотѣлось бы посмотреть.

— Его уже нѣкоторые видѣли, противъ воли его, сказалъ незнакомецъ мрачно; но эти не проболтаются....

— Имъ зажали ротъ?

Незнакомецъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Гинеями? спросилъ Снэль.

— Нѣтъ.... не гинеями, отвѣчалъ незнакомецъ, вынувъ изъ-подъ жилета маленькій, прекрасно отбланный кинжалъ.

Снэль замолчалъ и боязливо смотрѣлъ на руку незнакомца, обратно опускавшую кинжалъ.

— Помнишь ли ты, что видѣлъ?

— Помню, милордъ.

— Слушай же!

Незнакомецъ отвелъ Снэля всторону и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо.

— Понимаю, милордъ! отвѣчалъ Снэль; какъ не понять!

— Берегись! замѣтилъ ему незнакомецъ, — это дѣло важное!

— Не сбивайте меня, пожалуйста — я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Не забудь же — когда кончишь, ступай въ эту дверь; отсюда ты пройдеши за кулисы; я буду тамъ.

Снѣль и незнакомецъ пошли по корридору къ ложѣ, въ которой была леди Б***. Въ то же мгновеніе кто-то безъ шума вышелъ изъ таинственной ложи и послѣдовалъ за ними. Въ ложѣ остались еще четыре человѣка, которые, приложивъ глаза къ отверстіямъ, вдѣланнымъ въ сторѣ, смотрѣли на ложу герцога Г***. Изъ залы незамѣтно было этихъ отверстій, несмотря на то закрытая ложа возбудила уже подозрѣніе полицейскаго комиссара; онъ отправилъ одного изъ помощниковъ своихъ наблюдать за нею.

Въ то самое время, когда простой народъ съ шумомъ и крикомъ врвался въ залу, Снѣль и незнакомецъ стояли у двери ложи герцога Г***.

— За дѣло! сказалъ незнакомецъ во время суматохи, толкнулъ Снѣля, и исчезъ.

Снѣль вошелъ въ ложу, въ которой находилась леди Б***.

— Миледи, сказалъ онъ почтительно поклонившись: герцогъ поручилъ мнѣ вручить вамъ это письмо.

Онъ подаль письмо. Леди Б*** протянула руку, но въ то самое мгновеніе, когда пальцы ея касались бумаги, Снѣль съ невыразимою смѣлостью схватилъ руку и съ неподражаемымъ проворствомъ сорвалъ съ пальца брилліантовый перстень.....

Леди Б***, пораженная этимъ дерзкимъ поступкомъ, сначала не могла произнести ни одного слова.... между тѣмъ Снѣль переступалъ уже черезъ порогъ ложи.... Видя себя, съ ужасомъ и отчаяніемъ, она бросилась вслѣдъ за дерзкимъ похитителемъ, но на самомъ порогѣ встрѣтилась или, лучше сказать, наткнулась на бѣднаго слѣпца, Эдмонда Мекензи.....

— Пропустите меня, сэръ, пропустите меня!.... кричала она: остановите вора!

Бѣдный слѣпецъ охотно бы пропустилъ несчастную ле-

ли, но какъ-бы нарочно, когда она бросилась въ правую сторону, и онъ туда же; она въ лѣвую, и онъ туда же; словомъ, этотъ достойный сожалѣнія человекъ невольно заграждалъ дорогу знатной дамѣ.

— Это не мой перстень!.... кричала она: герцогъ далъ его мнѣ на сохраненіе, онъ стоить двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ!.... остановите вора!.... Помогите!.... Она съ усиленіемъ схватила слѣпца, втокнула его въ ложу, а сама выбѣжала въ корридоръ.

Сэръ Эдмондъ, бѣдный слѣпецъ, не понимая причины этого шума, направилъ мутный взглядъ въ залу зрителей. Глаза его случайно обратились къ закрытой ложѣ и онъ слегка кивнулъ головою. Стора заколыхалась.....

Между-тѣмъ Снэль преспокойно перешелъ на другую сторону театра и вошелъ въ ложу княгини Лонгвилъ. Графиня, наклонившись впередъ, внимательно смотрѣла на ложу, откуда послышался крикъ, и не замѣтила вошедшаго, который слегка прикоснувшись къ плечу Сузанны шепнулъ ей:

— Ночной джентльменъ!

Сузанна вздрогнула и оглянулась.

— «Его честь» приказалъ отдать вамъ на сохраненіе эту вещь, сказалъ Снэль улыбаясь и подавая ей что-то завернутое въ бумагу. Сузанна взяла эту вещь и спрятала ее за корсетъ. Снэль исчезъ.

Слухъ о дерзкомъ похищеніи быстро распространился по театру.

— Знаю! вскричалъ полицейскій комиссаръ, приложивъ палецъ ко лбу.

Бѣдная леди Б*** ожила..... она стала надѣяться.

Комиссаръ, съ толпою полисменовъ, пошелъ къ таинственной ложѣ и разставилъ своихъ агентовъ.

— Смотрите! сказалъ онъ; это должно быть отчаянный народъ!.... Готовы ли?

— Готовы! отвѣчали агенты, сомкнувъ ряды, такъ что не оставалось проходу даже для мыши.

Коммиссаръ отворилъ ложу и смѣло войдя въ нее, поднялъ стору..... Ярко разлился свѣтъ въ ложѣ.....

Она была пуста.

Воротившись домой, графъ Вейтъ-Маноръ заперся въ своей библіотекѣ.

Лицо его было покрыто смертною блѣдностью; взоръ былъ неясенъ, блуждающъ, какъ взоръ человѣка, которому угрожаетъ безуміе. Онъ съ отчаяніемъ опустился въ кресло, бросилъ шляпу на полъ и закрылъ лицо руками. Онъ ужасно страдалъ. Въ ухахъ его раздавался еще смѣхъ толпы; онъ видѣлъ еще оскорбительныя улыбки женщинъ..... и не было средствъ отплатить ударомъ за ударъ, раной за рану! Оскорбленія, наносимыя ему, не навлекали на себя ни наказанія законовъ, ни презрѣнія стѣта!... Напротивъ, при каждомъ ударѣ люди улыбались и поощряли обидчика!....

Графу Вейтъ-Манору было около пятидесяти лѣтъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое, слабое сходство съ братомъ, но выраженіе лица его было совсѣмъ другое. Грубыя, чувственныя страсти отражались въ угасшихъ глазахъ его — и точно, онъ долгое время велъ жизнь распутную. Въ 1825, какой-то народный ораторъ въ одной изъ рѣчей своихъ называлъ его поросенкомъ и какъ-нельзя вѣрнѣе опредѣлилъ этого человѣка, котораго всѣ пороки были матеріальны, тяжелы, отвратительны. Онъ обольщалъ женщинъ съ помощію золота и сообщниками его были люди, подобные Патерсону и Бобъ-Лантерну. Понятно, что такой человѣкъ не былъ знакомъ съ раскаяніемъ, угрызеніями совѣсти. Господь наказалъ его сплиномъ, тягостнымъ, неизлечимымъ... Всѣ способности графа притупились, имъ овладѣла нравственная дремота и только нападки брата выводили его по временамъ изъ обычной апатіи!....

Просидѣвъ около десяти минутъ въ одномъ положеніи, лордъ Вейтъ-Маноръ вскочилъ. Лицо его, прежде блѣдное, было теперь покрыто апоплексической краской. Онъ позвонилъ съ такою яростью, что оборванная тесьма осталась въ рукахъ его.

— Патерсона!.... мошенника Патерсона!.... Негодяя Па-

персона! закричалъ графъ вошедшему слугѣ: чтобы онъ пришелъ сейчасъ же..... сію минуту!

— Бріанъ напраказалъ! проворчалъ грумъ, бросившись бѣгомъ къ квартирѣ управителя.

Патерсонъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Онъ употребилъ все послѣ-обѣденное время въ пользу господина своего, былъ у мистриссъ Макъ-Набъ, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ и видѣлъ Анну Макъ-Ферлэнъ. Красота ея ослѣпила его. Бобъ не солгалъ. Управитель побѣждалъ къ своему господину и вошелъ въ кабинетъ милорда съ пріятной улыбкой на устахъ.

Графъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Ротъ его былъ полуоткрытъ, губы дрожали, глаза неподвижны.....

Патерсонъ почтительно поклонился и къ-несчастью своему, не взглянулъ на гнѣвное лицо своего повелителя.

— Милордъ, сказалъ онъ, я въ восторгѣ.....

Несчастный не могъ кончить. Ударъ кулакомъ; кулакомъ англійскаго лорда, поразилъ его въ животъ и отбросилъ на другой конецъ комнаты..... Патерсонъ захохоталъ и обѣими руками ухватился за животъ.

— Вонъ отсюда! закричалъ задыхающимся голосомъ графъ: ты, мерзавецъ, всему причиной!... Кто позволилъ тебѣ затѣвать процессъ? Кто позволилъ тебѣ бить брата графа?... Теперь онъ мститъ!.... и мститъ мнѣ!... — Лордъ опять опустился въ кресло.

— Но, милордъ..... началъ униженно управитель.

— Молчать! разбойникъ, негодяй, предатель! кричалъ графъ: вонъ! сейчасъ же вонъ!.... Я не хочу, чтобы ты долѣе оставался въ моемъ домѣ..... Завтра, ты пришлешь или самъ придешь за тѣмъ, что у меня накралъ..... но теперь вонъ!.... Я не хочу, чтобы ты провелъ еще ночь въ моемъ домѣ!... — Лордъ опустилъ отяжелѣвшую голову на руку.— Ты причиной тому, что онъ убьетъ меня! продолжалъ онъ глухимъ голосомъ: а онъ убьетъ меня непременно!.... Вонъ!

Патерсонъ долженъ былъ повиноваться. Онъ воротился въ свою квартиру, накиннулъ плащъ и поспѣшно вышелъ изъ дому.

Была холодная, туманная и сырая ночь.

— Онъ прогналъ меня!.... говорилъ Патерсонъ, бродя по улицамъ; прогналъ въ то самое время, какъ я заботился объ его удовольствіяхъ..... А, милордъ, милордъ! вы дорого заплатите за это! Прогналъ!.... Когда мнѣ оставалось еще пять лѣтъ, чтобы обезпечить себя на всю жизнь..... пять лѣтъ! Я разсчелъ.... о, я отомщу!.... Нѣтъ, Патерсонъ, упокойся и приници лучше средство воротить свое мѣсто..... Я часто выходилъ сухъ изъ воды..... посмотримъ, какъ-то теперь будетъ!

Незамѣтнымъ образомъ дошелъ онъ до Корнгильской Площади и чувствуя усталость, присѣлъ на столбикъ, возлѣ закрытаго магазина брилліанщика Фалькстона, и погрузился въ размышленія.

Противъ магазина, по другую сторону неширокой площади, во второмъ этажѣ чистенькаго бѣлаго домька, свѣтился огонекъ, сквозь кисейныя занавѣски лиловаго цвѣту. Это былъ домъ мистриссъ Макъ-Набъ, а огонекъ свѣтился въ спальнѣ дочерей Энджуса Макъ-Ферлана.

Было около полуночи.

Клара спала. Прелестная головка ея покоилась на бѣлой, круглой ручкѣ, выбившейся въ безпокойномъ волненіи тяжкаго сна изъ-подъ одѣяла. Дыханіе ея было неровно и, по временамъ, тихая жалоба вырывалась изъ стѣсенной груди ея....

Анна сидѣла на постели. Она не гасила свѣчи, не зажигала ночной лампы, хотя, обыкновенно, въ это время покоилась уже крѣпкимъ сномъ. Она, казалось, съ безпокойствомъ кого-то ждала. При малѣйшемъ шумѣ она напрыгала слухъ и, по временамъ, складывала маленькія ручки свои какъ-бы молясь....

Стефенъ Макъ-Набъ ушелъ съ утра и по-сю-пору не возвращался домой. Никто не зналъ, куда онъ пошелъ, и невыразимая боязнь поселилась въ сердцѣ молодой дѣвушки.... она поглядывала на сестру, завидуя сну ея или желая ее разбудить, чтобы поговорить и раздѣлить тоску, овладѣвшую ея сердцемъ. Но Клара спала, провознося во снѣ невнятные слова и когда въ безпокойномъ волненіи обращала къ свѣту лицо свое, то можно было замѣтить

капли поту, выступавшаго и засыхавшаго на горящемъ лицѣ ея....

— Бѣдная сестра! думала она: вотъ уже нѣсколько недель, какъ она страдаетъ.... по гдѣ онъ? Дай Богъ, чтобы онъ скорѣе вернулся домой!

Два сильные удара раздались у входа.

Анна соскочила съ постели, подбѣжала къ двери, открыла и не чувствуя холоду, стала смотрѣть на лестницу, куда тотчасъ вышла мистриссъ Макъ-Набъ. Она тоже не спала и встрѣтила Стѣфена въ то самое время, когда служанка, открывшая дверь, привѣтствовала его радостнымъ восклицаніемъ.

Стѣфенъ былъ печаленъ. Анна дрожала въ легкомъ ночномъ платьѣцѣ, сквозь которое пропикалъ изъ открытой на улицу двери ночной холодъ, но не отходила. Она прислушивалась со вниманіемъ, но сердце ея такъ сильно билось, волновавшаяся кровь такъ громко шумѣла въ ухахъ, что она могла слышать только имя Персеваля и восклицаніе матери Стѣфена. Анна не отходила отъ двери, потому что Стѣфенъ долженъ былъ пройти мимо ея комнаты и она хотѣла еще пожелать ему доброй ночи. Но и эта надежда не сбылась. Стѣфенъ ноцѣловалъ мать свою и пошелъ опять къ выходу.... она только услышала, что онъ произнесъ одно имя.... имя Клары!

Слезинка навернулась на глазахъ Анны.

— Клара! повторила она съ грустію: обо мнѣ онъ и не вспомнилъ!

Дверь на улицу затворилась. Мистриссъ Макъ-Набъ воротилась въ свою комнату, говоря про себя:

— Бѣдный джентльменъ!... Стѣфенъ добрый, великодушный молодой человекъ.... бѣдный сэръ Франкъ!

Анна затворила дверь. Новая тяжесть легла на сердце ея.... подойдя къ постели, молодая дѣвушка замѣтила, что сестру ея мучилъ тяжкій сонъ.

— Клара, Клара! сказала Анна.

— Стѣфенъ!... о, Стѣфенъ! проговорила Клара; спасите меня!

Анна закрыла лицо руками, слезы ручьями потекли изъ глазъ ея.

— И она любить его! проговорила она.... и разбудила сестру поцѣлуемъ.

Клара вскочила, осмотрѣлась со страхомъ и обвила руки около шеи Анны, насильно улыбающейся.

— Это ты.... о, благодарю!... Мнѣ снилось что-то ужасное.... Какъ я люблю тебя, Анна, и какъ видѣ твой утѣшительнѣ послѣ тяжкаго сна. — Она замолчала, потомъ прибавила вздохнувъ:—Тяжкаго и пріятнаго.... онъ былъ тутъ.... обнималъ меня.... Я не могла сопротивляться.... онъ увлекалъ меня....

— Кто? спросила Анна, удерживая слезы: Стѣфенъ?

Клара отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, отвѣчала она: Стѣфенъ хотѣлъ защитить меня.

— Противъ кого?

Клара пристально посмотрѣла на сестру и выраженіе прелестнаго лица ея внезапно измѣнилось.

— Не знаю, проговорила она, что я сказала?... я говорила во снѣ....

— Ты говорила о Стѣфенѣ, сестрица.

— Да.... правда.... слушай, Анна.

Она привлекла къ себѣ сестру и начала цѣловать ее.

— Я угадала тайну твою, сказала она: ты любишь его.... тѣмъ лучше! въ послѣднемъ письмѣ своемъ папенька пишетъ, что онъ скоро будетъ сюда.... мы увидимъ его.... я поговорю съ нимъ, Анна; ты будешь счастлива.

— Такъ ты его не любишь! сказала Анна, радостно улыбаясь сквозь слезы.

— Я?... я никого не люблю, Анна, съ живостью возразила Клара: никого, слышишь.... и кого жъ мнѣ любить!...

— Я думала....

— Какъ ты дрожишь, сестрица!... Ложись.... ложись скорѣе.... бѣдная Анна!... Какъ я буду счастлива, когда ты будешь женой добраго и благороднаго Стефена!...

Патерсонъ всё-еще сидѣлъ на столбикѣ, съ окоченѣлыми отъ холоду членами, въ самомъ дурномъ расположеніи духа и не зная, на что рѣшиться. Стукъ двери, захлопнутой Стѣфеномъ, вывелъ его изъ нешріятныхъ размышленіе-

нѣй. Онъ всталъ, вытянулъ окоченѣлые члены и зѣвнулъ.

— Куда жъ я зашелъ? сказалъ онъ осматриваясь. Онъ узналъ Корнгильскую Площадь и въ то же время взоръ его попалъ на свѣтъ во второмъ этажѣ дома мистриссъ Макъ-Набъ. Этотъ видъ, по-видимому, разогналъ горестъ его. Онъ ударилъ себя въ лобъ и весело улыбнувшись, проворчалъ:

— Чтò за вздоръ! О чемъ беспокоиться!... Завтра же я поправлю все дѣло.... но какъ бы это сдѣлать? Э, не бѣда! Стоитъ только трахнуть кошелькомъ и охотники найдутся!

Патерсонъ позвалъ извозчика и подумавъ съ минуту, приказалъ ему ѣхать въ Бефоръ-Лэнскій Переулокъ.

Глубокая тишина царствовала въ тавернѣ «Трубки и Кружки»; только слабый свѣтъ пробивался сквозь щели неплотно закрывавшихся ставней.

Но внутри все было въ ужасномъ безпорядкѣ. На полу лежали осколки разбитыхъ кружекъ и изломанная скамья. Черныя, грязныя доски пола были облиты кровью.... въ сторонѣ лежали два страшно обезображенные трупа.... по всему видно было, что за нѣсколько минутъ происходило здѣсь побоище на-смерть, а теперь тишина прерывалась только шопотомъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на столѣ, а другой на скамьѣ, возлѣ него. Первый изъ разговаривавшихъ былъ человѣкъ еще молодой, съ геркулесовскими формами. Круглое и выпуклое лицо его походило на морду бульдога. Это былъ буркеръ Томасъ Бишопъ. Другой былъ Бобъ-Лантернъ.

* Въ 1829 году, въ Эдинбургѣ, нѣкто Бурке, выкапывавшій трупы и продававшій ихъ докторамъ, находя, что это ремесло было не довольно выгодно, придумалъ другое средство добывать себѣ трупы. Онъ сталъ убивать по почамъ запоздалыхъ прохожихъ и долгое время укрывался отъ преслѣдовавшей полиции. Но наконецъ онъ былъ пойманъ и казненъ. Однако жъ ужасное ремесло его нашло себѣ подражателей въ Лондонѣ. Такъ какъ преступленія Бурке надѣлали много шума, то изъ имени этого злодѣя составился глаголь *to burke* и существительное *the burker*, означющее человѣка убивающаго людей и продающаго трупы ихъ хирургамъ.

— Живутъ еще! сказалъ послѣдній, прислушиваясь къ страшному хрипѣнію несчастныхъ.

— Не долго прожить! проворчалъ буркеръ; не оба, такъ одинъ ужъ непременно достанется мнѣ завтра.

— Но вы хотѣли мнѣ что-то сказать, мистеръ Бишопъ? Поторопитесь, потому что въ сосѣдней комнатѣ меня ждетъ какой-то джентльменъ.

— Хорошо долженъ быть джентльменъ, который ходитъ въ подобныя таверны и имѣетъ съ тобою дѣла! Запрѣ хорошенько дверь, чтобы онъ не могъ подслушать насъ.

Бобъ повиновался.

— Не знаю, рѣшился ли бы я предложить другому то, что хочу теперь предложить тебѣ.... Я никогда таковыя дѣлами не занимался.... ну, да у тебя, Бобъ, нѣтъ ни души, ни сердца, лишь бы хорошо заплатили....

— А хорошо заплатятъ, мистеръ Бишопъ? прервалъ Бобъ съ сверкающими глазами.

— Надо похитить молодую дѣвушку.... Это гадко, чортъ возьми!... похитить молодую дѣвушку и представить ее живую для изслѣдованій доктора.... тебѣ нѣзачѣмъ знать имени его!

— А сколько заплатятъ? спросилъ Бобъ.

— Дѣвушку не моложе семнадцати и не старѣе двадцати лѣтъ.... хорошо сложенную, безъ недостатковъ, какъ говоритъ докторъ, дьяволъ его побери!

— Найду, найду, сказалъ Бобъ; а сколько заплатятъ?

— Знаю, что найдешь, адское отродье.... нѣтъ, я бы не могъ.... мертвую, такъ и быть, но привести бѣдную живую дѣвушку, къ этому вампиру, доктору Муре... не могу!

— А-га! такъ это докторъ Муръ! сказалъ Бобъ; а сколько онъ заплатитъ?

— Сто фунтовъ стерлинговъ.... тысячу давай, такъ не возьму.... гадко!

— Конечно! сказалъ Бобъ: по рукамъ!

Буркеръ отступилъ съ отвращеніемъ.

— Не хотите? спросилъ Бобъ улыбаясь: воля милости вашей!... ахъ! вы знаете какъ въ Лондонѣ жить дорого.... а съ собой ли у васъ водича?

Бишопъ подалъ Бобу стеклянку, которую тотъ спряталъ въ карманъ.

— Конечно! не прощу у васъ задатку, мистеръ Бишопъ. Завтра дѣвушка будетъ у васъ.

— Чтобъ тебѣ превалиться сквозь землю! сказалъ буркеръ уходя.

— Сто фунтовъ!... проворчалъ Бобъ оставшись одинъ. Это не скоро заработаешь. Я доставлю ему молодую дѣвушку изъ дому на Корнгильской Площади. Экая для меня благодать эта дѣвушка!... Впрочемъ, что жъ? Докторъ побережетъ ее и убьетъ не съ-разу, а по-тихонько... безъ боли; но какъ выманить ее? Ба! я знаю, что она дочь Энджуса Макъ-Ферлэма и этого для меня довольно!... Ахъ, да.... я и забылъ, что меня ждетъ какой-то джентльменъ.

Бобъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ буфетъ. Тамъ сидѣлъ какой-то мужчина, закутанный въ широкій плащъ.

— Что вамъ угодно, я къ вашимъ услугамъ, мистеръ? спросилъ Бобъ униженно кланяясь.

— Одни ли мы?

— Совершенно один; джентльменъ, съ которымъ я сейчасъ разговаривалъ, ушелъ.

Мужчина сбросилъ плащъ.

— Мистеръ Патерсонъ! вскричалъ Бобъ. Видно что-нибудь случилось?

— Случились очень неприятныя для меня вѣщи, отвѣчалъ управляющій вздыхая: надо будетъ наконецъ, честный Бобъ, чтобы ты избавилъ насъ отъ безнокойнаго Бриана!...

— Когда вамъ угодно будетъ, мистеръ: только надо вамъ сказать, что я дешево не возьму.... съ Ленчестеромъ шутки плохи; ахъ, какъ жаль, что джентльменъ, съ которымъ я разговаривалъ, ушелъ; это по его части....

— А?... провизнесъ Патерсонъ съ чувствомъ боязни.

— Да.... небрежно отвѣчалъ Бобъ, это мистеръ Бишопъ.... буркеръ.... вы, можетъ-быть, слыхали?

Управитель невольнo задрожалъ при мысли, что онъ за нѣсколько минутъ находился во сосѣдствѣ съ челоувѣкомъ, при одномъ имени котораго трепеталъ весь Лондонъ.

— Не бойтесь, продолжалъ Бобъ улыбаясь: онъ ушелъ...

впрочемъ надо вамъ сказать, что у Бishops предобрѣя дуща: я сейчасъ видѣлъ прѣмѣръ... Ни зачѣмъ, ни прѣчѣмъ уступилъ мнѣ сто фунтовъ... право, такъ!.. А это для меня большое счастье, потому что въ Лондонѣ жить чертовски дорого!...

— Слушай, честный Бобъ, прервалъ его нетерпѣливо, управитель: не знаю, что проклятый Брианъ сдѣлалъ опять милорду, только онъ воротился изъ театра въ невыразимомъ бѣшенствѣ!... Я было хотѣлъ заговорить съ нимъ о нашемъ дѣльцѣ... знаешь, о корнгильской красавицѣ!...

— Аннѣ Макъ-Ферменъ?... знаю; я только-что думалъ объ ней.

— Она, просто, красавица! вскричалъ управитель... Я видѣлъ ее... что за глаза, мистеръ Бобъ! что за ротикъ! что за нѣтъ лица!

— Да; надо сказать правду, такихъ красотокъ не много; ну, что же? милордъ обрадовался?

— Милордъ?... Не тутъ-то было! Онъ даже не выслушалъ меня. Милордъ обругалъ меня!...

— Возможно ли! вскричалъ Бобъ съ изумленіемъ.

— Милордъ прибилъ меня!

— Прибилъ! Не можетъ быть!

— Милордъ прогналъ меня!

— Прогналъ, васъ, мистеръ!

— То есть, просто, прогналъ!

— А-а! прогналъ?... сказалъ Бобъ, холодно и дерзко по-смотрѣвъ на Патерсона: следовательно вы уже не управляющій милорда?

— Не бойся, возразилъ Патерсонъ, у меня есть деньги... не даромъ же я управляю пятнадцать лѣтъ дѣлами графа Вейтъ-Манора.

— Правда, сказалъ Бобъ низко поклонившись. Что же вашей милости угодно?

— Мнѣ нужна твоя помощь, честный Бобъ. Я утѣшилъ, что маленькая миссъ понравится милорду... достань мнѣ ее.

— Трудненько, ваша милость, отвѣчалъ Бобъ, почестывая за ухомъ: трудненько... не знаю!...

— Достань мнѣ ее непременно!... Завтра къ вечеру, но позже!...

— Но подумайте, мистеръ...

— Ни слова... я торговаться не стану... если ты приведишь мнѣ ее завтра вечеромъ, такъ получишь двѣсти фунтовъ.

— Двѣ...сти... фун...товъ! повторилъ Бобъ съ жадностью.

— Двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Если ты не согласишься, такъ я найду кого-нибудь другаго.

— Чертовски соблазнительно!

— Что же?

— Пятьдесятъ фунтовъ задатку, ваша милость, и даю вамъ чистѣйшее слово благороднаго человѣка, что завтра молоденькая миссъ будетъ у васъ не позже, какъ въ десять часовъ вечера.

Патерсонъ вынулъ изъ бумажника пять ассигнацій въ десять фунтовъ стерлинговъ и отдалъ ихъ Бобу.

— Слуга мой будетъ ждать на улицѣ, у крыльца, до десяти часовъ... смотриже, не обмани!

— Приготовьте только остальные сто пятьдесятъ фунтовъ!

Патерсонъ удалился.

— Каковъ! ворчалъ Бобъ, оставшись одинъ: важничаетъ, словно лордъ какой! Ну, да ладно, когда я буду джентльменомъ и когда Темперенсу будутъ звать миледи.... Онъ вдругъ замолчалъ и ударивъ себя кулакомъ въ лобъ, произнесъ глухимъ голосомъ:—Темперенса!... ты обманываешь меня!... Разбойникъ Тёрнбуллъ получилъ уже должное возмездіе... Я поджигалъ Мича, я истратилъ нѣсколько кронъ, чтобы напоить его... и онъ дрался какъ лютый звѣрь... досталось Томму!.. Вотъ они лежатъ оба... Мичъ еще храпитъ... Тёрнбуллъ молчитъ... ужъ не умеръ ли онъ? Туда и дорога.... Тёрнбуллъ! Томмъ Тёрнбуллъ!... Молчать. Постой же я заставлю тебя заговорить... и приблизившись къ трупамъ, лежавшимъ въ углу, Бобъ ударилъ каблукомъ въ голову бѣдняка.... Тёрнбуллъ испустилъ едва слышный стонъ.

— Чего добраго! продолжалъ Бобъ, вытаскивая изъ-за пазухи ножъ: онъ, пожалуй, еще опомнится!.. Нѣтъ... я не трону его... здѣсь страшно... темно....

Нѣсколько минутъ спустя Бобъ проходилъ по грязному переулку и изрѣдка произносилъ отрывистыя слова:

— Ихъ двѣ!... Одну доктору, другую милорду!.. Эка благодатная семья!...

Леди Б*** не могла уснуть во всю ночь.

Рано утромъ она получила два письма; вотъ содержаніе перваго:

«Миледи,

«Посылаю вамъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я знаю, что сегодня же утромъ вы, за эту сумму, можете получить обратно перстень; я лучше согласенъ лишиться денегъ, нежели такой драгоценной вещи.

Вы, миледи, ни въ чемъ не виноваты—это одно несчастіе. Прошу васъ считать меня по-прежнему искреннимъ и преданнымъ другомъ вашимъ.

Письмо было безъ подписи; но леди Б*** знала отъ кого оно. Глубоко вздохнувъ она, распечатала другое письмо и прочла слѣдующее:

«Миледи,

«Основываясь на всѣмъ извѣстномъ благородствѣ герцога Г**, мы вправѣ думать, что онъ исполнитъ обѣщаніе свое и доставитъ вамъ сегодня же утромъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

«Соблаговолите, миледи, сѣсть съ этой суммой въ наемную карету, которая теперь уже ждетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому вашего, и поѣзжайте однѣ къ собору святаго Павла.

«Если вы опоздаете хоть часомъ, то перстень будетъ уже на дорогѣ въ Брейтонъ и намъ, миледи, невозможно будетъ воротить его изъ Франціи, куда мы его отсылаемъ».

Подписи того же не было.

Леди Б*** позвонила, на-скоро одѣлась и взявъ съ собою шкатулку, въ которой герцогъ прислалъ деньги, вышла на улицу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому стояла наемная карета. Извозчикъ, не говоря ни слова, отворилъ дверцы.... Леди Б*** на минуту съ ужасомъ остановилась, но вспомнивъ письмо герцога, поспѣш не вошла

въ карету. Извозчикъ взобрался на козлы и не спрыгивая куда ѣхалъ, удерживая по лошади.

Оставшись одна въ каретѣ, леди Б*** почувствовала необъяснимое стѣсненіе сердца. Она ѣхала на встрѣчу къ людямъ, составившимъ себѣ ремесло изъ воровства. Кто знаетъ, не отнимутъ ли у нея и огромной суммы, которую она везла съ собою?

Пока леди предавалась этимъ тягостнымъ мыслямъ, карета ѣхала скоро и вдругъ остановилась.

Леди Б*** не успѣла опомниться, какъ дверцы отворились и передъ нею явилась низенькая, худощавая старушка, въ атласномъ платьѣ на ватѣ; съ живостью кошки вскочила она въ карету, которая въ то же мгновеніе поѣхала далѣе.

— Извините, *rispettabile signora*, я вдова графа К***, вы, *essellenza*, можете вполне положиться на меня... я съ перваго взгляду полюбила васъ.

— Куда вы везете меня? спросила леди Б***, едва приходя въ себя.

— Богъ свидѣтель, *signora Illustrissime*, что я готова броситься въ огонь, чтобы только услужить вамъ....

— Но я васъ спрашиваю, куда вы меня везете? повторила леди Б***.

— Клянусь именемъ воюющаго мужа моего, что я всею душой вамъ предана! И съ этими словами старушка съ живостью схватила руку леди Б*** и поднесла ее къ губамъ своимъ.

Леди Б*** подумала, что эта женщина, или жестоко смѣется надъ нею, или сумасшедшая. Она со страхомъ хотѣла выглянуть въ окно, чтобы посмотрѣть по-крайней-мѣрѣ, гдѣ находилась, но старушка съ живостью дернула шнурокъ и красныя, непроницаемыя сторы закрыли оба окна.

Молодая женщина съ ужасомъ опустила на подушки кареты.... Посреди свѣтлаго дня, въ многолюдномъ городѣ, она находилась во власти того тайнаго общества, разсказы о которомъ уже столько разъ наполняли ее сердце ужасомъ.... она вскочила съ отчаяніемъ и ухватилась за

снурокъ, чтобъ поднять стору. Холодные и костлявые пальцы старухи схватили мягкую ея ручку.

— Синьора, сказала она: я нарочно опустила стору, чтобы никто не могъ видѣть васъ въ этомъ странномъ экипажѣ. Еще Богъ знаетъ что подумаютъ!

— Пустите меня, вскричала леди, стараясь высвободить руку свою изъ костлявыхъ пальцевъ старухи.

— Вы хотите выйти, сказала старуха холодно: извольте, я не удерживаю васъ.... прощайте, ессейенза!

Леди Б***, пораженная холоднымъ тономъ старухи, опустилась опять на подушки. Сердце ея сильно билось.... она оглянулась.... шкатулки съ деньгами не было:...

— Боже мой! Боже мой! проговорила она, закрывъ лицо руками.

Объ молчали. Карета ѣхала скоро и вокругъ нея слышались шумъ и гулъ, наполняющій Лондонъ съ утра до вечера. Это продолжалось довольно долго. Мало-по-мало шумъ начиналъ утихать и, наконецъ, совершенно замолкъ. Колеса не ударили болѣе о каменную мостовую, они влезли въ глубокую, глинистую грязь.

Карета остановилась. Леди Б*** слышала только шумъ вѣтру, какъ-бы разгуливавшаго по широкой полянѣ.

— Кто тамъ? послышался чей-то голосъ.

— Ночной джентльменъ, отвѣчалъ кучеръ.

Послышался какой-то стукъ и вслѣдъ затѣмъ, карета проѣхала еще нѣсколько по деревянной мостовой. По глухому стуку колесъ, можно было догадаться, что карета подѣхала подъ каменный сводъ.

— Потрудитесь пожаловать мнѣ ручку, синьора, сказала старуха, отворивъ дверцы.

Карета стояла подъ сводомъ мрачнымъ и сырымъ. Не видно было ни малѣйшаго свѣту. Леди Б*** почти безсознательно подавала руку старухѣ, которая помогла ей выйти изъ кареты.

— А вотъ и шкатулочка ваша, serenissime eccellenza, сказала она: я припрятала ее на всякій случай.... сходите осторожнѣй, синьора, здѣсь темненько.... Сюда, сюда.

Побѣдивъ страхъ свой, леди Б*** послѣдовала за старухой и нѣсколько минутъ спустя вошла въ свѣтлую ком-

шатку; за ней послышался сильный шумъ; она оглянулась... на мѣстѣ дѣри, въ которую она вошла, была гладкая стѣна.... Леди Б*** пошла за старухой въ узенькой корридоръ, въ концѣ котораго слышался неясный шумъ; въ то же время переѣнилась и температура воздуха; вмѣсто холодной сырости, царствовавшей въ первой комнаткѣ, леди Б*** была охвачена теплымъ воздухомъ, наполненнымъ мизмами.... Эти зловонныя испаренія сильно подѣйствовали на нѣжную, свѣтскую даму.... она остановилась, не будучи въ-состояніи сдѣлать шагу.

— Что съ вами, *eccellenza*, вскричала старуха; *un piccolo disgusto!*... Ничего! Конечно, я согласна съ вами, что этотъ запахъ тяжеленекъ.... что дѣлать, сивьора!... Говоря эти слова она поднесла къ носу леди Б*** стекляночку со спиртомъ.

Леди Б***, не отвѣчая ни слова, рѣшилась послѣдовать за страннымъ существомъ, которое ее провожало. Она была страшно блѣдна; шумъ увеличивался.... На концѣ корридора графиня К*** отворила дверь....

Леди Б*** чуть не упала въ обморокъ. Того, что она увидѣла, что услышала, нельзя ни разсказать, ни описать. Читатель отбросилъ бы книгу съ отвращеніемъ, если бы мы вздумали передать нѣкоторыя подробности ужаснаго зрѣлища!... Леди Б*** вошла въ большую, квадратную залу, безъ всякой мебели. Около стѣнъ, на запачканной соломѣ, избитой отъ долгаго употребленія, лежали въ безпорядкѣ мужчины, женщины, старики и дѣти, оборванные и самой отвратительной наружности. Мужчины были въ меньшемъ числѣ и менѣе отвратительны, можетъ-быть и оттого, что униженіе мужчины болѣе ограничено, нежели паденіе женщины, которое кажется намъ ужаснѣе, въ сравненіи съ тѣмъ невыразимымъ уваженіемъ, которое мы цтаемъ къ матери нашей, или съ тою чистою, священною любовью, которую внушаетъ намъ первая любимая дѣвушка!... И вся эта толпа шумѣла, кричала, бранилась, проклинала.... Въ одномъ углу залы топились полдюжины желѣзныхъ печей, распространявшихъ въ воздухъ пары каменнаго угля, къ которому примѣшивался приторный запахъ говядины, жарящейся на угольяхъ, тяжелыя испаренія пива,

портеру, рому, джину, табаку.... И не было ни одного окна, для облегченія этого воздуха, еще болѣе зараженнаго нечистымъ дыханіемъ болѣе сотни гадкихъ существъ!... Только отверстіе въ потолокъ освѣщало эту ужасную картину.

При входѣ леди Б*** и старухи, въ залѣ поднялся страшный крикъ и гамъ. Дюжина полу-одѣтыхъ женщинъ окружили ее съ визгомъ, и грязными руками прикасались къ блестящему шелковому платью ея; дѣти дергали за драгоценную шаль.

— Смирно! сказала проводница: смирно! или я проучу васъ.

Толпа грубыми насмѣшками отвѣчала на угрозы старухи. Леди Б*** готова была лишиться чувствъ; она ничего не видѣла и не слышала.... необузданная толпа ринулась на нее, но въ то же время страшный ревъ, выходявшій изъ угла залы, произвелъ на нихъ волшебное впечатлѣніе.

— Смирно, помойныя ямы! смирно, милые друзья мои! кричалъ громовый голосъ, звуки котораго, подобно звукамъ огромнаго органа наполняли всю залу: чортъ васъ побери! Если вы не утихнете, такъ сегодня не будетъ джину!...

Какъ испуганныя собаки, мужчины и женщины воротились на мѣста свои. Несмотря на безчувственность, въ которой находилась леди Б*** была невольно поражена этимъ ужаснымъ ревомъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Она невольно обратила глаза къ той сторонѣ, откуда слышался голосъ, и увидѣла отверстіе акустической трубы.

— А-га! закричала худощавая старушка: что я вамъ говорила? Не бойсь замолчали, figliuoli del diavolo!... Потомъ она подбѣжала къ отверстию трубы и поднявшись на цыпочки, закричала въ нее:

— Слушай!

— Слушаемъ! отвѣчалъ прежній голосъ.

— Графиня К*** просить позволенія поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ джентльменовъ.... только съ однимъ; я при-

несла съ собою значущую леди и милордамъ неказываться на вачъмъ!

— Хорошо! отвѣчалъ голосъ.

Нѣсколько минутъ спустя отворилась маленькая дверь, возлѣ самой трубы. Леди Б*** послѣдовала за старушкой въ темный корридоръ и пройдя въ три дубовыя двори, окованныя желѣзомъ и находившіяся въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой, очутилась наконецъ въ свѣтлой комнаткѣ.

— Я думала, что умру тамъ! сказала леди Б*** вздохнувъ свободнѣе и сложивъ руки. О! ужасно.... ужасно!

— Да, точно, сказала старушка: мѣсто это не совсѣмъ пріятно.... это наше чистилище *; впрочемъ успокойтесь, миледи, мы назадъ пойдемъ другой дорожкой. Теперь потрудитесь итти за мной.

Пройдя красивую, свѣтлую галерею, леди Б*** вошла въ довольно большую залу, меблированную съ нѣкоторою роскошью. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ, покрытомъ шалью вмѣсто сукна, лежали книги и бумаги. Вокругъ стола стояли въ порядкѣ красивыя и покойныя кресла.

За столомъ сидѣлъ мужчина въ синемъ фракѣ и лосиныхъ панталонахъ—добрый и почтенный капитанъ Педди О'Кренъ.

— Здравствуй, Маудленъ, сказалъ онъ, обращаясь къ старушкѣ: здравствуй, самка паяцца, милая пріятельница моя....

— Фи! вскричала старушка, обиженная безцеремоннымъ обхожденіемъ капитана: вы, почтеннѣйшій, совсѣмъ не умѣете обращаться съ дамами!

* Чистилище, а purgatory. — Лондонскіе воры составляютъ огромное общество, которое они сами называютъ «большой семьей». Замѣчательнѣйшіе, важнѣйшіе члены этого общества, будучи принуждены скрываться послѣ какой-нибудь слишкомъ гласной продажи, отсылаются на счетъ общества за границу, гдѣ получаютъ прекрасное содержаніе; мелкіе ворышки находятъ убѣжище въ ужасныхъ мѣстахъ, подобныхъ тому, которое мы описали и гдѣ они проживаютъ вмѣстѣ съ большими ворами и семьями сосланныхъ, заключенныхъ или казенныхъ негодяевъ, содержимыхъ на счетъ общества. Эти убѣжища называются у нихъ чистилищами.

— Врѣнь, лукавая кошка, голубушка, перерываю ее капитанъ, и обращаясь къ леди Б*** продолжалъ:— Постройтесь ирисѣсть, миледи.... будь я проклятъ, если не питаю къ вамъ должнаго уваженія... не слушайте этой вѣдомал, доброй пріятельницы моей... садитесь, миледи!... Садись и ты, коварная канатная плясунья, и поговоримъ о дѣлѣ. Что вамъ надо?

— Мистеръ О'Кренъ, презрительно отвѣчала старуха, какъ-бы желая отомстить ему за грубое обращеніе: вамъ спрашивать нечего; дѣлайте свое дѣло и не забывайте, когда говорите съ нѣкоторыми особами....

— Ужъ не про себя ли ты говоришь, Маудленъ! вскричалъ капитанъ съ изумленіемъ: чортъ тебя побери!...

— Объяснитесь сами, снѣвора, сказала старушка съ досадою: я не хочу говорить съ этимъ грубіяномъ!

— Грубіяномъ! Маудленъ, милая пріятельница моя, сущеная бродяга, ты можешь называть меня грубіяномъ; но я тебѣ сейчасъ докажу, что умѣю обходиться съ дамами.... миледи, поговоримте по-пріятельски.... вы пришли за бездѣлушкой, перстнемъ....

— Бездѣлушкой въ полмилліона! пророчала старуха.

— Съ тобою не говорятъ, нахальная болтунья.... И такъ, чортъ меня возьми! вы пришли, миледи, за перстнемъ, который у васъ взяли на подержаніе въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ. Перстень этотъ у меня въ карманѣ....если я лгу, то пусть чортъ будетъ на томъ свѣтѣ вертѣть душу мою какъ волчокъ!

— Вотъ выкупъ за перстень, сказала леди Б***, подавая шкатулку: тутъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, сэръ.

— Слышишь, Маудленъ, миледи называетъ меня сэромъ. Вотъ что значитъ умѣть обходиться съ дамами, чортъ возьми!... Такъ вы, миледи, изволили сказать, что въ этой шкатулкѣ двадцать тысячъ фунтовъ. Это дьявольски сообразительно!... и надѣвъ на длинный, узкій носъ свой очки, капитанъ принялся считать.

— Двадцать тысячъ! пророчалъ онъ наконецъ; всѣ сполна!... Миледи, вотъ вашъ перстень....

— Пойдите! вскричала старушка, вырвавъ перстень изъ рукъ Педди; я сама вручу его синьорѣ!

— Что вы хотите дѣлать? съ безпокойствомъ спросила леди Б***.

— Не безпокойтесь, *signora rispettabile*, не безпокойтесь.... я вамъ вручу перстень когда буду имѣть честь раскланяться съ вами.

— Это ужъ не мое дѣло, равнодушно замѣтилъ капитанъ: дѣлайтесь между собой какъ знаете.... честь имѣю кланяться, миледи.... Прощай, любезная Маудленъ, лукавая кошка!...

Не отвѣчая ни слова, старушка взяла леди Б*** за руку, вышла съ нею въ переднюю и тамъ остановилась.

— Позвольте мнѣ, *eccellenza*, привязать къ шляпкѣ вашей этотъ воаль; это маленькая, необходимая предосторожность....

— Дѣлайте что хотите, только выведите меня по-скорѣе отсюда.

Старушка развернула кружевной воаль, подбитый шелковой матеріей и привязала его къ шляпкѣ леди Б***. Онѣ сошли съ лѣстницы и нѣсколько минутъ спустя леди Б***, слѣдуя за старушкой, которая вела ее за руку, очутилась въ той же самой каретѣ, которая привезла ее сюда. Старушка отвязала воаль, но сторы у оконъ были по-прежнему опущены.

Послѣ часу ѣзды, во время котораго графиня безпрестанно болтала, а леди Б*** не слушала, будучи погружена въ какое-то странное состояніе, карета остановилась. Старушка подняла сторы и сказала почтительно:

— Миледи, вы у вашего дому.... а вотъ и перстень.

Леди Б*** внезапно опомнившись, съ живостію схватила перстень, выскочила изъ кареты, безъ помощіи кучера, подававшего ей руку, и взбѣжала на лѣстницу.

— *Addio, eccellenza, addio!* кричала ей вслѣдъ графиня *.

Карета скоро уѣхала и нѣсколько минутъ спустя остановилась въ Вимпольской улицѣ, передъ домомъ подъ номеромъ девятымъ.

— Сейчасъ заложить мою карету, сказала старушка

* Это происшествіе — фактъ историческій.

груму, который вышелъ изъ дому, чтобы высадить ее: гдѣ племянница?

— Княгиня въ своемъ будоарѣ съ однимъ джентльменомъ.

— А!...

Старушка или графиня К***, или герцогиня де-Жевръ, или Маудленъ, какъ называлъ ее Педди, быстро взбѣжала по лѣстницѣ, къ покоямъ княгини де-Лонгвиль, но вмѣсто того, чтобы дойти до верху, она исчезла въ потаенную дверь, находившуюся на поворотѣ лѣстницы, въ самомъ темномъ углу ея и вступила въ узенькій корридоръ, на концѣ котораго была темная комнатка, съ окномъ, замаскированнымъ чернымъ лакомъ и выходящимъ въ будоаръ княгини де-Лонгвиль. Въ лакѣ было процарапано нѣсколько дырочекъ. Старушка приложила глазъ къ одной изъ нихъ и увидѣла на нѣсколько футовъ подъ собою Бріана Ленчестера и Сузанну, сидѣвшихъ на софѣ.

— Чудесно! проговорила она, потирая руки.

— Тсъ! произнесъ чей-то голосъ во мракѣ.

— А! вы здѣсь, милордъ?... Что говорятъ наши голубочки?

— Молчатъ, вздыхаютъ и смотрятъ другъ на друга.

— Это очень остроумно, возразила старушка смѣясь.

И точно, Сузанна и Бріанъ давно уже сидѣли вмѣстѣ, но едва помѣнялись нѣсколькими словами. Бріанъ сидѣлъ задумчивъ, какъ-бы уstraшенный властью, которую брала надъ нимъ любовь, только съ вечера поселившаяся въ его сердца; Сузанна была счастлива, довѣрчива; она забывала всѣ страданія свои и вполне предавалась блаженству настоящей минуты.

— Вы видѣли вчерашній поступокъ мой, сказалъ наконецъ Бріанъ: вы поняли меня и все-еще меня любите!

— Хотя бы вы были король или нищій, добродѣтельныйшій человекъ или преступникъ, я бы равно любила васъ, отвѣчала Сузанна: а безъ вашей любви я бы умерла!

— Я люблю васъ.... о! я пламенно люблю васъ! вскричалъ Бріанъ съ жаромъ, который рѣзко противорѣчилъ обыкновенному его холодному виду: я не хотѣлъ любить васъ.... я бѣднень.... я вступилъ въ безумную борьбу,

окончаніе которой ни въ какомъ случаѣ не будетъ радостно для меня.... Я несчастливъ....

— Бріанъ! вы благородны, вы великодушны!

Ленчестеръ печально улыбнулся.

— Мы будемъ несчастливы, Сузанна, сказалъ онъ: и я буду причиной вашего несчастія.... Эта мысль меня убиваетъ!... Слушайте, княгиня, вамъ извѣстна жизнь моя, вы знаете съ какимъ оружіемъ я нападаю на злѣйшаго врага, роднаго брата своего.... Теперь мнѣ остается открыть вамъ тайну.... единственную тайну мою....

Старая Француженка и тотъ, котораго она называла милордомъ, внимательно слушали.

— Я разорился, продолжалъ Бріанъ: до такой степени, что средства мои равняются съ средствами нищаго.

— Но вѣдь я богата, робко перервала Сузанна.

Ленчестеръ пожалъ руку Сузаннѣ и продолжалъ:

— Я бѣденъ, но живу какъ прилично жить джентльмену, хотя мнѣ давно уже перестали вѣрить въ долгъ.... Вы одиѣ узнаете.... вамъ одиѣмъ открою я тайну моего существованія.... Каждый мѣсяцъ, какой-то таинственный покровитель присылаетъ мнѣ сто фунтовъ стерлинговъ, какъ милостыню.... и, странная вещь!.... Я получилъ въ первый разъ деньги въ тотъ самый день, когда, совершенно разорившись, не зналъ, что мнѣ оставалось дѣлать на этомъ свѣтѣ!...

Бріанъ произнесъ послѣднія слова тихимъ голосомъ и съ грустью.

— Бріанъ, сказала Сузанна умоляющимъ голосомъ: не печальтесь!.... Боже мой! если бъ пожертвованіемъ жизни своей я могла возратить вамъ счастье. ... вы бы не знали болѣе страданій!.... Она схватила руки Ленчестера и судорожно прижала ихъ къ груди своей. Увы! продолжала она: чѣмъ могу я утѣшить васъ?.... Я могу дать вамъ любовь свою, Бріанъ, и она вся принадлежитъ вамъ!.... Одну частичку сердца своего удѣляю я той великодушной рукѣ, которая....

— О, ради Бога, замолчите! прервалъ ее Ленчестеръ, нахмуривъ брови: Я повѣрилъ вамъ тайну свою..... не

говорите объ ней даже мнѣ!.... Развѣ вы не знаете какъ ужасно дворянину принимать милостыню?

— Простите, робко произнесла Сузанна, опустивъ глаза: я обидѣла васъ.... но вы улыбаетесь..... благодарю! о, благодарю!....

— Вы видите, сказалъ Бріанъ послѣ нѣкотораго молчанія: мы не будемъ счастливы!

— Нѣтъ!.... Слушайте! вскричала вдругъ Сузанна съ выраженіемъ радости: вы не будете болѣе ни въ чемъ нуждаться..... Я могущественна!.... О, Бріанъ, въ первый разъ я счастлива богатствомъ своимъ!.... Вы открыли мнѣ вашу тайну..... выслушайте жъ мою!....

— Тиррель..... надо помѣшать ей! сказала Француженка своему товарищу.

— Бѣгите, Маудленъ, бѣгите! шопотомъ произнесъ Тиррель: она не должна говорить!.... И въ то же время онъ схватилъ обѣими руками стулъ и ударилъ имъ объ полъ.

Сузанна, испуганная этимъ шумомъ, поспѣшно встала въ одно время съ Бріаномъ. Разговоръ былъ прерванъ.

— Что это значитъ? спросилъ Ленчестеръ съ подозрѣніемъ.

Сузанна не успѣла еще отвѣчать, какъ герцогиня де-Жевръ вошла въ комнату.

— Милая племянница, сказала она, вѣжливо поклонившись Бріану: карета подана; я жду васъ.

Сузанна печально взглянула на Ленчестера, который раскланялся и удалился.

— Вы знаете, *ma sœur belle*, сказала старуха, когда Бріанъ ушелъ: чего отъ васъ требуютъ?... Надо молчать... непремѣнно молчать.... иначе вы лишитесь могущественныхъ покровителей и самъ сэръ Бріанъ Ленчестеръ....

— Зачѣмъ упоминаете вы объ немъ? гордо прервала ее Сузанна.

— Не сердитесь, душа моя..... Я говорю, что самъ сэръ Бріанъ лишится ста фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ.

— Какъ! вскричала Сузанна поблѣднѣвъ: вы знаете?...

— О! я все знаю! отвѣчала старуха полу-шутливымъ, полу-серіознымъ тономъ, и набросивъ шаль на плеча Су-

занины сошла съ нею съ лѣстницы. У крыльца ихъ ждала великолѣпная карета.

— Въ Кэстль-Стритъ, сказала герцогиня лакею, садясь въ карету.

Въ Кэстль-Стритъ жилъ Франкъ Персеваль.

—

Лордъ Джемсъ Треворъ получилъ письмо безъ подписи, содержаніе котораго сильно разстроило его.

— Бѣдная Мери! говорилъ онъ про-себя, прохаживаясь по аллеямъ своего маленькаго парка: я этого не ожидалъ отъ Франка!.... Впрочемъ, можно ли вѣрить письму безъ подписи?... Нельзя, рѣшительно нельзя!...—Однако жъ не-смотря на то, онъ безпрестанно перечитывалъ письмо. — Я замѣтилъ, продолжалъ онъ: что Франкъ былъ третьяго дня озабоченъ, разсѣянъ..... бѣдная Мери!.... Э, вздоръ, кто говоритъ правду, тотъ не скрывается; а кто не подписываетъ письма, тотъ клеветникъ!

Леди Кемпблъ подошла къ брату.

— Джемсъ, я хочу съ вами поговорить..... начала она.

— Чтò вамъ угодно? нетерпѣливо спросилъ лордъ Треворъ.

— Свадьба Мери.....

— Оставьте меня въ покоѣ! вскричалъ лордъ. И не говорите мнѣ о негодномъ Франкѣ: поведеніе его неприлично, непростительно!.... Неприлично до крайности, миледи!

— Отчего, братецъ?

— Отчего?.... Пожалуйста не заступайтесь за него!.... Я ничего слышать не хочу..... Я виѣ себя, я оскорбленъ!

— Но, милордъ.....

— Ничего слышать не хочу!

— Но наконецъ, братецъ.....

— Я не понимаю, какъ вы еще можете заступаться за Франка Персеваля.....

— Но я не заступаюсь за него, милордъ.

— А!.... Это другое дѣло!.... Чтò жъ вы мнѣ толкуете о свадьбѣ?

Леди Кемпблъ промолчала нѣсколько секундъ. Она ни-

какъ не ожидала, что дѣла примутъ такой счастливый, по ея мнѣнію, оборотъ.

— Милордъ, отвѣчала она таинственно, это секретъ.

— Не люблю секретовъ, миледи.

— Дурной поступокъ Франка, о которомъ вы говорите, заслуживаетъ наказаніе.....

— Наказаніе?... Э, полноте! Если разсудить хорошенько, такъ бѣдный Франкъ.....

— Фи, милордъ!.... вы въ одно и то же время обвиняете и защищаете Франка Персеваля..... Я сама люблю и уважаю его....

— Вздоръ! Онъ не достоинъ ни любви, ни уваженія!

— Можеть-быть, улыбаясь отвѣчала леди Кемпблъ: но чтобы не терять по-напрасно времени, я объясню вамъ дѣло въ двухъ словахъ: маркизь Рио-Санто проситъ руки вашей дочери, милордъ.

— Много чести! Я отказываю маркизу Рио-Санто въ рукѣ моей дочери.

— Но вы не подумали, братецъ.....

— Нечего думать!

— Но, по-крайней-мѣрѣ.....

— Вздоръ!

— Посовѣтуйтесь съ вашей дочерью.

— Зачѣмъ? спросилъ старикъ, нахмуривъ сѣдыя брови.

— Этого требуетъ приличіе, отвѣчала леди Кемпблъ; притомъ же, кто знаетъ.....

— Я не понимаю васъ, миледи.

— Чтѣ бы вы сказали, если бѣ дочь ваша любила маркиза?

Лордъ Треворъ отступилъ на шагъ. Жилы на лбу его налились кровью; кулаки судорожно сжались.....

— Дочь моя, миледи..... повторилъ онъ запинаясь: миссъ Мери Треворъ..... Этого не можеть быть!

— А между-тѣмъ оно такъ, милордъ.

— Такъ!.... Да знаете ли.... я вызову этого Рио-Санто на дуэль!.... Знаете ли вы это!

Лордъ Треворъ былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ, благородныхъ людей, для которыхъ отступить отъ даннаго слова казалось невозможностью. Одно только въ глазахъ

его могло оправдать измѣну Мери—измѣна самаго Франка. Но онъ уже не обвинялъ Франка, онъ сдѣлался ревностѣйшимъ защитникомъ его. Не продолжая разговора, онъ назвалъ сестру сумасшедшею и ушелъ отъ нея.

Ріо-Санто между-тѣмъ ждалъ въ будоарѣ леди Кемблѣ. Она рассказала ему о своей неудачной попыткѣ.

— И такъ мнѣ остается только навсегда удалиться отсюда! произнесъ съ грустью маркизъ.

— Не теряйте надежды..... подождите еще....

— Ждать! сказалъ маркизъ съ горькой усмѣшкой: не могу, миледи..... Я предложилъ миссъ Треворъ чистую, искреннюю любовь свою..... она отвергла ее.....

— Не она, а отецъ ея! Онъ сознается въ своемъ заблужденіи. Подождите, милордъ! Именемъ Мери, которая любить васъ, умоляю.....

— О! если бѣ я былъ увѣренъ въ любви ея! произнесъ со вздохомъ Ріо-Санто.

— Что бы вы сдѣлали?

— Что бы я сдѣлалъ, миледи! съ живостью вскричалъ маркизъ. Я забылъ бы ложный стыдъ.... Богъ мнѣ свидѣтель, что я заговорилъ бы только ради счастья миссъ Мери! Скажите, миледи, можетъ ли миссъ Треворъ дѣлать сердце супруга съ соперницей!

— Что вы говорите, милордъ!

— Франкъ Персеваль обманываетъ вашу племянницу; онъ влюбленъ въ женщину необыкновенной красоты....

— Правда, маркизъ, говорила леди Кемблѣ съ замѣшательствомъ: это обстоятельство очень важно, но.....

— Я понимаю васъ, миледи: вы хотите сказать, какой мужчина не бывалъ влюбленъ въ жизнь свою? Я самъ..... Ріо-Санто замолчалъ и впривѣвъ въ леди Кемблѣ взоръ, исполненный грусти, продолжалъ тихимъ голосомъ: я самъ былъ влюбленъ, но съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ миссъ Треворъ, сердце мое принадлежитъ ей одной!.... Персеваль привезъ эту женщину съ собою изъ Франціи въ то самое время, когда онъ воротился въ Лондонъ, что-бы жениться на миссъ Мери!

— Онъ привезъ ее изъ Франціи!

— Вы видѣли ее, миледи. Сэръ Франкъ возвратился

третьяго дня. Вчера въ первый разъ явилась въ Лондонѣ княгиня де-Лонгвиль.

— Правда! сказала леди Кембль: это не та ли чудная красавица, которую вы намъ вчера показали?

— Она.

— О, Франкъ, Франкъ!.... Я этого отъ него никакъ не ожидала.... но теперь падо не жаловаться, а дѣйствовать.... Благодарю васъ, милордъ, отъ имени племянницы.... Я пойду къ брату и все расскажу ему.... Подождите здѣсь, милордъ, я увѣрена, что вторая попытка моя будетъ успѣшнѣе.

Лордъ Джемеъ всё-еще прогуливался по аллеямъ парка, когда грумъ пришелъ доложить ему, что миссъ Мери желаетъ поговорить съ нимъ. Лордъ Треворъ засталъ дочь свою блѣдную, разстроенную; она громко рыдала, закрывъ лицо руками. Леди Кембль съ безпокойствомъ, можетъ-быть съ раскаяніемъ, старалась утѣшить ее.

— Смотрите, милордъ, вскричала она: вотъ что надѣлалъ вашъ Франкъ.... онъ недостойнымъ образомъ обманываетъ Мери, онъ влюбленъ въ другую женщину....

— Знаю, холодно отвѣчалъ лордъ Джемеъ, смявъ письмо, которое всё-еще было у него въ рукахъ.

— Племянница моя не любитъ его.... продолжала леди Кембль.

— Кто это вамъ сказалъ? спросила Мери, поднявъ голову.— Она перестала плакать. Глаза ея, раскрасившіеся отъ слезъ, блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. — Я люблю его, продолжала она: я долго находилась въ заблужденіи.... я была несчастна.... но теперь....

— Бѣдное дитя! проговорила леди Кембль съ состраданіемъ: это бредъ горячки.

Лордъ Треворъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать.

— Теперь его хотятъ оклеветать! продолжала Мери: говорятъ, что онъ любитъ другую.... о! это ужасно.... клеветать на раненнаго, на умирающаго!

— Умирающаго! повторилъ лордъ Треворъ: это что значитъ?

— Франкъ Персеваль дрался на дуэли, отвѣчала леди Кембль съ замѣшательствомъ.

— Я хочу его видѣть, батюшка! продолжала Мери: свезите меня къ нему.... мы обличимъ клеветниковъ.... Франкъ! мой добрый, благородный Франкъ!... ахъ! какъ я страдала!...

Лордъ Треворъ позвонилъ.

— Карету, сказалъ онъ: скорѣй!... Успокойся, Мери, я поѣду къ Персевалю....

— И я съ вами!

— Ты?...—Лордъ Треворъ посмотрѣлъ на сестру.—Все это чрезвычайно подозрительно.... проворчалъ онъ сквозь зубы.—Одѣвайся, Мери, я возьму тебя съ собою.

Мери съ чувствомъ поцѣловала руку отца.

Леди Кемпблъ пожала плечами, проворчала что-то о приличіяхъ, воротилась къ Рио-Сапто и рассказала ему о вторичной неудачѣ. Но маркизь былъ спокоенъ.

— Я подожду здѣсь возвращенія лорда Тревора, сказалъ онъ съ коварной улыбкой: и мы увидимъ, на чьей сторонѣ останется побѣда.

Карета лорда Тревора подъѣзжала къ Додлей-гоузу, возлѣ котораго недавно остановилась карета княгини де-Лонгвиль.

— Выходите, выходите! говорила герцогиня де-Жевръ своей племянницѣ, увидавъ экипажъ лорда Тревора.—Ступайте по этой лѣстницѣ вверхъ, постучитесь и вы встрѣтите человѣка, который скажетъ вамъ что дѣлать.

Сузанна повиновалась. Герцогиня де-Жевръ уѣхала. Въ то же время экипажъ лорда Тревора остановился у Додлей-гоуза. Мери видѣла Сузанну; она крѣпко сжала руку отца.

— Батюшка! сказала она задыхающимся голосомъ: эта женщина....

— Какая женщина?

Мери указала на Сузанну, которая всходила по крыльцу.

— Ахъ, чортъ возьми!... проворчалъ лордъ Джемсъ: ты спрашиваешь, кто эта женщина? Не знаю.

— А я знаю ее! глухо произнесла миссъ Мери, между тѣмъ какъ щеки ея покрылись опять смертною блѣдностью. Она дрожала. Отецъ раскаялся, что взялъ ее съ собою.

— Полно беспокоиться! сказалъ онъ, стараясь скрыть волненіе свое подъ безпечнымъ видомъ; потомъ прибавилъ: О, Франкъ, злодѣй, варваръ!

— Я не беспокоюсь, милордъ, отвѣчалъ Мери съ усміемъ: — нисколько.... но карета остановилась.... сойдемте....

— Дочь моя, возразилъ отецъ ласково, но съ твердостью: я поступилъ безразсудно.... я не долженъ былъ брать тебя съ собою; останься здѣсь, Мери.... я одинъ увидаюсь съ Франкомъ.

— Я привыкла повиноваться вамъ, батюшка, отвѣчала Мери: но, ради Бога! исполните просьбу мою; общайтесь сказать мнѣ...—Она замолчала на минуту и крѣпко прижала руку къ сердцу. — Общайтесь сказать мнѣ откровенно, имѣетъ ли эта женщина право стать между мною и Персевалемъ.

— Общаю, отвѣчалъ лордъ Джемсъ.

— Честное слово?

— Честное слово.

У изголовья Франка Персеваля сидѣлъ несчастный слѣпецъ, сэръ Эдмондъ Мекензі. Стѣфенъ, не отходявшій отъ постели больного, воспользовался присутствіемъ добраго и услужливаго сэръ Эдмонда, чтобы сходить повидаться съ матерью.

Франкъ спалъ. Старый Джекъ занимался чѣмъ-то въ передней, и услышавъ, что кто-то стучался, отворилъ дверь.

— Сэръ Франкъ Персеваль? спросила войдя Сузанна.

— Его нельзя видѣть, миледи, отвѣчалъ Джекъ.

— Онъ боленъ, возразила Сузанна, съ отвращеніемъ повторяя заученный урокъ: я это знаю, и пришла по порученію мистера Макъ-Наба. Онъ разсудилъ, что поступилъ неосторожно, оставивъ больного съ человѣкомъ, лишеннымъ зрѣнія.

— Добрый мистеръ Стѣфенъ! произнесъ старый Джекъ съ чувствомъ: извините, миссъ, но вы, вѣроятно, одна изъ кузинъ мистера Макъ-Наба, дочь сэра Эндруса Макъ-Ферлэна... Потрудитесь войти сюда, миледи, и да хранитъ васъ Господь за участіе, которое вы принимаете въ моемъ господинѣ!

Сузанна послѣшше вошла въ комнату, и встрѣтилась съ слѣпцомъ Тиррелемъ. Несмотря на то, что она въ первый разъ видѣла его при дневномъ свѣтѣ, Сузанна тотчасъ узнала его.

— Слѣпецъ ввернулъ въ нее неподвижные и мутные глаза свои.

— Кто тамъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Та, которую вы ожидаете, отвѣчала Сузанна.

— Дочь моя, сказалъ слѣпецъ, взявъ руку молодой дѣвушки и еще болѣе понизивъ голосъ: исполни, что я тебѣ прикажу или ты погибнешь!

— Вѣчно угрозы! прервала его Сузанна.

— Теперь угрожать можно, потому что ты счастлива! возразилъ слѣпецъ, добродушно улыбаясь: теперь ты не бросаешься въ Темзу... а, кстати, ты была сегодня осторожна, ты чуть не погубила себя и Ленчестера.

— Какъ!... произошла Сузанна съ ужасомъ: вы знаете?...

— Я все знаю!... берегись и будь осторожнѣй!... Стъ!

Послышался стукъ у входа: Тиррель подвелъ Сузанну къ постели больного.

— Сюда сейчасъ войдетъ мужчина, сказалъ онъ шопотомъ: въ то самое время, какъ онъ отворитъ дверь, ты исполнишь, что тебѣ приказано....

Лордъ Треворъ явился на порогъ и увидѣвъ Сузанну, остановился.

— Исполни! шепнулъ Тиррель.

Сузанна поблѣднѣла и не трогалась.

— Исполни!... или Ленчестеръ будетъ потерянъ для тебя!

Слезы брызнули изъ глазъ Сузанны.... она наклонилась и поцѣловала Персевала въ лобъ.

Жалобный стонъ вырвался изъ груди лорда Джемса.

— Кто тамъ? спросилъ слѣпецъ.

Вмѣсто отвѣту лордъ Треворъ послѣшше сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Ты можешь идти, шепнулъ Тиррель на-ухо Сузаннѣ. Благодарю.

Сузанна удалилась; поцѣлуи ся разбудилъ Франка.... Ему,

какъ-бы во снѣ, представилась строгая физиономія лорда Тревора и очаровательное лицо дѣвушки.... но когда онъ совершенно пришелъ въ себя, то увидѣлъ у изголовья своего, одного добраго сэра Эдмонда Мекензія.

— Что это значитъ? произнесъ онъ слабымъ голосомъ... мнѣ показалось, что здѣсь былъ лордъ Треворъ.... и молодая женщина.... только не Мери!

— Любезный Франкъ, отвѣчалъ бѣдный Эдмондъ со вздохомъ: я слышалъ чьи-то шаги въ комнатѣ, но вѣдь вы знаете, я слѣпъ....

— Позовите Джека, сэръ! прервалъ его Франкъ.

Старый слуга вошелъ.

— Кто здѣсь былъ? спросилъ Франкъ съ безпокойствомъ.

— А вы не узнали его? Тѣ-то я думалъ, что сдѣлалось съ лордомъ Треворомъ, что онъ ушелъ такой сердитый....

— Лордъ Треворъ! повторилъ Франкъ.

— Точно такъ, сэръ; онъ сейчасъ ушелъ, сказавъ, что жюга его здѣсь больше не будетъ.

— А! произнесъ Франкъ приподнявшись.

— И молоденькая миссъ тоже ушла не совсѣмъ довольная....

— Какая миссъ?... о комъ говоришь ты?..

— О кузинѣ мистера Стѣфена.

— А!... произнесъ Франкъ успокоившись.

— Да вотъ и самъ мистеръ Макъ-Набъ....

Стѣфенъ вошелъ. Онъ видѣлъ своихъ кузинъ дома. Онѣ не выходили.

— Боже мой! Боже мой! произнесъ Франкъ. Что же это значитъ? Тутъ была женщина.... лордъ Треворъ видѣлъ ее.... и сказалъ.... Онъ не договорилъ и безъ чувствъ опустился на подушки.

— Что жъ это за женщина? ворчалъ старый Джекъ:— сэръ Эдмондъ.... ахъ, вѣдь онъ слѣпъ! Онъ ничего не видѣлъ!

Стѣфенъ совершенно терлся въ догадкахъ. Кто была эта женщина? Кѣмъ прислана?... Не было ли это второе дѣйствіе трагедіи, въ которой докторъ Муръ и помощникъ его Рюлей, сыгнали первыя сцены?

— Сэръ Эдмондъ, сказалъ онъ наконецъ: Франкъ приходитъ въ себя.... извините.... мнѣ надо переговорить съ нимъ наединѣ....

— Я уйду, мистеръ Макъ-Набъ, отвѣчалъ слѣпой. Я хотѣлъ оказать услугу, сказалъ онъ съ такою искреннею грустью, что Стѣфенъ былъ тронутъ: но сегодня, какъ и почти всегда, присутствіе мое было болѣе вредно, нежели полезно.... Да сохранить васъ Господь отъ подобной бѣдственной судьбы, мистеръ Макъ-Набъ!

Стѣфенъ молча пожалъ ему руку. Сэръ Эдмондъ вышелъ въ сопровожденіи стараго Джека, который довель его до улицы и нанялъ извозчика.

Когда Франкъ пришелъ въ себя, по сторонамъ постели его стояли Стѣфенъ и леди Офелія, которую молодой докторъ удерживалъ.

— Другъ мой, сказалъ Стѣфенъ, пощупавъ пульсъ его: вы еще очень, очень слабы, и я, какъ докторъ, не могъ бы позволить вамъ вступить въ разговоръ, которой произведетъ на васъ слишкомъ сильное впечатлѣніе. Но тутъ дѣло идетъ о счастіи жизни вашей; докторъ долженъ уступить мѣсто другу.... Слушайте. Вы сдѣлались жертвой ужаснаго заговора.

— Да помню, сказалъ Франкъ жалобнымъ голосомъ: слѣдовательно; это былъ не сонъ?...

— Нѣтъ, возразилъ Стѣфенъ съ твердостью. Чтò вы видѣли, происходило на-яву. Между вами и миссъ Мери Треворъ теперь преграда....

— Отецъ ея... единственная надежда моя! проговорилъ Персеваль.

— Мужайтесь, другъ!... Развѣ изъ самыхъ словъ моихъ вы не понимаете, что у меня есть средство помочь вамъ?.. Надѣйтесь.... графиня Дѣрби здѣсь, она вамъ все расскажетъ....

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ, вскричала леди Офелія; нѣтъ.... Эта тайна не моя... умоляю васъ... позвольте мнѣ удалиться....

Стѣфенъ посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ.

— Неужели вы пришли сюда, миледи, сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой: чтобы любоваться страданіями Франка?

Упрекъ Стѣфена подѣйствовалъ на графиню. Она съѣла къ постели больного и гордо посмотрѣвъ на доктора, сказала послѣ минутнаго молчанія:

— Сэръ, я хочу говорить съ Франкомъ Персевалемъ, а не съ вами; прошу васъ оставить насъ однихъ....

Стѣфенъ далъ больному вышить ложку лекарства, и съ признательностью поклонившись графинѣ, вышелъ. Леди Офелія долго колебалась, но наконецъ прерывающимся и едва слышнымъ голосомъ стала рассказывать исторію, въ которой часто произносила имя маркиза де-Рю-Санто.

Франкъ слушалъ.... казалось, удвоенное вниманіе возвратило ему силы....

— И этотъ человѣкъ хочетъ жениться на Мери! вскричалъ онъ, когда графиня кончила.

Офелія взяла руку его. Глаза ея были полны слезъ.

— Франкъ, сказала она тихимъ голосомъ: вы теперь имѣете власть надъ маркизомъ... не употребите ее во зло... не забывайте, что вы обѣщали мнѣ и... что я люблю его... Графиня произнесла послѣднія слова съ усиленіемъ; краска выступила на щекахъ ея... и не дожидаясь отвѣту, она встала и поспѣшно удалилась.

— Стѣфенъ! вскричалъ Франкъ; чернила, бумаги!... Позовите Джека... о, не всё-еще потеряно!.. Испытаю послѣднее средство!...

Джекъ скорѣй принесъ чернила, перья и бумагу.

— Вы будете диктовать мнѣ, Франкъ? спросилъ Стѣфенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ онъ съ живостью: я уже сказалъ вамъ, что это послѣднее средство... послѣдняя надежда моя....

— Послѣдняя надежда! съ горестью повторилъ старый слуга.

— Я хочу испытать судьбу! вскричалъ Франкъ, болѣе и болѣе разгорячаясь: если мнѣ и теперь не удастся.... тогда я погибъ!

Стѣфенъ молчалъ. Старый Джекъ покачалъ головой и поднялъ къ небу глаза, омоченныя слезами. Между-тѣмъ Франкъ писалъ съ лихорадочною живостью. Кончивъ, онъ отдалъ письмо Джеку и сказалъ:

— Лорду Тревору, въ собственныя руки; слышишь?

— Слышу, сэръ.

— Хоть бы ты насильно долженъ былъ пробраться въ кабинетъ его!...

— Я не возвращусь прежде, пока лично не вручу письмо лорду Тревору. Вы приказали — я исполню, отвѣчалъ Джекъ.

Лордъ Джемсъ Треворъ въ бѣшенствѣ воротился къ своему экипажу. Опъ сначала ничего не хотѣлъ отвѣчать на вопросы дочери; но Мери напомнила ему, что онъ дагъ честное слово.

— Видѣлъ! вскричалъ старый лордъ съ негодованіемъ: видѣлъ собственными глазами!... Франкъ измѣнилъ тебѣ, дочь моя!

Мери приготовилась уже къ своему несчастію — несмотря на то, слова отца поразили ее въ самое сердце. Она опустила на подушки кареты и не произнесла болѣе ни слова.... только изрѣдка грудь ея облегчалась глубокимъ вздохомъ.

Леди Кемпблъ и маркизь Рио-Санто ждали въ гостиной.

— Милордъ, сказалъ лордъ Джемсъ, обратившись къ маркизу: я отказалъ вамъ сегодня утромъ въ рукѣ дочери, потому что она была обѣщана другому. Но этотъ человекъ, котораго я, откровенно сказать, предпочитаю вамъ, маркизь, измѣнилъ слову своему, слѣдовательно... Лордъ Джемсъ замолчалъ....

— Чтò я вамъ говорила, маркизь? вскричала леди Кемпблъ: братъ мой старый солдатъ, комплименты котораго иногда очень страшны, но вы видите, что онъ наконецъ соглашается....

— Итъ еще!... дочь моя свободна... пусть она сама выбираетъ себѣ мужа и да благословитъ ее Господь!

Мери, не говоря ни слова, сидѣла возлѣ тѣтушки.

— Чтò же, моя милая?... спросила послѣдняя.

Мери посмотрѣла на нее.... невольный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу молодой дѣвушки и она залилась слезами.

— О! произнесла она, какъ я любила! Тѣтушка, прибавила она, опустивъ голову на руки леди Кемпблъ: скажите мнѣ, убѣдите меня, что я его больше не люблю!

Леди Кемблль была видимо смущена. Лицо Рио-Санто было мрачно.

— Мери, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, наклонившись къ молодой дѣвушкѣ:—неужели я ошибался!... вы меня не любите!

Миссъ Треворъ подняла глаза и протянула руку. Рио-Санто схватилъ ее и страстно прижалъ къ губамъ своимъ.

— Для меня прошедшее уже не существуетъ, сказала она съ усиленіемъ: я хочу любить васъ, милордъ.... любить васъ однихъ.... Я хочу!

— Наконецъ! произнесла леди Кемблль, съ радостью поцѣловавъ племянницу.

Лордъ Треворъ подавъ руку маркизу и сказалъ:

— Мери рѣшила, милордъ: рука ея принадлежитъ вамъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Ланси лорда Джемса не хотѣли впустить челоуѣка, который насильно рвался въ залу.

— Давай сюда письмо, говорилъ грумъ; я отдамъ его милорду.

— Я самъ отдамъ! отвѣчалъ кто-то рѣшительно.

Дверь открылась и старій Джекъ, запыхавшись и отгаливая двухъ грумовъ, удерживавшихъ его, ворвался въ комнату.

Лордъ Треворъ узналъ его и отвернулся.

— Письмо къ вамъ, милордъ, отъ господина моего, сказалъ старій слуга; но видя, что милордъ не хотѣлъ и смотрѣть на него, онъ продолжалъ: — Возьмите, милордъ, именемъ Бога умоляю васъ!... господинъ мой умраеть!...

— Я не знаю и знать не хочу твоего господина, строго отвѣчалъ лордъ.

Рио-Санто слегка поблѣднѣлъ при видѣ стараго слуги, но послѣднія слова Тревора возвратили ему все спокойствіе духа.

— Сжальтесь, милордъ!... произнесъ умоляющимъ голосомъ слуга.

Лордъ Треворъ взялъ письмо и разорвалъ его, не посмотрѣвъ даже на адрессъ.

Джекъ стоялъ какъ-бы громомъ пораженный. Глаза его сверкали.... спина его выпрямилась.... но это продолжа-

лось только минуту; голова его печально опустилась, и, бросив на лорда взоръ, исполненный грустнаго упреку, онъ произнесъ медленно и съ невыразимою горестью:

— Это была послѣдняя надежда его!.. Теперь ему остается только умереть.

Цѣлое утро по тротоарамъ Корнгильской Площади прохаживался человекъ въ костюмѣ шотландскихъ горцевъ. Это былъ, вѣроятно, бѣднякъ, недавно прибывшій въ Лондонъ и заблудившійся въ лабиринтъ огромной столицы. Онъ былъ озабоченъ и, по временамъ, нетерпѣливо топалъ ногою, не спуская глазъ съ дому мистриссъ Макъ-Набъ.

Около трехъ часовъ по полудни, Стѣфенъ, оставивъ при больномъ неотвязнаго сэра Эдмонда Мекензи, пришелъ повидаться съ матерью. Завидѣвъ его, Шотландецъ быстро поверотилъ въ Финчъ-Лэнскую улицу.

— Вотъ тебѣ на! проворчалъ онъ сердито: теперь еще этотъ молокососъ воротился!... Этого только недоставало!... Ужъ наступаетъ вечеръ, а я всё-еще ни до чего не добился....

Прошло около часу. Дверь чистенькаго, бѣлаго домика опять отворилась и Стѣфенъ вышелъ вмѣстѣ съ матерью.

Глаза Шотландца засверкали радостью.... онъ потрясъ бѣлокурой гривой и сталъ потирать руки. Когда Стѣфенъ исчезъ съ матерью въ толпѣ, Шотландецъ пошелъ къ дому и постучался.

— Чтò тебѣ надо? спросила служанка, отворивъ дверь.

— Меня прислалъ господинъ мой съ поклономъ къ барышнямъ; отвѣчалъ Шотландецъ громкимъ голосомъ.

— Какой господинъ?

— Какой господинъ! повторилъ онъ еще громче: вѣстимо какой! нашъ лордъ Энджусъ Макъ-Ферлэнъ, владѣлецъ Кръювскаго замка!

Дѣвушки услышали послѣднія слова Шотландца и выбѣжали на лѣстницу. Этого только ему и хотѣлось. Лицо его на минуту освѣтлось звѣрскою радостью... несмотря на бѣлокурый, длиноволосый парикъ и шотландскій ко-

стномъ, читатели, вѣрно, узнали бы въ этомъ человѣкѣ — Бобъ-Лантерна.

— Папенька! вскричала Клара: посланный отъ папеньки!... Бетси, введи его къ намъ!

— Ахъ, Господи, Боже мой! произнесъ Бобъ радостно, оставшись наединѣ съ молодыми дѣвушками: да какъ вы, барышни, выросли, похорошѣли!... Добрая жена моя, Эффи, не узнала бы васъ, хоть и вскормила обѣихъ!

— Эффи! отвѣчала Анна, добрая кормилица наша!... Неужели ты мужъ ея, фермеръ Дунканъ Лидъ?

— Мужъ доброй нашей Эффи! прибавила Клара.

— Конечно, барышни, возразилъ Бобъ простодушно: вы помните еще мою толстую Эффи, которая убаюкивала васъ пѣсней рыбаковъ? Помните пѣсню рыбаковъ?

— Какъ не помнить! сказала Анна со слезами на глазахъ: о! мы хорошо помнимъ милую нашу Шотландію!

— Но какъ ты перемѣнился, Дунканъ! сказала Клара съ изумленіемъ.

Бобъ утеръ глаза.

— Какъ я радъ, что вижу васъ! сказалъ онъ вмѣсто отвѣту и съ глубокимъ вздохомъ: какъ обрадуется моя старуха!

— А что дѣлаетъ дочь твоя, Эльспетъ?

— Эльспетъ! повторилъ Бобъ съ выраженіемъ глубокой горести: бѣдняжка!... вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ мы ее похоронили.... Онъ опять утеръ глаза и продолжалъ: но я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы по-пустому терять время.... васъ ждетъ отецъ вашъ....

— Батюшка! прервала его Клара: развѣ онъ въ Лондонѣ? Мы увидимъ его?

— Когда вамъ угодно будетъ; только.... и Бобъ осторожно осмотрѣлся: не подслушиваетъ ли кто?

— К чему эта предосторожность? спросила Клара.

— Извольте видѣть, барышни.... батюшка вашъ не любить, чтобы его много спрашивали; онъ сказалъ мнѣ: берегись!... Я и берегусь. Вотъ и все.— Лицо Боба было наивно простодушно.

— Но гдѣ же батюшка? спросили вмѣстѣ молодыя дѣвушки.

Бобъ еще разъ осторожно осматривая и приближаясь къ молодымъ дѣвушкамъ, шепнулъ имъ:

— Онъ здѣсь!.... но дѣламъ..... справляется.... идетъ васъ. Но тсъ! ни слова! Дѣло идетъ о свободѣ, можешь-быть, о его жизни!

Сестры несколько вскрикнули.

— Бога ради, тше: черезъ четверть часа я пришло за вами коляску.... будьте готовы.

— О жизни его! произнесла Клара.

— Я, быть-можетъ, и ошибаюсь, но дѣла никакъ герда чрезвычайно запуганы!.... Во всякомъ случаѣ, вы сами увидите его, и онъ, вѣроятно, расскажетъ вамъ все дѣло.... Прощайте, миссъ Клара; прощайте, миссъ Анна!... Черезъ десять минутъ я пришло коляску, только не повторите ни слова.... никому.... никому!....

Бобъ приложилъ палецъ къ рту съ таинственнымъ видомъ; потомъ внезапно лицо его приняло презрительное-простодушное выраженіе и кивнувъ головою молодымъ дѣвушкамъ, онъ ушелъ.

Анна и Клара въ молчаніи смотрѣли одна на другую.

— Какъ онъ перемѣнился! сказала Клара послѣ нѣкотораго молчанія.

— Но мы такъ давно не видали его! возразила Анна.

— Онъ прежде былъ выше и не такъ толстъ....

— Дунканъ, кажется, ниже, потому что потолстѣлъ, дѣлѣрчиво отвѣчала Анна: какое счастье, Клара, мы увидимъ навѣнку!....

— Да.... да.... Прежде у него не было этого страннаго взгляду....

— Бѣдная Эльспетъ! проговорила Анна со вздохомъ: грустно умереть въ эти лѣта!

— Да.... бѣдная Эльспетъ! машинально потерла Клара.... Но точно ли этотъ человекъ Дунканъ Лидъ?

Анна засмѣялась.

— Носпѣшимъ, сестрица, сказала она: сейчасъ придетъ коляска....

Клара не трогалась. Анна подошла къ ней и опустила прелестную головку свою на плеча ея.

— Клара, сказала она съ нѣжностью: насъ идетъ да-

нищен... а помнишь ли, ты вчера обещала мнѣ погово- рить съ нимъ?

— Я вѣчно интеллигентна.... сказала Клара, поцѣловать сестру: но теперь я благоразумнѣе.... добрый Дунюшъ очень бы удивился, если бы могъ узнать, что я прижималась къ тебѣ....

— За кого, сестрица?

— Глуцость! весело отвѣчала Клара. Одывайся, Анна, мы поговоримъ съ папашей о Стѣсень, неправда ли?... Ты будешь счастлива, очень счастлива!... Стѣсень полюбитъ тебя.... Да и можно ли не любить тебя? прибавила она, прижавъ голову сестры къ груди своей: ты такъ добра, такъ мила, сестрица!... Съ-тѣхъ-поръ, какъ надеж- да оставила меня, я молюсь только за тебя....

Клара замолчала. Улыбка исчезла съ лица Анны... она съ грустью смотрѣла на сестру....

— Надежда оставила тебя! повторила она: ты не откровенна со мною....

— Не откровенна? возразила Клара, насильно улыбаясь: мнѣ нечего скрывать отъ тебя.... Только та, которая лю- битъ, знаетъ тайны, а я не люблю.... никого.....

Тоалетъ молодыхъ дѣвушекъ былъ конченъ. Клара шла съ собою съотличны перчатки, которыми она сама свя- зала для отца, а Анна кисетъ, вышитый для него же.... потомъ, нѣкѣмъ не замѣченныя, онѣ вышли изъ дому.

Полчаса спустя, коляска, въ которую сѣли молодые дѣ- вушки, подвезла ихъ къ гостинницѣ мистера Груфа, съ которымъ читатели познакомились въ самомъ началѣ на- шего разказа.

Мистеръ и мистриссъ Груфъ были, безспорно, созданы другъ для друга, если предположить, что теорія контра- товъ есть именно тотъ законъ, которымъ все въ мирѣ управляется.

Мистеръ Груфъ былъ маленький, краснолицый тол- стякъ; съ рыжими бровями; вѣчно сердитый и гру- бый. Мистриссъ Груфъ была высокая, худощавая, жел- толицая женщина, которая всегда улыбалась.... она бра- нилась только съ мужемъ, у котораго лицо проеждалось только для жены.

Почтенные супруги вышли на встречу къ молодымъ дѣвушкамъ.

— Вы, вѣроятно, дочери почтеннаго лорда? спросилъ хозяинъ: потрудитесь войти, барышни; мы сейчасъ проводимъ васъ въ его комнату.

— Счастливъ долженъ быть отецъ, у котораго такія прелестныя дочери, прибавила хозяйка улыбаясь: потрудитесь войти, миссъ; я сама провожу васъ.

Сестры послѣдовали за хозяйкой въ обширную комнату, въ первомъ этажѣ, запыленные окна которой выходили на Темзу. Посреди этой комнаты стоялъ столъ, накрытый на три прибора.

— Батюшка вашъ вышелъ, сказала мистриссъ Груффъ съ любезностью: у него столько дѣлъ!... Но минулъ черезъ десять онъ будетъ здѣсь.

— Мы подождемъ, сказала Клара.

Анна смотрѣла съ дѣтскою боязнью на высокія, свирпыя стѣны и на запыленные окна.

Мистриссъ Груффъ ушла, почтительно раскланявшись. Сойдя въ нижнюю комнату, она нашла тамъ мужа, который разговаривалъ съ Бобъ-Лантерномъ. Послѣдній уже перемѣнилъ костюмъ свой.

— Мистриссъ, сказалъ онъ хозяйкѣ: вѣрнѣе вамъ этихъ двухъ штатекъ... позаботьтесь объ нихъ....

— Здѣсь обо всѣхъ равно заботятся, грубо отвѣчалъ хозяинъ.

— Другъ мой, ласково сказала ему жена: замолчи!... Что же касается до вашихъ штатекъ, мистеръ Бобъ, то будьте покойны.... Съ собой ли у васъ водичка?

Бобъ вынулъ изъ кармана стеклянку, которую далъ ему буржеръ Бишонъ и отдалъ ее хозяйкѣ, сказавъ съ улыбкой:

— Три капельки, мистриссъ, не болѣе и не менѣе!

— Знаю, мистеръ Бобъ.

— Я подѣду на лодкѣ къ люку, продолжалъ Лантернъ: смотрите, мистеръ Груффъ, спускайте осторожнѣе; я долженъ представить товаръ свой въ цѣлости и исправности, какъ говорить мошенникъ Патерсонъ.

Анна и Клара разговаривали сначала объ отцѣ, потомъ

«Стелень.... но время проходило. Вечерній вѣтеръ шумѣлъ въ трубѣ. По временамъ сквозь окна виднѣлись черныя полосы дыму пароходовъ. Слышался однообразный крикъ лодочниковъ и матросовъ, поднимающихъ или опускающихъ паруса. Все это смѣшивалось съ глухимъ гуломъ тысячи экипажей, развѣжавшихъ по всѣмъ направленіямъ Лондона. Молодыя дѣвушкамъ стало грустно.

Комната, въ которой онѣ находились, была обширна. Большая кровать съ задернутыми занавѣсками, нѣсколько стульевъ, накрытый столъ и старинное бюро составляли всю ея меблировку. Темнѣло.

— Клара! сказала тихимъ голосомъ Анна. Странно, какъ эта комната мрачна и сыра!.... Должно быть уже поздно.... Ты правду говорила, Клара, что человекъ, разговаривавшій съ нами, не похожъ на добраго Дункана!

— Но ты прежде смѣялась надъ моими опасеніями! сказала Клара улыбаясь.

— Я не знаю... но Дунканъ не смотрѣлъ изъ-подлобья... Увидимъ отсюда, Клара!

— Но папенька скоро прійдетъ!... Успокойся, Анна...

— Миѣ страшно, Клара; миѣ никогда не было такъ страшно!

Дверь отворилась. Мистриссъ Груффъ вошла съ большою миской супу; за нею слѣдовалъ почтенный мужъ ея со свѣчою въ одной, и кружкой шотландскаго элю въ другой рукѣ.

— Вы, вѣроятно, соскучились, барышни, сказала съ пріятной улыбкой хозяйка. И въ самомъ дѣлѣ, почтенный лордъ что-то замѣшкался. Это удивительно.

— Удивительно! проворчалъ хозяинъ.

— Другъ мой, съ нѣжностью сказала мистриссъ Груффъ: молчи, поставь кружку и свѣчку на столъ, и убирайся вонъ!

Мужъ въ три приема исполнилъ приказаніе жены.

— Развеселитесь, барышни, сказала весело хозяйка: батюшка вашъ вѣрно сейчасъ прійдетъ... а вы между-тѣмъ покушайте....

Клара сдѣлала головою отрицательный знакъ.

— Такъ отвѣдайте шотландскаго элю, мнесь! продол-

жала хозяйка, наполнив стаканы: батюшка вашъ очень жальбитъ его.... попробуйте, миссъ!

— Мы подождемъ папеньки, рѣшительно отвѣчала Клара.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала хозяйка и улыбающийся ротъ ея открылъ рядъ зубовъ, стертитальной желтизны: но увѣряю васъ, вѣль отличный!— Мистриссъ Груссъ пошла и вышла, но за дверьми остановилась и приложила глазъ къ замочной скважинѣ.

Ласковая улыбка и любезность хозяйки нѣсколько разсѣяли страхъ Анны. Видъ комнаты уже не устремлялъ ея наружный шумъ не нугалъ балѣ ея воображенія. Но зато на лицѣ Клары выразилось безпокойство. Она не долѣла лицемѣрнымъ ласкамъ хозяйки.

— Зачѣмъ ты обещалась такъ холодно съ этой доброй женщиной? сказала Анна: она такъ любезна и такъ нѣжлива!.... Я уже не боюсь.... Теперь я могу спокойно ждать до полуночи.

— До полуночи! повторила Клара, нахмуривъ нѣсколько брови: Боже сохрани!... Развѣ ты не замѣтила странныхъ взглядовъ этой женщины?

— Странныхъ?... Нѣтъ, напротивъ.... она очень любезна....

— Улыбка ея произвела на меня непріятное впечатлѣніе, сказала Клара тихимъ голосомъ.

— Меня эта улыбка успокоила.... но какъ ты блѣдна... печальна?... Ты не спокойна, что съ тобой?... Бѣдная Анна со страхомъ прижалась къ сестрѣ: я было-успокоилась, а ты опять напугала меня.

Клара посмотрѣла на сестру и принужденно улыбалась, сказала:

— Папенька скоро придетъ.

— О, да! папенька, добрый нашъ папенька! Мы увидимъ его, будемъ говорить съ нимъ....

— О Стѣфенъ?

Анна поирасила.

— О, ты будешь счастлива, Анна! произнесла Клара со вздохомъ: но какъ долго папенька найдетъ!

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ безпо-

показалось, что Анна повольно прижалась къ сестрѣ, и положила голову на плечо ея. Замѣтивъ болѣзнь Анны, Клара взяла ея руки и старалась ободриться, сказала:

— Какая ты грусиха! Я только хотѣла испытать тебя, пошмыгаться надъ тобою.... Чего намъ бояться? Мы здѣсь въ безопасности.... Какъ руки твои горятъ....

— Мнѣ бы хотѣлось выпить стаканъ воды, отвѣчала Анна, и вдругъ, взглянувъ на кружку элю, цѣна котораго мало-по-малу садилась, она вскричала: Клара! выпьемъ стаканъ элю за здоровье папеньки!.... и разомъ выпила пол-стакана.

За дверью послышался легкій шорохъ.

— Прекрасный эль! продолжала Анна: что же ты не пьешь, Клара! Вѣдь это за здоровье папеньки!.... Клара поднесла стаканъ къ губамъ своимъ.

Въ корридорѣ явственно раздался шумъ удалявшихся шаговъ. Мистриссъ Груффъ поспѣшно сбѣжала внизъ.

— Выпили! обѣ выпили! вскричала она, схвативъ за руку мужа, храпѣвшаго передъ каминомъ: обѣ пили!

— Что такое? что случилось? спросилъ мистеръ Груффъ, протирая глаза.

— Что случилось, бесполезный и глупый мѣшокъ, глѣнтай, что случилось? Дочери лерда напились водицы мистера Боба.

— Напились, дружочекъ?

— Напились, и спокойно будутъ ожидать лерда, который охотится теперь гдѣ-нибудь въ шотландскихъ горахъ!

— Теперь охотится поздно, проворчалъ мужъ.

— Поздно или рано, но дѣло въ томъ, что пока дочка жалуется, отецъ въ двухъ стахъ миляхъ отъ....

Въ это самое время дверь съ шумомъ растворилась и мужчина, закутанный въ шотландскій плащъ, вошелъ въ комнату.

Мистриссъ Груффъ не договорила фразы своей и какъ грохочъ пораженная упала на скамью.

— Лердъ! прошептала она съ ужасомъ: самъ чертъ пришелъ его сюда!....

Человѣку, вошедшему въ гостинницу, было лѣтъ въ пятьдесятъ.

На блѣдномъ лицѣ его была ясно написана цѣлая повесть неизлечимыхъ страданій, жестокихъ мученій и страшной борьбы дикихъ, необузданныхъ страстей.

Онъ былъ озабоченъ и печаленъ, но печаль его была не изъ тѣхъ, которыя поражаетъ случайная неприятность и которыя исчезаютъ при первомъ лучѣ радости; то была печаль постоянная, слѣдствіе долгихъ и безпрерывныхъ горестей. Большіе, прекрасные глаза его были впалы; на морщинистый лобъ падали рѣдкіе, серебристые волосы; ротъ его, прекрасно очерченный, оканчивался по обѣимъ сторонамъ глубокими морщинами—іероглифами страданій, горестей и глубокаго унынія.

Искусные лгуны стараются какъ-можно ближе подходить къ истинѣ, а потому Бобъ-Лантернъ завлекъ молодыхъ сестеръ именно въ ту гостиницу, гдѣ обыкновенно останавливался Энджусъ Макъ-Ферлэнъ.

Неожиданное появленіе его поразило хозяйку невыразимымъ страхомъ; а мужъ ея безсмысленными глазами смотрѣлъ на лерда и щипалъ свои рыжіе бакенбарды.

Энджусъ не замѣтилъ смущенія ихъ, онъ сбросилъ плащъ и подошелъ къ камину.

— Я усталъ, сказалъ онъ: приготовьте мою комнату.

— Вашу комнату! повторилъ Груффъ: признаться сказать, лердъ Макъ-Ферлэнъ, я васъ сегодня не ожидалъ.... право, не ожидалъ!

— Что жъ? развѣ комната моя занята?

— Занята?... слава Богу, у насъ не одна комната.... Ваша комната....

— Другъ мой, молчи! прервала его хозяйка, которая между-тѣмъ успѣла прійти въ себя и уже улыбалась: ахъ, какой сюрпризъ вы намъ сдѣлали..... здоровы ли вы?... Что новаго?

— Я не здоровъ, отвѣчалъ холодно лердъ: и не знаю никакихъ новостей.... приготовьте жъ мнѣ мою комнату!

— Извольте видѣть, продолжала хозяйка: у насъ есть маленькій промыселъ, и ваша комната завалена теперь товарами....

— Уберите ихъ! сказалъ нетерпѣливо Макъ-Ферлэнъ.

— У насъ есть другія комнаты, проворчалъ сердито хозяинъ.

— Другъ мой, сказала жена, я уже просила тебя, чтобы ты молчалъ... Кажется, его милость имѣеть полное право выбирать ту комнату, которая ему нравится.... Потерпите, лордъ Макъ-Ферлэнъ... черезъ полчаса все будетъ готово... не прикажете ли подать вамъ пока покушать?

— Я буду ужинать въ своей комнатѣ, отвѣчалъ лордъ: поторопитесь!

— Весь домъ нантъ къ вашимъ услугамъ, сэръ, возразила съ непоколебимю любезностью хозяйка: сейчасъ все будетъ готово... Потомъ, проходя мимо мужа, она шепнула ему: займи его здѣсь, а когда я кашляну, приходи наверхъ.

Хозяйка ушла, а Макъ-Ферлэнъ сѣлъ на табуретъ противъ каминна.

— Гмъ! гмъ! чертовски холодно сегодня, заговорилъ мистеръ Груффъ, которому жена приказала занять постельца: чертовски холодно!... Гмъ!... Вы, можетъ-быть скажете на это, что ужъ теперь такое время.... Конечно, но вѣдь и холода бываютъ разные.... Гмъ! гмъ!... иногда и зимой бываетъ тепло.... даже очень тепло.... Не прикажете ли табачку, мистеръ Макъ-Ферлэнъ?

Онъ подаль дерду табакерку и только тогда замѣтилъ, что тотъ давно уже не слушалъ его. Макъ-Ферлэнъ сложилъ руки на колѣняхъ. Голова его опустилась на грудь; глаза были неподвижно устремлены на густой дымъ, подымавшійся надъ каменнымъ углемъ и улетавшій въ трубу. Лица его приняло еще болѣе мрачное выраженіе; брови его нахмурились; грудь тяжело подымалась.

— Макъ-Набъ! Макъ-Набъ! проговорилъ онъ наконецъ задыхающимся голосомъ: бѣдный братъ!... Судьба рѣшила: кровью своею я долженъ отомстить за тебя!... Но мнѣ нужна твердость, чтобы разить.... О, зачѣмъ я такъ люблю его?...

Между-тѣмъ хозяйка опять смотрѣла въ замочную скважину той комнаты, въ которой находились молодые дѣвушки.

Видя отъ-чуждаи выпить зло, какъ на нихъ начала дѣй-

отвѣтъ водница Бѣба, подливая въ ам. Эта водница, были сильныя сонныя капли. Какое-то неизъяснимо пріятное ощущеніе проникло въ сердца сестеръ. Анна стала нахлѣвать тихимъ голосомъ шепелявскую вишню; Клара трепетала обычнымъ мечтаніемъ своимъ и въ первый разъ лучъ надежды осветилъ ея душу. Потомъ обѣимъ показалось, что полъ закачался подъ ногами ихъ, подобно кораблю, проходящему по легкимъ волнамъ моря.... Анна улыбаясь закрыла глаза.... Клара внезапно поблѣднѣла: она спаралась преодолѣть овладѣвавшій ею сонъ.... ужасное недосердвіе поселилось въ умѣ ея. Съ необыкновеннымъ усиліемъ она встала.... грудь ея высоко подымалась, глаза горѣли.... она была подобна возмущенной амазонкѣ, готовой сразиться съ невидимымъ, неизвѣстнымъ неприятелемъ. Но удвоенное усиліе еще болѣе ослабило ее. Случайно взоръ Клары упалъ на Анну, которая, не переставая улыбаться, уже опустила прелестьную головку на спинку кресла. Какъ-бы пораженная электрическимъ ударомъ, Клара, обеспамятѣвшая, опустилась на кресло и дѣвъ еле слышныя всхлипы потекли по щекамъ ея....

— Сестрица! бѣдная Анна! пронесла она слабымъ голосомъ.

— Я давно.... давно уже люблю его.... сказала Анна, не открывая глазъ и не переставая улыбаться: давно уже, Клара!....

— Батюшка! Батюшка! вскричала Клара, борясь съ тяжелымъ сномъ, постепенно овладѣвавшимъ ею: защитите дочь вашу!... Пусть я погибну, но спасите Анну!...

— Благодарю, благодарю, паненка, говорила Анна, протягивая впередъ руку: счастье мое будетъ лучшей наградою.... Стефенъ любить меня.... а я!... я.... завтра свадьба моя.... онъ узнаетъ, какъ я люблю его!...

Клара не могла больше плакать. Каждое слово сестры раздрало ей сердце. Она хотѣла еще надѣяться, назвать болѣзнь свою неосновательною; но дѣйствіе оніумъ была такъ очевидно на Аннѣ, что она не могла даже сомнѣваться. Она сама еще сопротивлялась, но была уже поблѣднѣвшимъ сильнѣйшимъ врагъ подавлялъ ее свинцовою тяжестью. Анна слышала легкое движеніе и протѣла, ахнувъ, поспѣшить

нѣсколько стиховъ шотландской пѣсни; это придало новой силы Кларѣ, она встала и пошла къ дверямъ, но въ то же самое мгновеніе ключъ, выскользнувшійся снаружи, повернулся и замокъ шелькнулъ.

— Заперто! произнесла она холодно, какъ-будто бы это обстоятельство не удивило ее.... Колѣни ея согнулись; и едва передвигая ноги, она пошла къ окну и хотѣла открыть его; но послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій, съ отчаяніемъ опустила руки.

— Какъ Клара радуется моему счастью, шептала Анна. Добрая Клара! я бы желала, чтобы и она полюбила нагешбудъ.... она такъ прелестна!...

При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ старшей сестры. Новая мысль мелькнула въ головѣ ея; и эта мысль была убійственна!

— Боже мой! Боже мой! вскричала она, упавъ на колѣни: я его больше не увижу.... а онъ любитъ меня!

Мысль о смерти устрашала Клару до-сихъ-поръ только за Анну; она забывала себя, но теперь собственное отчаяніе увеличило ея страданія. Любовь ея, молодая и пылкая, внезапная, неограниченная страсть къ незнакомцу заступила мѣсто любви къ сестрѣ. Къ нему обратилась теперь всѣ мысли ея.... она рыдала, пронзительный вопль вырвался изъ глубины души молодой дѣвушки.

Между-тѣмъ Анна продолжала улыбаться и произносила слова любви и счастья....

Мистриссъ Груффъ, не отходявшая во все время отъ двери, страшась, чтобы жалобы Клары не достигли до ушей лорда, поспѣшно сбѣжала внизъ и остановившись на порогѣ сбѣжала внизъ мужу, который немедленно подошелъ къ ней.

— Возьми скрипку, шепнула она ему.

— Скрипку, дружокъ? спросилъ съ изумленіемъ козелъ.

— Молчи!... Возьми скрипку, говорятъ тебѣ.

Во-второмъ этажѣ послышался жалобный крикъ. Мистриссъ Груффъ вошла, схватила замыленную скрипку, вѣсившую у стѣны и провелъ по струнамъ смѣтчикомъ.

— Какъ послышался крикъ, сказалъ Эдмундъ Макъ-

Ферланъ, наведенный изъ слезъ размысленнѣйшими мыслями шуметь.

— Потерпите еще минуточку, отвѣчала хозяйка: черезъ пять минутъ комната ваша будетъ готова.

И рѣзкіе, непріятные звуки скрипки смѣшались съ послѣднимъ стономъ несчастной Клары. Непобѣдимый сонъ оковывалъ уже ея члены.

— Эдуардъ! шептала она: Эдуардъ!... Я любила... я люблю тебя!... О! ты даже не узнаешь, что я умираю, люби меня!... И на колѣняхъ доползла она до кресла, на которомъ спала Анна, съ ангельской улыбкой на устахъ!...

— Боже! за что ты наказываешь насъ!... произнесла Клара, еще разъ вздохнувъ и опустивъ голову на колѣни Анны!...

— Стѣпень! мой Стѣпень! сказала Анна, обвивъ прелестными руками шею сестры: какъ Господь милостивъ и какъ мы счастливы!...

Молодыя дѣвушки были неподвижны.

Дверь отворилась и мистриссъ Груффъ осторожно вошла въ комнату. Увѣрившись, что молодыя дѣвушки спали, она опять воротилась на лѣстницу и кашлянула. Утихъ нестерпимый пискъ скрипки и хозяинъ появился на лѣстницѣ.

— Кончено? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Молчи! возразила жена по привычкѣ: что дерзъ?

— Бредить на-яву! онъ намъ не помѣшаетъ.... О, воскликнулъ онъ съ искреннимъ состраданіемъ, войдя въ комнату и остановившись передъ сестрами: о! бѣдные ангелочки.... мнѣ жаль ихъ, жена.

— Молчи! сердито отвѣчала хозяйка: засвѣти фонарь!.. Наградила же меня судьба мужемъ, продолжала она, пожавъ плечами: вѣдунгалъ разжалобиться!.. Двадцать фунтовъ стерлинговъ не шепки, внимаешь ли ты это, безмозгая башка?... Не рассуждай, олухъ!.. Я грѣшница и Господь послалъ мнѣ тебя въ наказаніе!

Мужъ между-тѣмъ открылъ окно; снаружки висѣлъ фонарь; Груффъ поставилъ въ него зажженный огарокъ, который освѣтилъ стѣну яркимъ, желтымъ свѣтомъ. Это былъ тотъ желтый фонарь, о которомъ капитанъ Недди и

товарищи его упоминали въ самомъ началѣ нашего разсказа.

— Я замѣтилъ лодку Боба, сказалъ мистеръ Груффъ, затворяя окно: онъ чуетъ добычу и минутъ черезъ пять будетъ здѣсь.

— Вотъ сейчасъ видно челоѣка дѣльнаго! возразила хозяйка, бросивъ презрительный взглядъ на своего супруга: поучиться бы тебѣ у него..... ужъ прямое ты мнѣ наказанье!

Мистеръ Груффъ не слышалъ послѣднихъ словъ жены. Онъ невольно приблизился къ молодымъ дѣвушкамъ и съ согражданіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Я сдѣлалъ много зла въ жизнь свою, ворчалъ онъ: но, чертъ меня побери, грустно передать такихъ хорошецкихъ дѣтей въ руки этого мясника Боба.....

— Молчи! закричала хозяйка съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ злобы: кто тебѣ позволилъ разсуждать?.... Пошелъ внизъ, посмотри, что дѣлаетъ лердъ и принеси мнѣ рюмку водки.... Пошелъ, живѣ!

Мистеръ Груффъ повиновался, но сходя съ лѣстницы разсуждалъ, не поподчивать ли когда-нибудь жену водичей Боба, только въ двойномъ приѣмѣ, чтобы милая супруга его не просыпалась. Онъ рѣшился подумать объ этомъ.

Когда онъ воротился съ водкой, надъ самой головой его зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Вотъ и Бобъ, сказала хозяйка; живѣ, принимайся за дѣла.

Они вдвоемъ отнесли столъ къ стѣнѣ: Груффъ, подцѣпивъ крючкомъ веревку съ петлей, пропущенную черезъ блокъ вдоль одной изъ балокъ, поддерживавшихъ потолокъ, притянулъ ее къ полу. Жена его между-тѣмъ разложила на полу двѣ простыни, снятыя съ постели; потомъ выскочивъ съ мужемъ завернула Клару въ одну изъ нихъ и опустила ее въ родъ мѣшка, прицѣпила къ веревкѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ столъ, было желѣзное кольцо, вдѣланное въ полъ; Груффъ ухватился за это кольцо, поднялъ тяжелый люкъ, заржавленные петли котораго заскрипѣли..... внизу было черно, только слышался плескъ воды о ован.....

— Кто там? спросилъ хозяйка тихимъ голосомъ.

— Товарищъ! отвѣчалъ снизу голосъ Бобъ-Данторна.

Блокъ сталъ вертѣться и мѣшокъ съ бѣлой Изарой опустился въ черное отверстіе.

— Тихе! тихе! сказалъ Бобъ съ беспокойствомъ. Вы идѣте, пожалуйста, повредите ее! Которая это?

— А я почему знаю! сердито заворчалъ Груе-въ: равно! Которая бы ни была!....

— Тихе же, чортъ тебя побери!.... довольно, довольно!.... Ладно! Теперь другую!....

Веревка поднялась; мистриссъ Груе-въ успѣла между тѣмъ завернуть Анну, но въ то самое время, когда она стала, вѣсть съ мужемъ, опускать ее въ мѣшокъ, послышались чьи-то шаги и на порогѣ явился мрачный лердъ Энджусъ Макъ-Ферлэнъ.....

Мистриссъ Груе-въ, пораженная ужасомъ, опустила добычу свою и головка Анны вывѣсилась изъ мѣшка.... Длинные, распушенные волосы ея опустились до полу.

Макъ-Ферлэнъ пришелъ не по какому-либо подозрѣнію или по любопытству, но по привычкѣ, потому что онъ всегда занималъ эту комнату.

— Оставьте меня одного! сказалъ онъ входя.

Несмотря на страхъ свой, хозяйка догадалась еще стать между лердомъ и Анной.

— Мы спустимъ еще одинъ тюкъ, ваша милость, отвѣчала она съ улыбкой: и тотчасъ же удалился. Опуская веревку, опускай! сказала она обратившись къ мужу, на котораго нашель столбнякъ.

— Велите нанять мѣбъ коляску, продолжалъ лердъ, ничего не замѣчая и медленно приближаясь къ хозяйкѣ: а хочу ѣхать повидаться съ дочерью.

— Какъ онѣ обрадуются вамъ! осыпалась сказать хозяйка: опускай же веревку, олухъ проклятый! прибавила она тихимъ голосомъ, обратившись къ мужу.

Но послѣдній не трогался. Онъ былъ отчаянный злодѣй, но далеко не могъ сравниться съ своей женой; присутствіе отца, дочерей котораго принесла въ жертву злодѣю, поражае его ужасомъ и страхомъ.

Между-тѣмъ лердъ всё приближался къ хозяйкѣ.....

свѣдѣніи поняла всю опасность своего положенія. Комната была освѣщена одной свѣчкой, которая осталась на столѣ; свѣтъ отъ нея прямо падалъ на лицо Анны..... Едва шагъ, и Энджусъ увидитъ дочь свою..... Мистеръ Груффъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ....

Въ эту рѣшительную минуту хозяйка съ живостью схватила веревку и дорнула за колокольчикъ. Лердъ невольно подвинулъ голову. Мистриссъ Груффъ воспользовалась этой минутой, бросилась къ свѣчкѣ и погасила ее..... но страшный крикъ лерда служилъ доказательствомъ, что дѣйствіе хозяйки было не довольно быстро. Въ то самое время, когда она бросилась къ свѣчкѣ, Энджусъ увидѣлъ лицо дочери..... Хотя это не продолжалось и секунды, но онъ увидѣлъ ее, блѣдную и висѣвшую надъ чернымъ отверстіемъ. Онъ ощутилъ въ сердцѣ рѣзкую, нестерпимую боль, ноги его подкосились и онъ готовъ былъ упасть.

— Не видѣніе ли это? прозвесь онъ, сдѣлавъ шагъ на къ Аннѣ, но къ дверямъ, чтобы бѣжать въ Корнвалъ и защитить дочерей отъ опасности, которой это видѣніе могло быть предвѣстникомъ.

Мистриссъ Груффъ между-тѣмъ, какъ женщина опытная, вырвала веревку изъ рукъ мужа... Минуту спустя Анна съ шумомъ упала на дно лодки.

— Чортъ васъ побери! заворчалъ Бобъ, понимавшій, что сверху происходитъ что-то необыкновенное: бросаютъ словно тюкъ тряпокъ!

— Гребни! съ живостью закричала ему хозяйка. И тяжелый люкъ съ шумомъ захлопнулся.

Этотъ шумъ заставилъ Макъ-Ферлена взрогнуть.

— Дочь моя! вскричалъ онъ бросившись къ люку: я видѣлъ дочь мою.

— Вашу дочь! повторила хозяйка, принужденно смѣясь: слынишь ли, Груффъ: лердъ видѣлъ дочь свою.

— Лердъ видѣлъ дочь свою, машинально повторилъ Груффъ.

— Отню, закричалъ повелительнымъ голосомъ Макъ-Ферленъ, ощутивъ воль; отню, сейчасъ!

— Съ удовольствіемъ. Небачто сердиться.

Мистриссъ Груффъ зажгла свѣчку у фонаря, горѣвшаго

въ корридорѣ. Лердъ осмотрѣлся и крѣпко прижалъ руки ко лбу своему. Хозяйка улыбнулась и сказала кѣшымъ голосомъ:

— Вы уснули вѣснѣ; видно, вамъ приснилось что-нибудь не хорошее?

— Я видѣлъ! вскричалъ Энджусъ съ отчаяніемъ: да, да..... я видѣлъ..... она была тутъ..... блѣдная..... мертвая, быть-можетъ!.... Онъ указалъ рукой на то мѣсто, гдѣ видѣлъ Анну и замѣтилъ на полу что-то бѣлое. Это былъ батистовый платокъ, на одномъ углу котораго были вышиты буквы К. М. Ф.

Лердъ выпрямился; глаза его горѣли; изъ груди вырвался грозный крикъ.

— И Клара! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ: обѣ!.... обѣ!.... Во взорѣ лерда была такая угроза, что хозяйка пустилась бѣжать, захлопнувъ за собою дверь и оставивъ мужа одного съ Макъ-Ферланомъ, который бросился на него какъ тигръ, схватилъ за грудь и одною рукою бросилъ на полъ.

— Пощадите! захрипѣлъ хозяинъ.

— Живы ли..... онѣ? съ усиліемъ произнесъ Энджусъ.

— Живы, ваша милость, клянусь! Онѣ выпили только нѣсколько капель опиума.

Грудь лерда облегчилась глубокимъ вздохомъ.

— Слушай, сказалъ онъ: если ты будешь лгать, я убью тебя..... Куда ихъ везутъ?

— Не знаю, клянусь, не знаю! отвѣчалъ Груффъ.

Энджусъ притащилъ его къ окну, отворилъ и посмотрѣлъ на Темзу.

— Эта лодка? спросилъ онъ, указавъ на лодку, плывущую не въ дальнемъ разстояніи.

Мистеръ Груффъ утвердительно кивнулъ головою.

Лердъ вскочилъ на окно и бросился въ Темзу.

Мистеръ Груффъ медленно всталъ, отряхнулъ пыль покрывшую платье его и потянулся.

— Ну, слава Богу! проворчалъ онъ: я думалъ что ужъ мнѣ конецъ пришелъ!—Облокотившись на окно, онъ продолжалъ:—Бобъ дорого бы далъ, чтобы я предостерегъ его лаемъ..... да что я, собака что ли? Я даже, признаю-

ся сказать, очень радъ, что дѣвушкамъ представляется спасеніе..... Bravo! облака разступились..... луна свѣтитъ

Лодка Бѡба была уже на серединѣ рѣки. Лердъ плывъ еще между судами, стоявшими около берегу.

— Вѣдь догонитъ! ворчалъ Груффъ; экой мастеръ плавать..... ну! плохо придется Бѡбу..... и по-дѣломъ!

— Что по-дѣломъ, дуралей? вскричалъ за нимъ рѣзкій голосъ жены.

— Ахъ.... ты здѣсь?

— Да, я здѣсь, гадкій трусишка!... Хорошо мужъ.... лердъ изрубилъ бы меня въ куски, а ты бы и не пошевелился!

— Какъ ты это можешь говорить!

— Молчи!... или вѣтъ, отвѣчай! Куда дѣвался старый дуракъ?

— Бросился въ воду.

— Топиться?

— Можеть-быть, отвѣчалъ Груффъ перѣшительно.

— Слава Богу! продолжала хозяйка, подойдя къ окну: Темза въ этомъ мѣстѣ глубока..... мистеръ Груффъ, ты обманулъ меня..... смотри, кто это тамъ плыветъ? Отвѣчай, или горе тебѣ!

— Кажется..... Я не знаю.... можеть-быть, это и лердъ! неохотно отвѣчалъ хозяйинъ.

— Лердъ! повторила хозяйка, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства и страху: а тамъ чья лодка? Бѡба?

— Да.

— И ты не предостерегъ его, несчастный! вскричала мистриссъ Груффъ, вцѣпившись ногтями въ лицо мужа: сейчасъ дай ему знать, что есть опасности! сейчасъ же!

Груффъ въ первый разъ хотѣлъ воспротивиться приказанію жены; онъ пристально посмотрѣлъ на нее, нахмурилъ брови, но тотчасъ же опустилъ глаза. Свѣтъ отъ желтаго фонаря падалъ на лицо хозяйки, которое выражало такую злобу, что дрожь пробѣжала по всему тѣлу Груффа.

— Завтра, проворчалъ онъ, она отравитъ меня. Лучше послушаться, — и высунувшись изъ окна, онъ погасилъ

фонарь и приложилъ руки ко рту. Послышался грубый лай.

— Давно бы такъ! вскричала хозяйка съ отвратительнымъ смѣхомъ: поцѣлуй меня, толстякъ..... врядъ-ли найдутся въ цѣломъ Лондонѣ два бульдога, которые умѣли бы такъ хорошо лаять..... Теперь Бобъ предостереженъ и старому лерду придется плохо.

Луна освѣщала Темзу. Изъ окна гостиницы очень яственно были видны лодка Боба и плывшій Макъ-Ферлэнъ, который не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на лай..... но Бобъ, при первыхъ звукахъ знакомаго сигнала, улегся на дно лодки.

— Чтò бы это значило? ворчалъ онъ про-себя: кажется, вокругъ все спокойно, все тихо..... и не видно ни одной полицейской лодки..... это вѣрно лаялъ какой-нибудь бульдогъ..... Въ это самое время онъ обратилъ взоръ къ гостиницѣ..... не видно было желтаго фонаря, слѣдовательно, была опасность. Бобъ приподнялся и со вниманіемъ осмотрѣлся.

— Ничего, чортъ возьми, ничего! проворчалъ онъ, поблѣднѣвъ. Чтò же это значить? — Бобъ замолчалъ и вперилъ змѣиный взглядъ свой въ чтò-то черное, медленно приближавшееся къ его лодкѣ.—О-го! продолжалъ онъ успокоившись; это человѣкъ.... не бѣда! съ нимъ справлюсь.... Экъ плыветъ! экъ плыветъ....

Бобъ поползъ по дву лодки къ тому концу, съ котораго приближался плывшій, и нечаянно задѣлъ локтемъ за Клару, которая слегка застонала.

— Тысяча чертей! промышчалъ Лантернъ, еще новая бѣда! ихъ дурно усыпили.... чего добраго, проснутся еще, да визгъ подымутъ....

На Клару, выпившую весьма немного элю, сталъ уже дѣйствовать свѣжій вечерній воздухъ; она приходила мало-по-мало въ себя. Бобъ лежалъ смирно и не спускалъ глазъ съ незнакомаго врага, который былъ не болѣе какъ въ десяти шагахъ. Луна освѣтила лицо лерда.... Бобъ узналъ его.

— Та, та, та! проворчалъ онъ довольно равнодушно: вотъ нежданный и незванный гость!... О-го, съ нимъ надо

поступать осторожнѣй.... Если я съ перваго разу дамъ маху, такъ мнѣ плохо прійдется.—Бобъ пошупалъ, за пазухой ли ножъ его, и увѣрившись въ томъ, схватился за весло.

— Батюшка!... произнесла слабымъ голосомъ Клара.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, отвѣчалъ шопотомъ Бобъ: мы сейчасъ примемъ твоего батюшку.

Лердъ былъ въ трехъ шагахъ отъ лодки. Вдругъ Лантернъ вскочилъ, взмахнулъ весломъ и.... Энджусъ исчезъ подъ водой.

— Конечно! проворчалъ Бобъ, положивъ весло на мѣсто и потирая радостно руки: я очень доволенъ, что дѣло не дошло до ножа.... вѣдь я нѣкогда ѣлъ хлѣбъ его... Какъ-то неловко поднять на него ножъ....

Бобъ не успѣлъ договорить этихъ словъ; какъ лодка его пошатнулась; онъ оглянулся и увидѣлъ человѣка, который взбирался въ нее. Глухой крикъ вырвался изъ груди его, онъ ухватился за ножъ и.... черезъ секунду, отецъ и похититель стояли другъ передъ другомъ.

Несмотря на быстроту движенія Боба, Макъ-Ферлэнъ успѣлъ уклониться отъ удара весломъ и нырнулъ.

У Лантерна былъ въ рукахъ ножъ, у лерда шотландскій кинжалъ. Оба были сильны; Энджусъ былъ отецъ, Бобу жадность къ деньгамъ придавала мужество.

— Убирайся, сказалъ лердъ тихимъ голосомъ: кинжалъ мой длиннѣе твоего ножа; но дочери мои живы.... я слышалъ голосъ Клары.... Убирайся.... я не хочу твоей смерти.

Бобъ по первому движенію характера своего, готовъ былъ воспользоваться позволеніемъ лерда. Но скупость превозмогла трусость.... скупость подавляла всѣ прочія страсти въ этой грязной душѣ.

— Я не умѣю плавать, отвѣчалъ онъ иронически.

— Убирайся! повторилъ Макъ-Ферлэнъ грозно; голосъ его дрожалъ.

— Слушайте! сказалъ Бобъ, все дѣло можетъ уладиться.... и съ быстротою тигра бросился на Энджуса, направивъ ножъ къ его сердцу; но лердъ отразилъ ударъ. Началась страшная, безмолвная борьба. Минуту спустя Бобъ покач-

нулся, получивъ въ горло ударъ кинжаломъ. Макъ-Ферленъ уперъ колѣно въ грудь его, и поднявъ уже руку, чтобы нанести послѣдній ударъ.... въ это самое время Клара проснулась....

— Батюшка! вскричала она.

Лердъ невольно оглянулся. Бобъ-Лантернъ воспользовался этимъ движеніемъ, однимъ поворотомъ высвободился изъ-подъ колѣна Энджуса и не отыскивая ножа, выпавшаго у него изъ рукъ во время борьбы, схватилъ лерда за горло, и сжалъ какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

Клара закрыла лицо руками и громко вскрикнула.

Макъ-Ферленъ глухо хрипѣлъ. Бобъ раза три ударилъ его головой о борть лодки и сбѣжавъ послѣднее усміе, выбросилъ безчувственное тѣло въ Темзу.

— Теперь не опомнится! проворчалъ Бобъ задыхаясь отъ напряженія, и хватаясь за весла: посмотримъ, что дѣлаютъ мои красотки.

Анна не просыпалась. Клара лежала безъ чувствъ на днѣ лодки.

За обширными и великолѣпными садами Букингемскаго дворца находится красивый, правильно расположенный скверъ, окруженный великолѣпными зданіями, гдѣ живутъ англійскіе вельможи. Мѣсто это называется Бельгравъ-Скверъ.

Донъ Хосе-Марія-Теллесъ де-Аларконъ, маркизъ де-Ріо-Санто занималъ самое огромное, самое великолѣпное изъ этихъ зданій. Внутренность не только соответствовала наружности, но даже превосходила все, что самое причудливое воображеніе можетъ придумать. Тамъ Ріо-Санто принималъ высшую аристократію Лондона.

Было около осьми часовъ вечера. Въ одной изъ заднихъ комнатокъ роскошнаго зданія, освѣщенной лампой, съ матовымъ стекляннымъ колпакомъ, лежалъ на голубомъ бархатномъ диванѣ молодой человекъ, небрежно перебиравшій шелковыя кудри прекрасной собаки испанской породы. Взадъ и впередъ по комнатѣ прохаживался слѣпецъ Тиррель. Оба молчали, погруженные въ задумчивость.

Вдругъ собака поднялась, радостно завизжала и броси-

лась къ двери, въ которую въ ту же минуту вошелъ Рио-Санто съ докторомъ Мурѣ. Маркизь былъ блѣденъ, утомленъ.

— Смирно, Ловели, смирно! сказалъ онъ, слегка оттолкнувъ собаку, которая, не привыкнувъ къ подобному приему, поджала хвостъ и печально улеглась на коврѣ.

— Здравствуй, Анджело! продолжалъ маркизь, дружески пожавъ обѣ руки молодому человѣку: сходи внизъ, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, и вынь изъ потаеннаго ящика кареты десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Анджело поклонился и вышелъ.

— Что новаго, Эдмондъ? спросилъ маркизь слѣпого: извините, докторъ; потрудитесь присѣсть; я сейчасъ буду къ услугамъ вашимъ.

— Я пришелъ узнать, отвѣчалъ слѣпой: удалась ли моя выдумка.

— Вы человѣкъ драгоцѣнный, сэръ Эдмондъ, холодно возразилъ маркизь. Все удалось и вы можете получить сто гиней у моего казначея. Все ли?

— Не всё-еще, милордъ. Миѣ надо поговорить съ вами о молодой жидовкѣ, Сузаннѣ.

— О Сузаннѣ! прервалъ его маркизь, болѣе нѣжнымъ голосомъ, и какъ-бы это имя коснулось его сердца.

Слѣпой не могъ скрыть улыбки и какъ-бы угадавъ гордый и строгій взглядъ, который бросилъ на него Рио-Санто, онъ продолжалъ почтительно:

— Эта молодая дѣвушка прелестна, умна и прекрасно можетъ выполнить роль, которую ей поручили. Но она любить и я страшусь....

— Кого она любитъ? съ живостью прервалъ маркизь.

— Бриана Ленчестера.

— Счастливецъ! произнесъ Рио-Санто, между-тѣмъ какъ Тиррель провелъ рукою по рту, чтобы скрыть улыбку: — Не разлучайте ихъ, продолжалъ маркизь, но строго наблюдайте за ними.

Слѣпой низко поклонился и вышелъ.

Рио-Санто легъ на кушетку и сдѣлалъ знакъ доктору, который почтительно приблизился.

— Какъ вы ее нашли? спросилъ маркизь.

— Плохо, милордъ, плохо, отвѣчалъ докторъ, значительно покачавъ головою: я знаю только одно лекарство.

— Какое?

— Счастье.

— Но развѣ вы думаете, сказалъ маркизъ нахмуривъ брови: что со мною она не будетъ счастлива?

— Прикажете говорить откровенно, милордъ?

— Говорите откровенно.

— Миссъ Мери Треворъ любить молодаго Франка Персевала; она любитъ его страстно, пламенно.... и теперь умирая....

— Умирая! вскричалъ Рио-Санто, поблѣднѣвъ.

— Умирая, милордъ.... впрочемъ она можетъ еще прожить два или три мѣсяца.

— Ужасно! проговорилъ Рио-Санто съ досадою и горестью: зачѣмъ я узналъ ее!

— Миссъ Мери, продолжалъ докторъ спокойнымъ голосомъ: живеть только Персевалемъ.... Эта любовь вмѣстѣ и поддерживааетъ и убиваетъ ее.... отмѣните свадьбу вашу.... откажитесь отъ руки ея....

— О, нѣтъ! Это невозможно! Бракъ этотъ необходимъ для исполненія моихъ намѣреній.

— Я это очень хорошо знаю, и потому....

— Неужели нѣтъ никакой надежды?

— Дайте жъ мнѣ договорить, милордъ: я третьяго дня хотѣлъ употребить средство....

— Какое?

— Я хотѣлъ отравить Франка Персевала, отвѣчалъ докторъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ.

— Вы хотѣли.... съ негодованіемъ воскликнулъ маркизъ, вскочивъ съ кушетки.

— Отравить Франка Персевала, хладнокровно повторилъ Муре.

— Я поручилъ вамъ, докторъ, началъ послѣ краткаго молчанія Рио-Санто строгимъ голосомъ: спасти Персевала; а вы вмѣсто-того хотѣли отравить его, забывъ, что подобный поступокъ, навлекъ бы на меня ужасныя подозрѣнія.... берегитесь, сэръ, чтобы я не заставилъ васъ раскаяться въ этой дерзости.

— Э, милордъ! отвѣчалъ докторъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ: я знаю, вы могущественны; но самыя выгоды общества нашего требуютъ, чтобы бракъ вашъ съ дочерью лорда Треворъ не совершился; притомъ же, милордъ, я такой же ночной джентльменъ какъ и вы!

— Какъ я?—повторилъ маркизъ презрительно.

— Какъ вы, милордъ.

Ріо-Санто нахмурилъ брови, пристально посмотрѣлъ на доктора и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Клянусь, докторъ, что если бъ вамъ удалось отравить Персеваля, я велѣлъ бы васъ повѣснить.

Докторъ задрожалъ и опустилъ голову.

— Но вамъ не удалось, продолжалъ маркизъ, опускаясь на кушетку: и я прощаю вамъ. Отвѣчайте жъ на вопросъ мой: есть ли надежда спасти Мери?

— Есть, милордъ, почтительно отвѣчалъ докторъ: надо прежде всего узнать мѣсто зла, а потомъ дѣйствовать; для этого я искусственнымъ образомъ произведу на молодой дѣвушкѣ, однихъ лѣтъ съ миссъ Треворъ, тѣ же признаки, которыми отличается болѣзнь ея...

— Но это ужасно! сказалъ маркизъ съ отвращеніемъ

— Потомъ я на-удачу буду дѣлать опыты....

— Но это можетъ убить ее!

— Я самъ полагаю, что она не вынесетъ опытовъ и умретъ.

— Послѣ страшной пытки! въ ужасныхъ страданіяхъ!

— Да, милордъ.

— Ищите другаго средства, докторъ.

— Поищу; но между-тѣмъ болѣзнь миссъ Треворъ усилится.

Ріо-Санто закрылъ лицо руками.

— Прикажете мнѣ удалиться? холодно спросилъ докторъ.

— Спасите Мери! произнесъ Ріо-Санто, едва слышнымъ голосомъ.

Докторъ пошелъ къ двери.

— Докторъ! вскричалъ ему вслѣдъ маркизъ: я обогачу васъ.... спасите Мери.... не убивая невинной молодой дѣвушки.

— Постараюсь, милордъ, отвѣчать докторъ и ушелъ.

Оставшись одинъ, Рио-Санто, утомленный, опустил голову на подушку кушетки. Тысячи мыслей толпились въ умъ его, онъ хотѣлъ думать, но сонъ овладѣлъ имъ....

Сонъ маркиза былъ тяжелъ и тревоженъ; онъ произносилъ отрывистыя слова; какая-то тяжесть давила грудь его. Стѣнные часы, пробивъ протяжно полночь, разбудили его. Онъ быстро вскочилъ, хотѣлъ ступить, но наткнулся на тѣло человѣка, безъ чувствъ лежавшаго на коврѣ. Это не былъ злоумышленникъ, потому что красивый Ловели не лаялъ, но съ жалобнымъ визгомъ лизалъ лицо его. Рио-Санто наклонился. Лицо незнакомца было окровавлено....

Рио-Санто громко вскрикнулъ, унававъ черты незнакомца.

— Энджусъ, Энджусъ! братъ мой!

Лердъ лежалъ неподвижно. Маркизь поднялъ его и уложилъ на кушеткѣ; на глазахъ гордаго маркиза были слезы.

— Энджусъ, Энджусъ! повторилъ онъ.

Макъ-Ферланъ открылъ глаза, осмотрѣлся и произнесъ слабымъ голосомъ:

— Обѣ! обѣ, Боже мой! Обѣ погибли!

Потомъ глаза его закрылись и голова опустилась назадъ.

==

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА

ВЪ ЕГИПЕТЪ.

=

Наполеонъ, любя бесѣдовать о своемъ египетскомъ походѣ, всегда мало говорилъ о причинахъ и побужденіяхъ къ походу его въ Египетъ; рассказы современниковъ не согласны между собою; извѣстные доннынѣ акты немногое поясняютъ намъ, и мы невольно должны ограничиться во многомъ догадками.

Неужели безусловно согласимся съ мнѣніемъ, что позвія подвига увлекла Наполеона? Онъ могъ увлечься ею, когда мечты юности кипѣли еще въ его головѣ, и онъ рѣшался даже искать приключеній на Востокѣ, вступая въ службу Султана. Два года, протекшіе послѣ того, измѣнили всѣ его отношенія, возвели обширный умъ его на высокую степень положительности. Согласимся ли, что стараніе директоріи удалить Наполеона было невольною причиною его рѣшенія? Извѣстія противорѣчатъ, и достовѣрнѣе всѣхъ рассказъ, что самъ Наполеонъ, первый предложилъ мысль похода. Постараемся согласить разнорѣчія, и догадку превратить въ достовѣрность.

Безспорно, что Наполеонъ казался директоріи самымъ опаснымъ человѣкомъ изъ всѣхъ окружающихъ ее. Правители Франціи хорошо понимали, что онъ, и только одинъ онъ, могъ вырвать изъ рукъ ихъ власть, которою такъ дорожили они. Конечно, они не могли рѣшить чѣмъ будетъ онъ, новымъ Цезаремъ, или Брутомъ противъ нетерпимыхъ всѣми диктаторовъ, но въ томъ и другомъ случаѣ они теряли власть, и могли дорого расплатиться за временное владычество. Надобно было обезопасить себя, но что могли они предпринять противъ честолюбиваго некорителя Италіи и побѣдителя императора? Въ чемъ могли обвинить героя, при его чистой, безукоризненной славі? Удаленіемъ отъ дѣлъ могли сдѣлать его еще болѣе опаснымъ. Но допуская къ дѣламъ, всѣ должны были уничтожаться передъ его превосмогающимъ умомъ, передъ величіемъ его славы. Онъ казался скромнымъ, ничего не требовалъ, но директора хорошо проникали его хитрый умъ, рѣшительный характеръ, непобѣдимую волю, и не вѣрили, что Наполеонъ можетъ унизиться и быть орудіемъ воли другихъ, онъ, разрушавшій всѣ предположенія директоріи въ Италіи, не хотѣвшій тамъ ни съ кѣмъ дѣлиться властью, и своевольно рѣшавшій жребій Франціи и судьбу другихъ государствъ. Положили удалить его изъ арміи и изъ Парижа, занять ничтожными дѣлами, приучать другихъ видѣть его въ бездѣйствіи. Расположивъ этотъ планъ, директора, еще при объявленіи Колинвальдскаго мира назначали Наполеона главнокомандующимъ арміею, собранною для высадки въ Англію. Дѣломъ не торопились, а между-тѣмъ продолжали увеличивать почтенія, даже дружбы, безпрестанно прибывали въ совѣтъ директоріи Наполеона, требовали мнѣній его; исполняли ихъ, и послали почестей, возданныхъ ему; устраивали всѣ другія награды, не обесцѣпляя даже его востанія. Наполеонъ не имѣлъ стѣнительной нужды, но былъ весьма небогатъ. Кромѣ небольшого дома въ Парижѣ, онъ имѣлъ не болѣе трехъ сотъ тысячъ франковъ капитала. Названіе: *Италійскій*, которое хотѣли дать ему, еще не упоминали. Въ совѣтахъ была рѣчь о подаркѣ ему замка Шамборскаго, и великолѣпнаго дому въ Парижѣ,

но предложеніе отклонили. Малибранъ представилъ Совѣту Пяти Сотъ назначить Наполеону пятьдесятъ тысячъ франковъ пенсін, но предложеніе оставили, подъ предлогомъ довольно забавнымъ, что «дѣла столь великія не награждаются золотомъ».

Чего хотѣлъ тогда Наполеонъ? Власти, и—славы, можетъ-быть, не менѣе, какъ власти высшей и безусловной. Вѣримъ, что въ душѣ его не было еще тогда мысли самовласти, что онъ хотѣлъ первенства, желая блага Франціи, видя ничтожность тогдашнихъ правителей, уничтожавшихъ всѣ побѣды его своею безразсудною политикою, заслужившихъ общую ненависть, общее презрѣніе. Но законно онъ не могъ приобрѣсть власти, потому что не имѣлъ права получить мѣсто въ директоріи: надлежало быть сорока лѣтъ, а ему не было и тридцати. И къ чему послужила бы ему жалкая роль товарища Барраса и Ларвельера? Призываемый въ совѣщанія, Наполеонъ видѣлъ, что совѣтовъ его не думали слушать. Напрасно спорилъ онъ противъ распоряженій директоровъ въ Италіи и въ Нидерландахъ. Надлежало рѣшиться низвергнуть директорію. Но не потеряетъ ли онъ тогда своей славы, народнаго уваженія, любви къ себѣ, не явится ли ненавистнымъ Кромвеллемъ? И гдѣ были средства? Наполеонъ видѣлъ товарищей своихъ италіянскихъ походовъ готовыми на все по слову его, но онъ не могъ быть увѣренъ въ согласіи войска, и тѣмъ болѣе арміи рейнской и голландской, мало знакомыхъ ему, предводимыхъ генералами, заведовавшими ему. И самые товарищи его, не увлекались ли многіе изъ нихъ страстями? Не думалъ ли еще такъ недавно Ожеро повелѣвать въ свою очередь, Ожеро, храбрый солдатъ, но лишенный дарованій даже хорошаго генерала? Оставалось прибѣгнуть къ интригѣ, составить заговоръ, принять участіе въ расчетахъ партій, сдѣлаться орудіемъ ихъ, и купить себѣ сомнительную власть возмущеніемъ, подобно Пишгрю. Тайные агенты всѣхъ партій окружали Наполеона. Онъ отвергъ предложенія ихъ, и говорилъ о ненадобности и невозможности переворота. «Народъ еще недовольно несчастливъ—онъ только недоволенъ, а на его помощь нельзя надѣяться. Вы увѣряете, что

миѣ стоить сѣсть на лошадь, и всѣ пойдуть за мною: ошибаетесь — никто не пойдетъ, и спокойно пожелають миѣ счастливаго пути». — «Грушна еще не соерѣла» (*la roige n'est pas mûre*), сказалъ онъ однажды съ досадою, когда его принуждали сказать свое мнѣніе, и прекратилъ разговоръ.

Удаленный отъ своего воинскаго поприща, не желая тратить бесполезно времени въ Раштадтѣ, онъ принялъ начальство надъ арміею, назначенною для высадки въ Англію, объѣхалъ сѣверныя порты отъ Голландіи до Нормандіи, осматривалъ войска и суда, но личнымъ обзорѣніемъ еще болѣе убѣдился въ трудности предпріятія и невозможности исполнить его. Предполагали оставить въ Италіи 25,000, ограничить Самбро-Мааскую и Рейнскую арміи самымъ необходимымъ числомъ солдатъ, и всѣ остальные войска двинуть на сѣверъ Франціи. При первомъ туманѣ высадка должна была отправиться, при перевозѣ благопріятномъ вѣтрѣ флотъ испанскій долженъ былъ выйти изъ Кадикса, флотъ голландскій изъ нидерландскихъ пристаней, соединиться въ Ламанскомъ Проливѣ, и защищать высадку войскъ на непріятельскій берегъ. Наполеонъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но отъ сколь многихъ сложныхъ обстоятельствъ, при недостаткѣ финансовъ, при разномыслии и слабости правителей Франціи, зависѣло предпріятіе! Недостатку денегъ хотѣли пособить займомъ, сдвигали войско, а между-тѣмъ дѣйствовали въ Италіи и Швейцаріи такъ, что вызывали Европу на новую всеобщую войну, которую могло остановить только отвлеченное вниманіе Англіи, угрожаемой высадкою, несогласіе Пруссіи и рѣшительность Россіи.

Послѣ отбытія Наполеона изъ Италіи, тамъ рѣшительно измѣнили всю политику его, и равно раздражили всѣ партіи. Приверженцы прежнихъ мнѣній, духовенство, и тайные агенты Австріи и Неаполя возмущали народъ противъ приверженцевъ новыхъ мнѣній. Несогласіе умножало противорѣчія мѣстныхъ расчетовъ, и споры о преимуществахъ между разнородными частями, составлявшими италіянское общество. Республиканцы оскорблялись тягостнымъ игомъ, какой налагала на нихъ власть Францу-

зовъ. Народъ оскорбляли хищенія французскихъ чиновниковъ, грабившихъ безнаказанно, неуваженіе Французовъ къ религіи и духовенству, и гордость и своеволие надменныхъ властителей. Тягостный трактатъ Франціи съ Цизальпинцами доканчивалъ всеобщее негодованіе. Между тѣмъ духъ реформы непрерывно усиливался: демагоги овладѣвали властью; папа, сардинскій и неаполитанскій короли, и тосканскій герцогъ едва могли удерживать волненія, втайнѣ поощряемыя Французами. Опасеніе, вскорѣ оправдалось на дѣлѣ въ Римѣ: декабря двадцать-осьмого 1796 года, толпа демагоговъ взволновала Римъ. Папскіе солдаты хотѣли разогнать бунтовщиковъ. Иосифъ Бонапартъ, бывшій тогда посломъ въ Римѣ, и генералъ Дюфъ, находившійся при немъ, вздумали уговаривать обѣ стороны; ихъ не слушали, началась драка, Дюфъ былъ убитъ. Иосифъ протестовалъ и уѣхалъ изъ Рима. Не разбирая дѣла, директорія велѣла Бертіе двинуть войска къ Риму. Въ февралѣ Бертіе приступилъ къ папской столицѣ, и по договору съ папою занялъ крѣпость святаго Ангела, подъ предлогомъ возстановленія тишины. Неистовою радостью встрѣтила его чернь, собралась на Коровьемъ Полѣ (Campo Vaccino, древнемъ Форумѣ), провозгласила *Римскую Республику*, и послала въ Ватиканъ требовать отреченія папы отъ власти. Въ величій горделиваго смиренія, перво-святитель отвѣчалъ, что не можетъ сложить власти, данной ему отъ Бога, какъ преемнику святаго апостола Петра. Отвѣтъ раздражилъ безумныхъ возмутителей. Бертіе едва могъ спасти папу, ночью отправа его въ Тоскану, гдѣ онъ укрылся въ монастырѣ.

Нельзя было скрыть участія директоріи въ мятежѣ, но еще позорнѣе былъ грабежъ французскихъ чиновниковъ въ папской столицѣ. Герой Риволи, Массэна, смѣнившій Бертіе, явился первымъ хищникомъ. Обобрали церкви, ограбили монастыри, даже продали на выжигу ватиканскіе ковры Рафаэля. Дѣло было столь возмутительное, что солдаты и офицеры возстали противъ Массэны. Директорія прислала въ Римъ Дону, Монжа, Флорана и Файлу управлять республикою, и отозвала Массэну.

Ужасъ распространился въ Туринѣ и Неаполѣ послѣ со-

бытій въ Римѣ. Послали Гарі уговаривать неаполитанскаго короля, и мириться, уступая ему области Беневенто и Понте-Корво. Но вскорѣ новыя событія возбуждали еще большія опасенія.

Однимъ изъ нихъ былъ переворотъ въ Нидерландахъ, гдѣ подъ вліяніемъ генерала Жубера и французскаго посланника де-Кроа, демагоги самовольно провозгласили «единую и нераздѣлимую» (une et indivisible) республику, уничтожили мѣстные права областей, и изгнали многихъ членовъ народнаго собранія (двадцать-втораго января, 1798). Еще обширнѣе былъ переворотъ въ Швейцаріи. Слѣдующее властью и привилегіями большихъ кантоновъ, поощряемые примѣромъ Вальтелинской Области, жители Ваадтской Области подали первый примѣръ бунта. Они просили покровительства Франціи. Войско французское вступило въ Швейцарію, и въ началѣ 1798 Ваадтская Область объявила себя республикою, подъ именемъ *Леманской*. Затѣмъ слѣдовало возстаніе въ Базелѣ, и быстро распространилось вездѣ. Бернскія власти хотѣли укротить волненіе, и въ мартѣ Бернъ былъ занятъ отрядомъ Французовъ, подъ начальствомъ Брюна. Кровавыя междоусобія, грабежъ Французами казначейства бернскаго, тяжелые налоги, были слѣдствіемъ переворота, когда демагоги торжественно возвѣщали новую *Гельветическую Республику*.

Такое распространеніе вліянія французскаго и революціонныхъ идей не могло не возбуждать опасеній Германіи и императора. Дѣла въ Раштадтѣ, и безъ того затрудняемыя спорами имперскихъ чиновъ, вели не къ миру, но къ разрыву. Рѣшились отправить посломъ въ Вѣну Бернадотта, препоручивъ ему убѣждать императора, и объяснить, что Франція не могла отказать въ покровительствѣ народамъ, требовавшимъ ея пособія, но что возмущенія въ Римѣ, Голландіи и Швейцаріи не были слѣдствіемъ тайныхъ интригъ директоріи.

Наполеонъ рѣшительно не одобрялъ поступковъ съ наскокомъ и переворотовъ въ Нидерландахъ и Швейцаріи. Громко вопіялъ онъ противъ хищничества французскихъ генераловъ и чиновниковъ, и доказывалъ неблагоразуміе

двѣстидесяти, которая, собираясь противъ Англіи, разрушила между-тѣмъ основанія мира въ Европѣ, и какъ-будто нарочно развлекла свои силы и средства готовила въ то же время особенную армию въ Перпіньянѣ, угрожая вторженіемъ въ Португалію. Ожеро былъ назначенъ тамъ начальникомъ. Можно ли было послѣ-того помышлять объ удачной высадкѣ въ Англію? Правители Франціи на чему не внимали. Возвратясь однажды изъ совѣта директоровъ, съ досадою говорилъ Наполеонъ другу и совоспитаннику своему Буріену: «Я не хочу болѣе оставаться здѣсь, Буріенъ: здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Они ничего не хотятъ слушать. Если я еще останусь здѣсь, они уничтожатъ меня. Здѣсь все изнашивается — у меня уже нѣтъ моей славы! Мнѣ тѣсно въ этой маленькой Европѣ (*cette petite Europe*)—это кротовая нора!... Только на Востокѣ могутъ быть великія царства, совершаться великіе перевороты, прибавилъ онъ. Взоры его засверкали. «Пойдемъ на Востокъ» — воскликнулъ онъ: «всѣ великія славы начинались тамъ!»

Тогда развилась въ душѣ Наполеона мысль, которая была громадна, удовлетворяла его, превосходила обширностью и смѣлостью даже мысль его о походѣ въ Италію въ 1796 году, удалила его изъ Франціи, дѣлала опять независимымъ въ дѣйствіяхъ, окружая имя его новою, баснословною славою Александра и Юлія-Цезаря, и все обѣщало ему въ будущемъ: это была мысль о походѣ въ Египеть.

Наполеонъ не отвергалъ войны съ Англіею, единственнымъ и самымъ опаснымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что пока, не увидятъ Англія, не лишатъ ея средствъ вмѣшиваться въ европейскую политику, прочнаго мира Франціи ожидать невозможно. Миръ надлежало купить побѣдою надъ Англичанами. Гдѣ была у Британцовъ пята Ахиллеса, куда ударъ былъ имъ смертеленъ? Высадка не могла быть такимъ ударомъ, при тогдашнемъ положеніи Франціи и Англіи.

Шестилѣтняя война и усилія Англіи не только не ослабили ея, но вполне оправдали вѣрную политику Питта, умножили могущество Англіи, дали ей возможность рас-

крыть силы, какія доставляли ей неистощимый кредитъ, всемирная торговля и безспорное владычество на моряхъ. Только споры оппозиціи заставляли Питта, по-видимому, искать мира. Если Англія потеряла нѣсколько миллионѣвъ въ субсидіяхъ и другихъ пособіяхъ, утратила нѣсколько тысячъ солдатъ въ Корсикѣ и Нидерландахъ, всё далеко вознаграждалось ей другими выгодами и приобрѣтеніями. Англичане торжествовали всюду на моряхъ. Гоу, Готамъ, Бридпортъ, Эльфингстонъ, Дунканъ, Джервисъ уничтожили флоты Франціи, и послѣ союза съ Франціею, Испаніи и Голландіи, флоты испанскій и нидерландскій, въ битвахъ уэссанской, савонской, лоріанской, эрской, салданьской, кампердоуиской, сенъ-винцентской. Несмотря на частныя успѣхи, корабли французскіе, испанскіе и голландскіе не смѣли выйти изъ гаваней; флоты Англичанъ блокировали берега Франціи, Испаніи и Нидерландовъ, владѣли Океаномъ и Средиземнымъ Моремъ. Владѣнія Французовъ и ихъ союзниковъ въ Индіи и Америкѣ были всѣ заняты Англичанами.

Противопоставить морскую силу Англичанамъ было невозможно. Флотъ не создается мгновенно, подобно сухопутной арміи. Геній Наполеона постигъ новую, великую мысль: напасть на Англичанъ въ Индіи, поддержать тамошнихъ туземцовъ, еще боровшихся съ превозмогающею силою Британніи, и тамъ побѣдить Англію, по-крайней-мѣрѣ туда отвлечь силы ея, и уже пользуясь отвлеченіемъ, предпринять высадку въ Англію. Таково было основаніе мысли Наполеона. Мѣстомъ, откуда хотѣлъ онъ нанести вѣрный ударъ врагу—былъ Египетъ.

Берега Нила, гдѣ нѣкогда сосредоточивалась торговля съ Азіею, пока не былъ открытъ путь около Африки, издавна обращали на себя вниманіе многихъ Европейцовъ, полагавшихъ, что заведеніе европейскихъ колоній въ Египтѣ снова можетъ обратить туда азіатскую торговлю, и содѣлать Средиземное Море путемъ въ Индію. Албукеркъ, португальскій завоеватель Индіи, такъ страшился, чтобы эта мысль не пришла кому-либо, что хотѣлъ занять Египетъ, прокопать каналъ, отвести Нилъ въ Черное Море, превращая въ пустыню сѣверные берега Египта, и уничтожая

возможность Европейцамъ колонизировать ихъ. Лейбницъ предлагалъ Людовику Четырнадцатому занять Египетъ когда Франція воевала Нидерланды. «Не въ Голландіи, гдѣ защищаютъ ихъ плотины, и гдѣ заступится за нихъ вся Европа, но на берегахъ Нила побѣдите вы Голландцевъ», говорилъ Лейбницъ. «Тамъ найдете вы настоящій путь въ Индію, отнимете индійскую торговлю Голландцевъ, упрочите могущество Франціи въ Левантѣ, обрадуете христіанство, наполните міръ удивленіемъ, и Европа превознесетъ васъ хвалами, не думая вооружаться противъ васъ».

Что предлагалъ Лейбницъ противъ Голландцевъ, то замышлялъ исполнить Шоазель противъ Англіи, и Магалонъ, консулъ французскій въ Египтѣ, предлагалъ Людовику Четырнадцатому, когда Россія и Австрія вели войну противъ Турціи, и казалось, хотѣли раздѣлить турецкую имперію: участкомъ Франціи долженствовалъ быть Египетъ. Мы видѣли, что мысль объ Египтѣ уже занимала Наполеона, когда онъ заботился о взятіи Мальты, занятіи Ионическихъ Острововъ, и заведеніи флота въ Средиземномъ Морѣ. Талеранъ, отъ имени директоріи, одобрялъ его планы. Теперь не только мысль объ Египтѣ совершенно овладѣла имъ, но онъ рѣшился принять на себя самое исполненіе ея. Обѣзжая сѣверные берега Франціи, онъ забралъ въ свою карету путешествія на Востокъ, описанія Египта, вытребовалъ бумаги изъ архивовъ, читалъ, перечитывалъ ихъ, слѣдилъ по картамъ пути въ Индію, и когда онъ возвратился въ Парижъ, проектъ его былъ готовъ.

Онъ полагалъ, что 35,000 войска достаточно будетъ завоевать Египетъ и утвердиться въ немъ. Всѣ приготовления можно было кончить зимою, и въ началѣ слѣдующаго лѣта, скрывая тайну, и отвлекая вниманіе Англичанъ высадкою, переправиться въ Египетъ изъ южныхъ портовъ Франціи. Если бы и не произошло никакихъ другихъ слѣдствій, важно было самое развлеченіе силъ Англіи, и тогда онъ готовъ былъ немедленно возвратиться во Францію, принять начальство надъ высадкою. Обладаніе Египтомъ доставляло уже важныя выгоды: утверждалась власть Франціи надъ Средиземнымъ Моремъ, которое послѣ того можно было назвать «Французскимъ озеромъ» (lac Français).

Франція приобрѣтала мѣсто для богатой колоніи, куда можно было переселить излишекъ народа, даже солдатъ всѣхъ, кто былъ опасенъ правительству. Всѣ произведенія Америки могли обрабатываться въ Египтъ, и тамъ могла утвердиться богатая торговля, когда земледѣіе Египта доставляло неистощимые запасы хлѣба. Но главное—отсюда можно было идти въ Индію, устроить флоты на Черномъ Морѣ, и проложивъ сухопутныя сообщенія черезъ Аравію и Персію. Типпо-Санбъ, преемникъ Гайдеръ-Али, владѣтель мизорскій, давно умолялъ Францію о пособіи ему, требуя только 1,500 солдатъ и нѣсколькихъ кораблей. Онъ далъ убѣжище всѣмъ Французамъ оставшимся въ Индіи послѣ завоеванія Англичанами тамошнихъ французскихъ колоній, и даже записался въ республиканскій клубъ, учрежденный ими въ Серинганатнамъ. Не было сомнѣнія, что Маратты, Сейки, и другіе индійскіе народы, пристанутъ къ Французамъ, и Франція нанесетъ смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи, угрожая кромѣ-того черезъ Персію Россіи, черезъ Турцію императору. Наполеонъ предполагалъ, что съ Турціею должно стараться сохранить миръ, даже укрѣпить союзъ. Походъ въ Египетъ надлежало представить дружескимъ пособіемъ Султану, потому что, какъ извѣстно, особенно со временемъ Али-бея, Мамлюки, владѣвшіе Египтомъ, были самовластными повелителями его, хотя и признавали власть Султана. Начальникъ французской экспедиціи долженъ былъ объявлять, что Французы друзья Султана, и покоряютъ Египетъ для передачи ему. Такое направленіе дѣла казалось Наполеону столь важнымъ, что, по его мнѣнію, Талеранъ, какъ опытный дипломатъ, долженъ былъ отправиться съ этой цѣлью въ Константинополь послать.

Такъ представлялъ себѣ походъ въ Египетъ Наполеонъ, такъ на островѣ святой Елены говорилъ онъ: «главная цѣль экспедиціи Французовъ на Востокъ было униженіе могущества Англій. Съ береговъ Нила должна была идти армія, которой предлежало измѣнить жребій Индіи—Египетъ долженъ былъ замѣнить Франціи Сентъ-Доминго и Антильскіе Острова, и согласить свободу негровъ съ

выгодами промышленности. Завоеваніе Египта влекло за собою потерю всѣхъ англійскихъ владѣній въ Америкѣ и на Гаггесомъ Полуостровѣ. Когда Французы обладали юртанами Италіи, Корфу, Мальтою, Александріею, Средиземное Море превращалось въ французское озеро. Переворотъ въ Индіи долженствовалъ быть болѣе или менѣе близокъ, смотря по слѣдствіямъ войны, расположенію жителей Аравіи и Египта, непріязненному или благопріятному, и сообразно политикѣ, какую приметъ Порта въ столь неожиданныхъ обстоятельствахъ. Единственное дѣло, котораго надлежало заняться прямо и непосредственно, было завоеваніе Египта, и прочное тамъ утвержденіе. Потому при экспедиціи въ Египетъ старались только о средствахъ успѣть въ томъ и другомъ. На все остальное смотрѣли, какъ на необходимое слѣдствіе, о чемъ можно было только догадываться.»

Неужели Наполеонъ не соображалъ однако жъ трудностей препятствія? Если переѣздъ черезъ Ламаншскій Каналъ былъ такъ затруднителенъ и опасенъ, гораздо тяжелѣе были перевозъ войска въ Египетъ, и сообщеніе отсюда съ Франціею. Если бы, при отвлеченіи англійскихъ флотовъ, экспедиція могла пробраться до Египта счастливо, не должны ли были Англичане устремить потокомъ всѣ свои силы, чтобы прервать сношенія Египта съ Европою, возстановить Султана, возмутить народы Египта и Аравіи, и защищать Индію усиленными войсками и флотами, въ то же время возобновляя союзы европейскихъ державъ, опасные при безпутномъ правленіи директоріи и отсутствіи Наполеона? Они могли даже увлечь въ союзъ Россію, представляя вредное приближеніе идей нереворота на Востокъ, и опасность, грозящую Россіи въ будущемъ, также при паденіи Порты отъ французскаго оружія и при союзѣ Султана съ Франціею. Завоеваніе Индіи, конечно, было не трудно, но какія трудности надлежало преодолѣть въ походѣ, достигая туда! Здѣсь Наполеонъ надѣялся на успѣхъ дѣйствій высадки въ Англію, что не дало бы возможности Англичанамъ думать о Востокѣ, на дипломатику Талерана, на всегдашнюю дружбу Турціи съ Франціею, невозможность союза Оттомановъ съ Россіею,

вѣковымъ врагомъ ихъ, когда Французы могли льстить Султану обратнымъ завоеваніемъ Крыма и сѣверныхъ черноморскихъ береговъ. Но онъ предполагалъ даже избыточнымъ предпріятіе въ Индію и войну съ Турціею. Тогда Египетъ дѣлался точкою опоры для другихъ дѣйствій. Наполеонъ называлъ ихъ «необходимыми слѣдствіями, исполненіе которыхъ можно было только предчувствовать (*tout le reste était considéré comme une conséquence nécessaire, on n'en avait que pressenti l'exécution*). Тогда обращался онъ въ Сирію, шелъ къ Дарданелламъ; съ моря изъ Египта нападаль на Константинополь съ моря; Франція уничтожала Турцію, или дѣлала ее своею рабою. Здѣсь открывалось новое средство угрожать Европѣ, даже идти черезъ Балканы на Вѣну, если бы началась европейская война. Медленность союзовъ европейскихъ государей, и храбрость французскихъ войскъ укрѣпляли надежды, что Франція, по-крайней-мѣрѣ, устоитъ, пока Наполеонъ устремится на столицу Турціи и оттуда поведетъ полки на Вѣну.

Согласимся, что много мечтательнаго было въ замыслахъ Наполеона, многое предавалъ онъ на игру случая, на прихоть счастья, потворствовавшаго ему дотолѣ. Но не скрывалась ли за всѣми изчисленными здѣсь замыслами послѣдняя, тайная мысль, которой ни кому не открывалъ Наполеонъ? Если бы все разрушилось—Англичане уничтожили средства въ Египтѣ, война съ Турціею явилась невозможною, директорія вооружила на Францію всю Европу, и побѣда оставила знамена Французовъ—онъ явился тогда вавилоняниномъ отечества, гениемъ побѣды, схватывалъ власть, спасалъ Францію, и какая будущность раскрывалась тогда передъ нимъ! Достигая ее, онъ могъ погибнуть въ волнахъ моря и въ пескахъ Аравіи, пасть отъ пули Мамлюка и сабли Оттомана, но его гробница становилась подлѣ гробницы Александра.... Голова Наполеона кружилась мечтами славы, повторяемъ, можетъ-быть, столько же, сколько жаждой власти. Какъ Александръ восклицалъ въ битвахъ: «Аевняне! чего не дѣлаю я, и только одного хочу: говорите обо мнѣ», такъ Наполеонъ, страшась забвенія, восклицалъ: «Въ Парижѣ ничего не помнятъ—если

я еще останусь здѣсь нѣсколько времени безъ дѣла—и прощай! Одина слава быстро сжигаетъ другую въ этомъ обширномъ Вавилонѣ, и если они хорошо разглядятъ меня раза три въ театрѣ, они перестанутъ на меня смотреть!»

Утвердившись въ своей мысли, Наполеонъ не медлилъ исполненіемъ. Директоры изумились, и долго не понимали плановъ его. Баррасъ первый согласился, но всѣ причины согласія его состояли въ томъ, что походомъ въ Египетъ они избавятся отъ Наполеона. «Развѣ вы хотите дожидаться, когда Бонапарте схватитъ васъ за горло?» говорилъ онъ товарищамъ.—«Пусть его убирается, хоть къ черту, нетолько въ Египетъ!» Талеранъ также не заспорилъ съ Наполеономъ, раздѣляя его убѣжденіе, или зная, что противорѣчить было бесполезно. Болѣе всѣхъ шумѣлъ ла-Ревеліеръ. Онъ утверждалъ, что для отдаленной и невѣрной цѣли безразсудно предавать тридцать, или сорокъ тысячъ лучшихъ солдатъ гибельному походу, лишать Францію перваго изъ ея генераловъ, и начинать войну съ Турціею. Наполеонъ возражалъ, что тайна скроетъ походъ, побѣда несомнѣнна, Турція будетъ довольна, союзники замедлятъ, а онъ готовъ возвратится по первому призыву. «Вы будете готовы, но допустятъ ли васъ?» говорилъ ла-Ревеліеръ. Споръ дошелъ до того, что Наполеонъ схватилъ перо, и вскричалъ, что если съ нимъ не соглашаются, онъ сейчасъ напишетъ просьбу объ отставкѣ. «Не желаю, чтобы вы ее подали, но если подадите, я первый готовъ принять ее—пишите просьбу, гражданинъ-генераль!» спокойно сказалъ ла-Ревеліеръ. Наполеонъ бросилъ перо и съ досадою удалился.

Согласіе всѣхъ другихъ директоровъ рѣшило дѣло. Походъ въ Египетъ былъ утвержденъ. Войско должно было собраться въ Италіи, Корсикѣ и Тулонѣ. Наполеонъ принималъ начальство, избирая по произволу помощниковъ; вслѣдствіе выдавать ему по полутора милліона каждую декаду на издержки. Вездѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Въ февралѣ утвердили экспедицію, въ маѣ уже все было для нея готово. Наполеонъ изумлялъ неутомимостью. День и ночь былъ онъ занятъ, ѣздилъ къ министрамъ, къ де-

реширамъ, въ институтъ, принималъ у себя ипожизненную пенсию, сидѣлъ же почта въ бумагаши, ландкарташи и планами. Курьеры скакали по всей Франціи. Учреждена была комиссія для вооруженія береговъ Средиземнаго Моря. Войска двигались къ Тулону, Чивита-Веккіа, Генуѣ; и были перевезены въ Анчіо. Во всѣхъ этихъ портахъ готовились корабли, транспорты, артиллерія. Войскъ собиралось до 36,000, въ томъ числѣ 2,500 конницы, лошадей брали не болѣе трехъ сотъ; 2,300 кавалеристовъ получили только сѣдла и сбрую лошадиную. Къ изумленію всѣхъ, кромѣ военныхъ, въ экспедицію назначались ученые — математики, оріенталисты, художники, географы, археологи — Монкъ, Бертолле, Фуриѣ, Доломиѣ, Денонъ; Деженеттъ, Ларрѣ, Дюбоа; забирались машины, земледѣльческія орудія; изъ Рима взяты были греческія и арабскія бумажы для типографіи.

И никто не зналъ цѣли экспедиціи — такъ строго сохранилась тайна. Военные люди, товарищи Наполеона, не спрашивали куда онъ идетъ, и умоляли только его взять ихъ съ собою. Дезѣ былъ въ числѣ просителей, хотя лично узнавалъ Наполеона только въ Парижѣ. Клеберъ также прибѣгалъ просить его о томъ. «Если наши подъячіе (такъ называлъ онъ директоровъ) не позволятъ, я уйду съ вами тайкомъ, и чортъ возьми, если на первомъ брандербургскомъ переплывѣ по Темзѣ, не будетъ меня, и посмотрите, чтѣ я сдѣлаю!» Клеберъ думалъ, что экспедиція готовится въ Англію. Наполеонъ не разувѣрялъ его. Къ этимъ двумъ отличнымъ генераламъ рейнской арміи, присовокупились Реніѣ, Дуга, Вобеа, Боннъ, Мену, Баракъ-д'Иллеръ, Лантъ, Мюръ, Белларъ, Даммартевъ, Жюно, Ланюста. Искусному инженеру Каффарелли-Дюфалгâ поручили инженерноначальство. Бертіѣ былъ тогда страстно влюбленъ, но бросилъ свою невѣсту и явился къ Наполеону. Въ числѣ адъютантовъ его находились Людовикъ Бонапарте, Дюроа, Евгений Богарнѣ, сынъ директора Мерлена, Полякъ Сумковскій.

Наполеонъ былъ уже готовъ выѣхать изъ Парижа, когда сабыліе въ Вѣнѣ остановило отъѣздъ его. Бернадеттъ выставилъ на вѣнскомъ дворѣ французскаго посланца

время-цивильное республиканское знамя, съ девизомъ республики: *égalité, liberté*. Жители Вьны оскорбились дерзостью республиканца, не облеченнаго формальнымъ званіемъ посла, собрались толпою, бросали камнями, стрѣляли въ знамя. Отрядъ австрійскихъ войскъ охранялъ Бернадотта, но онъ протестовалъ объ оскорбленіи и оставилъ Вьну, несмотря на убѣжденія императорскихъ министровъ презрѣть ничтожную дерзость черни. Дѣло казлось столь важнымъ, что соображая медленность раштадтскихъ переговоровъ, и жалобы европейскихъ государей на поступки въ Италіи и Швейцаріи, директорія почла его объявленіемъ войны, остановила отъѣздъ Наполеона, и требовала объясненій. Наполеонъ спорилъ, говорилъ, что тутъ вышло вздорное недоразумѣніе. «Хорошо, я не *ду,*» сказалъ онъ наконецъ, и рѣшился поступить по-свѣдому, не спрашивая директоровъ. Онъ отправилъ письмо къ Кобенцелю, и тотъ спѣшилъ пояснить все дѣло, обѣщая прислать особеннаго чиновника для подробнѣйшихъ объясненій. Директоры испугались смѣлаго самовластия Наполеона, безъ ихъ согласія говорившаго съ чужестранною державою, какъ-будто онъ былъ верховный представитель Франціи. Они спѣшили его отправоккою, и въ началѣ мая Наполеонъ оставилъ столицу Франціи, куда долженъ былъ возвратиться уже повелителемъ республики. Самовластно распоряжался онъ всѣми подробностями экспедиціи. Въ Тулонѣ онъ своевластно спасъ жизнь старика эмигранту, приговоренному къ смерти военнымъ судомъ, и отиѣнилъ кровавый законъ осужденія эмигрантовъ, не спрашиваясь директоріи. Довольно было слѣдующаго письма его въ военную комиссію девятой дивизіи:

«Бонапартс, членъ Національнаго Института.»

«Съ прискорбіемъ узналъ я, что семидесяти и осмидесятилѣтніе старики, беременныя женщины и матери малолѣтнихъ дѣтей разстрѣливаются по обвиненію въ эмигранствѣ. Неужели солдаты свободы палачи, или жалость, какую хранили они даже въ битвахъ, умерла въ ихъ сердцахъ? Законъ девятнадцатаго Фруктидора былъ охранительною мѣрою для общественной безопасности, и преслѣдовалъ заговорщиковъ, но не жалкихъ женщинъ, не явивъ

лыхъ стариковъ. Убѣждаю васъ, граждане, каждый разъ, когда этотъ законъ представитъ суду вашему старика на шестьдесятъ лѣтъ, или беззащитную женщину, объявлять, что среди битвъ чтли вы старцовъ и женъ непріятельскихъ. Военный, подписывающій приговоръ человѣку, не могущему носить оружія—трусъ.

Бонапарте.»

Всюду встрѣчали Наполеона, какъ-будто повелителя Франціи. Тулонъ, гдѣ за пять лѣтъ являлся Бонапарте поручикомъ артиллерійскимъ, глядѣлъ теперь на него, какъ на рѣшителя судебъ и героя своего вѣка.

Мая девятаго 1798 (двадцатаго флореала, шестаго года), Наполеонъ пріѣхалъ въ Тулонъ, а девятнадцатаго утромъ, когда солнце юга сіяло во всемъ блескѣ, при безчисленномъ множествѣ зрителей, съ громомъ пушекъ, изъ тулонской гавани вышелъ флотъ, соединился близъ Генуи съ отрядомъ Баракэ-д'Иллера, близъ Аяччіо съ корсиканскимъ отрядомъ Вобой, и близъ Сициліи съ отрядомъ Деазъ, вышедшимъ изъ Чивита-Веккіа. Всего было тринадцать линейныхъ кораблей. Наполеонъ находился на адмиральскомъ, 120-ти пушечномъ кораблѣ, «Востокъ»; два корабля было 80-ти, десять 74-хъ пушечныхъ, кромѣ-того два венеціанскіе корабля о 64-хъ пушкахъ, шесть фрегатовъ венеціанскихъ, осемь французскихъ, семьдесятъ два корветтовъ, куттеровъ, авизо, канонерскихъ шлюповъ и лодокъ. Транспортовъ считалось до четырехъ сотъ. Число войска и пассажировъ простиралось до 40,000, кромѣ 10,000 матросовъ. Членовъ ученой экспедиціи было до ста. Адмиралъ Брюэ начальствовалъ всемъ флотомъ; при немъ были контръ-адмиралы Вильнѣвъ, Бланке Дюшайла, Декрѣ. Гантомъ былъ начальникомъ морскаго штаба.

Не только Парижъ и Франція, вся Европа въ изумленіи спрашивала: куда устремится по волнамъ моря сынъ побѣдъ? Видя сильныя приготовленія на югѣ Франціи, одни полагали, что экспедиція идетъ отнять Крымъ у Россіи; другіе, что она назначена въ Индію, на помощь Типпосамбу; третьи, что Французы хотятъ покорить Бразилію. Говорили и объ Египтѣ, даже о намѣреніи Бонапарте прорыть Суэзскій Перешеекъ, но болѣе всѣхъ другихъ вѣри-

ли слуху, что Наполеонъ пройдетъ Гибралтарскимъ Проливомъ, освободить отъ блокады Англичанъ Кадиксъ, соединится съ испанскимъ флотомъ, и устремится въ Англию, когда съ сѣверныхъ береговъ Франціи выступятъ въ море другіе отряды. Солдаты съ восторгомъ встрѣтили Наполеона, и не видавши его съ отъѣзда изъ Італіи, готовы были идти съ нимъ куда угодно; вѣрили, что побѣда вездѣ встрѣтитъ его, какъ ни было бы предпріятіе его велико. Но и они узнали не болѣе изъ слѣдующаго приказа, объявленнаго передъ отплытіемъ флота:

«Солдаты!

«Вы составляете одно изъ крылъ арміи, назначенной противъ Англичанъ. Вы испытали войну въ горахъ, долинахъ, при осадахъ: остается вамъ узнать войну морскую.

«Легіоны римскіе, которымъ вы подражали, но еще не сравнились съ ними, сражались, то на Средиземномъ Морѣ, то на долинахъ Замы. Никогда не оставляла ихъ побѣда, потому что они постоянно были храбры, терпѣливы при перенесеніи трудовъ, стройны, дружны между собою.

«Солдаты! На васъ обращено вниманіе Европы! Вамъ предлежитъ великій жребій—давать битвы, побѣждать опасности и труды. Вы сдѣлаете больше того, что вы уже сдѣлали для благоденствія отечества, счастья людей и вашей собственной славы!

«Солдаты, матросы, пѣхота, артиллеристы, конница! будьте дружны. Помните, что въ день битвы вы надобны другъ другу!

«Солдаты, матросы! до-сихъ-поръ васъ забывали — теперь объ васъ будетъ главная забота республики. Вы будете достойны арміи, часть которой вы составляете.

«Геній свободы, съ самаго рожденія ея содѣлавшій нашу республику рѣшителемъ судебъ Европы, хочетъ, чтобы она была рѣшителемъ судьбы морей и самыхъ отдаленныхъ народовъ.»

Предпріятіе Наполеона возбудило большія опасенія въ Англии. Оппозиція соединилась съ министерствомъ. Не думали объ издержкахъ: говорили только о спасеніи отечества, и вѣря всѣмъ слухамъ, повсюду принимали пред-

осторожности. Кромѣ усиленія флотовъ въ Ламаншскомъ Проливѣ, эскадру адмирала Сентъ-Винченца передъ Кадиксомъ увеличили еще десятью кораблями, и послали значительное войско въ Индію. Наблюденіе въ Средиземномъ Морѣ передали Нельсону, храбрѣйшему изъ англійскихъ моряковъ. Съ двѣнадцати лѣтъ волонтеръ на кораблѣ, уже двадцать осемь лѣтъ провелъ онъ на морѣ, потерявъ глазъ въ битвѣ близъ Корсики, руку въ битвѣ на Тенерифѣ, и съ семью судами сталъ передъ Тулономъ. Буря отвлекла его, повредила корабли, и принудила идти въ Сардинію, для починки. Наполеонъ вышелъ во время отсутствія Нельсона, и— слѣдъ его пропалъ на волнахъ моря.

Зная, что Нельсонъ будетъ преслѣдовать, искать его, Наполеонъ ожидалъ встрѣчи съ нимъ, старался самъ изучить морскую тактику, и распоряжался битвою. Видя Наполеона спокойнымъ и веселымъ, войско радо было встрѣчѣ съ Англичанами. Множество легкихъ судовъ давало средства предварительно опознать непріятеля. Приказано было немедленно всѣмъ соединиться, нападать дружно, и стараться сдѣлаться на бордажъ, потому что Наполеонъ надѣялся на солдатъ своихъ, которыхъ учили безпрестанно новому роду битвы. Веселія пѣсни раздавались на корабляхъ. По вечерамъ члены ученой экспедиціи собирались къ Наполеону, и открывали совѣтъ для составленія проекта трудовъ своихъ въ Египтѣ: тайну похода недлячего было уже скрывать, когда море отдѣлило корабли французскіе отъ земли. Солдатамъ толковали объ египетской землѣ, Фараонахъ, Римлянахъ, чудесахъ, какія они увидятъ, сокровищахъ, какими обогатятся.

Прежде покоренія Египта надлежало совершить еще завоеваніе, если такъ можно было назвать занятіе острова Мальты, гдѣ все давно было куплено и приготовлено къ измѣнѣ, безъ чего Мальта, громада каменныхъ утесовъ, устѣнная пушками, была недоступна. Преемники родосскихъ героевъ, мальтійскіе рыцари, давно забыли о цѣли своего назначенія, и являлись анахронизмомъ въ лѣтописяхъ современной Европы. Дѣти знатныхъ людей владѣли богатыми помѣстьями ордена въ разныхъ странахъ Европы, и проматывали доходы съ нихъ; дру-

гіе щеголяли мальтійскимъ крестикомъ, какъ-будто галантерейною игрушкою моднаго кафтана. Во время революціи были конфискованы всѣ орденскія имѣнія во Франціи. Наполеонъ конфисковалъ всѣ италіянскія имѣнія мальтійскихъ рыцарей. Когда пятьсотъ большихъ и малыхъ судовъ окружили Мальту, старый гросмейстеръ ордена, Фердинандъ Гомпешъ, едва могъ собрать на защиту острова нѣсколько сотъ рыцарей, никогда не видавшихъ битвы; линейный корабль, два фрегата, гнившіе въ гавани, и съ полдюжины галеръ, составляли весь орденскій флотъ. На требованіе сдачи острова отвѣчали однако жъ отказомъ и пальбою. Надобно было, хотя для виду, дѣйствовать. Юня десятаго Французы вышли на островъ и свезли пушки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ начались переговоры, и гросмейстеръ заключилъ договоръ. Орденъ уступалъ Франціи острова Мальту, Гозо и Каніусъ. Франція обязывалась пеходатайствовать гросмейстеру вознагражденіе въ Германіи, или взамѣнъ его; заплатить 600,000 франковъ одновременно, кромѣ 300,000 ежегодной пенсіи Рыцарямъ также назначались пенсіи. Вобщемъ, съ тремя тысячами воиска, остался въ Мальтѣ, и въ нѣсколько часовъ покорена была, послѣ двухъ-сотъ шестидесяти-осьми-лѣтняго владѣнія рыцарями, грозная защита христіанъ, нѣкогда выдержавшая двухъ-лѣтнюю осаду противъ безчисленныхъ силъ оттоманскихъ. Франція пріобрѣтала во владѣніе сильную крѣпость Средиземнаго Моря. «Хорошо, генераль!» шутя говорилъ Каффарелли Наполеону, «что хоть кто-нибудь нашелся тутъ открыть намъ ворота крѣпости». Странное было начало войны съ мусульманами, отнятіемъ убѣжища непримиримыхъ враговъ Магомета!

Юня девятнадцатаго спѣшили отплытіемъ изъ Мальты. Находясь на высотахъ мыса Бонара, узпали о преслѣдованіи французскаго флота Нельсономъ. Юня двадцать-пятаго, близъ Кандіи, извѣстились, что Нельсонъ паходится у береговъ Египта. Наполеонъ велѣлъ приготовиться къ бою, науравляясь не прямо на Египетъ, но къ Африканскому мысу Азе, въ двадцати-пяти льѣ отъ Александріи. Здѣсь свѣдали, что Нельсонъ былъ наканунѣ у Алексан-

дрія, и не найдя тамъ Французовъ, поплыль къ Родосу. Юля перваго, вечеромъ, на горизонтѣ завидѣли желтые берега Египта, и вдали появились изъ волнь шпицы мечетей города Птолемеевъ и Клеопатры. Море сильно волновалось. Наполеонъ хотѣлъ немедленно переѣхать на берегъ, несмотря на опасность. Когда уже готовы были шлюпки, вдругъ показались паруса корабля, и всѣ думали, что приближается англійскій флотъ. «Счастіе! ужели ты оставишь меня? вскричалъ Наполеонъ. «Только пять дней сроку! Пять дней!» Но приближавшееся судно былъ французскій фрегатъ. Началась переправа. Первый сошелъ въ шлюпку Наполеонъ, и близъ селенія Марабу, въ полторѣ льѣ отъ Александріи, съ трудомъ достигъ онъ берега. За нимъ нетерпѣливо спѣшили другіе; къ ночи переправили до 5,000 человекъ и свезли нѣсколько орудій. Жребій былъ брошенъ. Счастье услышало голосъ своего любимца.

Съ полей Италіи, отъ воротъ Вѣны и отъ береговъ Англіи, онъ прошелъ по волнамъ моря среди непріятельскихъ флотовъ; съ нимъ были его вѣрные товарищи битвъ при Риволи и Тарвисѣ, Лоди и Арколѣ; онъ ступилъ на землю, гдѣ, подобно загадочному сфинксу, почиетъ древность въ развалинахъ Оивъ и Мемфиса, въ пирамидахъ Хеопса, къ катакомбахъ и храмахъ Фараоновъ, гдѣ некогда ходили Александръ и Цезарь, Омаръ и святой Людовикъ—на Востокѣ былъ онъ, гдѣ «созидаются огромныя славы». Чтò сулила ему здѣсь будущность?

Глубоко изучивши положеніе и нравы земли, куда шелъ, и образъ войны съ восточными народами, Наполеонъ предварительно расположилъ порядокъ военныхъ дѣйствій, и отношенія свои къ правительству и жителямъ Египта.

Египеть—произведеніе Нила. Составляя сѣверо-восточный уголъ африканскихъ степей, онъ примыкаетъ къ Азіи Суэзскимъ Перешейкомъ, омываемый съ востока заливомъ Индійскаго Океана (Чернымъ Моремъ), отдѣляющимъ его отъ Аравіи; сѣверные берега его ограничены Средиземнымъ Моремъ; на западъ границы его составляетъ степь Ливійская, на югъ горы и степи Нубіи и Абиссиніи. Никогда не падаетъ дождь на египетскую землю, но онъ

обильно льется, въ известное время года, въ юго-восточныхъ горахъ Африки, и образуетъ Нилъ, послѣ шести сотъ лѣтъ лѣ теченія за предѣлами Египта, льющійся съ сіенскихъ утесовъ водопадами. Отсюда Нилъ течетъ двѣсти лѣ по пескамъ египетскимъ, выступаетъ изъ береговъ, сбываетъ въ сентябрѣ, оставляетъ на пескахъ тучный илъ, и на немъ растетъ обильное прозябеніе до марта. Тогда жители спѣшатъ собирать жатву. Едва она оканчивается, наступаютъ жары и безплодіе, продолжающіеся до новаго наводненія Ниломъ. Пустыня и Нилъ, какъ-будто спорятъ здѣсь за землю. Нилъ вливался прежде въ Средиземное Море семью протоками; изъ нихъ уцѣлѣли только два, одинъ на западъ, близъ Розетты, другою на востокъ, близъ Даміетты; образуя обширный треугольникъ, или дельту, въ пятьдесятъ лѣ длины, отъ моря до Каира, и въ шестьдесятъ лѣ ширины по приморью. Древле, когда человѣкъ поддерживалъ благодѣянія Нила, и проводилъ воды его по пескамъ, они всюду зеленѣли прозябеніемъ. Но вѣка варварства истребили въ Египтѣ человѣка. Пески засыпали его жилища. Только въ нильской долинѣ тѣснится остатокъ народонаселенія, среди древнихъ гробницъ, опустѣлыхъ храмовъ и развалинъ городовъ, въ двухъ оазисахъ влѣво отъ Нила, и на дельтѣ Средиземнаго Моря, гдѣ мѣста заглухшихъ устьевъ Нила означаются обширными озерами, отдѣляемыми отъ моря полосами песковъ. На одной изъ такихъ полосъ, окружающей длинный полуостровъ, отдѣленный отъ материка египетскаго озерами Маркотискимъ и Абукирскимъ, западнѣе розеттскаго протока, въ нѣсколькихъ лѣ отъ Абукирскаго Залива, въ приморской сторонѣ полуострова находится Александрія—обломокъ древняго города Александра.

Кромѣ небольшихъ приморскихъ городовъ и бѣдныхъ селеній по Нилу, единственный большой городъ египетскій составляетъ Каиръ, у внутренняго угла дельты, на берегу Нила, воздвигнутый халифами. Считаютъ до трехъ сотъ тысячъ жителей въ этой столицѣ Египта, изумляющей Европейца своимъ восточнымъ величіемъ, мечетями и базарами, куда караваны свозятъ товары Азіи и Африки.

Когда Наполеонъ явился въ Египтъ, народонаселеніе его, кромѣ небольшого числа Жидовъ, христіанъ, Нубійцевъ и Европейцевъ, составляли четыре главныя племена. Потомки древнихъ Египтянъ, Копты, и Феллаги, арабійское племя, были невольниками и работниками другихъ Арабовъ, помѣщиковъ, и Турковъ, властителей Египта, вмѣстѣ съ избранными Арабами составлявшихъ гражданское правительство и духовную власть надъ Египтомъ. Правителемъ его считался паша, присылаемый отъ Султана, и жившій въ Каирѣ. Но военная власть и дѣйствительное владычество находились въ рукахъ Мамлюковъ. Такъ назывались воинскія дружины, учрежденныя въ четырнадцатомъ вѣкѣ изъ черкесскихъ плѣнниковъ, овладѣвшія Египтомъ, и сохранные при покореніи Египта турецкому Султану (въ 1517 году). Власть раздѣлена была между султанскимъ правителемъ, пашею, и двадцатью-четырьмя беями мамлюкскими. Каждый бей владѣлъ своимъ округомъ, содержалъ свою стражу и свое войско, набирая его изъ невольниковъ, и имѣя право назначать себѣ преемника. Подкрѣпляемые ордами Бедуновъ, кочевыхъ Арабовъ Египта, обитавшихъ въ черноморскихъ степяхъ и оазисахъ, беи мамлюкскіе являлись владыками египетскими, наружно сохраняя подданство Султану, платя ему небольшую подать, и самовластвуя надъ жителями. Въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка, Али, одинъ изъ мамлюкскихъ беевъ, былъ почти независимымъ государемъ Египта. Послѣ гибели его измѣною, беи не позволяли другъ другу особенныхъ преимуществъ, и раздѣлили власть. Войска беевъ состояли изъ отважныхъ, богатыхъ всадниковъ; каждый бей имѣлъ ихъ отъ пяти до шести сотъ, кромѣ двухъ Феллаговъ при каждомъ всадникѣ и Бедуновъ, которыхъ нанимали Мамлюки при своихъ безпрерывныхъ междоусобіяхъ.

Наполеонъ являлся союзникомъ Султана, пришедшимъ освободить Египетъ отъ бунтовщиковъ, какъ называлъ онъ Мамлюковъ. Вслѣдствіе этого объявилъ онъ войну и гоненіе Мамлюкамъ, обѣщая полное покровительство власти Турковъ, если только правители султанскіе не соединятся съ притѣснителями Египта. Строжайшее уваженіе къ религіи, нравамъ и обычаямъ мусульмановъ, и за-

щита законовъ всѣмъ остальнымъ жителямъ, постановлены были основнымъ правиломъ.

Наполеонъ зналъ, что Турки могутъ защищаться упорно только въ крѣпостяхъ, и что Мамлюки соберутся толпою, надѣясь уничтожить непріятеля своею непобѣдимую конницею. Надлежало только выдержать первый ударъ, устрашить пораженіемъ, не давая собираться потомъ, поспѣшнѣе занять Каиръ, и весь Египетъ покорится, потому что крѣпости его были неважны. Всего труднѣе былъ походъ по бесплоднымъ стенамъ египетскимъ. Дѣйствовать въ битвахъ хотѣлъ онъ карреями и артиллеріею. Условіемъ побѣды была быстрота. Разсматривая дѣйствія Наполеона, можно подумать, что онъ учился тактикѣ сраженій противъ восточныхъ народовъ у Суворова.

Въ походной типографіи на корабляхъ, во время плаванія, набраны и отпечатаны были прокламаціи народу, приказы войскамъ, и приготовлено письмо къ турецкому пашѣ, жившему въ Каирѣ.

«Французская республика, писалъ Наполеонъ пашѣ, рѣшилась послать могущественную армію, чтобы положить конецъ разбоямъ египетскихъ беевъ, такъ, какъ нѣсколько разъ принуждена была она втеченіи этого вѣка дѣйствовать противъ Алжира и Туниса. Ты, долженствующій быть начальникомъ беевъ, и задержанный ими въ Каирѣ безъ власти и начальства, ты съ удовольствіемъ долженъ смотрѣть на мой приходъ. Безъ-сомнѣнія, ты уже знаешь, что я ничего не стану дѣлать противъ корана и Султана. Ты знаешь, что французскій народъ есть единственнѣй союзникъ, каковаго Султанъ имѣетъ въ Европѣ. Иди на встрѣчу мнѣ, и проклинай, вмѣстѣ со мною, нечестивое племя беевъ!»

Въ пространной прокламаціи жителямъ Египта, Наполеонъ говорилъ: «Вамъ скажутъ, обитатели Египта, что я пришелъ разрушить вашу вѣру. Не вѣрьте клеветѣ, и отвѣчайте, что я пришелъ возстановить ваши права, наказать хищниковъ, и что я, болѣе нежели Мамлюки, почитаю Бога, пророка его и коранъ.» Говоря о тиранствѣ Мамлюковъ, Наполеонъ продолжалъ: «Они у васъ все отняли. Если есть у кого изъ васъ красивая мевольница, добрая

лошадь, порядочный домъ — все принадлежит Мамлюкамъ. Египеть какъ-будто оброчный хуторъ ихъ. Пусть же они покажутъ договоръ, который они заключили на обладаніе Египта съ Богомъ. Правосуденъ и милосердъ Господь къ народамъ, и Онъ повелѣлъ, да преидеть царство Мамлюковъ!» Объясняя чувства Французовъ, «мы такъ же, какъ вы, истинные мусульманы,» говорилъ Наполеонъ. «Не мы ли уничтожили папу, возбуждавшаго христіанъ воевать съ мусульманами? Не мы ли уничтожили мальтійскихъ рыцарей, потому что эти бессмысленные вѣрили, будто Богу угодно, чтобы они воевали съ мусульманами? Трикраты блаженъ, кто будетъ съ нами! Счастливъ, кто останется не приставая ни къ кому: ему будетъ время узнать насъ, и онъ будетъ нашъ. Но, горе, трикраты горе тому, кто вооружится за Мамлюковъ, и будетъ сражаться съ нами! Нѣтъ ему спасенія — онъ погибнетъ!»

«Вы предпринимаете такое завоеваніе, говорилъ Наполеонъ своимъ солдатамъ: слѣдствія котораго на образованность и торговлю всего свѣта будутъ неизчислимы. Вы нанесете здѣсь Англій самый вѣрный и самый чувствительный ударъ, въ ожиданіи того времени, когда вы можете нанести ей ударъ смертельный. Народы, съ которыми будемъ мы жить, магометане. Первое правило вѣры ихъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его!» Не спорьте съ ними, и поступайте съ ними, какъ поступали вы съ Жидами и Италиядцами. Уважайте ихъ муфтѣевъ и имановъ, какъ уважали вы раввиновъ и епископовъ. Оказывайте мечетямъ и обрядамъ, какіе предписываетъ Коранъ, такую же терпимость, какую оказывали въ монастыряхъ и синагогахъ, религіи Моисея и религіи христіанской. Легіоны римскіе покровительствовали всѣмъ религіямъ въ мірѣ. Вы найдете здѣсь обычаи, отличные отъ европейскихъ, и къ нимъ надобно вамъ пріучиться. Народы, въ землю которыхъ идемъ мы, поступаютъ съ женщинами иначе, нежели мы. Помните, что во всѣхъ странахъ, кто оказываетъ насиліе, тотъ трусъ. Первый городъ, какой встрѣтитъ намъ, построенъ Александромъ. На всякомъ шагу найдемъ мы

здѣсь великія воспоминанія, достойныя возбуждать соревнованіе Французовъ.»

Не дожидаясь высадки остальныхъ, Наполеонъ ночью повелъ четыре тысячи войска въ Александрію. Онъ, генералы его, даже Каффарелли, потерявшій ногу въ битвахъ на Рейнѣ, и ходившій на деревяшкѣ, шли пѣшкомъ, по сыпучему песку. Они шли всю ночь. Утромъ приблизились къ Александріи.

Основанная Александромъ, нѣкогда вмѣщавшая въ себѣ 600,000 жителей, 4,000 дворцовъ, 4,000 бань, 400 цирковъ и театровъ, и 12,000 лавокъ, Александрія представляла безконечную груду развалинъ, засыпанныхъ пескомъ и затопленныхъ Маркотскимъ Озеромъ. Между ними разбросаны были хижины Арабовъ. Новый городъ, груда бѣдныхъ зданій и домовъ, стѣснялся на небольшомъ полуостровѣ, раздѣлявшемъ старую и новую гавани, и обнесенъ былъ ветхою каменною стѣною.

Нѣсколько арабскихъ всадниковъ выскакали на встрѣчу Французамъ, обмѣнялись выстрѣлами, и умчались въ степь. Наполеонъ послалъ въ Александрію прокламаціи, и потребовалъ сдачи города. Гарнизонъ хотѣлъ защищаться. Изъ-за стѣнъ началась стрѣльба. Клеберъ, Боннъ и Мену повели колонны на приступъ, и Клеберъ былъ одинъ изъ первыхъ раненъ пулею. Быстро завладѣли Французы стѣною. Битва началась въ улицахъ, но Наполеонъ успѣлъ уговорить защитниковъ крѣпости и прекратить кровопролитіе. Гарнизонъ отпустили, съ письмомъ къ пацѣ и прокламаціями, которыя читали на площадяхъ жителямъ Александріи. Всѣ власти городскія были оставлены на ихъ мѣстахъ, и къ вечеру все было тихо и спокойно. Наполеонъ пробылъ въ Александріи до шестаго іюля, распорядясь высадкою артиллеріи, снарядовъ, запасовъ, высадкою войскъ, безопасностью флота и устройствомъ защиты Александріи. Клеберъ оставленъ былъ здѣсь до излеченія раны, съ 3,000 гарнизона. Около 30,000 двинулись въ походъ. Надлежало спѣшить, потому что приближалось время наводненія нильскаго, и должно было предупредить Мамлюковъ, уже собиравшихъ отвсюду свои войска. Нежданное появленіе западныхъ пришлецовъ на берегахъ Египта воз-

будило всеобщее изумленіе, но не чувство страха. Гордость Турковъ, отвага Мамлюковъ, изувѣрство мусульманское соединили тысячи всадниковъ на защиту. Муллы проновѣдывали походъ, и предвѣщали гибель нечестивыхъ. Несмотря на общее равенство боевъ, два изъ нихъ имѣли преимущество надъ всѣми другими: Ибрагимъ, богатѣйшій изъ всѣхъ, хитрый, славившійся умомъ, и Мурадъ, отважнѣйшій изъ наѣзниковъ мамлюкскихъ. Пока всадники стекались около Кавра, и сотни лодокъ съ войсками плыли туда по Нилу, Мурадъ помчался навстрѣчу опасностей. Онъ хотѣлъ узнать силы враговъ, дотолѣ неслыханныхъ.

Наполеонъ отправилъ артиллерію и часть войскъ въ мелкихъ судахъ отъ Абукира по розеттскому протоку Нила въ Романіе. Главный корпусъ пошелъ къ Романіе отъ Александріи степями, ближайшимъ путемъ, черезъ Дамангуръ. Новое зрѣлище явилось людямъ, столь недавно переходившимъ черезъ снѣга Тирольскихъ Альповъ: безконечное протяженіе песковъ, волнуемыхъ пустынными вѣтрами, налящее солнце надъ головою, изрѣдка купы пальмъ у фонтановъ, или колодцевъ, и легкіе арабскіе всадники, мелькавшіе вкромѣхъ на летучихъ коняхъ. Походъ продолжался четыре дня, и былъ труденъ. Самые удалые изъ солдатъ роптали, взбуряемые переходами по пескамъ, не находя даже воды утолить жажду, потому что всѣ колодцы въ степи были испорчены непріателемъ. Итти надлежало съ величайшею осторожностью, въ карреляхъ, безпрестанно ожидая налета непріятельскаго. Въ сто золотыхъ дворцовъ и роскошныхъ садовъ, въ Дамангуръ нашли нѣсколько опустѣлыхъ, бѣдныхъ хижинокъ, среди развалинокъ древняго Саиса. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Даже Мюратъ и Ланнъ съ досадою бросили на землю свои шляпы, восклицая: «Куда завелъ онъ насъ!» Нѣкоторые изъ солдатъ, видя ласковость Наполеона къ Каффарели, кричали, что «этотъ безногий дурачить его и насъ!» — «Хорошо ему, говорили, смѣясь, другіе — вѣдь у него всё-таки одна нога во Франціи!» Негодовали и на ученыхъ, видя, что они останавливались у каждаго обломка, производили наблюденія, составляли замѣтки обо всемъ, что

встрѣчалось новаго и любопытнаго. Но появленіе Наполеона, одно слово, одинъ взоръ его укрощали волненіе. Онъ былъ каждому примѣромъ неутомимости, переносилъ зной, голодъ, жажду, всегда впереди всѣхъ, наблюдая за движеніемъ въ малѣйшихъ подробностяхъ. Громкіе клики радости огласили войско, когда оно завидѣло Нилъ. Солдаты бросились къ рѣкѣ, жадно пили воду, купались—все ожило надеждами.

Послѣ трехъ-дневнаго отдыха, іюля тринадцатаго войска снова двинулись. Переходъ этотъ былъ гораздо легче, потому что войско шло по берегу Нила, и припасы обильно доставлялись ему съ флотиліи, плившей по Нилу, но явилось новое затрудненіе: непріятель началъ отсюда показываться, усиливался съ каждымъ шагомъ, и, наконецъ, тысячи всадниковъ окружали армію со всѣхъ сторонъ. Быстрота коней ихъ, блескъ и роскошь оружія и одежды, гарцованье и дикіе клики изумляли солдатъ. Надлежало безпрерывно держаться въ карреяхъ, быть на-готовѣ, отстрѣливаться. Каждый отставшій дѣлался неминуемою жертвою враговъ, и малѣйшая неосторожность была гибельна. Съ гикомъ налетали всадники, умерщвляли, рѣзали головы. Джермы, или лодки египетскія, напали на французскую флотилію, но были отбиты. Близъ Шебрейсса увидѣли наконецъ толпы Мамлюковъ и Арабовъ, готовыхъ на открытую битву. Наполеонъ мгновенно построилъ все свое войско въ пять большихъ карреевъ; обозы, штабъ, всѣ не военные люди находились въ среднѣхъ карреевъ; артиллерія была по угламъ. Безмолвно двинулись впередъ эти подвижныя крѣпости. Отважно рванулись на нихъ толпы непріятелей. Картечные выстрѣлы смѣшали всадниковъ, но не устрашили—они промчались до самыхъ карреевъ, но здѣсь бѣглый ружейный огонь и ряды штыковъ утушили бѣшеную ярость непріятелей. Послѣ двухъ, или трехъ нападений, потерявъ до трехъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными, всадники мгновенно разсыпались и исчезли въ дали пустынь. Шумный кликъ огласилъ каррей, когда солдаты увидѣли, что отчаянныя нападенія полу-дикихъ паѣзди-ковъ арабскихъ совѣмъ не такъ опасны, какъ казалось по величавой наружности всадниковъ.

Веселость еще болѣе умножилась, когда разбирая убитыхъ и раненыхъ, находили у нихъ дорогое оружіе, драгоценныя шали, и пояса, наполненные золотомъ, потому что каждый Мамлюкъ, идя въ битву, одѣвался въ лучшее платье, щеголялъ конемъ и оружіемъ, и имѣлъ при себѣ всѣ свои наличныя деньги. Солдаты рады были новой встрѣчѣ. «Они отвыкли уже тогда отъ трудовъ, говорить Наполеонъ, какъ всѣ, кто пресыщенъ богатствомъ и славою, но въ огнѣ они являлись прежними». Надежда оживила походъ; начали вѣрить рассказамъ о богатствахъ Египта. Хлѣба было мало; его замѣнили чечевичною похлѣбкою и вкусными арбузами, или пастеками, которые солдаты называли святыми (*sainte pastèque*). Начали мириться и съ учеными; шутили и хохотали, когда при появленіи непріятеля, карре начинало строиться, и ученые, ѣхавшіе съ своими инструментами на ослахъ, спѣшили укрываться въ середину карре при кликѣ: «Ословъ и ученыхыхъ въ середину» (*Placez les ânes et les savans au milieu du carré*)!

Юля двадцать-перваго, рано утромъ, всѣ съ какимъ-то нетерпѣніемъ поднялись въ походъ. Сказано было, что въ тотъ день увидятъ Каиръ и пирамиды египетскія, и что вся армія мамлюкская ждетъ Французовъ у пирамидъ. Вскорѣ, вдали за рѣкою, открылось безконечное протяженіе стѣнъ, домовъ и мечетей *города noble* (эль-Каэра), а направо, среди пустынныхъ песковъ, видны были исполнскія пирамиды Гизегскія. Безмолвіе при видѣ этихъ памятниковъ смѣнилось шумнымъ кликомъ, когда Наполеонъ, галопировавшій впереди карре, снялъ шляпу, въ восторгѣ указалъ на пирамиды, и воскликнулъ: «Солдаты! смотрите и помните, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!» Тутъ ждалъ Наполеона Мурадъ-бей, растянувъ лагерь и войско отъ пирамидъ до берега Нила. Правое крыло его составляли 24,000 феллаговъ и янычаровъ, засѣвшихъ въ мѣстечкѣ Эмбобегъ, на берегу Нила; на-скоро обнесли мѣстечко землянымъ валомъ, и устали пушками, безъ лафетовъ, на столбахъ. Десять тысячъ Мамлюковъ вытянулись по пескамъ отъ Эмбобега до пирамидъ, а далѣе за пирамидами стояло нѣ-

сколько тысячъ конныхъ Арабовъ. Измаилъ-бей находился на другомъ берегу Нила, охраняя женъ, дѣтей, и имѣніе, нагруженное въ джермы.

Наполеонъ быстро устроилъ войско свое въ боевой порядокъ. Вся армія образовала пять карреевъ, по числу дивизій: вправо были дивизіи Дезе и Рение; влѣво къ берегу Нила, Мену и Бонна; въ серединѣ была дивизія Дюга, и при ней Наполеонъ. Каждое карре строилось въ шесть рядовъ. Сзади были гренадеры плутонгами (en pelotons), на-готовѣ подкрѣпить атаку; артиллерія была разставлена по угламъ; багажъ и генералы находились въ серединѣ. На маршѣ солдаты шли въ-пол-оборота, но едва карре останавливалось, они обращали фронтъ направо и налѣво. При атакахъ первые ряды отдѣлялись, и образовывали колонны, другіе оставались въ карре, но только въ три ряда, готовые принять колонны. Всего труднѣе было удерживать хладнокровіе солдатъ: при атакахъ непріятельской сторожайше запрещено было стрѣлять до команды.

Разсмотрѣвъ положеніе непріятеля, и видя, что въ эмбобегскомъ укрѣпленіи находится пѣхота, и пушки были безъ лафетовъ, Наполеонъ угадалъ, что непріятель ждетъ тамъ атаки, но не будетъ нападать самъ, предоставляя атаку конницѣ. Онъ рѣшился отрѣзать Мамлюковъ, смять ихъ, сбросить въ Ниль, и потомъ ударить на Эмбобегъ, гдѣ безпорядочная толпа пѣхотинцовъ не могла хорошо защищаться.

По данному знаку, карреи Дезе, Рение и Дюга пошли въ перерѣзъ мимо пирамидъ, а Мену и Бонна, мимо Эмбобега, откуда началась громкая, но безтолковая пальба, потому что ядра не долетали до Французовъ. Но едва двинулись карреи, какъ Мурадъ, оставя 2,000 своихъ всадниковъ на мѣстѣ, съ 8,000 остальныхъ ударилъ на карреи Дезе и Рение. Ударъ былъ ужасенъ, но Дезе свернулся, допустилъ къ себѣ непріятеля на близкую дистанцію, и картечные выстрѣлы и ружейный залпъ охолодили его. Какъ рѣка полились всадники Мурада мимо, обернулись мгновенно, снова напали, снова были приняты дружнымъ огнемъ и картечами, и кинулись всторону, гдѣ перехватило ихъ карре Дюга. Приведенные въ отчаяніе, еще

разъ свирѣпо бросилсь воцны Мурада на оба карре. Нѣкоторые лѣзли прямо на штыки, врѣзывались въ каррей, и были убиваемы среди нихъ; двое, или трое пробрались до Дезѣ. Зато пораженіе Мамлюковъ было столь велико, что Мурадъ не выдержалъ, и помчался съ остаткомъ войска обратно къ пирамидамъ; другая часть кинулась къ Эмбобегу. Тогда карреямъ Мену и Бонна велѣно итти въ атаку на Эмбобегъ. Едва только пошли они, 2,000 всадниковъ, оставленныхъ Мурадомъ у пирамидъ, и всѣ скрывшіеся въ укрѣпленіе Мамлюки толпами понеслись впередъ, при неистовыхъ вопляхъ. Колонны мгновенно свернулись опять въ каррей, встрѣтили всадниковъ картечнымъ огнемъ, поколебали ихъ, заставили бѣжать, и когда Дезъ, Реніе и Дюга загремѣли въ тылъ бѣгущихъ, и принудили ихъ мчаться обратно къ пирамидамъ и къ Нилу, другіе отряды ударили въ эмбобегское укрѣпленіе, и ворвались туда штыками. Тогда все, что могло бѣжать — бѣжало. Мурадъ первый помчался по берегу Нила; за нимъ бросилсь всѣ Арабы, находившіеся у пирамидъ. Являчары и Феллаги кидались въ Нилъ, тонули, и поле битвы представило только кровавое побоище. Ибрагимъ спѣшилъ уйти безъ битвы. Джермы на Нилѣ зажгли. Французы заняли Эмбобегъ и мѣстечко Гизегъ, гдѣ были дворець и сады Мурада. Артиллерія, обозъ, богатая добыча, обильные запасы, виноградные сады гизегскіе — все досталось побѣдителямъ. Солдаты всю ночь веселились, и дѣлили шали, золото, оружіе, коней. Французы не потеряли и ста человекъ. Непрiятелей убито болѣе 600, и утонуло болѣе 1,000. Всѣ остальные разсѣялись. Только замедленіе флотилии не дало возможности итти немедленно на Каиръ, гдѣ ужасъ объялъ жителей при столь ужасномъ пораженіи арміи, считавшейся непобѣдимою. На другой день явились изъ Каира депутаты съ покорностью. Паша скрылся. Ибрагимъ ушелъ къ границамъ Сиріи, Мурадъ въ Верхній Египетъ. Торжественно въѣхалъ Наполеонъ въ Каиръ, откуда удалились всѣ Мамлюки. Вѣра въ предопредѣленіе заставила Турковъ, и всѣхъ остальныхъ жителей Каира, смиренно покориться побѣдителю. Дезъ отправился преслѣдовать Мурада. Легкіе отряды заняли

безъ сопротивленія всѣ египетскіе города, и одна битва у пирамидъ передала Наполеону весь Египетъ. Ибрагима-бей живо преслѣдовали до Саленгіе, гдѣ начинается сирійская степь, отняли у него двѣ остальные пушки, отхватили его обозы, и заставили укрыться въ Сирію, раненаго, съ немногими всадниками. Мурадъ-бей, съ 4,000 Мамлюковъ и 8,000 Феллаговъ, далъ отчаянную битву Дезе у Седимана, въ октябрь. Съ двумя тысячами, Дезе выдержалъ его нападеніе, разбилъ его на-голову, преслѣдовалъ неутомимо, означая свой походъ непрерывными сшибками, истребляя противниковъ, щадя покорявшихся.

Терпимостью вѣры, уваженіемъ всѣхъ законовъ, обрядовъ и обычаевъ, объявленіемъ дружбы султану, почтеніемъ шейхамъ арабскимъ, чиновникамъ турецкимъ, и особенно духовенству, Наполеонъ старался приобрѣсть любовь и укрѣпить власть свою. Для управленія Каиромъ составили диванъ; областные диваны учредили въ городахъ и селеніяхъ. Сохраняя дома и имѣнія всѣхъ жителей, забирали только повсюду имѣнія Мамлюковъ, и только ихъ дома были отведены подъ постой солдатъ. Восхищенные легкими побѣдами и богатою добычею, солдаты увѣрились, что золотые сны ихъ сбудутся. Обширный Каиръ, съ его безконечными улицами, съ его безчисленнымъ пародонаселеніемъ, казался имъ волшебнымъ городомъ.

И когда Наполеонъ уже мечталъ о слѣдствіяхъ своего завоеванія, судьба, черезъ десять дней послѣ взятія Каира, приготовила ему бѣдствіе неожиданное: онъ услышалъ о битвѣ абукирской и гибели французскаго флота.

Мы говорили о флотѣ Нельсона. Принужденный идти въ Сардинію для починки судовъ, онъ далъ возможность французской экспедиціи уйти изъ Тулона. Когда возвратился онъ къ Тулону, Наполеонъ былъ далеко отъ береговъ Франціи. Соединясь съ кораблями, присланными отъ адмирала Сентъ-Винченца, іюня пятнадцатаго, Нельсонъ пошелъ къ тосканскому берегу и двадцатаго былъ у Неаполя. Здѣсь узналъ онъ о взятіи Мальты и назначеніи экспедиціи въ Египетъ, поплылъ къ Александріи, былъ тамъ, когда Наполеонъ обратился къ мысу Азѣ, не вида

Французовъ, бросился искать ихъ въ Архипелагъ, осьмнадцатаго іюля зашелъ въ Сицилію запасись водою, опять обратился къ Архипелагу, и двадцать-осьмага іюля, у мыса Коронскаго свѣдалъ, что Французы уже мѣсяць тому прибыли въ Египеть. Нельсонъ не медлил ни минуты, и вечеромъ, августа перваго, увидѣлъ французскій флотъ у береговъ Египта; онъ стоялъ въ Абукирскомъ Заливѣ.

Выступя въ походъ къ Каиру, Наполеонъ велѣлъ вести флотъ въ александрійскую гавань, единственный въ Египтѣ, и совершенно безопасный, обширный портъ. Если бы оказалось затруднительнымъ вводить въ портъ большіе корабли, по причинѣ мелей при входѣ, Наполеонъ приказывалъ имъ плыть въ Корфу, гдѣ были большіе запасы и находился гарнизонъ. Брюэ не исполнилъ ничего. Храбрый, но не опытный, нерѣшительный, въ началѣ революціи онъ былъ лейтенантомъ, и возведенъ былъ въ чины за особенную преданность къ перевороту, хотя происходилъ отъ стариннаго роду графовъ д'Эгиліеръ. Онъ медлил, вопреки предписанію, думалъ даже, что присутствіе его въ Египтѣ необходимо, особливо когда Арабы отрѣзали всѣ сообщенія съ главною арміею, и болѣе недѣли не было объ ней вовсе никакихъ извѣстій. Оказались затрудненія ввести большія суда въ александрійскую гавань, куда укрылись всѣ транспортныя и мелкія суда. Брюэ рѣшился дожидаться извѣстій изъ арміи и новыхъ приказаній Наполеона. Онъ выбралъ мѣсто для стоянки въ Каноійскомъ Заливѣ, открытомъ, и ничѣмъ не защищаемомъ, между Александріею и Розеттою. Здѣсь поставилъ онъ рядомъ всѣ свои тринадцать большихъ кораблей, примыкнувъ лѣвымъ крыломъ къ островку Абукиру. Съ нимъ были Шайла и Вильнёвъ. Напрасно спорили съ нимъ подчиненные, и доказывали опасность положенія. Безпечность Брюэ простиралась дотого, что онъ не имѣлъ даже при себѣ легкихъ судовъ, которыя увѣдомили бы его о приближеніи непріятеля, не укрѣпилъ баттареею острова Абукира, не измѣрилъ потомъ пролива между нимъ, прибрежными мелями и линіею флота, и считалъ проходъ здѣсь для кораблей невозможнымъ. Часть матросовъ была на берегу,

и даже корабли не приготовились къ бою, когда вдали показался непріятель. Адмиралъ спокойно сѣлъ объѣдать, послалъ перевозить съ берега на суда матросовъ, и думалъ, что Нельсонъ не рѣшится нападать при наступленіи ночи.

Не такъ думалъ Нельсонъ. Взоромъ хищнаго коршуна глядѣлъ онъ на французскій флотъ, увидѣлъ невыгоды мѣста стоянки его, мгновенно сообразилъ планъ битвы, и немедленно началъ ее. Силы были равныя: на тринадцать французскихъ кораблей у Нельсона было четырнадцать, но всѣ шестидесяти четырехъ пушечные, когда у Французовъ было три осмидесяти-четырехъ и одинъ двадцати пушечный. Къ изумленію Брюэ, часть кораблей Нельсона смѣло пошла между Абукиромъ и мелами прибрежными, поставя осемь кораблей его между двумя огнями. Брюэ увидѣлъ всѣ свои ошибки, и рѣшился искупить ихъ храбростью. Битва началась жестокая, и еще далеко не была рѣшена, когда Брюэ ранили. Онъ не сошелъ съ палубы. «Адмиралъ долженъ умереть на своемъ посту», говорилъ онъ. Черезъ нѣсколько минутъ его разорвало ядромъ. Замѣшательство умножилось. Вильнѣвъ, стоявшій нѣсколько отдѣльно съ пятью кораблями, не вступалъ еще въ битву, когда адмиральскій корабль загорѣлся и взлетѣлъ на воздухъ. Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что остановилъ на нѣсколько времени битву, но она возобновилась съ новою свирѣпостью, продолжалась всю ночь, и кончилась около девяти часовъ утра на другой день. Кромѣ Вильнѣва, Французы искупили ошибки непобѣдимымъ мужествомъ. Капитанъ Диопети-Тоаръ, славный морякъ, лишился ноги, велѣлъ подать себѣ трубку и умеръ на палубѣ. Каза-Біанка, капитанъ «Востока», имѣлъ подлѣ себя десятилѣтняго сына во все время битвы, и погибъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была ужасная, но Англичанамъ окупилась она совершенною побѣдою и рѣшительнымъ истребленіемъ французскаго флота. Вильнѣвъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спѣшилъ уйти, въ-торопяхъ посадилъ на мель три корабля, и бѣжалъ съ двумя другими и двумя фрегатами. Онъ укрылся въ Мальтѣ. Флотъ Нельсона дотога пострадалъ въ

битвѣ, что не могъ преслѣдовать бѣглецовъ, и въспомощь дией оставался близъ Абукира. Замѣчательно, что въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ англійскихъ кораблей былъ «Беллерофонъ»: всѣ три мачты его были сбиты, и двѣ трети людей убито и ранено, но онъ уцѣлѣлъ, былъ починенъ, и чрезъ пятнадцать лѣтъ сдѣлался тюрьмою Наполеона. Нельсонъ ничего не могъ предпринять противъ Александріи, гдѣ стояли два линейные корабля, семь фрегатовъ и всѣ транспорты. Кромѣ-того снасались люди съ трехъ кораблей Вилльнёва, съвшихъ на мель; многіе бѣжали на берегъ съ другихъ кораблей, и даже сто человекъ уцѣлѣло съ «Востока». Изъ нихъ составилъ Наполеонъ впоследствии морской легіонъ. Оставя два корабля блокировать Александрію, Нельсонъ отправился для починки и отдыха въ Неаполь.

Извѣстіе объ абукирской битвѣ поразило Наполеона, какъ громовый ударъ. Онъ предчувствовалъ опасность, разсердился, когда услышалъ о томъ, что французскій флотъ остался при Абукирѣ, и послалъ къ Брюэ строгое подтвержденіе изъ Каира, іюля двадцать-седьмого, съ адъютантомъ своимъ Жюльеномъ, строго приказывая идти въ Корфу. Посланный былъ убитъ Арабами на дорогѣ, но онъ пріѣхалъ бы слишкомъ поздно, потому что абукирская битва уже доказала, какъ справедливо опасался Наполеонъ. Слыша рассказы о битвѣ, онъ простилъ Брюэ, заплатившему за безразсудство славною смертью, почтилъ скорбью память столь многихъ храбрыхъ, погибшихъ въ битвѣ, и изъявилъ гнѣвъ противъ Шайлѣ, снутившаго флагъ. «Какъ могъ онъ не умереть на кораблѣ!» говорилъ Наполеонъ. «И онъ можетъ переносить нозоръ плѣна, быть посмѣшищемъ лазароновъ неаполитанскихъ! Видно бываютъ люди, у которыхъ нѣтъ крови въ жилахъ.» Вилльнёва осуждалъ онъ менѣе, но не постигалъ его страннаго поступка. Согласно думали всѣ, что даже послѣ взрыва «Востока» Вилльнёвъ могъ еще рѣшить побѣду. «Онъ былъ храбръ, и хороший морякъ, но чѣмъ объяснить его дѣйствія? (слова Наполеона). Онъ ждалъ приказаній, говорилъ онъ въ оправданіе. Утверждаютъ, что приказъ начать битву былъ ему данъ, но въ дыму не замѣтили

сигнала. Пусть такъ, но что приказъ, если надобно участвовать въ битвѣ и помогать товарищамъ? «Востокъ» взорвало въ одиннадцать часовъ ночи. Послѣ того Вилльнёвъ остался уже главнокомандующимъ, и другіе дрались, а онъ бездѣйствовалъ! Вилльнёвъ былъ человекъ нерѣшительнаго, безсильнаго характера.»

Глубокая грусть овладѣла Наполеономъ: то было первое бѣдствіе, съ-тѣхъ-поръ какъ судьба такъ быстро повела его къ величію, и бѣдствіе это поразило его: онъ понималъ огромность послѣдствій, не только разрушившихъ всѣ его планы, но даже расторгавшихъ всякое сообщеніе Египта съ Европою. К чему теперь были побѣды, труды, пожертвованія? Скорбь видна въ письмахъ, какія писалъ Наполеонъ къ женѣ Брюс, и къ отцу моряка Тевенара, погибшаго при Абукирѣ. «Вашъ супругъ умеръ безъ страданій, самою сладостною, самою завидною для солдата смертью», говорилъ Наполеонъ. «Живо сочувствую вашей скорби. Мгновеніе, разлучающее насъ отъ милыхъ намъ, ужасно. Оно объединяетъ насъ на землѣ, заставляетъ терзаться судорогами смерти. Способности души уничтожаются, и связь ея съ міромъ является сквозь мракъ, все затмѣвающая. Люди кажутся болѣе безчувственны, болѣе эгоисты, нежели каковы они дѣйствительно. Въ такомъ положеніи чувствуемъ, что если бы ни что насъ не обязывало жить, то умереть гораздо лучше. Но когда послѣ этой первой мысли прижмете къ сердцу дѣтей, слезы и нѣжныя чувства оживляютъ насъ, и мы живемъ для дѣтей. Да, посмотрите, какъ съ этой первой минуты сердце ваше откроется ушнѣю: вы будете плакать съ ними, воспринимаете дѣтство ихъ, наблюдаете юность ихъ, будете говорить имъ объ ихъ отцѣ, о потерѣ, которую сдѣлали въ немъ они и отечество. Привязавъ душу вашу къ міру любовью дѣтскою и любовью материнскою, оцѣните во что-нибудь дружбу и живое участіе, которыя всегда сохранию я къ женѣ моего друга. Увѣрьтесь, что есть, хоть не многіе, заслуживающіе быть надеждою скорби, потому что они горячо ощущаютъ ваши душевныя страданія.» — «Вашъ сынъ, писалъ Наполеонъ Тевенару, убитъ безъ страданій и умеръ съ честью: единственное утѣшеніе прискорб-

наго отца. Мы всё обречены смерти, и нѣсколько лишнихъ дней стоятъ ли счастья умереть за отечество? Вознаграждать ли они скорбь видѣть себя на одрѣ болѣзни, окруженнаго эгоизмомъ новаго поколѣнія? Стоютъ ли они мученій и страданій долговременной болѣзни? Счастливы падшіе на полѣ битвы: вѣчно живутъ они въ воспоминаніяхъ потомства. Никогда не внушатъ они жалости и состраданія, ощущаемыхъ при видѣ дряхлой старости или терзаній больнаго. Вы посѣдѣли на поприщѣ брани, и вы будете скорбѣть о сынѣ, достойномъ васъ и отечества, но вмѣстѣ съ нами удѣляя нѣсколько слезъ его памяти, вы скажете, что смерть его была славна—достойна зависти....»

Печаль Наполеона была непродолжительна. Увидя себя оставленнымъ самому себѣ, геній его оперся на свою непобѣдимую волю. Еще другіе горевали и сомнѣвались, но онъ ужъ былъ выше горести и сомнѣній. «Что за бѣда?» говорилъ онъ — «мы умремъ здѣсь, или выйдемъ велики, какъ герои древности». — «Это заставитъ насъ надѣлать великаго гораздо болѣе, нежели мы хотѣли сдѣлать прежде, писалъ онъ Клеберу. — готовьтесь!» — «Да, отвѣчалъ ему Клеберъ — теперь надобно великое — я приготовляю къ нему мои способности.» Первое вниманіе Наполеона было обращено на то, чтобы поддержать духъ солдатъ. Увидя его, какъ прежде, спокойнымъ и веселымъ, они ободрились, и въ годовщину основанія республики радостно слушали приказъ его:

«Солдаты!»

«Мы празднуемъ первый день седьмаго года республики. За пять лѣтъ независимость французскаго народа была угрожаема—вы взяли Тулонъ, и онъ былъ предвѣстникомъ гибели непріятелей. Черезъ годъ вы разбили Австрійцевъ у Дего. На слѣдующій годъ вы были на вершинахъ Альповъ. Вы боролись съ Мантуею, и одержали славную побѣду санъ-жоржскую. Въ прошломъ году вы находились на истокахъ Дравы и Изонцо, возвращаясь изъ Германіи. Кто сказалъ бы тогда, что сегодня вы будете на берегахъ Нила, въ центрѣ древняго материка? Отъ Англичанъ, славныхъ искусствами и торговлею, до безобразнаго и свирѣпаго Бедуина, вы обратили на себя взоры всѣхъ. Солда-

ты! жребій вашъ прекрасенъ, потому что вы достойны сдѣланнаго вами, и мнѣнія другихъ объ васъ. Вы умрете съ честью, какъ тѣ храбрые, чьи имена написаны на пирамидахъ, или возвратитесь въ отечество съ лаврами и удивленіемъ свѣта! Удаленные отъ Европы, мы не перестаемъ быть непрерывнымъ предметомъ заботливости соотечественниковъ. Сегодня сорокъ милліоновъ славятъ день праздника, думаютъ объ насъ, и говорятъ: ихъ трудамъ, ихъ крови обязаны мы всеобщимъ миромъ и спокойствіемъ, благоденствіемъ торговли, благодѣянiami общественной свободы!»

И какъ-будто силы и надежды его были прежнія, онъ началъ сношенія съ Джеззаромъ, пашею сирійскимъ, писалъ къ Визирю, отправилъ письмо къ Типпо-Саубу. Вотъ эти письма:

ДЖЕЗЗАРУ.

«Пришедши въ Египетъ воевать съ бееми, я поступилъ справедливо и сообразно съ твоими пользами. Я не пришелъ воевать съ мусульманами. Ты долженъ знать, что первою заботою моею по занятіи Мальты было освобожденіе 2,000 Турковъ, много лѣтъ страдавшихъ въ неволѣ. Прибывши въ Египетъ, я увѣрилъ народъ въ безопасности, покровительствовалъ муфтіямъ, иманамъ и мечтямъ. Никогда прежде пилгримы меккскіе не видали столько ласки и дружбы, и праздникъ пророка никогда не былъ празднованъ великолѣпнѣе нынѣшняго. Посылаю тебѣ письмо съ моимъ офицеромъ, и онъ лично увѣритъ тебя въ намереніи моемъ жить дружно, и взаимно заботиться о торговлѣ и благоденствіи жителей, потому что у мусульманъ нѣтъ друзей лучше Французовъ.»

ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ.

«Французская армія, которою имѣю я честь начальствовать, пришла въ Египетъ наказать мамлюкскихъ беевъ за оскорбленія, какія терпѣла отъ нихъ французская торговля. Гражданинъ Талеранъ-Перигоръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, наименованъ французскимъ посломъ въ Константинополь, и снабженъ отъ исполнительной директоріи всѣми полномочіями и наставленіями заключать и утверждать все, что необходимо для прекращенія недоумѣній,

происходящихъ отъ занятія Египта Французскою арміею, и упроченія старинной и необходимой дружбы, долженствующей существовать между нашими двумя державами. Но, можетъ-быть, что онъ еще не пріѣхалъ въ Константинополь, и я спѣшу передать вашему превосходительству желаніе Французской Республики, не только продолжать прежнее наше доброе согласіе, но и оказать Портѣ всякую помощь, въ которой можетъ она имѣть надобность противъ естественныхъ, соединяющихся противъ нея враговъ. Посоль Талеранъ-Перигоръ теперь долженъ уже пріѣхать въ Константинополь. Но если, по какому-либо случаю, его еще нѣтъ у васъ, прошу ваше превосходительство послать ко мнѣ довѣренную особу, снабженную вашими наставленіями и полномочіями, или прислать мнѣ фирманъ, послѣ чего я могъ бы отправить къ вамъ повѣреннаго, чтобы неизмѣнно утвердить жребій здѣшной страны, и устроить все для славы Султана и Французской Республики, его вѣрной союзницы, и для вѣчнаго смиренія беевъ и Мамлюковъ, нашихъ общихъ враговъ.»

ТИПО-САИВУ.

«Ты уже знаешь о прибытіи моемъ на берега Чермнаго Моря, съ безчисленною и непобѣдимою арміею, исполненною желанія избавить тебя отъ желѣзнаго ига Англіи.

«Спѣшу передать тебѣ желаніе, чтобы черезъ Маскаты и Мокку прислалъ ты извѣстіе о положеніи, въ какомъ ты находишься; желалъ бы я также, чтобы въ Суэзъ, или Каиръ, прислалъ ты какого-нибудь умнаго и довѣреннаго челоѣка, съ которымъ могъ бы я переговаривать.»

И когда такимъ образомъ Наполеонъ старался дѣйствовать, какъ умный политикъ, неусынное вниманіе его было обращено на воинскую предосторожность. Кроткія, но сильныя мѣры поддержать подчиненность и порядокъ, были необходимы для удержанія завоеванной земли. Города и селенія укрѣпляли, дороги безопасили, учреждали сообщенія. Безпрерывно происходили воинскія ученія; конница снабжена была превосходными арабскими лошадьми; заботились о здоровьи людей, приученіи ихъ къ климату и трудностямъ походовъ въ стѣняхъ. Составили от-

ряды войскъ на верблюдахъ; учреждали милицію изъ жителей для городской стражи. Наполеонъ обращалъ особенную заботливость на занятія ученой экспедиціи. Въ самыя отдаленныя оазисы и недоступныя дотолѣ развалины проникали подъ прикрытіемъ войска художники, археографы, естествоиспытатели, описывали, срисовывали, собирали памятники и произведенія Египта. Въ Каирѣ издавался журналъ, подъ названіемъ *Египетскою Монитера*. Учреждено было отдѣленіе института, гдѣ Монжъ объявленъ президентомъ, а Наполеонъ вице-президентомъ. По цѣлымъ часамъ присутствовалъ онъ въ засѣданіяхъ, и вотъ предложенія его, объявленныя отдѣленію, по которымъ можно судить о разнообразіи его взглядовъ: изобрѣсть простой механизмъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; найти замѣну хмѣля для пива; опредѣлить способы разсадки винограда; провѣсть воду въ каирскую крѣпость: испытать рытье колодцевъ въ степяхъ и средства очищать нильскую воду; приискать способы употреблять съ пользою развалины, которыми завалены всѣ города и селенія; усилить мѣру выдѣлки пороху; издать буквари арабскіе и коптскіе, календарь сравнительный, сравненіе мѣръ и вѣсовъ, и прочее. Наполеонъ осмотрѣлъ Суэзскій Перешеекъ, предполагая начать работы соединенія Чермнаго и Средиземнаго Морей. Ученые сопровождали караванъ его, подъ защитою Бертіе и Даммартена. Наполеонъ подробно осмотрѣлъ слѣды прежнихъ каналовъ, велѣлъ снимать планы, переѣхалъ на аравійскій берегъ, и едва не утонулъ на Черномъ Морѣ, заведенный въ него по ошибкѣ проводника, во время прилива. «Вотъ была бы радость папѣ, говорилъ смѣясь Наполеонъ: увѣрили бы, что я утонулъ въ Черномъ Морѣ за нечестіе, какъ второй Фараонъ!» На аравійскомъ берегу осмотрѣлъ онъ Моисеевы колодцы, и заключилъ союзъ съ Синайскими Маронитами.

Обращеніе съ жителями Египта было непрерывною заботою Наполеона. Поощряя торговлю, онъ обезопасилъ караваны, сносився съ Меккою, куда отправлялись молельщики, и учредилъ почетный чинъ эмиръ-гаджи, уничтоженный при смутеніяхъ въ Египтѣ. Учредивъ

судебные диваны, онъ старался о правосудіи и соблюденіи мѣстныхъ законовъ; передъ которыми являлись равны Французы и Арабы, знатные и бѣдняки, что весьма изумляло мудрыхъ шейховъ дивана. Заступаясь за смерть Феллага, убитаго Арабами, и требуя наказанія убійцамъ, Наполеонъ заставилъ одного изъ судей спросить съ изумленіемъ: «Да что за важность тебѣ смерть бѣняка? Вѣдь онъ не родня твой?» — «Больше! вскричалъ Наполеонъ: онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кого Богъ подчинилъ моей власти, и за кого потребуешь у меня отчету въ каждомъ!» Безмолвіе, послѣдовавшее за его отвѣтомъ, было прервано общимъ кликомъ: и Хвала Аллаху! Онъ говорилъ премудро, какъ пророкъ!»

Уваженіе къ религіи мусульманской, изъявляемое Наполеономъ, изумляло не менѣе. Всѣ праздники мусульманскіе отправлялись Французами торжественно, и особенно великолѣпно былъ учрежденъ праздникъ открытія нильскихъ водъ въ Канрѣ, августа осьмнадцатаго. Наводненіе было въ тотъ годъ обильное. Наполеонъ участвовалъ въ бѣгѣ лодокъ по Нилу, и раздавалъ подарки побѣдителямъ. Благоговѣнно присутствовалъ онъ при моленіи въ мечети, въ день праздника Магомета, сидя на подушкахъ, поджавши ноги по восточному обычаю, велѣлъ палить изъ пушекъ и иллюминировать городъ.

Дѣла Наполеона пріобрѣли наконецъ ему любовь и уваженіе жителей, шейховъ и мусульманскаго духовенства. Положено было читать при молитвахъ въ мечетяхъ: «Слава Султану, и слава союзникамъ его, французскимъ войскамъ, проклятіе Мамлюкамъ и благословеніе Египту!» Имя *Кебиръ Султана* (великаго султана) дано было Наполеону. Повѣты арабскіе славили его въ пѣсняхъ, подобныхъ слѣдующей:

«Великій Аллахъ не разгнѣвался на насъ. Онъ забылъ грѣхи наши, достаточно заглаженные долговременнымъ игомъ Мамлюковъ. Воспоемъ милосердіе великаго Аллаха!

«Кто Онъ, избавившій отъ опасности моря и ярости волнъ любимца побѣдъ? Кто Онъ, проведеншій здоровыми и невредимыми на берега Нила храбрыхъ Запада?»

«Великій Аллахъ! Великій Аллахъ! Онъ не разгнѣвался на насъ! Воспоемъ милосердіе великаго Аллаха!

«Бей мамлюкскіе надѣялись на крѣпость тристатовъ своихъ, и поставили на битву своихъ воиновъ.

«Но любимецъ побѣдъ, во главѣ храбрыхъ Запада, уничтожилъ тристаты и воиновъ мамлюкскихъ.

«Какъ утренніе туманы, поднимаясь съ Нила, разсѣваются лучами солнца, такъ дружины Мамлюковъ разсѣяны были храбрыми Запада, потому что великій Аллахъ разгнѣванъ на Мамлюковъ, и храбрые Запада составляютъ зрачокъ праваго ока великаго Аллаха.»

Наполеонъ хотѣлъ дѣйствовать на воображеніе жителей даже таинственнымъ величіемъ, представляя изъ себя вдохновеннаго посланника небесъ. Великолѣпіе всегда окружало его; рѣчь его всегда была важна, исполнена инеброль и сентенцій на манеръ восточный. Разговаривая однажды съ муфтіемъ, онъ замолчалъ, и потомъ заговорилъ торжественно: «Слава Аллаху! Единный Богъ есть Богъ, а Магометъ пророкъ его!»—Ты изрекъ великую истину, отвѣчалъ муфтіи.—«Вѣришь ли, что избранныки могутъ обратить громаы небесныя съ неба на землю?»—Ты великій вождь, которому Магометъ вручилъ громаы небесныя, съ могуществомъ и побѣдою.—«Да, но хлѣбъ, похищенный злымъ, превратится въ прахъ въ устахъ его!» возразилъ Наполеонъ. Можетъ-быть, оба собесѣдники сами плохо понимали что такое говорятъ, но тѣмъ было лучше, и нѣкоторые изъ шейховъ рѣшились даже предложить Наполеону принять вѣру магометанскую. Послѣ отзыва его, что онъ не согласенъ отказаться отъ вина, и не терпитъ многоженства и обрѣзанія, былъ созванъ совѣтъ о томъ, не должно ли для Наполеона измѣнить нѣкоторые догматы вѣры мусульманской? Многіе изъ Французовъ женились въ Египтѣ; въ числѣ ихъ былъ генералъ Мену. Жители перенимали нравы, обычаи, экипажи пришлецовъ, даже пили съ ними вино. «Что переняли вы у насъ лучшаго?» спросилъ Наполеонъ, за веселымъ обѣдомъ, у одного изъ шейховъ.—Кажется, вотъ лучшее, что у васъ перенять можно! отвѣчалъ шейхъ, смѣясь, и прихлебывая изъ своей рюмки.

Но вскорѣ должно было оставить Наполеону всё предположеніе основаться въ Египтѣ, и особливо заботиться объ его образованіи. Надлежало помышлять только о собственномъ своемъ спасеніи, потому что грозныя тучи гибели скоплялись надъ храбрымъ войскомъ, забытымъ Франціею въ пустыняхъ и развалинахъ царства Фарановъ.

Наполеонъ могъ надѣяться, что являясь врагомъ Мамлюковъ и поддерживая дружбу съ Султаномъ, при посредствѣ дипломатики Талерана, при пособіи флота, угрожающаго Константинополю, и арміи въ Египтѣ, онъ согласитъ на союзъ Порту. Съ самаго начала революціи Турція оказывала прежнюю дружбу къ Франціи, укрьпленную столь долговременными союзами. Вопреки внушеніямъ европейскихъ дипломатовъ, султанъ ласково встрѣтилъ посла французскаго, и отправилъ въ Парижъ своего посла (Сендъ-Али-Эфенди). Тщетно австрійскій посолъ, баронъ Герцбергъ, представлялъ султану, въ жару дипломатической ревности, Французовъ «извергами, всюду расѣивающими духъ безначалія», и посла ихъ «чудовищныя, отравленнымъ ордою злодѣевъ», столь презрительнымъ, что его не принимаетъ ни одинъ изъ государей. Такъ продолжалось до египетскаго похода. Явленіе Французовъ въ Египтѣ изумило Турцію. Талеранъ не бѣжалъ. Дѣйствія европейскихъ дипломатовъ противъ Франціи усиллись, но Султанъ всё-еще колебался, потому что страшился оружія Французовъ. Битва абукирская рѣшила его сомнѣнія. Обѣщанія и угрозы Англичанъ, предлагавшихъ войну, или союзъ и отнятіе Египта общими силами, склонили Султана къ войнѣ. Еще усерднѣе Англія старалась о томъ Императоръ Россійскій. Поступая, какъ рыцарь, оказавши покровительство мальтійскому ордену, принявшему въ Россію Бурбоновъ, гонимыхъ отсколу, и одушевленная безкорыстнымъ желаніемъ спасти Европу отъ членивъ революціи, онъ призывалъ на союзъ европейскихъ государей, и предложилъ свою помощь и дружбу Турціи, извѣстную непримиримому врагу Россіи. Совершилось дѣло несдѣланное: декабря двадцать-третьяго, 1798, въ Константинополѣ, русскимъ посломъ Томарско, и англіискимъ,

Спенсеромъ Смитомъ, подписанъ былъ трактатъ, въ силу котораго Султанъ посылалъ войско въ Египетъ и Сирию, соединялъ флотъ съ русскимъ и английскимъ, и объявлялъ войну Голландіи и Испаніи, союзницамъ Франціи. Посланникъ французскій былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. Въ гатти-шерифъ своемъ Султанъ укорялъ Францію вѣроломствомъ. «Безстыдныя и произвольныя дѣла, говорилъ онъ, показываютъ, что Франція хочетъ разрушить миръ и союзъ всего свѣта, употребляя тайныя козни, мечъ и огонь, и всюду предписывая гибельныя законы». Въ сентябрѣ явился въ Константинополь черноморскій русскій флотъ, предводимый адмираломъ Ушаковымъ.

Наполеонъ видѣлъ непріязнь Турковъ, но лишенный свѣдѣній изъ Константинополя и изъ Европы, не зналъ подробностей дѣла. Первымъ слѣдствіемъ рѣшенія Султана было волненіе, замѣченное въ Египтѣ. Тысячи экземпляровъ воззваній султанскихъ было разсѣяно въ Египтѣ. Султанъ, какъ наследникъ халифовъ, призывалъ всѣхъ мусульманъ къ оружію. «Народъ французскій (да сокрушитъ его Богъ отъ начала до конца, и да покроетъ позоромъ знамена его!) есть народъ упорный въ невѣріи и злодѣйствѣ необузданномъ», говорилъ Султанъ. «Коранъ и завѣты Божескіе почитаетъ онъ баснями. О, вы! защитники исламизма, герои, хранители вѣры, обожатели единого Бога, вѣрующіе посланію Магомета, сына Абдеръ-Аллахова, соединитесь, и идите въ битвы подъ покровомъ Всевышняго! Хвала небу! Сабля ваша изощрена, стрѣлы мѣткі, копьа пронзительны, пушки уподобляются грому. Вскорѣ войска, сколь многочисленныя, столь и страшныя, прійдутъ къ вамъ землею, когда въ то же время корабли, какъ горы великія, покроютъ лицо морей. Вамъ, такъ угодно Богу, предоставлено истребленіе невѣрныхъ. Подобно праху, вѣтрами возвѣваемому, не останется слѣда невѣрныхъ, потому что такова воля Бога. Суетна надежда злыхъ, и погибнуть злые. Слава міровъ Создателю!»

Призывомъ Султана уничтожено было все, чѣмъ Наполеонъ увлекалъ до-тѣхъ-поръ Египетъ. Тысячи Арабовъ появились изъ своихъ пустынь; страшный заговоръ былъ

составленъ въ Каирѣ, и октября двадцать-второго волненіе началось избіеніемъ Французовъ. Съ минаретовъ призывали муэззины народъ къ оружію и истребленію проклятыхъ Франковъ. Генераль Дюпюи, и адъютантъ Наполеона, Полякъ Сулковскій, погибли подъ кинжалами убійць. Наполеонъ находился въ отсутствіи. Онъ прискакалъ въ Каиръ, двинулъ войско; пока Мюратъ гналъ въ степи полчища Бедуиновъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ разогнали толпы каирскихъ бунтовщиковъ. Они заперлись въ мечетяхъ, и прислали просить пощады. Наполеонъ былъ неумолимъ. Рѣдкое въ Египтѣ явленіе устало народъ: на небѣ собрались тучи, загремѣлъ громъ. «Самъ Богъ изъявляетъ гнѣвъ свой измѣнникамъ!» воскликнулъ Наполеонъ. «Время милости прошло — наступили часы гнѣва! Вы начали — я кончу!» Пушками разбили двери главной мечети, и послѣ отчаянной битвы, всѣ бывшіе въ ней бунтовщики пали подъ штыками; другихъ судили и казнили. Около пяти тысячъ мусульманъ погибло отъ ружья и было казнено, въ возмездіе за гибель трехсотъ Французовъ. Наполеонъ уничтожилъ диваны, учредилъ военное управленіе, не внималъ просьбамъ, и когда наконецъ согласился на помилованіе, постарался придать торжественность своему милосердію, возстановляя диваны. Въ мечетяхъ читанъ былъ приказъ Наполеона:

«Шейхи и улемы, глашатаи мечетей, возвѣстите народу, что враги мои погибнуть въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ. Неужели есть еще слѣпцы, не видящіе, что я посланъ Провидѣніемъ, или не вѣдающіе, что оно дало мнѣ власть? Вразумите народъ, что отъ начала вѣковъ предположено было Богомъ истребить враговъ исламизма, и изъ отдаленныхъ странъ Запада пришелъ я исполнить долгъ, Богомъ на меня наложенный. Изъясните народу, что въ двадцати мѣстахъ корана возвѣщено было мое появленіе. Могу требовать отъ каждаго изъ васъ отчета въ самыхъ тайныхъ мысляхъ его, потому что всѣ мысли ваши вѣдомы мнѣ, и уже грядетъ часъ, когда узнаютъ, что я посланъ Провидѣніемъ, и всѣ усилія человѣческія ничтожны передо мною!»

Укрощая Египетъ оружіемъ, строгостью и кротостью,

Наполеонъ недоумѣвалъ, что ему надлежало дѣлать? Онъ не сомнѣвался, что директорія увлечена въ новыя замѣшательства въ Европѣ, и убѣждаясь, что нельзя надѣяться помощи, онъ убѣдился и въ опасности, угрожавшей ему. Въ Сиріи собирались войска. Сирійскій Ахметъ-паша, кровожадное чудовище, славившійся названіемъ *джеззара* (мясника), даннымъ ему за его свирѣпство, придвинулъ отряды къ предѣламъ Египта. Паша дамасскій, Абдалла, занялъ даже Эль-Аришъ на землѣ египетской. Уже двадцать лѣтъ грабилъ Джеззаръ Сирію. Именемъ Султана обѣщали ему прощеніе, даже титулъ паши египетскаго, если онъ уничтожитъ Французовъ. Наполеонъ, не получая отъ него отвѣта на письмо, послалъ къ нему еще разъ — Джеззаръ изорвалъ письмо, и отрубилъ голову послапному. Слышно было, что Турки, Англичане, Русскіе идутъ въ Египетъ. Видя со всѣхъ сторонъ гибель неизбѣжную, Наполеонъ рѣшился смѣло довѣриться своей судьбѣ, и отвагою предупредить гибель.

Онъ рассчитывалъ, что высадка въ Египетъ можетъ быть произведена только весною на слѣдующій годъ. Пользуясь зимнимъ временемъ, онъ могъ совершить походъ въ Сирію. Ливанскіе горцы, съ которыми имѣлъ онъ сношенія, обѣщали соединиться съ нимъ. Уничтожить Джеззара, и съ грозною арміею стать у Дарданеллъ — такова была мысль Наполеона. Онъ могъ отдѣлить до 20,000 солдатъ, закаленныхъ во льдахъ Тироля и пескахъ Египта. Мысль приведена была имъ въ исполненіе немедленно. Египетъ былъ спокоенъ: Дезе охранялъ его отъ Мурадъ-бея. Боннъ, Клеберъ, Ланнъ и Реніе назначены начальниками пѣхоты въ сирійскую армію, Мюръ конницы, Даммартенъ артиллеріи, Каффарелли инженеровъ, Доръ опредѣленъ начальникомъ штаба. Велѣно было моремъ перевезть въ Сирію тяжелую артиллерію.

Всѣ-еще опасаясь высадки, Наполеонъ не рѣшился начать похода своего прежде февраля 1799 года. Къ-счастью его, медленно собирались въ Родосъ Турки. Русская эскадра обратилась къ берегамъ Италіи, и начала завоеваніе Ионическихъ Острововъ. Англичанъ отвлекала высадка въ Ирландію. Нельсонъ былъ занятъ событіями въ Неаполѣ,

увлеченный любовью новой Армиды, умѣвшей плѣнить безстрашнаго моряка. Съ другой стороны усилія Англичавъ обратились на Индію. Типпо-Сайбъ не могъ переслать отвѣта къ Наполеону, но переговоры его съ Французами были предлогомъ войны съ нимъ Англичавъ. Веллеслей, губернаторъ Индіи, двинулъ войска на Мизоръ, въ началѣ 1799 года. Преданный вѣроломными союзниками, Типпо-Сайбъ погибъ въ битвѣ, и съ нимъ разрушилось Мизорское царство. Замѣтимъ, что въ то время когда Наполеонъ воевалъ въ пескахъ Сиріи, при взятіи Серингапатнама находился братъ остъ-индскаго губернатора, полковникъ Артуръ Веллеслей, которому черезъ десять лѣтъ надлежало явиться соперникомъ Наполеона въ Португаліи, и чрезъ шестнадцать лѣтъ дать ему послѣднюю битву подъ Ватерлоо. Думали, что достаточно было турецкихъ силъ уничтожить бѣдные остатки войскъ французскихъ въ Египтѣ, потому что и во Франціи даже считали ихъ невозвратно погибшими послѣ абукирской битвы, непріятели Турціи, и союза съ нею Россіи и Англии.

Не имѣя никакихъ извѣстій изъ Франціи, февраля десятиаго, Наполеонъ писалъ директоріи, просилъ увѣдомленія, извѣщалъ объ успѣхахъ, о важныхъ открытіяхъ рудниковъ и натроновыхъ копей въ Египтѣ. «Необходимо, говорилъ онъ, прислать намъ оружія и войска, и военныя и дипломатическія дѣйствія ваши соглашать съ здѣшними. У меня умираютъ люди отъ битвъ и отъ естественныхъ причинъ. Много враговъ надлежитъ намъ побѣждать здѣсь—пустыни, жителей, Арабовъ, Мамлюковъ, Русскихъ, Турковъ, Англичавъ. Не позволяю себѣ никакихъ замѣчаній о дѣлахъ республики въ Европѣ, потому что уже десять мѣсяцовъ не имѣю никакихъ извѣстій. Питаю полную надежду на мудрость и твердость вашихъ распоряженій, но *если втеченіи марта подтвердятся извѣстія, что Франція въ войнѣ съ королями, я отправлюсь во Францію (que la France fût en guerre contre les rois, je passerais en France).*

Въ тотъ же день 12,000 войска выступили въ походъ изъ Каира. Быстро пройдены были пески, раздѣляющіе Египетъ отъ Сиріи и Палестины. Французы уже ознако-

жились съ Египтомъ и его пустынями. Эль-Аришъ, дрезданъ Ринголура, увидѣлъ Наполеона, семнадцатаго февраля. Здѣсь находился гарнизонъ турецкій, предводимый нашимъ Абдалю. Ибрагимъ-бей стоялъ вблизи лагеремъ. Схватка Мюрата съ Арабами, и нѣсколько выстрѣловъ по городу, рѣшили дѣло; 1,300 плѣнныхъ, и богатый лагерь Ибрагима, были наградою побѣдителей. Плѣнныхъ отпустили съ условіемъ не служить противъ Французовъ. Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Палестины, мѣста, гдѣ совершались подвиги-крестоносцевъ.

Сирія и Палестина составляютъ приморье, въ шестьдесятъ лѣ ширины, между Малою Азіею, Египтомъ и Аравіею, отдѣляясь отъ Евфрата и Аравіи песками и горами Ливанскими, отчасти безплодными, отчасти покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Отдѣленія горъ Ливана, прорѣзанныя долинами, идутъ къ мору, образуя на морскомъ берегу низкія, песчанія прибрежя, лѣ на десять въ ширину; здѣсь расположены приморскіе города, Газа, Яффа, Акра и другія заселенія, менѣе значительныя. Дамаскъ и Алеппъ, два обширные города (200,000 и 150,000 жителей), находятся за Ливаномъ, въ сѣверной Сиріи. Ключъ къ обладанію всей Сиріи заключается въ приморскихъ укрѣпленныхъ городахъ, и особенно Акрѣ, гдѣ было тогда учреждено мѣстопребываніе паши сирійскаго. Владѣя Акрою, Наполеонъ обладалъ всею Сиріею, какъ владѣя Каиромъ, онъ былъ властителемъ Египта. Побѣда казалась ему здѣсь не труднѣе побѣды въ Египтѣ.

Почти безъ сопротивленія сдалась Газа, древняя столица Филистимлянъ, въ виду войскъ Джебзара, отступившихъ безъ боя. Богатая добыча досталась Французамъ. Марта третьяго приблизились къ Яффѣ, древней Юппіи. Защищенная высокою каменною стѣною съ башнями, и сильнымъ гарнизономъ, Яффа отказала въ сдачѣ. Турки отрубили даже голову посланному къ нимъ съ предложеніемъ. Наполеонъ велѣлъ начать пальбу. Вскорѣ пробита была брешь. Французы ворвались въ городъ. Послѣ отчаянной битвы въ улицахъ, паша заперся въ главной мечети; ее взяли штыками; городъ отданъ на грабежъ, но Наполеонъ тѣмъ не удовольствовался: надлежало показать

примѣръ неумолимой строгости. Смерть посланнаго въ городъ для переговоровъ, и открытіе, что газскіе пльнншии находились въ Яффѣ и дрались съ Французами, требовали возмездія. Наполеонъ велѣлъ разстрѣлать всѣхъ пенавшихся въ плѣнъ мусульмановъ. Множество тяжкихъ обвиненій пало послѣ того на Наполеона—кричали объ его свирѣиствѣ, безчеловѣчій, кровожадности. Крикуны не знали Востока и его обычаевъ. Только страхомъ могъ удержаться Наполеонъ среди враговъ, которые не пощадили бы его въ подобномъ случаѣ, и вели съ нимъ изувѣрную войну, возбуждаемые фетвами Султана и палачами Джеззара. Il étaient des diables trop dangereux pour les lacher une seconde fois, говорилъ Наполеонъ объ яффскихъ пльнншихъ. Турки шли на смерть хладнокровно, и обреченіе на казнь не произвело въ нихъ ни отчаянія, ни страху.

Изъ Яффы отправилъ Наполеонъ еще разъ письмо къ Джеззару. «Со времени прибытія моего въ Египетъ, писалъ онъ, много разъ извѣщалъ я тебя, что не хочу воевать съ тобою, и единственная цѣль моя изгнать Мамлюковъ. Ты не отвѣчалъ мнѣ.

«Я говорилъ тебѣ, что хочу удаленія Ибрагима-бея отъ предѣловъ Египта, но ты послалъ войска въ Газу, собралъ запасы, объявлялъ повсюду, что идешь въ Египетъ, и дѣйствительно, ты вторгся въ него, пославши двѣ тысячи твоего войска въ крѣпость Эль-Аришъ, находящуюся на землѣ египетской. Мнѣ должно было перенести къ тебѣ войну, на которую ты вызывалъ меня».

«Области Газы, Рамлы и Яффы въ моей власти. Великодушно поступалъ я съ тѣми изъ твоихъ войскъ, которыя предались волѣ моей, и строгъ былъ съ нарушившими права войны. Черезъ немного дней иду къ Акрѣ. Но для чего мнѣ отнимать нѣсколько изъ немногихъ дней жизни у тебя, старика, мнѣ незнакомаго? Чтѣ мнѣ принесутъ еще нѣсколько миль земли къ той, которую я завоевалъ? Если Богъ дастъ мнѣ побѣду, по примѣру его хочу быть благъ и милосердъ, не только къ народу, но и властителямъ его».

«У тебя нѣтъ причины быть врагомъ моимъ, потому

что ты врагъ Мамлюкамъ. Твоя область отдѣлена областями Газы, Рамлы и безконечными песками Египта. Будь другомъ моимъ, врагомъ Мамлюковъ и Англичанъ, и я сдѣлаю тебѣ столько добра, сколько сдѣлалъ и еще могу сдѣлать тебѣ зла. Пришли мнѣ отвѣтъ съ человѣкомъ уполномоченнымъ и знающимъ твои намѣренія. Онъ долженъ явиться передъ моимъ авангардомъ съ бѣлымъ знаменемъ, и при этомъ прилагаю я паспортъ ему. Черезъ пять дней иду на Акру. Отвѣчай безъ замедленія!»

Джеззаръ не отвѣчалъ, и казнилъ присланнаго съ письмомъ Наполеона. Оставалось одно—битва.

Въ половинѣ марта войско французское пошло къ Акрѣ (Saint-Jean d'Acge), древней Птолемаидѣ, послѣднемъ городѣ крестоносцевъ. Вся Палестина занята была отрядами Французовъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ съ Наполеономъ спрашивали у него: посѣтитъ ли онъ Ерусалимъ? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ — Ерусалимъ не входитъ въ планъ моихъ дѣйствій».

Акра находится при обширномъ заливѣ, единственномъ удобномъ портѣ сирійскомъ, одну оконечность котораго составляетъ гора Кармель; на другой находится Акра, занимающая длинный мысъ. Она защищена двойнымъ рядомъ стѣнъ; за первымъ былъ еще ровъ. Многочисленный гарнизонъ, и самъ Джеззаръ, затворились въ крѣпости. Наполеонъ твердо надѣялся на успѣхъ, но испыталъ горестную неудачу, и всего болѣе вслѣдствіе несчастной абукирской битвы.

Оставляя Египетъ, Нельсонъ поручилъ сэру Сиднею Смиту блокаду египетскихъ береговъ. Сидней Смитъ былъ молодой морякъ, отважный искатель приключеній, заклятый, личный врагъ Французовъ. Съ тринадцати лѣтъ возраста всегда былъ онъ на морѣ; двадцати лѣтъ командовалъ фрегатомъ, дрался съ Русскими въ Балтійскомъ Морѣ, находясь волонтеромъ въ шведскомъ флотѣ, перешелъ въ турецкій флотъ, и при началѣ революціи поспѣшилъ въ отечество. При отнятій Тулона онъ жегъ тамъ французскіе корабли, крейсировалъ потомъ около береговъ французскихъ, отважно нападалъ на берега, передѣтый осматривалъ гавани и крѣпости, и осмѣлился сдѣлать на-

паденіе на французскій корабль въ гаврскомъ портѣ. Здѣсь былъ онъ захваченъ и увезенъ въ Парижъ, гдѣ хотѣли разстрѣлять его, какъ зажигателя и шпіона. Двое роллистовъ, Фелиппо и Тромленъ (по странному стеченію случайностей, Фелиппо былъ соученикъ Наполеона въ Бриенскомъ Училищѣ), оба искусные инженеры и враги революціи, успѣли спасти Смита изъ тампльской тюрьмы, и бѣжали съ нимъ въ Англію. Смитъ поклялся вѣчною ненавистью Французамъ. Народъ встрѣтилъ его въ Англіи торжественно, а правительство, съ чиномъ коммодора, назначило его начальникомъ блокадной экспедиціи въ Египетъ. Фелиппо и Тромленъ слѣдовали за нимъ. Смѣлость и неустрашимость Смита много способствовали пресѣченію всѣхъ средствъ сообщенія Европы съ Египтомъ. Онъ неоднократно подходилъ къ Александріи и бомбардировалъ ее. Узнавши о походѣ въ Сирію, Смитъ явился у Акры, ободрилъ Джеззара, отдалъ ему Фелиппо, Тромлена, нѣсколько англійскихъ офицеровъ и отрядъ солдатъ, учредилъ подвозы къ крѣпости запасовъ моремъ, поспѣшалъ перевозомъ войскъ въ Акру изъ Родоса, и неусыпно наблюдалъ за перевозомъ французской артиллеріи изъ Египта въ Сирію. Онъ успѣлъ захватить главную часть ея близъ сирійскихъ береговъ, перевезъ въ Акру, и противопоставилъ Наполеону французскія пушки, направляемыя руками искусныхъ французскихъ офицеровъ и англійскихъ артиллеристовъ. Ободренный Сиднеемъ Смитомъ, Джеззаръ рѣшился защищаться на-смерть. И безъ того страшные при оборонѣ крѣпостей, Турки были непобѣдимы.

Съ изнуреннымъ войскомъ, безъ осадной артиллеріи, безъ средствъ отрѣзать сообщенія крѣпости съ моря, безъ возможности прогнать Англчанъ, не смѣя обойти Акры, и оставить за собою главнаго мѣста соединенія силъ непріятельскихъ, Наполеонъ рѣшился довѣриться храбрости солдатъ, какъ довѣрялся ей столько разъ прежде. Сила должна была рѣшить, потому что искусство не могло здѣсь ничѣмъ пособить Наполеону. Вся артиллерія французская состояла изъ огромной каронады, взятой въ Баннатъ, осьмя мортиръ, четырехъ пушекъ двѣнадцати фунтовыхъ, и тридцати пушекъ четырехъ фунтовыхъ, и притомъ недо-

стало ни шороху, ни адець. Въ ожиданіи сомнительнаго успѣху было обширно по Сириѣ воззваніе Наполеона:

«Богъ благъ и милосердъ!»

«Извѣщаю васъ, что я пришелъ въ Палестину изгнать Мамлюковъ и войско Джеззара-наши. И по какому праву, дѣйствительно, распространилъ Джеззаръ свои угнетенія на области Яффы, Рамлы и Газы, не принадлежащія къ его вѣдѣнью? По какому также праву послалъ онъ войска въ Эль-Аришъ? Онъ вызвалъ меня на войну, но не вамъ, мирные жители, готовые я ужасы ея. Оставайтесь спокойны въ своихъ жилищахъ, и если кто отъ страху оставилъ ихъ, да возвратится въ домъ свой. Каждый да владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ. Желаю, да продолжать суда, по обыкновенію, обязанность свою отправлять правосудіе, и особенно, да будетъ покровительствуема и почтена вѣра наша, и мечети по-прежнему посѣщаемы всѣми добрыми мусульманами. Богъ, источникъ всѣхъ благъ, даетъ побѣду. Благо вамъ узнать, что всѣ усилія человѣческія тщетны передо мною, потому что все, что я предпріемлю, должно увѣнчаться успѣхомъ. Прощѣтутъ тѣ, кто объявитъ себя другомъ моимъ, и погибнутъ тѣ, кто объявитъ себя врагомъ моимъ! Событія въ Яфѣ и Газѣ должны научить васъ, что если я страшенъ врагамъ моимъ, я благъ къ моимъ друзьямъ, и особенно добръ и снисходителенъ къ единому народу.»

Вмѣсто покорности, толпы Мамлюковъ, Турковъ, Арабовъ, и даже Друзовъ, собрались отсюда. Наполеонъ обезопасилъ себя отъ ихъ нападѣнія, отрядивъ Клебера, съ трехъ-тысячнымъ корпусомъ, къ сторонѣ Ерусалима, и апрѣля двадцатаго началъ пальбу по Акрѣ; двадцатипятаго сдѣлана была брешь, пошли на приступъ, и увидѣли второй валъ и ровъ. Приступъ былъ невозможенъ. Началась осада. «Жребій Востока заключенъ въ этомъ городишкѣ (bicoque), говорилъ Наполеонъ, стоя на холмѣ, до-сихъ-поръ называемомъ холмомъ Ричарда Львиное Сердце. Мы возьмемъ его, и Дамаскъ нашъ, и Востокъ нашъ!»

До половины апрѣля продолжалась осада. Франгузы ходили на приступы, и—безуспѣшно. Между-тѣмъ пятнад-

цать тысячъ пѣхоты и двѣнадцатъ тысячъ конницы, отборныхъ войскъ непріятельскихъ, готовы были ударить на Наполеона, укрѣпясь въ лагерѣ близъ горы Саворскомъ, предводимые Абдаллою, вѣнскою дамаскимъ. Жюно бѣжалъ съ ними близъ Назарета, и отступилъ. Клеберъ думалъ застать ихъ въ-расплахъ въ саворскомъ лагерѣ, но былъ встрѣченъ и окруженъ ими. Груды тѣмъ обложили его карре, но бой долженъ былъ кончиться гибелью слабаго отряда Клебера и потому Наполеонъ не дремалъ. Онъ слышалъ объ опасности, и уже послѣднее велѣлъ солдатамъ въ двухъ карреяхъ. Неожиданный ударъ его ужаснулъ и разсѣялъ непріятеля. Турецкій лагеръ, три бунчука, обозъ и четыре ста верблюдовъ достались побѣдителямъ. Толпы непріятелей разбѣжались безъ битвы, и вся сборная армія, которую Турки называли «безчисленною, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской», была уничтожена. Устрашая бунтовщиковъ сирійскихъ, Наполеонъ велѣлъ выжечь и истребить всѣ возмущившіяся селенія.

Но побѣда не повела ни къ чему, и тщетно ожидали успѣха подъ Акрою, напрасно истощая всевозможныя усилія искусства и храбрости. Нѣсколько пушекъ и мортиръ получено было изъ Египта. Недостатокъ ядеръ замѣняли собираемыми на берегу англійскими, потому что Сидней Смитъ безпрестанно обстрѣлывалъ берегъ, хотя и причинялъ тѣмъ мало вреда. Солдатамъ платили за каждое ядро по пяти су, и они забавлялись подбораніемъ англійскихъ ядеръ. Порохъ найденъ въ изобиліи послѣ саворской битвы въ турецкомъ лагерѣ. Но Акра была неприступна. Гарнизонъ ея, непрерывно возобновляемый, усилился до 20,000 прибытіемъ новыхъ войскъ; въ числѣ ихъ были регулярныя полки турецкія, когда потеря каждаго чело-вѣка была невознаграждена осаждавшими. Храбрый Каффарели умеръ отъ жестокой раны; Ланнъ, Дюрокъ, Морать были ранены; Маліе, Ложіе убиты. Бомбу разорвало подлѣ Наполеона. Онъ не двинулся съ мѣста. Тренадеръ Дюмениль бросился къ нему, заслонилъ его собою, и оба уцѣлѣли при разрывѣ бомбы (въ 1809 Дюмениль былъ уже генераломъ, и лѣнился ноги подъ Бородинымъ). Битвы съ обѣихъ сторонъ доходили до неистоваго сме-

сточенія. Въ крѣпости свирѣствовала язва. Она была занесена въ лагерь ослаждающихъ, и губила храбрыхъ. Желая увѣрить, что эта страшная болѣзнь была не язва, Наполеонъ посѣщалъ госпитали, и прикасался къ больнымъ, утѣшая и ободряя ихъ. На прокламацію Наполеона, призывавшую къ союзу Друзевъ, Сидней Смитъ отвѣчалъ также призываніемъ ихъ, называлъ Наполеона «безсовѣстнымъ ренегатомъ». Наполеонъ отвѣчалъ ему извѣщеніемъ, что англійскій коммодоръ еумаспедшій. Възбѣшенный Сидней Смитъ послалъ Наполеону вызовъ на дуэль, и получилъ въ отвѣтъ, что французскій полководецъ принялъ бы вызовъ отъ Марлбурга, но драться съ бѣглецомъ изъ Тампла пошлетъ какого-нибудь своего гренадера.

До десятаго мая уже семь разъ ходили на приступъ, и семь разъ отбивали непріятельскія вылазки. Мая десятаго утромъ былъ сдѣланъ еще приступъ. Французы ворвались въ городъ. Деззаръ и Смитъ бросились въ битву на ряду съ другими. Удачнымъ отступленіемъ увлекли Французовъ, и отрѣзали ихъ отъ стѣны и помощи, когда вылазка заняла осаждавшихъ. Наполеонъ кинулся въ ряды сражавшихся. Турковъ прогнали, ворвались снова въ городъ, и освободили храбрыхъ, которые отчаянно защищались, затворившись въ мечети. Кровопрлитная битва долго кипѣла въ полу-разрушенной старинной башнѣ. Пушки, кинжалы и многолюдство Турковъ заставили отступить. Задумчиво возвратился въ ставку свою Наполеонъ, гдѣ окружили его Клеберъ и другіе генералы. Клеберъ смѣялся и говорилъ, что «они дерутся теперь, какъ Турки, а Турки, какъ христіане». — «Да, вскричалъ Наполеонъ, чувствую сколько людей и времени отнял у меня этотъ дрянной городишка, но мы должны сдѣлать еще разъ усиліе! Если успѣю, продолжалъ онъ съ жаромъ: я найду въ Акрѣ на 300,000 человекъ запасовъ, подниму всю Сирію, возьму Дамаскъ и Алеппъ, стану у Константинополя со ста тысячами, и черезъ Адрианополь и Вѣну возвращусь въ Парижъ! Если опять неудача—тотчасъ назадъ. Время не терпите—въ половинѣ іюня Турки явятся въ Египетъ. Отсюда они не придутъ: все въ развалины за нами—не оставлять слѣда жилищъ!»

Приступъ былъ ночью — ужасный, не безуспѣшный. Мая двадцатаго началось отступленіе, послѣ ограбленія двухъ вылазокъ. Непріятель долге не вѣрилъ неожиданному событію, и не смѣлъ преслѣдовать Французовъ, тѣмъ болѣе, что старался истребить всю къ тому возможность. Наполеонъ выжегъ селенія и разрушилъ всѣ средства сообщеній. Осадную артиллерию бросили въ море. При наступленіи изъ Яффъ, кромѣ тысячи грехъ сотъ раненыхъ, оставалось до пятидесяти зараженныхъ язвою, безъ всякой надежды на исцѣленіе. Везти ихъ съ собою, значило бесполезно губить армию. Положено было оставить ихъ. Посоветовавшись съ врачами, Наполеонъ велѣлъ безнадежнымъ раненымъ и зараженнымъ дать большіе приемы опиума, которые въ безпамятствѣ свели бы ихъ въ могилу. «Мое ремесло лечить, а не убивать!» отвѣчалъ ему докторъ Деженеттъ. «Я самъ принялъ бы опиуму, если бы заразился», отвѣчалъ Наполеонъ. Если смерть неизбежна, для чего не усладить ея страданія забвеніемъ въ послѣднюю минуту? Приказъ его былъ исполненъ. Клевета провозгласила впоследствии, что Наполеонъ оставилъ въ Яффѣ до 1,500 больныхъ и раненыхъ, не имѣя средствъ везти ихъ, и спасая отъ гибели и мученій подлѣ кинжаловъ раздраженныхъ мусульманъ, велѣлъ ихъ *отравить*... Всѣ больные были увезены въ Египетъ, кромѣ умирающихъ отъ язвы и ранъ, и совершенно безнадежныхъ; такихъ оставлено было въ Яффѣ не болѣе тридцати, и имъ дали, не яду, но опиуму.

Въ половинѣ іюня возвратилось французское войско въ Каиръ. Походъ сирійскій стоилъ до четырехъ тысячъ убитыми, умершими отъ ранъ, и погибшими отъ болѣзней и язвы. Скрывая неудачи, Наполеонъ говорилъ великолѣпными прокламаціями о взятыхъ городахъ, о великой битвѣ еаворской. Все повиновалось ему въ Египтѣ. Всѣ безмолвствовали передъ нимъ. Дезэ прогналъ Мураль-бея за нильскіе водопады, разбивая его безпрестанно, и занимая города и селенія. Въ одномъ изъ древнихъ египетскихъ храмовъ, на островѣ Филэ, горделиво начерталъ Дезэ имена, свое и своихъ спутниковъ, Даву, Фріана, Белліра, Данзоло и Латурнѣра. Одинъ изъ отрядовъ его за-

нялъ коссеврскій портъ на Черномъ Морѣ. Ланюсъ уничтожилъ возмущеніе эмира-гаджи въ Шаркіссѣ. Также легко усмирено возстаніе въ Дамангурѣ, гдѣ явился неувѣръ, называвшій себя ангеломъ Эльмоди, посланнымъ уничтожить неувѣрныхъ. Поощады мятежникамъ не было. Только милость и правосудіе съ одной стороны, и съ другой строгость неумолимая, могли удержать въ повиновеніи.

Но грустно спрашивалъ самого себя Наполеонъ: к чему повсѣдетъ дальнѣйшее пребываніе въ Египтѣ, и не должно ли оно кончиться гибелью? Такова была общая мысль. Еще любовь къ нему, примѣръ его и строгость, удерживали привязанность и повиновеніе войска, но уже онъ замѣчалъ уныніе солдатъ и нетерпѣніе офицеровъ. Самые вѣрные сподвижники осмѣливались тайно роптать, просили отпуска, спорили. Только волшебный взоръ Наполеона оставался, увлекалъ, заставлялъ раскаяться. Всего чаще спорился съ нимъ Клеберъ, и каждый разъ со слезами просилъ у него прощенія. Бертіе явился къ Наполеону требовать отпуска. «Бертіе! ты хочешь просить отпуска?» ласково спросилъ его Наполеонъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ въ замѣшательствѣ Бертіе, и удалился, не имѣя силъ сказать ни слова.

Новая опасность заставила всѣхъ забыть неудовольствія и новый подвигъ Наполеона возбудилъ общее удивленіе къ его генію.

Отступленіе отъ Акры приписывали уму и храбрости Сиднея. Султанъ прислалъ ему богатые подарки. Король англійскій позволилъ ему принять въ гербъ надпись: *Львиное Сердце*. Деззаръ оскорбился, что объ немъ не думали, и отказался отъ сбора войскъ для завоеванія Египта. Великій визирь прибылъ въ Акру, думалъ принудить

Фелиппо умеръ отъ чумы въ Акрѣ. Тромленъ возвратился впоследствии во Францію. Наполеонъ принялъ его въ службу полковникомъ, и смѣясь просилъ «стараться сдѣлать врагамъ его столько же зла, сколько сдѣлалъ онъ ему въ Акрѣ». Воспоминаніе объ Акрѣ было всегда непріятно Наполеону. Онъ говорилъ о Сидней Смитѣ, съ досадою: *Cet homme m'a fait manquer ma fortune*, когда уже былъ императоромъ.

его, и едва спасся посредствомъ Сиднея Смита. Джебзари страшно мстилъ племенамъ Друзовъ, и болѣе прежняго утвердилъ свою независимость въ Сиріи, презирая титулъ египетскаго паши. Оставалось дѣйствовать турецкими силами, собранными въ Родосъ и Сиріи. Сидней Смитъ заботился о перевозѣ ихъ въ Египетъ. Мѣстомъ высадки назначили Абукиръ. Извѣстіе о высадкѣ подтвердилось всеобщимъ движеніемъ Арабовъ и Мамлюковъ. Ибрагимъ-бей явился у Эль-Ариша, Эльфи-бей и Османъ-бей между Ниломъ и Чернымъ Моремъ, Мурадъ-Бей влѣво отъ Каира.

Немедленно велѣно было генералу Лагранжу идти на Османъ-бея, Мюрату на Мурадъ-бея, а Клеберу и Рениѣ спѣшить къ Александріи, и туда же поспѣшно двинуть отряды Дезе изъ Верхняго Египта. По городамъ оставлены слабыя гарнизоны. Наполеонъ всего болѣе опасался, что въ высадкѣ будутъ участвовать англійскія войска. Лагранжъ удачно напалъ на лагерь Османа и Эльфи-беевъ, десятаго іюля. Османъ былъ убитъ. Эльфи-бей бѣжалъ въ Нубію. Лагерь и обозъ достались Французамъ. Не менѣе успѣшна была схватка Мюрата съ Мурадъ-беемъ, бѣжавшимъ послѣ разбитія въ степи. Въ Романиѣсѣ, девятнадцатаго іюля, перейдя съ Ланномъ, Бонномъ и Мюратомъ сорокъ льѣ въ четыре дня, Наполеонъ узналъ о дѣйствіяхъ высадки. Турки, сопровождаемые Сиднеемъ Смитомъ, на сто пядитесяти транспортахъ, пристали къ полуострову, простирающемуся отъ Абукира до Александріи, овладѣли редутомъ и селеніемъ абукирскимъ, и окопались рвами и валами. Ихъ было до 18,000, при сильной артиллеріи, подъ начальствомъ Мустафы-паши. Англійскіе артиллеристы находились при войскѣ. Мармонъ, коммандантъ Александріи, допустившій оплошностью своею высадку и потерю редута, ободрилъ еще болѣе Турковъ тѣмъ, что двинулся противъ нихъ, но не смѣлъ сразиться и отступилъ. Наполеонъ успѣлъ извлечь выгоду изъ самыхъ ошибокъ. Не дожидаясь прихода другихъ своихъ войскъ, и имѣя до шести тысячъ, съ Мюратомъ, Ланномъ и Бономъ, онъ рѣшился смѣло атаковать Турковъ, обезпеченныхъ новыми укрѣпленіями, построенными впереди редута и се-

ленія Абукира. Атакъ Мюрата и ударъ пѣхоты заставили Турковъ бѣжать. Тѣмъ упорнѣ завязалась битва въ реду-тѣ. Янычары дрались кинжалами и отбили нападавшихъ. Французы отступили. Турки бросились на поле сраженія, рѣзать уши и головы неприятелей. Тогда усиленный ударъ смялъ толпы ихъ, и битва смѣнилась побойщемъ. Болѣе 12,000 Турковъ погубило въ морѣ, куда сбросили ихъ Французы; болѣе 3,000 пало въ битвѣ; остальные сдались. Мюратъ самъ сражался съ Мустафою-пашею, и своими руками захватилъ его въ плѣнъ. Представленный Наполеону, Мустафа былъ гордъ и угрюмъ. «Я засвидѣтельствую передъ Султаномъ о твоей храбрости,» сказалъ ему Наполеонъ. «Султанъ знаетъ безъ тебя, что я не трусъ,» отвѣчалъ Мустафа. Сидней-Смитъ велѣлъ поздравить Наполеона съ побѣдою, когда предложено ему было размѣнять плѣнныхъ. «Général! воскликнулъ Клеберъ, обвиняя Наполеона; vous êtes grand comme le monde» (генераль, ты великъ, какъ міръ)!

Сидней-Смитъ, ненавидя Наполеона, восхищался умомъ и дѣлами его, и въ знакъ уваженія, послалъ къ нему вина и фруктовъ. Посланный на англійской флотъ для переговоровъ о плѣнникахъ, спрашивалъ у Сиднея-Смита о дѣлахъ въ Европѣ, говоря, что уже около года они не имѣютъ никакихъ извѣстій. Въмѣсто отвѣта, Смитъ вручилъ ему книгу италіянскихъ газетъ. Жадно схватидъ ее Наполеонъ, не спалъ всю ночь послѣ битвы, и къ утру рѣшеніе его было опредѣлено: онъ оставлялъ Египетъ. Огромныя событія, вовсе ему неизвѣстныя, узналъ Наполеонъ. Безразсудство правителей Франціи, умъ Питта, отсутствіе Наполеона и измѣненія европейской политики довели къ такимъ дѣламъ, какихъ прежде невозможно было предвидѣть. Война страшно кипѣла въ Европѣ. Франція была на краю гибели, и—Наполеонъ ничего не зналъ!

Мы говорили, что въ то время, когда дипломатика путала узлы свои на раштадтскомъ конгрессѣ, дерзость Франціи снова возстановляла противъ нея союзъ государствъ Европы, не видѣвшихъ предѣла разрушительному наводненію силъ республики и мнѣній революціонныхъ. Директорія не хотѣла остановиться въ своихъ безразсуд-

ныхъ распоряженіяхъ, и ознаменовывала притомъ всѣ дѣла свои, не только смѣлою политикомъ, которую можно еще было простить — постыдное своекорыстіе увлекши правителей Франціи въ пелѣныя противарчія дѣла и словъ. Такъ, продолжая революцію въ Нидерландахъ, послѣ переворота января двадцать-второго, директорія неожиданно отмѣнила свое рѣшеніе, когда генераль Дендельсъ пріѣхалъ въ Парижъ, и деньгами купилъ ее согласіе возстановить прежнюю, областную нидерландскую конституцію. Какъ прежде демагогамъ, такъ теперь Дендельсу помогли штыками разогнать народныя собранія, подтверждая общее мнѣніе о непрочности всѣхъ революціонныхъ постановленій, и о томъ, что насиліе было единственнымъ средствомъ всѣхъ дѣлъ, и своекорыстіе правителей Франціи, а не благо народомъ, ихъ цѣлью. Несчастная мысль составить изъ Швейцаріи единую и нераздѣльную республику, вопреки желаніямъ жителей, была источникомъ нестоимыхъ бѣдствій. Горы и долины швейцарскія являли позорища битвъ и междоусобій, и за каждымъ слѣдовало кровавое возмездіе Французомъ, той партіи, которая не покупала золотомъ дружбы директоріи. Договоромъ съ Франціею Гельветическая Республика уступила наконецъ ей всѣ заграбленныя деньги и артиллерію, обязываясь выставить участокъ вспомогательныхъ войскъ. Но и послѣ того французскія войска остались въ Швейцаріи, а Леманская Республика, Женева и Мюльгаузенъ были присоединены къ Франціи. Затѣмъ слѣдовали грабежи и хищенія въ Италіи. И въ то же время совершилось нападеніе Наполеона на Египетъ и занятіе имъ Мальты.

Какъ-будто нарочно допуская Францію дать наиболѣе поводовъ къ разрыву мира, Австрія уклонялась отъ окончанія переговоровъ, но не изъясляла открытой неприязни, хотя приготовленіе войскъ и новые союзы императора показывали близость войны. Мы говорили о новомъ дѣятельномъ противникѣ Франціи, Императорѣ Павлѣ. Совершенно измѣнивши прежнюю политику Екатерины, медленную, нерѣшительную, ограниченную только дипломатическими протестами и угрозами, Императоръ Павелъ, принявъ за-

внѣ гросмейстера мальтійскихъ рыцарей, поднесенное ему депутатами ордена, послѣ завоеванія Мальты Французами, и отреченія Гомпена, заключая союзъ съ Турціею, отправляя свой флотъ въ Архипелагъ, предложилъ Австріи, Пруссіи и Неаполю, угрожаемому нападеніемъ Французовъ, союзъ и помощь, съ тѣмъ, что война должна продолжаться доколѣ Бурбонамъ не возвратятъ трона, не введутъ Францію въ прежніе предѣлы ея, и не возстановятъ порядку дѣлъ въ Европѣ. Англія дѣлалась послѣ этого естественнымъ союзникомъ Россіи. Слѣдствіемъ, кромѣ трактата Россіи съ Турціею, были трактаты Россіи и Англіи съ неаполитанскимъ королемъ, Россіи съ Португаліею и Англіею, договоръ Россіи о пособіи войсками Неаполю и Австріи, другой объ освобожденіи Италіи, Швейцаріи, Голландіи, и объявленіе непріязни Даніи и Испаніи, какъ союзницамъ Французской Республики. Людовику Осьмнадцатому, жившему въ Митавѣ, повелѣно отдавать всѣ надлежащія королю почести. Съ соизволенія Императора Павла, въ июнѣ 1799, совершено было въ Митавѣ бракосочетаніе дочери Людовика Шестнадцатаго съ сыномъ графа д'Артоа, герцогомъ Ангулемскимъ. Множество Французовъ поступило въ русскую службу. Корпусъ эмигрантовъ, подъ начальствомъ принца Кондэ, былъ призванъ изъ Германіи въ Россію, преобразованъ на счетъ русскаго правительства, и присоединился къ русскому корпусу, вступившему въ Австрію, когда Ушаковъ началъ завоеванія въ Адриатическомъ Морѣ. Русскія войска, соединенно съ неаполитанскими, должны были итти на Римъ, а другой корпусъ русскій, съ Англичанами, сдѣлать высадку въ Голландію.

Что жъ дѣлали правители Франціи, видя столь страшное сближеніе грозы? Какъ въ 1793 году, они сами горделиво вызывали на бой Европу, требовали отчета въ поступкахъ императора австрійскаго, объявляли, что вступленіе Русскихъ въ Германію примутъ за объявленіе войны, мечтали о высадкѣ въ Ирландію, и забывая объ участи египетской экспедиціи, сдвигали войска на Рейнъ. Вся, столь грозно возвѣщаемая высадка въ Англію ограничилась посылкою тысяча пяти сотъ человекъ войска въ Ирландію, гдѣ, отдавъ на жертву непріятелю, они сдались Англичанамъ послѣ

храброй защиты, а Ирландія предана была ищению Англичанъ, и проклинала вѣроломную свою союзницу. Только одно совершенно было успѣшно—удержаніе нейтралитета Пруссіи, и здѣсь честь принадлежала Сійесу, посланному въ Берлинъ. Въ тайныхъ переговорахъ онъ обѣщаль немедленный переворотъ во Франціи, и предлагаль французскій престолъ прусскому принцу. Посылать Талерана въ Константинополь даже и не подумали.

Новая война уже начиналась на материкѣ Европы. Надѣясь на подкрѣпленіе Австріи, ободренный присутствіемъ Нельсона и присылкою изъ Вѣны генерала Макка, считавшагося великимъ стратегикомъ, Неаполь первый двинуль войска, заняль Римъ и объявилъ Римскую Республику уничтоженною. Директорія велѣла генералу Шампioné немедленно идти въ Неаполь. Отвага Шампioné и неспособность Макка скоро рѣшили дѣло. Торжественно вступивъ въ Римъ въ ноябрѣ 1798, въ декабрѣ король неаполитанскій бѣжалъ въ Сицилію, а въ январѣ 1799 Шампioné заняль Неаполь, объявилъ званіе короля уничтоженнымъ, и Неаполь образоваль новую, союзную съ Франціею, Партепейскую Республику.

Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, былъ предлогъ, потому что Неаполь самъ началъ войну, но гораздо безразсуднѣе и наглѣе поступила Франція съ Пиемонтомъ. Подъ предлогомъ несогласій съ Генуею, Французы заняли Туринъ, и въ декабрѣ принудили сардинскаго короля подписать уступку Франціи всѣхъ земель на италіянскомъ материкѣ, оставляя себѣ во владѣніе только островъ Сардинію. Пиемонтъ объявленъ французскою областью. Французы заняли Тоскану, и увлекли дряхлаго папу во Францію.

И между-тѣмъ правительство, поступавшее столь смѣло, было терзаемо внутренними смятеніями, удаляло отъ себя приверженцовъ, усиливало ненависть противниковъ, не только позволяло, даже поощряло грабежи и притѣсненія повсюду, гдѣ провозглашало республику, свободу и равенство, дѣлилось добычею съ хищниками, видѣло явное неповиновеніе своихъ генераловъ, не смѣло наказывать ихъ, навлекло на себя общее презрѣніе, и дѣлалось предметомъ насмѣшки. Шампioné прогналь изъ Неаполя коммис-

саровъ республики. Брюнъ выгналъ чиновниковъ, присланныхъ къ нему изъ Милана. Оба генерала были за то сдѣланы, но, оскорбляясь своевольною свѣтлою товарищей, Жуберъ и Бернадоттъ отказались отъ службы. Чась расплаты за весь безразсудства, за весь поворотъ Франціи, настаивалъ. Европа бралась за оружіе. Пока Турція устремляла усилія противъ Египта, Англичане и Русскіе готовились на высадку въ Неаполь и Голландію, а два корпуса русскіе свѣдѣли въ Италію и Швейцарію, когда на Рейнѣ сдвигались двѣ арміи Австрійцевъ, кромѣ третьей, которой назначали соединиться съ Русскими на Адигѣ. На Рейнѣ принималъ начальство эрцъ-герцогъ Карлъ. Въ Италію призванъ былъ волею двухъ императоровъ престарѣлый фельдмаршалъ русскій Суворовъ. Франція должна была охранять берега свои, содержать армію въ Неаполѣ и Римѣ, защищать Нидерланды, Рейнъ, Швейцарію, Италію. Ни денегъ, ни войска не доставало. Не знали кому поручить начальство, и принуждены были мириться съ оскорбленными генералами, поручая Брюну защиту Голландіи, Бернадотту армію ниже-рейнскую, Журдану верхне-рейнскую, Массенѣ гельветическую, Шереру и Морѣ италіанскую, Макдональдъ неаполитанскую, и Шампоне резервную на югъ Франціи. При начавшихся громахъ оружія раврушился рапштадтскій конгрессъ, окровавленный въроломнымъ убійствомъ французскихъ пословъ, и въ одно время слышали въ Парижѣ о пораженіи французскихъ войскъ на Рейнѣ и на Адигѣ.

Но битвы при Веронѣ и Маньяно, гдѣ Край разбилъ Шерера, и при Штоккахѣ, гдѣ эрцъ-герцогъ Карлъ поразилъ Журдана, были только началомъ бѣдствій. Несмотря на частныя успѣхи Массены въ Швейцаріи, Суворовъ пошелъ громовоснымъ побѣдителемъ по тѣмъ полямъ, гдѣ за три года прежде побѣда вѣнчала труды и подвиги Наполеона. Въ безпорядкѣ отступилъ за Адду Морѣ, принявшій начальство вмѣсто Шерера, отдалъ побѣдителю Миланъ и Туринъ, и былъ стѣсненъ въ Апеннинскихъ Горахъ. Такъ бѣдствій не могли вознаградить слабыя успѣхи Массены въ Швейцаріи. Велѣно егѣшитъ изъ Неаполя Макдональдъ. Ожидали побѣдъ, обрадовались, когда Макдональдъ,

почти без боя, занялъ Тоскану, но Суворовъ встрѣтилъ его на берегахъ Тривин, и пока Морф старался соединиться съ Мандональдомъ, въ трехъ-дневномъ бою было разбито французское войско. Бѣдныя остатки его укрѣнились въ Ассининахъ, гдѣ молодой Жуберъ смѣшилъ Морф. Осмѣлившись выступить противъ русскаго вождя, новой главнокомандующій палъ въ кровопролитной битвѣ близъ Нови. Онъ убитъ въ передовой цѣпи застрѣльщиками, доказывая своею гибелью, что храбрые товарищи Наполеона не могли замѣнить его.

Слѣдствія побѣдъ Суворова были безмѣрны. Имъ были уничтожены всѣ еозанныя Франціею италіянскія республики. Герцогъ тосканскій и король неаполитанскій возвратились въ свои столицы. Въ Римѣ восстановлено папское правленіе. Суворовъ звалъ сардинскаго короля въ Туринъ. Всюду возставалъ народъ, уничтожая знаки французскаго владычества. Мантуя и Анкона были покорены. Шампюне, замѣнившій Жубера, съ остатками войскъ едва держался у Генуи и на Ривьерѣ-ди-Понѣнте. Суворовъ готовился вступить во Францію и идти прямо къ Парижу. Ушаковъ отнялъ Ионическіе Острова; Нельсонъ осадилъ Мальту и занялъ Минорку; Корсаковъ вступилъ въ Цюрихъ, и полковина Швейцаріи находилась во власти союзниковъ. Граница рейнскал была открыта. Въ Голландіи ждали Англичагъ и Русскихъ, и новыя силы кромѣ-того готовились въ Россіи и Австріи. Неутралитетъ Пруссіи начиналъ колебаться. Германскіе властители приступали къ союзу.

Франція видѣла вновь наступленіе тяжкихъ временъ 1793 года. Уже оживали возмутители Вандеи, и волновались южныя области. Противники правительства открыли народныя клубы, и ропотъ народа соединился съ ихъ укоряющимъ голосомъ. Обвиненія падали на правительство и уничтожали его. Тщетно думали дополнить войска новымъ закономъ конскрипціи, по которому каждый двадцати-лѣтній поступалъ въ военную службу—не было денегъ, не было оружія. Директорія хотѣла защитить себя выборомъ Сийеса, на мѣсто Реубеля, закрыла клубы, возобновила законъ о заложникахъ, но она забыла, что царство Улафу прошло безвозвратно. Мѣры ея называли тирани-

ствомъ. Сійесъ, Талеранъ (смѣненный съ его министерства), Бернадоттъ (возведенный въ званіе военнаго министра, и искорѣ смѣненный), Журданъ, лишенный начальства и поступившій въ Пяти-сотный Совѣтъ, гдѣ членомъ былъ Юзефъ Бонапарте, и председателемъ Луціанъ Бонапарте, составили сильную оппозицію, и принудили просить объ увольненіи директоромъ Ларсевейлера и Мерлена. На мѣста ихъ избрали Рожера Дюкд, стараго жирондиста, Мулена, плохаго генерала, и Гоше, бездарнаго адвоката. Они сдѣлались безсильнымъ орудіемъ интригъ Сійеса. Политическій мечтатель, давно готовившій новую конституцію, Сійесъ не скрывалъ необходимости полнаго переворота въ правленіи Франціи; сообщники его соглашались съ нимъ. Но кто могъ совершить этотъ переворотъ, при упадкѣ Франціи, волненіи народа, раздорѣ партій, когда враги со всѣхъ сторонъ угрожали республикѣ, и всѣ прежнія побѣды были погублены? «Господа! говорилъ Сійесъ: намъ надобны не слова — надобны голова и мечъ!» Понимали, что «голову» находилъ онъ на своихъ плечахъ, увѣренный въ своей государственной мудрости, но чей «мечъ» долженъ былъ охранить его премудрую голову?

И взоры всѣхъ обращались къ отдаленнымъ берегамъ Нила, гдѣ баснословными подвигами прославилъ себя бывшій покоритель Италіи. Голоса всѣхъ произносили имя одного — имя Бонапарте. «Гдѣ Бонапарте?» говорили люди всѣхъ партій. Одни пересказывали преувеличенныя извѣстія объ его побѣдахъ, объ его походахъ въ Индію, Эфиопію, Константинополь. Другіе представляли его жертвою низкой интриги, корыстною зависти правительства и товарищей, кричали о тридцати пяти тысячахъ отборнаго войска, съ лучшими генералами, заброшеннаго въ пески Египта, когда Франція грозила гибелью....

Таковы были событія, которыя узналъ, и такова была сущность, которую проникъ въ нихъ орлиный взоръ Наполеона, въ рѣшительную ночь послѣ абукирской битвы, гдѣ отыщенъ былъ неприятелю позоръ французскаго флота.

«Я предчувствовалъ, что они погубятъ Францію!» восклицалъ Наполеонъ, прерывая чтеніе, и мрачно ходилъ въ

своей палаткѣ. Уже не одно желаніе славы и почестей, но сознаніе, что его вызываетъ судьба на великое дѣло спасенія Франціи, влекло его въ Европу. Безграничная будущность разстилалась передъ нимъ, какъ то море, на берегу котораго стоялъ онъ, простирая жадные взоры въ Европу. Рѣшено: онъ поспѣшитъ туда, въ Европу, въ Парижъ, въ битвы. Онъ не имѣлъ позволенія правителей возвратиться, но кто осмѣлится потребовать у него отчета, если онъ тамъ явится? Если онъ погибнетъ — для чего отчетъ? Чего еще онъ могъ ожидать въ Египтѣ? Нѣсколькихъ побѣдъ и вѣрной гибели, смерти въ бесплодной битвѣ, или приказа воротиться во Францію, подписаннаго тѣмъ властителемъ, котораго возведетъ на французскій престолъ мечъ непріятеля? Горестное чувство стѣснило душу Наполеона при мысли, что онъ предастъ безвѣстному жребію нѣсколько тысячъ ратныхъ товарищей своихъ, увлеченныхъ его именемъ изъ отчизны, съ такою безотчетною довѣренностью, что они даже не спрашивали, куда вель онъ ихъ. Но самое спасеніе ихъ не зависѣло ли отъ возвращенія Наполеона въ Европу? Они — и Франція, Египеть — и Европа: оставалось ли сомнѣніе?

Скрывая тайну свою, Наполеонъ ничего не сказалъ объ извѣстіяхъ изъ Европы, спокойно возвратился въ Каиръ, провелъ нѣсколько дней въ распоряженіяхъ, и снова отправился въ Александрію, когда узналъ, что Сидней-Смитъ, съ остатками турецкаго войска и флотомъ, удаленъ. Ланнъ, Мюратъ, Андресси, Бертіе сопровождали его, и при немъ были Монжъ, Бертолле и Денонъ. Мену и Клеберу также велѣно слѣдовать въ Александрію. На другой день по прибытіи, не дожидаясь Клебера, Наполеонъ выѣхалъ изъ Александрии, и остановился на берегу небольшой бухты, гдѣ уже были готовы двѣ шлюпки. Вдали видѣлись на рейдѣ два фрегата и два небольшія судна. Наполеонъ обратился къ своимъ товарищамъ, и какъ изумленъ былъ Мену приказомъ Наполеона, по случаю отъѣзда главнокомандующаго, принять, вмѣстѣ съ Клеберомъ, начальство надъ египетскою арміею! Ланнъ, Мюратъ, Андресси, Бертіе, Мармонъ и Бессіеръ получили повелѣніе слѣдовать за Наполеономъ во Францію. Такое же прика-

заніе объявлено Монжу, Бертолле и Денону. «Генералъ! вы ѣдете во Францію?» воскликнулъ Мену. «Да, я ѣду во Францію», отвѣчалъ Наполеонъ, и никто не смѣлъ возражать, даже сказать одно слово. Шлюпки поплыли къ кораблямъ, ожидавшимъ ихъ: то были фрегаты «Мюиронъ» и «Каррьеръ», и двѣ шебеки, «Возмездіе» и «Счастіе», за нѣсколько дней тайно приготовленные къ отплытію контръ-адмираломъ Гантомомъ. Вскорѣ удалились суда отъ береговъ, сопровождаемые печальными взорами тѣхъ, кто оставался на враждебныхъ берегахъ Египта. Утлой ладьѣ ввѣрялъ свою участь новый Цезарь, готовый воскликнуть робѣющему кормщику: «Чего страшиться? Ты везешь Цезаря!»—«Это было одно изъ тѣхъ безразсудствъ, какими гений искушаетъ судьбу, и послѣ которыхъ пріобрѣтаетъ онъ ту безграничную къ самому себѣ довѣренность, которая ведетъ къ величію и паденію.»

Здѣсь кончился египетскій походъ Наполеона, начатый съ такими обширными надеждами, и разрушенный безразсудствомъ правителей Франціи, новымъ союзомъ европейскихъ государей, гибелью французскаго флота при Абукирѣ, неудачею Наполеона подъ Акрою, подвигами Суворова, Нельсона и Сиднея-Смита. Ознаменованный блестящими событіями, онъ былъ увѣковѣченъ учеными трудами французской экспедиціи, и прибавилъ новую легенду къ рассказамъ восточныхъ жителей. Какъ о подвигахъ древняго Искендера, они говорятъ о дѣлахъ Абунапарте, о томъ, какъ любилъ онъ мусульманъ и громилъ Мамлюковъ, какъ уплылъ въ Европу, гдѣ двѣнадцать царей опомли его зельемъ, сковали, и отвезли на дикій островъ, гдѣ онъ умеръ. Духъ его, говоритъ арабскій рассказчикъ, въ полночь является на вершинѣ пирамидъ, призывая воплемъ своихъ товарищей, и вѣтъ вихремъ сыпучіе пески, рыща по степнымъ пустынямъ.

Едва потеряли изъ виду египетскіе берега, вдали показались два корабля. «Не бойтесь! Мы доплывемъ благополучно. Счастіе не оставитъ насъ!» спокойно говорилъ Наполеонъ своимъ встревоженнымъ товарищамъ. Двадцать дней эскадра встрѣчала противные вѣтры, и держалась близъ африканскаго берега. Наполеонъ во все время

былъ весель, спокойно читалъ Библію и коранъ, прохаживался по палубѣ, говорилъ съ военными о своихъ египетскихъ битвахъ, съ учеными объ открытіяхъ въ Египтѣ. Въ концѣ сентября эскадра направилась на сѣверъ, и тридцатаго сентября остановилась близъ Аяччіо, какъ-будто снова изъ мѣста роины надлежало явиться во Франціи Наполеону. Онъ не сходилъ съ корабля. Здѣсь обмѣняли 17,000 пехивновъ—единственное богатство изъ всѣхъ добычь, взятое Наполеономъ. Слухъ объ англійской эскадрѣ, крейсирующей передъ Тулономъ, заставилъ Наполеона направлять плаваніе отъ Корсики правѣ, и уже вдали видны были берега Франціи, когда въ морѣ заблѣлись паруса англійскихъ кораблей. Гантомъ хотѣлъ воротиться въ Корсику. Наполеонъ велѣлъ править прямо къ берегу, и октября девятаго, 1799 года, утромъ, близъ небольшого залива Сенъ-Рифо, подлѣ Фрежюса, послѣ сорока-дневнаго плаванія, бросилъ якорь корабль, на которомъ былъ *человѣкъ судьбы*. Путешествіе его между англійскими флотами на Средиземномъ Морѣ казалось столь чудеснымъ, что многіе думали, будто Англичане тайно согласились пропустить Наполеона во Францію.

Здѣсь, даже и непріязненный историкъ Наполеона, восклицаетъ въ удивленіи: «Онъ отправился съ сильнымъ флотомъ и побѣдоносною арміею, думая предписать законы древнему міру. Слѣдствія далеко не оправдали его намѣреній: армія осталась въ чужой землѣ, когда столь потребна была помощь ея отечеству; флотъ былъ уничтоженъ; главнокомандующій возвращался украдкою — почти одиень. И между-тѣмъ онъ былъ *человѣкъ*, избранный Провидѣніемъ произвести перевороты и измѣненія, изумительныя болѣе всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо усиліями великихъ завоевателей были производимы на лицѣ земли.»

Н. ПОЛЕВОЙ.

==

IV.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=
ОПЫТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ
НА СЕЛЬСКОЕ ДОМОВОДСТВО РОССИИ.

=
ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ БАРОНА АЛЕКСАНДРА БОДЕ.

=
СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

=
Примерный расчетъ доходу отъ десятины земли, засаженной кукурузою съ подсолнечникомъ и тынвою. — Дико-растущія растенія. — Рѣдкіе посѣвы. — Ложное мнѣніе о необходимости переѣзжать семена льна и конопли.

=
Для образчика, какія выгоды могутъ доставить расчетливому хозяину предметы, которые съ перваго взгляду кажутся вредными.
Т. LXVII. — Отд. IV.

141

жуются маловажными, я помѣшу здѣсь примѣрный расчетъ дохода какой можетъ дать въ южныхъ губерніяхъ круглая десятина земли, въ пятьдесятъ квадратныхъ сажень, засаженная кукурузою съ подсолнечникомъ и тыквою.

Я полагаю раздѣлять всю десятину на квадраты, которые имѣли бы въ длину и въ ширину по двѣ сажени, то есть, четыре квадратныя сажени, какихъ всего выйдеть шесть сотъ двадцать пять. Сперва надобно вспахать и забороновать всю десятину, и потомъ сохою провести борозды для обозначенія кварталовъ; въ эти борозды должно сажать отборныя семена кукурузы (предварительно смоченныя) въ разстояніи одно отъ другаго на пол-аршина; послѣ-того обведя всю десятину такою же бороздою, засадить ее также кукурузою; при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы посадку семянъ начинать въ четверти аршина отъ угла квадрата, для того чтобы перекрестныя линіи не мѣшали одна другой. Такимъ образомъ будетъ на десятинѣ 15,600 кустовъ кукурузы, изъ которыхъ для круглаго счету можно исключить шестьсотъ, на случай пропажи.

Въ серединѣ каждаго изъ шести сотъ двадцати пяти квадратовъ дѣлаютъ ямку, имѣющую въ поперечникѣ пол-аршина, и полъ-аршина же въ глубину; потомъ хорошенько перебиваютъ въ ней землю, сажаютъ туда три или четыре семечка исполинской тыквы, и закрываютъ ихъ на вершокъ землю, а сверху насыпаютъ немного стараго навозу, приравливаясь такъ, чтобы всё еще оставалось довольно углубленія для удержанія дождевой воды.

Посерединѣ каждой квадратной сажени кладутъ по одному отборному семечку самага крупнаго роду подсолнечника, что ни мало не мѣшаетъ тыквеннымъ плетямъ раскинуться во всѣ стороны; это составитъ шестьсотъ двадцать пять кустовъ тыквенныхъ и двѣ тысячи пятьсотъ кустовъ подсолнечника.

Когда кукуруза отцвѣтетъ, и изъ концовъ шишекъ

уже покажутся волоски, тогда срѣзываютъ стволы съ мужскимъ цвѣтомъ, однимъ колѣнцомъ выше верхней шишки. Эти обрѣзки служатъ хорошимъ кормомъ для коровъ, овецъ и козъ.

Тыквенныя плети срѣзываютъ колѣнца два пониже послѣдней тыквенной завязи, не оставляя болѣе двухъ тыквъ на каждой плети, и не болѣе одной, ежели плеть безъ того коротка, или слаба.

На подсолнечниковомъ стеблѣ оставляютъ только двѣ, а много три головы, прочія же всѣ срѣзываются еще до раздѣланія: всѣ эти обрѣзки доставляютъ весьма хорошій кормъ для скота.

Можно полагать по двѣ шишки на каждомъ кустѣ кукурузы, на многихъ и болѣе; (мнѣ случалось видѣть на американской кукурузѣ даже до пяти шишекъ), что составитъ съ пятнадцати тысячъ кустовъ тридцать тысячъ шишекъ; въ каждой изъ нихъ можно считать кругомъ около трехъ сотъ хорошихъ зеренъ, или въ шесть сотъ разъ противъ посѣва, приѣрно около двадцати четвертей.

Въ каждомъ квадратѣ можно считать по малой мѣрѣ четыре огромныхъ тыквы; полагая въ нихъ круглымъ счетомъ до десяти пудовъ, что составитъ съ шести сотъ двадцати-пяти квадратовъ около шести тысячъ двухъ сотъ пятидесяти пудовъ тыквы; полагая въ томъ числѣ двѣ тысячи пудовъ корки, сто двадцать пять пудовъ семени, и сто двадцать пять пудовъ семянныхъ сѣтокъ, останется чистаго тыквеннаго мяса около четырехъ тысячъ пудовъ.

Корки, срѣзаемыя плети и прочіе обрѣзки даютъ хорошей сырой кормъ для коровъ, овецъ, козъ и свиней; его набирается всего около трехъ тысячъ пудовъ.

Полагая съ двухъ тысячъ пяти сотъ подсолнечниковыхъ кустовъ, не болѣе двухъ головъ на каждомъ, всего

пять тысячъ головъ, а въ головѣ по одному фунту семени, выйдетъ около ста двадцати пяти пудовъ.

Листья подсолнечника дадутъ хорошій кормъ для овецъ и козъ; да сверхъ-того двадцать тысячъ стеблей подсолнечниковыхъ и кукурузныхъ составятъ около пяти кубическихкихъ сажень топлива, весьма удобнаго для обжигу кирпичей и черепицъ; изъ золы же отъ того получаемой, дѣлаютъ превосходный поташъ.

Для просушиванія кукурузныхъ шишекъ и подсолнечныхъ головъ должно имѣть навѣсъ, гдѣ бы воздухъ имѣлъ свободное теченіе; надобно принять мѣры для устраненія птицъ, равно какъ прѣтивъ крысъ и мышей; всего лучше такой навѣсъ сдѣлать на возвышенномъ мѣстѣ на столбахъ, и вмѣсто стѣнъ обтянуть кругомъ сѣтью.

Изъ тыквенныхъ и подсолнечниковыхъ семянъ дѣлается, какъ мы уже говорили въ одной изъ предъидущихъ нашихъ статей, превосходное масло, лучше прованскаго для постныхъ столовъ; съ одной десятины можно полагать около тридцати пудовъ того и другаго масла; ежели считать фунтъ не дороже одного рубля, то одинъ этотъ предметъ составитъ уже двѣ тысячи четыреста рублей ассигнаціями.

Избоины обѣихъ сортовъ будутъ охотно покупать, какъ для дѣланія изъ нихъ постнаго молока, такъ и для простаго лакомства, особливо ежели дѣлать изъ нихъ лепѣшки съ примѣсю меду, подобно маковымъ. Откидывая десять пудовъ на шелуху, останется еще сто восемьдесятъ пудовъ избоины; полагая пудъ не дороже четырехъ рублей, это составитъ еще семьсотъ двадцать рублей. Высушенную избоину можно обратить въ муку для употребленія въ нирожное.

Изъ тыквеннаго мяса можно гнать водку, также дѣлать сахаръ, а изъ остатковъ водку; барда же пойдетъ въ кормъ скоту. Можно также, изрѣзавъ его въ репейки,

высушить, и потомъ по превращеніи въ муку, употреблять въ кушанье. Вообще по этому предмету можно дѣлать еще любопытные опыты, которые поведутъ къ прибыльнымъ результатамъ.

Изъ кукурузы дѣлаютъ отличную муку для пирожныхъ, а обдирки употребляются на откармливаніе свиней. Даже стержни кукурузныхъ шишекъ не пропадутъ безъ пользы; они годятся въ топливо, и зола ихъ даетъ превосходный поташъ; изъ тридцати тысячъ стержней выйдетъ по-крайней-мѣрѣ одна кубическая сажень топлива.

Солома, обвивающая кукурузныя шишки, употребляется на пахитосы; слѣдовательно, и самая солома, которую до-сихъ-поръ бросали безъ пользы, можетъ доставить нѣкоторую выгоду.

Теперь сведемъ итогъ всѣмъ означеннымъ здѣсь предметамъ.

20 четвертей кукурузы, по 10 рублей . .	300 руб.
4,000 пудовъ тыквеннаго мяса по 10 копѣекъ	400 —
тыквенныхъ корокъ, и всякихъ обрѣзковъ въ корнѣ скоту, три тысячи пудовъ по 5 копѣекъ	150 —
6 сажень топлива, съ поташемъ, по 10 р.	60 —
60 пудовъ масла, по 40 руб.	2400 —
180 пудовъ изюбны, по 4 руб.	720 —
	<hr/>
	3,930 —

Какая десятина можетъ дать подобный доходъ по обыкновенному порядку сельскаго нашего домоводства? Между-тѣмъ предметы эти самые простые, всѣмъ извѣстные; стоить только умѣть извлечь изъ каждой вещи всю возможную выгоду съ надлежащею хозяйственною распорядительностью, и стараться о томъ, чтобы ничего не пропало даромъ.

Положимъ, въ угодность сомнѣвающимся въ вѣрности этого расчета, или въ предположеніи не всегда удачнаго

урожае, что я ошибся на половину, то всё-еще останется доходу съ одной десятины до двухъ тысячъ рублей. Много ли потребуется работниковъ на эту десятину? — одного тягольнаго достаточно, чтобъ ее вспахать, заборонить, и управлять прочими работами; а оставшая работа вся такого рода, что легко можетъ быть исправлена женщинами и полу-тягольными; развѣ только при уборкѣ тыквы, по причинѣ ихъ тяжести, надобно будетъ прибавлять на нѣсколько дней по три, или по четыре работника изъ тягло-выхъ.

Этотъ расчетъ сдѣланъ для южныхъ губерній, но я думаю, что близъ Петербурга онъ окажется еще значительнѣе: я видѣлъ здѣсь вырощенныя тыквы въ два пуда съ половиною и болѣе; находилъ также кукурузу въ огородахъ. Положимъ, что тыквенныя семена надобно будетъ сперва выростить въ парникахъ, и послѣ пересадить на непрѣмныя мѣста; но великъ ли надобенъ парникъ для выращиванія въ немъ двухъ тысячъ пяти сотъ тыквенныхъ семянъ, которыя можно напередъ продержать нѣсколько дней въ теплой комнатѣ въ мокромъ мохѣ, и посадить въ парникъ только тѣ, которыя выпустятъ ростки. Во всякомъ случаѣ это, конечно, лишній расходъ; но зато тыквенное мясо продается въ Петербургѣ не по десяти копѣекъ пудъ, а развѣ по рублю; въ столицѣ также хорошо продавались бы тыквы съ посоленными въ нихъ огурцами, и медовыя лепѣшки изъ выжимокъ.

Положимъ, что кукуруза не дойдетъ здѣсь до такой степени зрѣлости, какъ въ Малороссіи; но въ недозрѣломъ видѣ кукурузныя шишки очень вкусны, если сварить ихъ въ соленой водѣ, и кушать съ свѣжимъ чухонскимъ масломъ; слѣдовательно, можно надѣяться, что въ такомъ видѣ кукуруза дастъ здѣсь гораздо болѣе доходу, нежели въ Малороссіи въ созрѣломъ видѣ.

Подсолнечникъ созрѣваетъ здѣсь хорошо, и мнѣ случилось имѣть здѣсь головки подсолнечника отъ десяти до двѣнадцати вершковъ въ поперечникѣ. Для лучшаго успѣ-

ху надобно было бы только каждый годъ выписывать изъ Малороссіи свѣжія семіяна всѣхъ этихъ растений, что не многого будетъ стоить. Вообще сельское домоводство есть такое дѣло, по которому смѣшленный хозяинъ можетъ получить несравненно болѣе выгоды, нежели несмѣшленный, или упрямый, слѣпо привязанный къ старинѣ.

Увѣренность въ томъ, что Богъ ни чего не создалъ безъ пользы, должна бы побудить каждого благоразумнаго хозяина, обращать тщательное вниманіе на всѣ растенія, которыя дико растутъ въ его имѣніи; потому что они должны быть преимущественно полезны тамъ, гдѣ природа ихъ производитъ сама собою.

Недовольно того, чтобы просто разглядѣть такое растеніе; нѣтъ, надобно его разложить химически, чтобы узнать его составныя части, и по этому сдѣлать заключеніе, какую оно можетъ доставить пользу; потомъ дѣлать надлежащія опыты въ маломъ видѣ, и наконецъ распространить такія разведенія въ большемъ объемѣ, ежели открытая полезность растенія того заслуживаетъ. Такія изслѣдованія доставляютъ пріятное препровожденіе времени, требуютъ весьма мало расходовъ, а часто могутъ открыть богатый источникъ новыхъ доходовъ, и пользы по медицинской части.

Между прочимъ я твердо увѣренъ въ томъ, что дико-растущія кормовыя травы гораздо полезнѣе, нежели выписанныя изъ другихъ мѣстъ, гдѣ климатъ и другія условія мѣстности неодинаковы съ мѣстностью того имѣнія, гдѣ находятся эти дико-растущія травы; а чтобы онѣ росли роскошнѣе, нежели въ дикомъ состояніи, то на это требуется только такое же тщательное приготовленіе земли, какое дѣлаютъ для выписныхъ; при чемъ собираніе своихъ семянъ навѣрное обойдется дешевле, нежели покупка выписныхъ.

Кстати скажу здѣсь: проѣзжая нынѣшнимъ лѣтомъ по варшавскому шоссе, недалеко отъ Гатчины, я замѣ-

тилъ роскошно растущій кустъ сурѣпицы за канавкою, на запущенномъ пастбищѣ; это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что сурѣпица навѣрное удастся, ежели ее посѣять. Крайъ земли, на которой я видѣлъ этотъ кустъ, довольно тощій съ сѣнью; слѣдовательно, можно ее посѣять и на неудобренной землѣ, не опасаясь неудачи; а ежели есть удобренная, то тѣмъ лучше. Между-тѣмъ мнѣ не случилось еще видѣть, чтобы въ окрестностяхъ здѣшней столицы засѣвали поля сурѣпицею, которая доставляла бы здѣсь значительный доходъ.

Выписать семена сурѣпицы изъ внутреннихъ губерній, гдѣ ее разводятъ, конечно, не многого будетъ стоить; но ежели предполагать, что дико-растущая надежнѣе, то и это очень легкое дѣло; только оно потребуетъ болѣе времени, чтобы получить достаточное количество семянъ для значительнаго посѣва; однакоже и тутъ не нужно слишкомъ много терпѣнія. Положимъ, что вы съ дикаго, роскошно растущаго куста сурѣпицы не соберете болѣе пяти сотъ всхожихъ зеренъ, и что вы не нашли на своей землѣ болѣе десяти такихъ кустовъ, — это составитъ пять тысячъ; посадите, или посѣйте ихъ на семнадцатой долѣ указной десятины, что составитъ участокъ въ четырнадцать сажень длиною и десять сажень шириною; такъ чтобы каждый кустъ занималъ около квадратнаго полу-аршина пространства, и могъ бы, слѣдовательно, расти роскошно. Положимъ, что вы и отъ этихъ пяти тысячъ кустовъ получите не болѣе, какъ по пяти сотъ всхожихъ зеренъ: это составитъ уже два съ половиною милліона зеренъ: и будетъ достаточно на засѣвъ двадцати пяти десятинъ, полагая по сто тысячъ зеренъ на каждую десятину.

Указная десятина содержитъ въ себѣ осемьдесятъ шесть тысячъ четыре ста полуаршинныхъ квадратовъ, которые я считаю необходимыми для каждого куста сурѣпицы, чтобы она расла роскошно, и давала богатый урожай; но какъ иное зерно не всхожее, или отъ непредвидимаго поврежденія кое-гдѣ погибаетъ молодое растеніе, то прибавляю къ показанному числу еще тринадцать тысячъ шесть

сотъ зеренъ, что вмѣстѣ составитъ сто тысячъ зеренъ на каждую десятину; слѣдовательно, ежели бы вамъ удалось найти и сохранить въ первый годъ только одинъ хорошій кустъ дико-растущей сурѣпицы на вашей землѣ, то на слѣдующій годъ вы, по вышесказанной весьма умѣренной прогрессіи, получите уже двѣсти пятьдесятъ тысячъ зеренъ, или сколько нужно на посѣвъ двухъ съ половиною десятинъ. Въ одномъ фунтѣ сурѣпицы считается около шестидесяти тысячъ хорошихъ зеренъ; прибавля къ нимъ еще двѣ трети фунта, это составитъ сто тысячъ зеренъ, которыхъ, я полагаю, необходимо на посѣвъ одной десятины; посѣявъ ихъ на тщательно воздѣланной землѣ можно со всею вѣроятностью надѣяться, что такой кустъ дастъ по малой мѣрѣ вчетверо болѣе полновѣсныхъ зеренъ, нежели дико-растущій на вовсе невоздѣланной землѣ; поэтому съ осмидесяти шести тысячъ четырехъ сотъ кустовъ, выросшихъ на одной десятинѣ, можно надѣяться получить семьдесятъ два пуда сурѣпныхъ зеренъ.

Вѣроятно—многіе старинные хозяева будутъ забавляться надъ моею методою рѣдкаго посѣву; потому что они обыкновенно радуются густымъ всходамъ всякаго хлѣба, и полагаютъ въ этомъ надежду на хорошій урожай; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, они, вѣроятно, удостовѣрятся въ справедливости моихъ доводовъ.

Чѣмъ гуще сдѣланъ посѣвъ, тѣмъ менѣе корнямъ достается мѣста распространяться въ землѣ, слѣдовательно тѣмъ менѣе корни получаютъ пищи, и переплетаясь между собою, отнимаютъ одинъ у другаго растительную силу. Слабость растенія есть естественное слѣдствіе слабости корня; а слабое растеніе даетъ мало плода, да и этотъ плодъ тощій, такъ что въ такомъ хлѣбѣ окажется болѣе отрубей и гораздо менѣе питательныхъ частей, а въ масляныхъ зернахъ болѣе шелухи и менѣе масла, нежели при рѣдкомъ посѣвѣ. Кромѣ-того растеніе, по слабости своей, болѣе подвержено поврежденію отъ непогоды, нежели растеніе сильное; и при неурожаѣ хозяинъ лишается гораздо болѣе въ посѣвѣ, нежели тотъ, который сѣялъ рѣдко. При

этомъ открывается еще важное неудобство; ежели нива зарастетъ сорными травами, что сплошь встрѣчается, то или нельзя ее прополоть, и тогда сорныя травы совершенно заглушаютъ хлѣбъ, такъ что онъ не дастъ и третьей доли ожидаемаго урожая; или должно затоптать значительную часть всходовъ, чтобы добраться до сорныхъ травъ, съ которыми непременно вырываютъ и часть всходовъ. Притомъ густой посѣвъ чрезвычайно изнураетъ землю, такъ какъ наполняющіе ее корни съ жадностью поглощаютъ всѣ питательные соки почвы.

Напротивъ-того при рѣдкомъ посѣвѣ корни распространяются свободно въ землѣ во всѣ стороны, и будучи сильнѣе, далѣе въ нее углубляются, и получаютъ отъ того болѣе средствъ питанія, безъ изнуренія почвы.

Сильный корень даетъ сильное растеніе, которое гораздо легче и надежнѣе слабого противится вредному вліянію непогоды: такое растеніе даетъ гораздо болѣе и полномѣншійшаго плода нежели отъ тощаго корня. При общемъ неурожаѣ хозяицъ рѣдко посѣяннаго поля выручаетъ все-таки болѣе нежели тотъ, который посѣялъ густо, и во всякомъ случаѣ теряетъ менѣе въ посѣвѣ. Зарастаетъ ли нива сорными травами, до нихъ легко добраться, чтобы ихъ вырвать и вынести изъ поля вонъ, не опасаясь затоптать всходы.

При рѣдкихъ посѣвахъ кустоватость растенія доставляетъ корню нужную тѣнь, сохраняющую около него необходимую влажнѣсть, и вмѣстѣ съ тѣмъ не препятствуетъ нужному для укрѣпленія растенія протеченію воздуха; да притомъ и солома бываетъ всегда длиннѣе и крупнѣе, отъ чего она имѣетъ болѣе питательности, ежели ею кормить скотъ, и даетъ болѣе подстилки.

Для желающаго понимать кажется и этого довольно, чтобы доказать преимущество рѣдкаго посѣва передъ густымъ; а кто лучше знаетъ, тому и книги въ руки. Есть люди, которыхъ ни чѣмъ не увѣришь, даже собственнымъ

жхъ опытами. Примѣровъ искать недалеко: въ послѣдней трети Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1843 годъ, на страницѣ 285, сказано, что два члена общества дѣлали опыты надъ моченіемъ зеренъ передъ посѣвомъ по моей методѣ, и что эти опыты оказались неудовлетворительными: одинъ членъ умолчалъ о подробностяхъ сдѣланнаго имъ опыта, а другой объяснилъ, что онъ на одной десятинѣ посѣялъ одну четверть ржи по этой методѣ, а на другую десятину посѣялъ три четверти не моченой ржи, и что обѣ десятины дали одинаковый результатъ, по девяти четвертей каждая.

Числа 9 и 9, конечно между собою равны, но не равны числа 1 и 3. На одной десятинѣ моченая рожь родилась самъ-девять, а на другой же моченая рожь родилась самъ-третей; кажется, что тутъ есть значительная разница, которую нельзя назвать одинаковымъ результатомъ; и я совершенно увѣренъ, что если бы господинъ испытатель посѣялъ только полчетверти моченой ржи, то получалъ бы тѣ же девять четвертей урожаю.

Поэтому опыту, названному неудовлетворительнымъ, остались однако жъ двѣ четверти ржи, которыя не были посѣяны на первой десятинѣ; а какъ тотъ же опытъ доказалъ, что по обыкновенной методѣ посѣва нельзя надеяться на урожай свыше самъ-третей, пропорціонально противъ урожая отъ моченыхъ по моей методѣ семянъ, то эти оставшіяся отъ посѣва двѣ четверти составляютъ чистый барышъ. Положимъ, по обыкновенной сложности здѣшнихъ цѣнъ, по пяти рублей серебромъ четверть, это составитъ десять рублей серебромъ; положимъ самую необъятную цѣну за припасы для моченія семянъ на одну десятину, и за лишнюю работу—одинъ рубль серебромъ, то останется экономіи отъ такого посѣва девять рублей серебромъ отъ одной десятины.

Обыкновенно считаютъ, что двѣ крестьянскія души, или одно тягло, обрабатываютъ на помѣщика одну десятину земли въ каждомъ полѣ; слѣдовательно, сто душъ крестьянъ

лнѣ засѣять для своего господина пятьдесятъ десятинъ озимаго хлѣба, и пятьдесятъ десятинъ яроваго, да столько же для себя; поэтому при такомъ рѣдкомъ посѣвѣ останется экономіи отъ деревни во сто душъ крестьянъ, отъ одного хлѣбопашества, помѣщику 900 рублей серебромъ, или 3,150 рублей ассигнаціями и столько же крестьянамъ; слѣдовательно, гораздо болѣе, нежели послѣднимъ нужно для покрытія всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей. А часто ли помѣщикъ получаетъ нынче столько дохода при старинной методѣ посѣва, сколько тутъ осталось экономіи по моей методѣ?

Этотъ опытъ скорѣе бы я имѣлъ право назвать неудовлетворительнымъ, по сравненію съ опытами, которые я самъ производилъ. Мнѣ случалось получить отъ посѣва трехъ съ половиною пудовъ пшеницы, такимъ образомъ замоченной, на одной десятинѣ тощей, неудобренной земли, двѣсти шестьдесятъ пудовъ полнозѣсныхъ семянъ, не считая того, что и соломы получили по малой мѣрѣ вдвое болѣе противъ сосѣдей, которые сѣяли свою пшеницу по старинному обычаю; что составляетъ урожай самъ-семьдесятъ-четверть, а много ли помѣщиковъ могутъ похвалиться, чтобы они получали двѣсти шестьдесятъ пудовъ пшеницы съ одной указной десятины?

На поляхъ, обыкновеннымъ образомъ засѣянныхъ, болѣею частью видно отъ каждаго корня по одному, и рѣдко болѣе четырехъ колосевъ; а у меня ихъ было отъ десяти до сорока. Между прочимъ я дѣлалъ опытъ сажать семена пшеницы, ржи, овса и ячменя по грядкамъ, разстояніемъ одно отъ другаго на четверть аршина, и получилъ отъ того сплошь отъ тридцати до пятидесяти полныхъ колосевъ отъ каждаго куста: это составило бы на указной десятинѣ 145,600 кустовъ, или около шестнадцати фунтовъ зеренъ въ посѣвѣ, и около пяти сотъ десяти пудовъ урожаю.

Конечно, такого роду посѣвъ весьма затруднителенъ; но съ помощью усовершенствованныхъ сѣяльныхъ машинъ,

и при замоченіи семянъ предѣ по сѣвомъ по описываемой мною методѣ, можно бы достигнуть чего-нибудь приближительнаго къ этому разсчету. Для этого и земля должна быть обработана тщательнѣе обыкновеннаго; но и это не такъ трудно, какъ многіе воображаютъ; надобно только завести у себя усовершенствованныя земледѣльческія орудія, и умѣть ими дѣйствовать.

Я укажу еще здѣсь кстати на жалобу, которую я часто слышалъ отъ многихъ хозяевъ,—что льняныя семена перераждаются на одномъ мѣстѣ, и что непременно должно ихъ выписывать изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы получить хорошій ленъ. Въ этомъ болѣею частію такъ увѣрены, что это мнѣніе обратилось въ правило; но отъ чего оно произошло?

Чтобы имѣть хорошій ленъ для пряжи, надобно его сѣять густо; отъ этого онъ получаетъ длинныя, тощія стебли, и тонкое волокно; въ-добавокъ дергаютъ его, не давая семяннымъ головкамъ дозрѣть на корнѣ, отъ чего онѣ должны кое какъ доходить въ снопахъ. Такъ-какъ растеніе слабо, то оно даетъ только по одной, по двѣ, много по три семянныхъ головокъ; могутъ ли сѣмяна получить при такихъ обстоятельствахъ потребную силу, чтобы сдѣлаться годными для новыхъ посѣвовъ? да и много ли выйдетъ изъ нихъ масла?

Поэтому должно производить два посѣва, одинъ для пряжи, а другой чтобы получить хорошія семена; первый сдѣлать густымъ, а послѣдній очень рѣдкимъ, такъ чтобы растеніе могло порядочно куститься. Тогда оно дастъ отъ пятидесяти до осмидесяти головокъ; и не дергать этотъ ленъ, пока семена не достигнутъ совершенной зрѣлости: тогда, я ручаюсь, они не только не уступятъ въ добротѣ выписываемымъ, но будутъ еще лучше. Конечно, волокны на стебляхъ будутъ грубыя, и негодныя на тонкую и крѣпкую пряжу, но на канаты и веревки они будутъ годны.

То же самое надобно соблюдать и въ-отношеніи къ концямъ; если разводить для пряжи, то сѣять должно по-

гуще, а если для масла, то рѣже; въ послѣднемъ случаѣ онѣ дадутъ несравненно болѣе и крупнѣйшихъ семянъ, и хозяинъ получить оттого по-крайней-мѣрѣ втрое болѣе масла и избойны. И такъ по всякому предмету въ хозяйствѣ должно сообразоваться съ цѣлью, для которой что предпринимается, чтобы извлечь изъ того всѣ выгоды, которыя мѣстность имѣнія допускаетъ; и для этого надобно непременно замѣчать, разсуждать, и взвѣшивать всѣ обстоятельства, *pour et contre*. Отъ самаго этого правила, принятаго въ большей части европейскихъ государствъ за основаніе усовершенствованнаго сельскаго домоводства, послѣднее получило названіе раціональнаго, или съ здравымъ сужденіемъ сообразнаго.

Продавцы льнянаго семени для посѣва навѣрное слѣдуютъ этому правилу при своихъ посѣвахъ, чтобы этимъ сохранить для себя такой выгодный промыселъ, потому что такое сѣмя продается обыкновенно дороже, нежели обреченное на маслобитіе.

=

V.

КРИТИКА.

КРАТКАЯ ОБЩАЯ АНАТОМІЯ ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО. *Издана заслуженный профессор анатоміи и академикъ, докторъ медицины и хирургіи, Филадельфскаго Философическаго и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ членъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ, Илья Буяльскій. Санктпетербургъ, 1844.*

Почтеннѣйшая ученость наша вообще не издаетъ другихъ книгъ, по наукамъ, кромѣ учебныхъ «руководствъ», и притомъ еще *краткихъ*. Это—самый вѣрный способъ отдѣлываться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь отъ науки, не подвергая познанію своихъ опасностямъ строгой со стороны читателя оцѣнки подробностей, для надлежащаго изложенія которыхъ автору необходимо было бы короткое знакомство съ современнымъ движеніемъ ученыхъ трудовъ, наблюденій и открытій въ Европѣ. Увы! несмотря на необыкновенную ловкость, съ какою наша ученость умѣетъ укрываться отъ всякихъ непріятныхъ изслѣдованій за неприступною стѣною *краткости*, съ ней и тутъ еще случаются нерѣдко жестокія неудачи. Въ области этого роду нашихъ отечественныхъ трудовъ, мы привыкли встрѣчаться ежедневно съ самыми невѣроятными книгами, гдѣ ученые вопросы или отстаютъ полу-столѣтіемъ отъ настоящаго положенія дѣ-

ла, или становятся жертвою высокопарностей и мечтаний, выдаваемых за глубокомыслие. Но, бесспорно, втеченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, въ ученой литературѣ нашей не являлось книги невѣроятнѣе этой «Краткой общей анатоміи тѣла человеческого». Она, рѣшительно, привела въ ослѣбленіе всѣхъ, кто только у насъ занимается естественными науками. Во всякой другой литературѣ, такая книга не удостоилась бы даже упоминанія со стороны серіозной критики: мимо-летная усмѣшка, и потомъ вѣчное забвеніе, были бы вполне заслуженнымъ ея удѣломъ, изъ уваженія къ достоинству самой литературы.

Неужели науки на Руси еще въ такомъ жалкомъ состояніи въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, что критика должна предпринимать обстоятельный разборъ творенія, подобнаго «Краткой общей анатоміи тѣла человеческого»?

Нѣтъ, русскія науки торжественно протестуютъ противъ столь обиднаго предположенія. Но, къ сожалѣнію, постороннее, пріятельское усердіе, не согласно удовлетворяться, не только усмѣшкою скромнаго лѣтописца, но даже и ослѣбленіемъ ученыхъ, обнаруженнымъ при появленіи книги. Оно не принимаетъ въ соображеніе, что для такихъ книгъ, особенно когда дѣло идетъ объ *общей анатоміи*, основаніи всей новѣйшей медицины, если оцѣнкою ихъ не будетъ смѣхъ, то долженъ быть... плачь! Какъ? неужто общая анатомія, важнѣйшая изъ всѣхъ опытныхъ наукъ, у насъ еще въ томъ баснословномъ состояніи, въ какомъ является она въ этой книжкѣ? Неужто русская медицина лечитъ насъ, грѣшныхъ, по понятіямъ, свѣдѣніямъ и теоріямъ, которыя здѣсь изложены о человеческомъ тѣлѣ? Неужто мы погружены еще въ такой тмѣ, что намъ можно выдать за *общую анатомію*, какъ бы она *кратка* ни была, сочиненіе, въ которомъ и слѣда нѣтъ *общей анатоміи*, особенно, въ ея настоящемъ видѣ? Неужто ученая Европа должна судить о нашихъ успѣхахъ въ наукахъ по

этому сочинению? А въдъ постороннее усердіе говоритъ, по случаю подлежащей книжки, не больше и не меньше какъ о судъ и приговоръ всей ученой Европы. Да это ужасъ! Если бы такія вещи можно было допустить на одну минуту, такъ намъ не оставалось бы ничего болѣе какъ състь и плакать цѣлое столѣтіе. Это значило бы, что намъ ужъ, видно, суждено ничего не знать, какъ бы мы прилежно ни учились, какъ бы ревностно ни слѣдовали за движеніемъ наукъ въ другихъ странахъ.

Къ счастью, тысячи изъ насъ, которые имѣютъ какое-нибудь прикосновеніе къ наукамъ, въ состояніи доказать Европѣ, безъ большихъ усилій, что мы отнюдь не такіе темные и бездарные люди; что, слава Богу и русскимъ Царямъ, науки на Руси не отстаютъ отъ своихъ западныхъ сестеръ, и что, въ-особенности, вопросы, открытія и труды общей анатоміи человѣческаго тѣла нѣсколько лучше извѣстны нашему ученому свѣту чѣмъ послѣдней нашей книгѣ, называющей себя ея именемъ. Намъ прискорбно только то, что постороннее усердіе, къ разсужденію о «Краткой общей анатоміи», бесполезно примѣшало имя такого почтеннаго практическаго врача какъ И. В. Буяльскій, желая бдѣтельность книги прикрыть заслугами «автора», по тому же правилу какъ, въ пустыняхъ открытаго моря, флагъ прикрываетъ товаръ, хоть бы это была даже и контрабанда. Исчисленіемъ этихъ заслугъ, и даже личныя добродѣтели «автора», оно старается возбудить въ читателяхъ состраданіе къ нему и ропотъ на минувшую несправедливость. Между-тѣмъ оно не примѣшало, что, ни это имя, ни даже слово «авторъ», не упомянуты ни разу въ быломъ взглядѣ, который мы въ прошломъ мѣсяцѣ бросили на достоинства этого труда и который исключительно имѣлъ въ виду одну только книгу и говорилъ, прямо, о «Краткой общей анатоміи». Зачѣмъ, спрашивается, смѣшивать книгу съ авторомъ? Авторъ самъ по себѣ, а книга сама по себѣ. Авторъ мо-

жетъ быть ученѣйшій, почтеннѣйшій, добрѣйшій человекъ въ мирѣ, а книга его — совершенно смѣшна и обидна для отечественной литературы. Это случается ежедневно. Мы никогда не сомнѣвались, что такому извѣстному ученому какъ И. В. Буллѣскій, совершенно извѣстны: труды всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ изслѣдователей человеческого тѣла; но что они не извѣстны «Краткой обобщенной анатоміи», вышедшей подъ его именемъ, это—фактъ, въ очевидности котораго скоро убѣдятся всѣ читатели этой статьи.

Намъ, очень учтиво и снисходительно, напоминаютъ, что *иногда и Гомеръ засыпаетъ*. Это мы очень хорошо помнимъ, и именно поэтому, изъ разсужденій о книгахъ, стараемся устранять имена ихъ авторовъ. Совершенно согласны мы въ томъ, что Гомеры обобщенныхъ анатоміи *иногда засыпаютъ*, разсматривая человеческое тѣло. Но какъ сонъ не грѣхъ, то авторы ни сколько и не виноваты, и ихъ незачѣмъ выводить на сцену. Книги сами за себя отвѣчаютъ.

Намъ говорятъ, разумеется—чтобы устрашить насъ, будто анатомическія таблицы того же «автора» приняты въ *руководство во всѣхъ университетахъ Европы*. Если бы это благополучное извѣстіе было даже въ такой же степени справедливо, въ какой оно изумительно и неслыхано, такъ и тутъ ещенѣтъ причины запрещать кому-нибудь смѣяться въ веселую минуту надъ тѣмъ, что, при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ только смѣху: анатомическія таблицы, несмотря на свои анахронизмы, могли столько же быть прекрасны въ свое время, и для своей цѣли, сколько «Краткая обобщенная анатомія» не простибельна въ наше и для насъ.

Постороннее усердіе хотѣло наконецъ насъ уничтожить. Оно поставляетъ на видъ нашу несказанную смѣлость: представьте себѣ только, мы, будто-бы, отважились поднять дерзновенную руку на твореніе, *принятое въ руководство Санктпетербургскою Медико-хирургическою*

Академіей! Къ несчастію посторонняго усердія, ни какаѣ академія, ни какой университетъ, не можетъ принять, на свою ученую отвѣтственность, руководство, употребляемыхъ преподавателями этихъ заведеній. Каждый ординарный профессоръ въ правѣ избрать для своихъ чтеній такое руководство, какое ему угодно, чужое или свое собственное. Но даже и эта, самая благовидная, укоризна должна быть причислена къ разряду благонамѣренныхъ преувеличеній посторонняго усердія: въ ту минуту какъ оно провозглашало «Краткую общую анатомію» твореніемъ, состоящимъ подъ высокимъ ученымъ покровительствомъ Санктпетербургской Медико-хирургической Академіи, и книга, и ея авторъ, уже вовсе не принадлежали къ этому заведенію. Академія тутъ совершенно въ сторонѣ. Дѣло идетъ, просто, о личныхъ достоинствахъ книги, — къ вычисленію которыхъ, по мѣрѣ силъ и возможности, здѣсь и приступается.

Не забудьте—по мѣрѣ силъ и возможности. Это важно. Если бы пришлось показывать всѣ несообразности подлежащей «Краткой общей анатоміи», пужно было бы написать книгу втрое толще самой ея, потому что тутъ почти нѣтъ строчки, въ которой бы не заключалось какой-нибудь жестокой обиды здравому смыслу или настоящему положенію науки. Слѣдовательно, мы должны ограничиться только главнѣйшими чертами творенія.

Читатель, естественно, прежде всего спроситъ опредѣленія общей анатоміи. Такого неумѣстнаго вопросу мы не совѣтуемъ ему дѣлать книгѣ, именующей себя «Общею анатоміей». Это — не ея дѣло, или, правильнѣе, это — ея тайна. У нея есть «Введеніе въ анатомію и раздѣленіе оной на разныя отрасли»: въ этомъ «Введеніи и раздѣленіи» (стр. 1—7), насчитано семь различныхъ сортовъ анатоміи, — сортъ четвертый, анатомія *судебная*, — сортъ шестой, анатомія *юридическая*, — *судебная* сама по себѣ, а *юридическая* сама по

себя, — по общей анатомии какъ-будто не бывала. Что такое общая анатомия, которой фамилия красуется въ заглавіи книги, рѣшительно не известно. Читателю предоставляется узнавать это, гдѣ ему угодно. Мѣсто этой таинственной науки «Введение въ анатомію и раздѣленіе ея» отдало вновь изобрѣтенной наукѣ донынѣ въ нашихъ климатахъ неизвѣстной *юридической анатоміи*. Любопытный читатель, который проникнетъ въ глубь книги, встрѣтитъ однако жъ на страницѣ 280 огромную статью — *Анатомизованіе тѣлъ* — состоящую изъ слѣдующихъ четырнадцати словъ: «*Вскрытіе мертвыхъ тѣлъ, для какой бы цѣли ни было предпринимася, относится къ познанию общей анатоміи*». Удивляться образцовой краткости этой статьи онъ можетъ, но вѣрить ей мы опять не советуемъ. Повѣривъ ея показанію, и зная откуда бы то ни было, что общая анатомія есть наука объ органическихъ тканяхъ, читатель какъ-разъ будетъ принужденъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ, признать «Краткую общую анатомію» изобрѣтательницею цѣлыхъ двухъ новыхъ наукъ, во-первыхъ, *юридической (!)* анатоміи, во-вторыхъ, такой *общей* анатоміи, которая толкуетъ о *вскрытіи мертвыхъ тѣлъ (!)*, и притомъ еще о *вскрытіи мертвыхъ тѣлъ для какой бы то цѣли ни было (!!!)*.

Какъ изъ всего донынѣ сказаннаго неоспоримо яствуетъ, что «Краткая общая анатомія», по известнымъ себѣ причинамъ, никакъ не хочетъ обнаруживать тайны своего опредѣленія, разумѣя по-видимому подъ своимъ названіемъ не совсемъ то, что разумѣютъ другіе, болѣе или менѣе посвященные въ науку, то мы долгомъ считаемъ извѣстить ее и всѣхъ, въ необходимость всякихъ недоразумѣній, что почти съ 1798 года, то есть, съ того времени какъ въ первый разъ появилась въ свѣтъ философическая новографія незабвеннаго Нинеля и съ того самаго времени какъ гениальный ученикъ его издалъ свой «Трактатъ объ оболочкахъ»,

это понятие не осуществлялось, употребить название *общей анатомии* въ другомъ смыслѣ кромѣ въ смыслѣ науки, значимаго только изысканіемъ, въ различныхъ органахъ, однородныхъ, въ составляющихъ, тканей, и опредѣленіемъ *общихъ*, принадлежащихъ этимъ тканямъ, свойствъ, отъ чего и происходитъ названіе *общая анатомія*, замѣняемое теперь почти повсемѣстно другимъ, болѣе точнымъ и полнымъ, названіемъ, истология, или, съ позволенія сказать, *тканесловіе*. После этого, ненаше дѣло разсуждать о томъ, для чего сказанная «Краткая *общая анатомія*» толкуеть о вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, наружномъ ихъ осмотрѣ, вычисляетъ число и названія всехъ костей человеческого скелета, говоритъ о раздѣленіи тѣла на разныя области: это опять ея секретъ; мы, по нашему крайнему разумнію, думаемъ, что все это столько же принадлежитъ къ наукѣ о тканяхъ, какъ искусство дѣлать порошки и шлюли, или вычисленіе различныхъ солей, къ наукѣ о простыхъ химическихъ тѣлахъ.

Наука о тканяхъ, родившись изъ гениальной мысли великаго Пинеля, осуществленной не менѣе гениальными изслѣдованіями Биша, прошла уже нѣсколько періодовъ. Въ самомъ началѣ, истологическія изысканія анатомовъ ограничивались только простымъ разложеніемъ органовъ на ихъ составныя начала посредствомъ ножа и химическихъ реакцій и наблюденіемъ жизненныхъ свойствъ различныхъ тканей на живыхъ животныхъ. Потому истология, перенесенная на германскую почву, сблизившись съ господствовавшими тамъ въ началѣ этого столѣтія философическими ученіями, приняла образъ болѣе отвлеченный. Наконецъ въ наше время она сдѣлалась анатоміею чисто микроскопическою: правда, что уже давно Лёвенгукъ и другіе занимались микроскопическими наблюденіями, но имъ никогда не приходила мысль сравнить между собою элементарныя части различныхъ органовъ, а это-то тщательное срав-

неніе основныхъ органическихъ тканей, происхожденіе ихъ образа развитія, ихъ постепенныхъ переходовъ, посредствомъ микроскопіи, и составляютъ теперь самую существенную часть истологіи. Если мы присоединимъ къ этому еще тщательныя изысканія органической химіи, сдѣланныя въ последнее время, и которыми истологія уже вполне успѣла воспользоваться, то никому не трудно будетъ рѣшить, чего должно искать, приращеніемъ состоянія науки, въ новыхъ истологическихъ сочиненіяхъ и чего нельзя найти въ «Краткой общей анатоміи». Мы уже сказали, что можемъ быть принуждены принять оное твореніе творцомъ, не только одной, но даже двухъ новыхъ наукъ; но все имѣетъ свои границы: невозможное, по весьма очевиднымъ причинамъ, невозможно: мы готовы считать «Краткую общую анатомію» за все, что ей самой угодно, даже за поэму, но только не за общую анатомію девятнадцатаго вѣка, не за тканесловіе временъ Мюллера, Пуркиньи, Арнольда, Хенле, и даже не за общую анатомію временъ Биша.

Надобно однако жъ быть справедливымъ: нельзя утверждать, чтобъ микроскопъ и реторта не были известны «Краткой общей анатоміи». Она, на стр. 7-й, утверждаетъ насъ, будто *волокны и блшки, изъ которыхъ, по ея мнѣнію, составлены всѣ плотныя части нашего тѣла, представляются въ микроскопъ въ видѣ кашицы*. На стр. 8-й, мы узнаемъ, что и несовершенно образовавшіяся части зародыша, разсматриваемыя въ микроскопъ, представляютъ мѣстами также *видъ кашицы*. И на этой же страницѣ еще убѣждаютъ, будто *и волокнистая часть выпущенной изъ животнаго крови, разсматриваемая при охлажденіи въ микроскопъ, также сѣдается въ видѣ кашицы*. Известно, что человеческій умъ съ незапамятныхъ временъ старался открыть первоначальныя, простыя, или элементарныя, формы матеріи; известно также, что истологи-микрографы принимали четыре различные вида атомовъ, составляющихъ

весь животный ткани и жидкости, и что, со времени Маллиги и Лёвенгука четыре различные теории господствовали в медицинских школах: теория волоконъ, (Бургаве, Гаубиусъ, Галлеръ, Биша), — трубочекъ (Фогтана, Трезвиранусъ, Маскани), — ячеекъ (Галлини, Аккерманъ, Распальи, Шлейденъ, Шванъ), и шариковъ (Шваммердамъ, Меккель, Эдуардъ, Арнольдъ). Приведенныя (стр. 7 и 8) любопытныя микроскопическія наблюденія «Краткой общей анатоміи» надъ плотными частями нашего тѣла дѣлаютъ эпоху в исторіи истологіи: они заставляютъ насъ принять еще новый, пятый, видъ элементарныхъ атомовъ органической матеріи, а именно, *кашицу*. Следовательно, в истологию должна быть введена новая теорія, *теорія кашицы*! Но къ чести онаго творенія нужно сказать, что оно, любя истину, не хотѣло слишкомъ подвергаться *оптическимъ обманамъ*, такъ часто вводившимъ другихъ, менѣе осторожныхъ, анатомовъ, въ заблужденія: поэтому вся микрографія «Краткой общей анатоміи» заключается въ слѣдующихъ, не многихъ, вельми лаконическихкихъ, но вельми ясно описанныхъ наблюденіяхъ:

Первое наблюденіе. Весь зародышъ сначала представляетъ слизистую массу (ее приличнѣе было бы назвать, сообразно съ духомъ принимаемой оною книжкою теоріи, кашницею); эта масса кристаллизуется съ клетчаткою плеву; а изъ клетчатой плевы начинаютъ образовываться и другія системы (стр. 30).

Хотя оно твореніе и ничего не упоминаетъ о томъ, какъ оно наблюдало эти превращенія, однако жъ, если они только не Овидіевы, такъ должны быть непременно микроскопическія. Известно, что господствующая теперь теорія развитія тканей въ Германіи есть *теорія ячеекъ*, или *клеточекъ*: кромѣ Арнольда, и другихъ немногихъ, почти все новыя германскія истологи прильпились къ этому ученію. Оно твореніе, несмотря на предложенный имъ новый истологическій взглядъ, который повсюду въ

человѣкъ видитъ одинъ только кашницу, вероятно отчасти слѣдуетъ и теоріи ячеекъ, но, не желая вводить безъ нужды новые термины въ науку, назвало *целлюлозостелью* Швана и Нумейдена (болѣе или менѣе жидкое вещество, въ которомъ сидятъ или плаваютъ элементарныя ячейки)—клевчатую плесвою. Впрочемъ, все это только одні догадки. Къ сожалѣнію, мы должны упрекнуть оное твореніе, что оно хотя и имѣетъ, по своимъ наблюденіямъ, которыхъ важность въ наукѣ, изъ сказаннаго, очевидна, полное право на оригинальность, напрасно однако жъ показываетъ такое явное пренебреженіе къ изслѣдованіямъ не менѣе любезнымъ Шлейдена, Швана, Аперсона и другихъ, развитіи элементарныхъ ячеекъ, тѣмъ болѣе, что само же оно принимаетъ клеветчатую плесву за основное начало всѣхъ органическихъ тканей. Въ книгѣ, назначенной, какъ это видно изъ примѣчаній на страницахъ 26, 50, 52 и другихъ, преимущественно для учащихся, казалось бы, не худо было сказать, хоть что-нибудь, о существованіи этихъ Нумцевъ. Но, впрочемъ, мы забываемъ, что она слѣдуетъ въ ученіи о развитіи плотныхъ частей тѣла исключительно собственной своей теоріи, *теоріи кашницы*. Чтобы не подать поводу къ злословію, должно замѣтить, что названіе «кашница», данное книжкою элементарнымъ частямъ тканей, которыя она разсматривала въ микроскопѣ, совсѣмъ не такъ странно, какъ можетъ-быть некоторымъ казаться. Подумайте: что такое—кашница? Смыслъ множества зернышекъ, или шариковъ! И такъ, другими словами, микроскопическіе, элементарные шарикъ составляютъ, по наблюденіямъ оной книжки, главную основу всѣхъ органическихъ тканей. И такъ, теорія кашницы совсѣмъ не новая, а та же самая, которую принимали Шваммердагъ, Гесонъ, а теперь принимаютъ Арнольдъ и другіе. Но такое заключеніе, отнимающее честь изобретенія новой теоріи у оной книжки, было бы чрезвычайно поспѣшно: слѣдующее опредѣленіе органиче-

сказать тѣмъ, на самой первой страницѣ, показываетъ на-
прямую, что она совсѣмъ не слѣдуетъ зрельдовской
теоріи шариковъ. Органическими тѣлами, по мнѣнію
«Краткой общей анатоміи», называются существа, у-
строенныя изъ каналовъ, или органовъ (каналовъ, или
органовъ!!....), въ которыхъ протекаютъ какія либо
жидкости, необходимыя для ихъ существованія.
Опредѣленіе — безнужное: слово органъ оная «Крат-
кая общая анатомія» принимаетъ, кажется, въ самомъ
невинномъ значеніи, каналъ, трубочка, и, такимъ об-
разомъ, выходитъ, что шарманна органическое тѣло:
въдь она тоже состоитъ изъ каналовъ, или трубочекъ,
въ которыхъ протекаютъ жидкость (воздухъ), необхо-
димая для ея существованія! Но на такія бездѣлицы,
въ ономъ твореніи, вниманія обращать не должно.
Изъ этого видно только, что оно слѣдуетъ болѣе теоріи
трубочекъ Фонтаны, Тревирануса и Масканы. Но
какъ же теперь согласить кашину съ трубочками? Ясно
и очевидно, что «Краткая общая анатомія» пережила
цѣлыя столѣтія, потому что, подобно афоризматъ без-
смертнаго отца врачебной науки, требуетъ уже коммен-
таріевъ. Принявъ на себя достохвальную и многотруд-
ную обязанность комментатора «Краткой общей ана-
томіи», мы будемъ пояснять такимъ образомъ ея опре-
дѣленіе органическихъ тѣлъ: на стр. 1-й, она, или подъ
именемъ трубочекъ разуметь каналы, какъ заднепро-
ходная кишка, мочевоі пузырь, и подобныя, то есть,
большіе каналы, не требующіе пособія микроскопа
для опредѣленія ихъ виду, или же называетъ трубоч-
ками элементарныя каналы, въ которыхъ обраща-
ются влаги, то есть, каналы такой величины, что
ихъ едва только въ микроскопъ можно замѣтить. Но,
принявъ первое, должно бы было отвергнуть органи-
ческое свойство листка, стебелька и множества нали-
чатыхъ животныхъ, а принявъ второе, рождается во-
просъ: что же значатъ наблюденія оной книжки, которая

показываютъ, будто всѣ волокны и близки органическихъ плотныхъ частей представляютъ въ микроскопѣ не трубочки, а кашицу? (стр. 7)... то есть, сколько можно понять лапаческую аллегорію, собраніе шариковъ? Ахъ! быть комментаторомъ чужихъ твореній — чрезвычайно трудное дѣло! Поищемъ объясненія въ описаніяхъ тканей: вотъ, на страницахъ 36, 40 и другихъ, опять находимъ, что кожаца, ногти и другія органическія тѣла состоятъ, не изъ трубочекъ, а изъ пластинокъ, бляшекъ.... и, слѣдовательно, подъ микроскопомъ, какъ и всѣ плотныя органическія тѣла представляютъ, по наблюденіямъ книжки, видъ кашицы! Просто-бѣда! Надо ужъ заключить, что оное твореніе, слѣдуя примѣру многихъ ученыхъ мужей древности, вѣроятно дало нѣкоторымъ словамъ (трубочкамъ и кашицѣ) особенное значеніе и употребляетъ ихъ въ непонятномъ для насъ, аллегорическомъ, смыслѣ. Поэтому, никакъ нельзя причислить онаго творенія къ послѣдователямъ одной изъ четырехъ истологическихъ теорій, а должно непременно приписать ему честь изобрѣтенія совсѣмъ новой теоріи.

Постараемся теперь, сколько мы въ-состояніи понять «Краткую общую анатомію», провести параллель высшаго взгляду ея на элементарныя составныя частитканей и ихъ начало съ господствующими теперь взглядами въ европейской медицинѣ. Изъ четырехъ, упомянутыхъ нами теорій, только двѣ теперь находятся еще въ боевомъ порядкѣ: это—теорія ячеекъ и теорія шариковъ; другія двѣ уже совсѣмъ упали и, вѣроятно, болѣе не встанутъ. Элементарныя ячейки органическихъ тѣлъ (*cellulae nucleatae*) суть пузырьки, состоящіе изъ самой тонкой, прозрачной, кожицы и изъ жидкости, нѣрѣдко зернистаго свойства. Въ стѣнкахъ элементарныхъ ячеекъ растений находится небольшое, темное, непрозрачное тѣло, *цитобласть* (*nucleus, Zellkern*), который обыкновенно бываетъ снабженъ еще однимъ, и даже двумя, темными *плтнышками* (*nucleoli, Kernkög-*

perchen). Шванъ принимаетъ, что животныя ткани развиваются, подобно растительнымъ, изъ такихъ же точно элементарныхъ ячеекъ, содержащихъ въ стѣнкѣ своей цитобласть; въ растеніяхъ, по наблюденіямъ Шлейдена, около мельчайшихъ зернышекъ (*nucleoli*, *Kernkörnchen*) образуются маленькія зернистыя сгустки, составляющіе послѣ цитобласть (*nucleus*); потомъ на цитобласть показывается прозрачный пузырькъ, который постепенно увеличивается до того, что цитобласть остается въ его стѣнкѣ въ видѣ небольшого пятнышка. Шванъ подобнымъ образомъ объясняетъ и развитіе ячеекъ въ животныхъ тканяхъ, основываясь особенно на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ надъ ячейками хрящевой ткани. Не во всѣхъ, однако жъ, растительныхъ и животныхъ тканяхъ, ячейка имѣетъ цитобласть и изъ него развивается. Въ тайнобрачныхъ, въ *chorda dorsalis* рыбъ, однѣ ячейки заключены въ другія: такъ сказать, новое поколѣніе ячеекъ развивается изъ стараго. Вотъ, въ немногихъ словахъ, знаменитая теорія ячеекъ, надѣлавшая столько шуму въ Германіи. Самые жаркіе приверженцы этой теоріи не хотѣли знать ни о какой другой элементарной формѣ: они вездѣ видѣли только одну ячейку; кровяной шарикъ, гнойный шарикъ, яйцо, всё, всё — ячейка. Первый энтузіазмъ однако жъ прошелъ. Разсудивъ хладнокровнѣе, многіе уже увидѣли, что вся эта теорія основана на наблюденіяхъ, конечно, гениальнаго, но молодаго, изслѣдователя, Швана, который слишкомъ увлекся аналогіею. Другіе наблюдатели, постарше и поопытнѣе, уже съ перваго начала, не слишкомъ ласково посматривали на эфирныя ячейки: имъ хотѣлось чего-нибудь посолиднѣе. И вотъ, мы видимъ теперь, что почти равное число самыхъ отличныхъ и искусныхъ естествоиспытателей находится какъ на сторонѣ ячеекъ такъ и шариковъ.

Послѣдователи второй теоріи принимаютъ, что всѣ животныя части возникаютъ изъ солидныхъ шариковъ.

ковъ, которые, сами, состояются изъ *зернышекъ*, разсѣянныхъ въ различныхъ тканяхъ и жидкостяхъ (особливо въ лимфѣ) животнаго тѣла, и изъ *бластемы*, вещества болѣе и менѣе жидкаго, не имѣющаго ни какой определенной формы. Въ тканяхъ исключительно животныхъ (клетчаткѣ, мышцахъ, нервахъ, и тому подобномъ), эти шарики сплющиваются съ обѣихъ концовъ и образуютъ сфероиды; въ другихъ же тканяхъ, болѣе растительнаго свойства (кожицѣ, волосахъ, ногтяхъ), принимаютъ весьма различный, но не сферическій, видъ (*polyomphre Kœrger*). И такъ, поэтой теоріи, элементарныя атомы животныхъ тканей отличаются тѣмъ отъ растительныхъ, что не образуютъ полыхъ пространствъ, или клеточекъ. Между-тѣмъ, любопытныя открытія Ашерсона подають поводъ думать, что первое образованіе этихъ элементарныхъ атомовъ есть чисто химическое: его наблюденія показываютъ, что какъ-скоро жиръ въ жидкомъ видѣ приходитъ въ прикосновеніе съ *бѣлкомъ* или другимъ произведеніемъ протейны, тотчасъ *бѣлокъ* сгущается на немъ въ видѣ тонкой оболочки, или *кожицы*. Поэтому образованіе элементарной *клетки* или шарика можно объяснить сгущеніемъ *бѣлковины* или другихъ протейновыхъ соединеній около *малѣйшихъ* частичекъ жиру. Если вспомнимъ, какую важную роль въ процессѣ питанія животнаго тѣла играютъ жиръ и протейна, если вспомнимъ, что *молоковидный сокъ* (*chylus*) есть родъ *эмульсии*, содержащей въ себѣ множество жирныхъ частичекъ, то наблюденія Ашерсона найдутъ весьма важное приложеніе къ механизму образованія элементарныхъ атомовъ животнаго тѣла.

Теперь обратимся опять къ «Краткой общей анатоміи». Она такъ пристрастилась къ своей кашницѣ, что *клетки* и *шарики* другихъ, на нее не сдѣлали ни малѣйшаго впечатлѣнія. Самолюбіе изобрѣтательницы простительно; но не простительно безнечность въ печатной книгѣ. Такъ же нынѣ, читатели, виноваты, что она видѣтъ

ль микроскопъ только одну кашину и развѣ, поэтому, мы должны быть осуждены на все смотреть глазами нашей руководительницы и не знать о томъ, что видѣли и видятъ другіе? Микрографія сдѣлала въ послѣднее десятилѣтіе неизмеримые успѣхи: Сотни наблюдателей посвятили себя исключительно этому предмету. «Краткая общая анатомія», будучи анатоміей стариннаго корня, могла отстать; конечно, от нея нельзя требовать, чтобы она была такимъ же микрографическимъ героемъ, какъ Пурнинъ, Хемпелъ, Валентинъ, Груби и Шванъ: но чѣмъ же виноваты читатели, желающіе учиться? Кто же просилъ книжку, которая могла бы быть порядочною повторя по-просту то, что открыли другіе, писать въ 1844 году о томологіи, основанную преимущественно на *своихъ* собственныхъ микроскопическихъ наблюденіяхъ, когда она не привыкла къ обращенію съ микроскопомъ и этотъ чудный инструментъ не показываетъ ей ничего болѣе какъ одну кашину?

Второе микрографическое наблюденіе. «На поверхности кожи находится безчисленное множество отверстій, называемыхъ порами кожи, служащихъ для различной цѣли. Одни составляютъ отверстія испаряющихъ сосудовъ. Другія поры составляютъ начало всасывающихъ сосудовъ», и такъ далѣе (стр. 44.)

Вотъ германскіе микрографы толкуютъ, что, будто, покойный Рудольфи оказалъ важную услугу наукъ, неоспоримо убѣдивъ своими тщательными наблюденіями, надъ ворсоватостями слизистой оболочки кишки, что отверстія лимфатическихъ сосудовъ не существуютъ! А мы съ гордостью теперь можемъ сказать, что нашей русской «Краткой общей анатоміи» принадлежитъ слава открытія отверстій лимфатическихъ сосудовъ на поверхности кожи! Вы, можетъ-быть, потребуете доказательствъ. Для чего это? Это — аксіома. Впрочемъ, на страницѣ 140, вы найдете и *quasi* доказательство. Вотъ

оно: «Начала всасывающихъ сосудовъ такъ тонки, «что, не только простой, но искусственный глазъ оныхъ «видѣть не можетъ, включая (какъ пишетъ Либеркинъ) видѣть можно на ворсватой оболочкѣ желудка и тонкихъ кишокъ. А потому, нѣкоторые анатомы ихъ вовсе не принимаютъ, объясняя, что всасываніе совершается чрезъ стѣнку клетчатой плевы; но «если оныя находятся на ворсватой оболочкѣ желудка и кишокъ, то и вездѣ допустить должно». Вотъ видите, что «Краткая общая анатомія» дѣлаетъ даже и въ исторіи анатоміи новыя открытія! Она увѣряетъ насъ, будто Либеркинъ былъ кривъ, носилъ «искусственный глазъ» и видѣлъ имъ болѣе нежели мы простымъ, и, главное, будто оный Либеркинъ видѣлъ отверстія лимфатическихъ сосудовъ на ворсватой оболочкѣ кишокъ! Но знаменитая «Dissertatio anatomico-physiologica de fabrica et actione villorum intestinorum tenium hominis, Amsterdami, 1760,» была поясняема не однимъ, а нѣсколькими авторами; однако жъ, начиная отъ Гедвига (Disquis. ampullul. Liberkühni, Lipsiae, 1797) и до Рудольфи, всѣ авторы, до изданія въ свѣтъ «Краткой общей анатоміи», были согласны, что Либеркинъ принималъ въ ворсватостяхъ слизистой оболочки кишокъ небольшія полости (ampullulae), снабженныя однимъ или двумя отверстиями и наполненныя губчатую тканью, и что къ каждой полости продолжается вѣточка млечнаго сосуда. Вотъ и слова самаго Либеркина: «Ramusculus vasis lactei extenditur in ampullulam vel vesiculam, ovulo haud absimilem, in cujus apice foraminulum quoddam exiguum microscopio detegitur.... Ampullula vasis lactei intus repleta est substantia spongiosa». И такъ, изъ описанія Либеркина нельзя вовсе заключать, будто млечный сосудецъ открывается прямо въ слизистую оболочку тонкой кишки, и, по Либеркиновымъ наблюденіямъ, еще между корешкомъ млечнаго сосуда и отверстіемъ въ ворсватости находится не-

ышая полость, наполненная губчатымъ веществомъ, дователью, и въ 1760 году микрографы не принимаютъ простыхъ дыръ въ окончаніяхъ млечныхъ сосудовъ. А въхъ-поръ Рудольфи, Мюллеръ, Краузе, Бемъ, Гербстъ, въе годы провели надъ микроскопическимъ изслѣзніемъ ворсоватостей (*villositates*) тонкихъ кишокъ съ согласны теперь, что отверстій у лимфатическихъ сосудовъ нѣтъ, и что въ каждой ворсоватости центральный каналъ, неимѣющій открытаго отверстия устланнй снаружи сосудистою сѣткою и кожей (*epithelium*), которая образуетъ иногда на концѣ ворсовости углубленіе, принимающее только видъ отверстия. Но въ какомъ отношеніи этотъ каналъ находится ачалу млечныхъ сосудовъ, это не рѣшено. Краузе вивъ, что млечный стволнкъ начинался въ серединѣ ворсовости изъ нѣсколькихъ вѣточекъ, соединяюся между собою въ видъ сѣточки. Наконецъ, ненія наблюденія о млечныхъ сосудахъ Гербста (*Das Lymphgefässsystem und seine Verrichtung, Göttingen, 4*) подтверждаютъ то, что наблюдали и другіе ачалъ этихъ сосудовъ, а именно, что они, подобно оксоватымъ кровососнымъ сосудцамъ составляютъ ворсоватостяхъ кишокъ тончайшую сѣточку. Какъ ачалъ млечныхъ сосудовъ «Краткою общей анасей» на-угадъ приняты въ основаніе опровергнунаблюденія Либеркина, 1760 года, точно такъ же зимааетъ она совершенно неосновательныя наблюдеМоиро того же 1760 года (*Opuscula anatomica de s lymphaticis*) объ открытыхъ имъ отверстияхъ лимическихъ сосудовъ на кожѣ. Правда, и послѣ него, рошедшемъ столѣтіи, Масканъ и Круйшенкъ (1787) нимаали также самыя тонкія отверстия въ начальныхъ вѣтвленіяхъ лимфатическихъ сосудовъ; но намъ изгно, что кто хочетъ хоть сколько-нибудь остаться дружескихъ связяхъ съ девятнадцатымъ столѣтіемъ, тотъ долженъ не много надѣяться на эти слова наг. LXVII. — Отд. V.

Блюдателей — думаю — полагаю — принимаю, и тому подобное. Ни Монре, ни Маскань, ни Круйшенкъ, и никто на свѣтъ, исключая можетъ-быть оной «Краткой общей анатоміи», не видалъ ни своимъ, простымъ, ни искусственнымъ глазомъ, этихъ знаменитыхъ дыръ въ лимфатическихъ сосудахъ; если же и въ нынѣшнемъ вѣкѣ книжкамъ позволено занимать своихъ читателей сказками, то оныя книжки всё-таки, какъ добросовѣстные книжки, должны по-крайней-мѣрѣ сказать, что это — была, а это — сказка. Пусть «Краткая общая анатомія» попадетъ въ руки новичку, незнакомому съ анатомическими шашнями и продѣлками, онъ, прочитавъ страницу 44, пожалуй вообразить еще, будто вся кожа въ дырахъ и изъ-подъ ней цѣлые милліоны зіяющихъ трубочекъ какъ голодныя пѣвки высунули свои раззнутые рты въ эти дыры!

Что же касается до отверстій испаряющихъ сосудовъ, то, какъ бы вы думали, что такое—эти испаряющіе сосуды? Прочитавъ приведенныя уже слова (стр. 44) — «Отвертія сіи (черезъ которыя просачивается испарина) круглы и видны на возвышеніяхъ между бородавками кожи» — радостно воскликнешь: вотъ, наконецъ, «Краткая общая анатомія» сжалилась надъ бѣдными собратами девятнадцатаго столѣтія! вотъ, наконецъ, хоть одно порядочное открытіе нашего вѣка нашло мѣсто въ ономъ твореніи! вотъ *потовые сосуды* Пуркиныя принимаются и нашею «Краткою общей анатоміей»! Но, увы! читаешь далѣе, и находишь (стр. 120): «Артеріи истончаются до самыхъ тончайшихъ окончаній *in vasa capillaria*, одны вѣточки переходятъ въ вены, другія же дѣлаются еще тоньше дѣтого, что шарики крови въ нихъ проходить не могутъ, а просачивается одна водянистая влага; сіи-то жилочки и называются въ сывороточныхъ оболочкахъ «*vasa serosa*, а въ кожѣ *vasa exhalantia*, испаряющіе сосуды. Нѣкоторые существованіе сихъ сосудовъ непри-

«нимаютъ, ибо оно не какимъ опытомъ не доказано.» Раскрываешь классическую анатомию Хенле (*Allgemeine Anatomie, von Henle, 1841*) и, къ своей глубокой горести, находишь на страницѣ 535 слѣдующее: «Старинные физиологи принимали, будто вся отдѣленія происходятъ черезъ открытыя, испаряющія отверстія сосудовъ; не трудно доказать, что ихъ не существуетъ въ серозныхъ оболочкахъ.» И такъ, то была только одна обманчивая мечта! подъ именемъ «испаряющихъ сосудовъ» можно разумѣть почтенная «Краткая общая анатомія», не спиральные потовыя трубочки Шурквизъ (*Schweiss-sacñlchen, canales sudoriferi*), открытыя имъ въ 1833 году, не окончанія потовыхъ железокъ (*glandulae sudoriferae*), открытыя Брешѣ и Гурльтомъ въ 1835, не каналы которые можно видѣть при слабомъ увеличеніи въ микроскопъ: стоитъ только разсмотрѣть разръзъ тонкой пластинки, вырѣзанной изъ кожи подошвы или ладони и вымоченной въ щолокъ; нѣтъ! испаряющіе сосуды нашего онаго творенія — опять только предполагавшіяся старинными анатомами *vasa serosa*! Но, кто знаетъ, вѣдь книжка, такъ же какъ и дамы, капризны: захотятъ — и отвергають одно, — принимаютъ другое; такъ можетъ-быть и оная книжка, не желая, чтобы ея читатели и ученики что-нибудь знали о потовыхъ канальцахъ Шурквизъ, принимаетъ, во всѣхъ тканяхъ нашего тѣла, найденные Хенле только въ веществѣ мозга тончайшіе трубчатые цилиндрики съ овальными зернышками (*nucleus*), которыхъ вѣточки при увеличеніи въ триста разъ въ микроскопъ едва могутъ быть замѣнены въ поперечникъ. Только, соединеніе ихъ съ кровеносными сосудами подаетъ поводъ къ заключенію, что въ нихъ протекаетъ жидкость; а судя по ихъ величинѣ, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ въ себя вмѣщать кровяныхъ шариковъ (*Henle, Allg. An., 477*). Но если «Краткой общей анатоміи» угодно было принять эти хенлевскіе мозговые сосудцы и

въ кожѣ, то нужно было, кажется, сказать, что она именно ихъ разумѣетъ подъ именемъ серозныхъ канальцевъ, а не старинные рейшевскіе и галлеровскіе *vasa serosa*, забытые и оставленные теперь всѣми, кто, въ анатоміи, смотритъ и наблюдаетъ, а не слышитъ и воображаетъ.

Третье микрографическое наблюдение «Краткой общей анатоміи». Оно помѣщено на стр. 92. «Если мышечныя волокна разсматривать чрезъ микроскопъ, то оныя кажутся плоскими, или по большей части цилиндрическими; меньшія волокна еще дѣлятся, и состоятъ изъ самыхъ тончайшихъ волоконцевъ, называемыхъ простѣйшими или недѣлимыми». Если оный микроскопъ показываетъ только это въ мышечныхъ волокнахъ, то кажется, его благоприличнѣе бы было назвать очками. Вы скажете: простѣйшихъ волоконъ нельзя видѣть въ очки; но позвольте прежде узнать, что такое — простѣйшія волокна? — Оное твореніе, разумѣется, отвѣчаетъ, тѣ, «которыя не дѣлятся», и тотчасъ же прибавляетъ: «оныя вѣроятно могли бы еще болѣе дѣлиться, если бы наши чувства и наши средства раздѣленія были болѣе совершенны». Да! Но мы не знаемъ совершенства чувствъ онаго творенія, а какъ оно намъ не описало свойствъ простыхъ или недѣлимыхъ волоконцевъ, то можно еще сказать и то, что одному покажется недѣлимымъ такое волокно, изъ котораго другой сработаетъ цѣлый пучокъ мышечныхъ волоконъ. Но самое вѣрное доказательство, что оное твореніе смотрѣло на мышечныя волокна, не въ микроскопъ, а въ слуховую трубу, есть то, что оно и не замѣтило различія въ устройствѣ волоконъ произвольныхъ и непроизвольныхъ мышцъ, и не видало, что мышечныя волокна могутъ представляться то плоскими, *безполосными*, снабженными зерномъ или зернистымъ пятномъ или цѣлымъ рядомъ малыхъ точекъ всерединѣ (волокна мышцъ непроизвольныхъ), то

цилиндрическими, *морщинистыми* и съ *полосками*, въ поперечномъ или въ продольномъ направленіи, встречающимися въ мышцахъ произвольныхъ и, изъ непроизвольныхъ, только въ одномъ сердцѣ. Вся эти микроскопическіе признаки мышечныхъ волоконъ, признаки, которые всякой можетъ повѣрить на кусочкѣ мяса, оставшагося послѣ объѣда въ зубахъ и размоченнаго слюною, относятся, даже не до коренныхъ волоконъ, а только до пучковъ, составленныхъ изъ этихъ волоконцевъ; и эти-то полоски, именно, особливо если онѣ имѣютъ поперечное направленіе, отличаютъ волокна произвольныхъ мышцъ отъ волоконъ соединительной ткани. Все это для «Краткой общей анатоміи» триньтрава; она не хочетъ знать и того, что теперь всякой новичокъ въ истологіи, сравнивъ прекрасныя микроскопическія изображенія Вагнера, Хенле и другихъ, можетъ безъ всякаго напряженія своихъ чувствъ видѣть въ микроскопъ, увеличивающемъ до трехъ сотъ и даже до двухъ сотъ разъ. Наконецъ, въ примѣчаніи на стр. 93, мы читаемъ и исторію истологіи мышечнаго волокна. Какъ вы думаете? Оно начинается Прохаскою и оканчивается Фонтаною! Это значить, она продолжается отъ 1778 (Prochaska, De carne muscul.) до 1787 года. Но даже и съ этою ограниченою библиографіею, оное твореніе должно бы было знать о существованіи *морщинъ* и *полосокъ* въ мышечныхъ волокнахъ, которыя были уже извѣстны и Фонтанъ въ 1787 году!

О механизмъ развитія мышечной ткани, такъ хорошо описанномъ Шваномъ, и говорить нечего. Оное твореніе, съ своимъ обычнымъ лаконизмомъ, заключаетъ просто: (стр. 93): «Внутреннее устройство мышечныхъ нитей не изслѣдовано.» Но, о чудо!.... на страницѣ 94 мы встречаемъ двухъ неожиданныхъ гостей, Превѣ и Дюма. Люди нашего уже столѣтія вдругъ являются на сцену! Что это такое!... Какъ это оное твореніе пустило современниковъ въ свою ограду? Ужъ не ошиб-

ка же это?... Нетъ! вотъ описаны ихъ наблюденія о детлеобразномъ окончаніи нервныхъ нитей, входящихъ въ мышечные пучки. Хотъ и тутъ оно твореніе оставляетъ насъ въ сомнѣніи, принимаетъ ли оно это открытіе Превд и Дюма, подтвержденное и Эммертомъ и Шваномъ и Бурдахомъ, и теперь принятое почти всеми истологами-микрографами. Но будемъ умеренны въ нашихъ требованіяхъ и пойдемъ далѣе.

Четвертое микрографическое наблюденіе онаго творенія: «Разсматривая въ микроскопъ навитые тончайшіе сосуды, мы видимъ, что оныя же въ разныхъ частяхъ тѣла имѣютъ различное переплетеніе» (стр. 121)... «Самыя тончайшія окончанія артерій и начала вейъ, въ которыхъ протекаетъ кровь (какъ микроскопъ показываетъ), по одному только шарикъ, имѣющему въ діаметрѣ $\frac{1}{150}$ часть миллиметра, называются волосообразною системою. Онѣ столь малы и тонки, что ихъ можно видѣть только помощію хорошихъ увеличительныхъ стеколъ, и то когда жилы будутъ налиты»... «Тѣ сосудцы, въ которыхъ протекаетъ одна водянистая часть крови, называются во многихъ анатоміяхъ тоже волосатыми сосудцами; но по моему мнѣнію, для отличія отъ первыхъ, ихъ лучше называть сосудами съвороточными. При наливаніи артерій, сіи послѣднія жилочки ни когда не наливаются подл микроскопомъ не видны, но въ живомъ тѣлѣ кровь при воспаленіи частей сильнымъ напоромъ ихъ растягиваетъ и въ оныя проходитъ» (стр. 130—131). Вотъ что оному творенію показалъ его чудесный микроскопъ о строеніи и распредѣленіи волосныхъ сосудовъ! Но, воля ваша, опредѣлить его понятіе объ этихъ сосудцахъ мы не беремъ. Различное переплетеніе и раздѣленіе волосковатыхъ сосудовъ въ различныхъ тканяхъ, и ихъ относительная величина, были предметомъ тщательныхъ изслѣдованій Бёрреса, Вебера, Гупке, Мюллера, Краузе, и, если не во всѣхъ тканяхъ, по крайней-мѣрѣ во многихъ уже, можно опредѣлить

съ математическою точностью, и наружный видъ сѣтки волосковатыхъ сосудовъ, и образъ раздѣленія, и величину, простирающуюся въ нѣкоторыхъ не болѣе $0,0020''$, какъ напримѣръ въ мозгу и сѣтчатой оболочкѣ. Но, прочитавъ замѣчаніе на страницѣ 131, мы опять удостовѣряемся, что руководителями онаго творенія были еще Бургаве, Галлеръ, Земмерингъ, Бишпъ и Шоссѣ; про двухъ послѣднихъ извѣстно, что они микрографіею совсѣмъ не занимались и Бишпъ даже отвергалъ пользу микроскопа въ изученіи тканей; отъ Бургаве и Галлера нельзя, по весьма естественной причинѣ, и требовать, чтобы они знакомы были съ изслѣдованіями и открытіями нашего столѣтія; что же касается до Земмеринга, то, если бы оно твореніе имѣло хоть сколько-нибудь уваженія къ ученой публикѣ девятнадцатаго вѣка, оно постаралось заглянуть въ послѣднее изданіе Земмеринговой анатоміи, пересмотрѣнное, исправленное и напечатанное Бишофомъ, Хенле и другими (1841): тамъ въ первомъ томѣ, могло бы, оно уже ясно увидѣть, что сдѣлалось съ истологіею послѣ первыхъ изданій анатоміи Земмеринга, служившей руководствомъ анатоміи Загорскаго. Можно ли теперь позволить себѣ увѣрять читателей, будто «*vasa serosa*» непременно существуютъ, будто они отдѣляютъ въ серозныхъ тканяхъ *serum*, въ кожѣ испарину, въ железахъ мочу, слину!... и тому подобное (стр. 131). Это значитъ, не хотѣть ни видѣть, ни слышать, что дѣлается вокругъ насъ. Еще, въ практической медицинѣ, можно оставаться при запоздалыхъ взглядахъ: тамъ можно еще и въ наше время слѣдовать и гуморальной и Броуновой патологіи, и всё-таки быть счастливымъ врачомъ. Еще въ простой, описательной, анатоміи, можно учить съ грѣхомъ по-поламъ по руководствамъ, изданнымъ за двадцать лѣтъ, и всё-таки быть довольно порядочнымъ анатомомъ. Но въ истологіи, въ органической химіи, пропустить, не то двадцатилѣтіе, а даже од-

по пятилѣтіе, значить уже жестоко рассориться съ наукою. Если бы «Краткая общая анатомія» ничего не упоминала о микроскопѣ и объ органической химіи, мы бы тогда были еще къ ней снисходительны; мы бы, можетъ-быть, подумали, что она остановилась въ истологіи на той точкѣ, на которой эта наука стояла во времена Бишпъ, и оставили бы *оное* сочиненіе въ покоѣ; но, встрѣчая въ книгѣ какія-то сказанія о микроскопѣ и о химіи, встрѣчая иногда имена Превъ и Дюмъ и неясные слухи о *нѣкоторыхъ* и *многихъ*, *принимающихъ*, *думающихъ* и *полагающихъ* физиологахъ и анатомахъ, мы, конечно; имѣемъ полное право требовать отъ нея, о существованіи серозныхъ и отдѣляющихъ жиръ, слину, мочу и прочая, сосудахъ, не такихъ истертыхъ доказательствъ, какія она приводитъ на страницѣ 131. Доказательство ли это, что, при воспаленіи роговой оболочки глаза, сосудцы, которые въ здоровомъ состояніи не были видны, дѣлаются замѣтными? Да развѣ простымъ глазомъ можно видѣть малѣйшія трубочки, въ діаметрѣ 0,0037''' , если бы въ нихъ и проходили кровяные шарики? Можно ли о самомъ трудномъ и, такъ сказать, самомъ въжномъ предметѣ истологіи говорить по преданіямъ, неосновываясь ни сколько на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и не подвергнувъ самой строгой критикѣ наблюденій чужихъ? Исключая нѣкоторыхъ наблюдений, сдѣланныхъ въ новѣйшее время надъ кровообращеніемъ въ волосковатыхъ сосудахъ у живыхъ животныхъ, извѣстны только два факта, которые говорятъ, нѣсколько, въ пользу существованія серозныхъ сосудовцевъ. Это—наблюденіе Краузе, который видѣлъ сосудцы въ поперечникѣ гораздо мѣншей величины (0,0008''') безъ кровяныхъ шариковъ, а именно въ мышцахъ, голени, и потомъ наблюденіе Хенленадъ сосудами мозга, о чемъ мы уже упомянули прежде. Но если трудно привести фактическія доказательства въ пользу существованія серозныхъ

сосудцевъ, то какіе же факты можно представить въ пользу того, будто эти же самые серозныя сосудцы отдѣляютъ мочу въ почкахъ, слезы и слину въ железахъ? Каковъ долженъ быть взглядъ подобной книжки на самыя важныя отправленія животнаго организма, когда она еще представляетъ себѣ всѣ органы и всю поверхность тѣла истыканными какъ рѣшето, пробуравленными какъ барочныя доски! Едва въришь своимъ глазамъ, когда читаешь, на страницѣ 131, внизу, замѣчаніе, мелкимъ шрифтомъ, что «нѣкоторые физиологи, не видя *vasa serosa* и *vasa exhalantia*, полагаютъ, что всѣ сывороточныя влаги и потъ отдѣляются чрезъ стѣнки сосудовъ, а не чрезъ органическія поры или скважины». Какъ, видите, теперѣ обще принятый взглядъ, основанный на физическихъ законахъ, на микрографическихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ, которыми долженъ гордиться нашъ вѣкъ, не удостоенъ «Краткою общей анатоміей» даже небольшою чести быть помѣщеннымъ въ текстъ онаго творенія!

Пятое микрографическое наблюденіе. «Микроскопическія наблюденія доказываютъ, что кровь состоитъ изъ сывороточной жидкости, въ которой плаваютъ шарики, имѣющіе овальный видъ. Каждый шарикъ представляется бѣлымъ и прозрачнымъ и будто одѣтъ красноватою, не менѣе прозрачною оболочкою. Шарикъ, особенно кровяные (???) (это что?) не имѣютъ одинаковаго діаметра во всѣхъ направленіяхъ. Въ микроскопѣ они представляются чечевицеобразными» (стр. 137). Вотъ все, что замѣтила «Краткая общая анатомія» при своихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ надъ знаменитыми кровяными шариками, о которыхъ написаны цѣлые томы. Изъ короткой статьи, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ этого журнала, читатели могли видѣть, сколько любопытнаго и существеннаго, при самомъ бѣгломъ обзорѣ, можно было сказать объ этомъ предметѣ, ес-

ли бы оно творение было знакомо съ новейшею анатомическою литературой. Его микроскопъ не показалъ ему даже двухъ различныхъ родовъ этихъ шариковъ, *цельминыхъ* и *безцельминыхъ*; не показалъ даже темнаго центрального явца во многихъ шарикахъ; оно не смѣло за нужное сказать хоть нѣсколько словъ о тѣхъ важныхъ въ физиологическомъ и практическомъ отношеніи измѣненіяхъ, которыя производить въ шарикахъ дѣйствіе щелочей, кислотъ и даже простой воды; ихъ величина, ихъ химическія составныя начала, ихъ отличія отъ шариковъ молока, лимона, гною, все это оно считаетъ излишнею роскошью. Какія же польза въ томъ для читателя «руководства», если онъ узналъ только, что на свѣтѣ существуютъ «чечевичкообразныя» или сглюбуны кровяные шарики, не узнавъ ни одного изъ самыхъ важныхъ физическихъ и химическихъ свойствъ этихъ замѣчательныхъ атомовъ! Не только врачамъ, но даже каждому образованному человѣку изъ энциклопедій и популярныхъ физиологій, уже хорошо извѣстно, что *цельтной* шарикъ состоитъ изъ оболочки, содержащей въ себѣ ядрышко, неровнаго, вершнстаго виду, и растворъ гематины, и что поэтому каждый шарикъ можно считать за пузырекъ или клетку, наполненную красящимъ веществомъ, растворяющимся въ водѣ. Приведенные въ прикосновеніе съ этою жидкостью, кровяные шарики разбухаютъ, дѣлаются неровными, перемѣняютъ свой видъ въ шарообразный и лопаются. Вода и другія жидкости дѣйствуютъ, следовательно, на содержаніе шариковъ по законамъ осмоса; одни изъ химическихъ веществъ производятъ сгущеніе заключенной въ ячейкѣ гематины (хлоръ, винный спиртъ, сѣрная и азотная кислота), другія, какъ такия щелочи, желчь, растворяютъ и оболочку и зернышко и гематину шарика; уксусная кислота растворяетъ оболочку, но оставляетъ зернышко; угловая кислота дѣлаетъ ихъ темнѣе и

большее, а кислородъ свѣтлѣе и прозрачнѣе. Къ отличительнымъ физическимъ свойствамъ шариковъ принадлежатъ упругость: они могутъ удлиняться, дѣлаться плоскими отъ давленія, принимать опять прежній свой видъ; они тяжелѣ кровяной сыворотки, имѣютъ большую склонность къ взаимному сцѣпленію, и величина ихъ, различная въ различныхъ классахъ животныхъ, у человека доходитъ до $0,0025$ и до $0,0032''$ въ поперечникѣ. Что касается до безцѣпныхъ шариковъ, то они весьма сходны съ шариками лимфы: въ человеческой кровѣ ихъ немного; они образуютъ весьма круглыя, зернистыя атомы, въ объемъ болѣе цвѣтныхъ шариковъ ($0,005''$), имѣютъ весьма явственное зерно, состоящее изъ двухъ до трехъ зернышекъ. Это все такія вещи, которыя, при тщательнѣмъ состояніи истологіи, и авторы общихъ анатомій и читатели, и наставники, и ученики должны знать по-крайней-мѣрѣ такъ же твердо какъ латинскую азбуку. На это нельзя возражать, что «краткая» общая анатомія не можетъ быть обширною; въ книгѣ такого же точно объема какъ «Краткая общая анатомія» умѣстилось бы все это и еще многое другое о кровяныхъ шарикахъ, если бы она заблагодарасудила выбросить длинныя тирады о вскрытіи нервныхъ тѣлъ, въ общія мѣста изъ описательной анатоміи, бесполезное изчисленіе, на пяти страницахъ, костей скелета, и все, что ни сколько не принадлежитъ къ кругу о тканяхъ.

Изъ предыдущаго можно легко судить и о *мѣстномъ микроскопическомъ наблюдении*, касающемся шариковъ лимфы (стр. 147.) Объ нихъ упоминается только, что они схожи съ шариками крови, между-тѣмъ какъ, теперь, уже льтъ десять лѣтъ известно, что шарики лимфы гораздо крупнѣе кровяныхъ ($0,002$), имѣютъ во большей части зернистую наружную поверхность и весьма явственное зерно.

Наконецъ, финаль микроскопическихъ наблюдений «Краткой общей анатоміи» —

Седьмое наблюдение — надъ мозгомъ и нервами. — Говоря о томъ, чего нѣтъ въ «Краткой общей анатоміи» и что должно бы въ ней быть, если бы она заслуживала своего ученаго названія, мы и такъ уже зашлѣли слишкомъ далеко. Боясь утомить вниманіе читателя, скажемъ, относительно къ нервной системѣ, только то, что: 1) «Краткая общая анатомія» не знаетъ элементарныхъ трубочекъ въ центральныхъ органахъ нервной системы; по ея мнѣнію мозговое вещество состоитъ изъ однихъ только шариковъ, между-тѣмъ какъ, въ нервахъ, она *намѣкаетъ* о тончайшихъ трубочкахъ (стр. 155 и 162). Но кому же не извѣстно, что въ волокнахъ бѣлаго вещества мозга, если они значительнаго объема, такъ же легко, а въ малыхъ и тонкихъ волокнахъ, такъ же трудно какъ и въ элементарныхъ фибрахъ нервовъ, открыть подъ микроскопомъ очерки (контуры) влагалища, образующаго трубочку? Впрочемъ, на страницѣ 155, въ одномъ мѣстѣ говорится: «Другіе полагаютъ, что бѣлое существо мозга состоитъ изъ колѣнчатыхъ трубочекъ». Вѣроятно, здѣсь разумѣются мнимыя открытія Эренберга. Но нѣсколько страницъ ниже, увѣряютъ насъ, что «если черезъ микроскопъ разсматривать бѣлое вещество, то оно представляется образованнымъ изъ множества полупрозрачныхъ шариковъ:» такъ вотъ опять — каша! 2) Она же книжка такъ же не хочетъ ничего знать о микрографическихъ и химическихъ свойствахъ этихъ трубочекъ или волоконъ и содержимой въ нихъ сердцевинѣ. 3) Она же не принимаетъ ни какихъ особенныхъ шариковъ въ узлахъ нервовъ и въ пепельномъ веществѣ мозга. 4) Оной же остались неизвѣстными даже и тѣ наблюденія, которыя сдѣланы у насъ въ Россіи, въ дерптскомъ университетѣ, профессорами Биддеромъ и Фолькманомъ, а въ Германіи Ремакомъ, о различіи органическихъ нервныхъ волоконъ, принадлежащихъ къ системѣ большаго сочувственнаго нерва, отъ центральныхъ. 5) Она же не хочетъ позна-

комить читателей съ цилиндрикомъ оси нервныхъ волоконъ (Пуркинъ) и съ изслѣдованіями объ образъ окончанія периферическихъ концовъ нервныхъ нитей въ кожу и другихъ органахъ, объ ихъ ходѣ и направленіи въ корняхъ или центральныхъ концахъ. Все это она считаетъ за лишнюю тяжесть, обременительную для учащихся, а можетъ-быть и просто за бесполезный бредъ. Всымъ этимъ глубокимъ изысканіямъ микрографовъ она предпочитаетъ свое собственное, поэтическое, сравненіе этихъ шариковъ съ кружечками гальваническаго столба (стр. 156). Она спѣшитъ окончить свои сказанія о тканяхъ, чтобы по скорѣе приступить къ описанію органовъ животнаго тѣла, которое занимаетъ въ «Краткой общей анатоміи», безъ всякой нужды, пространство отъ 193 до 280 страницъ. Не знаемъ, нужно ли послѣ такихъ плачевныхъ промаховъ въ микрографіи, говорить еще объ одномъ микроскопическомъ наблюденіи, сдѣланномъ онымъ твореніемъ надъ церкаріями. Оно говоритъ (стр. 262): «если чрезъ микроскопъ разсматривать свѣжее сѣмя, разведенное въ водѣ, то въ ономъ видно безчисленное множество шариковъ, похожихъ на кровяные, только немножко длиннѣе. Величина сихъ тѣлъ бываетъ въ $\frac{1}{1000}$ дюйма и совершенно сходятся съ наливочными животными (сегсагіа). Они оказываютъ движеніе гораздо живѣе наливочныхъ животныхъ». О горе! горе! за кого же считаетъ насъ, своихъ читателей, «Краткая общая анатомія»? Такъ едва-ли рассказывали первые путешественники о чудесахъ Новаго Свѣта, какъ повѣствуетъ оно твореніе о наружномъ видѣ церкарій. Разсматривая эти чудесные движущіеся атомы въ микроскопъ, оно не замѣтило бездѣлицы—хвоста. Уже Левенгуку, Гартскеру и другимъ въ 1670-хъ годахъ было извѣстно, что церкаріи состоятъ изъ головки или тѣла, 0,0010 длиною, круглообразнаго виду и обращеннаго тонкимъ концомъ къпереди, и большаго, почти цилиндрическаго, хвоста, который гораздо длиннѣе (1,0010''') го-

ловки: эту-то головку, содержащую въ себѣ, по-видимому, темноватое зернышко, только и замѣтила «Краткая общая анатомія»! О живянности этихъ животныхъ атомовъ, о необычайной скорости ихъ движеній, объ ихъ измѣненіяхъ отъ вліянія различныхъ химическихъ тѣлъ, обо всемъ этомъ, разумеется, вы не должны и спрашивать «Краткую общую анатомію».

Вотъ вся микрографія оной книжки. Кто знакомъ съ истологіею нашего времени, тотъ, конечно, долженъ быть весьма остороженъ въ обсужденіи микроскопическихъ наблюдений, а кто знаетъ всѣ трудности этихъ наблюдений, тотъ пойметъ, что заблужденія и противорѣчія въ результатахъ неизбежны. Правда, даже о главныхъ формахъ первоначальныхъ атомовъ, о существованіи зернышекъ въ шарикахъ крови, и о многомъ другомъ, еще результаты микрографическихъ наблюдений различны: но слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ похвальные усилія человеческого ума открыть истину должно считать за бесполезный бредъ, не стоящій ни какого обсужденія, и ограничиваться въ изложеніи столь важной науки какъ общая анатомія только собственными попытками, результатомъ которыхъ была — одна кашпца! Все сказанное [десять] поръ касается впрочемъ только этихъ бессильныхъ попытокъ «Краткой общей анатоміи» принять видъ науки; если же бы намъ вздумалось говорить о томъ, чего совсѣмъ нѣтъ въ этой мнимой общей анатоміи и что теперь слѣзалось сущностью истологін; если бы мы вычислили хоть половину того, что «Краткой общей анатоміи» нужно бы было сказать о такихъ тканяхъ какъ кожицы чешуйчатая, цилиндрическая и мерцающая, такъ превосходно описанныхъ Хенле, о мерцательныхъ движеніяхъ тканей о шарикахъ мелоча, изслѣдованныхъ такъ тщательно Доуисъ, о микроскопическомъ устройствѣ железъ, и прочая, и прочая, такъ это составило бы цѣлый томъ объ

однихъ пропускахъ, тоже не тоже «Краткой общей анатоміи». Но на пять и суда пять.

Познакомивъ читателя съ микроскопомъ «Краткой общей анатоміи», посмотримъ теперь, что сделала ее реторта.

Послѣ того, что мы узнали о микрографіи «Краткой общей анатоміи», мы бы показали большую легковѣрность, если бы вздумали искать въ описаніи составныхъ частей тѣла (стр. 9—16), хоть самаго поверхностнаго знакомства съ ея стороны съ органическою химіею 1844 года. О главныхъ, отличительныхъ химическихъ свойствахъ органическихъ тѣлъ, о *металлическихъ* и *полимерныхъ* соединеніяхъ, о катализѣ Берзеліуса, и о другихъ явленіяхъ, отличающихъ эти тѣла такъ рѣзко отъ неорганическихъ, разумѣется, въ «Краткой общей анатоміи» не сказано ни одного слова. На это нечего жаловаться. Мы бы даже и тогда не были на нее въ претензіи, если бы она совсѣмъ выпустила выставку своихъ химическихъ знаний: въ одно время нельзя же дѣлать и микроскопическія открытія кашицы и вѣрныя химическія разложенія! Но какъ «Краткая общая анатомія» сама рѣшилась выставить свои химическія произведенія, то мы, къ нашему сожалѣнію, должны замѣтить, что заводъ ея находится въ плохомъ состояніи. *Во-первыхъ*, на немъ не изготовляется даже *протеина*, одно изъ самыхъ важныхъ органическихъ веществъ, открытое Мольдеромъ, известное уже всѣмъ съ 1838 года, состоящее изъ углероду, водороду, кислороду и азоту (C^{40} , H^{60} , N^{10} , O^{12}) и составляющее основаніе и растительной и животной бѣлковины, волокнины, твѣрожины. Приготовленіе протеины такъ просто, что ее можно бы было легко сдѣлать и съ химической эрудиціей «Краткой общей анатоміи»: стоило бы только у бѣлка или волокнины отнять водою, алкоголемъ и эфиромъ, растворимыя въ этихъ жидкостяхъ жиры, экстрактивные начала и некоторыя соли, а раз-

веденною водородисто-хлорною кислотою освободить нерастворимыя въ водѣ соли, потомъ отдѣлить горячимъ ѣдкимъ щолокомъ соединенныя съ бѣлкомъ или волокниною фосфоръ и сѣру, наконецъ, осадить уксуною кислотою осадокъ, — и была бы протеина, вещество студенистое, безъ вкусу и запаху, нерастворимое ни въ водѣ, ни въ алкогольѣ, ни въ эфирѣ. *Во-вторыхъ*, волокнина (фибрина) на заводѣ «Краткой общей анатоміи» готовится еще патриархально, *березовою метелкою* (стр. 11). Взбивая свѣжую и жидкую кровь «березовою метелкою» можно получить волокнину, но смѣшанную съ жиромъ, отъ котораго ее пужно еще очистить кипячимъ алкогольемъ. На заводѣ «Краткой общей анатоміи» не извѣстно и знаменитое открытіе Мюллера, сдѣлавшее эпоху въ физиологіи, а именно, что волокнина находится растворенною и въ сывороткѣ крови, составныя части которой, по мнѣнію онаго творенія, только вода, бѣлковина, сода и соли (стр. 137.). *Въ-третьихъ*, на заводѣ «Краткой общей анатоміи» творожина или, если угодно, *сырина* (caseine), готовится только изъ молока, и ей не извѣстно, что казеина находится и въ крови и въ слинѣ и въ желчи, и въ сокѣ поджелудочной железы, и въ хрусталикѣ глаза (по опытамъ Саймона), и въ гноѣ, и въ туберкулахъ. «Краткая общая анатомія» говоритъ о казеинѣ коротко и ясно: «оная составляетъ основаніе сыровъ (!) и до-сихъ-поръ находили оную только въ молоко» (стр. 11). На заводѣ «Краткой общей анатоміи», «простокваша, отдѣленная отъ сметаны, будучи вынута и высушена, *почитается* чистою сыриною», а во всѣхъ лабораторіяхъ въ Европѣ сырина, то есть, творожина, готовится изъ снятаго молока, смѣшивая его съ разведенною сѣрною кислотою и потомъ отдѣляя эту кислоту кипяченіемъ съ растворомъ углекислаго бариту или извести.

Бѣлковина, самое важное составное начало почти всѣхъ тканей животнаго тѣла, находящаяся

также въ крови, лимфѣ, гноѣ, по наблюденіямъ «Краткой общей анатоміи», «есть составная часть (только) нѣкоторыхъ плевъ» (стр. 11.) Пепсина, извѣстная съ 1836 года всей Европѣ, еще не заслужила особеннаго вниманія на химическомъ заводѣ «Краткой общей анатоміи». И если ужъ и это вещество, открытое Шваномъ въ слизистой оболочкѣ желудка, и этотъ главный *agens* пищеваренія, имѣющій замѣчательное свойство растворять, въ соединеніи съ разжиженною кислотою и при извѣстной теплотѣ, бѣлковину и волокнину, не удостоился вниманія «Краткой общей анатоміи», то что говорить о другихъ, менѣе замѣчательныхъ, какъ глютенъ, добываемый изъ костей и содержащихъ клей веществъ; глобулина, нерастворимая въ алкогольъ часть кровяныхъ шариковъ; сперматина, часть спермы, растворимая въ водѣ и не сгущающаяся отъ вскипяченія; птіалина (въ слинѣ), хондрина, открытая Мюллеромъ въ хрящахъ и роговой оболочкѣ; билина Берзеліуса; глицерина, церана и цетильная окись, (три окиси различныхъ радикаловъ, которыя служатъ основаніемъ различнымъ родамъ жиру; маргарина и маргаринная кислота, конномочевинная кислота; алоксанъ, и прочая, и прочая, и прочая.

Но простое вычисленіе и еще какихъ-нибудь двадцати или тридцати животныхъ веществъ ни къ чему не поведетъ, если при этомъ не будетъ объясненъ способъ приготовленія, не будутъ означены составныя начала. Все это «Краткая общая анатомія», могла найти въ органическихъ химіяхъ, у Либиха, Саймона, Левига, Грема и сотни другихъ. Органическая химія, точно такъ же какъ и микрографія, безпрестанно идетъ впередъ или, лучше сказать, летитъ. Что взгляды химиковъ на составныя начала одного и того же вещества различны, этого и быть не можетъ иначе. Извѣстно, что бѣольшая часть химиковъ приняла, о составленіи органическихъ тѣлъ, теорію Берзеліуса и рассматриваетъ всѣ органи-

ческія тѣла, содержащія въ себѣ кислородъ, какъ они-
 си сложныхъ радикаловъ. Одинъ напримѣръ изъ та-
 кихъ сложныхъ радикаловъ, составляющихъ съ кисло-
 родомъ или водородомъ кислоты, извѣстенъ намъ уже
 давно: это — синеродъ, цианъ. Слѣдую этой теоріи,
 нужно найти средства къ отдѣленію кислороду, при
 разложеніи органическихъ тѣлъ, чтобы представить ихъ
 радикалы въ совершенно чистомъ видѣ; но различными
 химическія вещества, дѣйствіе теплоты и прочія вліянія,
 употребляемыя для этой цѣли, отдѣляя кислородъ, раз-
 лагають обыкновенно и самыя радикалы. Вотъ причи-
 на, почему соединеніе составныхъ началъ въ слож-
 ныхъ органическихъ составахъ можетъ быть рассматри-
 ваемо и объясняемо весьма различно, смотря по раз-
 личному распредѣленію атомовъ. Напримѣръ, спра-
 шивается: должно ли всегда принимать кислородъ, въ
 органическихъ составахъ за такое составное начало, ко-
 торое служитъ только къ образованію окиси? не
 имѣетъ ли онъ иногда участія и въ образованіи сама-
 го радикала? должно ли водородъ считать за со-
 ставную часть радикала или за составную часть воды,
 содержащейся во всякомъ органическомъ тѣлѣ? Мо-
 жетъ также быть, что нѣкоторые органическіе составы,
 почитаемые обыкновенно за окиси сложныхъ радика-
 ловъ, суть соли такихъ окисей съ угольною или съ
 какою-либо органическою кислотою. Еще труднѣе бы-
 ваетъ рѣшить вопросъ: въ какомъ состояніи содержат-
 ся металлы и металлоиды въ органическихъ составахъ,
 въ чистомъ ли видѣ или въ видѣ солей? должно ли
 отнести сѣру и фосфоръ, находящыеся въ нѣкоторыхъ
 составахъ, бѣлковинѣ, волокнинѣ, и прочая, въ
 чрезвычайно маломъ количествѣ, къ составнымъ ча-
 стямъ радикала? И тому подобное. Если и въ неорга-
 нической химіи еще взгляды на многія соединенія,
 напримѣръ, на водородистыя кислоты, различны, то

понятно, что въ органической химіи это различіе должно быть еще разительнѣе.

Это маленькое отступленіе мы сдѣлали для того чтобы показать, какъ необдуманно поступила «Краткая общая анатомія», выставивъ на показъ свои химическія свѣдѣнія въ видѣ общаго итога, и не означивъ, чьи изслѣдованія служили ей руководствомъ. Положимъ, это только одна необдуманность. Но какъ же должно назвать слѣдующую аксіому, выставленную на стр. 11, гдѣ она, послѣ раздѣленія всѣхъ ближайшихъ составныхъ частей *царства растительнаго и животнаго* на четыре класса, на среднія, красильныя, водородистыя и кислотныя начала, говоритъ: «Всѣ сіи классы веществъ отличаются отъ подобныхъ имъ *растительныхъ* содержаніемъ въ составъ своемъ азота»? Неужели же «Краткой общей анатоміи» и того не извѣстно, что растительный напримѣръ блокъ ничѣмъ не отличается отъ животнаго, относится также къ соединеніямъ протеины и, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ азотъ? Неужели же «Краткая общая анатомія» никогда не слыхала, что есть и животныя химическія начала, въ которыхъ нѣтъ азоту? Въ какой химіи она нашла, что молочный сахаръ содержитъ въ себѣ азотъ? У Берзеліуса молочный сахаръ = $C_5 H_{10} O_5$, у Либиха = $C_{12} H_{24} O_{12}$. А холестеарина, а стеарина, а олеина: это все глубокомыслиемъ «Краткой общей анатоміи» отнесено также къ азотистымъ веществамъ?

Если бы «Краткая общая анатомія» поступила съ нами откровенно и сказала по-просту: «Я не истологія, не общая анатомія 1844 года, а сборникъ остатковъ Загорскаго «Анатоміи», съ нѣкоторыми прибавленіями изъ *оглавленій и реестровъ* большихъ сочиненій Бишэ, Беклара и Вебера», мы бы оставили ее въ покоѣ; но, къ нашему непритворному сожалѣнію, она разложила на первыхъ страницахъ свои химическія и микрографическія свѣдѣнія, и прямо мѣтитъ въ уче-

ныя общія анатоміи. Чтò же вышло на повърку? Микрографія и органическая химія «Краткой общей анатоміи» оказались доморощенными недорослями; остальное, имѣющее видъ рѣчи о тканяхъ, относится ко временамъ, когда анатомическія творенія Мекеля и Беклара считались еще образцовыми. Тутъ мы имѣли бы полное право потребовать, чтобы она показала намъ, по-крайней-мѣрь, науку въ томъ видѣ, который ей данъ былъ этими анатомами; но, увы! «Краткая общая анатомія» заблагоразсудила оставить и эти умѣренныя наши желанія неудовлетворенными. Все, чѣмъ она умѣла воспользоваться отъ этихъ устарѣлыхъ писателей, состоитъ только въ одномъ исчисленіи тканей, заимствованномъ, не съ большимъ искусствомъ, просто изъ оглавленій (стр. 18—22). И такъ, очевидно, что «Краткая общая анатомія» хотѣла, во чтò бы то ни стало, быть оригинальною; какъ достигла она этой цѣли, это мы видѣли на кашницѣ.

Нужно ли математическое доказательство, что дагѣе оглавленій она не хотѣла заглянуть въ сочиненія Биша, Мекеля и Беклара? Кто хоть однажды со вниманіемъ прочелъ общую анатомію Биша или даже его трактатъ объ оболочкахъ, тотъ, уже изъ уваженія къ одной логикѣ этого великаго челоуька, не осмѣлится смѣшивать всѣ оболочки въ одну систему, какъ это сдѣлала «Краткая общая анатомія» (стр. 46), вѣроятно *придерживаясь*, въ этомъ случаѣ, безталаннаго Ленгоссека и не понимая, что тогда ужъ нужно бы было, для послѣдовательности, и кожу разсматривать въ системѣ оболочекъ. Правда, въ послѣднее время, и Хенле, основываясь на микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, описываетъ и серозную и волокнистую ткань вмѣстѣ подъ именемъ *соединительной ткани* (Bindegewebe); но это нейдетъ къ «Краткой общей анатоміи». Пусть бы ужъ она для раздѣленія тканей приняла въ основаніе хоть свои микроскопическія изслѣдованія,

и, соединивъ все въ систему кашицы, описывать все подъ именемъ кашицы. Нѣтъ! «Краткая общая анатомія» говоритъ, «что находятся двѣ разности въ анатомическомъ строеніи оболочекъ: однѣ оболочки *тонѣе* и кровеносныхъ сосудовъ имѣютъ менѣе, а потому строеніе ихъ простое, а другія оболочки (опять) *тонѣе* и кровяныхъ сосудовъ имѣютъ болѣе, а потому строеніе ихъ сложнѣе; первыя будутъ серозныя, а вторыя слизистыя оболочки» (стр. 46). Коротко, ясно и основательно! И однѣ тонѣе и другія тонѣе! Вотъ, какъ, изъ самой свѣтлой мысли великаго Бишэ, соединившей въ одно цѣлое разбросанныя, но сродныя по строенію и отправленію, ткани, Ленгоссекъ и «Краткая общая анатомія» умѣли образовать настоящій хаосъ. И эта гениальная мысль, которая была обильнымъ источникомъ столькихъ открытій, взглядовъ и приложеній въ медицину; о которой каждый учащійся долженъ размышлять не иначе какъ съ благоговѣніемъ; эта мысль доставившая Бишэ безсмертіе, явственно поправа въ «Краткой общей анатоміи». Одна ткань (серозная), представляющая по большей части оболочки въ видѣ мышковъ безъ отверстія, всегда скрытыхъ отъ прикосновенія съ внѣшнимъ міромъ, почти нечувствительныхъ, образуетъ покровъ важнѣйшихъ для жизни органовъ, и состоитъ изъ эпителиальнаго (внутренняго) и клетчато-сосудистаго (наружнаго) слоевъ, изъ которыхъ черезъ первый безпрестанно просачивается серозная влага. Другая (слизистая), образующая всегда полости съ отверстиемъ, находящаяся въ непрерывной связи съ наружнымъ міромъ, устилающая всѣ испражнительные и отдѣлительные каналы животнаго тѣла, сопровождаетъ ихъ до самыхъ послѣднихъ развѣтвленій, составлена изъ нѣсколькихъ слоевъ, одарена значительною чувствительностью, имѣетъ особенный родъ эпителиальнаго покрова и содержитъ въ существѣ своемъ множество железокъ, посредствомъ которыхъ непре-

станно отдѣляетъ слизистую влагу. Эти двѣ ткани описывать вмѣстѣ, незначить ли добровольно затмѣвать то, что уже съ перваго взгляду должно для учащагося анатоміи сдѣлаться яснымъ? Хенле можно сдѣлать упрекъ, что онъ, слишкомъ увлекаясь тождественностью нѣкоторыхъ микроскопическихъ элементовъ, соединялъ иногда въ одно различныя по отправленію ткани. Но что же сказать о «Краткой общей анатоміи», которая говоря, что однѣ оболочки тонѣе и другія тонѣе, но однѣ простѣе, другія сложнѣе (стр. 46), всѣ ихъ складываетъ въ одну безладную кучу? Даже и принявъ, безъ всякой логики, одну систему оболочекъ, потому только, что «оболочками называются перепонки, покрывающія внутреннюю поверхность разныхъ «полостей, промежутковъ и поверхности органовъ» (стр. 46), куда же «Краткая общая анатомія» относитъ волокнистыя оболочки? Это развѣ не перепонки, одѣвающие поверхность органовъ? Къ чему же она разбросала эти оболочки по разнымъ своимъ системамъ?

Обратимся теперь къ описанію сывороточныхъ оболочекъ. На страницѣ 47, мы встрѣчаемъ такіе три факта, которые, что называется, разбиваютъ васъ въ пухъ: а именно: 1) «Серозныя оболочки одѣваютъ всѣ органы жизни животной и растительной.» Какъ! поэтому, глазъ, то есть, глазное яблоко, языкъ, кости, всѣ эти органы жизни животной одѣты серозною оболочкою! 2) «Всѣ три оболочки общаго чувствилща—серознаго «свойства: твердая, паутиная и сосудистая». Если «Краткая общая анатомія» не принимаетъ съ Бишъ и другими, что твердая оболочка мозга, сердечная сумка, влагалищная оболочка яичка, суть ткани, составленныя изъ двухъ слоевъ, одного наружнаго, волокнистаго, а другаго внутренняго, серознаго, что и дѣйствительно ни простымъ разсѣченіемъ ни вымачиваніемъ не можетъ быть доказано, то всё-таки какъ же можно считать за серозную ткань оболочку, состоящую изъ плотныхъ, блестя-

шнкъ, жеудобрастяжимыхъ волоконъ, плотно сросшихся посредствомъ сосудовъ съ внутренною позвоночными черепъ? Не думайте, чтобы этого не знала «Краткая общая анатомія». Она сама говоритъ (стр. 87): «Къ системѣ сухожильныхъ волоконъ (!?) относятъ нѣкоторыя твердую мозговую оболочку, плеву «малюстную; но онѣ по отправленію своему должны быть причислены къ разряду другихъ оболочекъ». Это почему же? Не думаетъ ли создательница *системы сухожильныхъ волоконъ*, что твердые, серебристыя волокна твердой оболочки мога струять серозную влагу? Да такъ и есть! Вотъ въ примѣчаніи (стр. 47) сказано бо есть: «Твердая оболочка мозга и околосердце имѣютъ свои сосуды большіе и притомъ устроены изъ волоконъ сухожильныхъ, но отдѣляютъ *serum*».... «Краткая общая анатомія» знать не хочетъ, что отдѣленіе серозной влаги значитъ вынощеніе жидкой части крови черезъ стѣнки сосудистой сѣтки и эпителиально-серознаго слоя. «Краткая общая анатомія» видитъ вездѣ одні дыры!» 3) Третій фактъ не менѣ замѣчателенъ двухъ первыхъ. По мнѣнію «Краткой общей анатоміи» еще есть *синовіальныя железы*, о которыхъ такъ много толковалъ покойникъ Герверсъ, не тѣмъ будь помянуть, разумѣя подъ этимъ жирно-клетчатую, рыхлую ткань, собранную въ комки, изсбиляющую множествомъ кровеносныхъ сосудовъ, заключенную въ складкахъ членосуставныхъ оболочекъ. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть «Краткая общая анатомія» разумѣетъ и другое. Она, просто, увѣряетъ насъ, съ обыкновенной своей послѣдовательностью: «Влага «отдѣляемая внутри суставовъ *гуще* сывороточной, а по «тому (прекрасное, чудесное *потому!*) въ самыхъ суставахъ надобно принять еще настоящія *glandulas synoviales!*» Чтѣ, послѣ этого прикажете дѣлать?

Лучше пойдѣмъ считать кости.

Вотъ страница 58: тамъ мы также узнаемъ чудную новость, что у человѣка — только одна хвостовая

кость (os cossygis) и цѣлыхъ пять сесамовидныхъ костей на рукъ. Вамъ, можетъ-быть, захочется узнать строеніе костей? Подождите! «Краткая общія анатомія» считаетъ непремѣнною своею обязанностью разсказать сперва, сколько у насъ костей широкихъ, сколько длинныхъ, сколько кругловатыхъ, смѣшанныхъ: поэтому она на цѣлыхъ пяти страницахъ и кладетъ на счеты всѣ наши косточки, но о строеніи костяной ткани говорить себѣ (стр. 67) чисто по-своему, то есть, кратко, ясно и основательно, что вещество костей бываетъ двоякое: плотное и ноздреватое. И только?—Только.—Да это очень просто!—Тѣмъ лучше для насъ.—А гдѣ же Knochenköpferchen, Knochenkanälchen, Markkanälchen германскихъ истологовъ?—Это всепустяки! Гораздо полезнѣе знать учащимся тканесловію, что «шейка кости есть узкая и сжатая часть ниже головки», а трещина есть «продолговатая скважина или щель». (стр. 79). Не правда ли, что это чрезвычайно любопытно?

Обратимся теперь къ зубамъ «Краткой общей анатоміи». Ея мнѣніе касательно зубовъ вотъ какое: (стр. 81) «Зубы отличаются отъ всѣхъ костей нашего тѣла: 1. Зароженіемъ. 2. Питаніемъ. 3. Перемѣненіемъ. 4. Существомъ. 5. Соединеніемъ. 6. Очертаніемъ. 7. Употребленіемъ. А потому»... Нѣтъ! отгадайте, что—потому? Вотъ ужъ, вѣрно, не отгадаете! Такъ я вамъ скажу: «А потому надобно оныя разсмотрѣть послѣ другихъ костей, отдѣльно, не составляя новой системы» А! Каково потому? Потому что зубы отличаются всѣмъ возможнымъ отъ костей, то изъ зубовъ и не нужно составлять новой системы. Логика — такъ ужъ настоящая логика! Ну, можетъ-быть послѣ этого захотите кое-что узнать и о строеніи зубовъ, начнете разспрашивать объ известковыхъ каналцахъ Рециуса, о волокнахъ зубной эмали? Да ужъ разъ сказано: оставьте микрографію въ покоѣ; довольно съ васъ и того, если о чемъ услышите, то вѣрно уже слышали, ко-

гда у васъ еще не было зубовъ премудрости, наприкладъ, что существо зубовъ бываетъ двойное, одно *стекловидное*, молочно-бѣлаго цвѣту, блестящее, полу-прозрачное, твердое; другое, похожее на *слоновую кость*.

Но, узнавъ такія рѣдкости, если взглянете на страницу 106, такъ ужъ узнаете то, о чемъ вы прежде, право, не слыхивали: о назначеніи сердца. Какъ вы думаете, для чего мы имѣемъ сердце? «Краткая общая анатомія» насъ научаетъ, что «сердце есть главнѣйшій органъ движенія крови и *кровотворенія*». Эта геніальная мысль, вѣрно, не приходила прежде никому въ голову, ни Гарви, ни Галлеру, ни Сенаку; а о нынѣшнихъ физиологахъ и говорить нечего. Объясненіями и доказательствами, вамъ безызвѣстно, «Краткая общая анатомія» незанимается: такъ начнемъ же догадываться, почему она багаетъ, что сердце есть органъ *крово-в-о-р-е-н-ія*. Ужъ не потому ли что въ правомъ сердцѣ весьма хорошо взбалтываются и смѣшиваются кровяные шарики съ лимфатическими? Нѣтъ? Такъ не потому ли что черная, венозная кровь прогоняется правымъ сердцемъ въ легкое, а алая, артеріальная, воспринимается лѣвымъ сердцемъ по возвращеніи изъ легкаго? Вѣдь если бы не было сердца, черная кровь не смѣшалась бы хорошо съ лимфою и не могла бы проникнуть въ легкое, гдѣ она альбетъ? Да и вообще, куда бы было дѣваться крови приходящей и отъ легкаго и отъ всѣхъ частей тѣла, если бы не было сердца? Легкое ничего бы не значило безъ сердца: *ergo* «сердце есть органъ *кровотворенія*»? Помилуйте! да по этой теоріи всякая аптекарская банка и ступка будутъ органы сродства и сцѣпленія: вѣдь если бы не было ступокъ и стклянокъ, всѣ наши химическіе процессы пришли бы въ чрезвычайно плохое состояніе, во-первыхъ, потому что намъ негдѣ было бы смѣшивать различныя вещества, а, во-вторыхъ, потому что смѣшанныхъ и разложенныхъ некуда было бы положить! Но кто знаетъ, что «Краткая общая анатомія» разуметь подъ име-

немъ, кровотовореніе» Можетъ-быть и не образованіе кровяныхъ шариковъ изъ лимфатическихъ, и не химическій эндосмосъ содержимаго въ оболочкахъ этихъ шариковъ вещества, и не образованіе волокнины въ серозной жидкости крови! Объясняйте, какъ вамъ угодно, а всё-таки.... сердце есть органъ кровото-воренія.

Теперь послушаемъ, и теперь-то мы услышимъ, что «Краткая общая анатомія» намъ говоритъ (стр. 114) объ оболочкахъ артерій. Известно, что взгляды на строеніе и отправленіе артерій были, отъ самаго ихъ открытія, различны; когда узнали, что артеріи, не пустыя, наполненныя воздухомъ, трубки, а органы, служащія вмѣстѣ съ сердцемъ къ кровообращенію, много спорили — какою силою движется кровь въ этихъ трубкахъ? достаточно ли одного дѣйствія сердца, чтобы прогнать кровь черезъ эти трубки по всемъ частямъ тѣла? представляютъ ли артеріи при кровообращеніи только одни упругіе каналы, или не содѣйствуютъ ли особенною, дѣятельною, силою (сократительностью) подобно мышцамъ, къ поддержанію кровообращенія? Эти различныя мнѣнія измѣняли и взглядъ на строеніе артерій: одни принимали въ нихъ мышечныя, одаренныя особенною сократительностью, волокна; другіе — особенную волокнистую, весьма упругую, ткань. Бишъ въ своей «Общей анатоміи» такъ рѣзко показалъ физическія отличія средней или почти собственной оболочки артерій отъ мышечной ткани, что съ-тѣхъ-поръ никто изъ анатомовъ, принимавшихъ и непринимавшихъ сократительность въ артеріяхъ, не осмѣливался считать этой оболочки за мышечную, тѣмъ болѣе, что и сравнительное разложеніе мышечнаго волокна и средней оболочки, произведенное Берзеліусомъ, дало различныя результаты: поэтому, до-сихъ-поръ почти во всехъ физиологіяхъ и истологіяхъ средняя оболочка артерій называлась *упругою* артеріальною тканью. Хенле, въ первой истологіи, не совсѣмъ разделяя это общее мнѣніе,

принимаетъ на основаніи своихъ микроскопическихъ наблюденій, *шесть* различныхъ слоевъ въ стѣнкахъ артерій: слой эпителиальный, слой полосатый или дырчатый, отличающійся въ-особенности своею ломкостью, слой продольныхъ волоконъ, слой кольчатый (кольцевидныхъ волоконъ), слой упругой ткани, и, наконецъ, слой соединительной ткани. Хенле, опираясь на эти микроскопическія наблюденія и на опыты Перри, Гастингса, Гонтера и другихъ, говорить, что нынѣшніе физиологи зашли слишкомъ далеко, ставъ отвергать почти всѣ жизненные свойства въ артеріальныхъ стѣнкахъ; но положительныхъ доказательствъ о сократительности этой ткани и онъ не приводитъ. Результатъ всѣхъ этихъ опытовъ Перри, Гастингса и другихъ, состоитъ въ томъ, что перерѣзанныя артеріи у живаго животнаго сжимаются по мѣрѣ истеченія крови и, по смерти животнаго опять расширяются.

Извѣстны ли были хотя стороною эти раздѣленія Хенле «Краткой общей анатоміи», или нѣтъ, вопрошать не будемъ; она, не запинаясь и, какъ всегда, безъ доказательствъ, съ обычнымъ своимъ стоицизмомъ утверждаетъ, что «артеріи суть каналы копическіе и *бѣлые*, «упругостью и раздражительностью одаренные, а вторая «собственная оболочка есть мышечная, цвѣту желтоватаго пизжелта-красноватаго», и прочая (стр. 113, 114). Изъ этого описанія, кажется, можно сдѣлать только одно важное заключеніе, а именно, что «Краткая общая анатомія» отдастъ совершенно на произволъ читателя выборъ цвѣтовъ артеріальной ткани: можете выбирать между бѣлымъ, желтоватымъ, и изжелто-красноватымъ.... который лучше понравится!

Наконецъ, самая остроумная статья въ «Краткой общей анатоміи», доказывающая глубокомысленныя, огромныя свѣдѣнія ея въ физикѣ, психологіи и физиологіи, судъ прямой и рѣшительный, взглядъ вѣрный и оригинальный, есть безъ-сомнѣнія глава о нервной системѣ.

Всѣ психологическія, философическія, еологическія пренія о свойствѣ нашей души разрѣшены теперь совершенно «Краткою общею анатомією» съ математическою вѣрностью. Она утверждаетъ, будто всѣ наши душевныя способности суть дѣйствія животной магнитной силы. Не вѣрите? Прочтите страницу 148! «Система-де нервная, или органы животной магнитной силы! А нервною-де системою называются части вашего тѣла, посредствомъ которыхъ совершаются всѣ душевныя способности, чувства и движенія». Теперь все ясно! Теперь-то объясняется и другое темное мѣсто, въ таблицѣ «Краткой общей анатоміи», представляющей общее обзорѣніе тѣла человѣческаго, въ которой сказано, что «человѣкъ-де состоитъ изъ тѣла и изъ внутренней силы организма, или души». Эта внутренняя сила организма что можетъ быть другое какъ не животный магнетизмъ?... Доказательствъ искать не нужно: это такъ просто и ясно какъ дважды два четыре. А начало оной нервной системы, гдѣ совершаются душевныя способности, чувства и движенія, «проявляется уже и въ растеніяхъ!» Нервовъ-то въ нихъ мы не находимъ, но видимъ, что «листья и цвѣты, хотя медленно влекутся, но обращаются къ солнечному свѣту» (стр. 149). Какая восхитительная поэзія! Какъ сладко! какъ интересно! Еще органовъ чувства и движенія нѣтъ, а уже движеніе и чувства есть! Да кто знаетъ: можетъ-быть, и нервы, и душевныя способности, также есть и въ растеніяхъ! Эти смѣлыя умозрѣнія и выводы «Краткой общей анатоміи» вѣроятно такъ увлекаютъ васъ, что вы спѣшите узнать, на чемъ основала она сей великогѣпный храмъ животнаго магнетизма. Вотъ, для удовлетворенія вашего любопытства, и капитальныя доказательства: «Разсматривая многія (о точность!) явленія мозга и нервовъ въ животныхъ тѣлахъ, мы по нынѣшнему состоянію наукъ (о! современность!) находимъ довольно удовлетворительное объясненіе (о! ясность!) въ законахъ магнит-

«но электро-гальванической силы (о! ученость!); почему, «части составляющія нервную систему можно назвать ор-
«ганамъ магнитно-электро-гальванической силы....» (о
последовательность!).... (стр. 149). И такъ, «Краткая об-
щая анатомія» переноситъ насъ опять во времена Гиртан-
нера, Прохаски и другихъ любителей гальванизма и
магнетизма въ животномъ тѣлѣ! Конечно, сравненіе дѣй-
ствія нервной силы, жидкости, или.... назовите какъ вамъ
угодно, съ дѣйствіемъ электричества, такъ заманчиво, что
книжки и менѣе поэтическія «Краткой общей анатоміи»
уже не разъ соблазнялись имъ, представляя въ своемъ
воображеніи спинной мозгъ въ видѣ гальваническаго
столбца, нервы въ видѣ проволокъ, шарики нервной
массы въ видѣ кружковъ гальванической батареи,
и такъ далѣе. Еще и теперь, въ наше время, фи-
зіологи принимаютъ различныя токи въ нервныхъ во-
локнахъ и пучкахъ спиннаго мозга, предполагаютъ два
по различнымъ направленіямъ дѣйствующія теченія въ
движительныхъ и чувство передающихъ нервныхъ во-
локнахъ, одинъ центробѣжный, другой центроостре-
мительный. Иные еще и теперь считаютъ, одно нервное ве-
щество (бѣлое), хорошимъ, другое (шарики узловъ) ху-
дымъ проводникомъ нервной силы. Но кто не знаетъ,
что все это только одни символическія выраженія, взя-
тыя изъ сравненія? Какія же это *многія* явленія нерв-
ной системы, которыя, по увѣренію «Краткой общей
анатоміи», мы можемъ при *нѣтъшнемъ* состояніи нау-
ки *удовлетворительно* объяснить законами магнито-
электро-гальванической силы? Какъ «Краткая общая ана-
томія» изъ этихъ *многихъ* явленій не упоминаетъ ни объ
одномъ въ частности, то мы въ правѣ думать, что
это—тѣ же, о которыхъ говорено было уже столько
разъ въ физиологіяхъ, а именно, гальваническіе опы-
ты Вильсона надъ нищевареніемъ послѣ перерѣзанія
желудочно-легочнаго нерва, нервная атмосфера Гум-
больдта, посредствомъ которой гальваническій токъ

дѣйствуетъ и на периферичный конецъ перерезаннаго нерва, наблюденія Вавассёра о магнитизированіи иголь вколотыхъ въ нервы, опыты Давида, гдѣ проволоки гальваническаго столба, проколотыя черезъ нервы дѣйствовали на гальванометръ, нѣкоторые опыты надъ движеніемъ мышечныхъ волоконъ Превё, Дюма и Эдуардса, и наконецъ опыты съ электрическими рыбами. Но есть ли хоть одинъ изъ нынѣшнихъ первостепенныхъ электристовъ, который бы не смѣялся надъ этими опытами и наблюденіями? который бы допускалъ возможность *животнаго* электричества, гальванизма, или гальвано-магнитности? который бы впрямъ не сказалъ физиологамъ, что они не умѣютъ дѣлать опытовъ съ этими силами и видятъ то, чего тутъ нѣтъ? Самъ Матеуччи, въ послѣднее время, отказался отъ этой мечты. И онъ уже убѣдился, что, въ электрическихъ рыбахъ, электрическій приборъ ихъ не имѣетъ связи съ общимъ дѣйствіемъ ихъ нервной системы, что это—вещь совсѣмъ отдѣльная, и самой отдѣльностью своей доказывающая, что въ нервахъ дѣйствуетъ что-то другое. Кто нынче сомнѣвается, что всѣ знаменитыя гальваническія явленія, добываемыя изъ нашего тѣла, не суть явленія теплоты или сотрясательнаго возбужденія? Говорить въ 1844 году объ иннервации какъ объ электрическомъ или магнитномъ феноменѣ, значитъ отставать цѣлою четвертью столѣтія отъ физики. Кто хочетъ услышать строгій и разсудительный разборъ всѣхъ этихъ мечтаній, пусть прочтетъ весьма поучительную статью въ известной физиологіи Іоанна Мюллера о дѣйствующей силѣ нервовъ. Коротко сказать, нѣкоторые изъ этихъ опытовъ оказались несправедливыми, когда ихъ повторяли болѣе безпристрастные физиологи (какъ то, магнитизированіе иголь, вколотыхъ въ нервы); другіе же опыты только показываютъ, что нервъ, какъ и всякая другая животная ткань, есть проводникъ электричества, а электри-

ческій токъ дѣйствуетъ тутъ точно такъ же какъ и многія другія механическія или химическія раздраженія нервныхъ волоконъ. Пока нервъ не потерялъ своего свойства быть орудіемъ чувства и движенія, тогда дѣйствуетъ на него все, и гальваническій токъ, и острыя химическія вещества, и механическое раздраженіе. Перевяжите или перерѣжьте этотъ нервъ: гальваническій токъ и прочія раздраженія продолжаютъ еще дѣйствовать нѣсколько времени на периферическій конецъ нерва, пока тотъ не потеряетъ своей двигательной и чувство передающей силы. Но черезъ нѣсколько времени этотъ конецъ, отдѣленный отъ центральныхъ органовъ нервной системы, теряетъ свою способность возбуждать чувство и движеніе: тогда и гальваническій токъ перестаетъ дѣйствовать черезъ этотъ нервъ на мышцы и кожу; однако жъ, несмотря на состояніе онъменія въ перерѣзанномъ нервѣ, несмотря что онъ уже потерялъ способность производить сокращенія въ мышцѣ, онъ все еще, какъ и другія, влажныя животныя ткани, продолжаетъ быть проводникомъ гальванизма. Какое же «удовлетворительное объясненіе» нашла «Краткая общая анатомія» въ законахъ электричества свойству нервовъ быть проводниками чувства и движенія? Книгъ, писанной для *руководства*, право, неподобаешь распространять—такія смѣлыя умозрѣнія, будто электричество, магнетизмъ, чувство, движенія и даже душевныя способности одно и то же. Если бы еще «Краткая общая анатомія» выставила себя просто послѣдовательницею ученія Прохаски, Гиртаннера, и ихъ учениковъ, намъ бы ничего не оставалось сказать болѣе какъ *de mortuis nil nisi bene!* Но «Краткая общая анатомія» прикидывается современною и утверждаетъ, что будто, *по нынѣшнему (!) состоянію наукъ*, магнито-электро-гальванизмъ можетъ объяснить, если не все, то «многія» явленія нервной силы. Вотъ гораздо бы полезнѣе было, и для «Краткой общей анатоміи», и для руководимыхъ ею, если бы она, слѣдуя

настоящему состоянію наук, на-чисто отдѣлила *систему сочувственнаго нерва* отъ центральной голово-спинной системы. Если бы «Краткая общая анатомія», оставивъ давнопрошедшее, послѣдовала хоть только прошедшему состоянію наукъ, да прочла бы хоть Бишэ, Мекеля, Земмеринга, Гильдебрандта, такъ и тутъ бы она убѣдилась, что не все содержащееся въ «Анатоміи» Загорскаго должно выдавать за неоспоримую истину. Но, правда, мы требуемъ ужъ слишкомъ многого: не довольно ли ужъ и того, что она, наконецъ, оставила девять паръ нервовъ и согласилась, что ихъ дѣйствительно двѣнадцать? Только, зачѣмъ же старается она убѣдить публику черезъ извѣстныхъ ревнителей пользы общей, будто слѣдовала въ раздѣленіи нервовъ Арнольду и его *Icones nervorum caritatis*, если ея девяти-парное раздѣленіе, изображенное въ одной изъ четырехъ ея знаменитыхъ «Анатомическихъ, таблицъ», принято съ такимъ рукоплесканіемъ во всѣхъ европейскихъ факультетахъ и переведено въ Берлинъ на нѣмецкій языкъ?...

Не станемъ разрушать, безъ нужды, всѣ заблужденія, пріятныя сердцу «Краткой общей анатоміи». Одного только маленькаго заблужденія о большомъ сочувственномъ нервѣ, какъ бы оно ей пріятно ни было, никакъ нельзя оставить безъ вниманія; потому что это заблужденіе можетъ быть вреднымъ для читателя. Оставивъ всѣ авторитеты въ мірѣ, если безпристрастный и здравомыслящій наблюдатель взглянетъ на собраніе узловъ сѣроватаго цвѣту, соединенныхъ между собою множествомъ нитей того же цвѣту въ одну цѣпь, лежащую по обоимъ бокамъ позвоночнаго столба, сообщающуюся нитями съ нервами спиннаго мозга, дающую корни къ нервамъ мозга головного и, наконецъ, снабжающую вѣтвями и сплетеніями всѣ органы жизни растительной, скажите, останется ли этотъ наблюдатель хоть одну минуту въ сомнѣніи, что всѣ эти узлы и ихъ вѣтви должны составлять

особенную нервную систему, назначенную преимущественно для тѣхъ органовъ, которыхъ дѣйствія не подлежатъ нашей воли, а ощущенія едва бываютъ замѣтны въ здоровомъ состояннн тѣла? Видя множество нитей, связывающихъ эту цѣпь узловъ съ головными и спинными нервами, можно ли сказать, что сочувственный нервъ «начинается отъ глубокой вѣтви нерва Видіева и отъ вѣтвей пары нервовъ мозговыхъ»? (стр. 170). Не значить ли этимъ словомъ «начинается»—вводитъ въ заблужденіе учащихся, которые на той же страницѣ, нѣсколько строкъ ниже, читаютъ, что сочувственный нервъ «въ продолженіи своемъ составляетъ рядъ узловъ, соединяясь почти со всеми хребтными и нѣкоторыми мозговыми нервами»? Почему же, спросить всякой, кто размышляетъ, этотъ сочувственный нервъ «начинается» отъ Видіева, а съ нервами хребтными и нѣкоторыми мозговыми только *соединяется*? Почему «Краткая анатомія» не сказала, что сочувственный нервъ начинается отъ всѣхъ этихъ нервовъ, или, что онъ соединяется со всеми этими нервами, а именно, начинается отъ одного, а соединяется со всеми? Какимъ тайнымъ средствомъ узнала «Краткая общая анатомія» отъ природы, что она велѣла сочувственному нерву «начаться» отъ нерва Видіева, а со всеми другими только «соединяться»? Отчего природа была такъ пристрастна къ Видіеву нерву, что отдала ему преимущество передъ *всеми хребтными и нѣкоторыми мозговыми нервами*, этой тайны «Краткая общая анатомія» намъ не объявляетъ. Находясь въ секретной корреспонденціи съ природою, «Краткая общая анатомія», разумѣется, не обратила ни малѣйшаго вниманія на наблюденія Ремака, Биддера и Фолькманна, показывающія, что волокна этого нерва у лягушекъ, разсматриваемыя въ микроскопъ, отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ нервовъ системы головного мозга. Кто бы, однако жъ, вообразилъ послѣ этого, что «Краткая общая анатомія» совсѣмъ

не такая раскольница какъ вы думаете. Она говоритъ на стр. 173, что есть дѣйствительно особенная *узловая система*, (слава Богу!)... и что, дискатъ, «въ сей системѣ нѣтъ *надлежащаго центра* (то есть, нѣтъ надлежащаго начала), каждый узелъ есть центръ своихъ ближайшихъ частей,... а посредствомъ *сообщительныхъ нервовъ система сія соединяется съ нервами мозговыми и спинными*». А знаете ли, какіе нервы относить «Краткая общая анатомія» къ системѣ нервовъ узловыхъ? Между прочими, и нервъ дыхательно-желудочный (*nervus vagus*), тотъ самый, который она же анатомія (стр. 166) причислила къ нервамъ мозговымъ! И такъ, на стр. 173 нервъ дыхательно-желудочный *не имѣетъ надлежащаго центра* (или начала), а на стр. 166 онъ же *начинается* отъ продолговатаго мозга подъ девятою парю и составляетъ десятую пару нервовъ мозговыхъ! На стр. 170 нервъ сочувственный причисленъ къ «смѣшаннымъ нервамъ», то есть, такимъ, которые, по мнѣнію «Краткой общей анатоміи, происходятъ отъ другихъ нервовъ и, именно, отъ нерва Видіева, а на стр. 173 онъ же, какъ мы уже видѣли, не имѣетъ «надлежащаго центра», сирѣчь начала! Изъ этого видно, что «Краткая общая анатомія» находится въ великой враждѣ, не только съ микрографіею, органическою химіею, истологіею, современною анатоміею, но и со старою какъ свѣтъ логикою.

А вотъ еще нѣсколько доказательствъ, изобличающихъ въ «Краткой общей анатоміи» явственную неприязнь къ оной логикѣ.

Начнемъ съ системъ. Что такое система? Система, по мнѣнію «Краткой общей анатоміи», всё-равно что ткань, «плотная часть тѣла, *болѣе единообразная, хотя также сложная*» (стр. 24)). А что такое органъ? Это есть «*та же часть тѣла, болѣе или менѣе сложная изъ системъ*». Какъ же бы вы теперь думали: какія части относятся къ системамъ? Есть система кровообращенія, есть система нервная, есть система же-

лезь; но каждую из этих системъ составляютъ нѣсколько органовъ: систему нервную, напримѣръ, мозгъ, спинной мозгъ, нервы; систему кровообращенія—сердце, артеріи, вены. Слѣдовательно, система состоитъ изъ органовъ, а не органы изъ системъ!.... Теперь знаете ли какъ раздѣляются органы? А вотъ какъ: на пять органовъ высшихъ чувствъ и четыре органа жизненныхъ отправленій. Хорошо. Но знаете ли какіе эти четыре органа жизненныхъ отправленій? Вы подумаете, можетъ-быть, что органы кровообращенія должны занимать первое мѣсто? Ничего не бывало. Они совсѣмъ не органы жизненныхъ отправленій, а просто—система! А что вы думаете объ органахъ половъ? Они, по мнѣнію «Краткой общей анатоміи» принадлежатъ къ органамъ жизненныхъ отправленій. Слѣдовательно, «Краткая общая анатомія» почитаетъ половые органы, для жизни, гораздо нужнѣе чѣмъ кровообращеніе! Если не вѣрите этой разладицѣ съ логикой, прочтите сами страницы 26, 27 и 28.

Но можно побиться объ закладъ, что никто изъ насъ до-сихъ-поръ не зналъ, что у него есть въ тѣлѣ остеологія, или ученіе о костяхъ. А «Краткая общая анатомія» это знаетъ, и увѣряетъ, что система всѣхъ нашихъ костей и остеологія, это—одно и то же (стр. 54).

Есть между прочимъ еще одинъ куріозный образчикъ послѣдовательности, на страницѣ 244. А именно: по мнѣнію «Краткой общей анатоміи», въ желчномъ пузырькѣ, наиболѣе у *вельможъ*, находятся желчные камешки, и въ доказательство того она приводитъ слѣданныя ею вскрытія труповъ дюшессы Тарантъ и графини Безбородко. У дюшессы Тарантъ, извольте прислушать, найдено 507 камешковъ, а у графини Безбородко... сколько, какъ вы думаете?... «у графини Безбородко желчный пузырь найденъ весь еросшимся». Каковы доказательства, что желчные камешки находятся наиболѣе у *вельможъ*?

Для назиданія читателя теперъ не бесполезно будетъ привести въ одно цѣлое всѣ взгляды «Краткой общей анатоміи» на наше грѣшное тѣло.

Все наше тѣло состоитъ изъ трубочекъ (стр. 1), открывающихся всасывающими и испаряющими дырами на всей поверхности кожи (стр. 44) и на всей внутренней поверхности слизистой оболочки (52 и 140). Всѣ наши органы и ткани лѣпятся изъ кашицы (стр. 8), строеніе волоконъ нашихъ тканей (стр. 8), да и нашъ мозгъ, имѣютъ также видъ кашицы: человекъ, просто сказать, горшокъ каши! Сердце не принадлежитъ къ органамъ жизненныхъ отправленій (стр. 28), и оно же—главнѣйшій органъ кровотворенія (стр. 106): зато половые органы пренеобходимы для жизненныхъ отправленій! (стр. 28). Тѣло наше, кромѣ этихъ органовъ и системъ, состоитъ еще изъ остеологіи, которая всё-равно что система костей (стр. 54). Наши душевныя способности, чувства и движенія совершаются посредствомъ простой магнито-электро-гальванической силы (стр. 148). Мы состоимъ, наконецъ, изъ тѣла, и изъ души, или внутренней «силы организма», и находится отъ рожденія до смерти: а) въ здоровомъ, и б) въ болѣзненномъ состояніи; судебная медицина и медицинская полиція сохраняютъ насъ въ здоровомъ состояніи, а анатомія и физиологія врачуютъ наши болѣзни (см. Таблицу); общая же анатомія занимается, между прочимъ, *вскрытіемъ мертвыхъ тѣлъ* (стр. 280).... и притомъ еще для *какой бы то цѣли ни было*.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ОКТАБРЬ, 1844.

НОВЫЯ КНИГИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвёртая....

О, трижды, четырежды счастливая провинція! ты ещё читаешь стихи! ты будешь читать эти стихи!... Петербургъ.... тра—ля ля ля—ля ля—ля!...

Ахъ, ть сола іо епдо, іо спкто!...

Гарсія! Віардо! Віардо!...о!... бриккона!... бриккончелля!.. что ты сдѣлала изъ этого степеннаго, гордаго, молчаливаго Петербурга? Его узнать нельзя! У него голова идетъ кругомъ. Ноги его весь день въ невольномъ безпокойствѣ: на гуляньѣ, въ совѣтѣ, за картами, они вдругъ начинаютъ бить тактъ. Его руки—не свои: поутру онъ садится составлять выписку изъ дѣла или сочинять докладъ,—вдругъ перо, береженное чернилами, упадаетъ на бумагу, руки взлетаютъ на воздухъ и принимаются хлопать: *браво! брависсима!... бисъ! бисъ!... Oh! brissona! Прочь бумага! Прочь книги! Читать «книжку»?... Какъ это старо! Петербургъ уже ничего не читаетъ: онъ только поетъ.... поетъ за обѣдомъ, за чаемъ, во снѣ и надъ канцелярскими бумага-*

Т. LXVII. — Стл. VI.

1

ми.... О! какъ Петербургъ наслаждается! Какъ мы счастливы! какъ намъ весело!... *ке пѣчере!*... а какъ вамъ тоже должно быть весело, господа иногородные! Ваши надежды на насъ.... *тра—ля—ля—ля—ля—ля ля—ля!*...

Ахти, сола іо вѣдо іо.... вѣдо іо.... вѣ-п-п-п-п-п-до.... іо вѣ-п-до!...

Стихи?... Какіе стихи? Что вы называете стихами?...
Ахъ, да!

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвертая....

Покойный Лермонтовъ.... Были ли вы вчера въ оперѣ?... Ахъ! какъ она пѣла! Помните ли этотъ трель па фа? Прелесть.... Какой-то старый Нѣмецъ, сидѣвшій во-злѣ меня — я, кажется, встрѣчалъ его въ концертахъ — поморщился.... Видно, не понимаетъ хорошаго. Впрочемъ, онъ морщился безпрерывно. Богъ съ нимъ! Дѣло въ томъ, что мы чудесно провели вечеръ. Когда у музыкантовъ подирало по кожѣ отъ фальшивыхъ нотъ, мы хлопали безъ памяти или важно восклицали — *брав!* — *брав!* — Когда эти господа таяли отъ восторгу при счастливо исполненныхъ пассажахъ, мы себѣ думали о послѣднемъ преферансѣ и не слушали. Ужъ можно скаать—наслаждались!... Голова немножко болитъ.... такая духота! — *Титумъ титумъ — ти ти ти — титумъ!* — *тра-ля ля ля—ля!*...

Сонъ фели-и-и-че!.... *сонъ рина-а-а то!*...

Къ дѣлу?... Вы изволите говорить—къ дѣлу?... Вотъ тотъ часъ и видно, что вы живете въ провинціи! Кто теперь думаетъ о дѣлахъ?... Впрочемъ, если вамъ угодно, я готовъ и приступить къ дѣлу.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвертая....

Да! точно! это—четвертая часть. Прежде, извольте видѣть, было только три части. Последняя, кажется, была третья. Такъ вотъ теперь вышла четвертая. Мнѣнія, въ эту минуту, надо сказать правду, очень раздѣлены. У той, конечно, много искусства. Но и эта хороша.... очень хороша! Во-первыхъ, удивительная красавица; во-вторыхъ, голосъ.... нечего сказать! Со времени Зонтагъ, Петербургъ не слышалъ.... О чемъ я говорю?.... Какъ, о чемъ? Я гово-

рю о синьорѣ Кастелланъ! Я говорю о дѣлѣ — о самомъ важномъ дѣлѣ въ эту минуту — о чемъ всѣ нынче говорятъ. Я говорю, что не принадлежа собственно ни къ какой партіи, я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ музыкантовъ. Со времени Зонтагъ, Петербургъ не слышалъ голоса болѣе звонкаго, болѣе полнаго, болѣе яснаго, болѣе металлическаго и музыкальнаго. Та, съ прошлой зимы, сдѣлала большіе успѣхи, качество ея голосу значительно улучшилось: онъ сталъ тверже; но все-таки это еще — голосъ неопредѣленный, не подходящій положительно, отпечаткомъ своимъ, ни подъ какую музыкальную категорию, тогда какъ у этой — чистѣйшее, великолѣпное сопрано, которое, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко напоминаетъ соловьиное сопрано Зонтагъ. А согласитесь, любезные иногородные, что когда дѣло идетъ о пѣніи, то прекрасный голосъ челоѣческой, могущественнѣйшее изъ нравственныхъ средствъ природы, очаровательнѣйшая изъ всѣхъ красотъ ея, настоящій скипетръ челоѣка какъ царя всего органическаго ушеноснаго міра—*тра—ля ля ля ля—ля ля—ля!*—*титумъ титумъ—ти ти ти—*

Кви ла во-о-че суа соа-а-е
Ми киама-а-ва, э пои спарѣ ...

Э пои спарѣ ...

Э по (рулада) о, о, о, о, о, ом спа-а-рѣ!

Спарѣ!

Спарѣ!

Спа-а-а-а-рѣ!

Чудо, какъ это хорошо!... Сейчаеъ, сейчасъ! Не торошите меня. Я буду говорить и о стихотвореніяхъ Лермонтова. Да что жъ мнѣ вамъ объ нихъ сказать?

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвертая. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1844, въ-12., стр. 192.

Вотъ и все тутъ! Прежде была часть третья. А теперь вотъ — часть четвертая! Черезъ годъ, можетъ-быть, явится пятая. Старыя дѣвы — подогрѣтыя кушанья — посмертныя сочиненія — угасшія надежды — все это стѣять басовыхъ руладъ, которыя слышалъ я вчера. Кто-то купилъ право на изданіе сочиненій покойнаго Лермонтова: двѣ

первыя части пастоящихъ сочиненій, трудовъ изящныхъ, обработанныхъ, признанныхъ самимъ авторомъ, пошли хорошо: такъ вотъ онъ и принялся собирать, изъ всѣхъ альбомовъ, ящичковъ и выброшенныхъ на чердаки портфелей, отрывки, пѣсенки, мадригалы, шуточки, сочиненія необработанныя, неоконченныя, непризнанныя, — тискаетъ себя каждый годъ по томику этихъ браковъ, — спускаетъ ихъ вамъ, о! иногородные, — и.... наслаждается! Это—его опера. Лучшей музыки онъ и не желаетъ—*Стихотворенія Лермонтова—часть четвертая—титумъ титумъ титумъ ти!*—*титумъ титумъ ти ти ти!*—*пампамъ пимпамъ—пи пи пи!*—*часть четвертая—купи!*

Ку (рулада) у-у-у-у-у-у-у-ни!

Ку-у-у-ни!

Купи!

Зачѣмъ хотите вы, чтобы я говорилъ объ этихъ стихотвореніяхъ? *Уна во-о-че по-о-ко-фа!*....

Читайте ихъ, если можете:

• Избави Богъ отъ лѣтнихъ мучекъ,
Отъ дѣвъ, болтающихся лрбн,
Отъ дружбы слишкомъ пѣждой, и
Отъ романтическихъ старушекъ! •

Титумъ титумъ... очень плохо!... пимпамъ пимпамъ пи — пожалуйста, купи! Вѣдь у васъ уже есть три части? Какъ же быть безъ четвертой? Экземпляръ [не полонъ!

• Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой стремительно идетъ,
Когда среди полей, кѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,
Мечтывке злое грусть ледѣтъ
Вдъ душѣ неопытной жосей:
Гляжу, — природа молодѣтъ,
Но молодѣтъ лишь только ей.
Данить покойныхъ пламень адый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто тамъ страдалъ, бѣгалъ,
Любилъ къ ней въ сердце не найдеть! •

Титумъ титумъ.... еще хуже. Но пожалуйста купите! Издатель хочет..... наслаждаться.

Коротко сказать, томикъ составленъ изъ десятковъ двухъ стихотвореній, большею частью подобныхъ этимъ, и украшенъ поэмой, «Измаилъ-бей», писанной вѣроятно еще въ пансіонѣ, неконченной, съ пропусками, съ пустымъ содержаніемъ, съ плохими стихами.

Ахъ! вотъ двѣ трагедіи!

Buona sera, mie signorel....

Buona sera!

Buona sera!

1. КАЛЬДЕРОНЪ. *Трагедія въ трехъ актахъ и шести картинахъ. Сочиненіе Ильина. Маска, въ тип. Смирнова, 1844, въ-12, стр. 120.*

2. ЖЕНА И ДОЧЬ, ИЛИ ДВА РОДА ЛЮБВИ. *Драматическая быль въ двухъ картинахъ. Сочиненіе Ильина. Москва, въ тип. Смирнова, 1844, въ-16., стр. 96.*

Имя *Ильина* (древняго) блистаетъ негласною славою на скрыжальяхъ россійской драматической литературы. Кто, изъ людей чувствительныхъ, лѣтъ за пятьдесятъ, не плакалъ за «Рекрутскимъ наборомъ»?... чье тогдашнее сердце не билось участіемъ при трогательныхъ сценахъ Ильиной «Лизы»? Новѣйшій *Ильинъ*, нашъ современникъ, еще совсѣмъ не такъ знаменитъ какъ древній. Но онъ будетъ знаменитъ. Онъ самъ это знаетъ. Вотъ почему, съ самаго начала, онъ и провозглашаетъ себя коротко и просто — *Ильинимъ*—безъ всякихъ прибавленій. Знаменитыя имена не требуютъ ни какихъ оговорокъ. Не извѣстно, будутъ ли когда-нибудь играны «трагедія» и «драматическая быль» новѣйшаго *Ильина*, но то вѣрно, что если бы ихъ съиграли, успѣхъ былъ бы страшный, громадный, пирамидальнѣй! Отъ трагедіи дыбомъ встали бы «власы», а отъ «были» рѣки слезъ выступили бы изъ «береговъ».

Картина первая: *Любовь жены*. Софья Ивановна Зорева и старая нянюшка ея, Максимовна, плачутъ въ оба о томъ, что папенька Софьи Ивановны сердится на нее. Папенька, Иванъ Петровичъ Леинъ, сказать правду, не

нѣтъ ни малѣйшаго права сердиться. Софья Ивановна, всего-на-все, только влюбилась во Владимира, и какъ-то, неумышленно, бѣжала съ нимъ. Иванъ Петровичъ разсердился, и тѣмъ пуще, что у Владимира кромѣ богатствъ сердца ничего не было. Потомъ Владимиръ получилъ наследство, сдѣлался Владиміромъ Павловичемъ Зоринимъ, но Иванъ Петровичъ, какъ столбовой тиранъ, не прощаль ни его ни Софьи Ивановны. Максимовна совѣтуетъ пойти и попросить прощенія. Убѣжденная мудрымъ ея совѣтомъ, Софья Ивановна соглашается. Приходитъ Владимиръ Павловичъ, «ставитъ шляпу на столъ, и, *подойдя къ Софьѣ, цѣлуетъ ее*». Слѣдуютъ всякія разныя нѣжности. Софья Ивановна открываетъ свое намѣреніе. Владимиръ Павловичъ не согласенъ. Максимовна уговариваетъ его и подаетъ Софьѣ Ивановнѣ салоуъ, въ которомъ Софья Ивановна уходитъ просить прощенія, съ сыномъ Ванчикой. Владимиръ Павловичъ беретъ шляпу и идетъ за ними. Вы не видите здѣсь картины? Какъ же! Картина предстаетъ глазамъ — когда Максимовна подаетъ Софьѣ Ивановнѣ салоуъ. Отлично живописная картина!

Картина вторая: *Любовь отца*. Иванъ Петровичъ Леминъ толкуетъ съ своей собственной Максимовною, со старикомъ Савельичемъ. Этотъ Савельичъ совѣтуетъ простить Софью Ивановну, а Иванъ Петровичъ не хочетъ. Оставшись одинъ, Савельичъ «вынимаетъ тавлинку, нюхаетъ табакъ съ разстановкой, разсуждаетъ, и садится въ кресла: *«музыка начинаетъ ададжіо и Савельичъ засыпаетъ»*. Приходитъ Софья Ивановна, молится, плачетъ. Савельичъ просыпается. «Простите, я задремалъ, и не видалъ, какъ вы пошли, и во снѣ видѣлъ я *что-то неземное*, а вы теперь и въ явѣ предо мною!» Потомъ, слово за словомъ Савельичъ приноситъ Ванчику *«и опускаетъ на полъ»*, а самъ идетъ *вонъ*. Зачѣмъ? А вамъ на что знать? Это — секретъ Савельича. Является Иванъ Петровичъ. «Хотѣлъ писать письма—но что-то нейдетъ въ голову.... Скука такая! Со свѣту бѣги! Что это за ребенокъ? Ба! Софья!» Софья Ивановна на колѣни умоляетъ! Иванъ Петровичъ растрогивается. Въ добавокъ, Савельичъ, Максимовна, всѣ *дворовые* Ивана Петровича, кучеръ, форрейторъ, кухарка, дворникъ, вхо-

дять, кричать — «Прости! прости!» — и Иванъ Петровичъ прощаетъ. Тутъ — картина: выльзаетъ Владиміръ Павловичъ. Онъ прятался за дверью. «Батюшка! простите! я передъ вами виноватъ такъ много..... «Полно, полно, забываю все!» Ваничка даетъ Савельичу конфетку. «Общая картина, и занавѣсъ тихо опускается». Именно—тихо, потому что зрители должны же полюбоваться на картину.

Очень трогательно! Но мы совѣтовали бы автору Ильм-ку назвать свою «быль»—*Савельичъ и Максимовна*. Они—первые герои. Главная завязка на нихъ. Не посоветуй Максимовна, Софья Ивановна не пошла бы просить прощенья. Не приведи Савельичъ дворовыхъ, Иванъ Петровичъ не простилъ бы Софьи Ивановны. Для умноженія интересу можно, въ концѣ «были», женить Савельича на Максимовнѣ. Какъ бы усилило это картину!

Касательно трагедіи «Кальдеронъ», совѣтовать нечего. Шекспировское совершенство!

Сперва — предлинный разговоръ члена инквизиціи съ коммендантомъ Мадрита. Дѣло идетъ о Кальдеронѣ, государственномъ секретарѣ Испаніи. «Сначала онъ былъ учителемъ герцогскаго племянника, дона Мартина де-Фонсеки, потомъ кабинетнымъ секретаремъ герцога, по ходатайству коего былъ наконецъ надзирателемъ инфанта, «и, потворствуя его шалостямъ, занялъ мѣсто государственнаго секретаря». Поговоривши о томъ, о сѣмъ, а больше ни объ чемъ, двое друзей уходятъ. Является инфантъ и прячется. Приходитъ Мануэла, такъ, старушенка, и Беатрика, дѣвушка, которая смертельно влюблена въ дона Мартина де-Фонсеку, и въ которую влюбленъ инфантъ. Оно, конечно, любить инфанта выгодно: но какъ поведѣвать сердцемъ? Мануэла уходитъ, инфантъ приходитъ, Беатрика приставляетъ инфанту носъ, онъ сердится. Картина первая: *Мечтатели, или Инфантъ съ носомъ*.

Кальдеронъ мучится совѣстью. Лѣтъ пятнадцать тому, онъ изъ ревности зарѣзалъ свою жену. Приходитъ членъ инквизиціи, предлагаетъ свою дружбу, и открываетъ, что тайна убійства ему извѣстна. Кальдеронъ хочетъ и съ нимъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ съ женою. «Остановись, безраз-

судья!» восклицает инквизиція, и предлагает дружбу съ тѣмъ, что Кальдеронъ будетъ помогать инквизиціи. Кальдеронъ притворно общается, и инквизиція уходитъ также съ носомъ. Это картина вторая: *Тайца убійства, или Инквизиторъ въ дуракахъ*.

Въ третьей картинѣ, донъ Фонсека, воспитанникъ Кальдерона, приходитъ просить пособія Кальдеронова въ дѣлѣ хуже инквизиціи: Беатрика укрылась отъ инфанта въ монастырь, «откуда уже нѣтъ выхода». Кальдеронъ хочетъ уговаривать. «Нѣтъ!» говоритъ Фонсека: любовь къ этой дѣвушкѣ слишкомъ сильна чтобъ допустить какіе-нибудь расчеты!»—«Добрый юноша!» отвѣчаетъ Кальдеронъ: я слишкомъ люблю тебя чтобы отказать въ чемъ-нибудь!» Добрый наставникъ совѣтуетъ увести изъ монастыря Беатрику, и предлагаетъ для того собственный экипажъ и загородный домъ къ услугамъ Фонсеки. Хорошо наставникъ! Едва Фонсека ушелъ, приходитъ инфантъ, и требуетъ также пособія Кальдерона въ любви къ Беатрицѣ. Кажется, когда бы заниматься этимъ государственному секретарю!... но—нечего дѣлать!—Кальдеронъ соглашается помогать. Хорошо государственный секретарь! Дѣло, видите, запутывается: Кальдеронъ взялся помогать инквизиціи, Фонсекѣ и инфанту.

Въ четвертой картинѣ, Беатрика глядитъ въ монастырское окошко, и отъ скуки говоритъ разную дичь: «Сердце, сердце! какъ ты страдаешь! А я создавала радужныя мечты! За что я такъ страдаю!»... и прочая. Является новое лицо, *воронъ*: да! *воронъ*, или *ворона*. Вѣдь бывали драмы съ собаками, съ обезьянами: почему не быть *трагедіи съ воронкой*? Впрочемъ, ворона автора *Ильица* ничего не говорить, а только каркаетъ: «слышенъ голосъ—вороны». Разумѣется, актеръ, представляющій ворону, прячется въ кулисахъ. Приходитъ Фонсека, и уговаривается бѣжать. Тутъ актеръ, представляющій ворону, опять каркаетъ: «опять слышенъ голосъ—вороны». Являются альгвазильды и берутъ Фонсеку подъ стражу. За что? И какъ узнали они, что Фонсека тутъ? И почему Беатрика вздумала укрыться въ монастырь, «откуда нѣтъ выхода»? Ну, да стоитъ ли толковать о пустякахъ!

Фонсека въ крѣпости. Приходитъ Кальдеронъ. Фонсеку арестовали по просьбѣ дяди-герцога за то, что онъ, не спросившись его, пріѣхалъ въ Мадридъ, и завтра выпустятъ. Но кто жъ между-тѣмъ увезетъ Беатрику, съ которою, говоритъ Фонсека, «мы составили-было планъ ретирады, какъ-вдругъ меня печально арестовали, и я едва успѣлъ васъ увѣдомить».... Добрый Кальдеронъ берется увезти Беатрику. «Позвольте мнѣ благодарить васъ, говоритъ ему Фонсека. — «Послѣ, послѣ!» Кальдеронъ уходитъ. Но ворона каркала не даромъ! Плутъ коммендантъ подслушалъ разговоръ, и увѣряетъ Фонсеку, что Кальдеронъ увезетъ Беатрику, только не для него, а для инфанта. Фонсека проситъ отпустить его. «Нельзя!» — «Сдѣлайте милость!... я возвращусь!» — «Что вы хотите дѣлать?» — *Предупредить ударъ!* — «А если опоздаете?» — Тогда покорюсь моей участи! — Коммендантъ отпускаетъ Фонсеку.

Картина шестая — Кальдеронъ увезъ Беатрику. Начинается... «музыка С. И. Штуцмана». Кальдеронъ видитъ у Беатрики медаліонъ. «Ба! ты, выходишь, дочь моя!» — «Батюшка!» — «Вѣдь я убилъ твою мать!» — «Она васъ простила, умирая!» Цѣлованье, и прочая. Является тѣнь матери. Потомъ приходитъ инфантъ, и наконецъ послѣ спору дѣло доходитъ почти до потасовки. Соперники принимаются за виски, какъ-вдругъ — Фонсека, съ пистолетами, и — хлопъ! — въ Кальдерона. Плохой стрѣлокъ! мѣтилъ въ Кальдерона, а попалъ въ Беатрику. Развязка. Беатрика умираетъ. Инфантъ отскакиваетъ къ углу авансцены. Фонсека, съ изумленіемъ, устремляетъ взоръ въ Кальдерона, и, неподвижный, дико смотритъ на Беатрику. Ворона каркаетъ. Кальдеронъ опускается на колыни. Инфантъ зарываетъ лицо мантіею. Фонсека неподвижный на прежнемъ мѣстѣ. Занавѣсъ тихо опускается. Цѣлая галерея картинъ!

Таковы трагедіи и драматическія были Ильина, съ музыкой Штуцмана.

Buona sera, mie signore!

Buona sera!

Buona sera!

Presto, presto, via di quà, via di quà! ..

Via di quà!

Убирайтесь! Мы займемся важными дѣлами. Вотъ —

СЕМЕНА ПОРОШИНА ЗАПИСКИ, служащая къ исторіи
Вн Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя
Цесаревича и Великаго Князя, Павла Петровича, Наслѣд-
ника Престола Всероссійскаго. С П.-бургъ, въ тип. Крайя,
1844, въ-8., стр. XVIII и 563, съ портретомъ и сним-
ками.

Если бы пришелъ теперь Омаръ, съ великою ратью бу-
сурманъ, жечь книги на всемъ земномъ шарѣ и, въ араб-
скомъ великодушіи своемъ, изъ всей этой эіопской пучи-
ны печатнаго позволилъ намъ сохранить одинъ только
родъ сочиненій, что выбрали бы вы, высокоблагосклонные
читатели? Исторію? Нѣтъ, ее — первую въ огонь! Романъ?
Романовъ было бы жаль, на первыя сутки: но, на вторыя
уже появилась бы тма новыхъ. Пусть его жжетъ романы,
поэмы, драмы, путешествія, философію, политическую
экономію, и все тому подобное. Я старался бы спасти однѣ За-
писки, веденныя людьми безъ притязанія для самихъ себя.
Здѣсь только и заключается человѣческая истина. По
нимъ можно, во всякое время, воссоздать исторію. Конечно,
число русскихъ книгъ, сбереженныхъ такимъ образомъ,
было бы не велико. Въ сравненіи съ иностранными лите-
ратурами, Записокъ у насъ—мало. Однако жъ, онѣ есть,
и драгоцѣнныя. Не говоря уже объ иностранцахъ, состав-
лявшихъ Записки о Россіи, каковы Гордонъ, Берхгольцъ,
Гизенъ, Манштейнъ, мы имѣемъ Записки Меншикова,
двухъ Миниховъ, Остермана, Матвѣева, Бибикова, Шахов-
скаго, Гудовича, Храповицкаго, Державина, и многихъ
другихъ. Это — золотой матеріалъ. Даже и въ Запискахъ
Желябужскаго и Нащокина найдется пожива историку. А
сколько составлено Записокъ въ новѣйшее время! Напе-
чатано еще немного, правда, но «вѣсть тайны, иже не
открыется», со-временемъ.

Большая благодарность господину профессору Пороши-
ну, что онъ, изъ семейнаго архива, передалъ общему лю-
бопытству Записки одного изъ своихъ предковъ. Довнынѣ
Записки эти извѣстны были только по немногимъ спи-
скамъ, хранившимся въ разныхъ библіотекахъ. Пора бы-
ло напечатать ихъ. Осемдесятъ лѣтъ прошло съ того вре-

мени, какъ онѣ писаны. Едва-ли остался въ живыхъ кто-нибудь изъ тѣхъ, о комъ въ нихъ упоминается. Сперва — нѣсколько словъ объ авторѣ «Записокъ».

Семень Андреевичъ Порошинъ, сынъ генералъ-поручика Порошина, бывшаго лѣтъ тридцать начальникомъ горныхъ заводовъ въ Сибири, родился въ Кунгурѣ, въ 1741 году, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, и, при счастливыхъ способностяхъ, успѣлъ отлично образовать себя. Онъ зналъ французскій и нѣмецкій языки, занимался литературою, даже печаталъ переводы свои въ *Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*, и опредѣленъ былъ адъютантомъ къ Императору Петру III. По восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины, его опредѣлили въ число наставниковъ къ юному Великому Князю Павлу Петровичу. Порошинъ преподавалъ математику. Молодость, любезность и усердіе пріобрѣли ему особенную любовь и довѣренность августѣйшаго Воспитанника, а умъ, образованность и характеръ — покровительство и пріязнь графа Никиты Ивановича Панина, начальника надъ воспитаніемъ Великаго Князя. Порошинъ былъ домашній человекъ при Великомъ Князѣ, и могъ надѣяться многого. Противъ него вооружились другіе, перетолковали его слова и поступки, и кончилось тѣмъ, что, несмотря ни на какія отношенія, Порошинъ принужденъ былъ отказаться отъ своей должности. Братъ Никиты Ивановича Панина, графъ Петръ Ивановичъ отправлялся въ армію, которая тогда всё готовилась къ войнѣ съ Турками. Порошинъ, за годъ прежде пожалованный въ командиры отлично хорошаго пѣхотнаго полка, могъ надѣяться и чести и чиновъ въ походѣ, тѣмъ болѣе, что Румянцовъ зналъ и любилъ его. Но онъ заболѣлъ дорогою, находясь близъ Елисаветграда, и умеръ, когда армія выступила въ походъ, на тридцатомъ году жизни. Прекрасный собою мужчина, какъ можно судить по приложенному при «Запискахъ» портрету, Порошинъ, при необыкновенномъ тогда образованіи, былъ уменъ, любилъ отечество, хотѣлъ добра, не терпѣлъ козней, былъ горячъ, откровененъ, не боялся говорить правду, и говорилъ ее иногда довольно рѣзко. Вотъ нѣсколько чертъ къ его характеристкѣ :

« Пришло мнѣ, не знаю, какъ-то въ годову изъ Ломоносова похвальнаго слова Петру Великому то мѣсто, гдѣ написано: *« Ты едина истинная наследница, ты дщерь моего просвѣтителя! »* И какъ я сіе выговорилъ, то Его Высочество симъючись изволилъ сказать: *« Это, кажется, ужь изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова! »* Хотя онъ сіе и шути изволилъ сказать, однако жъ говорилъ я ему на то: *« Желательно, Государь, чтобы много такихъ дураковъ у васъ было. А Вамъ, мнѣ кажется, непрялично такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ, ученіемъ своимъ слыветъ, во многія академіи принять членомъ. Вывеликій князь російскій. Надобно Вамъ быть и покровителемъ музъ російскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянь будетъ ободреніе, когда они примѣтять или услышатъ, что уже человекъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа, конечно, не многихъ Ломоносовыхъ сдѣлала? Правда-то Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ, но сіе самое доказываетъ его достоинство; великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. Дотого испорчено сердце человѣческое, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Немного такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость. Его Высочество, выслушавши, изволилъ говорить, что « это, конечно, справедливо, и что онъ только пошутилъ! »*

Порошинъ особенно уважалъ Дмитревскаго, и говоритъ, что онъ игралъ Мольерова « Нелюдима » очень хорошо. « Великій Князь сказалъ однажды, что Дмитревскій ѣдетъ въ чужіе края, смотрѣть англійскаго и французскаго театра. Какъ я спросилъ: скоро ли Дмитревской ѣдетъ, и надолго ли, Великій Князь изволилъ отвѣчать мнѣ: *я, братецъ, въ подробности о комедіантахъ не вхожу, а особливо объ русскихъ.* Къ сему сказалъ я:— Длaczego жъ бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности? Его Высочество опять отвѣчалъ: *« Длaczego, что они дурно играютъ. На сіе говорилъ я, что надобно Его Высочеству по-крайней-мѣрѣ, желать, и доводить до того, чтобы они хорошо играли. Тутъ изволилъ сказать мнѣ: « Что изъ того прибыли, что я, сидя здѣсь, желать буду, чтобъ они хороши были, а они всё-таки таковы же останутся! »* Тутъ къ спору присталъ графъ Чернышевъ, принявъ сторону Порошина. Въ другой разъ также зашла рѣчь о русскомъ театрѣ. « Было тутъ у всѣхъ, разсужденіе, какъ театръ русскій

въ лучшее привести состояніе; что многіе хулятъ комедіантовъ русскихъ дядю только чтобы хулить; что намъ надобно въ семъ случаѣ не такъ быть строгимъ и думать болѣе объ исправленіи недостатковъ, нежели пустымъ насмѣшествомъ показывать свое легкомысліе и слабоуміе; что вътрешная хула прилична только безполезнымъ вертопрахамъ; что надобно любить свое отечество и всѣми силами стараться прикрывать, какіе есть въ немъ недостатки, а между-тѣмъ исправлять ихъ, и что безъ того никогда выше посредственности вознестись невозможно.» Разговорившись о Монтеस्कѣ и Гельвеціусѣ, Великій Князь сказалъ: «Куда какъ книгъ-то много пишутъ, ежели все взять, сколько имъ есть ихъ!... а всѣ-таки пишутъ да пишутъ!» «Говорилъ я Его Высочеству, что дядю все пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ не открытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человеку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ полезнѣе, но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ: первое, чтобы книги были самыя лучшія; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соответствовали, въ которомъ управленіи въ чужинѣ находится; что хотя я говорю — речесла за плечыи не носить, однако одно другое можетъ быть нужнѣе и необходимѣе; что со всѣхъ тѣхъ есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы, и что въ числѣ такихъ книгъ почитаю я прежде помянутыя книги, сочиненія господина Монтеस्कѣ и Esprit Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ обчесться можно было.» Тутъ можетъ показаться страннымъ, что сочиненіе Гельвеція считали великимъ твореніемъ, но оно тѣмъ любопытнѣе для насъ.

«Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно», пишетъ С. А. Порошинъ: и какъ не страдать, когда вотъ что происходило: рано разговаривали мы о Государѣ Петрѣ Великомъ. Никто, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, и о томъ только твердитъ рассудилъ за благо, что Государь часто напивался дьявольна, и билъ министровъ со-

изъ малкою. Другой *никто*, изъ неосмотрительнаго подражанія тому, отнюдь непозволительному разговору въ присутствіи Е. В., прибавилъ къ тому, что какъ Государь былъ палкой въ одно время нѣкогого своего генерала, Нѣмца, то сей генералъ сказалъ изъ Библии: *«Рука Господня прикоснуса мя»*, и проч. Пренній *никто* продолжалъ, что только-де и на свѣтъ *Государей-драчуновъ* по исторіи что Петръ Первый, да покойный король Прусскій, отецъ нынѣшняго короля (Фридриха Великаго). Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла Двѣнадцатаго, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что вотъ Вольтеръ пишетъ, что Карлъ Двѣнадцатый достоинъ быть въ арміи Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него Е. В., неужели это такъ. И тутъ говорилъ Е. В., что, можетъ-быть, и написано, однако то крайнее ласкательство. Наконецъ, какъ я говорилъ, о писмахъ Государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ жъ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи надобно непремѣнно имѣть тѣ письма, что я многія у себя имѣю, и прочая, то первый *никто* ни какого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только: «Какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что Государь въ нихъ писывалъ иногда — *Минъ-геръ адмиралъ*, и подписывалъ — *Питеръ!*» Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдамъ на разсужденіе: пристойно ли, что Е. И. В., престола російскаго Наслѣдникъ и Государя Петра Великаго родной правнукъ, такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Ксенофонтъ представилъ намъ въ Кирѣ государя совершеннаго. Безтолковыя исторіи опровергаютъ во многомъ исторію Ксенофонтову. Но люди остроумные и прозорливые, мало заботясь о томъ, былъ ли таковъ Киръ, превозносятъ историка хвалами, что представилъ въ немъ совершенный образецъ государей. Не необходимо ли нужно представлять и Е. В. хвалыя дѣла именитыхъ героевъ, дабы возжечь въ немъ охоту и благородное рвеніе къ последованію имъ? Это, кажется, очевидно и безсомнительно. Но чьи дѣла болѣе въ немъ возбудятъ вниманіе, сильнѣйшее произведутъ въ немъ дѣйствіе, и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла Государя Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ російскихъ устами. Государь Великій Князь родной Его Величеству правнукъ, рожденъ въ томъ же народѣ, и того жъ народа, Божіими судьбами, будетъ въ свое время обладателемъ. Если бы не было никогда на російскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, каковъ былъ Его Высочества великій прадѣдъ, то бы подозно было и вымыслить такого Его Высочеству для подражанія. Мы ниѣмъ столь преславнаго героя, и — что дѣлается? Я не говорю, чтобъ Государь

Петръ Великій совѣмъ не имѣлъ ни какихъ недостатковъ: но кто изъ смертныхъ не имѣлъ ихъ? Сколько ни извѣстно великихъ мужей по исторіи, всѣ подвержены были нѣкоторымъ слабостямъ. Но, представляя ихъ въ примѣръ, не о порокахъ ихъ проповѣдывать должно: надобно добродѣтели ихъ описывать. Пороки могутъ быть, или совѣмъ умолчаны, или открыты, но мимоходомъ, съ такимъ напомниманіемъ, что представляемый въ образецъ государь всѣми силами старался отъ нихъ избавиться и побѣждалъ ихъ. А вѣсто-того что же?

Нельзя не отдать справедливости доброму намѣренію С. А. Порошина въ этомъ случаѣ.

Приведемъ еще черту одну которая его обрисовываетъ. «Пришелъ гофмаршалъ, князь Николай Михайловичъ Голицынъ. Зашла рѣчь объ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, и какъ князь сказалъ, что надобно бы прежде долей учить тройныя правила, то Великой Князь изволилъ сказать ему: — Знать, что не надобно, когда миѣ ипымъ образомъ показывали, и этому челоуѣку (ссылаясь на меня) больше вашего сіятельства въ этомъ случаѣ извѣстно, что прежде надобно показать, а что послѣ.—И въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя натуральному порядку, возможно ли тройныя правила, основанныя на геометрической пропорціи, толковать прежде нежели свойства и дѣйствія чиселъ ломаныхъ? Есть русская пословица: зналъ бы сверчокъ свой шестокъ! Я никогда не вступлю въ споръ о томъ, сколько свѣтъ надобно въ которую комнату, и которое блюдо надобно поставить на краю стола, а которое на серединѣ!...»

Познакомивъ читателей съ сочинителемъ «Записокъ», скажемъ, что онъ началъ вести ихъ съ сентября 1764 года, и велъ до января 1765 года. Тогда начался недоброжелательства противъ Порошина, и «Записки», о которыхъ слѣдилось извѣстно, принужденъ онъ былъ прекратить. Жаль и еще болѣе жаль, что въ 1765 году недостасть всѣхъ тетрадей съ 25 марта по 13 іюля. Остальные мѣсяцы записаны изо дня въ день. Всѣ замѣтки касаются жизни при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича. Довольно однообразно отмѣчены часы вставанья, обѣда, отхожденія ко сну, ученья, занятій, забавъ. Показывая иногда свои замѣтки

Великому Князю, для поученія его, Порошинъ отмѣчаетъ и похвальное, и достойное осуженія съ искреннимъ желаніемъ добра. Монотонность такихъ замѣтокъ разнообразится описаніемъ частныхъ случаевъ въ отдѣленіи дворца Великаго Князя, иногда въ отдѣленіи дворца самой Императрицы, куда Порошинъ часто сопровождалъ Наслѣдника. Здѣсь множество драгоценныхъ подробностей о частной жизни Императрицы, ея обществѣ, вечерахъ, забавахъ, праздникахъ, нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ объ Императрицѣ и близкихъ къ ней особахъ; и о многомъ можно еще догадываться. Въ отдѣленіе Великаго Князя ежедневно являлись люди, одни и тогда уже извѣстные, Орловы, графъ А. С. Строгоновъ, Минихъ, Руминцовъ, князь А. М. Голицинъ, другіе сдѣлавшіеся замѣчательными впоследствии, какъ, напримѣръ, фельдмаршалъ Каменскій: онъ здѣсь видѣнъ еще молодымъ полковникомъ, котораго отправляютъ учиться тактикѣ у Фридриха, и Фридрихъ называетъ его «молодымъ Канадцемъ» *C'est un jeune Canadien, qui est cependant assez policé*. Порошинъ упоминаетъ о разговорахъ за столомъ, при посѣщеніяхъ, и передаетъ характеры многихъ историческихъ лицъ, или очерки тогдашнихъ и прежнихъ нравовъ.

Всего болѣе говорится о графѣ Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ, игравшемъ такую важную роль въ началѣ царствованія Екатерины, посланникѣ въ Копенгагенъ, Дрезденъ и Стокгольмъ, при Императрицѣ Елизаветѣ, оберъ-гофмейстерѣ Великаго Князя Павла Петровича втеченіи тринадцати лѣтъ, съ 1763 года управлявшемъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, врагѣ Потемкина, покровителѣ фонъ-Визина. Императрица Екатерина не находила средствъ наградить Панина за попеченія о Великомъ Князѣ: пожаловала его первымъ классомъ, подарила ему восемь тысячъ пять сотъ душъ крестьянъ, назначила по сорока пяти тысячъ рублей жалованья кромѣ другихъ окладовъ, отдала на выборъ любой домъ въ Петербургѣ, и на обзаведеніе посла сто тысячъ рублей, серебряный сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, годовой запасъ винъ и провизіи, экипажи и ливрею придворные. Панинъ скончался въ 1782 году: августѣйшій Воспитанникъ оплакивалъ его неутѣшно, и рыдалъ на его

обѣдѣ, «поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и о плутняхъ подъячихъ». «Отъ Александра Петровича много мы слышали замысловатыхъ шутокъ (когда онъ обѣдалъ въ третій разъ). Острота его и говорливость извѣстны довольно. Особенно два его сравненія понравились Великому Князю. Е. П. Никита Ивановичъ разсуждалъ, сколь вредительно, изъ среды государства выводя жителей, селить ихъ на границѣ, и еще, что отечество наше пространно, а жителей мало. Александръ Петровичъ землю, которая по границамъ населена только, а въ срединѣ пуста, сравнивалъ съ пирогомъ незначительнымъ, а такую землю, которая пространна и малолюдна, сравнивалъ онъ съ большою табакеркою, въ которой табаку мало. Вотъ сравненія, которыми веселился Великій Князь. Его Высочеству хотѣлось разсердить Александра Петровича, и для того изволилъ онъ упоминать о сочиненіяхъ Лукина, однако Александръ Петровичъ отъ сердца удержался. Зато въ другой разъ онъ страхъ разсердился, и пошумѣлъ довольно. Жаловался Александръ Петровичъ Е. П. Никитѣ Ивановичу на генераль-полицмейстера Чичерина, что онъ обидѣлъ въ прошлый маскарадъ жену его, и кучера у нея съ козелъ хотѣлъ взять въ полицію. Александръ Петровичъ намѣренъ подавать о томъ челобитную Ея Величеству, а между-тѣмъ во время стола досталось Николаю Ивановичу Чичерину. Между многими насмѣшками говорилъ Александръ Петровичъ: — Возможно ли, чтобы человекъ, который въ молодыхъ лѣтахъ своихъ читалъ только *орбисъ пиктусъ*, могъ кучера моего лучше выучить нежели я? — Какъ сія матерія кончилась, то вступилъ Александръ Петровичъ въ нравоучительныя разсужденія, и разсуждалъ весьма остро и замысловато. Разговорясь съ Никитою Ивановичемъ о господинѣ Кювильи (который былъ директоромъ учебной школы при академіи художествъ), онъ утверждалъ, что—это такая бестія, и такая невѣжда, какого другаго въ Россіи нѣтъ. Какъ Никита Ивановичъ сказалъ, что Иванъ Ивановичъ Бежкой господиномъ Кювильи очень доволенъ, и увѣряетъ что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ,

во Александръ Петровичъ говорилъ на то: Таковы-то вѣдь и учрежденія, ваше превосходительство! Вы объ нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не станете. Кювиль надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкаго, подъ присмотрѣмъ приморазумнаго и основательнаго человѣка, опредѣлить на мѣсто Кювиль смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты, и комнаты у нихъ вычищены. Еще примолвилъ Александръ Петровичъ:—Есть-де нѣкто господинъ Таубертъ, и смѣется Бецкому, что рабятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ, а Бецкій смѣется Тауберту, что рабятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при академіи (наукъ), воспитываетъ на языкъ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ Александръ Петровичъ: и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкъ російскомъ!»

Порошинъ передаетъ намъ множество такихъ же подробностей объ оригиналахъ своего времени. Вводя насъ такимъ же образомъ въ дворъ Императрицы Екатерины, и въ ея общество, онъ разсказываетъ разные случаи, сообщаетъ разговоры, и иногда удачно обрисовываетъ характеры. То, что мы здѣсь выписали изъ его книги, достаточно уже показываетъ откровенность автора необыкновенный интересъ сочиненія для того, кто хочетъ познакомиться съ людьми и правами эпохи. *Historiettes* Порошина во многомъ любопытны и для изслѣдователей русскаго языка: у него вѣрѣдко встрѣчаются слова, теперь уже вышедшія изъ употребленія: *усилокъ*, *шутствовать*, и тому подобныя. *Ожрытый*, въ его время значило — *блжсній*, *исключительный*; вмѣсто *половина девятого*, *половина десятого*, говорили — *пол-девятого*, *пол-десятого*, и прочая.

«Записки» С. А. Порошина изданы весьма исправно и красиво. Приложенный портретъ превосходно награвированъ. На трехъ снимкахъ помѣщены — списокъ съ рукописи Великаго Князя Павла Петровича, С. А. Порошина путочное распределеніе полковъ, и два письма Платона къ автору.

могалъ. «Записки» Порошина, большой запасъ для біографіи Панина. Онъ говорилъ прямо все что думалъ, и память его была хранилищемъ множества подробностей, которыя любилъ онъ рассказывать.

Другое замѣчательное послѣ Панина лицо, которое безпрестанно является у Порошина — Платонъ, впоследствии знаменитый архипастырь, тогда еще архимандритъ, законоучитель Великаго Князя, но уже проповѣдникъ, отличаемый Императрицею, «Отецъ Платонъ», говорила она (стр. 419) «дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ, а хочетъ, чтобы мы смѣялись, мы смѣемся.» Платонъ является челоувѣкомъ, образованнымъ, съ умною рѣчью, и множество отвѣтовъ его и замѣчаній показываютъ просвѣщеніе необыкновенное. Однажды его пригласили въ кукольную комедію при дворѣ: онъ задумался, посоветовался съ Порошинымъ, и пошелъ, потому что была кукольная комедія, а не театръ. Вотъ еще нѣсколько подробностей: «Сказывалъ отецъ Платонъ о преосвященномъ Димитріи Сѣченовѣ, митрополитѣ новгородскомъ, какой онъ мастеръ обращать раскольниковъ. Будучи въ одно время въ епархіи своей, призвалъ нѣкоторыхъ раскольниковъ, и спрашивалъ, для чего они въ церковь не ходятъ. Раскольники говорили: какъ-де намъ ходить! у васъ обѣдню служатъ на пяти просвирахъ, а по старому обычаю служить должно на семи. Преосвященный призвалъ къ себѣ при нихъ же тутошняго священника, и приказывалъ ему:—Впредь служить обѣдню на семи просвирахъ; пять положи такъ, какъ обыкновенно, по-служебному, а къ тому прибавь потомъ одну за него, а другую за жену его (указывая на одного раскольника.) Раскольники весьма были тѣмъ довольны, пошли и обратились. Весьма бы убавилось расколовъ, если бъ такъ поступать съ раскольниками, обращая требованія ихъ болѣе въ смѣхъ, нежели уважая ими», прибавляетъ Порошинъ. Далѣе: «Говорилъ мнѣ Е. П. Никита Ивановичъ Панинъ про отца Платона, какія онъ здравыя мысли, какую ясную голову имѣеть.—Дай Богъ только, продолжалъ онъ, чтобы этотъ челоувѣкъ духовный у насъ не испортился, обращаясь между прочими,

въ числѣ которыхъ всякихъ довольно.» Дмитрій Сѣченовъ является рѣдко. Въ день коронаванія Императрицы, въ 1764, онъ служилъ обѣдно, и говорилъ поздравленіе, «по обыкновенію своему, въ словахъ краткихъ, но важныхъ и выразительныхъ.» Замѣтимъ еще старика *Миниха*: онъ ужъ забавлялъ тогда дѣтствомъ преклонныхъ лѣтъ. Въ день Рождества, 1765 года, онъ подносилъ Императрицѣ какія-то прописи. «Видно, что старичку за осемьдесятъ лѣтъ уже», прибавляетъ Порошинъ, «и что возвращается къ нему златой вѣкъ младенчества.» На домѣ Миниха, бывшемъ на Литейной, изображены были разныя арматуры, въ цѣпяхъ Турки, знамена, и прочая.

Въ общество Великаго Князя являлись и литераторы. Не говоря уже объ Елагинѣ, молодой Лукинъ приносилъ свои комедіи: ихъ читали и хвалили. Разговорившись о Ломоносовѣ, Порошинъ пожелалъ, чтобы и въ вѣкъ Его Высочества были такіе. «*Богдановичъ будетъ таковъ!*» отвѣчалъ Великій Князь. Богдановичъ былъ тогда при Панинѣ, и славился переводомъ «Поэмы на разрушеніе Лиссабона». Кстати замѣтить, что Порошинъ упоминаетъ о неизвѣстномъ намъ сочиненіи Ломоносова, проектъ, который подалъ онъ, въ 1758 году, въ Правительствующій Сенатъ, о воздвиженіи памятника Петру Великому. Сумароковъ находился тогда наверху славы. Ему позволяли приходить, говорить что угодно и бранить кого угодно. Порошинъ смѣшилъ Панина разсказами о ссорѣ Сумарокова съ графиней Варварой Александровной Бутурлиной. Извѣстно, что когда графиня сказала, что отецъ ея—графъ, Сумароковъ съ досадою закричалъ: «Эка невидаль! графъ!... а я князь на Парнассѣ, да еще одинъ, а Бутурлиными отъ Петербурга до Москвы дорогу можно вымостить!» Описывая обѣдъ, за которымъ былъ Сумароковъ, Порошинъ прибавляетъ: «Говорилъ почти одинъ только Александръ Петровичъ, съ обыкновенною своею бѣглостью и острою; рассуждалъ о кулачныхъ бояхъ, о подъячихъ, объ авторахъ, о стѣнахъ ерусалимскихъ о обновленіи храма, и прочая. Никита Ивановичъ разговорами его очень веселился. «Александръ Петровичъ смиренъ былъ», замѣчаетъ Порошинъ, при другомъ-

ническаго и самаго автора, можно еще магнетизировать отсутствующих въ зеркало. Авторъ самъ испыталъ это. Удаливъ отъ себя на нѣсколько дней все плотское, онъ во все это время не пилъ и не ѣлъ ничего горячительнаго; потомъ поставилъ портретъ одной дорогой месмеризму особы противъ зеркала; сѣлъ, «безъ всякихъ глупыхъ словъ», спиной къ портрету, а лицомъ къ зеркалу, и месмеровалъ портретъ пять часовъ и восемь минутъ. Ему хотѣлось знать что въ ту минуту дѣлаетъ эта особа. Вотъ портретъ зашевелился. Онъ съ кѣмъ-то говоритъ и, — складываетъ губки въ трубочку удивительной прелести, — возлѣ этихъ чудесныхъ розовыхъ губокъ начинаютъ шевелиться какія-то губы, страшныя, непозволительныя, съ предезкими усами.... Мы не въ силахъ рассказывать дальнѣйшихъ подробностей этого предательскаго магнетическаго видѣнія. Почтенный магнетизёръ ужасно разсердился, — и по-дѣломъ! — разбилъ портретомъ зеркало въ тысячу кусковъ, заболѣлъ съ досады, и болѣе недѣли не выходилъ изъ дому. Наконецъ однако жъ ему захотѣлось сдѣлать повѣрку негодному явленію. Онъ поѣхалъ къ этой особѣ. Спросы — разспросы — справки — выправки: ничего подобнаго и во снѣ не бывало! Слѣдственно, месмеризмъ вреть! магнетизмъ клеветаетъ!... Быть не можетъ! Стали разбирать подробности, соображать усы съ обстоятельствами, сравнивать, слѣдить, припоминать, — и оказалось, что, дѣйствительно, точно такое происшествіе однажды случилось, и случилось именно въ такое же число мѣсяца и въ такой же часъ, только — тому уже цѣлое десятилѣтіе. Месмеризмъ не совралъ! Портретъ, извольте видѣть, былъ писанъ за десять лѣтъ назадъ, какъ замѣчаетъ авторъ въ выноскѣ. Особа была вдова.

Авторъ заключаетъ, что если бы можно было имѣть портреты пациентовъ и пациентокъ, писанные въ то же самое мгновеніе какъ намъ хочется поставить ихъ передъ зеркаломъ, то не было бы ничего легче какъ знать все что они дѣлаютъ. Нужно бы только запастись сперва большими зеркалами.

Одинъ изъ пріятелей автора, докторъ ***, никакъ не хотѣлъ вѣрить этому, но, на опытѣ, къ которому убѣдилъ

его авторъ, являясь ему еще большія чудеса: онъ «такъ испугался, что вскопчилъ и бѣжалъ изъ комнаты.» Онъ увидалъ въ зеркалѣ, что его племянница, дома, обращается съ бутылкою. И вышло — правда!

Есть месмеристы дѣйствующіе зрѣніемъ: на примѣръ госпожа Турчанинова. Авторъ говорить, что ей запретили месмеризерство, не по просьбѣ завистливыхъ докторовъ, какъ увѣряютъ многіе, но потому что госпожа Турчанинова во зло употребляла свои глаза, и «съ дѣломъ мѣшала бездѣлье, или шарлатанство».

Авторъ месмеровалъ однажды самого себя, и вылечился отъ тяжелой болѣзни. Месмеризмъ во-первыхъ, очень удобно замѣняетъ всякое рвотное. Средство очень просто. Сожмите, говорить авторъ, руку въ кулакъ, всуньте его себѣ въ горло и станьте месмеровать: подѣйствуетъ лучше всякаго *tigatum emeticum*! «Изобрѣтатель этого рвотнаго былъ мудрецъ Эзопъ». Есть еще очень хорошій месмерическій способъ — *clustering donage*, какъ говорить мосье Журданъ. «Изобрѣтательницей этого способа была египетская птица Ибисъ; Месмеръ — ея послѣдователь, а врачи — только ея подражатели». Къ-сожалѣнію, мы никакъ не можемъ объяснить этого египетскаго специфика, въ которомъ, разумѣется, дѣйствуетъ тоже кулакъ. Безъ кулака нѣтъ месмеризма.

Извѣстно, что человѣкъ нѣкогда былъ царь надъ звѣрями, птицами и рыбами. Но случился переворотъ, вошла республика, наступило безначаліе «Удалась отъ человѣка», говорить авторъ, подданные его одичали, возненавидѣли его, даже стали нападать на него. Потерявъ повиновеніе къ царю своему, человѣку, они нарушили власть «его, и вышли изъ порядка вещей, стали возставать другъ «на друга, сильный на слабого, и лишать жизни, ибо «безъ царя всегда безпорядокъ. Всякой захотѣлъ быть царемъ: левъ надъ звѣрями, но тигръ возсталъ, и оспори- «ваетъ его; китъ надъ рыбами, но морскія собаки не хо- «тятъ признавать этого; преслѣдуютъ его, и часто лишаютъ «языка; орелъ надъ птицами, но галки, вороны и воробны

животный месмеризмъ. Сочиненіе князя Алексѣя Долгорукаго. С. П.-бургъ, 1844, отъ тип. Крайя, отъ 8., стр. XV и 124.

Заглавіе этой книги — такого роду, что, въ избѣжаніе всякаго непріятнаго недоразумѣнія, надо тотчасъ же сказать, что такое — авторъ ея. Есть умные люди, которые смѣются надъ животнымъ магнетизмомъ, или месмеризмомъ, и, наоборотъ, есть умные люди, которые ему вѣрятъ. Авторъ принадлежитъ къ тѣмъ умнымъ людямъ, которые не смѣются и вѣрятъ, вѣрятъ отъ всей души. Онъ съ гордостью говоритъ о себѣ: «Я — магнетизёръ!... я, слѣдовательно, скорѣе — братъ госпожѣ Турчаниновой чѣмъ докторамъ!»

Эта благородная откровенность — потому что не всякой умный человекъ охотно сознается въ томъ, что онъ магнетизёръ — совершенно располагаетъ насъ въ его пользу. Отнынѣ мы — приверженцы месмеризма, ревностные послѣдователи ученія князя Алексѣя Долгорукаго, и находимъ вполне справедливыми доказательства его — что о месмеризмѣ можно писать и по-русски. «Но вотъ какая «у насъ бѣда! весьма основательно замѣчаетъ онъ: врать «по-французски можно; что ни сказалъ, все — правда; а «по-русски, хоть правда, все—ложь! У вон-топ ввелась по-«словица: гдѣ жъ Русскому знать какъ Французу!... хоть «у нихъ силошь и рядомъ, окромѣ французскаго, ничего «не знаютъ»....

Первое сочиненіе автора, написанное подъ скромнымъ именемъ «Алексѣя Москвитянина», вышло изъ печати въ отсутствіе его и не было пущено въ свѣтъ. Однако жъ, какіе-то журналы поймали книжку и — злодѣи! — разбрали ее. Авторъ посылалъ въ эти журналы свои антикритики: ни одинъ не печаталъ ихъ. Нѣтъ! справедливости рѣшительно нѣтъ на свѣтѣ! Но отнынѣ впредь сія смиренная Лѣтопись будетъ ревностною его защитницей: авторъ очень хорошо слѣлалъ, что издалъ вторично это сочиненіе, исправленное и дополненное.

Сочиненіе знаменитаго магнетизёра нашего начинается

ся общимъ взглядомъ на заслуги Месмера. Этотъ Месмеръ любилъ деньги. Велика бѣда! «Да кто же ихъ не любить! преумно спрашиваетъ авторъ. На него и на «Гансмана (доктора) устремилъ глаза свои со всего міра съ «критическими намѣреніями: между-тѣмъ, *многіе изъ «онихъ глазъ* позабыли, чѣмъ сами-то нажили четырехъ-«этажные дома въ столицахъ и богатѣйшія имѣнія въ «провинціи.» Чтò правда, то правда!

Месмеризмъ былъ извѣстенъ уже Виргилію. Апулей тоже свидѣтельствуетъ о месмеризмѣ. Месмеръ только воскресилъ его, и тѣ, которые и теперь еще не вѣрятъ месмеризму—«не человѣки, а сущія подобія человѣковъ, скоты!» Къ намъ это вовсе не примѣняется. Мы уже вѣримъ!

Теоріи месмеризма ни какой нѣтъ. Ученые напрасно ищутъ ея. Хотите ли быть магнетизѣромъ? «Не подражайте никогда никому (или, всѣ-равно — никому), идите «собственнымъ шагомъ, не бѣгите, не зѣвайте на звѣзды, «а ищите подъ ногами своими, покуда не попадете на «фарватеръ, по пути къ храму природы; идите отъ сего «фарватера шагомъ до самаго храма, и когда взойдете въ «храмъ, такъ и откроется вамъ небо, ибо храмъ этотъ «есть природа, а въ природѣ заключается и небо». Но чтò же такое — месмеризмъ? спросите вы. *Все!* Коротко сказать, все—месмеризмъ! Вы почесали у себя въ головѣ, погладили собачку, посмотрѣли на человѣка: чтò вы сдѣлали? — вы *месмеровали!* Любовь, напрымѣръ — чистый месмеризмъ. «Любовь, по ученію нашего учителя, автора «этой книги, раждается отъ двухъ родовъ месмерованія, «устремленія мыслей, и вліянія зрѣнія одного существа на другое; а потому, оно неоспоримо есть явленіе «животнаго магнетизма. Влюбленные, дойдя *совершенно «до всего ими желаемого*, остываютъ, остаются холодны «другъ къ другу. Скажутъ: да потому, что имъ скоро «надоѣло это *совершенно все ими желанное.*»

Кромѣ обыкновенныхъ методъ магнетизированія, сидя, стоя, лежа, ходя, по-нѣмецки, по-французски, по способамъ Клуге, Биккера, Мейндюка, Ислона, Делеза, Лях-

«за нимъ гоняются; и такимъ образомъ порядокъ въ при-
«родѣ нарушился, права всѣ свои потеряли, стало варвар-
«ство, вмѣсто блаженства». Месмеризмъ все это возстанов-
ляетъ въ прежнемъ законномъ видѣ: львы, тигры, змѣи,
бараны, кошки, собаки, голуби, куры, индѣйки — да что!
— вода, воздухъ, деревья, золото, каменья, — все, все
подвластно месмеризму. Есть, правда, ослушники, но ихъ
немного. Къ такимъ мятежнымъ республиканцамъ при-
надлежатъ *квасъ, укусы, бульонъ, водка, спиртъ, ликеръ,*
апельсины, лимоны и померанцы. Всѣ они не слушаются
месмеризма, особенно, квасъ.

Магнитизѣромъ сдѣлаться не легко. Капитальное усло-
віе: «надо непременно быть женатымъ, — женатымъ съ
«*дѣйствительномъ смысломъ*, — и надо притомъ еще жить
съ женою какъ голубь съ голубкой». Вы знаете какъ это
трудно для человѣка, который магнитизируетъ встрѣчна-
го и поперечнаго, месмеруетъ встрѣчную и поперечную.
Надо водить руками по ближнему. Я не хочу клеветать
на мой полъ, особенно когда дѣло идетъ о такомъ высо-
комъ предметѣ какъ животный магнетизмъ, но тутъ есть
одна маленькая статья, которую авторъ объяснетъ такъ:
«Принося жертвы ближнему, легко забытья, и принести
«жертву самому себѣ. Когда нѣтъ яблочка, тогда дитя и
«не проситъ его; но когда видитъ, и подавно когда въ
«рукахъ держитъ, то непременно хотъ закусить его захо-
«чется, если нельзя скушать. А мы всѣ — люди; а лю-
ди всѣ — дѣти; а чѣмъ мы старѣе, тѣмъ чаще и болѣе —
дѣти. А мы часто не яблочко видимъ, но просто цѣлыя
«дыны, да еще какихъ превосходныхъ вкусовъ!» Авторъ,
зная по опыту, какъ это вредно успѣхамъ месмеризма,
строго запрещаетъ магнетизѣрамъ лакомиться такими
фруктами. Далѣе воспрещается имъ курить и нюхать
табакъ, «ибо воздухъ отъ табаку портится.» Запрещает-
ся также играть въ карты, «ибо карты увлекаютъ насъ
«въ неистовый развратъ: сначала играемъ въ вистъ и
«бостонъ, а потомъ поставишь карточку, двѣ, вотъ — по-
«ставишь и на третью, — все пропало!» Водятся ненависти.
«Мы возвращаемся иногда домой пѣшкомъ, вмѣсто каре-
«ты.» Наконецъ рѣшительно и крѣпко-на-крѣпко запре-

щается все, что принадлежит къ питейному откупу. «Вспомните пословицу: первая чарка коломъ, а вторая «соколомъ. Не то чтобъ грѣхъ было пить вино умѣренно: «да кто ужъ выпилъ чарку, какъ за него ручаться, что «онъ не выпьетъ другой, а подчасъ и третьей? Тутъ найдутся пріатели, друзья, товарищи. — Пей, братецъ! отъ «чарки еще не умрешь! — Вотъ и попадетъ въ голову. «Человѣкъ на-видъ никому этимъ не дѣлаетъ вреда, а «только онъ — по-веселѣе; но тутъ-то изъ слуги свѣту «сдѣлается рабомъ тьмы. А намъ, магнитизѣрамъ, рабаши «тьмы нейдеть быть: мы должны возставать на нее. *Прій- «дутъ на умъ и красавицы. Чертей вездѣ много: какъ ихъ «ни выводи, не выведешь! Подзадорятъ.... а пьяному и море «по колыно!»*

Когда магнитизѣръ женатъ, — въ дѣйствительномъ смы- «слѣ,—и съ женой живетъ какъ голубь съ голубкой, яблоч- «ками, будь они даже величиной съ дыню, не прельщается, «табаку не курить и не нюхаетъ, въ карты не играетъ, чар- «ки не держится, а также опіуму, мухоморовъ и кумысу не «употребляетъ, ему остается и тогда еще многое до пол- «наго совершенства: надо «посвятить себя послѣдованію «безсмертнаго Месмера», приобрѣсть познанія въ физикѣ, «психологій, физиологій, анатоміи, акушерствѣ, пато- «логій, ботаникѣ, химіи, фармаціи, аллопатіи, гомеопатіи, «идропатіи, пиропатіи, аэропатіи, хирургіи, десмур- «гій, металлургіи, географіи, космографіи, носографіи, мик- «рографіи, этнографіи, костоправствѣ, коновальствѣ и кро- «вопусканіи; надо изучить теорію Месмера, Мейндюка «и Ислона; надо потомъ испытать себя въ любви къ ближ- «нему, выучиться вѣровать и управлять волею и желаніями, «и прочесть сочиненія Кирхера, Кизера, Гарсиа, Пассавана, «Жоржѣ, врачебную магію Каспара Шотта, руководства «Ляхницкаго, Эшенмейера, Пюп-Сегюра, Нассе, руко- «пись нордгофскаго архива и натуральную философію Вел- «ланскаго. «Тогда», говоритъ авторъ, «приступай къ дѣ- «лу,—будь твердъ, непоколебимъ,—и будешь.... магнити- «зѣръ!» Все покорится тебѣ, звѣри, птицы, рыбы, портре- «ты, болѣзни, все, кромѣ квасу, уксусу, бульону, водки и «апсельшновъ!

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ. *Отдѣленіе первое. Часть первая. Годъ второй. Москва, въ тип. Семена, 1844, въ-12., стр. 21 и 292.*

Первая книжка по преобразованіи. Правило извѣстно: о преобразованіяхъ никогда не должно судить по началу. Двѣ трети томика, перваго по преобразованіи, заняты переложеніемъ или изложеніемъ Иліады, подъ именемъ «Троянской войны». Господинъ Хомяковъ помѣстилъ вѣсколько словъ о жизни Царя Федора Иоанновича. Госпожа Зонтагъ рассказала одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые она такъ хорошо рассказываетъ, о двухъ мальчикахъ. Блестательный московскій профессоръ Грановскій далъ исчисленіе скандинавскихъ боговъ. Господинъ Шевыревъ началъ повѣствовать высокимъ слогомъ о жизни Рафаэля. Когда преобразование получитъ полное свое развитіе, критикъ, вѣроятно, ничего не останется сказать. *Quod est in votis.*

О черки всеобщей исторіи, для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Перевелъ съ французскаго В. Модестовъ. С П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-12.; стр. 192.

Достоинство этой книжки, совершенно зависитъ отъ понятія, какое кто имѣетъ о количествѣ исторической мудрости, нужномъ для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Въ концѣ, прибавленъ перечень событій русской исторіи.

Исторія царствованія императрицы Екатерины второй, для чтенія юношества. С П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-12. Дѣль части, стр. 237 и 180, съ картинками.

Книга въ томъ же скромномъ родѣ.

1. ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ АНГЛІЙСКІЙ БУКВАРЬ, содер-жащій въ себѣ наставленіе о произношеніи англійскихъ буквъ, первообразныя односложныя слова и уроки для чтенія. Составленъ Яковомъ Гердомъ. С П.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-16., стр. 172.

2. Von Begriffen der deutschen Sprachlehre. Von J. U. Faulhaber. St.-Petersburg, bei Wingeber, 1844, 8-vo., pp. 80.

Лѣтопись только записываетъ существованіе подобныхъ твореній. Достоинства и недостатки ихъ—такіе микроскопическіе, что ускользають отъ всякой оцѣнки.

==

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

1. НАДМОГИЛЬНАЯ ПѢСНЬ, незабвенной памяти графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. СПб., 1844.—Нѣсколько добрыхъ чувствъ въ честь добраго, умнаго и благороднаго человѣка, который умѣлъ заставить всю Россію любить и уважать себя.

СЛОВО ПРЯДЪ ПОГРЕБЕНІЕМЪ ТѢЛА протоіерея *Михаила Логановскаго*, говоренная священникомъ Василиемъ Помеловскимъ. СПб., 1844.—Скромный памятникъ скромному пастырю, честному человѣку, котораго духовный санъ лишился въ началѣ нынѣшняго года. Отецъ Михаилъ былъ девять лѣтъ священникомъ при церкви Императорской Академіи Художествъ, и двѣнадцать лѣтъ при Екатерининской церкви, за Калинкинымъ Мостомъ. При немъ она и выстроена, подаваніями благочестивыхъ прихожанъ, по плану К. А. Тона и послужила образцомъ для великолѣпнаго московскаго храма Спасителя.

ИВАНЪ ОЛДДВИЧЪ, атаманъ разбойниковъ. Истинное происшествіе. Повесть XIII вѣка. Москва, 1844.—«Здѣсь разскажутъ вамъ про важнѣйшіе трипортенты, что въ тринадцатомъ было вѣкѣ, когда питомцы грабежей и разбоевъ калили невинную природу огнемъ буйства и разврата. Тогда сердца, разрозненные на пол-жизни хищническими спокойства и чести, не узнавали другъ друга при всеобщемъ свиданіи. Тогда невинность увѣнчивалась стыдомъ и преступленіемъ. Въ сей-то повѣсти вы увиди-

«те причину ошибки сердце». Возьмите лишь терпѣніе, чтобы выслушать оную: это будетъ лучшею наградою разсказу.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

— *«Жизнь пресвятая Богородицы»*, изъ книгъ Четв-Миней, составленная госпожею Глинка, напечатана въ Москвѣ третьимъ изданіемъ. Тамъ же вышло второе изданіе *«Писемъ затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря, Георгія, умноженныхъ и дополненныхъ»*, въ трехъ частяхъ, съ портретомъ и снимкомъ почерка.

— Въ Петербургѣ получена первая часть *«Новаго карманнаго русско-французско-нѣмецко-англійскаго словаря»*, господина Рейфа изданный въ Карльсру. Вторая часть давно вышла въ свѣтъ: въ ней содержался словарь французско-русско-нѣмецко-англійскій. Эта часть имѣла у насъ большой успѣхъ: она вошла въ весьма обширное употребленіе, и совершенно заслуживала этого отличія. Первая, изданная теперь, такъ же тщательно составлена, такъ же красиво и четко напечатана. Видя это несмѣтное число знаковъ, сокращеній, удареній, поставленныхъ съ безукоризненною акуратностью, нельзя не удивиться терпѣнію ученаго автора и не поздравить его съ блистательною побѣдою, которую одержало оно надъ ратью страшныхъ трудностей, стоявшею передъ нимъ стѣною въ типографіи, гдѣ ни наборщики, ни корректоры не понимаютъ ни одного русскаго слова. Странно, и нѣсколько досадно, сказать, что полнѣйшій и лучший русскій словарь для общаго употребленія изданъ—Швейцарцемъ—въ Германіи! Прибавьте еще, что словарь этотъ очень дешевъ. Третья часть словаря господина Рейфа будетъ начинаться нѣмецкимъ языкомъ, съ толкованіемъ словъ на русскій, французскій и англійскій. Она уже печатается.

— Не многія книги похвалятся такимъ расходомъ, какъ *«Карманный пѣсенникъ»*, господина А. Андреева. Вотъ, въ два года, въ Москвѣ уже вышли четыре изданія этой мелодической книги, и каждое, говорятъ, было въ два и въ три завода, а всего болѣе десяти тысячъ экземпляровъ.

Замѣтите, что въ этомъ пѣсенникѣ нѣтъ народныхъ пѣсень: одни только куплеты изъ новѣйшихъ оперъ и водевилей. Кто эти куплеты читаетъ или, правильнѣе, кто ихъ поетъ, потому что читать ихъ не возможно—въ нихъ нѣтъ смысла!—это такая задача, которой разрѣшеніе заслуживало бы академической преміи. Замѣтите, что тутъ нѣтъ музыки, и читатель долженъ самъ изобрѣтать напѣвъ для каждой арии. Въ два года — десять тысячъ экземпляровъ собранія безтолковыхъ куплетцевъ! Говорите, послѣ этого, что Италіяны — самый музыкальный народъ въ мірѣ!

— Извѣстный своими полезными трудами, докторъ Груммъ, издатель врачебной газеты «Другъ здравія» издалъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ двухъ томахъ, сочиненіе, которое должно сдѣлаться ручною книгою всѣхъ семействъ: *«Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей.»* Книга эта вполнѣ заслуживаетъ вниманія благоразумныхъ и заботливыхъ родителей.

— Въ Москвѣ вышелъ новый романъ господина Воскресенскаго, *«Самопожертвованіе»*.

— Книжные магазины М. Д. Ольхина оказываютъ весьма пріятную услугу публикѣ, стремленіемъ своимъ къ пониженію цѣнъ на русскія книги. Въ послѣднее время, эти магазины приобрѣли новѣйшія изданія сочиненій Пушкина и назначили за всѣ одиннадцать томовъ «Полнаго собранія» сочиненій Пушкина, вмѣсто прежнихъ пятидесяти и шестидесяти пяти рублей асс., на простой бумагѣ *осемь рублей серебромъ*, на веленовой *десять*; за три тома, прибавленные къ «Полному собранію», вмѣсто прежнихъ двадцати пяти и тридцати пяти рублей асс., на простой бумагѣ *четыре рубля серебромъ*, на веленовой *пять*. Вышедшій въ Парижѣ удивительно красивый, *выпукло-тисненый*, раскрашенный планъ Петербурга, можно достать въ тѣхъ же магазинахъ за 2 рубля 50 копѣекъ серебромъ. Это—первый изъ всѣхъ донинѣ изданныхъ плановъ столицы Россіи, на которомъ можно мгновенно отыскать все.

VI.

СМЪСЪ.

РЪЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ЧЕТЫРНАДЦАТАГО СЪЪЗДУ АНГЛІЙСКИХЪ УЧЕНЫХЪ, открывшагося въ Іоркѣ 25 сентября, 1844.—*Лордъ Россъ.—Дальтонъ.—Бели.—Купферъ*, и прочая.—Эти съѣзды, самые важные изъ всѣхъ, которые нынче происходятъ въ Европѣ, всегда обращали на себя особенное вниманіе ученаго свѣта, и по обширности плана дѣйствій, и по важности результатовъ, и по могуществу средствъ. Но въ послѣднее время, ежегодные Съѣзды Англійскихъ Ученыхъ сдѣлались для ученыхъ всѣхъ странъ свѣта выгоднымъ и весьма блестящимъ центромъ, гдѣ предпочтительно могутъ сосредоточиваться занимательнѣйшія открытія, изслѣдованія и наблюденія. Они, непримѣтно, заняли то мѣсто, которымъ прежде пользовалась парижская академія наукъ. Съѣздъ нынѣшняго года открылся въ Іоркѣ, 25 сентября, и, по обыкновению, продолжался недѣлю. Слѣдующая рѣчь президента Съѣзду можетъ дать понятіе о предиріятіяхъ и дѣятельности общества: впослѣдствіи, мы сообщимъ читателямъ важнѣйшіе ученые факты, изложенные его членами въ засѣданіяхъ разныхъ Отдѣленій.

«Милостивые государи! Вслѣдствіе лестнаго выбору вашего, съ гордостью занимаю я сегодня тѣ самыя кресла, съ которыхъ благородный лордъ Россъ (Rosse) такъ достойно руководствовалъ въ прошедшемъ году нашими засѣданіями въ городѣ Коркѣ. Никто лучше меня не чув-

ствуетъ чести быть среди васъ преемникомъ такого чело-
вѣка. Едва-ли Европа покажетъ другаго вельможу, кото-
рый бы такъ благородно умѣлъ употреблять свое богат-
ство и свое время. Въ блестящемъ спискѣ англійскихъ
астрономовъ, онъ занимаетъ мѣсто между ученѣйшими и
самыми извѣстными. Но, чтобы вполне оцѣнить все
что дѣлаетъ онъ для науки, надобно видѣть его чудесную
обсерваторію, величественные инструменты и работы, ча-
стію уже конченныя, частію приближающіеся къ окончанію
въ замкѣ его Биррѣ-Кастлѣ. Все здѣсь представляется въ
исполнскихъ размѣрахъ: телескопы, внутри которыхъ
можетъ гулять человекъ самаго высокаго роста, телескоп-
ныя зеркала, всѣяція, не на фунты, а на цѣлыя тонны,
полированные паровыми машинами, съ удивительною
ровностью, быстрою, аккуратностію, нѣжностію, и
затѣмъвающія отличнѣйшія произведенія въ этомъ родѣ;
зданія, въ которыхъ помѣщены эти баснословные теле-
скопы и ихъ двигательный механизмъ; башни гораздо вы-
ше и массивнѣе нормандскихъ сторожевыхъ башенъ, но
такъ искусно устроенныя, что достаточно дотронуться паль-
цомъ, чтобы привести ихъ въ движеніе. Ходъ часоваго
механизма, удивительно ровный, безъ малѣйшаго сотрясе-
нія, даетъ возможность вѣрно слѣдить за теченіемъ звѣздъ.
Инструменты, которые были уже въ дѣйствиіи во время
последняго моего посѣщенія, превосходятъ, въ силѣ, чи-
стотѣ и вѣрности, все подобныя произведенія извѣстнѣй-
шихъ мастеровъ настоящаго времени. Несмотря на мно-
жество трудностей, уже побѣжденныхъ соединенными си-
лами механики, химіи и математики, многое оставалось
еще сдѣлать для совершеннаго окончанія гигантскаго теле-
скопа, съ предметнымъ стекломъ въ шесть футовъ и съ
сорока-четырехъ-футовою трубою. Члены Общества съ
удовольствіемъ узнаютъ, что въ настоящую минуту все
кончено и благородный лордъ вполне успѣлъ въ своемъ
великомъ предпріятіи: телескопъ этотъ былъ уже испы-
танъ, и представилъ удивительныя, неожиданныя ре-
зультаты. Многія изъ двойныхъ звѣздъ открытыхъ
сильнѣйшими телескопами нашего времени, явились
вдругъ тройными и четверными; облачности, почитавъ

нился донынѣ за темныя, оказались скопленіями звѣздо-чекъ самыхъ страшныхъ формъ; и такъ далѣе. Благородный лордъ намѣренъ сообщить обществу свои первыя открытія, свой способъ приготовить и полировать стекла, и описаніе средствъ употребляемыхъ имъ для повѣрки правильности движенія огромныхъ массъ, въ которыхъ помѣщены инструменты.

Болѣе шестидесяти лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ Гершель, отецъ, посредствомъ своего превосходнаго, сильнаго телескопа началъ блистательное поприще наблюдений въ звѣздномъ мірѣ. Удивленіе, которое возбудилъ въ ученыхъ тогдашняго времени его сорока-футовой телескопъ, безсмертный памятникъ терпѣнія, генія и постоянства, не было ни сколько меньше того участія, какое нынче возбуждаетъ предпріятіе лорда Росса. Успѣхъ вполне оправдалъ ожиданія. Несмотря что инструментъ Гершеля, котораго употребленіе требовало огромнаго расхода силъ и времени, предназначался только для самыхъ важныхъ случаевъ, онъ при первомъ разѣ открылъ седьмаго спутника Сатурна и въ немалой степени способствовалъ развитію понятія о небѣ. Открытіи этихъ современники (я повторяю собственныя слова Гершеля), не умѣли вполне оцѣнить, но въ глазахъ настоящаго и будущихъ поколѣній они будутъ составлять безсмертный памятникъ его славы. Достоинства этого великаго астронома ни сколько не уменьшаются отъ того, что наука непрерывно идетъ впередъ и что явился послѣдователь, который идетъ по стезѣ, указанной имъ, но, имѣлъ болѣе рвенія и болѣе средствъ, приготовляетъ новую эпоху въ исторіи астрономическихъ открытій. Я вполне убѣжденъ, что знаменитый ученый, наслѣдникъ имени и славы Гершеля, посвятившій всю жизнь свою продолженію трудовъ, завѣщанныхъ ему родителемъ, принимаетъ самое искреннее участіе въ успѣхѣ великаго предпріятія благороднаго лорда.

«Милостивые государи! тринадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ какъ сословіе Англійскихъ Ученыхъ собралось въ первый разъ въ этомъ древнемъ и почтенномъ городѣ. Согласно съ духомъ нашего устава, мы всегда ста-

рались содѣйствовать, а не мѣшать другимъ ученымъ обществамъ, занимающимся одинаковыми съ нами предметами изслѣдованій. Мы не присвоиваемъ себѣ права издавать тѣ записки, которыя будутъ читаны въ нашихъ заведеніяхъ, мы стараемся только сосредоточивать и направлять вниманіе людей, занимающихся науками, на ту или другую отрасль званія, которой изученіе представляетъ самый сильный интересъ, но болѣе всего мы должны гордиться тѣмъ, что обладаемъ обширными средствами для дѣйствій ж, при нашей независимости отъ частныхъ обществъ и отъ опредѣленнаго мѣстапробыванія, можемъ предначертывать и приводить въ исполненіе хорошо обдуманнныя планы для общихъ трудовъ.

«Цѣль нашихъ собраній — поставить въ болѣе тѣсную связь и сводить людей, предпринявшихъ однородныя изслѣдованія, занимающихся одинаковыми предметами; поощрять скромныя и еще неизвѣстныя таланты; обращать на труды ихъ вниманіе лицъ, способныхъ понять и оцѣнить ихъ; доставлять сочленамъ нашимъ средства видѣть замѣчательныя произведенія мануфактуръ тѣхъ городовъ, гдѣ мы собираемся; изучать начала и устройства машинъ; разсматривать коллекціи предметовъ естественной исторіи, слѣдить за совершенствованіемъ заведеній благотворительныхъ или учебныхъ, знакомиться съ нравственнымъ и физическимъ состояніемъ жителей, однимъ словомъ, знакомиться со всѣмъ, что въ этихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ есть замѣчательнаго для физика, антикварія, геолога, даже для любителя живописныхъ мѣстоположеній. Мы можемъ прибавить, что цѣль наша также — дружное философическое отдохновеніе, вещь важная для людей, которыхъ занятія монотонны и утомительны, и которымъ, слѣдовательно, необходимо иногда искать развлеченія въ перемѣнѣ и разнообразіи.

Согласно съ этою цѣлью, мы посѣтили многія замѣчательныя мѣста въ трехъ королевствахъ, заключающія въ себѣ университеты Англіи, Шотландіи и Ирландіи, важнѣйшіе мануфактурные города, замѣчательнѣйшіе торговые. Не нужно говорить, какіе успѣхи сопровождали наше шествіе. Число членовъ нашихъ было чрезвычайно велико,

и часто до такой степени, что мы находились въ затрудненіи найти зданіе, способное вмѣстить въ себѣ всѣхъ ихъ. Интересъ и число сочиненій, доставляемыхъ въ различныя Отдѣленія нашего общества, постоянно возрастаютъ. Особенно съ-тѣхъ-поръ, великія, требующія многочисленныхъ сотрудниковъ, изслѣдованія стали приводиться въ исполненіе. Собранныя нами суммы доставили средства совершить нѣкоторыя важныя ученія предпріятія. Я не вижу причины бояться, чтобы и будущіе Съѣзды англійскихъ ученыхъ не принесли такихъ же блестящихъ результатовъ, или перестали оказывать могущественное вліяніе и поощреніе ученыхъ занятій, подвигающихъ впередъ науку.

Втеченіи тринадцати лѣтъ, нѣсколько знаменитыхъ именъ погибли для науки. Въ числѣ ихъ мы находимъ имя Вильяма Смита, отца англійской геологіи; Ллойда, ректора Trinity-College и основателя знаменитой школы въ этомъ университетѣ, подарившемъ Гемилтона, Мекъ-Куллока, сэръ Джона Робинсона, наслѣдовавшаго отъ своего отца, извѣстнаго профессора Робинсона, привязанность къ наукѣ и прилежаніе къ искусствамъ, доктора Генри, одного изъ нашихъ отличнѣйшихъ химиковъ, и наконецъ доктора Дальтона, котораго недавнюю потерю мы еще оплакиваемъ.

Докторъ Дальтонъ происходилъ изъ той сильной породы комберлендскихъ зажиточныхъ земледѣльцевъ, между которыми довольно часто мы встрѣчаемъ примѣры соединенія добродушія и простоты нравовъ съ литературною и ученою образованностью. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ одной комберлендской деревни. Впослѣдствіи, мы находимъ его въ Кендалѣ товарищемъ и сотрудникомъ слѣпца-философа Гау (Gough), человѣка съ замѣчательными дарованіями. Въ 1793 году, двадцати-трехъ лѣтъ отъ-роду, онъ сдѣлался уже профессоромъ математики и естественной философіи въ New-College, въ Манчестерѣ. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ, При перемѣщеніи заведенія, онъ былъ приватнымъ преподавателемъ тѣхъ же наукъ, занималъ нижнія комнаты въ зданіи Литературно-философскаго Общества, и покидалъ

свое скромное убъище только для ежегоднаго путешествія въ свои родныя горы, съ цѣлью поправить здоровье и продолжать метеорологическія наблюденія. Въ 1796 вышло въ свѣтъ первое его сочиненіе, «*Meteorological observations and essays*», содержащее въ себѣ семнадцать послѣдующихъ его разсужденій и открытій. Первая мысль объ атомической теоріи, дѣлающая безсмертнымъ его имя, какъ великаго основателя химической философіи, родилась въ немъ при изслѣдованіи угле-водороднаго газу. Эту теорію онъ излагалъ сначала на лекціяхъ, читавшихъ въ Манчестерѣ, а потомъ обширнѣе, въ 1803 и 1804 годахъ, въ Эдинбургѣ и Глазго. Впрочемъ, она сдѣлалась извѣстною въ свѣтъ, помѣщеніемъ въ химіи Томсона, изданной въ 1807 году. Краткое изложеніе ея онъ включилъ въ химію, издавную имъ самимъ въ слѣдующемъ году. Несмотря на опроверженія, теорія эта была принята вскорѣ всѣми знаменитыми химиками Европы, Дэви, Волластономъ, Берзеліусомъ, и другими. Не одну эту заслугу оказалъ Дальтонъ наукѣ. Въ одно время съ Ге-Люссакомъ онъ открылъ законъ расширенія газовъ, что, при одинаковой степени возвышенія температуры, объемъ всѣхъ газовъ увеличивается въ одинаковой пропорціи, которая равняется почти тремъ осьмьюмъ, при переходѣ изъ температуры замерзанія воды до точки кипенія ея. Услуги, оказанныя имъ метеорологіи, также чрезвычайно важны. Дальтонъ не имѣлъ, что называется, блестящихъ дѣланій, но былъ человѣкъ съ яснымъ умомъ и практическимъ здравымъ смысломъ. Основанія, на которыхъ воздвигаются его теоріи, излагаетъ онъ ясно; каждый шагъ его былъ плодомъ глубоко обдуманной мысли. Его убѣжденія были основаны на истинныхъ началахъ философіи природы, и, однажды созданныя, шли впередъ ровнымъ шагомъ. Опасно и даже неблагоприятно искать уронить славу такого человѣка, увѣряя, будто великія открытія его были дѣломъ случая, и что будто Волластонъ, Берзеліусъ и другіе были очень близки къ открытію того, что открылъ Дальтонъ: въ такомъ случаѣ, науки — потеря, и тотъ выигрываетъ, кто играетъ лучше.

Несмотря что великое открытіе Дальтона было вско-

рѣ принято возни и возбудило всеобщее удивленіе, она не принесла ему ни какой существенной пользы. Онъ остался въ прежнемъ смирномъ положеніи, между тѣмъ какъ имя его преславилось во всѣхъ лабораторіяхъ Европы. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты французской академіи наукъ. Это—такая честь, которой удостоиваются только первоклассные европейскіе ученые. Въ 1826 году, одна изъ двухъ медалей, присланныхъ королю въ распоряженіе Лондонскаго Королевскаго Общества, была признана Далътону, за его атомическую теорію. Въ 1833 году, въ собраніе нашего общества въ Комбриджѣ, мы всѣ съ радостью узнали, что король пожаловалъ Далътону сто пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ пенсіи; а при послѣднемъ собраніи общества, въ Оксфордѣ, что университетъ принялъ его докторомъ правъ: честь эта тѣмъ болѣе замѣчательна что онъ принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ. Далътонъ присутствовалъ на всѣхъ Съѣздахъ нашего общества, и всегда былъ окруженъ почтеніемъ и удивленіемъ людей, питающихъ сочувствіе къ успѣхамъ наукъ. Въ 1837 году параличическій ударъ сильно потрясъ его здоровье. Въ послѣдній разъ онъ явился посреди насъ въ Манчестерѣ. Онъ скончался 27 іюля 1844 года, на семьдесятъ восьмомъ году жизни. При погребеніи его присутствовали всѣ жители Манчестера, которые справедливо гордятся званіемъ согражданъ столь знаменитаго человѣка.

Должно сказать теперь нѣсколько словъ о правлахъ, которыхъ мы держимся при расходованіи нашихъ суммъ, и вообще о веденіи дѣлъ Общества. Подобно другимъ сословіямъ, наше общество имѣло свои періоды финансоваго благосостоянія и упадку; подобно другимъ сословіямъ, мы иногда дѣлали расходы, которыхъ не оправдывало состояніе кассы и нашихъ доходовъ. Изъ отчета нынѣшняго можно видѣть, что капиталъ нашъ значительно уменьшился. Огромное число подписчиковъ названіе члена, сначала быстро умножавшее наши доходы, естественнымъ образомъ должно было уменьшать число новыхъ ежегодныхъ подписокъ при каждомъ слѣдующемъ Съѣздѣ. Нѣкоторыя изъ вненія въ уставъ нашъ, относительно

къ принятію въ члены жителей тѣхъ городовъ, гдѣ мы собираемся, людей которые не имѣютъ желанія слѣдовать за нами въ другія мѣста, тоже значительно уменьшили наши доходы, увеличивъ въ то же время число членовъ, и тѣмъ затрудняя наши засѣданія.

Впрочемъ, комитетъ представленій, и главный комитетъ нашъ, держатся, при расходѣ суммъ, слѣдующимъ правиламъ: никакая часть нашихъ суммъ не назначается на личные расходы, или на вознагражденіе за потерю времени или за труды, ни одного изъ нашихъ членовъ, хотя бы изслѣдованія ихъ и были предприняты по указанію и назначенію общества; суммы наши не должны служить къ тому, чтобъ подвигать впередъ ту или другую отрасль знанія, но только къ назначенной, хорошо опредѣленной частной цѣли; онѣ не могутъ также быть употребляемы на изданіе книгъ или тому подобную книготорговую спекуляцію; и результаты изысканій принадлежать обществу только въ той степени, сколько они способствуютъ къ его ученой славі. Конечно, были обстоятельства, заставившія насъ отступать отъ этихъ правилъ, но воспоминаніе о неудобствахъ, возникшихъ изъ этого роду требованій, которыя удовлетворить было не совсѣмъ правильно и отвергнуть—совѣстно и невыгодно, убѣждаютъ меня и въ мудрости самыхъ правилъ и въ необходимости держаться ихъ неотступно.

Во время достопамятнаго Съѣзду нашего въ Нью-кастлѣ, во время самаго блистательнаго состоянія нашихъ финансовъ, когда общество рѣшило предпринять обширную систему астрономическихъ редукцій и каталоговъ. Первымъ дѣломъ было новое изданіе, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, и въ новой формѣ, каталога Астрономическаго Общества. Въ этомъ каталогѣ должны помѣститься послѣдніе и самые точные результаты астрономическихъ наблюденій, приведенныхъ къ общей эпохѣ, съ постоянными коэффициентами для ихъ редукцій, обстоятельство, которому не удовлетворяетъ морской календарь. Вторымъ, была редукція всѣхъ звѣздъ *Histoire Céleste*, Лаланда, числомъ около сорока семи тысячъ, гдѣ заключается полное собраніе наблюденій, существовавшихъ за шестьдесятъ

лѣтъ, и обнято, слѣдовательно, пространство времени довольно значительное для того чтобы астрономы могли, изъ сравненія тогдашняго положенія звѣздъ съ настоящимъ, опредѣлить ихъ собственное движеніе и другія измѣненія, почти независимо отъ ошибокъ наблюденія. Третьимъ была подобная же редуція звѣздъ Coelum Stelliferum, Лалаля, числомъ осемь тысячъ семь сотъ, которое приобрѣло высокую степень важности, со времени обозрѣнія южнаго неба сэръ Джономъ Гершелемъ и учрежденія обсерваторій на Параматтѣ и на Мысѣ Доброй Надежды.

Другое предпріятіе почти такихъ же огромныхъ размѣровъ — изданіе планетныхъ и лунныхъ наблюденій гринвичской обсерваторіи, со временъ Бредли до настоящаго времени, предпринятое правительствомъ при содѣйствіи комитета, назначеннаго для этой цѣли нашимъ обществомъ, и членомъ Королевскаго Общества. Это великое предпріятіе почти совершенно приведено къ окончанію, подъ наблюденіемъ королевскаго астронома.

Изданіе этихъ сочиненій составитъ великую эпоху въ исторіи астрономіи. Несмотря на огромныя издержки, въ которыя оно ввело общество, потому что они будутъ простираться до трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Они будутъ прочнымъ памятникомъ благодѣтельнаго вліянія его на успѣхи наукъ. Каталоги Лаланда и Лалаля будутъ изданы на счетъ правительства. Первый изъ нихъ, составляемый подъ надзоромъ профессора Гендерсона, почти конченъ. Редакція каталоговъ Лаланда и Астрономическаго Общества была ввѣрена господину Френсису Бели, котораго невоизградимую потерю чувствуетъ теперь астрономія.

Бели (Baily) былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Въ 1825 году онъ оставилъ торговлю, съ огромнымъ состояніемъ, приобрѣтя лестную извѣстность человека высокой честности и щедраго. Остальная часть его жизни была посвящена астрономіи, и представляетъ необыкновенный примѣръ дѣятельности и пользы. Онъ основалъ Астрономическое Общество, и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членомъ. Каталоги этого общества составились подъ его надзоромъ. Ему также обязаны мы тѣмъ, что морской

жалондарь издается нынче въ такомъ, обширномъ, и болѣе противъ прежняго полезномъ, размѣрѣ. Нѣтъ ни одного опытамаго изслѣдованія въ области астрономической жизни, котораго бы онъ не повторилъ и не обработалъ снова. Маданисъ наблюденій капитана Форстера надъ южнотропическому поручено было адмиралтействомъ, и оно подано Бели поводъ проназвать обширный рядъ чрезвычайноточныхъ опытовъ съ южнотропическому, посредствомъ которыхъ онъ открылъ въ этихъ инструментахъ самыя важныя недостатки. Бели повторилъ знаменитый опытъ Шовендинна, и его разборъ этого вопросу, составляющій послѣдній вышедшій томъ «Записокъ Астрономическаго Общества», дѣлаетъ такую же честь его терпѣнноту, шестроту и уму, какъ проназательности и точности великаготу, который первый проназвелъ опытъ. По порученноту Коммисснн мѣръ и вѣсовъ, онъ также занимался опредѣленноту новаготу образцового ядра, по платиновому ядру Астрономическаго Общества, который нѣкогда былъ шовведенъ подъ образцовый государственноту ядро, шовведенноту въ пожарѣ парламентскаготу дворца. По желанноту адмиралтейства, подаль онъ переписку и каталогъ Флемстида, и подарилъ Астрономическое Общество книгу, шовдержашую въ себѣ, каталогн Штеломона, Улугъ-Бегота, Тихонота Браге, Гевелгуса и Голли (Halley), съ ученноту преднсловнотуемъ и критическнотуи вримѣчаннотуи, въ которыхъ шовказаны взаимнотуе отношеннотуе звѣздъ друготу къ друготу и отношеннотуе къ новѣйшнотуи каталогамъ. Его шовведеннотуе преднсловнотуе къ каталогу Астрономическаго Общества, и болѣе трети самаготу каталогота, напечатаны по шовтательнотуи шовотноноту авторитетовъ, на которотухъ основаны приннотуи шовположеннотуе звѣздъ; и, по удачнотуи расшовределеннотуи болѣе осннотуи тысячъ шовѣтилъ, избранныхъ именнотуи въ тѣхъ частнотуи небеснаготу шоввода, гдѣ онѣ могутъ быть особенно шовлезны шовнаблюдателямъ какъ точки сравненнотуе, этототу трудъ, шовшпорно будетъ важнѣйшнотуи приношеннотуемъ, какое только шовтѣкъ нашъ шовдѣлалъ практическотуи астрономнотуи. Всѣ звѣзды Лаландовотуи Histoire Céleste редуцнротуированы и значнотуишнотуи частнотуи (около одной-пнотуиотуи) уже напечатаны. Бели—авторотуи лучшаготу трактата о пожнотуишеннотуи застрахованнотуи и шовшо-

жества другихъ подобныхъ сочиненій. Онъ основательно и глубоко изучилъ математикъ английской школы, хотя никогда не пользовался искусствомъ новейшаго анализа. При повтореніи опытовъ Кевендиша, и другихъ, онъ откровенно прибѣгалъ къ помощи королевскаго астронома и доктора Моргана, когда чувствовалъ, что отвѣсканіе формулъ превъышало его силы. Со всѣми тѣми способъ употребленія имъ этихъ формулъ показываетъ, что онъ понималъ ихъ важность и легко могъ бы усвоить ихъ себѣ, если бы захотѣлъ. Среди своихъ разнообразныхъ трудовъ, Бели никогда не казался особенно занятымъ или озабоченнымъ: онъ охотно посѣщалъ общество, дружески и ласково принималъ своихъ друзей по наукѣ и торговлѣ. Онъ рѣдко пропускалъ случаи присутствовать въ многочисленныхъ собраніяхъ, комитетахъ и совѣтахъ, которые поглощаютъ почти все свободное время ученыхъ въ Лондонѣ. Несмотря на это, всякое порученіе или работу онъ исполнялъ во столько времени, сколько едва достаточно для другаго чтобы только познакомиться съ предметомъ. Всѣмъ этимъ большею частію онъ обязанъ своей привычкѣ къ порядку аккуратности; правилу дѣлать одну вещь въ одно время; ясному, отчетливому понятію о собственныхъ силахъ. Хотя всегда писалъ ясно и хорошо, онъ никогда не писалъ для славы; хотя исполнялъ все за что брался, онъ никогда не принимался, и даже не показывалъ виду, будто принимается, за то что было выше его силъ. Вотъ что составляло главную тайну его успѣховъ и удивительной плодовитости. Трудно было представить себѣ человека съ большимъ практическимъ здравымъ смысломъ, и большимъ порядкомъ, и большимъ постоянствомъ.

На томъ же Сѣздѣ общества въ Нью-кастлѣ положено первое начало огромнаго ученаго предпріятія, касательно изслѣдованія законовъ магнетизма и метеорологіи.

Рапортъ полковника Сбайна о варіаціяхъ магнитнаго напряженія въ различныхъ точкахъ земной поверхности, и карта, приложенная къ нему, изданная въ одноиъ томѣ, въ 1837, дали знаменитому Гаусу возможность опредѣлить теоретически коэффициенты для означенія магнитныхъ элементовъ; собственныя данныя его теоріи были тѣ, что сум-

мы магнитныхъ элементовъ, однообразно и систематически распределена по поверхности земли. Для пополненія признаннаго недостатку этихъ-то данныхъ, и для опредѣленія законовъ, управляющихъ движеніемъ на землѣ магнитной силы Общество наше было вынуждено назначить комиссію, которой оно поручило, вмѣстѣ съ Королевскимъ Обществомъ ходатайствовать у правительства о назначеніи магнитныхъ наблюдений на самыхъ крайнихъ высотахъ антарктическихъ морей и объ учрежденіи магнитныхъ и метеорологическихъ обсерваторій, на Островѣ святой Елены, на Мысѣ Доброй Надежды, въ Гобартонѣ, Торонто, которыя бы дѣйствовали за-одно съ обсерваторіею гринвичскою и другими европейскими. Цѣль и заботы создателей плана этого великолѣпнаго предпріятія, блистательныя открытія, которыя оно заранѣе общало, любопытство, возбужденное имъ во всемъ ученомъ мірѣ, благородная готовность, не только со стороны частныхъ ученыхъ, но и почти всѣхъ важнѣйшихъ правительствъ, содѣйствовать общими силами къ успѣху дѣла, особенно великодушное, истинно просвѣщенное участіе Всероссийскаго Императора, извѣстны свѣту. Одновременное повсемѣстное наблюденіе движеній магнитныхъ стрѣлокъ должно было, по предположенію основателей дѣла, привести насъ къ уразумѣнію одной изъ величайшихъ тайнъ природы, — земной магнитности, — показавъ настоящіе законы этой всеобщей силы, современность ея сотрясеній по всему земному шару, частныя замѣшательства, происходящія отъ мѣстностей и случайныхъ вліяній, связь магнитности съ климатами и явленіями атмосферы, точное положеніе магнитныхъ линій, столь важное для мореплавателей, и прочая, и прочая. Многое уже исполнено, познано, открыто, многое приводится въ исполненіе, и, вообще, полученные результаты далеко превосходятъ самыя пламенные ожиданія.

Сэръ Джемсъ Россъ (Ross) возвратился, не потерявъ ни одного человѣка: онъ провелъ три лѣта въ антарктическихъ моряхъ, сдѣлалъ множество чрезвычайно важныхъ и любопытныхъ географическихъ наблюдений, и доказалъ, что ни какая опасность, ни какое затрудненіе, не могутъ оста-

новить на пути къ дѣлу человѣка, соединяющаго образovanность испытателя природы съ неустрашимостью моряка.

Науковые результаты первыхъ двухъ лѣтъ этого знаменитаго путешествія помѣщены полковникомъ Себаиномъ въ «Запискахъ Королевскаго Общества». Они доказываютъ, что наблюденія надъ уклоненіемъ, склоненіемъ и напряженіемъ, этими тремя магнитными элементами, могутъ быть произведены съ такою же точностью на морѣ, какъ и на твердой землѣ, и что многія неправильности зависятъ отъ мѣстныхъ причинъ: именно, что дѣйствіе корабельнаго желѣза на стрѣлку совершенно зависитъ отъ наитнаго, или индукціоннаго, магнетизма, который бываетъ двухъ родовъ, одинъ мгновенный, совпадающій съ земною магнитностью и присовокупляющійся къ его явленіямъ, второй, поллризующійся, удерживаемый на болѣе или менѣе долгое время и переносимый движеніями корабля изъ одного мѣста въ другое; далѣе, что тотъ и другой, могутъ быть совершенно устранены, посредствомъ наблюденій и математическихъ формулъ; что напряженіе никогда не замѣчается болѣе 2, 1; и что магнитныя линіи равныхъ уклоненій, склоненій и напряженій далеко не соотвѣтствуютъ линіямъ, начертаннымъ Гауссомъ на его теоретической картѣ земной магнитности, потому что сѣверныя и южныя полушарія гораздо болѣе похожи другъ на друга нежели какъ полагали при первомъ, слѣдовательно, не совершенномъ опытѣ теоріи.

Пространство, изслѣдованное господиномъ Россомъ, составляетъ болѣе трехъ четвертей южныхъ морей. Изслѣдованіе остальной части поручено лейтенанту Муру.

Ничто такъ сильно не убѣждаетъ въ полной точности, съ какою производится система магнитныхъ наблюденій, какъ замѣченная двадцать-пятого сентября 1841 магнитная буря. Это было такое происшествіе, котораго не въ состояніи предсказать ни какая теорія. Несмотря на это, бдительность обсерваторій была такъ велика, что буря замѣчена во всемъ пространствѣ, въ Гринвичѣ, во всѣхъ обсерваторіяхъ Европы, въ Торонто, на Островѣ святой Елены, на Мысѣ, въ Гобартонѣ, въ Тревандрѣ, въ Тревискаре. Многія изъ наблюденій надъ этимъ замѣчательнымъ феноменомъ,

и до двадцати семи другихъ, разобраны и обсужены съ большою тщательностью полкомпиномъ Себайномъ. Буря не вездѣ была одинакова, не вездѣ явленія сопроздавшіеся слѣдовали другъ за другомъ въ одинаковомъ порядкѣ. Они завязятъ отъ времени года, вліянія зимы въ одномъ полушаріи и лѣта въ другомъ. Замѣчено, что современныя колебанія въ Европѣ и Америкѣ, иногда брали одно и то же направленіе, иногда противоположное, какъ-будто причина волненій, въ одномъ случаѣ находилась между материками, а въ другомъ—нѣтъ.

На всѣхъ этихъ обсерваторіяхъ производится и метеорологическія наблюденія, по одной системѣ: они обнимаютъ дневныя и годичныя измѣненія температуры, давленіе атмосферы, упругость водяныхъ паровъ, направленіе и силу вѣтровъ, и каждое необыкновенное отклоненіе этихъ элементовъ отъ обыкновеннаго порядку; сверхъ-того сѣверное сіяніе, и другіе феномены. Теперь еще слишкомъ рано говорить о результатахъ, которые можно вывести изъ этихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что редуціи ихъ доселѣ сдѣлала небольшіе успѣхи. Со всѣмъ тѣмъ наблюденія эти позволяютъ надѣяться, что для метеорологіи, какъ науки, готовы уже основанія. Лѣтописи метеорологіи въ послѣднемъ столѣтіи загромождены метеорологическими наблюденіями, но инструменты, посредствомъ которыхъ все производилось, не были устроены по одинаковой методѣ, не были сравнены съ однимъ образцовымъ, и, слѣдовательно, не имѣли главнаго достоинства,—точности. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о трудахъ одного изъ нашихъ полезнѣйшихъ членовъ, господина Гаррисона. Его наблюденія, произведенныя втеченіи десяти лѣтъ, въ Плаймутѣ, надъ термометромъ, ежечасно, днемъ и ночью, надъ барометромъ и анемометромъ втеченіи пяти лѣтъ, тщательно редуцированы, приведены въ таблицы и изображены въ графическихъ, кривыхъ линіяхъ. Дневныя измѣненія атмосферныхъ явленій представлены въ нихъ съ необыкновенною точностью. Я сомнѣваюсь даже, чтобъ при обыкновенныхъ типографическихъ средствахъ это твореніе могло быть напечатано, съ сохраненіемъ своего достоинства.

Другое важное явленіе въ этомъ родѣ составляетъ редуція и рисунокъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ шестидесяти-деяти мѣстахъ во время равноденствій и солнцестояній въ 1835, 1836, 1837 и 1838 годахъ, съ удивительною тщательностью и тонкостью господиномъ Бертомъ, на счетъ нашего общества. Результаты наблюденій господина Берта составляютъ предметъ записки сэръ Джона Гершеля, помѣщенной въ нашемъ отчетѣ за нынѣшній годъ. Это, въ небольшомъ видѣ, образчикъ результатовъ, которые должна дать наша великая система наблюденій.

Сначала систему магнитныхъ наблюденій положено было учредить только на три года, по впоследствии рѣшено продлить срокъ до перваго января 1846, по той причинѣ, что три года почти прошли въ однихъ приготовленіяхъ, повѣркѣ инструментовъ, переѣздѣ наблюдателей, и тому подобномъ. Размѣры, которые приняло это важное предпріятіе, превзошло все ожиданія. При дѣятельномъ и ревностномъ участіи господина Кушера, устроено шесть обсерваторій въ Россіи, единственной странѣ, которая учредила постоянныя обсерваторіи. Американское правительство учредило три, въ Бостонѣ, Филадельфій и Вашингтонѣ; Остъ-Индская Компанія устроила двѣ, въ Спигапурѣ и Сивилѣ. Все европейскія государства, и даже Алжиръ, предложили свое участіе. Спрашивается, можетъ ли это важное предпріятіе быть окончено втеченіи трехъ лѣтъ? Не потребуютъ ли мѣстные обстоятельства новыхъ изслѣдованій, болѣе тонкихъ методовъ наблюденія? Если и будутъ открыты законы суточныхъ, мѣсячныхъ и годовыхъ движеній магнитной стрѣлки, узнаемъ ли мы законы ея вѣковыхъ движеній? Другими словами, труды наши—не есть ли только начало теорій, которой подробности подберутъ лишь наши потомки? Эта-то мысль заставила господина Кушера сдѣлать предложеніе, изложенное въ письмѣ къ подковнику Себайцу, о созваніи магнитнаго конгресса при слѣдующемъ Съѣздѣ Англійскихъ Ученыхъ, и пригласить на него господъ Гаусса, Гумбольдта, Плану, Ганстена, Араго, и другихъ особъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ и введеніи магнитныхъ наблюденій. Это предложеніе бы-

ло рассматриваемо въ комитетѣ, составленномъ изъ сэръ Джона Гершеля, полковника Себайна, доктора Ллойда, и меня. Обще собраніе рѣшить, какой мы дадимъ отвѣтъ русскому ученому. Я увѣренъ, что каждому изъ васъ будетъ пріятно видѣть посреди насъ столь знаменитыхъ людей, представителей ученаго свѣта нашего времени.

Правда, приготовленія къ такому собранію немало затруднятъ Магнитный Комитетъ и, въ особенности, полковника Себайна. Надобно будетъ собрать донесенія со всѣхъ магнитныхъ, станцій разобрать и сообразивъ послѣднія наблюденія, сообщить ихъ въ возможной подробности разнымъ членамъ Комитета. Несмотря на усердіе и дѣятельность полковника Себайна и его помощника, лейтенанта Ридля, несмотря на ихъ опытность въ дѣлѣ и на обширныя познанія профессора Ллойда, я, очень боюсь, что нынѣшнія средства наши окажутся недостаточными.

Я того мнѣнія, что если конгрессъ признаетъ нужнымъ продолжать наблюденія еще на три года, то ни одно изъ европейскихъ правительствъ не откажется содѣйствовать намъ.

Послѣдніе томы трудовъ нашего общества чрезвычайно богаты статьями, относящимися къ естественнымъ наукамъ, особенно къ геологій: таковы, на примѣръ, донесеніе профессора Форбса о распредѣленіи моллюсковъ и астерій въ Эгейскомъ Морѣ, гдѣ указаны постепенные слои морской глубины съ ихъ постепенно различными формами животной жизни и отношеніемъ между существующими и исчезнувшими породами. Вамъ, безъ сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что наше правительство, не только помогло автору въ этихъ изслѣдованіяхъ, но даже взяло на себя всѣ издержки по изданію сочиненія господина Форбса. Донесеніе господина Томсона, объ ирландской Фаунѣ, въ такомъ же геологическомъ отношеніи, отличается точностью и полнотою изслѣдованій. Профессоръ Овенъ продолжаетъ присылать слѣдующія части своего донесенія объ ископаемыхъ млекопитающихъ Великобританніи, начатое имъ въ прошедшемъ году. Мнѣ весьма больно видѣть, что мы перестаемъ получать донесенія объ успѣхахъ нѣкоторыхъ отраслей знанія, занимав-

нить много мѣста въ первыхъ томахъ нашихъ трудовъ. Продолженіе этихъ отчетовъ въ состояніи и ходѣ разныхъ наукъ припесло бы важную услугу всѣмъ занимающимся учеными изслѣдованіями.

Опытнымъ наукамъ совершенно необходимы, отъ времени до времени, такіе пересмотры и своды открытій, наблюденій и замѣчаній, если люди желаютъ постоянно расширять предѣлы своего знанія основательнымъ и истинно полезнымъ образомъ. Кто равнодушенъ къ успѣхамъ наукъ или недалеко видитъ умомъ, тотъ можетъ быть доволенъ и пынѣшнимъ знаніемъ, потому что истинная система міра вполнѣ извѣстна, законы всеобщаго тяготѣнія открыты, задача о трехъ вмѣстѣ движущихся тѣлахъ рѣшена, Дэви разложилъ щелочи, Дальтонъ открылъ, а Берзеліусъ развилъ теорію пропорціи атомовъ, Гершелл распространилъ законы тяготѣнія на самыя отдаленныя тѣла небесныя и подвергли математическимъ формуламъ самыя сложные и запутанныя законы земной магнитности. Но опытъ вѣковъ доказалъ намъ, что предѣловъ знанія не такъ-то легко достигнуть человѣку. Открытіе одного вѣка будетъ всегда только началомъ и источникомъ для открытій другаго. Несмотря на живое участіе, которое принимаемъ мы въ успѣхахъ наукъ и образованности, несмотря что и мы сами много способствовали къ обогащенію сокровищницы человѣческихъ свѣдѣній, къ торжеству науки и образованности, науки еще очень далеки отъ того, какими онѣ должны быть для пользы и счастья нашего роду. Будемъ уповать на благословеніе Всевышняго святымъ усиліямъ постигнуть законы Его мудрости, осуществленные въ твореніи рукъ Его. Съ благоговѣніемъ должны мы приближаться къ источнику всякаго знанія, и со смиреніемъ будемъ пить живительную воду, которая изъ него истекаетъ.»

По окончаніи этой рѣчи, собраніе рѣшило: 1) пригласить знаменитѣйшихъ, иностранныхъ ученыхъ на магнитный конгрессъ при будущемъ Сѣздѣ англійскихъ ученыхъ, который назначается въ Кембриджѣ перваго іюня 1845 года, по новому стилю; 2) денежные пособія, выдаваемые изъ кассы Общества разнымъ ученымъ на метеоро-

рологическія наблюденія, прекратить, впредь до удобнѣншихъ обстоятельствъ.

Изъ открытій и изобрѣтеній сообщенныхъ разнымъ отдѣленіямъ Общества, мы на первый случай приведемъ слѣдующія:

1. *Первыя наблюденія, произведенныя въ колоссальный телескопъ лорда Росса.* Лордъ Россъ представилъ Отдѣленію Математиковъ и Физиковъ чрезвычайно красивые рисунки многихъ облачностей звѣзднаго міра, въ двойномъ видѣ, — какими онѣ являлись сэръ Джону Гершелю, — и какими видны теперь въ новый телескопъ лорда Росса. Самыя примѣчательныя изъ нихъ:

Гершелева фигура 88. Эта облачность, довольно не ясная, наполнена звѣздами, которыя, въ телескопѣ лорда, принимаютъ видъ звѣздъ первой величины, наблюдаемыхъ простымъ зрѣніемъ.

Гершелева фигура 81. Свѣтлая облачность близъ звѣзды *зета* въ созвѣздіи Быка, совершенно эллиптическая, безъ звѣздъ. Телескопъ лорда показываетъ ее овальною, состоящею изъ множества большихъ звѣздъ; нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ снабжены довольно длинными свѣтлыми вѣточками, какъ-будто имѣютъ ноги, и похожи на скорпіоновъ.

Гершелева фигура 29. Кольцеобразная облачность созвѣздіа Лирь состоитъ собственно изъ семи большихъ звѣздъ, расположенныхъ кольцомъ, съ свѣтлою бахромкою, которая, если бы телескопъ былъ еще сильнѣе, вѣроятно оказалась бы скопленіемъ множества звѣздочекъ. Середина этого круга туманна, съ пятнами.

Гершелева фигура 45. Планетообразная облачность. Также составлена изъ семи очень блестящихъ звѣздъ, расположенныхъ кольцомъ.

Гершелева фигура 26. Домбеллева облачность. Она не имѣетъ эллиптическаго очертанія. За чертою, видѣнною Гершелемъ, лежитъ еще много звѣздъ. Это — неправильная куча весьма разнообразныхъ свѣтилъ.

2. *Новый свѣтописный процессъ профессора Гонта. Энерготипъ. Актино-химія.* Объ этомъ процессѣ была уже рѣчь лѣтомъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ журналахъ. Про-

профессора Ниппъ представилъ теперь, тому же отдѣленію, образчики удивительно красивыхъ картинокъ и портретовъ, снятыхъ имъ по способу, который состоитъ въ слѣдующемъ. Берется насыщенный растворъ янтарной кислоты; къ нему прибавляется четвертая часть, по вѣсу, слизи аравійской камеди, и все это разводится водою, въ которой сперва растворено немножко поваренной соли. Этимъ составомъ наводится бумага, которую, высушивъ, можно хранить въ портфель. Листокъ такой бумаги, когда нужно поставить его въ камеру-обскуру, наводится вторично такимъ же составомъ или, если угодно, обыкновеннымъ растворомъ азотно-кислаго серебра. Въ послѣднемъ случаѣ, можно получить рисунокъ въ двѣ секунды. Безъ серебра, требуется двухъ минутъ и болѣе, иногда до осьми. Вынутый изъ камеры-обскуры листокъ не показываетъ ни какого слѣда рисунка: чтобы вывести его наружу, надо наводить растворомъ желѣзнаго купоросу (сѣрно-кислаго желѣза), смѣшаннаго съ слизью аравійской камеди. Какъ скоро рисунокъ выйдетъ совершенно, листокъ обмывается водою и картинка можетъ быть укряплена амміакомъ или, по-старому, растворомъ сѣрноватисто-кислой соды. Если бы желѣзный купоросъ не довольно скоро дѣйствовалъ, надо нагрѣвать листокъ передъ огнемъ. Если бы, во время операцій, бумага почернѣла, бросать ея не слѣдуетъ: стоитъ только промыть ее губкою, обмоченною въ водѣ, чтобы подъ чернымъ слоемъ найти рисунокъ, совершенно чистый и рѣзкій.

Полученная такимъ образомъ картинка будетъ, разумѣется, отрицательная, со свѣтами и тѣнями на-выворотъ; но съ нея можно отпечатать, на обыкновенной свѣтописной бумагѣ, по калотипному способу, неограниченное число положительныхъ оттисковъ.

Этотъ свѣтописный процессъ, сначала, профессоръ Гонтъ называлъ-было *энерготипомъ*. Господа Тальботъ и Брустеръ предложили замѣнить это названіе словомъ—*актинатипъ* «луче-печатаніе», на которое изобрѣтатель тотчасъ согласился.

Принимая въ соображеніе, что уже прежде извѣстны были по химіи весьма примѣчательные случаи вліянія

свѣту, а теперь свѣтопись открыла намъ еще огромное число новыхъ примѣровъ чисто-химическаго дѣйствія солнечнаго луча почти на всѣ известныя тѣла и вещества, Отдѣленіе Математиковъ и Физиковъ рѣшило — соединить всѣ эти факты въ одно цѣлое и ввести въ науку новый терминъ, *актино-химія*, или «лучевая химія», подъ которымъ разумѣть впередъ отдѣльную отрасль науки, наподобіе «электро химія».

3. *Настоящее строеніе основнаго волокнца животной фибры.* Въ статьѣ пятого отдѣленія этой книжки, можно видѣть, сколько теорій и сколько неизвѣстности господствовало донинѣ въ общей анатоміи и физиологіи насчетъ настоящаго строенія тончайшихъ волоконцевъ, или *фибриллъ*, изъ которыхъ состоитъ волокно, *фибра*, нитка животнаго мяса, мускула, мышцы. Кажется, что этотъ вопросъ теперь рѣшенъ совершенно удовлетворительно господиномъ Вильфордомъ. О наблюденіи своемъ онъ еще въ июлѣ мѣсяцѣ сообщалъ лондонскому Королевскому Обществу, а теперь представилъ этотъ любопытный фактъ нагляднымъ образомъ Отдѣленію Естественныхъ Исследователей и Врачей на Йоркскомъ Съѣздѣ Ученыхъ. Посредствомъ особыхъ, весьма нѣжныхъ, способовъ разъединенія, очистки и приготовленія волоконцевъ, составляющихъ фибру, и при помощи необыкновенно сильнаго микроскопа, господинъ Wilford показывается, что основное волокнце фибры, извлеченной изъ руки здороваго человѣка тотчасъ послѣ отсѣченія, есть гладкій, ровный валикъ, цилиндръ, имѣющій въ діаметрѣ $\frac{1}{20,000}$ дюйма, и состоящій изъ сдѣпленія мельчайшихъ пузырьковъ, или ячеекъ, сплюснутыхъ такъ плотно по долевному направленію, когда волокнце не растянато, что на поверхности цилиндра нѣтъ ни малѣйшей неровности, — ни горбовъ, ни углубленій. Обѣ нѣднѣшнія теоріи, поэтому, отчасти правы: волокнце, дѣйствительно, составлено изъ настоящихъ ячеекъ, но въ то же время оно — ровная, правильная трубочка, только раздѣленная безчисленными перегородками, которыя совершенно ясно видны въ микроскопѣ господина Вильфорда. Каждая ячейка, каждое отдѣленіе цилиндра, наполнено жидкостью, которую господинъ Вильфордъ назвалъ *міоли-*

ною, или мускульною водою. Но примѣчательно, что эта жидкость въ различныхъ ячейкахъ одарена различною густотою и различнымъ цвѣтомъ. Всегда, въ *четыре*хъ ячейкахъ сряду содержится жидкость прозрачная, легкая, и въ слѣдующихъ *четыре*хъ жидкость темная, болѣе плотная, густая; и такъ далѣе, во всю длину волоконца. Всѣ волоконецы въ фибрѣ сложены такъ, что четырехъ-ячейная темная группа одного волоконца приходится противъ темной группы другаго, а свѣтлая противъ свѣтлой: отсюда на фибрахъ возникаютъ тѣ *полоски*, *striae*, которыя были уже замѣчены нѣкоторыми наблюдателями. Другіе не видали ихъ, и спорили. Причина этого разногласія очень проста: темный цвѣтъ той жидкости, которая густѣе, не есть природный цвѣтъ: она, собственно, такъ же прозрачна какъ и легкая жидкость, заключающаяся въ четырехъ смежныхъ ячейкахъ, и темный цвѣтъ ея зависитъ единственно отъ угла, подъ которымъ свѣтъ черезъ нее проходитъ, изъ чего уже видно, что химическій составъ ея различенъ отъ составу сосѣдней, всегда равно прозрачной жидкости. При нѣкоторыхъ наклоненіяхъ свѣту въ микроскопѣ, темныя ячейки представляются свѣтлыми и *полоски* исчезаютъ. Весьма важно было бы теперь собрать достаточное количество обѣихъ этихъ жидкостей, темной и свѣтлой миолны, чтобы химически изслѣдовать ихъ составы. Безъ-сомнѣнія, эта постоянная четырехъ-ячейная перемежка жидкости легкой и жидкости плотной есть главная пружина загадочнаго механизма сжимаемости фибры подъ управленіемъ волн.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Возможность выразить числами пропорцію чувствительности въ человѣкѣ и различныхъ животныхъ. Вычисленіе господина Буржри.* Вычисленіе это еще не кончено, и мы скажемъ здѣсь только о главной идеѣ автора. Весьма многіе анатомы, и самъ господинъ Вонгсегу, старались опредѣлять вѣсъ головного мозга и другихъ частей нервной системы въ людяхъ различнаго возрасту и въ животныхъ различныхъ классовъ. Соединивъ эти данныя, господинъ Буржри замѣтилъ, что есть явная численная пропорція между вѣсомъ мозговыхъ по-

душарій и, вообще, головного мозгу, и особенно чувствительности тѣла. Чѣмъ болѣе вѣсятъ мозшаріи, и головной мозгъ, въ сравненіи съ вѣсомъ остальной нервной системы, тѣмъ выше чувствительность. Перенѣсъ головного мозгу надъ прочими центрами нервной дѣятельности, огрѣнный у человѣка, вдругъ понижается у животныхъ, и, между ними, пренорціи этого пониженія слѣдуетъ, отъ собаки до лошади, конки, коровы, слона и лѣвивца, именно въ томъ содержаніи, въ какомъ и фидіология показываетъ намъ постепенность упадку чувствительности въ ихъ кожѣ и быстроты въ ихъ движеніяхъ. Нѣтъ, поэтому, возможности составить, изъ средняго вѣсу разныхъ частей нервныхъ системъ, таблицу, показывающую въ числахъ степень общей чувствительности породъ всего животнаго царства. Какъ вѣсъ головного мозгу довольно хорошо соразмѣряется съ объемомъ головы, а вѣсъ прочихъ нервныхъ приборомъ съ объемомъ тѣхъ частей тѣла, гдѣ они помѣщены, то можно даже, снять искусно мѣрку съ головы, спины, груди, желудка, и такъ далѣе, приблизительно опредѣлить степень общей чувствительности и, слѣдовательно, основаніе характера, въ каждомъ живомъ человѣкѣ. Вотъ, для людей съ воображеніемъ, начало новой науки! Галлово черепословіе на-выворотъ.

БЕРЛИНСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Микроскопическіе жители южнаго полюса. Изслѣдованія господина Эренберга.* Поводъ къ этимъ любопытнымъ изслѣдованіямъ знаменитаго берлинскаго микрографа подали образцы земли береговъ и дна морскаго, привезенныя изъ странъ сосѣднихъ южному полюсу извѣстными капитанами Россомъ, и господами Шайеромъ и Дарвиномъ. Обширность труда господина Эренберга позволяетъ намъ представить здѣсь только общіе выводы, къ которымъ привели его эти занимательныя разсказанія.

1. Микроскопическая жизнь чрезвычайно дѣятельна и богата еще у самыхъ полюсовъ Земнаго Шара, тамъ, гдѣ существа большаго объема жить уже не могутъ.

2. Въ снѣгахъ и даже во льдахъ полярныхъ странъ живетъ тма незрѣмыхъ прѣстѣмъ глазомъ животныхъ, не-

смотря на ужасы крайней степени отужи. Около южного полюса микроскопическое животное царство представляеть чрезвычайное богатство и разнообразіе. Незвѣстныя другимъ странамъ породы, господинъ Эренбергъ донынѣ нашелъ только семь. Ему удалось даже расмодить въ Берлинѣ нѣкоторыхъ микроскопическихъ животныхъ южнаго полюса изъ свѣжихъ яичекъ, сохранившихся въ привезенной землѣ и водѣ.

3. Неголько на твердой землѣ и близъ береговъ, но и въ огромнѣйшихъ разстояніяхъ отъ всѣхъ материковъ и въ отдаленнѣйшихъ пропастяхъ океана, нѣтъ капли воды, которая бы не была наполнена незримиыми животными. Доселѣ извѣстно было едва нѣсколько примѣровъ микроскопической жизни на серединѣ океана. Благодаря послѣднимъ открытіямъ, теперь мы знаемъ около сотни породъ, принадлежащихъ къ подобнымъ мѣстностямъ, которыя тамъ несправедливо почитались несвойственными органической жизни. Большая часть этихъ любовичныхъ крошекъ одѣта кремнистыми, а прочія известковыми скорлупками и раковинками. Откуда добываютъ онѣ столько кремнезему и извести? Неужели изъ морскаго дна? Невероятно! Не производятъли онѣ сами этихъ веществъ? Вопросъ этотъ, говоритъ господинъ Эренбергъ, по мнѣнію котораго, какъ извѣстно, желѣзо есть произведение незримыхъ животныхъ: вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ приобретаетъ болѣе и болѣе существенную важность, иривсемъ должномъ уваженіи къ замысловатости нынѣшнихъ философическихъ теорій.

4. Многія изъ породъ пойманы на глубинѣ тысячи шести тысячъ двадцати футовъ: слѣдовательно, эти слабыя крошки, которыя вы можете раздавить самымъ легкимъ прикосновіемъ писточки, переносятъ давленіе воды, равносильное пятидесяти атмосферѣ, сохраняя въ такой глубинѣ всю свободу движеній. Предположеніе, будто вода глубже шести сотъ футовъ неспособна для жизни, должно быть оставлено, какъ совершенно неосновательное. Донынѣ предѣловъ органической жизни еще не найдено. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба множества вопросовъ въ естественныхъ наукахъ. Каждая песчинка

морскаго дна, сколько изъ нее добыли изъ пропастей, доступныхъ лоту мореплавателей, есть не что иное какъ комомъ тысячи остововъ существъ незримаго животнаго царства.

5. Не поросты, и не мхи, разлагаясь, образуютъ слой рыхлой почвы въ отдаленнѣйшихъ полярныхъ странахъ, а просто, однѣ скорлупки микроскопическихъ животныхъ, преимущественно изъ породъ *Pinnularia*, *Eupotia*, *Stauronocis*. Многя изъ этихъ органическихъ формъ у обохъ полюсовъ земли—однѣ и тѣ же.

6. Паденія воздушной пыли или, такъ—называемые дожди небесной золы, нерѣдко случавшіеся за четыреста и болѣе верстъ отъ моря, происходятъ, безъ всякой возможности къ спору и сомнѣнію, изъ поднятія въ воздухъ морскихъ незримыхъ животныхъ въ испареніяхъ или въ водѣ, похищаемой ураганами и громами. Эта зола просто—высушенныя въ воздухѣ скорлупки нашихъ земныхъ существъ, и, слѣдовательно, не можетъ валиться на насъ вѣз-за предѣловъ атмосферы. Чтобы узнать, откуда прилетѣла небесная зола, стонть только рассмотреть ее въ микроскопъ и опредѣлить, къ какимъ морямъ или озерамъ принадлежать животныя породы, доставившія ей свои скорлупки.

УСИЛІЯ ВОЗДУХУ, КАКЪ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, ЗАИМЪЮЩЕЙ ПАРЫ. О воздухо-движныхъ желѣзныхъ дорогахъ уже всѣ знаютъ. О первой фабричной машинѣ, въ которой пары удачно замѣнились въ Англіи накаленнымъ воздухомъ, было здѣсь сказано. Кажется, что эта новая сила приобрѣтаетъ себѣ множество приверженцевъ, и что механизмъ, нужный для произведенія ея, достигъ уже большаго совершенства, потому что воздушныя машины начинаютъ быть примѣняемы и къ мореплаванію. Первый *воздухоходъ* явился въ Англіи въ началѣ года: этотъ опытъ остался почти неизвѣстнымъ публикѣ твердой земли, хотя судно «Сапфиръ» въ эту минуту пользуется въ англійскихъ журналахъ эпитетомъ *знаменитаго воздухо-движнаго парохода*, the well-known atmospheric fast-goer. Знатоки такъ довольны имъ, что господа Seaward и Capel

построили уже другой такой же «воздухоходъ» для Англійской Юго-западной Компаніи Пароходства, которая предназначаетъ его къ перевозкѣ пассажировъ и товаровъ между Соугемптономъ и Гавромъ. Судно назвали The Wonder, «Чудо». Первый, частный опытъ съ нимъ былъ сдѣланъ 27 сентября, на рѣкѣ. «Чудо» имѣетъ 160 футовъ длины, 22 ширины и почти 13 глубины въ водѣ. Механизмъ совершенно тотъ же, какъ на «Сапфирѣ»: въ немъ—три цилиндра, открытые съ верхняго конца, по 53 дюйма въ діаметрѣ и съ 42 дюймами удару. По плану, сила этого механизма должна была равняться 130 паровымъ силамъ, но на дѣлѣ оказалось, къ великой радости изобрѣтателей, что она равна 200 силамъ. Гребныя колеса, по 20 футовъ въ діаметрѣ, принадлежатъ къ качательной системѣ, по методѣ господъ Моргана и Кавѣ, значительно усовершенствованной.

Странно, что французскіе журналы такъ мало обращаютъ вниманія на изобрѣтеніе въ томъ же родѣ одного изъ ихъ соотечественниковъ, между-тѣмъ какъ оно возбуждаетъ живѣйшее участіе и удивленіе въ англійскихъ инженерахъ. Машина господина Andrand, дѣйствующая сжатымъ воздухомъ, едва удостоивается простаго упоминанія въ важнѣйшихъ парижскихъ журналахъ, тогда какъ господинъ, Cotter безспорно хороній знатокъ дѣла, писалъ, въ іюнѣ, въ Railways Chronicle: «Я не находилъ довольно «сильныхъ словъ, чтобы выразить мое удовольствіе и изумленіе, когда изобрѣтатель посадилъ меня на свой *воздухо-«возозъ* и машина вдругъ помчалась по версальской желѣзной дорогѣ, на лѣвомъ берегу Сены. Ходъ ея усиливался «постепенно, пока не достигъ быстроты тридцати миль «(45 верстъ) въ часъ. Во время ѣзды, я разсматривалъ ея «устройство и способъ дѣйствія съ величайшимъ вниманіемъ, и нашелъ механизмъ, почти во всѣхъ частяхъ, «удивительно хорошо приспособленнымъ къ дѣлу. Един- «ственная погрѣшность, которую я примѣтилъ, относится «къ работѣ насосовъ и поршней; но изобрѣтатель не ви- «новать: во Франціи не умѣютъ сдѣлать лучше. Наши фа- «бриканты мигомъ поправятъ эти второстепенные недостат- «ки. Первый опытъ господина Андрана, дѣйствовать

«сжатымъ воздухомъ вмѣсто паровъ, относится къ 1846 году. Съ-тѣхъ-поръ не перестаетъ онъ работать съ усердіемъ, и оно увѣчалось величайшимъ успѣхомъ. Машина скользитъ по рельсамъ съ совершенною ловкостью, «безъ шума, огня, дыму, искоръ и опасности. Туго сдвинутый, сбитый воздухъ, которымъ она заряжена и «цѣлую повѣдку, переходитъ сперва трубками въ регуляторъ, оттуда въ расширительную камеру, и, наконецъ, въ цилиндры. Повернешь корбу, и воздуховозъ пускается въ путь. Пожмешь шарикъ, и дѣйствіе клапановъ пере-
мѣняется, машина идетъ назадъ.»

Этотъ опытъ происходилъ въ мартѣ. По извѣстіямъ французскихъ газетъ, другой опытъ, на той же дорогѣ, сдѣланъ былъ въ сентябрѣ, въ присутствіи господъ Вивеан и Вауде, комиссаровъ, назначенныхъ правительствомъ. Кажется, что мѣры для полного успѣху этого официального испытанія были такъ искусно приняты, что, въ минуту дѣйствія, не нашлось подъ рукою довольно сильной паровой машины чтобы хорошо сжать воздухъ и зарядить машину. Резервоаръ набили воздухомъ—*d'après le système de la basse pression*, очень извѣстной у насъ, въ Россіи, подъ именемъ—системы *какъ-нибудь*. Несмотря на это, воздухъ, получивъ силу расширенія, равную давленію трехъ атмосферъ, помчалъ машину, которая пробѣжала очень быстро и ровно около четырехъ верстъ. Въ газетахъ сказали науд словъ о «блестящемъ успѣхѣ» неудавшагося испытанія. Изобрѣтатель заболѣлъ съ досады.

Опытъ хотѣли повторить въ октябрѣ.

ВЫСТРОТА ѲЗДЫ ПО ЖЕЛЕЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. *Необыкновенный путешественникъ.* Семнадцатаго августа, пассажиры и письма, прибывшіе изъ Англіи на пароходѣ «Аркадія» въ Нью-Йоркъ, доставлены въ Бостонъ, за триста шестьдесятъ верстъ оттуда, въ *шесть часовъ* времени. О такой быстротѣ, на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ, и рѣчи не бываетъ.

Въ одномъ англійскомъ журналѣ встрѣтили мы недавно извѣстіе о какомъ-то путешественникѣ, который оставивъ Гуль 2 мая, былъ въ Петербургѣ, объѣхавъ всю Герма-

цію, Бельгію, большую часть Франціи; всю Англію, отправился въ Ямайку, оттуда въ Соединенные Штаты, которые также изъѣздилъ онъ во всѣхъ направленіяхъ, и 2 сентября воротился въ Гуль черезъ Барбадось и Ливерпуль. Въ эти четыре мѣсяца, онъ сдѣлалъ, *на парашъ*, въ Европѣ по сухому пути восемь тысячъ двѣсти верстъ; въ Америкѣ по сухому же, пути пять тысячъ сто; въ Европѣ, на Атлантическомъ Океанѣ и Америкѣ водою тридцать одну тысячу восемь сотъ верстъ; итого: слишкомъ 44,000 верстъ въ 173,000 минутъ времени. Среднимъ числомъ, каждыя четыре минуты онъ проѣзжалъ одну версту; но жалуется, что потерялъ много времени: пріятель! парижскіе балы! петербургскіе обѣды! американскія охоты!.... Дѣлать нечего, опоздалъ цѣлымъ мѣсяцомъ противъ предположенія.

Лѣтъ сорокъ тому, на подобное путешествіе нужно было бы употребить почти цѣлую жизнь человѣческую.

Съ перваго взгляду, эта быстрота движенія можетъ показаться невѣроятною; но сообразите только, что на царско-сельской желѣзной дорогѣ, каждый кондукторъ, ѣздитъ въ Павловскъ, туда и обратно, по-крайней-мѣрѣ два раза сутки, безъ малѣйшаго утомленія. Значитъ втеченіи года онъ дѣлаетъ тридцать шесть тысячъ пять сотъ верстъ, то есть, объѣзжаетъ весь земной шаръ по экватору, употребляя на ѣзду, собственно, не болѣе двухъ часовъ и сорока минутъ въ сутки. На московской желѣзной дорогѣ, каждый кондукторъ, находясь одинъ день въ ѣздѣ, и отдыхая весь слѣдующій день, будетъ проѣзжать въ годъ 108,000 верстъ. Это почти то же, что съѣздить на луну и назадъ воротиться.

ГАЛЬВАНОМЕТРЪ ГОСПОДИНА И. ВЕНЕДИКТОВА. Пріныишнемъ распространеніи электро-химическихъ опытовъ и работъ, изобрѣтеніе господина И. Бенедиктова заслуживаетъ всего вниманія любителей науки, и желательно, чтобы онъ могъ придать исполненію своей идеи ту степень совершенства, которой непременно требуетъ физическій инструментъ. Довнынъ нѣтъ вѣрнаго средства измѣрять силу электрическаго току. Гальванометры и мультиплика-

торы, основанные на употребленіи магнитныхъ стрѣлокъ и такъ-называемыхъ постоянныхъ токовъ, доведены, конечно, до высокой степени чувствительности: они въ состояніи обнаружить присутствіе даже самаго слабого электрическаго дѣйствія, но не въ состояніи опредѣлить абсолютно относительной силы токовъ, потому что сравнить ихъ между собою невозможно и за единицу принять въ нихъ ровно нечего. Господинъ И. Бенедиктовъ полагаетъ, что эту единицу можно найти въ проходящихъ магнитахъ, которыми замѣнилъ онъ въ своемъ гальванометрѣ магниты постоянные. Въ основаніе принята у него подкова самаго мягкаго желѣза: длина полоски 7 дюймовъ; діаметръ 6 линій. Подкова обвита мѣдною проволокою, толщиною въ $\frac{1}{2}$ линіи; число оборотовъ проволоки 66 разъ на каждомъ колѣнѣ. Къ подковѣ слегка прикасается пластинка мягкаго желѣза, уравнишенная съ мѣдною чашкою на рычагѣ, употребляемомъ въ обыкновенныхъ вѣскахъ. Снарядъ готовъ. Пропустите токъ по проволоцѣ подковы: она становится магнитомъ, и, смотря по силѣ току, съ большею или меньшею силою сопротивляется удаленію притянутой ею пластинки. Разновѣски, полагаемые въ чашку, служатъ мѣрою этой притягательной силы. Главное условіе, для общности снаряда: нужно принять постоянные размѣры для подковы и проволоки, предполагая à priori одинаковость желѣза во всѣхъ подобныхъ снарядѣхъ. Это предположеніе, конечно, произвольно, но вѣдь и принять какую-нибудь силу постоянного магнита за единицу было бы тоже дѣйствовать на-угадъ.

Изобрѣтатель чувствуетъ самъ несовершенства своего снаряда, но онъ полагаетъ, что идея его можетъ пригодиться другимъ, которые извлекутъ изъ нея пользу для науки.

КОЛИЧЕСТВО КОФЕ СОВИРАЕМАГО ЕЖЕГОДНО НА ВСЕЙ ЗЕМЛѢ. Вотъ, по показанію одного англійскаго журнала, весь годичный сборъ кофе въ разныхъ странахъ свѣта. Въ 1843 году въ Бразиліи собрано 110,000,000 англійскихъ фунтовъ; на Явѣ 140,000,000; Санъ-Доминго 38,000,000; въ Порто-Рико и Гваляръ 36,000,000

въ англійской Вестъ-Индіи, 10,000,000; на Цейланѣ, 7,000,000; въ англійской Индіи и Мокѣ, 6,000,000; въ голландской Индіи, 3,000,000; во французскихъ колоніяхъ 4,000,000: всего 459,000,000 англійскихъ фунтовъ, или 12,650,000 русскихъ пудовъ. Полагая народонаселеніе всего Земнаго Шара въ 1,000,000,000 душъ и исключивъ изъ этого числа возрасты, неспособные къ употребленію раздражительныхъ веществъ, дикія племена, которымъ бѣдность не позволяетъ этой роскоши, и народы, преданные исключительно чаю и составляющіе слишкомъ половину всего роду человѣческаго, найдемъ, что уже и въ настоящее время земля производитъ болѣе нежели по 4 фунта кофе на человѣка.

КОЛИЧЕСТВО И СИЛА ВОДЫ ВЪ НІАГАРСКОМЪ ВОДОПАДѢ. Въ *American journal of sciences*, господинъ Allen представляетъ снятые имъ со всею тщательностью размѣры русла Ніагары у самаго водопада, и основанные на нихъ вычеты о количествѣ воды, падающей съ утесовъ въ пропасть. По этимъ вычетамъ, Ніагара изливаетъ 22,440,000 кубическихъ футовъ, или около 40,000,000 пуд. воды въ минуту. Эта масса воды равна страшному итогу 4,533,334 паровыхъ лошадиныхъ силъ, принимая, по Ватту и Больтону, за мѣру лошадиной силы, такую силу, которая можетъ поднять 33,000 англійскихъ фунтовъ (910 пудъ) воды на одинъ футъ вышины въ одну минуту времени. Силу всѣхъ паровыхъ машинъ Великобританіи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ можно опредѣлить въ 500,000 лошадиныхъ силъ: такимъ образомъ, ніагарскій водопадъ будетъ почти въ десять разъ сильнѣе всего пару, примѣняемаго человѣкомъ къ промышленности, и если разчесть, что машины и люди могутъ дѣйствовать только десять часовъ въ сутки, а рѣка льется безостановочно, то безъ преувеличенія можно сказать, что одно это паденіе воды, одна эта игрушка могущественной природы, представляетъ силу, равную силѣ всего роду человѣческаго, считая тутъ же наши вспомогательныя средства, домашній скотъ, машины и орудія.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНДІЯ. *Пондичері. Вильпуръ. Тресн-*

скаре. (Изъ известій французскаго посольства въ Китай.)
 «Въ полночь стали мы на якорь въ Пондишері. Сообщеніе рейда съ землею затруднительно. Вдоль всего берега тянется большая мель, гдѣ море, часто спокойное на глубинахъ, безпрерывно хлещетъ, нагоняя высокія волны, но три вдругъ. Обыкновенная лодка неизбежно разобьется въ этомъ бурюнь. Оттого здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ, для сообщенія съ землею употребляютъ челны, нарочно устроенные такъ, чтобы могли проходить между трехъ волнъ. Я сѣлъ въ шеллигу, какъ называютъ челны для прохода по пондишерійскому прибою. На ней было осемь гребцовъ, Иддѣйцевъ, которые уже сами по себѣ составляли предметъ, достойный любопытства. Прежде всего пришло мнѣ на мысль, въ какомъ странномъ положеніи должна быть пріѣзжая въ колонію европейская женщина, когда впервые сядетъ въ такую шеллигу. Передъ нею лицомъ къ лицу сидятъ осемь дюжихъ ребятъ, голыхъ какъ черви, за исключеніемъ небольшого лоскута, который поддерживается пояснымъ шнуркомъ.

«Надобно послушать, какъ эти дикари кричатъ, какъ распѣвають, измѣняя напѣвы смотря по состоянію неба и моря, по дурной или хорошей погодѣ. Когда доплываешь до прибою, крикъ ихъ удваивается, пѣніе становится торопливнымъ, порывистымъ. Глядя на ихъ безпокойство считаешь себя уже погибающимъ, и когда третій валъ подниметъ ладью и выброситъ на берегъ, когда въ ту же минуту на носу ея появятся кресла, на которыхъ выносятъ васъ съ сухими ногами на землю, вамъ кажется, что васъ вырвали изъ самой середины клокочущаго буруна; вы сами не знаете, какъ очутитесь въ толгѣ новыхъ крикуновъ, носильщиковъ и добашей, которые наперерывъ предлагаютъ вамъ паланкинъ, гостиницу, и тому подобное.

«Странная порода эти добаша! Пріѣхавъ въ Индію, вы не можете обойтись безъ нихъ. Какъ-скоро вы явились, они съ перваго взгляду угадываютъ, что вы иностранецъ и васъ окружаетъ два три десятка добашей, изъ которыхъ каждый имѣетъ множество аттестатовъ, подтверждающихъ

его неизмѣриму честность, неистощимое усердіе, и про-чая, и прочая, однимъ словомъ, всѣ болѣе или менѣе вс-днкопѣнныя качества, какими можетъ обладать слуга. Лучше всего, кажется, взять перваго, какой попадется, да удачу. Съ той минуты, какъ выборъ вашъ слѣланъ, всѣ другіе удаляются безъ малѣйшаго ропоту, а избран-ный становится вашимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, кото-рымъ можете располагать, какъ угодно: нѣтъ труда, на которъ бы не хватило его усердія. Безъ него вы не мо-жете ничего купить, ни даже одной сигары. Онъ стака-вается съ продавцомъ, это вѣрно. Но попробуйте обойтись безъ добаши и исполнять свои комиссіи сами, увидите, удастся ли вамъ справиться съ разнѣномъ, съ мѣстной монетой, со способомъ считанья, съ поговоркамъ и услов-ками торговца, не заплативъ по-крайней-мѣрѣ вдвое про-тивъ обыкновеннаго. Добаши слѣдуетъ за вами какъ тѣнь ваша и никогда слово это не употреблялось точнѣе. Вы вече-ромъ воротитесь домой, думаете, что вы одни, захотите подышать свѣжимъ воздухомъ, который проходитъ сквозь жалюзіи, задумаете раздѣться: одинъ рукавъ уже снятъ; вы еще протягиваете руку къ другому, а одежда уже исчезла съ плечъ, какъ будто отъ волшебства. Вы оглядываетесь: позади, у ногъ вашихъ свернулось темное существо, ко-торое располагается тащить съ васъ сапоги. Это вашъ до-баши. Какъ онъ очутился въ запертой комнатѣ? изъ зем-ли что ли вышелъ? Неизвѣстно, но онъ тутъ. Онъ тот-часъ спроситъ васъ не угодно ли вамъ будетъ *мамзель* въ постель. Вы съ изумленіемъ таращите глаза.... Предло-женное уже готово.... Небольшая продолговатая соломен-ная подушка важно кладется вдоль по серединѣ постели; она назначается для отдѣленія одной ноги отъ дру-гой для того, чтобы такимъ образомъ, поддержать сво-бодное теченіе воздуху. Эта *мамзель* — изобрѣтеніе очень замысловатое и необходимое въ странѣ, гдѣ почти почти столь же знойны какъ и дни.

«Въ Пондишері пѣшкомъ не ходятъ и верхомъ не ѣз-дятъ: обыкновеннымъ средствомъ къ перемѣщенію слу-жить паланкинъ. Это небольшой кузовъ на носилкахъ, въ которомъ можетъ помѣститься одинъ человѣкъ, сидя или

лежа, какъ угодно. Несутъ его четыре Индѣйца. А когда нужно отправиться далеко, берутъ съ собой человекѣ двѣнадцать для смѣны. Мы сначала отправились смотрѣть пагоду въ Вильпурѣ, въ двухъ миляхъ отъ Пондишерѣ. Это прекраснѣйшая пагода во всей Индіи. Я не въ-состояніи описать вамъ всей массы скульптурной работы, колоннадъ, статуй боговъ и богинь, странныхъ животныхъ, барельефовъ, которыми украшены стѣны и въ-особенности огромныя пирамидальныя ворота. Когда мы все осмотрѣли, насъ спросили, не угодно ли намъ принять привѣтствія жрецовъ пагоды,—старинный обычай, который никогда не упускается при посѣщеніяхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ иностранцевъ.

«Причетъ пагоды состоитъ изъ браминовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и баядерокъ. Когда мы усѣлись въ креслахъ, приготовленныхъ для насъ въ преддверіи, храмъ отворился и брамины вышли, при звукахъ барабановъ и флейтъ, окруженные толпой баядерокъ. Баядерки подошли къ намъ, надавали намъ огромныхъ пучковъ цвѣтовъ и опутали насъ гирляндами, въ которыхъ мы должны были остаться въпродолженіи всей церемоніи. Потомъ онѣ начали пляску. Нѣкоторыя изъ нихъ были довольно хороши. Черныя, блестящія волосы ихъ, заплетенныя въ косы, падаютъ ниже поясу и оканчиваются пучками бахромы; на затылкѣ кокетливо помѣщается небольшой золотой колпачокъ; уши и носы вытягиваются отъ грузу колець съ напизанными на нихъ побрякушками; на пальцахъ ногъ надѣты тоже серебряныя кольца, а на лодыжкахъ большія запястья. Одежду ихъ составляютъ панталоны изъ легкой бѣлой ткани съ широкими красными полосами; узенькая кофточка обнимаетъ плеча и, застегиваясь фермоаромъ по серединѣ груди, закрываетъ ее всю. Остальныя части тѣла обнажены. Но баядерки драпируются широкимъ шарфомъ изъ бѣлой кисеи съ красными коймами, который совершенно окутываетъ ихъ граціозными складками. Танецъ ихъ состоитъ въ пантомимѣ сопровождаемой страстными взглядами и довольно соблазнительными жестами. Онѣ, какъ кажется, больше декламируютъ нежели пляшутъ. Ноги едва двигаются; дѣйствуютъ однѣ руки, станъ и голова.

Иляска сопровождается пѣніемъ, которое обыкновенно импровизируется. Вообще у баядерокъ нѣтъ недостатку въ граціозности и выразительности.

«На небольшомъ разстояніи отъ пагоды находится широкой водоемъ, окруженный галереями и красивыми бесѣдками, для омовеній браминовъ и баядерокъ. Намъ показывали также большую колесницу бога Вишну. Она вышиною футовъ въ пятьдесятъ и вся покрыта скульптурными изображеніями самыхъ нескромныхъ предметовъ. Многіе барельефы достойны Аретина. Когда, въ большіе праздники, идола возятъ по окрестностямъ, въ колесницу эту впрягаются семь или осемь сотъ человѣкъ, такъ она тяжела. Она утверждена на осьми огромныхъ колесахъ, ношъ которыя верѣдко кладаются фанатики, желающіе удостоиться смерти праведника.

«Изъ Вильпура мы отправились въ одиннадцать часовъ вечера въ Тревискаре, въ пяти миляхъ отъ Пондичері, въ англійской Индіи. Намъ было семеро, слѣдовательно понадобилось семь паланкиновъ и, по продолжительности пути, по десяти человѣкъ носильщиковъ на каждую. Съ сумерекъ паланкины собрались на дворѣ правителя и семьдесятъ Индѣйцевъ расположились спать, кому гдѣ удалось укрѣпиться. Въ минуту отправленія пробужденіе этой толны нагихъ людей было очень оригинально: кто протираетъ глаза, кто зѣвалъ и потягивался, кто оправлялъ поносъ или чалму. Мало-по-мало очнувшись, они начали кричать, толкаться, спорить и въ часть времени наконецъ раздѣлились на семь отрядовъ; факелы засвѣтились и мы отправились въ путь. Европейецъ, встрѣтивъ нашъ караванъ на большой дорогѣ, конечно, принялъ бы насъ за полчище демоновъ. Всячіе экипажи наши, несомые босоножими дикарями, мчатся безъ топоту, безъ стуку колесъ; и по обѣимъ сторонамъ бѣгутъ цѣпи факельщиковъ съ пылающими свѣточами; носильщики ободряютъ себя пѣніемъ. Все это посреди темной ночи, на пустынной дорогѣ, конечно, можетъ произвести эффектъ шабаша вѣдьмъ и колдуновъ.

«На разсвѣтѣ мы прибыли въ Тревискаре, гдѣ насъ приняли въ обширныхъ палаткахъ, съ вечера приготовленныхъ

не привезено губернатору. Тутъ вѣсь ожидали телеграфъ и большой запасъ провизіи. Въ Индіи вначѣ нельзя путешествовать; надобно всегда впередъ посылать и пакеты и обѣдъ: нето негдѣ будетъ голову приклонить и нечего на зубъ положить. Индѣйцы питаются однимъ рисомъ, а живутъ въ жалкихъ палатахъ. Главною цѣлью нашего путешествія было осмотрѣть окаменѣлый лѣсъ, находящійся въ одной милѣ отъ Тревискаре. Здѣсь съ мило пространства проходишь по красноватой почвѣ, изрытой и изрѣзанной оврагами. Мѣстами лежатъ огромные стволы деревьевъ съ вывороченными корнями, съ коркою, съ вѣтвями до половины засыпанными, и все это, стволы, кора сучья и корни—окаменѣло.

«Тревискарская пагода—одна изъ древнѣйшихъ въ Индіи: счету нѣтъ статуямъ, барельефамъ, колоннамъ, нишамъ, богамъ, богинямъ, слонамъ, быкамъ и разнымъ животнымъ, каменнымъ и деревяннымъ, которые населяютъ обширные дворы этой пагоды. Время построения ея теряется во мракѣ времени. Зато нынче она представляетъ только груду развалинъ, однако жъ въ ней живутъ и баядерки, которыхъ привѣтствіе мы также принуждены были принять. Сидя на диванахъ, въ палаткѣ, убранные цвѣтами, мы присутствовали при пляскѣ граціозныхъ жриць. Мы сидѣли, какъ настоящіе паши, окруженные одалыками, но намъ позволялось только смотрѣть: брамины—ревнивые владѣльцы и повелители баядерокъ при своихъ храмахъ.

«Когда настала ночь, мы опять пошли посмотрѣть окаменѣлый лѣсъ при свѣтѣ факеловъ. Въ девять часовъ собрались въ обратный путь. Покуда готовили паланкины, я воротился къ пагодѣ. Меня привлекъ звукъ бубенъ, которымъ всегда возвѣщается религіозный обрядъ. Я прошелъ первый дворъ, не встрѣтивъ никого. На послѣднемъ странное зрѣлище представилось глазамъ моимъ. Храмъ былъ открытъ; между колоннъ, кое-гдѣ мерцали свѣтильники и отражаясь на истуканахъ, какъ-будто оживляли ихъ. Дунеть вѣтерокъ; пламя свѣтильника заволнуется; свѣтъ переменить направленіе и, глядишь, гдѣ-нибудь окриленный конь какъ-будто потрясаетъ гривой,

или слонъ подымаетъ хоботъ, или каменное божество выдѣзаетъ изъ своей ниши. Въ самой мрачной части раздавалась музыка, отчаянно разноголосая. На первомъ планѣ группа браминовъ, свернувшихся въ клубокъ, пѣла гимны; нѣсколько баядерокъ, окутанныхъ бѣлыми шарфами, мелькали назадъ и впередъ какъ призраки надъ гробами въ «Робертѣ». Луна блѣдными лучами своими пронизывала сквозную рѣзбу большихъ воротъ, которыхъ черная пирамида таинственно рисовалась на темно-синемъ небѣ. Эти развалины, странныя статуи, жрецы, пѣніе, адская музыка, все это вмѣстѣ составляло поразительное, фантастическое цѣлое. Я вообразилъ себѣ путешественника, который заблудился въ вѣковыхъ лѣсахъ Америки и вдругъ очутился посреди друндовъ, исполняющихъ свои мистическіе обряды. Только, вѣроятно, бѣдный путешественникъ не ушелъ бы въ такой цѣлости, какъ я. Хотя я пробрался украдкой, однако жъ луна помѣшала мнѣ: добрые брамины только уставили на меня глаза и прекратили пѣніе, которое началось опять не прежде моего ухода, но ни одинъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста. Индусы представляютъ, быть-можетъ, единственный примѣръ народа, у котораго самый отчаянный фанатизмъ соединяется съ самою полною вѣротерпимостью.

«Мы прибыли въ Пондишеръ до крайности утомленные. Въ палаткѣ спать довольно неудобно. Впродолженіи пути случаются частыя тряскія остановки, отъ которыхъ пробуждаешься весьма неприятно. Я былъ почти истолченъ въ порошокъ».

ФРЕДЕРИКЪ ВАРРОЧИ И ФІОРЕСКО. Въ 1555 году, нѣсколько молодыхъ художниковъ копировали въ одной изъ залъ Ватикана безсмертныя фрески, украшающія дворецъ церковнаго владыки; несмотря на важность этого занятія, оно не мѣшало молодымъ людямъ весело разговаривать, и только одинъ между ними былъ задумчивъ и молчаливъ; онъ не могъ, подобно другимъ, предаваться той легкой веселости, главный источникъ которой заключается въ безнечности ума, потому что вся жизнь его была наполнена двумя могущественными чувствами, — любовью къ роднымъ своимъ и страстью къ искусству.

Товарищи не понимали его.

Фредерикъ Баррочи былъ кроткаго, робкаго нраву; онъ понималъ всѣ красоты идеальнаго, но мало разсуждалъ о нихъ. Онъ постигалъ все величіе божественныхъ типовъ, которыхъ никакая кисть не можетъ передать и поэтому самому былъ остороженъ въ выборѣ сюжетовъ. Товарищи его пазывали эту осторожность посредственностью. Они принимали его за одного изъ тѣхъ безталантныхъ художниковъ, которыхъ обстоятельства или родные направили на ложный путь и онъ, по мнѣнію ихъ, долженъ былъ пройти этотъ путь, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Только двое изъ этихъ молодыхъ живописцевъ не раздѣляли общаго заблужденія; они были друзья Баррочи и умѣли цѣнить его достоинство. Но первый, Цуккери, былъ беспеченъ и мало заботился объ общемъ мнѣніи; другой, Фіореско, не оспаривалъ мнѣній товарищей насчетъ скромнаго Баррочи, потому что завидовалъ ему: Фредерикъ нацѣлъ въ кардиналъ Ровере ревностнаго и великодушнаго покровителя, между тѣмъ-какъ ничто не удовлетворяло честолюбія Фіореско.

— Добрыя вѣсти, друзья, сказала Леонтіо, входя въ залу и размахивая, въ знакъ радости, шляпой.

— Что такое? спросило нѣсколько голосовъ.

— Микель-Анджело у папы и отъ него зайдетъ къ намъ.

При этомъ извѣстїи наступило почтительное молчаніе.

Четверть часа спустя вошелъ Микель-Анджело. Молодые люди встали и почтительно поклонились знаменитому художнику.

Микель-Анджело постепенно подходилъ ко всѣмъ мольбертамъ и съ благосклоннымъ вниманіемъ генія осматривалъ копїи молодыхъ людей. Однихъ онъ одобрялъ, другимъ давалъ драгоценныя наставленія, всѣхъ поощрялъ. Каждое слово великаго человѣка было принято съ религіознымъ вниманіемъ. Находясь въ отдаленнѣйшемъ углу залы, Фредерикъ съ болезнїю ожидалъ приближенія Микель-Анджело, который, будучи окруженъ молодыми ху-

дожниками, замѣтилъ Барроччя только въ ту минуту, когда готовился уже удалиться изъ залы. Онъ воротился и пошелъ къ робкому артисту, который съ стѣсненнымъ сердцемъ, не осмѣливался просить одобрительнаго взгляда великаго мастера.

Микель-Анджело сказалъ Фредерикю нѣсколько ласковыхъ словъ и, наклонившись къ картинѣ его, смотрѣлъ на нее съ довольнымъ видомъ.

— Хорошо! очень хорошо! сказалъ онъ протянувъ руку къ скромному художнику.

Послѣдній поцѣловалъ руку, создавшую столько мастерскихъ произведеній.

— Ваша будущность прекрасна, прибавилъ Микель-Анджело, полюбовавшись еще копіей. Потомъ онъ освѣдомился о родинѣ Фредерика и объ учителѣ его.

— Я родился въ Урбино, и первымъ учителемъ моимъ былъ Баттиста Венеціано.

Микель-Анджело еще разъ похвалилъ рисунокъ, колоритъ молодаго живописца, воздушную перспективу и гармонію картины; потомъ прибавилъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ драпировокъ, посоветовавъ рѣшительнѣе, смѣлѣе обрисовывать контуры, и кончилъ новыми похвалами.

Товарищи Фредерика, исключая Цуккери, слушали съ изумленіемъ и досадою похвалы, которыми осыпалъ его Микель-Анджело и въ первый разъ, внимательнѣе посмотрѣвъ на работу скромнаго молодаго человѣка, открыли въ ней нѣкоторыя достоинства и красоты.

Послѣ ухода Микель-Анджело, всѣ стали поздравлять Фредерика; но въ поздравленіяхъ этихъ была иронія, на которую молодой художникъ не хотѣлъ обращать вниманіе, потому во-первыхъ, что онъ былъ добръ и кротокъ, а во-вторыхъ, потому что радость, наполнявшая сердце его, удаляла всякое непріятное ощущеніе. Фіореско не могъ даже притворно похвалить счастливаго товарища; съ блѣднымъ лицомъ, мрачнымъ взоромъ и съ дурными страстями въ душѣ, сѣлъ онъ за свою работу.

Три дня спустя, кардиналъ Ровере посѣтилъ мастерскую. Микель-Анджело уже сообщилъ ему свое мнѣніе насчетъ таланта Барроччи и кардиналъ, радуясь, что великій

художникъ одобрялъ покровительство, которое онъ оказывалъ Фредерику, рѣшился предложить послѣдному квартиру въ своемъ дворцѣ, болѣе близкомъ къ Ватикану, нежели домъ, гдѣ Баррочи жилъ съ Цуккери и Фіореско. Фредерикъ сначала отказывался изъ скромности, но наконецъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію кардинала и принялъ его милостивое предложеніе.

Въ то самое время, когда молодіе художники, окончивъ работу, хотѣли разойтись, Фіореско остановилъ ихъ. Лицо его было не такъ мрачно, какъ обыкновенно.

— Друзья, сказалъ онъ, прежде нежели Фредерикъ оставитъ веселое жилище артистовъ, мы должны поспрашивать, чтобы пріятное воспоминаніе, которое онъ унесетъ, разставаясь съ нами, заставило его опять воротиться когда-нибудь къ намъ. Приглашаю васъ всѣхъ завтра на вечеръ.

— Будемъ! будемъ! отвѣчали всѣ живописцы.

Фредерикъ пожалъ руку Фіореско: этотъ знакъ дружбы тронулъ и обрадовалъ его.

Разныя вина наполняли кубки веселькъ гостей Фіореско, шумный говоръ ихъ нарушалъ покой сосѣдей, которые тишею требовали восстановленія тишины въ поздніе часы ночи. Фредерикъ изъ благодарности принуждалъ себя къ веселости; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не бѣжать отъ шумныхъ и безпорядочныхъ удовольствій, которымъ предавались его товарищи.

Фіореско былъ блѣденъ; онъ находился въ сильномъ волненіи. По временамъ, какъ-бы стараясь забытья, онъ говорилъ громкимъ голосомъ, и мрачная улыбка выступала на уста его.

Подали десертное вино. Слуга принесъ бутылку, которую показалъ ему Фіореско.

— За будущую славу Фредерика! вскричалъ Фіореско, наливая вино въ кубокъ Баррочи, который сидѣлъ подлѣ него; потомъ обратился къ другому своему сосѣду.... но бутылка выскользнула изъ руки его и упавъ на полъ, разбилась. Художники громко засмѣялись надъ его неловкостью.

— Скорѣй! другую бутылку! вскричалъ Фіореско.

Другія бутылки были кринтесены и всѣ кубки наволились....

Ночь проходила, звѣзды начинали блѣднѣть на небѣ и отдаленный полу-свѣтъ предвѣщалъ появленіе солнца.

Фредерикъ былъ задумчивъ; его тревожило какое-то странное, болѣзненное чувство. Внутренность его горѣла, сердце сжалось, дыханіе было стѣснено и кровь, съ силою бросался въ голову, производила въ ушахъ нестерпимый шумъ и покрывала глаза темною пеленою.... онъ молча боролся съ страннымъ и внезапнымъ недугомъ, не желая нарушить радости товарищей.

Однако жъ страданія его ежеминутно усиливались; онъ хотѣлъ встать, чтобы подойти къ окну, освѣжиться, но не могъ подняться со стула и невольно вскрикнулъ:

— Боже мой! какъ я страдаю!

Всѣ взоры обратились на него. Холодный потъ выступилъ на лбу Фредерика, губы его поблѣднѣли, зубы стучали какъ въ ликораакѣ.

— Чтѣ съ тобою? спросили товарищи и съ ними Фиореско.

— О! дайте мнѣ холодной воды.... Грудь моя въ огнѣ.....

И блуждающій взоръ его искалъ прохладительнаго напитка. Фиореско подалъ ему кубокъ съ свѣжей водою; Баррочи отклонилъ его рукою и сказалъ Цуккери:

— Другъ, проводи меня до колодца.

Цуккери и Леонтио взяли его подъ руки и помогли ему выйти изъ комнаты; но они не успѣли дойти до колодца, какъ съ Фредерикомъ сдѣлались ужасныя конвульси.

— Бѣги за докторомъ! сказалъ Цуккери Леонтио: расскажи ему въ какомъ состояніи Фредерикъ и приведи его сюда.

Леонтио побѣжалъ.

Прійдя въ себя, Фредерикъ увидѣлъ друга, который со страхомъ и больною смотрѣлъ на него.

— Цуккери, сказалъ онъ: я отравленъ.

— Отравленъ! вскричалъ Цуккери съ ужасомъ: отравленъ! но ибѣтъ?

— Говори тише.... сказалъ возмущенный Фредерикъ.

Ужасная боль заставила его замолчать.

Леонтио воротился съ докторомъ, который посовѣтовалъ перенести Баррочи въ его комнату и далъ ему успокоительное лекарство. Комната вскорѣ наполнилась молодыми художниками, между которыми распространилась вѣсть объ отравленіи. Новыя конвульсіи овладѣли Фредерикомъ. Докторъ просилъ всѣхъ удалиться, исключая Леонтио и Цуккери, которые заботливо ухаживали за больнымъ. Послѣдній приказалъ пригласить еще нѣсколькихъ докторовъ и увѣдомить кардинала Ровере; тотъ немедленно прислалъ за больнымъ носилки.

Фредерикъ былъ перенесенъ въ палаццо кардинала, куда за нимъ послѣдовалъ Цуккери, не отходившій отъ постели больного друга.

Послѣ двадцати шести дней невыразимыхъ страданій, больной сталъ поправляться и въ двадцать-осьмой день доктора поручились въ выздоровленіи его.

Въ тотъ же самый день, когда Баррочи былъ перенесенъ къ покровителю своему, кардиналъ приказалъ подать жалобу на Фіореско. Полицейскимъ чиновникамъ было приказано арестовать его — но виновный исчезъ и всѣ поиски были тщетны.

Баррочи поправлялся медленно. Во все время болѣзни его, кардиналъ оказывалъ ему отеческія попеченія. Дружба, соединявшая Фредерика съ Цуккери, еще болѣе укрѣпилась.

Узнавъ о несчастіи, случившемся съ Фредерикомъ, отецъ и сестры его, жившіе въ Урбинно, были крайне огорчены. Старикъ отецъ былъ боленъ и не могъ ѣхать въ Римъ; но старшая сестра отправилась туда, при первомъ извѣстіи о бѣдствіи, постигшемъ брата и если горестъ ея была велика при видѣ страданій брата, то, съ другой стороны, она почувствовала большое утѣшеніе, видя съ какою заботливостью за нимъ ухаживали и какое трогательное участіе оказывалъ ему кардиналъ.

Фредерикъ былъ спасенъ отъ смерти, но не могъ совершенно вылечиться. Жизненные его органы были слишкомъ сильно разстроены, такъ что онъ потерялъ всякую надежду воротить здоровье и прежнюю силу, на которой

основывалъ всю будущность своего дарованія. Постоянная, ничѣмъ неизгладимая блѣдность, впалость щекъ и періодическіе припадки, возобновлявшіе прежнія страданія, свидѣтельствовали о разстройствѣ, которое произвелъ въ немъ ядъ. Всякое трудное занятіе было воспрещено Баррочи, и мысль его, не будучи болѣе въ состояніи проявиться въ искусствѣ, или распространиться въ дѣятельной жизни, затаялась въ опечаленной душѣ его, подобно могильному свѣточу.

Въ этомъ болѣзненномъ состояніи, которому онъ не видѣлъ конца, Фредерикъ, основываясь на религіозномъ чувствѣ, не проклиналъ того, чья ненавистная зависть лишила его сладостныхъ наслажденій искусства, невыразимаго блаженства молодости. Онъ покорился судьбѣ своей и простилъ врагамъ, по примѣру Спасителя. Однако жъ бездѣйствіе, повергавшее его въ безпрестанное уныніе, терзало его; ему казалось, что теперь онъ не имѣетъ болѣе права пользоваться милостями кардинала, за котораго онъ уже не могъ заплатить своими трудами, слава которыхъ могла бы отразиться и на томъ, кто покровительствовалъ ему. Противъ воли кардинала, онъ рѣшился воротиться въ Урбино, къ роднымъ своимъ, надѣясь что воздухъ родимой стороны и сердечная привязанность родныхъ совершенно поправятъ его здоровье.

Онъ ошибся; ничто не уничтожило слабости и страданій, въ которыхъ проходили лучшіе годы его жизни. Въ этомъ невольномъ отдохновеніи и физическомъ бездѣйствіи, онъ однако жъ жилъ мыслью, воображеніемъ и умомъ. Для него искусство не было дѣломъ сравненія и подражанія; это было изученіе истины, вдохновеніе свыше.

Въ одинъ изъ долгихъ часовъ мечтаній и размышленій, находясь подъ могущественнымъ вліяніемъ христіанскихъ чувствованій, онъ мысленно сочинилъ планъ картины, которая должна была открыть ему путь къ славѣ и поставить его на ряду съ великими мастерами. Картина эта извѣстна подъ именемъ «Прощенія».

Прошло шесть лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ преступленіе Фіореско остановило ходъ занятій, разстроило здоровье и жизнь Фредерика. Припадки, о которыхъ мы говорили,

бывали такъ же мучительны, такъ же сильны, какъ прежде, за ними слѣдовало столь же продолжительное расслабленіе, такое же мрачное уныніе, но они возвращались гораздо рѣже. Эта причина и въ-особенности, непреодолимое желаніе привести въ исполненіе мысль, задуманную съ такою любовью, заставили Фредерика приняться опять за кисти. Сначала онъ могъ посвящать труду только отдѣльныя минуты, но мало-по-малу, эти минуты превратились въ часы. Когда сильныя страданія овладѣвали имъ и преодолевали терпѣливость его, онъ прерывалъ работу и отдыхалъ, пока новое облегченіе позволяло ему опять приняться за нее. Въ эти минуты, Фелиппа не отходила отъ брата, читая ему безсмертныя творенія Данте.

Семь лѣтъ трудился онъ надъ своей картиной. Въ это время счастье улыбнулось ему. Кардиналъ Ровере назначилъ ему пенсію, чтобы дать средство спокойно заниматься, не утруждая себя. Джованни Удинскій, ученикъ Рафаэля, находившійся въ милости у знатныхъ, навѣстилъ Фредерика, когда тотъ занимался картиной своей и такъ былъ восхищенъ, что рѣшился поговорить объ ней герцогу урбинскому, любителю и покровителю художествъ.

Герцогъ посѣтилъ Баррочи, достойно оцѣнилъ талантъ его и за весьма значительную сумму купилъ картину «Прощеніе», которую хотѣлъ пожертвовать въ церковь святаго Франциска. Сверхъ-того онъ назначилъ живописцу пенсію и пригласилъ его жить въ своемъ дворцѣ.

Фелиппа, старшая сестра Баррочи, отказалась отъ замужства, чтобы вполне предаться попеченіямъ о страдалицѣ; Фредерикъ не захотѣлъ разстаться съ нею; герцогъ позволилъ и ей поселиться во дворцѣ. Старый отецъ нѣмъ скончался, а другія сестры были всѣ замужемъ.

Заслуженныя милости, которыми пользовался Фредерикъ, сдѣлали его еще великодушнѣе и сострадательнѣе къ товарищамъ по искусству, не имѣвшимъ ни таланта его, ни счастья. Кошелекъ его былъ открытъ всѣмъ нуждающимся и ежедневно увеличивавшееся расположеніе къ нему герцога и знатныхъ особъ, было часто употребляемо Фредерикомъ въ пользу другихъ. Благородстве характера его, чистота нравовъ, искренная и просвѣщенная религіоз-

ность, увеличивали уваженіе, которое всѣ являли къ таланту Баррочи и жизнь его была бы не только славна, но и счастлива, если бы его не мучили частыя страданія.

Народъ толпился въ церкви святаго Франциска; паперты ея была покрыта путешественниками и богомольцами, которые отправлялись въ Римъ, на праздникъ святой Пасхи и остановились въ Урбино въ Вербное Воскресенье. Дѣти предлагали идущимъ въ храмъ, вербы.

Ни одно облако не омрачало ясной лазури неба и благотворные лучи весенняго солнца освѣщали и согрѣвали землю. Священные гимны раздавались подъ сводами храма, свѣчи блѣднѣли при блестящемъ свѣтѣ, пробивавшемся сквозь цвѣтныя окна и окрашивавшемъ яркими отливками алтарь и благоговѣйную толпу.

По временамъ разсѣянные взоры обращались къ хорамъ, гдѣ висѣла картина Баррочи или же къ астрадѣ, гдѣ, возлѣ герцога, стояло изъ рѣзнаго золота, мастерское произведение, работы дѣда Фредерика. Многіе изъ предковъ живописца были извѣстны, какъ отличные рѣшники, скульпторы или математики; но слава ихъ затмилась передъ славой Фредерика, который умѣлъ придавать произведеніямъ своимъ величественную и поэтическую печать религиозныхъ вѣрованій.

Послѣ церковнаго служенія, герцогъ вышелъ въ сопровожденіи духовенства. Нѣсколько артистовъ, пришедшихъ полюбоваться картиной Баррочи, дожидались его у портика церкви, съ вѣнкомъ изъ зеленыхъ вѣтвей. Фредерикъ шелъ въ свѣтѣ герцога, по обыкновенію своему, занимая послѣднее мѣсто.

Вѣнокъ былъ брошенъ и упалъ на рука Баррочи, который осматривался съ изумленіемъ, не подозревая, что этотъ вѣнокъ былъ назначенъ ему. Громкое вивать, слышанное съ именемъ его, открыло ему истину.

Герцогъ оглянулся и улыбался скромному смущенію Фредерика, который, какъ бы вдохновенный, положилъ вѣнокъ къ ногамъ своего высокаго покровителя. Герцогъ поднялъ вѣнокъ, возложилъ его на голову художника и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ сѣлъ возлѣ него въ

носилки. Фредерикъ повиновался.... толпа громко рукошескала.

Богомолецъ, стоявшій на колѣняхъ у церкви, былъ выведенъ изъ размышленій своихъ этой сценой. Борода и волосы его были въ беспорядкѣ; покраснѣвшіе и утомленные глаза свидѣтельствовали о множествѣ пролитыхъ слезъ. Этотъ путникъ подошелъ къ носилкамъ въ то самое время, какъ Баррочи хотѣлъ сѣсть въ нвхъ.

— Signor pittore, сказалъ онъ: гдѣ я могу видѣть васъ?

Фредерикъ вздрогнулъ при этомъ голосѣ, напоминавшемъ ему Фіореско; онъ пристально посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Въ герцогскомъ дворцѣ, спросите Баррочи....

Носилки удалились и незнакомецъ долго слѣдилъ за ними взоромъ; потомъ глаза его опустились, онъ сложилъ руки на груди и вошелъ въ церковь.

Около вечера онъ отправился во дворецъ герцога и спросилъ Баррочи. Слуги проводили его въ покои живописца, гдѣ была одна Фелиппа. Фредерикъ ужиналъ у своего повелителя.

Молодая дѣвушка приняла незнакомца съ лаской и почтительностью. Она предложила ему поужинать, но онъ отказался и просилъ только позволенія подождать Баррочи, сѣлъ въ темный уголъ комнаты и не говорилъ ни слова до возвращенія Фредерика, который пришелъ въ сопровожденіи двухъ слугъ со свѣчами.

Различныя ощущенія того дня утомили Баррочи и по уходѣ слугъ, онъ опустился въ кресло.

— Братъ, сказала ему Фелиппа: вотъ незнакомецъ, который уже болѣе часу ждетъ тебя.

— А, помню! отвѣчалъ Фредерикъ, съ усиленіемъ вставая: я общалъ ему сегодня принять его.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ медленно приближавшемуся богомольцу. Фелиппа поняла, что этотъ человекъ желалъ наединѣ поговорить съ ея братомъ, и удалилась.

Оставшись наединѣ съ Фредерикомъ, богомолецъ произнесъ голосомъ, который дрожалъ отъ сильнаго волненія:

— Узнаете ли вы меня?

Фредерикъ посмотрѣлъ на него пристально и отвѣчалъ:

— Вы — Фіореско.

Богомолецъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою и продолжалъ:

— Присутствіе мое изумляетъ васъ и, можетъ-быть, кажется вамъ дерзкимъ.

Баррочи отвѣчалъ спокойно:— Оно изумляетъ меня, но не кажется мнѣ дерзкимъ.

— Однако жъ вы должны ненавидѣть меня!

— Я молю каждый день Бога, чтобы Онъ простилъ мнѣ прегрѣшенія мои, какъ я самъ прощаю тѣмъ, которые обидѣли меня; слѣдовательно, вы видите, что я не могу считать къ вамъ ненависти.

— Да благословить васъ Небо, за эти утѣшительныя слова! Баррочи, тринадцать лѣтъ провелъ я въ слезахъ раскаянія, въ надеждѣ на ваше и Божіе прощеніе. Въ угрызеніяхъ совѣсти проводилъ я цѣлыя ночи у гроба Спасителя, куда я ходилъ пѣшкомъ, чтобы искупить ужасный, двойной грѣхъ свой—грѣхъ зависти и убійства! Тамъ я претерпѣлъ всѣ мученія грѣшника; справедливый гнѣвъ небесъ разразился надъ головою моею и наполнилъ дни и ночи мои неописаннымъ ужасомъ и страхомъ!... Я думалъ, что умертвилъ васъ и на каждомъ шагѣ преслѣдовала меня грозная тѣнь...

— Слѣдовательно, вы покинули Италію еще до выздоровленія моего? спросилъ Баррочи.

— Я скрылся при первомъ подозрѣніи товарищей, страшась, чтобы они не велѣли схватить меня. Ночью я шелъ, а днемъ скрывался въ лѣсахъ. Я жилъ подаяніемъ, терпѣлъ нужду, усталость, униженія всякаго рода, но все это ничто, въ сравненіи съ страданіями, терзавшими мое сердце!

— Несчастный! сказалъ Фредерикъ съ выраженіемъ грусти и состраданія: а какъ узнали вы, что я живъ?

— Мнѣ сказалъ одинъ болонскій живописецъ, который путешествовалъ по Востоку и съ которымъ я, случайно, сошелся въ Ерусалимѣ. Это извѣстіе обрадовало меня и возвратило душѣ моему нѣкоторое спокойствіе; тогда во мнѣ родилось желаніе испросить у васъ самихъ прощеніе и умереть на родинѣ.... Вчера я прибылъ въ Урбино, и нынче

утромъ пошелъ къ дому, гдѣ вы прежде жили, надѣясь найти васъ тамъ. Колокольный звонъ въ церкви святаго Франциска, призывавшій правовѣрныхъ къ молитвѣ, заставилъ меня идти въ ту сторону. Толпа наполняла церковь, я долженъ былъ остаться на площади, и отуда присутствовалъ при божественной службѣ. По окончаніи службы, толпа разсѣялась, я узналъ васъ въ свѣтѣ герцога. Ахъ! Баррочи, какъ велико могущество Того, который отклоняетъ удары злобныхъ!... Я хотѣлъ погубить васъ, занять ваше мѣсто; и что же? Вы славны, велики, всѣ выхваляютъ добродѣтели и дарованія ваши, а я, ничтожный, ни кѣмъ не замѣченный, былъ замѣщенъ въ толпѣ, рукоплескавшей вамъ. Воля Господа могущественна и пути его неисповѣдимы!

— Что же думаете теперь предпринять? спросилъ Баррочи.

— Я намѣренъ заключиться на остатокъ дней моихъ въ монастырь.

— Не дѣлайте этого, другъ мой. Тринадцать лѣтъ страданій, подобныхъ тѣмъ, которыя вы перенесли, изгладили вину, въ которой вы раскаиваетесь. И если по причинѣ этой вины вы не смѣете воротиться въ свѣтъ, то я беру на себя отклонить отъ васъ всякую опасность.

— Нѣтъ, я уже не принадлежу свѣту! Мѣсто мое въ домѣ размышленій и уединенія, гдѣ свидѣтелемъ и судьей мысли нашей—одинъ Богъ!

— Я не допущу, чтобы за меня вы пожертвовали герести остаткомъ вашей жизни, которая можетъ еще быть полезною вамъ самимъ и другимъ. У васъ былъ талантъ, Фиореско, и Господь, даровавшій вамъ его, потребуетъ у васъ отчету. Одно изъ лучшихъ служеній Всевышнему—стараніе изобразить искусствомъ творенія Его и Святыхъ, избранныхъ имъ. Если раскаяніе ваше искренно, то вы остаетесь у меня и дружбой вознаградите меня за ненависть, которую нѣкогда питали ко мнѣ. Я доставлю вамъ работу. Вы можете еще приобрести славу и богатства.

Фиореско, пораженный великодушіемъ Баррочи, долженъ былъ согласиться; съ-тѣхъ-поръ онъ не разставался съ добродѣтельнымъ живописцемъ и сталъ даже преданнымъ.

ннѣмъ другомъ, искреннѣйшимъ почитателемъ и ревностнѣйшимъ слугою ему. Онъ работалъ въ его же мастерской, и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ картинъ. Полагаютъ, что Баррочи исправлялъ рисунокъ ихъ и охотно помогалъ даже своей кистью тому, кто нѣкогда покусился на жизнь его. Многія изъ картинъ Фіореско приписываются теперь Фредерику Баррочи.

Фіореско жилъ у великодушнаго друга до самой своей смерти, и собралъ небольшое состояніе, которое завѣщалъ благодѣтелю своему. Баррочи употребилъ это наследство на богоугодныя дѣла, чтобы упрочить спасеніе души несчастнаго своего соперника, Годъ спустя послѣ поселенія Фіореско у Баррочи, этотъ былъ избранъ папой Пиемъ Четырнадцатымъ для расписанія картинными украшеніями, Бельведерскаго дворца. Онъ отправился въ Римъ и, испросивъ у папы позволеніе раздѣлить работу съ Цуккери, вмѣстѣ съ нимъ исполнилъ ее.

Окончивъ работу, онъ успѣшилъ воротиться въ Урбино; непрерывныя тѣлесныя страданія дѣлали ему драгоценными и необходимыми попеченія Фелиппы.

Другія произведенія, замѣчательныя не менѣе «Прощенія», упрочили извѣстность искуснаго художника. Нѣсколько государей дѣлали блистательныя предложенія, чтобы привлечь къ себѣ. но Баррочи, счастливый дружбой своего повелителя, пользуясь общимъ уваженіемъ и живя между людьми, платившими ему за благодѣянія искреннею признательностью, не хотѣлъ покидать родины.

Тихій, спокойный нравъ Баррочи, непоколебимая терпѣливость и неистощимое великодушіе, не измѣнились до послѣдней минуты его жизни. Казалось, онъ жилъ на свѣтѣ, только для того чтобы научить другихъ терпѣливо переносить страданія и помогать нуждающимся. Несмотря на болѣзнь свою, онъ работалъ до послѣдней минуты.... смерть застигла его за неоконченной картиной.

Ему было восемьдесятъ четыре года.

Великолѣбныя похороны послужили доказательствомъ уваженія къ нему герцога и любви согражданъ. На гробницѣ его, которую можно видѣть въ Урбино, въ церкви святаго Франциска, выставленъ 1612 годъ. Картины Бар-

рочи находятся въ Римѣ, Генуѣ, Перуджии, Свингалѣ. Въ Парижѣ, въ Луврѣ, есть знаменитая картина его, «Сидѣніе ео Креста», которую онъ написалъ во время сильнѣйшихъ страданій.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны въ серебро.)

- FISHER'S DRAWING ROOM SCRAP-BOOK, for 1845 by the author of «The Women of England.» Un magnifique, in-4., orné de 36 gravures sur acier elegantement relié, tranche doré, Londres (8 r.).
- THE JUVENILE SCRAP-BOOK, for 1845 by the author of «the Women of England» in-8., orné de 16 gravures sur acier, relié, doré sur tranche Londres (3 r.).
- MOEURS ALGÉRIENNES. Album composé de 20 caricatures, coloriées, in-4., cartonné, Paris, 1844.
- HISTOIRE DE LA BASTILLE DEPUIS SA FONDATION, 1374, jusqu'à sa destruction 1789, par M. M. Arnould, Alboize et Maquet, magnifique édition splendidement illustrée. 8 vol., gr. 8, Paris, 1844 (13 r. 70 c.).
- FABLES MORALES ET RELIGIEUSES, par Madame Caldelar. Un vol., gr. in-8., illustrée, par Lorsay, Paris, 1844 (2 r. 85 c.).
- ANNUAIRE HISTORIQUE UNIVERSEL, ou l'histoire politique pour 1843. Un gros vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 23 c.).
- TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE ET PRACTIQUE DE PATHOLOGIE INTERNE, par Grisolles, 2 vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 50 c.).
- REVOLUTION D'ANGLETERRE. Charles I, sa cour, son peuple et son parlement, 1630—1660. Histoire anecdotique et pittoresque, par Ph. Chasles. Un vol., gr. 8. orné de magnifiques gravures sur acier, et illustré de gravures sur bois, Paris, 1844 (4 r. 50 c.).
- MEMOIRES DE CHIRURGIE PRACTIQUE, comprenant la cataracte, l'iritis et les fractures du col du fémur, par le Docteur Pomard, in-8., avec 4 plan. Paris, 1844 (1 r. 15 c.).
- MEMOIRE SUR LA SITUATION POLITIQUE ET MILITAIRE DE L'EUROPE, par le comte Girardin. Un vol., 8, Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- MEMOIRE à CONSULTER SUR LES CHEMINS DE FER EN GÉNÉRAL et sur le système Jouffroy en particulier, in-4., Paris, 1844 (72 c.).
- ECONOMIE RURALE CONSIDÉRÉE DANS LES RAPPORTS avec la chimie, la physique et la météorologie, par Boussingault, 2 vol., 8 Paris, 1844 (4 r. 30 c.).

- ANUEL DE PETITE CHIRURGIE**, par Jamain. Un vol., in-12., Paris, 1844 (1 r.).
- ANUEL PRATIQUE DE PERCUSSION et d'Auscultation**, par le Docteur Andry. Un vol., 12 Paris, 1844 (1 r.).
- UFFON**. Histoire de ses travaux et de ses idées, par Flourens. Un vol., in-12., Paris, 1844 (85 c.).
- A REFORME EN ALLEMAGNE, 1521—1525**, poëme dramatique, par A. Robert. Un vol., 8, Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- TRAITÉ PRATIQUE DE PHOTOGRAPHIE. EXPOSÉ COMPLET DES PROCÉDÉS RELATIFS OU DAGUERRÉOTYPE**, par Gaudin. Un vol., 8, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).
- HISTOIRE DE L'ÉTABLISSEMENT DE LA RÉFORME à GENÈVE**, par Magnin. Un vol., gr. 8, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).
- HISTOIRE DU CONCILE DE TRENTE**, par le P. Sforza Pallavicini, 2 vol. in-4., à 2 colon, Paris, 1844 (4 r.).
- COLLECTION ORIENTALE. Le Bhagavata purâna, ou Histoire poétique de Krishna**. trad. et publié par E. Burnouf, 2 vol., in-folio, texte en regard, Paris, 1844, Imprimerie Royale (57 r.).
- HISTOIRE DE JÉRUSALEM, ou Explication du plan de Jérusalem et de ses faubourgs**, par l'Abbé Dupuis. Un vol., in-12, avec un atlas Bruxelles, 1844 (2 r. 50 c.).
- FORTIFICATION PERMANENTE. Défauts des fronts bastionnés en usage**, par J. Madelaine, in-8., Paris, 1844 (1 r. 15 c.).
- DES DANGERS QUI PEUVENT RÉSULTER DE L'EMPLOI DES ARMES à PERCUSSION DANS LES RÉGIMENTS D'INFANTERIE DE LIGNE**, par V. Vander-Broeck, in-8., Paris, 1844 (85 c.).
- ESSAI SUR LES CHEMINS DE FER CONSIDÉRÉS COMME LIGNES D'OPÉRATIONS MILITAIRES**, suivi d'un projet de système militaire de chemins de fer pour l'Allemagne, trad. de l'Allemand, par Unger, in-8., avec une carte Paris, 1844 (2 r. 30 c.).
- CONTES POPULAIRES DE ALLEMAGNE**, par le comte Corberon. T. 1-r, in-8., Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- LES JUIFS D'EUROPE ET DE PALESTINE, voyages de M. M. Keith, Black etc.**, trad. de l'Anglais. Un vol., 8., avec cartes, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).
- MEMOIRES SUR LES OPÉRATIONS MILITAIRES DES GÉNÉRAUX EN CHEF CUSTINE ET HOUCARD**, pendant les années 1792—1793, publié par le Baron Gay de Vernon. Un vol., 8, Paris, 1844 (1 r. 70 c.).
- NÉZIB ET BEYROUT. Souvenir d'Orient**, par le baron d'Armagnac. Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r.).

ROMANS.

LE CAPITAINE MANDRIN, par Clémence Robert, 2 vol., 18, Bruxelles 1844 (1 r. 40 c.).

T. LXVII. — Отд. VII.

1/24

FLEUR DES BOIS, ou les Peaux Rouges, par F. Cooper, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 LES ANNEAUX D'UNE CHAÎNE, par le Cie-te d'Arincourt, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 GÉRALDINE, par M-me Charles Reybaud, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 LA GUERRE DU NIZAM, par Méry, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 ESTHER, par H. de Balzac, 2 vol. (1 r. 40 c.).
 UNE FAMILLE CORSE, suivi de Histoire d'un mort, racontée par lui-même,
 par A. Dumas (70 c.).

MON AMI RIFFARD ET CHIPOLATA, par P. de Kock, 3 vol.
 DONA MARIANA, par M-me Chales Reybaud. Un vol., (50 c.).

Поступила въ продажу и раздается подписавшимся *девятая* книжка Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона, составляющая начало 3-го тома, все изданіе будетъ заключаться въ 24-хъ книжкахъ по 90 коп. сереб. за каждую.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова, комиссіонера Библиотекъ Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.)

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Піесы для скрипки, съ аккомпаниментомъ фортепіано.
 BAZZINI. Scène et Romance de la Lucrezia Borgia, de Donizetti, paraphrasée, op. 17, № 3 (1 r. 29 c.).
 LANNER. Die Rosensteiner-Walzer, op. 204 (83 c.).
 — Victoria-Quadrille, op. 207 (85 c.).
 LUBIN. Romance de l'opéra: Il Tornea, transcrite (83 c.).
 MOLIQUÉ. Morceau de Salon. Air russe varié, op. 19 (1 r. 29 c.).
 ПАНОВКА. Fantaisie-Caprice brillant sur l'air de Niobé, op. 47 (2 c.).
 SCHUBERT. 2 Nocturnes (Amour secret et Sérénade), op. 7 (1 r. 13 c.).
 SIVORI. La Génoise. 1 Caprice, op. 1 (2 r. 58 c.).
 — Variations sur: Nel cor più non misento, de Paisiello, op. 9 (2 r. 29 c.).
 STRAUSS. Astrea-Tänze. Walzer, op. 136 (85 c.).
 — Redoute-Quadrille, op. 158 (85 c.).
 — Nur Leben. Walzer, op. 159 (85 c.).

Піесы для флейты, съ аккомпаниментомъ фортепіано.
 BRICCIALDI. variations sur un motif des Puritains de Bellini, op. 11
 (1 r. 7^c c.).

— Air final de la Lucia di Lammermoor, arrangé et varié, op. 22 (1 r. 72 c.).

FORDE. L'anima de l'opéra, cavatines et autres pièces favorites pour piano et flûte. № 24, à 30 chaque à 65 cop. (4 r. 55 c.).

KÜFFNER. Scène suisse. Fantaisie pour piano et flûte, ou violon, op. 320 (1 r. 15 c.).

TULOU. Thème varié pour flûte av. acc. de piano, op. 89 (1 r. 29 c.).

Для фортепиано въ четыре руки.

BERTINI. 25 Etudes très faciles, op. 149 (2 r. 58 c.).

— 25 Etudes faciles, op. 150 (2 r. 58 c.).

ČERNÝ. Introduction et variations sur une cavatine de Guido e Ginevra, op. 398, cah. 19 (1 r. 43 c.).

— Impromptu en pot—pourri sur des motifs de l'opéra: Ernani, de Verdi, op. 398, cah. 20 (1 r. 43 c.).

BÜHLER. Nocturne sentimental sur une romance d'Adam, arr. op. 40 № 5 (1 r. 15 c.).

DUVERNOY. Variations sur une Pensée de Bellini, op. 129 (1 r. 15 c.).

— Fantaisie sur un motif de la Péri, de Burgmüller, op. 130 (1 r. 15 c.).

FESCA. Hommage aux dames. Morceau de salon, op. 35 (2 r. 29 c.).

GABE. Sinfonie № 2, arr. par Schubert. op. 10 (3 r. 43 c.).

HERZ. Air montagnard varié, op. 129 (1 r. 43 c.).

LABITZKY. Charloten-Walzer, op. 96 (1 r. 15 c.).

— Natalien-walzer, op. 104 (1 r. 15 c.).

MARKS. Potpourri sur l'opéra: Maria di Rohan, de Donizetti, op. 102 (2 r. 29 c.).

— Pot-pourri sur l'opéra: le Barbier de Seville, de Rossini, op. 103 (2 r. 29 c.).

OSBORNE. Duo brillant sur des thèmes d'Auber, op. 41 (1 r. 72 c.).

THALBERG. Grande Fantaisie sur la Semiramide, de Rossini, op. 51 (2 r. 58 c.).

WOLFF. Duo brillant sur l'opéra: Mina, de Thomas (1 r. 43 c.).

— Fantaisie sur des motifs de Don Sebastien, op. 98 (1 r. 43 c.).

Для одного фортепиано.

ALKAN. Saltarelle, op. 23 (1 r. 15 c.).

— Gigue et Air de ballet dans le style ancien, op. 24 (1 r.).

— Alleluja, op. 25 (72 c.).

BERNARD. Grande valse d'après la Somnambula, avec le Portrait de Mme Viardo (1 r.).

— Souvenir de M-me Castellan. Grande valse d'après la Lucia di Lammermoor, avec le portrait de Mme Castellan (1 r.).

BURGMÜLLER. Valse populaire de Cagliostro, op. 87 (85 c.).

— Pas espagnol de la Péri (85 c.).

- DÜTSCH.** Pensée funèbre sur la mort de S. A. I. Mme la Grande-Duchesse Alexandra Nicolaiewna (60 c.).
 — Chanson de Berceau (30 c.).
- DÜVERNOY.** La Polka nationale. Bagatelle, op. 134 (85 c.).
- FESCA.** Le Désir. Morceau de salon, op. 36 (1 r. 15 c.).
- GADE.** Fleur de Printems. Impromptu (30 c.).
- GUTMANN.** Nocturne (43 c.).
- HARTMANN.** Canzone (43 c.).
- HELLER.** Impromptu: La Kermesse (50 c.).
- KALKBRENNER.** Souvenir de la Sirène, d'Auber, fantaisie (1 r. 43 c.).
- KULLAK.** La Coquette, pièce caractéristique (75 c.).
- MAYER.** 2 grandes études de concert, op. 73 (1 r. 72 c.).
- SCHILLER.** L'aurore. Réverie № 2 (1 r. 15 c.).
 — Reminiscences de la Somnambula, morceau de salon (1 r.).
- VOLLWEILER.** Élégie en forme de marche funèbre 75 c.).
- WOLFF.** La Mélancolie, Nocturne (50 c.).

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большо́й Морской въ домѣ Чоплиныхъ.)

Въ томъ же магазинѣ вышла, перваго ноября, одиннадцатая тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы: Музыкально-Литературное Прибавленіе № 11
FESCA. Le Désir, Romance sans paroles. **DÖBLER.** Souvenir de Naples. **T.** Bagatelle. **MAYER.** Chanson de printemps. **HERZ.** La belle Moscovite, Polka. **Дерфельдтъ.** Романсъ «Сирота». **VAZIN.** Ne valse pas! Romance.

Нувеллистъ будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1845 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ нынѣшнемъ 1844.

==

МОДЫ.

— Шляпки, въ это время—предметъ для всѣхъ чрезвычайно интересней. Въ фасонахъ перемѣна — не большая; но есть перемѣна. Шляпки дѣлаютъ маленькія, вверху отъ тульи совсѣмъ прямыя; поля спускаются ниже щекъ, и, не много, но примѣтно, отвернуты. Атласныя видны только сборчатыя, на широкихъ вздержкахъ. Бархатныя бывають гладкія, и вотъ описаніе нѣсколькихъ, самыхъ милыхъ.—Шляпка бархатная, зеленого изумруднаго цвѣту, убранная зеленымъ перомъ, испещреннымъ по краямъ во всю длину маленькими мушками той же зеленой тѣни отъ самой темной до свѣтлой; небольшой бантъ изъ атласныхъ лентъ въ такомъ же родѣ, приколотый съ лѣвой стороны, придерживаетъ перо, покрывающее всю верхнюю часть полей и висящее съ правой стороны; внутри, вмѣсто цвѣтовъ, приколоты зеленыя и розовыя ленты.—Шляпка бархатная, темно-синяго цвѣту, убранная вѣткой бархатныхъ фантастическихъ цвѣтовъ и синими тѣневыми атласными лентами; внутри, вмѣсто цвѣтовъ, приколоты темно-оранжевыя ленты. — Черная бархатная шляпка, подбитая розовымъ атласомъ и убранная чернымъ перомъ, черными атласными лентами съ маленькими розовыми мушками; внутри полей—такія же ленты.— Шляпка бархатная гранатоваго цвѣту, убранная перомъ

нѣжно оттѣненнымъ во всю длину слѣвающимися полосками, отъ темно-гранатнаго цвѣту до чистаго бѣлаго; банты, наверху и внутри полей, такой же гранатовой тѣни, впадающей въ бѣлой цвѣтъ.—Шляпка изъ неразрѣзнаго бархату, бѣлая, убранная бѣлыми лентами и нѣжно-голубаго цвѣту перомъ въ родѣ султана; внутри подколоты голубыя ленты.—Бархатная шляпка изъ розоваго неразрѣзнаго бархату, убранная такого же роду перомъ розовымъ съ бѣлыми мушками; ленты—розовой тѣни, впадающей въ бѣлую.—Шляпка изъ неразрѣзнаго бархату, палевая, убранная райской птичкой, а всерединѣ полей легкимъ кружевомъ и лентами темно-оранжеваго цвѣту, впадающаго въ палевый. — Шляпка атласная, сборчатая, бѣлая, убранная на поляхъ тремя тюлевыми біе, бѣлыми атласными лентами и маленькимъ букетомъ бѣлыхъ марабутовъ; внутри, подколоты розовыя ленты. — Тоже бѣлая сборчатая шляпка, убранная бѣлыми лентами и маленькимъ букетомъ зеленыхъ марабутовъ; внутри — зеленыя ленты. — Шляпка сѣраго серебрянаго цвѣту, сборчатая, убранная широкимъ кружевомъ и нѣсколькими бантиками изъ лентъ того же цвѣту, всерединѣ полей—розовыя ленты.—Лиловая атласная шляпка съ бѣлымъ отливомъ, убранная вѣткой темныхъ бархатныхъ листьевъ и лиловыми тѣневыми лентами; внутри — зеленыя тѣневыя ленты. — Шляпка изъ фіолетоваго атласу, сборчатая, убранная тремя біе изъ фіолетоваго неразрѣзнаго бархату и тѣневыми того же цвѣту атласными лентами; внутри тоже—зеленыя атласныя ленты.

— Платья. Платье свѣтло-сѣраго цвѣту, изъ двуличневаго пу-де-соа, убранное двумя широкими высѣченными оборками; подъ каждою оборкой нашить легкаго узору аграмантъ, шириною въ два пальца; корсажъ — совсѣмъ высокій, гладкій, съ маленькимъ тупымъ шнипомъ, убранный аграмантомъ, положеннымъ отъ плечъ къ шнипу, впереди вплоть застегнутый маленькими аграмантными пу-

говками; рукава — гладкіе, убранные въ половинѣ отъ проймы до локтя такимъ же аграмантомъ; маншетки — отвернутыя, вышитыя, обшитыя узенькимъ кружевомъ; воротничокъ очень маленькій, также вышитый и обшитый узенькимъ кружевомъ. — Платье моарѣ, васильковаго цвѣту, убранные двумя широкими черными кружевными воланами; корсажъ — полу-открытый, еп сосиг, убранный гладкимъ пелериномъ, вырѣзаннымъ какъ самый корсажъ, спереди и сзади съ острыми концами, кругомъ черное кружево шириною въ полтора вершка; рукава — свободно-гладкіе, полу-короткіе, обшитыя такимъ же кружевомъ; второй, верхній, рукавчикъ оканчивается въ половинѣ отъ проймы до локтя и также обшитъ кружевомъ. — Платье изъ лиловаго-синеватаго пекину, убранные внизу широкой прямой оборкой изъ той же матеріи; немного отступя атласный буффъ шириною въ два вершка; по обѣимъ сторонамъ его біе изъ того же пекину, каждое шириною въ полтора вершка; корсажъ — высокій, гладкій, съ небольшимъ круглымъ шнипомъ, убранный отъ плечъ къ шнипу такимъ же атласнымъ буффомъ и біе по обѣимъ сторонамъ; рукава — гладкіе, убранные такимъ же образомъ въ половинѣ отъ проймы до локтя и у кисти руки, и обшиты спущеннымъ кружевомъ. Платье изъ пуде-соа орѣховаго цвѣту, съ передникомъ изъ буффовъ; по обѣимъ сторонамъ передника прищты двойныя, косыя, узенькія сборки изъ той же матеріи; корсажъ — высокій, впереди открытый и заспурованный по манишкѣ шелковымъ снуркомъ орѣховаго цвѣту; отъ плечъ къ кушаку четыре біе изъ неразрѣзнаго бархату того же цвѣту; рукава — гладкіе, внизу разрѣзанные, окоймленные такимъ же бархатомъ и заспурованные; вверху разрѣзовъ — жокейчики, тоже обшитыя бархатомъ и заспурованные; нижніе рукава — кисейные, вышитыя, обшитыя кружевомъ спущеннымъ на кисть руки; манишка, вверху, обшита узенькимъ кружевомъ въ два ряда.

— Шарфы носятъ легкіе, барежевые, изъ шерстяной кисеи или креповые. Они бываютъ цвѣтные гладкіе и полосатые, но болѣе всего бѣлыхъ.

Мантили, маркизы и пелерины болѣею частью кружевные, черные и бѣлые, обшитые въ два и три ряда широкимъ кружевомъ.

=

ВЪЧНЫЙ ЖИДЪ. ✓

РОМАНЪ

Евгенія Сю.

=

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

=

ИЗДАНИЕ М. ОЛЬХИНА.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1844 года, октября 31 дня.**

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ И. Ивановскій.

ВЪЧНЫЙ ЖИДЪ.

=

Вакханка.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

МАСКАРАДЪ.

—

На другой день послѣ-того, какъ полицейскій комиссаръ повелъ жену Дагобера къ слѣдственному судѣ, шумная, живая сцена происходила на площади Шатлѣ, насупротивъ дому, котораго второй этажъ былъ занятъ трактиромъ подѣ вывѣскою «Теленка-сосунка». То было въ концѣ ночи съ середины на четвергъ первой недѣли великаго поста. Во всѣхъ трактирахъ въ окрестностяхъ ратуши были маскарады и люди въ бѣдныхъ маскарадныхъ костюмахъ проходили черезъ площадь Шатлѣ, громко распѣвая; но увидѣвъ, что другая толпа замаскированныхъ бѣжитъ туда же, первые съ радостными криками остановились и поджидали эту толпу, чтобы начать съ нею перестрѣлку плоскими шуточками и площадными каламбурами. Всѣ эти весельчаки были болѣе или менѣе пьяны. Къ нимъ вскорѣ присоединились люди, которые по своимъ занятіямъ, принуждены выходить со двора рано утромъ, и весь этотъ народъ столпился въ углу площади, такъ что одна дѣвушка, блѣдная и немного горбатая, которая проходила тутъ, была окружена со всѣхъ сторонъ.

Эта дѣвушка была Майѣ. Поднявшись еще до свѣту, она шла за работою. Можно вообразить себѣ безпокойство бѣдной швеи, когда, неволью попавъ въ эту веселую толпу, она вспомнила то, что было съ ней наканунѣ. Несмотря на всѣ свои усилія, она не могла сдѣлать ни шагу; вторая толпа латкнулась на первую;

началась давка и бѣдную Майё отгѣснили или, лучше сказать, почти отнесли къ самому трактиру. Новыя маски были одѣты гораздо лучше первыхъ; онѣ принадлежали къ шумному, веселому обществу, которое обыкновенно забавляется въ Schauphуge, въ Prado, въ Collusée и другихъ трактирахъ, гдѣ собираются студенты, модистки, приказчики, сидѣльцы, гризетки. Эта толпа, отвѣчая бѣглымъ огнемъ на шутки первыхъ масокъ, казалась, кого-то съ нетерпѣніемъ ожидала. Между арлекинами и коломбинами, турками и султаншами, слышались разговоры, которые показывали всю важность ожидаемой особы.

— Они заказали ужинъ къ семи часамъ утра. Странно, что ихъ экипажей еще не видать. — «Видно, Вакханка сама будетъ въ послѣднемъ польдѣ въ Прадо». — Ахъ, если бъ я звалъ, остался бы, чтобъ посмотреть на нея, мою красавицу-голубушку! — «Гобинѣ, если ты еще разъ назовешь ее своей красавицей-голубушкой, такъ я тебѣ глаза выцарапаю, а теперь куда ущипну». — Целеста! да полно же! Ты дѣлаешь синія пятна на бѣломъ природномъ атласѣ, которымъ маменька украсила меня, когда произвела на свѣтъ. — «А какъ ты можешь звать Вакханку своей красавицей-голубушкой. Я-то тебѣ что жъ?» — Ты моя голубушка, но ужъ красавица изъ красавицъ у насъ одна Вакханка, какъ одна луна на небѣ. — «Куда хорошо! Чурбанъ ты неуклюжій!» — Гобинѣ правду говорить: она нынче была чудо какъ хороша! — «И въ духѣ!» — Отъ-роду не видалъ ее такой веселою! — «А что за костюмъ, прелесть да и только!» — Восхитительный! — «Обворожительный.» — Ослѣпительный! — «Соблазнительный!» — Да ужъ нечего сказать, никому кромѣ нея такого не выдумать! — «А какъ танецъ-то!» — Прелесть! Цвѣтисто, волнисто, змѣисто, такъ что мѣчи цѣтъ! Да что и говорить, другой такой баядерки какъ она, не найдешь на всемъ подсолнечномъ шарѣ! — «Гобинѣ, отдай мнѣ сейчасъ мою шаль.... ты ужъ и безъ того порядочно измязъ ее, завязывая вокругъ своей туши.... Давай ему свои вещи, а онъ изволитъ другихъ женщинъ величать баядерками!»... — Да полно тебѣ бѣсится, Целеста.... Я вѣдь одѣтъ Туркомъ, такъ мнѣ и кстати говорить о баядеркахъ. — «Да что ужъ тутъ сердиться, Целеста, сказалъ кто-то: Вакханка обворожаетъ не только твоего Гобинѣ, но даже муниципальныхъ гвардейцевъ и городскихъ сержантовъ». — Что бы она ни дѣлала, они никакъ не могутъ на нее сердиться: она какъ-разъ ихъ размѣшить. Вотъ хоть бы нынче ночью, она такъ танцевала, «Бурный тюльпанъ», что одинъ цѣломудренный сержантъ сконфузился и чуть не покраснѣлъ.... — Да ужъ что и за кадрили! Вакханка съ Гольшемъ и Махровая Роза съ Нини-Мельницей! Чудо какъ они танцуютъ!...» — А что, господа, правда ли, что Нини-Мельница литераторъ и пишетъ езуитскія брошюрки? — «Какъ же? Онъ у насъ забираетъ бумагу.... Плательщикъ онъ, правду сказать, плохой, зато ужъ ка-

кой шутникъ!» — А говорятъ, что съ езуитами онъ прикидывается ханжей и пишетъ зло. — «О, онъ на это дѣло мастеръ! Съ ними — водой не замутишь, а съ нами — выплясываетъ какъ бѣсъ и пьетъ какъ рыба». — Нечего сказать хороша и его дама, Махровая Роза. — «Да, но Вакханка отъ нихъ какъ небо отъ земли.» — Давича, какъ она танцевала «Бурный тюльпанъ», одинъ сержантъ подошелъ къ ней и говоритъ: А что, моя милая, ты, кажется, не на шутку танцуешь запрещенный танецъ? «О, нѣтъ, цѣломудренный воинъ, отвѣчала она: я только повторяю его каждый вечеръ, чтобъ хорошенько танцевать подъ старость.» Сержантъ расхохотался и оставилъ ее въ покоѣ. — «Странное дѣло, что она ужъ мѣсяца три не разстается съ Ренипдомъ-Голышомъ!» — Это-то еще не диво, потому что онъ молодецъ и вообще славный малый, а вотъ что чудно: откуда онъ беретъ столько денегъ? Вѣдь говорятъ, что вѣдь это онъ нанялъ три коляски и заказалъ ужинъ на двадцать челоуѣкъ по десяти франковъ.... — Коляски! коляски! закричала толпа въ одинъ голосъ.

Бѣдная Майѣ, попавшись въ замаскированную толпу, не проронила ни одного слова изъ этого разговору, тягостнаго для нея, потому что рѣчь шла объ ея сестрѣ, съ которою она давно не видалась, не оттого, чтобы Вакханка не любила сестры; но у ней сердце надрывалось при видѣ нищеты, въ которой жила Майѣ. Це-физа не-разъ предлагала ей пособія, но та всегда отказывалась, зная, что эти деньги не могли быть приобрѣтены добромъ. Наконецъ Вакханка, видя, что не можетъ помочь сестрѣ, перестала ходить къ ней, чтобы не огорчаться безъ пользы.

— Коляски! коляски! закричала опять толпа, съ восторгомъ бросившись впередъ, такъ что Майѣ невольно очутилась въ первомъ ряду любопытныхъ, которые бѣжали посмотрѣть на маскарадъ. Зрѣлище было дѣйствительно оригинальное. Впереди скакалъ челоуѣкъ, одѣтый почтаремъ: въ голубой курткѣ съ серебряными вышивками, съ огромной косой, съ которой сыпалась пудра, въ шляпѣ, украшенной длинными, разноцвѣтными лентами. Онъ хлопалъ бичомъ и кричалъ во все горло: — «Прочь съ дороги! Царица Вакханокъ ѣдетъ съ пышнымъ дворомъ своимъ!»

За нимъ слѣдовала коляска въ четыре лошади, запряженные по-парно; ими управляли жокеи, наряженные чертями. Въ коляскѣ была пастоящая пирамида женщинъ и мужчинъ, изъ которыхъ однѣ сидѣли, другіе стояли и лѣпились на подушкахъ, на бокахъ экипажа, на запяткахъ, и всѣ въ самыхъ пестрыхъ, самыхъ забавныхъ костюмахъ. То была невыразимая смѣсь яркихъ красокъ, цвѣтовъ, лентъ, лохмотьевъ и блестящихъ. Изъ этой массы странныхъ формъ и разнообразныхъ одѣвийъ выставлены головы уродливыя и граціозныя, дурныя и хорошенкія, но всѣ были одушевлены безумнымъ весельемъ и всѣ съ восторгомъ обращались къ второй коляскѣ, гдѣ гордо красовалась Вак-

ханка, между-тѣмъ какъ восторженные поклонники привѣтствовали ее криками:—Да здравствуетъ царица Вакханокъ!

Въ этой второй коляскѣ были только четыре корифея знаменитой кадрили «Бурнаго тюльпана», Нини-Мельница, Махровая-Роза, Голышъ и Вакханка. Дюмулень, езуитскій писатель, который пытался исторгнуть мадамъ де-Сенъ-Коломбъ изъ жадныхъ рукъ своего покровителя, Родѣна, Дюмулень, прозванный Нини-Мельницей, могъ бы послужить превосходнымъ образцомъ карриатуристамъ Калло или Гаварни. На головѣ у него былъ шлемъ, надѣтый совсѣмъ на затылокъ и украшенный ручной метелкой съ рукояткой изъ красного дерева и съ пучкомъ черныхъ перьевъ. Подъ этимъ шлемомъ красовалось лицо самое румяное, самое веселое, какое только когда-либо одушевлялось живительными парами вина. Большой носъ, котораго первоначальная форма скрывалась подъ безчисленнымъ множествомъ красноватыхъ угрей, величественно возвышался на этомъ совершенно безбородомъ лицѣ, которому широкій ротъ съ толстыми, оттопырившимися губами придавалъ непзьяснимое выраженіе веселости, блиставшей и въ сѣрыхъ, выдавшихся глазахъ его. Увидѣвъ этого веселчака, толстаго, какъ Сидень, нельзя было не удивляться, какъ онъ давно не потопилъ въ винѣ желчи, яду, которые кипѣли въ его памфлетахъ противъ враговъ езуитизма, и какъ неоспоримый талантъ этого челоуѣка могъ устоять противъ его вакхическихъ и хореографическихъ подвиговъ. Эту загадку невозможно было бы и разрѣшить, если бъ мы не знали, что актеры, играющіе обыкновенно роли самыхъ гнусныхъ злодѣевъ, иногда самые добрые люди. По случаю холоду, на немъ былъ пальто, длинный и теплый, но не застегнутый, такъ что подъ нимъ виднѣлись чешуйчатая латы, панталоны темнаго цвѣту и легкіе сапоги съ желтыми отворотами. Стоя на переднихъ подушкахъ и нагибаясь къ толпѣ, онъ испускалъ дикіе крики, восклицая по временамъ:—Да здравствуетъ царица Вакханокъ! и вертѣлъ огромною трещоткой. Ему было лѣтъ тридцать пять.

Голышъ, стоя подлѣ Нини-Мельницы, держалъ бѣлое знамя, на которомъ вышиты были слова: «Любовь и веселье царицѣ Вакханокъ». Голышу было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ. Умное, веселое лицо его было окружено густыми, темно-русыми бакенбардами; исхудалое отъ излишествъ и безсонныхъ ночей, оно выражало странную смѣсь безпечности, смѣлости и насмѣшливости, но ни одна изъ низкихъ или злыхъ страстей не оставила на немъ своего роковаго отпечатка. Онъ былъ одѣтъ носильщикомъ: въ черной бархатной курткѣ съ серебряными пуговицами, въ красномъ жилетѣ, въ панталомахъ съ широкими синими молесами, съ шалевымъ длиннымъ поясомъ, и въ шлемѣ, убраннымъ

ими и цвѣтами. Этотъ костюмъ шелъ какъ-нельзя лучше къ тройному стану и отважному виду.

подушкахъ задней скамьи стояли Махровая-Роза и Вакхан-Махровая-Роза, семнадцатилѣтняя бахромщица, дѣвушка орошенская, была одѣта «дебардѣромъ». Парикъ ея, густо дренный, на которомъ торчала на бекрень надѣтая шапочка, ламъ съ оранжевымъ, обшитая серебрянымъ галуномъ, прида еще большій блескъ ея чернымъ глазамъ и розовымъ, пухлымъ щечкамъ; на шеѣ у нея былъ галстухъ оранжевый, такъ какъ и ея поясъ съ длинными концами; узкая куртка и крѣпко застегнутый жилетъ изъ свѣтло-зеленаго бархату съ серебрянымъ галуномъ, красиво обрисовывали ея тонкую, гибкую талію. Невѣсть ея широкіе шальвары изъ той же матеріи и того же убора, были достаточно нескромны.

Вакханка, цѣлой головой выше Махровой-Розы, опиралась на плечо ея. Сестра Майя властвовала надъ своими поклонниками, своей красотою, увлекательною живостью и шумною вѣстостью. То была дѣвушка лѣтъ двадцати, высокая и стройная, равильными чертами лица, съ веселымъ, развязнымъ видомъ; и какъ и у Майи, были прекрасные каштановые волосы и бѣлые глаза, только не томные и робкіе, а блестящіе неистинною страстью къ забавамъ. Она была одарена такимъ энергическимъ сложениемъ, что несмотря на нѣсколько бессонныхъ ночей, на нѣсколько сутокъ сряду проведенныхъ въ непрерывныхъ танцахъ и пированьяхъ, цвѣтъ лица ея былъ такъ же чистъ, а такъ же свѣтлы, щечки такъ же розовы, плечи такъ же свѣжи, — будто она только-что вышла изъ какого-нибудь тихаго уединенія. Костюмъ ея, хотя чрезвычайно странный и похожій на костюмъ канатной плясуньи, шелъ однако же къ ней какъ-нельзя лучше. На ней былъ обтяжной, парчевой корсажъ съ длинною талией, украшенный большими бантами алыхъ лентъ, которыя развѣивались по ея обнаженнымъ рукамъ, и короткая юбка изъ алагодуба, усыпанная золотыми блестками. Юбка доходила только до лодыжекъ ея стройныхъ ногъ, на которыхъ были тонкіе шелковые чулки и красные полу-сапожки съ мѣдными каблучками. Ни у одной испанской танцовщицы не бывало стана такого гибкаго, какъ у этой странной дѣвушки. Казалось, что она не могла ни двинуться, ни остаться безъ движенія: и теперь она граціознымъ движениемъ головы, плечъ и маленькой ножки, которая стояла на цыпочкахъ коляски, какъ-бы означала тактъ невидимаго оркестра. Ротъ ея у нея была позолоченная корона, эмблема ея царствованія; волосы ея, заплетенные въ двѣ толстыя косы, красиво округлялись вдоль ея румяныхъ щекъ и собирались подъ гребенку на затылкѣ; лѣвая рука ея лежала на плечѣ невесты Махровой-Розы; въ правой держала она огромный букетъ, которымъ привѣтствовала толпу, смѣясь во все горло.

Третья коляска тоже наполнена была пирамидою мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ самымъ страннымъ, самымъ забавнымъ образомъ. Впрочемъ словами невозможно вполне передать этой шумной, живой, бѣшеной картины.

Во всей веселой толпѣ, только одинъ человекъ съ глубокой горестью смотрѣлъ на эту сцену. То была Майё. Несмотря на всѣ свои усилія пробраться сквозь народъ, она всё оставалась въ первомъ ряду зрителей. Давно уже разставшись съ сестрою, она теперь увидѣла ее въ первый разъ, во всей пышности ея безумнаго торжества, при восторженныхъ крикахъ и рукоплесканіяхъ ея поклонниковъ и товарищей въ забавахъ. Глаза бѣдной швемъ наполнились слезами. Царица Вакханокъ по-видимому раздѣляла оглушительную радость всѣхъ окружающихъ, лицо ея сіяло весельемъ, она окружена была всѣмъ блескомъ минутной пышности, но между-тѣмъ Майё искренно сожалѣла о ней.... Майё, бѣдная, почти въ лохмотьяхъ, которая на разсвѣтѣ шла за работою, чтобы весь день и большую часть ночи провести за шитьемъ..... Майё забыла о толпѣ и не спускала глазъ съ сестры, которую любила нѣжно, и тѣмъ нѣжнѣе, что считала ее достойною сожалѣнія. Глаза ея были устремлены на прекрасную, веселую дѣвушку, а между-тѣмъ лицо выражало трогательное соболѣзнованіе, глубокое и горестное участіе....

Вдругъ блестящій, веселый взглядъ, которымъ Вакханка поводила по толпѣ, встрѣтился съ печальнымъ, влажнымъ взглядомъ Майё.— Сестра! вскричала Цефиза (мы уже говорили, что Вакханку звали Цефизою) сестра!.... И легкая какъ танцовщица, она соскочила съ коляски, которая къ-счастью въ это время стояла, очутилась подлѣ Майё и начала съ жаромъ обнимать ее. Все это сдѣлалось такъ скоро, что товарищи Вакханки, изумленные ея опаснымъ скачкомъ, не могли постигнуть, что это значитъ; маски окружавшія и Майё, въ удивленіи разступились, а она съ нѣжностью обняла сестру, и не подумала о противоположности ихъ костюмовъ, которая необходимо должна была возбудить насмѣшливость толпы. Цефиза первая объ этомъ вспомнила и, чтобы избавить сестру отъ униженія, оборотилась къ коляскѣ и сказала: — Махровая-Роза, кинь мнѣ плащъ... Нини-Мельница, отворите дверцы.

Она схватила плащъ на-лету и закутала свою сестру такъ проворно, что та не успѣла и опомниться, потомъ схватила ее за руку и сказала: — Пойдемъ.... пойдемъ.... — «Я! вскричала съ ужасомъ Майё: помилуй!...» — Мнѣ непременно надобно поговорить съ тобою.... я возьму особую комнату.... мы будемъ однѣ.... сестрица.... душенька.... не противься при этой толпѣ.... сдѣлай милость, пойдемъ....

Боясь обратить на себя вниманіе толпы, Майё, какъ-бы оглушенная этимъ нечаяннымъ случаемъ, въ страхѣ, дрожа всѣмъ

тѣломъ, машинально послѣдовала за сестрою, и та усадила ее въ коляску. Плащъ Вакханки прикрылъ рубище и горбъ Майё и потому толпѣ не надъ чѣмъ было смѣяться. Она только удивлялась этой странной встрѣчѣ. Коляска тронулась и вскорѣ подѣхала къ дверямъ трактира на площади Шатлѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Противоположности.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ встрѣчи Майё съ Вакханкою, сестры сидѣли вдвоемъ въ отдаленной комнатѣ трактира. — Дай мнѣ еще разъ обнять тебя, сказала Цефиза.... по-крайней-мѣрѣ мы теперь однѣ.... теперь я надѣюсь, ты уже не боишься?....

И она снова принялась обвинять сестру. При этомъ плащъ свалился съ плечъ Майё. Увидѣвъ почти нищенское одѣяніе сестры, которое на площади, въ толпѣ, Цефиза едва замѣтила, она вскрикнула отъ удивленія и горести. Потомъ, подойдя къ сестрѣ, чтобъ поглядѣть на нее по-ближе, она взяла въ свои нѣжныя, пухленькія ручки, худыя, холодныя руки Майё, и нѣсколько минутъ съ возрастающею горестью смотрѣла на это жалкое существо, блѣдное, худое, истомленное безсонными ночами и работою, едва прикрытое, въ холодъ, ситцевымъ платьемъ, истасканнымъ, заштопаннымъ.... — Ахъ, моя милая, въ какомъ ты положеніи! сказала Цефиза.

Она не могла выговорить больше ни слова и, со слезами, бросилась на шею Майё. — Прости!.... прости меня!.... — «Что съ тобою, моя милая Цефиза? сказала глубоко тронутая Майё, потихонько высвобождаясь изъ объятій сестры. Ты просишь прощенія?.... Въ чемъ же ты виновата передо мною?... » — Въ чемъ я виновата передъ тобою? повторила Цефиза, приподнявъ лицо свое, орошенное слезами и покраснѣвъ. Не стыдно ли, что я одѣта такъ богато, что я трачу такую кучу денегъ на шалости, когда ты носишь такое бѣдное платье.... когда ты терпишь нужду.... когда ты, можетъ-быть, умираешь отъ нищеты и лишеній!... потому что ты прежде никогда не была такъ худа и блѣдна.... — «Не безпокойся обо мнѣ, моя милая: я здорова.... эту ночь я мало спала.... отъ того и блѣдна.... Ради Бога, не плачь.... я не могу видѣть какъ ты плачешь.... »

Нѣсколько минутъ назадъ, Вакханка, блистая радостью, съ торжествомъ смотрѣла на обвороженную толпу, а теперь ее утѣ-

шла бѣдная Майё. Неожиданный случай сдѣлалъ этотъ контрастъ еще болѣе разительнымъ. Въ сосѣдней залѣ вдругъ раздались радостные крики и послышались восторженные восклицанія: — Да здравствуетъ Царница Вакханокъ!

Майё вздрогнула и глаза ея наполнились слезами, когда она увидѣла, что Цефиза закрыла лицо руками и, казалось, была совершенно подавлена стыдомъ. — Цефиза... милая моя... ради Бога... не печалься... сказала Майё: нето я буду жалѣть, что мы встрѣтились съ тобою, а я такъ обрадовалась тебѣ!... Мы такъ давно съ тобою не выдались!... Но что съ тобою?... скажи мнѣ... будь откровенна... — «Ты, вѣрно, презираешь меня... и по-дѣломъ», сказала Цефиза, отирая глаза. — Презираю тебя! Да, Боже мой, за что же?... — «За то, что я веду... такую жизнь, вмѣсто-того, чтобы, какъ ты, терпѣливо переносить нищету».

Горестъ Цефизы была такъ сильна, что Майё, всегда добрая и снисходительная, хотѣла прежде всего утѣшить ее, возвысить ее хотя немножко въ ея собственныхъ глазахъ. — Ты терпѣливо переносила нищету цѣлый годъ, сказала она: а это для тебя труднѣе, чѣмъ мнѣ переносить ее во всю жизнь... — «Ахъ, не говори...» — Послушай, будемъ говорить откровенно... Какимъ докушеніямъ подвергается дѣвушка такая какъ я?... Ровно никакимъ. Очень натурально, что я люблю уединеніе и одиночество, и ты любишь жизнь шумную, веселую... Много ли нужно мнѣ, хворой и хилой!... — «Да, но и этого у тебя... иногда нѣтъ?» — Правда... но есть лишенія, которыя при моемъ слабѣмъ здоровьѣ гораздо легче переносить... Напримеръ, голодъ... Я отъ него какъ-то цѣпенѣю и потомъ ослабѣваю... а тебя, при твоемъ сильномъ здоровьѣ, голодъ приводитъ въ отчаяніе... ты начинаешь бредить... Помнишь? Сколько разъ видывала я тебя въ такомъ ужасномъ состояніи... когда бывало работы нѣтъ... мы перестаемъ получать по четыре франка въ недѣлю... и намъ нечего... совсѣмъ нечего ѣсть... потому что, по гордости, мы никогда не рѣшались обратиться къ сосѣдямъ. — «Ты, по-вѣрайнѣй-мѣрѣ, не забыла этой благородной гордости!» — Да и ты тоже. Развѣ ты не боролась съ судьбою сколько можно было... Но, наконецъ, у тебя силъ не стало... Я знаю тебя, Цефиза... почему ты отказалась отъ нашей прежней жизни?... Потому что не могла выдержать голоду... не вынесла безпрерывной работы, которая не доставляла намъ даже и столько, чтобы не голодать... — «Но ты же выносишь эти лишенія... терпишь ихъ и теперь...» — Да какъ же ты можешь сравнивать себя со мною!... Погляди на себя, продолжала Майё, взявъ сестру за руку и подводя ее къ зеркалу: неужели дѣвушка хорошенькая, живая, съ веселымъ характеромъ, страстная къ удовольствіямъ, можетъ провести всю молодость въ холодной камеркѣ, никогда

не видя солнца, въ лохмотьяхъ, вѣчно сидя за работой непре-
рывной и даже безъ надежды когда-нибудь улучшить свое состоя-
ніе? О, нѣтъ, даже и въ нашемъ скромномъ положеніи красотѣ
нужно убранство; молодости нужны движеніе, забавы, веселья;
да и во всякихъ лѣтахъ необходимы отдыхъ и развлеченіе. Ес-
ли бѣ ты могла добывать столько, чтобы ѣсть сколько хочется,
работая часовъ по пятнадцати въ день, имѣть въ недѣлю хоть
одинъ день отдыху, быть въ-состояніи спать себѣ хорошенькое
платьеце, которое необходимо нужно при твоёмъ миленькомъ дѣ-
чикѣ.... ты бы ничего больше и не желала, я увѣрена; ты мнѣ
сама это сто разъ говорила.... Такъ ты по-неволѣ отказалась
отъ прежней нашей жизни, потому что тебѣ нужно множество ве-
щей, о которыхъ я и не думаю. — «Да, это правда, сказала съ
задумчивымъ видомъ Вахванка: если бы я могла выработывать
хотя только франка два въ день, то я бы жила совсѣмъ не такъ,
какъ теперь.... потому что сначала.... ты не можешь вообразить,
какъ мнѣ совѣстно было жить на чужой счетъ....» — Ты не
могла устоять, моя добрая Цефиза, не могла сносить нашей жи-
зни.... Иначе я бы и не жалѣла о тебѣ.... Ты не сама выбрала
себѣ судьбу, а покорилась ей.... какъ я покорюсь своей судьбѣ... —
«Милая, добрая моя сестрица, сказала съ чувствомъ Цефиза, нѣж-
но обвиняя сестру: ты такъ несчастна, а ты еще меня ободряешь
и утѣшаешь.... тогда какъ, напротивъ, мнѣ бы надобно было жа-
лѣть о тебѣ!....» — Не безпокойся обо мнѣ, отвѣчала Майѣ: Богъ
оправедливъ и многомилостивъ: я не имѣю многихъ изъ твоихъ
прекрасныхъ качествъ.... но и у меня есть свои радости. — «У
тебя?» — О, да, у меня есть большія наслажденія.... безъ этого
жизнь была бы слишкомъ тяжела, мнѣ бы не перепести ея.... —
«Понимаю, сказала съ чувствомъ Цефиза: ты еще находишь воз-
можность быть полезною другимъ и это утѣшаетъ тебя въ горе-
стяхъ.» — По-крайней-мѣрѣ я дѣлаю что могу, разумѣется, очень
не много; но зато когда мнѣ удастся, сказала Майѣ съ крот-
кой улыбкою: я счастлива и горжусь, какъ муравей, которому
удалось принести въ общее гнѣздо большую соломенку.... но по-
лно говорить обо мнѣ... — «О, нѣтъ, поговоримъ о тебѣ, робко
сказала Цефиза.... не сердись на меня.... мнѣ бы хотѣлось опять
сдѣлать тебѣ предложеніе, отъ котораго ты уже не-разъ отказы-
валась... У Жака, кажется, еще есть деньги... Мы ихъ тратимъ
на пустяки, на шалости.... Позволь мнѣ помочь тебѣ... Что ты
ми говори, а я по лицу твоему вижу, что ты мучишь себя рабо-
тою.» — Спасибо тебѣ, моя милая Цефиза: мнѣ ничего не нужно....
я могу жить и тѣмъ что выработываю. — «Ты не соглашаешься,
печально сказала Цефиза: потому что права мои на эти деньги...
не честны.... Я понимаю твою совѣстливость.... Но по-крайней-
мѣрѣ позволь, чтобы Жакъ помогъ тебѣ... Онъ такъ же какъ и мы,
былъ работникомъ.... между товарищами можно помогать другъ

другу.... Милая моя, согласишься.... сдѣлай милость.... нето я подумаю, что ты гнушаешься мной....» — А если ты будешь настаивать, моя милая Цефиза, я подумаю, что ты меня презираешь, сказала Майё съ кроткимъ, но твердымъ видомъ, который тотчасъ показалъ Цефизѣ, что уговаривать ее было бы бесполезно. Она печально опустила голову и слезы снова покатались по лицу ея.—Я огорчила тебя, моя милая, своимъ отказомъ, сказала Майё: мнѣ очень жаль.... но что дѣлать?... иначе не возможно; подумай только, и ты поймешь это.... — «Да, ты права, съ горестью сказала Вакханка послѣ нѣкотораго молчанія: ты не можешь принять пособій отъ Жака; мое положеніе такъ низко, что даже и добро изъ моихъ рукъ не чисто.» — Цефиза.... я вѣдь не хотѣла оскорбить тебя.... ты знаешь.... — «О, не беспокойся, на меня и безъ того находятъ минуты.... иногда даже во время самаго безумнаго веселья.... я начинаю размышлять.... къ счастью, эти минуты рѣдки.» — Что же ты тогда думаешь? — «Мнѣ не-разъ приходило въ голову попросить у Жака денегъ, чтобы только какъ-нибудь прожить съ годъ, чтобы по-немножку снова привыкнуть къ работѣ и жить вмѣстѣ съ тобою, какъ мы прежде жили.» — Ну, что жъ, это мысль прекрасная: зачѣмъ же ты ее не исполнишь? — «Духу не доставаетъ.... Какъ я подумаю что мы прежде терпѣли, у меня руки и опустятъ.» — Но чѣмъ же вы живете? Вы вѣдь тратите много денегъ?—«О, да, въ послѣдніе три или четыре мѣсяца мы съ Жакомъ промотали тысячь десять.... Изволишь видѣть. Я продала кое-какія свои вещи, выручила за нихъ двѣсти франковъ и начала играть въ лотерею.... такимъ безумнымъ, какъ я, всегда посчастливятся.... я выиграла четыре тысячи франковъ.» — Ну, а когда эти деньги выйдутъ, что тогда будетъ? — «Тогда?... зажгемъ жаровню, да и дѣло съ концомъ»....—Боже мой! вскричала Майё поблѣднѣвъ. — «Не пугайся, намъ еще далеко до этого. Одинъ аферистъ купилъ у Жака права его на какое-то наследство*; авось-либо эти деньги еще нѣсколько времени прѣдержатся.» — А что будетъ потомъ, когда они выйдутъ?—«О, потомъ.... потомъ далеко! вскричала Цефиза: мнѣ всегда кажется, что и до завтра еще лѣтъ сто.... если бъ надобно было думать, что когда-нибудь придется умирать, такъ, право, не стоило бы и жить»....

Разговоръ сестеръ снова былъ прерванъ страшнымъ шумомъ, надъ которымъ господствовалъ трескъ трещетки Нины-Мельницы. Затѣмъ послѣдовалъ хоръ нечеловѣческихъ звуковъ и окна задрожали отъ криковъ: «Царицу Вакханокъ! Царицу Вакханокъ!» Майё вздрогнула.—«Это опять мой дворъ выходитъ изъ терпѣнія», сказала смѣясь, Цефиза.—Боже мой, если имъ вздумается

* Напомнимъ нашимъ читателямъ, что настоящее имя Голыша— Жакъ-Ренионъ и что онъ принадлежитъ къ числу потомковъ сестры Вѣчнаго Жиды.

прійти за тобою сюда! вскричала со страхомъ Майё. — «О пѣтъ, не прійдутъ, не безпокойся».... — Идутъ, идутъ.... слышишь, въ корридоръ.... О, ради Бога, выпусти меня какъ-нибудь отсюда, чтобы они меня не видали.

Въ ту минуту, какъ дверь отворилась, Цефиза бросилась туда. Въ корридоръ стояла депутація, подъ предводительствомъ Нини-Мельницы, Махровой Розы и Голыша. — Царицу Вакханокъ! закричалъ Нини-Мельница: или я отравлюсь стаканомъ воды. — «Царицу Вакханокъ! или я съ отчаянія выйду замужъ за Нини-Мельницу! сказала съ рѣшительнымъ видомъ Махровая-Роза. — Царицу Вакханокъ! или народъ взбунтуется и возьметъ ее силой, сказалъ еще кто-то. — «Взять! взять! унести ее!» вскрикнулъ страшный хоръ. — Жакъ, войди сюда, одинъ, сказала Вакханка; потомъ обращаясь къ своему двору, она прибавила съ величественнымъ видомъ: минутъ черезъ десять я выйду и тогда... гуляй душа! — «Да здравствуетъ царица Вакханокъ!» закричалъ Нини-Мельница, размахивая своей трещеткой и уходя со всей депутаціей. Жакъ одинъ вошелъ въ комнату. — Жакъ, это моя добрая сестра, сказала Цефиза. — «Очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ Жакъ, вѣжливо кланяясь Майё: тѣмъ болѣе радъ, что отъ васъ я, вѣрно, могу узнать что-нибудь о прежнемъ товарищѣ моемъ, Агриколѣ.... Съ-тѣхъ-поръ какъ я играю роль милліонщика, мы съ нимъ уже не видались, но я всё люблю его по-прежнему, потому что онъ славный малый.... Вы живете въ одномъ домѣ съ нимъ.... Здоровъ ли онъ?» — У нихъ большое несчастье.... Агрикола въ тюрьмѣ! — «Въ тюрьмѣ!» вскричала Цефиза.—Агрикола... въ тюрьмѣ....! Да за что же? сказалъ Голышъ.—«Заполитическій проступокъ, впрочемъ очень не важный... Мы надѣялись было выручить его изъ тюрьмы, внося обезпеченіе»....—Да, это можно.... стѣитъ только внести пять сотъ франковъ... я это знаю, сказалъ Голышъ. — «Къ-несчастью, это не удалось. Та, на кого мы надѣялись»....

Вакханка, не давъ ей договорить, сказала обращаясь къ Голышу: — Жакъ, слышишь.... Агрикола въ тюрьмѣ... за какихъ-нибудь пять сотъ франковъ.... — «Слышу и понимаю.... Не зачѣмъ тебѣ и мигать мнѣ..... Бѣднякъ! Вѣдь онъ содержитъ мать»....—Да, и теперь отецъ его пріѣхалъ, а мать...—«Да вотъ вамъ, сказалъ Голышъ, подавая Майё кошелекъ: возьмите.... здѣсь все заплачено впередъ, это мои остальные деньги.... тутъ должно быть двадцать пять или тридцать наполеондоровъ.... заключеніе спектакля всего лучше отдать ихъ товарищу въ нуждѣ... Снесите эти деньги отцу Агриколы; онъ, вѣроятно, знаетъ, что надо дѣлать.... и завтра же Агрикола будетъ въ своей мастерской.... Я, впрочемъ, не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. — «Жакъ, обними меня.... сію минуту», сказала Цефиза. — Сію минуту, послѣ и всегда, отвѣчалъ Жакъ, весело обнимая Вакханку.

Майѣ сначала не рѣшалась-было, но потомъ, подумавъ, что эти деньги, вѣрно, будутъ истрачены на шалости, а между-тѣмъ они могутъ возвратить жизнь и надежду цѣлому семейству Агриколы, да послѣ пригодятся въ нуждѣ и самому Гольмшу, она сказала: — Я принимаю ваши деньги, мосѣ Жакъ: вы добры и великодушны.... у бѣдлага отца Агриколы много горя.... хоть это утѣшитъ его.... О, благодарю, благодарю васъ.... — «За что жь благодарить.... когда есть деньги, такъ и для себя и для другихъ...»

Тутъ снова раздались крики и шумъ трещотки Нини-Мельницы. — Цефиза.... они тамъ все переколотятъ, а теперь ужь мнѣ нечѣмъ платить за разбитую посуду, сказалъ Гольмшъ. Извините, прибавилъ онъ, обращаясь къ Майѣ: слава налагаетъ на нея обязанности....

Цефиза съ чувствомъ протянула руки къ сестрѣ и та со слезами бросилась въ ея объятія. — А теперь.... когда мы увидимся? сказала она. — «Скоро, скоро, моя милая, хоть мнѣ очень больно видѣть тебя въ такой нищетѣ.... тѣмъ болѣе, что ты не хочешь принять отъ меня пособія.» — Такъ ты прійдешь ко мнѣ, моя милая Цефиза? — «Я вамъ обещаю за нея, сказалъ Жакъ: мы прійдемъ оба, повидаться съ вами и съ добрымъ Агриколой.» — Такъ ступай же къ твоимъ гостямъ.... и веселись, моя милая.... твой Жакъ ошастливилъ сегодня цѣлое семейство....

Гольмшъ пошелъ посмотрѣть, можетъ ли Майѣ уйти такъ, чтобы никто ее не увидѣлъ, и она ушла по-тихонько, чтобы по-скорѣе обрадовать Дагобера, но прежде хотѣла зайти въ Вавилонскую Улицу, въ Давильонъ, гдѣ жила Адриенна де-Кардовиль. Мы послѣ узнаемъ, зачѣмъ она туда ходила.

Въ то время какъ она вышла изъ трактира, три человѣка, порядочно одѣтые, стояли передъ этимъ домомъ и, казалось, совѣтовались между собою. Черезъ минуту четвертый человѣкъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы трактира. — Ну, что? съ безпокойствомъ спросили трое первые. — «Тутъ».... — Ты навѣрное знаешь? — «Какъ его не узнать! Другаго Гольмша нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Онъ одѣтъ носильщикомъ.... Они за столомъ, и, вѣрно, просидятъ еще часа три.» — Такъ подождите же меня здѣсь, сказалъ одинъ изъ этихъ людей: только смотрите, чтобы васъ не замѣтили.... Я сбѣгаю за командиромъ и дѣло въ шляпѣ.

И онъ побѣжалъ въ одну изъ улицъ, выходящихъ на площадь. Въ это самое время Вакханка вошла съ Гольмшемъ въ залу и сѣрняки съ восторженными восклицаніями.

— Теперь, друзья мои, вскричала Цефиза съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ и какъ-бы стараясь заглушить свои чувства: теперь шумъ, громъ, гамъ, ствадь, пляска, скачка и веселье.... Потомъ, придвигая стаканъ къ Нини-Мельницѣ, она сказала: — Пить!

— Да здравствуетъ царица Вакханокъ! вскрикнуло въ одній голосъ все собраніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

УТРЕННИКЪ.

Вакханка предсѣдательствовала на возднемъ ужинѣ, который Жакъ Реннонъ давалъ своимъ пріятелямъ. Этотъ ужинъ, по справедливости называется утренникомъ, *reveille-matin*. Подлѣ Нюны сидѣли Голышъ, Махровая-Роза и Нини-Мельница. Всѣ эти молодые люди, казалось, забыли, что балъ у нихъ продолжался съ одиннадцати часовъ вечера до шести утра. Всѣ они шли и шли такъ усердно, что вначалѣ ужина разговоръ почти не было: слышался только стукъ тарелокъ и стакановъ. Физиономія Вакханки была не такъ весела, но болѣе оживлена чѣмъ обыкновенно. Разгорѣвшіяся ея щеки, блестящіе глаза обличали какое-то лихорадочное волненіе; она старалась развеселиться, но прискорбный разговоръ съ сестрою, противъ воли ея, приходилъ ей въ голову. Жакъ по временамъ поглядывалъ на нея съ страстнымъ обожаніемъ; они нѣжно любили другъ друга; но еще и сами не знали всей силы этой любви, потому что еще не были испытаны несчастіемъ. Пріятель Махровой-Розы, молодой студентъ, былъ въ отсутствіи: уѣхалъ къ роднымъ за деньгами, и она выбрала себѣ кавалеромъ Нини-Мельницу: онъ былъ такъ дурень, что не могъ возбуждать ни ревности, ни подозрѣній. Нини-Мельница сидѣлъ безъ шлема. Голова у него была лысая, съ узкимъ вѣничкомъ черныхъ и жесткихъ волосъ, довольно еще длинныхъ на затылкѣ. По мѣрѣ-того, какъ онъ напивался, румянецъ его багроваго лица распространялся и на лысину. Зная, что значитъ этотъ признакъ, Махровая-Роза обратила на него вниманіе почтеннаго общества и вскричала, смѣясь: — Нини-Мельница, берегись! Винный приливъ сегодня что-то очень скоро идетъ. — «Вѣдь ты потонешь, когда онъ покроетъ тебя съ головой», прибавила Вакханка. — О, царица Вакханокъ, сказалъ Дюмуленъ, не развлекай меня: я размышляю. — «Тише, господа, не мѣшайте: Нини-Мельница размышляетъ!» вскричала Махровая-Роза. — О чемъ это вы изволите размышлять? спросилъ кто-то. — «О моей женитбѣ», серьезно отвѣчалъ Дюмуленъ.

— Слышите! слышите! Нини-Мельница женится!» вскричали многіе изъ гостей. Хохотъ, стукъ, крики, рукоплесканія,

взрывомъ раздался по всей залѣ. Дюмуленъ кричалъ и хохоталъ громче всѣхъ, выхвативъ изъ-подъ стула свою трещотку, и вертелъ ею изъ всей мочи. — «Да, таки женюсь, господа, женюсь на шутку, сказалъ онъ, когда ураганъ немножко утихъ. За здоровье моей невѣсты!» — За здоровье невѣсты Нини-Мельницы! закричали гости, опорожнивая стаканы. — «Но кто же эта слава-ливица, которая скоро будетъ имѣть честь и наслажденіе называться Нини-Мельничихою?» спросила Вакханка. — Благородная и высокопочная вдова Оноре-Модеста-Мессалина-Ангелика де де-Сентъ-Коломбъ..... — «Браво! браво!» — Ей шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и у ней больше тысячь доходу, чѣмъ сѣдыхъ волосъ на усахъ; она такъ объемиста, что все почтенное собраніе могло бы прикрыться ея платьемъ какъ палаткой. Въ слѣдующую мясливицу я надѣюсь представить вамъ ее въ костюмѣ пастушки, которая пожрала все свое стадо. Теперь мы чуть не деремся съ нею съ езуитами; они тянутъ къ себѣ, я къ себѣ. Боятся ничего, не разорвемъ: прочна; но, я надѣюсь, война скоро кончится и побѣда останется на моей сторонѣ. Тогда уже помогите мнѣ только просвѣтить ее по-нашему. — «Объ этомъ ужъ не беспокойся: мы ее выучимъ канкадъ танцовать.» — И это прозвѣдетъ самое благоприятное впечатлѣніе на городскихъ сержантовъ. — «Мы скажемъ имъ: имѣйте къ ней уваженіе: ваша мать будетъ современемъ такъ же стара».

Вдругъ Вакханка встала, держа въ рукѣ полный покалъ. Все ушло. — Говорятъ, сказала она, что холера въ своихъ сапогахъ-самоходахъ, быстро приближается къ Парижу..... За здоровье холеры!

И она осушила покалъ. Несмотря на общую веселость, этотъ тостъ произвелъ на гостей страшное впечатлѣніе; ужасъ электрическою искрою пробѣжалъ по собранію. Почти всѣ лица нахмурились. — Что это ты, Цефиза! сказалъ Жакъ съ легкимъ упрекомъ. — «За здоровье холеры! неустрашимо повторила Вакханка. Пусть она пощадитъ тѣхъ, кому хочется жить и умертвить вмѣстѣ тѣхъ, которымъ не хочется разлучаться....

Жакъ и Цефиза быстро переглянулись и Вакханка нѣсколько времени сидѣла задумчиво. — Если такъ, то по-мнѣ, пожалуй, сказала Махровая-Роза. За здоровье холеры! Чтобы на землѣ остались только добрые весельчаки....

Несмотря на этотъ варіантъ, мрачное впечатлѣніе, произведенное тостомъ Цефизы, еще не разсѣялось. Чтобы переменить разговоръ, Дюмуленъ сказалъ: — Къ-чорту мертвыхъ и холеру! Да здравствуютъ живые! Кстати о живыхъ, которые умѣютъ жить, я предложу тостъ, который вѣрно будетъ пріятенъ нашей парціѣ, тостъ за здоровье нашего добраго хозяина. Къ-сожалѣнію, я не знаю его почтеннаго имени, потому что только нынче ночью имѣлъ честь съ нимъ познакомиться, такъ

и не могу называть его иначе, какъ Гольшомъ. Впрочемъ, это имя нисколько не оскорбляетъ моею стыдливости, потому что, сколько мнѣ извѣстно, и нашъ праотецъ Адамъ никогда не ходилъ иначе. — «Очень благодаренъ вамъ, любезный толстякъ, сказалъ Жакъ. Если бъ я забылъ ваше имя, я бы закричалъ: Хочешь - Пить! и увѣренъ, что вы отвѣчали бы: Здѣсь!» — Здѣсь! закричалъ Дюмуленъ, какъ солдатъ на перекличкѣ. Здѣсь, какъ-нельзя больше здѣсь, всегда къ вашимъ услугамъ. — «Впрочемъ, продолжалъ Жакъ: мы вибѣтъ пили, такъ намъ надобно по короче познакомиться.... Меня зовутъ Жакомъ Реннпономъ. — Реннпономъ! вскричалъ Дюмуленъ, пораженный этимъ именемъ, хотя былъ уже на-всеселъ. Васъ зовутъ Реннпономъ? — «Именно. Что жъ тутъ удивительнаго?» — То, что есть старинная фамилія этого имени.... Графы Реннпоны. — «Неужели!» сказалъ смѣясь Жакъ. — Эти графы Реннпоны сверхъ-того и герцоги де Кардвилли. — «Неужели я похожъ на потомка этой знаменитой фамиліи? Нѣтъ, мой любезный, я, просто, гуляка-мастеровой.» — Мастеровой! Что вы гуляка, это я вижу, но чтобы вы были мастеровымъ, этого я никакъ не воображалъ. Да, это просто, какъ въ «Тысячи и Одной Ночи»; вы мастеровой, а задаете намъ пиръ, настоящей валтазаровскій, да еще съ акомпаниментомъ колясокъ четверками.... Какимъ же это мастерствомъ вы занимаетесь?... Я тотчасъ примусь за него и покину ниву Господню, которую воздѣлываю помѣрѣ силъ и крайнему разумѣнію... — «Не подумайте, чтобы я дѣлалъ фальшивые банковые билеты или экономическую звонкую монету», сказалъ смѣясь Жакъ. — Какъ вамъ не стыдно! Я никогда не позволяю себѣ обидныхъ предположеній.... — «Не мудрено подумать, видя какъ я живу. Но, не беспокойтесь: я мотаю наслѣдство.» — Вы, вѣрно, проѣдете и пропиваете какого-нибудь дядюшку? — «Я и самъ не знаю.» — Какъ, вы не знаете, кѣмъ именно лакомитесь? — «Вотъ въ чемъ дѣло: отецъ мой былъ ветошникъ».... — Ветошникъ! повторилъ Дюмуленъ. Это на него не слишкомъ пріятно подѣйствовало, хотя онъ былъ не слишкомъ разборчивъ насчетъ общества и готовъ пить со всякимъ. Но послѣ первой минуты удивленія, онъ прибавилъ съ величайшею вѣжливостью: — Впрочемъ, бывають ветошники съ большими достоинствами. — «Вы шутите, сказалъ Жакъ, а между-тѣмъ отецъ мой, точно, былъ человекъ съ необычайными достоинствами. Онъ превосходно зналъ латинскій и греческій языки, въ математикѣ хотъ кого бы заткнулъ за поясъ.... сверхъ-того онъ много путешествовалъ».... — Но въ такомъ случаѣ, сказалъ Дюмуленъ, у котораго удивленіе разогнало лишніе пары: можетъ-быть, вы и въ самомъ дѣлѣ изъ фамиліи графовъ Реннпоновъ. — «Такъ, видно, покойникъ вашъ батюшка ветошничалъ просто по охотѣ, изъ чести», сказала смѣясь Махровая-Роза. — О, нѣтъ, онъ искалъ себѣ крючкомъ хлѣба, и

такъ добывалъ хлѣбъ, потому что и я его ѣлъ два года, когда жилъ вмѣстѣ съ отцомъ, по смерти тѣтки, у которой воспитывался въ ребячествѣ. Какъ бы то ни было, кажется, что въ молодости отецъ мой имѣлъ состояніе; потомъ, не знаю какимъ образомъ разорился. Онъ было-попробовалъ обратиться къ одному богатому родственнику, но тотъ и не посмотрѣлъ на него. Хотѣлъ было извлечь пользу изъ своихъ познаній, но и тутъ дѣло не пошло на ладъ. Видно, тогда въ Парижѣ ученыхъ было, какъ мухъ. Наконецъ, чтобы не умереть съ голоду, отецъ мой сдѣлался ветошникомъ. — «Такъ, видно, вашъ батюшка былъ философъ», сказалъ Дюмуленъ. Но если онъ не нашелъ кучи денегъ въ какой-нибудь помойной ямѣ, то я всё-таки не вижу, откуда бы вы могли ожидать наслѣдства.» — Дайте досказать. Двѣнадцать лѣтъ отъ-роду я поступилъ работникомъ на фабрику къ барону Трипю.... Чтобы чортъ его душу взялъ!.... вскричалъ съ гнѣвомъ Жакъ Реннпюнь. Но тотчасъ успокоившись, онъ продолжалъ: — Года черезъ два послѣ-того отецъ мой умеръ отъ одного несчастнаго случая, и оставилъ мнѣ всю мебель нашего чердака: изломанный столъ, хромоногий стулъ, да старый ящикъ отъ кѣльнской воды, въ которомъ были какія-то старинныя бумаги, писанныя, кажется, по-англійски, и бронзовая медаль, которая вмѣстѣ съ цѣпочкой стоитъ, я думаю, по-крайней-мѣрѣ франкъ... Я не зналъ, что это за бумаги: отецъ никогда не говорилъ мнѣ о нихъ. Онѣ всё лежали у меня въ старомъ чемоданѣ, и хорошо, что я ихъ не сжегъ, потому что за эти бумаги мнѣ дали десять тысячъ франковъ.... — «Десять тысячъ франковъ! вскричалъ Дюмуленъ: да кто же зналъ, что у васъ есть эти бумаги?» — Видно, знали, потому что одинъ изъ тѣхъ афферистовъ, которые скупаютъ векселя и документы на старинныя наслѣдства, пришелъ къ Цефизѣ и просилъ ее поговорить объ этомъ со мною. Прочитавъ мои бумаги, онъ сказалъ мнѣ, что дѣло довольно сомнительное; но что, впрочемъ, онъ готовъ дать мнѣ за эти доскутки десять тысячъ франковъ.... Десять тысячъ франковъ!.... Вы можете вообразить, что я схватился за нихъ обѣими руками.... — Вы, однако жъ, должны бы были подумать, что эти бумаги важныя.» — Врядъ-ли, потому что иначе отецъ мой, вѣрно, воспользовался бы ими и не сталъ бы ветошничать, какъ говоритъ Махровая-Роза.... Притомъ я былъ въ плохихъ обстоятельствахъ и эти деньги какъ-будто съ неба свалились.... Десять тысячъ!.... Какъ не взять когда дадутъ!.... Афферистъ предложилъ мнѣ подписать для порядку, заемное письмо.... — «И вы подписали?» — Подписалъ.... Отчего жъ и не подписать?.... Онъ увѣрялъ меня, что это, просто, для формы, для порядку въ дѣлахъ.... и, видно, что такъ, потому что срокъ этому векселю кончился уже недѣли двѣ назадъ, а денегъ съ меня не требуютъ... У меня еще остается тысяча франковъ, но они хранятся въ кас-

съ этого добраго аффериста, потому что у меня кассы нѣтъ, а карманъ съ дырой.... И я гуляю, съ-тѣхъ-поръ, какъ получилъ эти десять тысячъ франковъ и страхъ радъ, что вывернулся изъ котлетъ проклятаго Трипò.

При этомъ имени лицо Жака сдѣлалось мрачнымъ. Цефиза съ безпокойствомъ посмотрѣла на него: она знала какое впечатлѣнiе производило на него это имя.— Баронъ Трипò! О! вотъ человѣкъ, который добраго сдѣлаетъ злымъ, а злаго извергомъ. Говорятъ: каковъ хозяинъ, таковъ и работникъ.... О! этотъ человѣкъ..... когда я подумаю объ немъ... вскричалъ Жакъ, ударивъ изо всей мочи кулакомъ по столу.—«Полно, Жакъ, подумай лучше о чемъ-нибудь другомъ», сказала Цефиза. Махрова-Роза, разсмѣши его.— Миѣ теперь не до смѣху! мрачно сказалъ Жакъ.... Этотъ человѣкъ не говорилъ объ насъ иначе, какъ мерзавцы-работники, скоты-работники!.... А дѣти у него на фабрикѣ.... Бѣдняжки! работали столько же какъ большіе.... Бѣда не велика: одни умрутъ, можно другихъ взять.... это вѣдь не лошади: покупать не нужно.—«Э, полноте, вы видно, вы любите своего прежняго хозяина, сказалъ Дюмуленъ, удивляясь раздраженію Ренишона и жалѣя, что разговоръ принялъ такой мрачный оборотъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ на-ухо Вакханкѣ и та кивнула ему головою.

— «Да, я не люблю барона Трипò, я ненавижу его, продолжалъ Жакъ. Знаете ли за что? Онъ отчасти причиною того, что я сдѣлался такимъ гулякой.... Я не хвастаюсь, но, право, когда я былъ мальчишкой, я работалъ у него изо всѣхъ силъ, изъ кожи лѣтъ.... даже, чтобы ловче было работать, я снималъ рубашку.... отъ этого-то меня и прозвали Гольшомъ.... Что же вы думаете? Какъ я ни старался, я никогда не слышалъ ласковаго слова. Я приходилъ первый, уходилъ послѣдній.... ничего; никто не обращалъ на это вниманія. Однажды меня ранило машиной.... Снесли меня въ больницу.... Я вышелъ оттуда еще совсѣмъ слабый и тотчасъ явился на фабрику. Другіе работники, которые уже знали хозяина, говорили миѣ: «Этакой дуралей, этотъ мальчишка! Ну, что ты изъ кожи-то лѣзешь! Вѣдь тебѣ отъ этого лучше не будетъ. Дѣлай что положено и больше ничего». Однако же я продолжалъ работать съ прежнимъ усердіемъ.... Но однажды.... былъ у насъ работникъ, Арсень, человѣкъ прекрасный и уже очень давно работалъ на этой фабрикѣ. Однажды ему вдругъ отказали, потому что онъ былъ уже не молодъ и, разумѣется, не такъ силенъ какъ прежде. Это для него былъ ужасный ударъ. У него была больная жена, которую надобно было содержать, притомъ въ его лѣта и при его слабости другое мѣсто найти было не легко. Бѣднякъ заплакалъ съ-горя. Въ это время Трипò проходилъ по фабрикѣ. Арсень сталъ просить, умолялъ Богъ знаетъ какъ, чтобы ему позволили работать хоть за недѣ-

цѣны. Трипо пожалъ плечами и сказалъ: «Что ты думаешь! Развѣ моя фабрика невѣрный домъ?» Потомъ обратившись къ прикащику онъ прибавилъ: «Разсчитать его, и чтобъ онъ убирался». Бѣднякъ Арсень и точно убирался; но только въ тотъ же вечеръ они съ женою заперли на-глухо свою комнату, зажгли въ жаровнѣ уголю и отправились на тотъ свѣтъ. Я еще былъ тогда ребенкомъ; однако жъ эта исторія ужасно подѣйствовала на меня...

Между-тѣмъ, какъ Жакъ увлекался такимъ образомъ своими грустными воспоминаніями, гости его, предуведомленные Дюмуленомъ и Вахханкою, сговорились между-собою. Вдругъ Цефиза вскочила на столъ, растолкавъ ногой бутылки и стаканы, и всѣ хоромъ вскричали съ акомпаниментомъ трещотки Нини-Мельницы: — Бурный Тюльпанъ! Публика требуетъ Бурный Тюльпанъ!

При этомъ взрывѣ восклицаній, Жакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своихъ гостей; потомъ провелъ рукою по-лбу какъ-бы для того, чтобы разогнать мрачныя мысли и сказалъ: — Да, правда ваша. Давайте плясать!

Дюжія руки схватили столъ и оттащили его въ уголь большой залы; зрители вскочили на стулья, на скамьи, на окна, и въѣхот оркестра, заплѣли извѣстную пѣсню: «Студенты». Гольшъ и Вахханка, Махровая-Роза и Дюмулень стали на мѣста. Дюмулень передалъ свою трещотку товарищу, и надѣлъ свой огромный шлемъ. Блестящія латы его оканчивались, правда, не совѣмъ кстати, поясомъ изъ перьевъ. Брюхо у Нини-Мельницы было толстое, а ноги худыя и потому широкіе сапоги его съ отворотами презабавно болтались. Маленькая Махровая-Роза, надѣвъ шапочку на-бекрень, заложивъ руки въ карманы своихъ панталонъ и нагнувшись туловищемъ впередъ, начала съ Нини-Мельницей фигуру *avant-deux*. Дюмулень, сгорбившись, подвигался впередъ скачками и прыжками, согнувъ лѣвую ногу, вытянувъ правую впередъ, поднявъ носокъ къверху и скользя пяткою по-полу; сверхъ-того онъ ударялъ себя лѣвой рукою по затылку, а правую выкидывалъ впередъ, какъ-будто хотѣлъ пустить пыль въ глаза своимъ *vis-à-vis*. Зрители съ восторгомъ аплодировали, хотя это было не что иное какъ невинное вступленіе въ кадрили Бурнаго Тюльпана. Вдругъ въ комнату вошелъ трактирный слуга; поискавъ Гольша глазами, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо. — «Меня! вскричалъ Жакъ смѣясь: что за вздоръ!» Слуга сказалъ еще нѣсколько словъ и на лицѣ Жака изобразилось безпокойство. Онъ пошелъ къ дверямъ. — Что тамъ такое, Жакъ? спросила съ удивленіемъ Цефиза. — «Я сейчасъ ворочусь. Пусть кто-нибудь покуда за меня потанцуетъ; продолжайте,» отвѣчалъ Гольшъ, и ушелъ. — Вѣрно что-нибудь забыли поставить въ счетъ, сказалъ Дюмулень. Онъ тотчасъ воротится. — «Да, сказала Цефиза. Теперь кавалеръ одинъ впередъ».

И она начала танцовать за своего кавалера. Потомъ Дюмуленъ взглянулъ Вакханку и Махровую Розу за руки и готовился начать между ними баламасе, которымъ онъ всегда ужасно смѣшилъ почетнѣйшую публику, какъ-вдругъ слуга опять явился, подбѣжалъ съ разстроеннымъ видомъ къ Цефизѣ и сказалъ ей что-то вполголоса. Вакханка поблѣднѣла, вскрикнула и, не сказавъ ни слова, ко всеобщему изумленію, выбѣжала изъ комнаты.

=

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОЩАНІЕ.

—

Цефиза сбѣжала, велѣвъ за трактирнымъ слугою, съ лѣстницы. У дверей стоялъ фіакръ. Въ каретѣ она увидѣла Жака съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые прежде стояли на площади Шатле передъ трактиромъ. Увидѣвъ Цефизу, этотъ человѣкъ вышелъ изъ кареты и посмотрѣвъ на часы, сказалъ Жаку: — Я даю вамъ четверть часа сроку, любезный... а потомъ... надобно ѣхать... Не пытайтесь убѣжать... Мы станемъ караулить у дворецъ, пока фіакръ будетъ стоять на мѣстѣ.

Цефиза вскочила въ карету. Она была такъ взволнована, что до-сихъ-поръ не могла говорить; теперь, съвъ подлѣ Жака и заиѣтивъ его блѣдность, она вскричала: — Что это такое, Жакъ? Чего они отъ тебя хотятъ? — «Везутъ въ тюрьму за долги,» сказалъ Жакъ съ мрачнымъ видомъ. — Тебя? вскрикнула Цефиза раздирающимъ сердце голосомъ. — «За неплатежъ по векселю, который этотъ аферистъ заставилъ меня подписать... А онъ увѣрялъ, что это, просто, для формы... Разбойникъ!» — Да, Боже мой, вѣдь у него еще есть твои деньги. Пусть онъ возьметъ это въ уплату долгу. — «У меня ровно ничего нѣтъ. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что не дастъ послѣдней тысячи рублей, потому что я не заплатилъ по векселю.» — Такъ поѣдемъ поскорѣе къ нему, попросимъ, чтобы онъ оставилъ тебя на волю. Вѣдь онъ самъ предложилъ тебѣ эти деньги... вѣдь онъ обратился сначала ко-мнѣ. Онъ сжалится надъ нами... — «Сжалится!... аферистъ... ростовщикъ!... Никогда!» — Такъ нѣтъ больше никакой надежды? вскричала Цефиза, въ отчаяніи всплеснувъ руками. Однако же что-нибудь да можно же сдѣлать, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: вѣдь онъ общалъ тебѣ... — «Ты видишь, какъ онъ исполняетъ свои обѣщанія... Я подписалъ, на вѣру ему, самъ не зная что... срокъ векселю вышелъ... По зако-

ду онъ совершенно правъ.... Противиться невозможно.... Миѣ сейчасъ это растолковали....» — Но гдѣ нельзя же тебя долго держать въ тюрьмѣ. Это невозможно. — «Пять лѣтъ.... если я не заплачу своего долгу раньше.... а какъ миѣ платить нечѣмъ, то дѣло ясно....» — О, Боже мой! Боже мой! какое несчастіе! сказала Цефиза, закрывъ лицо руками. — «Послушай, моя милая, сказалъ Жакъ растроганнымъ голосомъ : съ-тѣхъ поръ какъ я тутъ , и думаю только объ одномъ : что съ тобою будетъ?» — О, не безпокойся обо миѣ.... — «Не безпокойся о тебѣ!.... Но что же ты будешь дѣлать безъ меня? Вся мебель нашихъ двухъ комнатъ не стоитъ и двухъ сотъ франковъ. Мы съ тобою распорядились такъ хорошо , что даже не платили за квартиру и теперь должны за двѣ трети.... такъ на мебель нечего надѣяться, и ты останешься безо всего.... Меня.... въ тюрьмѣ.... по-крайней-мѣрѣ , будутъ кормить.... Но чѣмъ же станешь жить ты , моя бѣдная?» — Стоитъ ли заранѣе горевать о томъ что будетъ! — «Но чѣмъ же ты будешь жить завтра, не дальше?» вскричалъ Жакъ. — Я продамъ свой костюмъ , кое-какія вещи ; половину денегъ пришлю тебѣ , а остальнаго миѣ станетъ на нѣсколько дней. — «А потомъ.... потомъ?».... Потомъ?.... а почему я знаю , что будетъ потомъ... тамъ еще увидимъ. — «Послушай, Цефиза, сказалъ Жакъ съ глубокой горестью : я только теперь вижу , какъ я люблю тебя.... Сердце у меня обливается кровью, когда я подумаю, что мы съ тобою разстаемся.... морозъ по кожѣ пробѣгаетъ , оттого что я не знаю чѣмъ ты будешь жить....» Потомъ, проведя рукою по лбу, онъ прибавилъ : — «Насъ то и погубило, что мы всегда думали : завтра еще далеко ; а ты видишь, завтра не за горами. Когда меня не будетъ съ тобою, когда ты истратишь деньги , которыя выручишь за свои вещи.... что ты тогда будешь дѣлать?.... Отъ работы ты отвыкла.... Сказать ли тебѣ что ты тогда будешь дѣлать?.... Ты забудешь меня, и....»

Цефиза угадала что онъ хотѣлъ сказать, и, бросившись къ нему на шею, со слезами вскричала : — Чтобъ я тебя забыла!.... О, никогда!.... Я тоже, какъ ты.... только теперь вижу, какъ я люблю тебя.... — «Но чѣмъ же ты будешь жить, моя милая?... Что ты станешь дѣлать, когда тебѣ нечего будетъ ѣсть?» — Дѣлать нечего.... я стану жить опять съ сестрою, но-прежнему.... и по-крайней-мѣрѣ буду выработывать себѣ на хлѣбъ.... Выходить со двора буду только длатого, чтобы повидаться съ тобою.... Черезъ нѣсколько времени, аферистъ увидитъ, что ты не въ состояніи заплатить десяти тысячъ франковъ, и по-неволѣ вынудитъ тебя. Что ему за прибыль держать тебя въ тюрьмѣ!.... А между-тѣмъ я снова привыкну къ работѣ.... Увидишь, увидишь.... Ты тоже отстанешь отъ развѣянной жизни.... Мы оба станемъ работать.... будемъ жить бѣдно, но спокойно.... По-крайней-мѣрѣ ны полгода повеселимся , а другіе и во всю жизнь свою не зна-

ють веселья.... Повѣрь мнѣ, этотъ урокъ послушать мнѣ въ пользу. Если ты меня любишь, мой добрый Жакъ, то не безпокойся обо мнѣ.... Я скорѣе умру, чѣмъ забуду тебя. — «Обидай меня, моя милая, сказалъ Жакъ со слезами на глазахъ: ты меня ободряешь; теперь я не боюсь и за будущее. Да, ты правду говоришь: надобно постараться опять привыкнуть къ работѣ... Эти полгода, прибавилъ онъ вполголоса и съ трепетомъ: эти полгода я былъ въ какомъ-то опьяненіи, а теперь какъ-будто протрезвился.... Теперь я вижу ясно куда мы шли.... Промотаю все что у насъ было, я бы, можетъ-быть, сдѣлался воромъ.... а ты....» — О, не говори этого, Жакъ.... ты меня пугаешь, вскричала Цефиза.... Клянусь тебѣ, я ворочусь къ сестрѣ.... стану работать.... и у меня достанетъ духу вынести хоть какую нужду....

Цефиза говорила некренно.... Она твердо рѣшилась сдержать свое слово: сердце ея было еще не совсѣмъ развращено. Несчастіе Жака еще усилило ея любовь къ нему. Она и не подумала о томъ, что уже прежде не могла вынести этой тягостной жизни, исполненной непрерывныхъ трудовъ и лишеній, и что теперь, когда она отвыкла отъ всего этого, такая жизнь покажется ей еще несноснѣе. Какъ бы то ни было, увѣренія ея нѣсколько утишили безпокойство Жака и облегчили его горесть. Притомъ онъ теперь ясно видѣлъ, что скользкій путь, на который онъ увлекъ Цефизу, необходимо долженъ былъ привести ихъ обоихъ прямо къ безчестію.

Въ это время одинъ изъ приставовъ постучалъ въ стекло дверицы. — Вамъ остается нять минутъ, сказалъ онъ: поторопитесь. — «Не унывай, моя милая, сказалъ Жакъ».... — Будь спокоенъ, и надѣйся на меня. — «Ты не пойдешь наверхъ?» — Нѣтъ.... о нѣтъ.... Этотъ ширъ теперь для меня отвратителенъ. — «Я заплачу за все впередъ, такъ стѣитъ только сказать, чтобы насъ не ждали.... Какъ удивятся тамъ наши!... Но всё-равно».... — Если бы ты могъ только заѣхать со мною къ намъ?.... Приставъ, я думаю, согласится. Вѣдь нельзя же тебѣ ѣхать въ тюрьму въ этомъ костюмѣ.... — «Я думаю, согласится; но вѣдь онъ сядетъ съ нами, такъ намъ нельзя будетъ поговорить съ тобою.... Позволь же, моя милая, я поговорю тебѣ дѣло, въ первый разъ въ жизни.... Не забывай того, что я скажу тебѣ... Впрочемъ, это касается столько же и до меня, какъ до тебя, сказалъ Жакъ серіозно и съ чувствомъ.... Воспользуйся этимъ несчастнымъ случаемъ.... постарайся снова привыкнуть къ работѣ.... Какъ она ни трудна, ни неблагоприятна, а всё-таки надо работать.... Но не откладывай этого, примись за работу тотчасъ.... Иначе этотъ примѣръ перестанетъ на тебя дѣйствовать.... и ты кончишь тѣмъ же, чѣмъ кончаютъ многія другія несчастныя.... Ты понимаешь».... — Понимаю.... сказала Цефиза, покраснѣвъ: но лучше умереть, чѣмъ вести такую жизнь.... — «О, да, конечно.... и въ такомъ случаѣ,

прибавилъ Жакъ глухимъ голосомъ и съ мрачнымъ видомъ: и помогу тебѣ... и мы умремъ вмѣстѣ.»—О, да, я увѣрена въ тебѣ, Жакъ, вскричала Цефиза, съ восторгомъ обнимая его. Потомъ она прибавила печально: Ты видишь, это было какъ-бы предчувствіе, что я вдругъ посреди веселья сдѣлалась скучною... и предложила тостъ за холеру... чтобъ она умертвила насъ вмѣстѣ.... — «Какъ знать, сказалъ мрачно Жакъ: можетъ-быть холера и въ самомъ дѣлѣ прійдетъ... можетъ-быть тѣмъ лучше».... Я только одно могу сказать тебѣ, Жакъ: и жить и умереть вмѣстѣ, я на все готова съ тобою. — «Полю, моя милая, оботри твои слезы... Не станемъ ребячиться передъ этими людьми.»

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ-того, Фіакръ подѣхалъ къ дому, гдѣ жилъ Жакъ. Онъ хотѣлъ только переодѣться тамъ, чтобъ отправиться въ тюрьму за долги.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ФЛОРИНА.

Въ то самое время, какъ Гольшъ и Ваханка такъ печально оканчивали самый веселый періодъ своей жизни, Майё подходила къ Вавилонской улицѣ, къ павильону, гдѣ жила прежде Адриенна де-Кардовиль. Сбираясь позвонить, бѣдная швель отерла свои слезы. Ее поразило новое несчастье. Разставшись съ сестрою, она пошла къ женщицѣ, которая всегда давала ей работу; но та отказала ей, говоря, что въ женской тюрьмѣ эту работу дѣлаютъ цѣлою третью дешевле. Чтобы не лишиться этого послѣдняго средства существованія, Майё согласилась на сбавку, но бѣлье было уже отдано, и несчастная дѣвушка, даже и сбавляя цѣну, не могла получить работы ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ. Можно вообразить себѣ ея горе: что ей оставалось дѣлать, когда нѣтъ работы? — Просить милостыни или... умереть съ-голоду.

Майё робко позвонила; черезъ нѣсколько минутъ Флорина отперла дверь. Камеристка была одѣта уже не по вкусу Адриенны де-Кардовиль, а съ строгою простотою. На ней было платье темнаго цвѣту, съ высокимъ воротомъ и такое широкое, что тонкая ея талія была совсѣмъ незамѣтна; черные какъ смоль ея волосы едва видѣлись изъ-подъ гладкой оборки бѣлаго, накрахмаленнаго чепца; но и несмотря на этотъ, столь простой нарядъ, смуглое и блѣдное лицо Флорины было удивительно прекрасно.

Мы уже говорили, что находясь, по случаю одного уголовного дѣла, въ совершенной зависимости отъ Родена и аббата д'Эгриньи, Флорина передавала имъ все, что дѣлала и говорила Адриенна, хотя мадмоазель де-Кардовиль осыпала ее своими милостями. Сердце Флорины было еще не совсѣмъ испорчено и потому она иногда терзалась жестокими, но бесполезными угрызеніями совѣсти, при мысли о томъ, какое гнусное ремесло ее заставляютъ отправлять.

Наканувъ этого дня, Флорина сообщила Майё о задержаніи Агриколы и помѣшательствѣ мадмоазель де-Кардовиль; теперь она тотчасъ узнала бѣдную дѣвушку, но увидѣвъ ее, отступила въ испугъ: до такой степени лицо Майё было разстроено. Отказъ въ работѣ, при обстоятельствахъ и безъ-того тягостныхъ, былъ для нея страшнымъ ударомъ; на лицѣ ея были замѣтны слѣды недавнихъ слезъ; оно, противъ ея воли, выражало глубокую скорбь; притомъ она была такъ слаба, такъ изнурена, что Флорина бросилась къ ней, взяла ее за руку и подерживая ее, сказала: — Войдите, войдите, моя милая... отдохните хоть минутку: вы очень блѣдны, и, кажется, ужасно устали или нездоровы.

Говоря это, Флорина ввела Майё въ небольшія сѣни съ камнемъ и ковромъ, и усадила у огня, въ большія, вышитыя кресла. Жоржетту и Гебу отпустили, и потому въ павильонѣ, кромѣ Флорины, никого и не было.

Когда Майё сѣла, Флорина сказала ей съ вѣжливымъ участіемъ: — Не хотите ли вы чего-нибудь? Хоть теплаго молока съ помаранцовой водою? — «Покорно благодарю васъ», отвѣчала растроганная Майё.

Малѣйшій знакъ благорасположенія трогалъ бѣдную дѣвушку до глубины души, а теперь она еще съ пріятнымъ удивленіемъ видѣла, что Флорина не гнушается ея нищенской одеждою.

— Миѣ ничего не нужно, продолжала она, но хотѣлось бы немножко отдохнуть, потому что я очень далеко шла и если вы позволите... — «Отдыхайте, сколько вамъ угодно, моя милая, сказала Флорина. Я здѣсь одна, съ-тѣхъ-поръ какъ бѣдную барышню увезли. (Флорина покраснѣла и вздохнула.) Такъ не церемоньтесь, и подвиньтесь по-ближе къ огню... сядьте вотъ сюда... тутъ вамъ лучше будетъ.... Боже мой, какъ у васъ ноги мокры! Поставьте ихъ на табуретъ.

Ласковый пріемъ Флорины, ея прекрасное лицо, ея манеры, совсѣмъ не похожіе на манеры обыкновенныхъ горничныхъ, чрезвычайно поразили Майё, потому что она живо чувствовала все граціозное, вѣжливое и благородное: увлекаясь этимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, она, обыкновенно робкая и осторожная, сдѣлалась до вѣрчивою.

— Какъ вы добры! сказала она. Миѣ, право, совѣстно, что вы

обо мнѣ такъ безпокоитесь. — «Увѣраю васъ, что я готова бы сдѣлать для васъ и не это, отвѣчала Флорина: у васъ такое добрее, такое интересное лицо!» — Ахъ, какъ пріятно грѣться у огонька, простодушно сказала Майё. Потомъ, по своей рѣдкой деликатности, она стала бояться, чтобъ не подумали, будто она, употребляя во зло гостепримство, старается пробыть тутъ подольше. — Вы вчера говорили мнѣ, сказала она, что одинъ мадзеровой, Агрикола Бодуэнъ, взять здѣсь подъ стражу.... — «Ахъ, да, и въ то самое время, какъ барышня намѣревалась помочь ему».... — Агрикола — я его названная сестра, прибавила Майё, слегка покраснѣвъ: — Агрикола писалъ мнѣ вчера изъ тюрьмы.... про-силъ сказать отцу, чтобы тотъ по-скорѣе пошелъ сюда и пред-уведомилъ мадмоазель де-Кардовиль, что Агриколѣ нужно сообщитъ ей нечто весьма важное.... ей, или тому, кого она при-чтетъ.... но что писать этого онъ не смѣетъ, думая, что письма тѣхъ, кто сидитъ въ тюрьмѣ, можетъ-быть распечатываютъ и представляютъ смотрителю. — «Какъ! мосьё Бодуэнъ имѣетъ со-общить нѣчто важное нашей барышнѣ?» спросила Флорина съ величайшимъ удивленіемъ. — Да, потому что онъ еще не знаетъ, какое несчастіе случилось съ мадмоазель де-Кардовиль. — «Я и не подумала объ этомъ, отвѣчала Флорина. Помѣнательство бѣд-ной нашей барышни, прибавила она, потупивъ глаза: обнару-жилось такъ внезапно, что за день передъ тѣмъ никому и въ го-лову не приходило, чтобы это могло случиться.» — Должно-быть такъ, потому что Агрикола, воротившись домой, когда былъ у мадмоазель де-Кардовиль въ первый разъ, съ восторгомъ го-ворилъ о томъ, какъ она ласкова и милостива. — «Да, и всѣ такъ же объ ней отзывались», печально сказала Флорина. — Полу-чивъ письмо Агриколы, продолжала Майё, я пошла къ его отцу, но тотъ уже ушелъ со двора, потому что онъ, бѣднякъ, въ боль-шомъ безпокойствѣ.... но какъ это, по словамъ Агриколы, такъ важно для мадмоазель де-Кардовиль и она была такъ милостива къ нему, то я и рѣшилась сама прійти. — «Къ несчастію, барышня уже нѣтъ здѣсь, вы знаете.» — Но не могу ли я, хоть черезъ васъ, сказать кому-нибудь изъ ея родныхъ, что Агрикола имѣетъ со-общить мадмоазель де-Кардовиль вещи, чрезвычайно важныя для нея? — «Странно, сказала Флорина, размышляя и не отвѣчая Майё; потомъ, обращаясь къ ней, спросила: — «И вы не знаете, что это такое можетъ быть?» — Ничего не знаю; но я хорошо знаю Агриколу: онъ благородный и очень умный молодой чело-вѣкъ; ему можно повѣрить.... Притомъ, какая жъ ему выгода.... — «Боже мой! вскричала Флорина, пораженная внезапною мыс-лю: я совсѣмъ и забыла. Когда мосьё Бодуэнъ пришелъ въ цотаж-ной комнатѣ, нуда барышня его сиртала, я случайно была тутъ и онъ сказалъ мнѣ по-тихонько: Скажите вашей барышнѣ, что она будетъ награждена за свое великодушіе ко мнѣ и что пребываніе

мое здѣсь будетъ полезно для нея.... Больше онъ ничего не могъ сказать, потому что его тотчасъ увели.... Признаюсь, я подумала, что онъ этимъ хотѣлъ только сказать, что современемъ надѣется доказать барышнѣ свою признательность; но теперь, судя по письму его къ вамъ.... я думаю.... сказала Флорина, размышляя.... Въ этой комнатѣ, давно никто не бывалъ: легко можетъ быть, что мосѣ Бодуэнъ видѣлъ или нашелъ тамъ что-нибудь интересное для барышни.»—Если бъ онъ не писалъ, что это дѣло чрезвычайно важное и свѣдѣнное, я бы не пришла, и онъ бы самъ явился сюда, когда его выпустили бы изъ тюрьмы. По милости одного добраго товарища, онъ теперь скоро долженъ выйти: однако жъ, несмотря на обезпеченіе, его сегодня, можетъ-быть, еще не выпустятъ, такъ я хотѣла исполнить его порученіе.... я даже считала это долгомъ съ моей стороны, потому что ваша барышня была такъ милостива къ нему.

Какъ всѣ люди, которые еще не совсѣмъ испорчены и у которыхъ добрыя чувства иногда пробуждаются, Флорина съ радостью пользовалась случаемъ сдѣлать добро, когда могла это сдѣлать, не подвергаясь непримиримой злобѣ тѣхъ, отъ кого зависѣла. По милости Майѣ, ей теперь представлялся случай оказать, по всей вѣроятности, важную услугу госпожѣ своей. Зная, что видгиня де-Сенъ-Дизид ненавидитъ свою племянницу, и что, поѣтому, тайну, которую, по-видимому, открылъ Агрикола, нельзя сообщать никому кромѣ самой мадмоазель де-Кардовиль, Флорина сказала Майѣ: — Послушайте, я дамъ вамъ совѣтъ, я думаю, очень полезный для моей госпожи; но это сдѣлаетъ мнѣ большой вредъ, если узнаете. — «Что же это такое?» спросила Майѣ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на Флорину. — Для пользы мадмоазель де-Кардовиль, мосѣ Бодуэнъ не долженъ открывать того, что онъ знаетъ, никому.... кромѣ ея самой. — «Но теперь ему нельзя видѣть мадмоазель де-Кардовиль, такъ отчего же не сообщить этого кому-нибудь изъ ея родныхъ?» — Именно отъ нихъ-то и надобно скрывать все, что до нея касается.... Можетъ-быть, она понравится.... тогда мосѣ Бодуэнъ поговоритъ съ нею самой; этого мало: скажите ему, что если она не выздоровѣетъ, то пусть лучше онъ скроетъ эту тайну навсегда: иначе она послужитъ только къ пользѣ враговъ моей барышни. — «Понимаю, печально сказала Майѣ: родные, можетъ-быть, не любятъ бѣдной мадмоазель де-Кардовиль или даже угнетаютъ ее?» — Я ничего болѣе не могу сказать вамъ. Для меня собственно, попросите мосѣ Бодуэна, не сказывать никому на свѣтѣ, что вы говорили мнѣ объ этомъ и что я совѣтовала не открывать этой тайны.... Отъ этого зависитъ мое счастье.... нѣтъ, не счастье, прибавила Флорина съ горечью, какъ-будто навсегда отказалась отъ надежды на счастье: а спокойствіе моей жизни. — «О, будьте смой-

ны! вскричала Майё, тронутая и удивленная печальнымъ выраженіемъ лица Флорины: я не неблагодарная... Никто на свѣтѣ, кромѣ Агриколы, не будетъ даже знать, что я видѣлась съ вами.... — О, благодарю, благодарю васъ, сказала съ чувствомъ Флорина. — «За что же вы меня благодарите?» спросила Майё, съ удивленіемъ увидѣвъ, что на лицу Флорины текутъ крупныя слезы.—Я обязана вамъ минутой счастья.... чистаго, безъ всякой примѣси, потому что я, можетъ-быть, оказала важную услугу моей доброй госпожѣ, не увеличивая своего горя, котораго у меня и безъ того довольно. — «Неужели вы несчастливый?» — Это васъ удивляетъ? О, какова бы ни была судьба ваша, я бы охотно промѣнилась съ вами, вскричала Флорина, почти невольно.—«Ахъ, нѣтъ, вы такъ добры, что я не желала бы вамъ этого, особенно сегодня»....—Отчего же? — «О, я надѣюсь.... я бы по-крайней-мѣрѣ желала, чтобы вы никогда не узнали, что значитъ оставаться безъ работы, когда безъ нея нѣтъ жить». — Неужели вы въ такомъ ужасномъ положеніи? вскричала Флорина, съ безпокойствомъ носмотрѣвъ на Майё.

Дѣвушка опустила голову и не отвѣчала. Благородная ея гордость была такъ сильна, что она упрекала себя въ этомъ признаніи, которое походило на жалобу, и невольно вырвалось у нея, когда она подумала о своемъ ужасномъ положеніи. — Если такъ, продолжала Флорина: я отъ всей души жалѣю о васъ, но всё-таки не знаю, кто изъ насъ несчастнѣе.

Потомъ, подумавъ немного, Флорина вдругъ сказала:—Знаете что.... если у васъ нѣтъ работы.... и вамъ негдѣ взять.... такъ, можетъ-быть, я доставлю вамъ занятіе.... —«О, неужели! вскричала Майё.... я никогда не посмѣла бы просить васъ объ этомъ... а между-тѣмъ это одолженіе спасло бы меня. Но теперь я должна вамъ признаться.... нынче утромъ мнѣ отказали въ работѣ, впрочемъ, небольшой, потому что она приносила мнѣ только четыре франка въ недѣлю». — Четыре франка въ недѣлю! вскричала Флорина, едва вѣря тому что слышитъ. — «Оно, конечно, не много, но этого мнѣ было довольно, чтобы жить кое-какъ.... Къ несчастію, другіе взялись дѣлать эту работу еще дешевле чѣмъ я».... — Четыре франка въ недѣлю! повторила Флорина, глубоко тронутая нищетою и несчастіемъ бѣдной Майё. Я рекомендую васъ дамамъ, которыя доставятъ вамъ по-крайней-мѣрѣ два франка въ день.... — «И я буду получать два франка въ день!.... Неужели это можетъ быть?»—Очень легко; только вамъ надобно будетъ работать у кого-нибудь по-денно.... или, если это будетъ для васъ удобнѣе, идти къ кому-нибудь въ услуженіе.... — «Въ моемъ положеніи, конечно, не должно быть слишкомъ разборчивой, но.... признаюсь вамъ.... мнѣ бы не хотѣлось заниматься по-денно.... я рада бы получать меньше, но только съ тѣмъ, чтобы работать дома.»—Къ-несчастію, это невозможно.

Если вы не хотите заниматься по-дешво, то вамъ не дадутъ работы. — «Такъ я должна отказаться отъ этой надежды, сказала робко Майё: я не отказываюсь заниматься по-дешво... дѣлать нечего: надобно же чѣмъ-нибудь жить.... Но вѣдь отъ швей, которыя работаютъ по домамъ, требуютъ, чтобы онѣ были одѣты, по-крайней-мѣрѣ, порядочно.... а.... признаюсь вамъ откровенно.... и не стыжусь этого, потому что я бѣдна не по своей винѣ.... я не могу одѣться лучше теперешняго».... — О, за этимъ дѣломъ не станетъ, сказала съ живостью Флорина: вамъ дадутъ средства порядочно одѣться.

Майё еще съ большимъ удивленіемъ посмотрѣла на Флорину. Это предложеніе до такой степени превосходило всѣ ея надежды и было выше того, что обыкновенно получаютъ швеи, что ей даже не вѣрилось, чтобы это могло быть. — Но.... сказала она съ нерѣшительностью.... кто же и за что будетъ такъ великодушенъ ко мнѣ?... Чѣмъ могу я заслужить такую большую плату?

Флорина вздрогнула. Влеченіе добраго сердца, желаніе помочь Майё, которая возбудила ея участіе своей кротостью и врожденной деликатностью, заставили ее сдѣлать предложеніе необдуманное. Она очень хорошо знала за какую цѣну Майё можетъ пріобрѣсти выгоды, которыя она ей предлагала, и ей только теперь пришло въ голову: согласится ли эта дѣвушка принять такія условія? Къ-несчастью, Флорина зашла такъ далеко, что отступить было невозможно, а она не рѣшалась сказать Майё всей правды. Надобно было предоставить ей рѣшить это дѣло по своей совѣсти. Притоитъ тѣ, которые сами несовершенны чисты, не охотно вѣрятъ чистотѣ другихъ, и Флорина подумала, что Майё въ своемъ отчаянномъ положеніи, вѣрно, не будетъ слишкомъ совѣтливою. Помолчавъ, она сказала:—Я очень понимаю, что это предложеніе удивляетъ васъ, потому что оно гораздо выгоднѣе обыкновенной работы; но дѣло въ томъ, что есть одно благотворительное учрежденіе, основанное для того, чтобы доставлять мѣста или работу женщинамъ бѣднаго и хорошаго поведенія.... Оно находится при монастырѣ святой Маріи, и доставляетъ мѣста служанкамъ и работу поденщикамъ... Начальница этого заведенія такъ добра, что она даже даетъ платье тѣмъ, которыя не довольно хорошо одѣты, чтобы служить или работать въ порядочномъ домѣ.

Это объясненіе огромныхъ выгодъ, которыя предлагали Майё, показалось ей удовлетворительнымъ. — Теперь я понимаю, сказала она, отчего эти условія такъ выгодны; но у меня нѣтъ никакой протекціи: кто же захочетъ принять меня подъ свое покровительство?—«Вы бѣдны, честны, трудолюбивы—этого уже и довольно. Во всякомъ случаѣ попробуйте.... Бѣда не велика. Притомъ, если въ условіяхъ, которыя предложить вамъ, что-нибудь вамъ не понравится, вы всегда властны отказаться.» —

Я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе, сказала Майё, и благодарю васъ отъ всей души; но кто же меня представитъ начальницѣ этого заведенія?— «Я... хоть завтра же».— Но, можетъ быть, она захочетъ узнать кое-что обо мнѣ?— «Я не думаю: начальница заведенія, сестра Агриппина, вѣрно, угадаетъ, что вы дѣвушка прекрасная; впрочемъ, еслибы ей понадобились какія-нибудь свѣдѣнія, она вамъ скажетъ, и вамъ, вѣрно, не трудно будетъ доставить ихъ».— «Такъ завтра?»— «Очень хорошо. Прикажете мнѣ прійти къ вамъ?»— «Нѣтъ, никто не долженъ знать, что вы приходили отъ мосье Бодуэна, а если вы прійдете еще разъ, здѣсь тотчасъ начнутъ подозрѣвать, что тутъ что-нибудь крестится.... Я зайду за вами въ «іакръ».... Гдѣ вы живете?»— Въ улицѣ Бризъ-Минъ, № 3... Въ нижнемъ этажѣ живетъ красильщикъ... онъ у насъ и придверникомъ.... если вы ужъ такъ добры, то постарайтесь только сказать ему, чтобы онъ вызвалъ Майё.... — «Майё?» сказала съ удивленіемъ Флорина. — Да, это мое прозвище.... Разумѣется, мнѣ дали его потому, что я такъ неуклюжа... Поэтому-то между прочимъ мнѣ и не хотѣлось бы работать въ чужомъ домѣ, прибавила она, со слезами на глазахъ: надо мною многіе смѣются, и не думаю о томъ, какъ это мнѣ больно!... Но, сказала она, отирая слезы: мнѣ больше дѣлать нечего, и въ моемъ положеніи надобно все терпѣть....

Флорина взяла ее за руку и сказала: — «Успокойтесь; сестъ несчастія, которыя такъ трогательны, что они возбуждаютъ не насмѣшки, а состраданіе. Такъ я не могу знать вашего настоящаго имени?»— Меня зовутъ Магдалиною Соливё; но только спросите Майё, потому что иначе меня никто не зоветъ. — «Такъ я прійду къ вамъ завтра, часовъ въ двѣнадцать».— Я не знаю, правъ, какъ мнѣ благодарить васъ. — «Полноте объ этомъ; я очень рада буду, если моя рекомендація принесетъ вамъ пользу.... А мосье Бодуэну покуда не отвѣчайте, и только скажите ему, когда онъ выйдетъ изъ тюрьмы, чтобы онъ не открывалъ своей тайны никому, пока не повидается со моею бѣдной барышней».... — А гдѣ же она теперь? — «Я сама не знаю, куда ее отвезли. Такъ до завтра. Ждите меня: я непременно буду.

Поблагодаривъ ее еще разъ, Майё пошла домой.

Читатели наши, вѣрно, помнятъ, что монастырь святой Маріи, о которомъ Флорина говорила Майё и куда мадамъ Гривоа отвезла дочерей маршала Сидона, стоялъ рядомъ съ лечебницею доктора Баленіе, гдѣ была заключена Адриенна де-Кардовиль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СЕСТРА АГРИППИНА.

—

Монастырь святой Маріи, куда отвезли дочерей маршала Си-мона, былъ огромный, старинный домъ, котораго обширный садъ выходилъ на госпитальный бульваръ, одно изъ самыхъ пустынныхъ мѣстъ во всемъ Парижѣ, особенно въ то время, о которомъ мы говоримъ. Слѣдующія сцены происходили двѣнадцатаго февраля, наканунѣ того дня, когда члены фамили Ренндинъ, послѣдніе потомки сестры Вѣчнаго Жидъ, должны были собраться въ улицѣ святаго Франциска.

Монастырь или обитель святой Маріи, былъ содержимъ въ величайшемъ порядкѣ. Совѣтъ управленія, составленный изъ знатныхъ духовныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ аббата д'Эгривъ и изъ нѣсколькихъ благочестивыхъ женщинъ, въ главѣ которыхъ находилась княгиня де-Сенъ-Дизіе, собирався часто для изысканія средствъ распространить и упрочить таинственное, могущественное вліяніе этого учрежденія, которое съ нѣкотораго времени быстро развивалось. Планъ этого заведенія былъ глупо обдуманъ; монастырь святой Маріи обладалъ уже большими богатствами въ недвижимыхъ имѣніяхъ и движимомъ имуществомъ, и эти богатства безпрерывно увеличивались. Монастырь былъ только предлогомъ; но, благодаря многочисленнымъ связямъ самыхъ ревностныхъ членовъ езуитской партіи въ провинціяхъ, въ это воспитательное заведеніе привлекали довольно много богатыхъ сиротокъ, которыя получали тамъ воспитаніе основательное, строгое, религіозное, несравненно лучше того, по словамъ приверженцевъ езуитовъ, которое можно было получить въ модныхъ пенсіонахъ, зараженныхъ развращенностью вѣка. Женщинамъ вдовымъ или одиночкамъ, но тоже богатымъ, монастырь предлагалъ надежное убѣжище противъ соблазновъ и обольщеній свѣта; онѣ наслаждались тамъ блаженной тишиною, спокойно занимались спасеніемъ души своей и были окружены самыми нѣжными, самыми усердными попеченіями. Это еще не все. Сестра Агриппина, начальница заведенія, доставляла благочестивымъ людямъ, которые хотѣли предохранить дома свои отъ разврату свѣта, компаніюнокъ для женщинъ одинокихъ, горничныхъ и другихъ служанокъ для семейныхъ и швей, которыя работали по-денно, ручаясь, во всякомъ случаѣ, за строгую нравственность этихъ женщинъ.

По видимому ничто не можетъ быть достойнѣе вниманія, участія и одобренія какъ подобное заведеніе; но подъ этими благочестивыми, нравственными предлогами скрывалась обширная сѣть безчисленныхъ, опасныхъ витригъ всѣхъ родовъ.

Начальница монастыря святой Маріи, сестра Агриппина, была женщина лѣтъ сорока, высокаго росту, въ платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи кармелитскаго цвѣту и съ длинными четками на поясѣ. Бѣлый чепецъ съ черной воалью совершенно окружалъ ея худое и блѣдное лицо; на лбу ея, цвѣту пожелтѣвшей слоновой кости, было множество глубокихъ поперечныхъ морщинъ; тонкій носъ ея нѣсколько загибался, какъ клювъ хищной птицы; черные глаза блестѣли умомъ и провицательностью; вся физіономія была запечатлѣна холодною твердостью. Дѣла сестра Агриппина знала не хуже самаго хитраго прокурора. Если женщины пристрастятся къ дѣламъ, то при своей тонкой провицательности, своему неутомимому постоянству въ достиженіи предположенной цѣли, по своей благоразумной скрытности и особенно по врожденной имъ вѣрности и быстротѣ взгляду, онѣ дѣлаются обыкновенно чрезвычайно искусными. Сестра Агриппина была женщина съ умомъ твердымъ и сильнымъ; обширная счетная часть заведенія была для нея просто игрушкою, забавою. Никто лучше ея не умѣлъ покупать недвижимыхъ имѣній, потерявшихъ свою цѣну, улучшать ихъ и продавать съ барышомъ; она всегда знала курсы фондовъ, цѣны акцій разныхъ предпріятій, и никогда еще не случалось, чтобы она сдѣлала черезъ своихъ агентовъ ошибочную спекуляцію, когда надобно было пустить въ оборотъ капиталы, которые иные добрые люди жертвовали въ пользу заведенія. Въ домѣ она завела величайшій порядокъ, самую строгую дисциплину и экономію. Единственною, постоянною ея цѣлью было обогатить не себя, а монастырь, которымъ управляла; потому что *собирательный эгоизмъ* придаетъ цѣлымъ обществамъ, корпораціямъ, страсти и пороки людей. Сословіе можетъ любить власть и деньги, какъ человѣкъ честолюбивый любитъ власть—для самой власти, какъ скупой любитъ деньги—для денегъ. Но всего болѣе конгрегаціи дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ въ-отношеніи къ недвижимымъ имѣніямъ. Недвижимая собственность ихъ любимая мечта, ихъ неизмѣнная идея, ихъ мономанія; они преслѣдуютъ эту мечту самыми задушевными, самыми вѣжными, самыми пламенными желаніями. Въ католическихъ земляхъ первое недвижимое имѣніе для бѣднаго, рождающагося монастыря, то же что для невѣсты свадебная корзинка, для молодого человѣка первая лошадь, для поэта первый успѣхъ; потому что недвижимое имѣніе придаетъ западному духовному обществу вѣсъ, подаетъ высокое понятіе о его вліяніи на благочестивыхъ людей, тѣмъ болѣе что эти сообщества при основаніи своемъ, во Франціи, не имѣютъ ничего кромѣ надежды на

общественную благотворительность. Зато, невозможно представить себѣ до какой степени доходить въ этомъ отношеніи завистливое соперничество различныхъ мужскихъ и женскихъ конгрегацій и съ какимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ одно духовное общество подавляетъ другое, менѣе богатое, изчисленіемъ своихъ домовъ, фермъ, капиталовъ.

Сестра Агриппина сидѣла передъ большимъ, цилиндрическимъ бюро, стоявшимъ посреди кабинета, убраннаго просто, но очень удобно; въ мраморномъ каминѣ пылалъ уголь; полъ былъ прикрытъ толстымъ ковромъ.

Всѣ письма, адресованныя къ монахинямъ и даже къ пенсіонеркамъ монастыря, прежде всего представлялись начальницѣ. Сестра Агриппина распечатывала письма къ монахинямъ, на что имѣла полное право, и осторожно вскрывала письма къ живущимъ въ монастырѣ, по праву, которое сама себѣ присвоила, разумѣется, для духовной пользы милыхъ ея воспитанницъ, а отчасти и для того, чтобы имѣть нѣкоторое понятіе объ ихъ перепискѣ, потому что она также принимала на себя обязанность просматривать и всѣ письма, отдаваемые изъ монастыря на почту. Слѣды этой невинной, душеспасительной нескромности, изглаживались весьма искусно; потому что у благочестивой и доброй сестры Агриппины былъ цѣлый арсеналъ разныхъ стальныхъ орудій. Были у нея красивые маленькіе инструменты, чрезвычайно острые, которыми очень удобно прорѣзывать бумагу вокругъ печати, такъ что письмо можно незамѣтно вынуть изъ конверта, прочесть и положить назадъ; былъ также очень хорошенкій округленный инструментъ, который можно подогрѣть и слегка провести по краямъ печати: сургучъ немножко растаетъ, и распространившись, прикроетъ разрѣзъ: Чтобы никому не было обидно, сестра Агриппина имѣла также въ своемъ арсеналѣ небольшую, очень замысловато сдѣланную курильницу, которая производила сырой паръ: если письмо скромно запечатано облаткою, то стѣдуетъ только поддержать его надъ этой курильницей: облатка размякнетъ и письмо можно вскрыть, не разорвавъ бумаги, такъ что послѣ его легко запечатать тою же самою облаткою.

Если въ письмахъ встрѣчалось что-нибудь важное или замѣчательное, сестра Агриппина дѣлала изъ нихъ болѣе или менѣе пространныя выписки. Два легкіе удара въ запертую дверь прервали интересное занятіе сестры Агриппины. Она тотчасъ опустила на арсеналъ большой цилиндръ своего бюро, встала, и съ важнымъ, торжественнымъ видомъ отперла дверь. Послушница пришла доложить, что въ гостиной сидитъ княгиня де-Сентъ-Дизид, а мамзель Флорина привела какую-то дѣвушку, горбатую и плохо одѣтую, и онѣ ждутъ у дверей маленькаго корридора: — Впусти сначала княгиню, сказала сестра Агриппина и, по всегдашней

своей вѣжливости, придвинула къ камину кресла для посетительницы.

Княгиня де-Сент-Дизіе вошла. Она не молодилась, одѣваясь безъ излишняго щегольства, безъ помпозности, но всегда съ достоинствомъ: на ней была черная бархатная шляпка изъ лучшаго мерино, синяя шаль, черное атласное платье, обшитое оуболами, перья и ея мундта.— Какому счастливому случаю обязана я сейчасъ видѣть васъ сегодня у себя, любезная дочь моя? вѣжливо сказала сестра Агриппина.— «Я пріѣхала къ вамъ, матушка, по весьма важному дѣлу и только на одну минуту: меня ждутъ у ево высокопреосвященства. Мнѣ надобно кое-что сказать вамъ о двухъ сироткахъ, о которыхъ мы съ вами вчера долго разсуждали.»—Онѣ и теперь разлучены, по вашему желанію.... Это такъ сильно подѣйствовало на нихъ, что вчера я принуждена была послать за докторомъ Баленіе.... Онъ говоритъ, что у обѣихъ сестеръ лихорадка и большое расслабленіе, и.... странная вещь.... у обѣихъ совершенно одинаковые болѣзненные признаки.... Я опять разспрашивала ихъ.... Это ужасно!... Вообразите, что онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о религіи.... — «Поэтому-то и надобно было какъ-можно скорѣе отдать ихъ къ вамъ.... Но вотъ что я хотѣла сказать вамъ, матушка. Вы знаете, что дочерей маршала Симона привезъ во Францію одинъ старый солдатъ.... Его удалили-было на нѣсколько дней изъ Парижа, а онъ вчера, совершенно неожиданно, воротился. Несмотря на свои старыя лѣта, онъ чрезвычайно предприимчивъ и дерзокъ... Если бъ онъ узналъ... къ-счастью это почти невозможно.... но если бъ случилось, что онъ какъ-нибудь узналъ бы, что эти дѣвушки здѣсь, то, съ досады, что онъ уже не въ его власти, онъ готовъ на все рѣшиться.... Такъ прикажите, матушка, чтобы у васъ хорошенько караулили... чтобъ никто не могъ забраться сюда ночью... Здѣсь такъ пусто».... — Будьте покойны, любезная дочь: здѣсь мы ничего не боимся: нашъ дворникъ и садовники каждую ночь ходятъ дозоромъ со стороны Госпитальнаго бульвара; стѣны у насъ высоки, а гдѣ черезъ нихъ можно бы перебраться, тамъ онѣ утыканы гвоздями.... Во всякомъ случаѣ, я очень благодарна вамъ за предостереженіе. Я велю караулить еще больше обыкновеннаго....—«Это особенно нужно нынѣшней ночью».—Отчего жъ такъ? — «Оттого, что если этотъ проклятый солдатъ рѣшится что-нибудь сдѣлать, такъ именно нынѣшней ночью».—Почему же вы знаете?—«Мы имѣемъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія»; отвѣтила княгиня съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, которое не ускользнуло отъ сестры Агриппины; но та была слишкомъ хитра, чтобы дать замѣтить это, и только убѣдилась, что отъ нея ничего не скрываютъ.—Очень хорошо, сказала она, карауль будетъ усиленъ нынче же ночью... Но такъ какъ вы здѣсь, то я хотѣла бы поговорить съ вами, любезная дочь, о другомъ дѣлѣ: объ извѣ-

номъ вамъ бракѣ.—«Очень рада, сказала княгиня съ большой живостью: это дѣло очень важное. Молодой баронъ де-Бривиль, человекъ, исполненный пламеннаго благочестія, рѣдкій человекъ въ наше время революціоннаго нечестія. Онъ можетъ оказать вамъ большія услуги. Вы знаете, что въ палатѣ его слушаютъ довольно охотно. Онъ всегда съ величайшимъ жаромъ говоритъ о дѣлахъ религіи и не щадитъ своихъ противниковъ. Къ-счастію, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это не опасно. Баронъ всей душой преданъ вамъ, поэтому мы и должны награждать его женитьбою. Притомъ вы знаете, матушка, что онъ намѣренъ пожертвовать сто тысячъ франковъ въ пользу монастыря святой Маріи въ тотъ самый день, какъ имѣніе мадамозель де-Бодрикуръ поступитъ въ его владѣніе». — Я никогда не сомнѣвалась въ добромъ расположеніи барона де-Бривиль къ учрежденію, которое вполне заслуживаетъ вниманіе и участіе всѣхъ благочестивыхъ людей, скромно сказала сестра Агриппина: но я совѣмъ не ожидала, что встрѣчу сильное сопротивленіе со стороны дѣвушки.—«Неужели она не соглашается?» — Я считала ее дѣвушкою самою тихою, смиренною, робкою, ничтожною, просто сказать, глупою.... и думала, что она будетъ очень рада выйти замужъ.... а между-тѣмъ, вообразите.... она требуетъ времени на размышленіе.—«Какъ это глупо!»—Она не противится явно, но и не соглашается. Я говорила ей, что такъ какъ у ней нѣтъ ни родственниковъ, ни друзей, и она совершенно зависитъ отъ меня, то должна видѣть моими глазами, слышать моими ушами, и что когда я говорю, что это замужество прилично какъ-нельзя болѣе во всѣхъ отношеніяхъ, то она обязана согласиться безпрекословно и не думая.... — «Конечно.... это совершенно справедливо.»—А она говоритъ, что хотѣла бы прежде видѣть жениха и узнать его характеръ. — «Какая нелѣпость!.... Чего жъ ей еще надо, когда вы отвѣчаете за добрую нравственность барона и считаете этотъ бракъ приличнымъ!»—Впрочемъ, нынче утромъ я замѣтила ей, что до-сихъ-поръ, я ее уговаривала, хотѣла подѣйствовать на нее кротостію; но что если она принудитъ меня къ этому, то я должна буду прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, отдалить ее отъ подругъ, посадить въ особую келію, безъ всякихъ сношеній съ кѣмъ бы то ни было, и держать ее взаперти, до-тѣхъ-поръ, пока она не перестанетъ упрямиться, согласится быть счастливою и выйти за человека почтеннаго.—«Что жъ, угрозы ваши подѣйствовали?» — Я, крайнейей-мѣрѣ, надѣюсь, что онѣ произведутъ полезное дѣйствіе... Она вела переписку съ одной своею пріятельницею въ провинціи.... Я прекратила эту переписку; теперь мадамозель де-Бодрикуръ находится подъ однимъ моимъ вліяніемъ.... и, я надѣюсь, что мы наконецъ достигнемъ своей цѣли.... Но вы видите, любезная дочь, что добро дѣлать не такъ легко, какъ многіе думаютъ.

ютъ... — «Зато я увѣрена, что баронъ де-Бривиль не ограничится первымъ своимъ обѣщаніемъ и ручаюсь, что если мы женимъ его на мадамъ де-Бодрикуръ, то»... — Вы знаете, любезная дочь моя, сказала сестра Агриппина, не давъ ей договорити: что если бы дѣло шло обо мнѣ, то я бы отказалась, но жертвовать въ пользу нашего заведенія дѣло богоугодное, и потому я не имѣю права мѣшать барону, если бы онъ хотѣлъ увеличить свой вкладъ. Притомъ мы теперь въ такихъ обстоятельствахъ, что это было бы очень кстати. — «Что же такое съ вами?» — Мы покупаемъ одно имѣніе, которое было бы для насъ очень выгодно; но монастырь du Sacré-Cœur тоже хочетъ купить его и набиваетъ цѣву... Удивительно, право, какъ люди иногда бываютъ жадны и неасытны. Впрочемъ, я говорила объ этомъ съ настоятельницею и высказала ей безъ обиняковъ всю правду. — «Я слышала объ этомъ; только она сваливаетъ вину на своего эконома». — А... такъ вы видѣлись съ нею, любезная дочь моя? сказала сестра Агриппина съ нѣкоторымъ удивленіемъ. — «Я встрѣтила ее у его высокопреосвященства», отвѣчала княгиня съ вѣршинностью, которой, впрочемъ, настоятельница, по-видимому, не замѣтила. Потомъ сестра Агриппина продолжала: — Я не знаю, право, что такое сестры du Sacré-Cœur имѣютъ противъ насъ, грѣшныхъ, только онѣ распускаютъ о нашемъ заведеніи самые неслѣдые слухи.... Впрочемъ, есть люди, которыхъ чужіе усѣбки всегда сердятъ и огорчаютъ. — «Не беспокойтесь объ этомъ, матушка, сказала княгиня: пожертвованіе барона де-Бривиль доставитъ вамъ возможность отбить это имѣніе у монастыря du Sacré-Cœur. Кроме-того, эта женитба принесетъ еще и другую пользу... Человѣкъ, совершенно преданный намъ, получитъ огромное богатство и сдѣлаетъ изъ него приличное употребленіе. Со ста тысячами дохода положеніе его сдѣлается втрое значительнѣе. Наконецъ-то у насъ будетъ достойный органъ и намъ не нужно будетъ больше прибѣгать къ этому Дюмулену». — Однако жъ, въ его сочиненіяхъ много учености и жару. По всему видно, что это человѣкъ добродѣтельный, котораго нечестіе нашего вѣка приводитъ въ негодованіе.... — «О, если бы вы знали, матушка, что за человѣкъ этотъ Дюмуленъ!... Но я не стану осквернять вашего слуха разсказами о поведеніи этого негодяя... Я только скажу вамъ, что такіе защитники какъ онъ, могутъ повредить самому святому дѣлу... Однако жъ, прощайте, матушка, мнѣ пора... Не забудьте же приказать, чтобъ нынче ночью у васъ хорошенько караулили... Я ужасно боюсь этого проклятого солдата!»... — Не беспокойтесь, любезная дочь... Ахъ, да, я и забыла. Флорина просила меня поговорить съ вами о ней... Ей бы хотѣлось служить у васъ... Вы знаете, съ какою вѣрностью она наблюдала за вашею несчастною племянницею... Я думаю, что если бы вы въ награду за это, приняли ее къ себѣ, то она

была бы предана вамъ всей душой... и я была бы вамъ благодарна за нея. — «Какъ-скоро это вамъ угодно, матушка, я готова принять ее къ себѣ... Да притомъ, она таки мнѣ и пригодится». — Очень благодарна вамъ, моя милая дочь, за вашу обязательность... Надѣюсь, что мы скоро увидимся... Да... не забудьте, что послѣ завтра, въ два часа, у насъ будетъ длинное совѣщаніе съ его высокопреосвященствомъ... — «Я помню... только ради Бога, не забудьте принять предосторожности на выѣзшнюю ночь, чтобы этотъ проклятый солдатъ не сдѣлалъ соблазнительной исторіи...»

Почтительно поцѣловавъ руку сестры Агриппины, княгиня вышла черезъ главную дверь въ гостиную, изъ которой былъ выходъ на большую лѣстницу. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, Флорина вошла въ кабинетъ настоятельницы черезъ боковую дверь. Сестра Агриппина сидѣла. Флорина подошла къ ней съ боязливою почтительностью. — Ты не встрѣтила княгини де-Сенъ-Дизіе? спросила настоятельница. — «Нѣтъ, матушка, я была въ боковой комнатѣ, которая окнами въ садъ». — Ты съ выѣзшняго дня у нея въ услуженіи.

На лицѣ Флорины выразились удивленіе и горестъ. — Я!... матушка, сказала она... но... — «Я просила ее объ этомъ отъ твоего имени... и ты согласна», сказала повелительнымъ тономъ сестра Агриппина. — Но... матушка... я васъ однако жъ просила де... — «Говорятъ тебѣ, что ты согласна», повторила настоятельница тономъ такимъ твердымъ и повелительнымъ, что бѣдная Флорина потупила глаза и отвѣчала: — Я не смѣю противиться вашей волѣ, матушка. — «Я приказываю тебѣ это отъ имени мосье Родена». — Я такъ и думала, матушка... Но, позвольте спросить... на какихъ условіяхъ я поступаю къ княгинѣ? — «На тѣхъ же, какъ служила у ея племянницы.»

Флорина вздрогнула: — Такъ я должна буду дѣлать тайныя донесенія насчетъ княгини? спросила она. — «Ты должна все замѣчать, все помнить и обо всемъ давать мнѣ отчетъ»... — Слушаю, матушка. — «Особенно, ты должна стараться узнать, зачѣмъ ѣздитъ къ княгинѣ настоятельница монастыря du Sacré Cœur; записывай когда она къ ней пріѣзжаетъ и старайся подслушать ихъ разговоръ... Надобно предохранить княгиню отъ вреднаго вліянія». — Очень хорошо, матушка. — «Постарайся также узнать, зачѣмъ мадамъ Гривоа привезла сюда двухъ сиротокъ, дочерей маршала Симона и отчего она просила, чтобы съ ними обращались какъ-можно строже». — Слушаю, матушка. — «Кромѣ этого старайся запомнить все, что покажется тебѣ замѣчательнымъ. Завтра я поговорю съ тобою еще о другомъ дѣлѣ». — Очень хорошо, матушка. — «Если ты будешь хорошо вести себя, если ты ловко исполнишь порученіе, которое я дамъ тебѣ завтра, то ты скоро отойдешь отъ княгини и поступишь ключницею къ од-

ной молодой. Это будетъ мѣсто покойное и выгодное.... Разрѣшится, всё на тѣхъ же условіяхъ. Такъ смотри же: ты поступишь къ княгинѣ по собственной своей просьбѣ». — Не забудь, матушка. — «Что это за горбатая дѣвушка, которую ты привела?»—Это несчастная дѣвушка, которой нечего ѣсть. Она очень умна, образована не по состоянію; она швея, но теперь у ней нѣтъ работы и она въ совершенной крайности. Забравъ за нею, я разспрашивала о ней сосѣдей: ее чрезвычайно хвалятъ.

Сестрѣ Агриппинѣ, казалось, было очень пріятно, что дѣвушка, которую ей рекомендовали, кроткаго нраву и не хороша собою. Подумавъ, она сказала: — Такъ ты говоришь, что эта дѣвушка не глупа?—«Очень умна».—И въ крайности?—«Въ ужаснѣйшей крайности»....

«Нужды нѣтъ, подумала сестра Агриппина: лишь бы только она была умна. Мнѣ больше ничего и не нужно». Потомъ она сказала вслухъ:—А хорошо ли она шьетъ?—«Говорятъ, хорошо».

Сестра Агриппина встала, выдвинула ящикъ; достала оттуда какую-то переплетенную тетрадь, отыскала въ ней одно мѣсто, внимательно просмотрѣла его, потомъ спрятала книгу и сказала Флоринѣ: — Приведи ее сюда... и потомъ поди въ бѣлевую.

«Дурна ... умна... и хорошая швея, подумала сестра Агриппина: ее не станутъ остерегаться.... Посмотримъ».

Черезъ минуту Флорина ввела Майю въ кабинетъ настоятельницы и сама тотчасъ ушла. Бѣдняжка Майя была чрезвычайно взволнована и дрожала всѣмъ тѣломъ: до такой степени поразило ее открытіе, которое она сдѣлала во время отсутствія Флорины. Она не безъ боязни осталась наединѣ съ настоятельницею монастыря святой Маріи.

=

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ИСКУШЕНІЕ.

—

Вотъ что случилось съ Майей. Флорина, идя къ начальницѣ, оставила швею во второмъ этажѣ, въ комнатѣ со скамейками, которая служила переднею. Оставшись одна, Майя машинально подошла къ окну, которое выходило въ монастырскій садъ. Этотъ садъ отдѣлялся отъ другаго, сосѣдняго, сначала полу-развали-

еюся каменною стѣною, а потомъ рѣшетчатымъ, деревяннымъ боромъ, который доходилъ до строящейся часовни. Въ нижнемъ этажѣ противоположнаго дому было окно съ рѣшеткою, имѣвшае такое тѣмъ, что падъ нимъ былъ родъ деревяннаго наосу. У окна сидѣла дѣвушка; устремивъ глаза на монастырское здание она дѣлала рукою ласковые знаки, какъ-будто хотѣла кого ободрить. Майё не могла видѣть того, кому дѣлали эти знаки; но она любовалась рѣдкой красотой этой дѣвушки, свѣжестью лица, блескомъ ея черныхъ глазъ и добродушной улыбкой, играющей на ея устахъ. Вѣроятно, что на ея граціозную и выразительную пантомиму отвѣчали, потому что дѣвушка положила свою руку на сердце, а правою сдѣлала знакъ, какъ-будто хотѣла сказать, что оно летитъ къ тому, на кого были устремлены глаза ея. Въ эту минуту блѣдный лучъ солнца, пробившись сквозь облака, заигралъ на волосахъ дѣвушки и бѣленькое ея личико, почти прижавшись къ стеклу, такъ-сказать озарилось отблескомъ великолѣпныхъ волосъ цвѣту полированнаго золота.

При видѣ этого восхитительнаго лица, окруженнаго длинными конами шелковистыхъ волосъ, золотистаго цвѣту, Майё невольно вздрогнула; она вспомнила о мадамъ де-Кардовиль и ей пришло въ голову (и она не ошибалась), что это и есть покровительница Агриколы. Сердце доброй Майё облилось кровью, когда она вспомнила, съ какой пѣвней добротой эта дивно-прекрасная дѣвушка, которая теперь сидѣла въ домѣ уменьшенныхъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ принимала Агриколу въ своемъ маленькомъ дворцѣ, блестящемъ роскошью. Майё была увѣрена, что Адельна помѣшана и между-тѣмъ ей казалось, что это восхитительное лицо и теперь сияетъ умомъ и оборотительною прелестью. Вдругъ мадамъ де-Кардовиль сдѣлала выразительный жестъ, положила пальчикъ на губы, послала два поцѣлуя въ ту сторону, куда устремлены были ея взоры, и исчезла.

Майё вспомнила, что Агрикола имѣетъ сообщить важную тайну царицѣ де-Кардовиль, и отъ души жалѣла, что не имѣетъ никакой возможности приблизиться къ ней, тѣмъ болѣе, что если царица и помѣшана, то, по-видимому, теперь временно находится въ полномъ умѣ. Майё была погружена въ эти тревожныя змышленія, когда пришла Флорина и вмѣстѣ съ нею одна мопхия. Поэтому Майё не могла сообщить ей о своемъ открытiи и молча пошла къ начальницѣ монастыря.

Сестра Агриппина внимательно посмотрѣла на Майё, и по ея улыбкѣ, кроткой, честной фizioномiи заключила, что можно и безъ равокъ положиться на свѣдѣнiя, которыя сообщила о ней Флорина.

— Дочь моя, сказала сестра Агриппина ласковымъ голосомъ: Флорина говорила мнѣ въ какомъ ты затруднительномъ положенiи.... Такъ это правда: ты совсѣмъ безъ работы? — «Къ-не-

счастью, это совершенно справедливо, сударыня.» — Называя меня матушкой, моя милая: это имя пріятнѣе, да притомъ здѣсь такъ водится.... Я не спрашиваю тебя о твоихъ правилахъ. — «Я всегда честно жила своими трудами, матушка», отвѣчала Майя съ благородной, но скромной простотою. — Я вѣрю тебѣ, дочь моя, и не безъ причины.... надобно благодарить Бога за то, что онъ избавилъ тебя отъ искушеній.... Но, скажи мнѣ, хорошо ли ты шьешь? — «По-крайней-мѣрѣ стараюсь, и до-сихъ-поръ моею работою всегда были довольны.... Впрочемъ, если вамъ угодно дать мнѣ какую-нибудь работу на пробу, я готова.» — Я полагаюсь на твои слова. Тебѣ хотѣлось бы работать гдѣ-нибудь въ домѣ по-денно? — «Мамзель Флорина сказала мнѣ, матушка, что мнѣ не дадутъ работы, которую бы я могла дѣлать дома». — Теперь по-крайней-мѣрѣ, нечего.... но если бы впередъ представился случай.... я не забуду о тебѣ. Покуда я могу предложить тебѣ вѣтъ что. Одна почтенная дама, старуха, просила меня рекомендовать ей поденную швею. Она охотно приметъ тебя, когда ты придешь отъ меня. Заведеніе наше одѣнетъ тебя на свой счетъ и потомъ будетъ вычитать это по-немного изъ твоего жалованья, потому что ты будешь получать плату отъ насъ.... по два франка въ день. Довольна ли ты этимъ? — «О, матушка.... это гораздо больше, чѣмъ я когда-нибудь надѣялась.» — Притомъ ты будешь работать только съ десяти утра до шести вечера, такъ что у тебя будетъ еще оставаться нѣсколько часовъ въ день. Ты видишь, что это должность довольно легкая; не правда ли? — «О, чрезвычайно легкая и выгодная, матушка.» — Прежде всего я должна сказать тебѣ, къ кому наше заведеніе намѣрено опредѣлить тебя: эту вдову зовутъ мадамъ де-Бремонтъ.... Она женщина чрезвычайно благочестивая.... Я надѣюсь, что ты въ ея домѣ будешь имѣть самые прекрасные примѣры.... Впрочемъ, если бѣ случилось иначе, приди сказать мнѣ объ этомъ. — «Сказать вамъ, матушка?».... съ удивленіемъ спросила Майя. — Выслушай меня, дочь моя, сказала сестра Агриппина еще ласковѣе прежняго: заведеніе, учрежденное при монастырѣ святой Маріи, имѣетъ святую и двойную цѣль.... Мы обязаны ручаться тѣмъ, кто къ намъ обращается, за нравственность женщинъ, которыхъ мы вводимъ къ нимъ въ домъ; но, съ другой стороны, мы обязаны также ручаться и тѣмъ кого опредѣляемъ за нравственность тѣхъ, къ кому онѣ поступаютъ. Это очень натурально, не правда ли, дочь моя? — «Совершенно справедливо и какъ-нельзя болѣе благоразумно, матушка», отвѣчала Майя. — Служанка дурнаго поведенія можетъ внести порчу и гибель въ почтенное и благочестивое семейство, но, съ другой стороны, развратный господинъ или развратная госпожа можетъ имѣть самое пагубное вліяніе на служанку или на дѣвушку, которая ходитъ работать въ ихъ домъ.... А наше учрежденіе для

того и основано, чтобы служить ручательствомъ для господъ и для слугъ.... — «Ахъ, матушка, сказала простодушно Майё: тѣ, которымъ пришла въ голову такая прекрасная мысль, заслуживаютъ всеобщія благословенія». — Ихъ благословляютъ, любезная дочь моя, потому что заведеніе наше исполняетъ свои обѣщанія. Если какая-нибудь добрая и честная работница.... какъ ты, напримѣръ.... поступила по нашей рекомендаціи къ людямъ, которыхъ мы считали безпорочными, и между-тѣмъ начинаетъ замѣчать въ господахъ своихъ или въ тѣхъ кто у нихъ часто бываетъ, что-нибудь противное добрымъ правамъ, она приходитъ сюда и рассказываетъ намъ что оскорбило ея цѣломудренную стыдливость. Не правда ли, что это очень благоразумно? — «Да, матушка».... робко сказала Майё, которой эти предосторожности начинали казаться довольно странными. — Иногда, если дѣло довольно важно, мы совѣтуемъ ей наблюдать тщательнѣе, чтобы убѣдиться, что она не безъ причины встревожилась.... Она опять сообщаетъ намъ свои замѣчанія и если первыя опасенія наши подтвердились, мы тотчасъ беремъ ее изъ дому, гдѣ дурные примѣры могутъ имѣть пагубное вліяніе на ея нравственность.... Но такъ какъ простыя женщины, которыхъ мы опредѣляемъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ, обыкновенно не довольно разсудительны, чтобы различать то что можетъ быть вреднымъ для души ихъ, то мы требуемъ, чтобы онѣ каждую недѣлю, словесно или письменно, сообщали намъ откровенно, какъ дочь матери, все что происходитъ въ домахъ, гдѣ онѣ служатъ, и тогда мы сами разсматриваемъ дѣло, и поступаемъ по обстоятельствамъ, или оставляемъ ихъ въ этихъ домахъ, или беремъ назадъ. У насъ уже около ста компаніонокъ, магазинницъ, горничныхъ, поденныхъ швей, которыхъ мы опредѣлили къ мѣстамъ на этихъ условіяхъ и мы всякой день убѣждаемся, что это дѣло чрезвычайно полезное для сохраненія добрыхъ нравовъ.... Ты понимаешь меня, моя милая?.... «Да.... да.... матушка.... понимаю», сказала Майё въ смущеніи.

Принимая молчаніе Майё за знакъ согласія, сестра Агриппина продолжала: — Я сообщила тебѣ всѣ эти подробности для того только, чтобы ты не считала себя обязанностию оставаться въ домѣ, куда мы опредѣлимъ тебя, если бъ ты, противъ ожиданія, не всегда видѣла тамъ примѣры набожной жизни. Напримѣръ, домъ мадамъ де-Бремонъ, домъ самый благочестивый; но говорятъ, будто-бы.... я этому впрочемъ не вѣрю.... говорятъ, будто дочь старушки де-Бремонъ, мадамъ де-Ноазі, которая недавно переѣхала къ ней, ведетъ себя не слишкомъ хорошо, не аккуратно исполняетъ христіанскія обязанности и въ отсутствіе мужа, который теперь въ Америкѣ, къ-сожалѣнію, слишкомъ часто принимаетъ одного богатаго мануфактуриста, Франсоа Гарді.

При имени хозяйки Агриколы, Майё сдѣлала невольное движеніе и слегка покрасѣла. Сестра Агриппина приняла это за выраженіе оскорбленной стыдливости, и прибавила: — Я должна была сказать тебѣ все, милая дочь моя, чтобы ты была осторожна, Я даже сочла не лишнимъ сообщить тебѣ и слухи, которые мнѣ самой кажутся сомнительными: дочь мадамъ де-Бремонъ всегда имѣла передъ глазами прекраснѣйшіе примѣры и потому невѣроятно, чтобы она ихъ когда-нибудь забыла.... Впрочемъ, ты будешь въ ихъ домѣ съ утра до вечера и потому скорѣе всякаго другаго можешь замѣтить справедливы ли эти слухи или нѣтъ. Если тебѣ покажется, что это довольно основательно, то сообщи мнѣ всѣ обстоятельства, которыя заставляютъ тебя такъ думать и если я буду согласна съ твоимъ мнѣніемъ, то тотчасъ же возьму тебя изъ этого дому, потому что благочестіе матери не можетъ вознаграждать дурныхъ примѣровъ, которые будутъ подавать тебѣ дочь.... а какъ-скоро ты принята подъ покровительство нашего заведенія, я обязана пещись о твоёмъ счастьи. Если бы твоя совѣстливость заставила тебя покинуть домъ мадамъ де-Бремонъ и ты осталась нѣсколько времени безъ мѣста, наше заведеніе будетъ платить тебѣ по франку въ день, пока ты не получишь другаго мѣста.... разумѣется, ежели мы будемъ довольны твоимъ поведеніемъ и усердіемъ.... Ты видишь, дочь моя, что служить подъ нашимъ покровительствомъ очень выгодно.... Такъ это дѣло рѣшеное: ты послѣ-завтра же поступаешь къ мадамъ де-Бремонъ.

Бѣдняжка Майё была въ самомъ затруднительномъ положеніи: она не вѣрила ушамъ своимъ, не знала, что думать. Она то красѣла, то блѣднѣла ..

Сестра Агриппина была женщина чрезвычайно прощительная: она ясно видѣла, что происходитъ въ душѣ Майё и сказала:—Впрочемъ, для тебя нашъ надзоръ и наши совѣты не нужны: ты сама увидишь, что можетъ повредить твоему благу. Отъ тебя я ничего не требую и только прошу тебя не забывать, что я всегда готова дать тебѣ, въ случаѣ нужды, материнскій совѣтъ. — «Вы такъ милостивы, что я не знаю какъ мнѣ благодарить васъ», сказала Майё съ чувствомъ. Бѣдняжка и не воображала себѣ, что это хитрость, и была уже увѣрена, что теперь можетъ честнымъ образомъ упрочить себѣ безбѣдное существованіе.—Это не милость, а только справедливость, отвѣчала сестра Агриппина, еще съ большею ласковостью: нельзя не имѣть довѣренности къ добродѣтельнымъ дѣвушкамъ, которыхъ бѣдность не только не испортила, но, если можно такъ сказать, еще очистила, потому что онѣ всегда свято исполняли законъ Божій.—«Матушка».... — Позволь мнѣ сдѣлать тебѣ еще одинъ вопросъ: сколько разъ въ мѣсяцъ ты бываешь у исповѣди?» — Къ-сожалѣнію, матушка, я не исповѣдывалась съ первой конфирмаціи, то есть, уже лѣтъ

семь. Работая всякой день и цѣлый день, съ утра до ночи, я два могу прокормиться: когда же мнѣ....

Настоятельница не дала ей договорить и всплеснувъ руками, скричала съ выраженіемъ горестнаго удивленія: — Боже великій!... Такъ это правда?... Ты не ходишь въ церковь!... Я въ гчаянн, милая дочь моя... но что же мнѣ дѣлать! Мы помѣщаемъ своихъ только въ самые благочестивые дома, зато и гъ насъ требуютъ, чтобы мы рекомендовали только женщинъ богомольныхъ. Это у насъ необходимое условіе.... Поэтому, я, къ величайшему моему сожалѣнію, не могу быть тебѣ олезною.... Впрочемъ, если ты современемъ исправишься, познаешь свое пагубное равнодушіе къ христіанскимъ обязанностямъ, то мы посмотримъ. — «Извините, сказала бѣдная Майё, два удерживаясь отъ слезъ, такъ больно было ей отказаться отъ *цестлицихъ* надеждъ: извините, что я продержала васъ такъ долго... изъ ничего». — Я искренно жалѣю, моя милая, что не могу принять тебя подъ покровительство нашего заведенія.... но я теряю надежды.... я увѣрена, что ты и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, будешь современемъ достойна участія покровительства людей благочестивыхъ.... Иди съ миромъ, обезная дочь моя, и да хранитъ тебя Богъ....

Говоря это, настоятельница съ самымъ ласковымъ, самымъ материнскимъ видомъ проводила Майё до дверей и когда та переступила за порогъ, она сказала:—Ступай прямо по корридолу, потомъ внизъ и постучись во вторую дверь направо; это бѣлея: тамъ должна быть Флорина. Она проводитъ тебя..... Прощай, моя милая.....

Какъ-скоро дверь кабинета затворилась, слезы, которыя бѣдная Майё до-тѣхъ-поръ удерживала, полились ручьями. Чтобы не оказываться въ слезахъ Флоринѣ и монахинямъ, которыя, можетъ-быть, съ нею въ бѣлевои, Майё остановилась у одного изъ концовъ корридора, чтобы утереть глаза. Она машинально смотрѣла на окно противоположнаго зданія, гдѣ замѣтила прелестное гичико Адриенны, какъ-вдругъ увидѣла, что мадмоазель де-Карвиль вышла изъ какой-то двери и проворно пошла къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей монастырскій садъ отъ больничнаго. Въ то же самое время Майё, къ величайшему изумленію своему, увидѣла, что одна изъ сиротокъ, похищеніе которыхъ приводило Дагобеда въ такое отчаяніе, Роза Спмонъ, бѣдная, слабая, едва держась на ногахъ, приближалась съ другой стороны къ рѣшеткѣ, съ страхомъ и безпокойствомъ, какъ-бы боясь, чтобы ее не увидали....

==

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

МАЙЁ И МАДМОАЗЕЛЬ ДЕ-КАРДОВИЛЬ.

Майё, взволнованная, встревоженная, нагнувшись къ окну слѣдила глазами за всѣми движеніями Адриенны де-Кардовиль и Розы Симонъ, которыхъ она никакъ не ожидала увидѣть тутъ вмѣстѣ. Сиротка, приблизившись къ самой рѣшеткѣ, отдѣлявшей садъ доктора Баленіе отъ монастырскаго, сказала Адриеннѣ нѣсколько словъ, и на лицѣ мадмоазель де-Кардовиль выразилось удивленіе, состраданіе и негодованіе. Въ эту минуту въ садъ вбѣжала монахиня; она озиралась во всѣ стороны и, по-видимому, кого-то съ безпокойствомъ искала; потомъ, увидѣвъ Розу, которая робко приближалась къ забору, она, казалось, бранила ее и, несмотря на то, что Адриенна говорила ей что-то съ большой живостью, монахиня схватила Розу за руку и потащила изъ саду. Бѣдняжка со слезами нѣсколько разъ оглядывалась на Адриенну, а та, изъяснивъ ей свое участіе выразительными жестами, быстро отвернулась, какъ-будто хотѣла скрыть свои слезы.

Корридоръ, гдѣ Майё стояла во время этой трогательной сцены, находился во второмъ этажѣ; ей пришло въ голову сойти въ нижнее жильё, пробраться какъ-нибудь въ садъ, чтобы поговорить съ этой прекрасною дѣвушкой и если это точно мадмоазель де-Кардовиль и она теперь въ здоровомъ умѣ, то сказать, что Агрикола имѣетъ сообщить ей важныя вещи, но не знаетъ какъ до нея добраться. Было уже довольно поздно; солнце садилось. Боясь, чтобы Флорина не соскучилась ждать, Майё рѣшилась тотчасъ исполнить свое намѣреніе. Она пошла на цыпочкахъ, съ безпокойствомъ прислушиваясь по временамъ къ малѣйшему шуму, и добралась такимъ образомъ до конца корридора. Тамъ три или четыре ступеньки вели къ площадкѣ, гдѣ находилась бѣлевая комната, потомъ узкая, круглая лѣстница шла въ нижній этажъ. Услышавъ разные голоса, Майё сбѣжала по этой лѣстницѣ и очутилась въ длинномъ корридорѣ нижняго этажа. Посрединѣ корридора была стекольчатая дверь, выходившая въ садъ настоятельницы. Аллея, вдоль которой съ одной стороны шли вербовыя шпалеры, могла скрыть Майё отъ всѣхъ взоровъ. Она смѣло пошла по этой аллеѣ и добралась до того мѣста, гдѣ монастырскій садъ отдѣлялся только рѣшетчатымъ заборомъ отъ саду лечебницы доктора Баленіе. Въ нѣсколькихъ

шагахъ оттуда, мадмоазель де-Кардовиль сидѣла, облокотившись, на сельской скамьѣ.

Твердость характера Адриенны была на короткое время потрясена утомленіемъ, испугомъ, ужасомъ, отчаяніемъ въ страшную ночь, первую послѣ того, какъ ее привезли въ лечебницу умалишенныхъ; докторъ Балеиѣ, пользуясь съ дявольскою хитростью, разслабленіемъ, уныніемъ мадмоазель де-Кардовиль, довела ее до того, что она начала сомнѣваться въ себѣ самой. Но спокойствіе, обыкновенно слѣдующее за самыми сильными, самыми тягостными потрясеніями; но размысленія ума свѣтлаго и тонкаго, вскорѣ совершенно успокоили ее и она увидѣла всю неосновательность, нелѣпость опасеній, которыя внушилъ ей Балеиѣ. Она не вѣрила даже и тому, чтобы этотъ свѣдущій и опытный врачъ ошибался; она ясно разглядѣла его поведеніе, исполненное гнуснаго лицемѣрства и рѣдкой дерзости, запечатлѣнное не менѣе рѣдкой ловкостью; и наконецъ, къ несчастію, слишкомъ поздно увидѣла, что докторъ Балеиѣ слѣное орудіе княгини де-Сенъ-Дизіѣ. Съ этой минуты она заключилась въ безмолвіе, въ спокойствіе, неполненное достоинства; ни малѣйшая жалоба, ни малѣйшій упрекъ не выходили изъ устъ ея.... Она ждала.... Ей давали довольно большую свободу, позволяли дѣлать, что хочетъ, гулять когда угодно (не допуская только никакихъ виѣшнихъ сношеній); однако жъ положеніе ея было тягостно, жестоко, особенно при ея страстной привязанности къ изящной роскоши. Впрочемъ, она чувствовала, что это положеніе не можетъ быть продолжительнымъ. Она не имѣла никакого понятія о дѣйствіи законовъ, не знала, какого покровительства, какой защиты могутъ ожидать отъ нихъ граждане; но здравый смыслъ говорилъ ей, что можно заключить кого-нибудь на нѣсколько дней въ лечебницу подъ искусно придуманнымъ предлогомъ помѣшательства; но что это заключеніе не можетъ быть продолжительнымъ, что если дѣвушка въ ея званіи и съ ея положеніемъ въ свѣтѣ, вдругъ исчезла, то нельзя же, чтобы чрезъ нѣсколько времени не стали искать ея, и тогда ея мнимое, внезапное помѣшательство, конечно, подало бы поводъ къ строгимъ разысканіямъ. Основательно или нѣтъ было это предположеніе, но оно придало характеру Адриенны всю ея прежнюю силу и энергію.

Но она никакъ не могла понять, для чего ее задержали. Хорошо зная княгиню де-Сенъ-Дизіѣ, Адриенна не могла предполагать, чтобы эта женщина дѣйствовала безъ опредѣленной цѣли и только для того, чтобы помучить ее.... Она не ошиблась: аббатъ д'Эгривъ и княгиня де-Сенъ-Дизіѣ, полагали, что она знаетъ гораздо болѣе чѣмъ сколько она дѣйствительно знала, что она рѣшилась воспользоваться своими правами, и тринадцатаго февраля непременно явится въ улицу святаго Франциска. Засадивъ Адриенну въ домъ умалишенныхъ, они такимъ образомъ разстрои-

вали всю ея будущиость; но надобно сказать, что это была пресосторожность совершенно излишняя, потому что Адриенна только попала на слѣды семейной тайны, которую отъ нея хотѣли скрыть, но не пропикла ея вполне за недостаткомъ нѣкоторыхъ скрытыхъ или потерянныхъ документовъ. Впрочемъ, каковы бы ни были побудительныя причины глупаго поведенія враговъ мадамъ де-Кардовиль, она не могла не возмущаться. Эта благородная дѣвушка не имѣла ни малѣйшаго расположенія къ ненависти или мстительности; но размышляя обо всемъ, что она терпѣла отъ княгини де-Сенъ-Дизіе, аббата д'Эгривы и доктора Баленіе, она дала себѣ слово добиться всѣми возможными средствами, не паразавія ихъ, но обличенія ихъ поступковъ. Она рѣшилась преслѣдовать ихъ безъ пощады, бороться съ ними до тѣхъ-поръ, пока не обнаружитъ ихъ коварства, лицемерія, жестокости, не въ отищеніе за свои страданія, а для того, чтобы избавить отъ тѣхъ же страданій другія жертвы, которыя не въ состояніи были бы защищаться такъ какъ она.

Адриенна, подъ вліяніемъ тягостнаго впечатлѣнія, которое произвело на нее свиданіе съ Розою Симонъ, сплѣла, печально облокотившись на ручку деревянной скамьи и закрывъ лѣвою рукою глаза. Шляпка ея лежала подлѣ, и такъ какъ голова Адриенны была наклонена, то длинныя локоны ея золотистыхъ волосъ спустились на ея свѣжія, гладкія щечки и почти совершенно закрывали ихъ. При этомъ положеніи, исполненномъ граціозной небрежности, прелестный роскошный станъ мадамъ де-Кардовиль восхитительно обрисовывался подъ ея шелковымъ платьемъ изъ зеленой волнистой матеріи; широкіи воротничокъ, придерживаемый розовымъ атласнымъ бантикомъ и тонкія маншеты изъ великолѣпнаго кружева, скрадывали рѣзкую противоположность блестящей краски платья съ ослѣпительною близкою ея лебяжьей шейки и рафаэлевскихъ ручекъ, но которыми пробѣгали едва замѣтныя голубоватыя жилки; на сгибѣ ногъ ея, очень высоко и ясно обозначенномъ, перекрещались ленты чернаго атласнаго башмачка. Докторъ Баленіе позволилъ ей одѣваться какъ угодно, а мы уже знаемъ, что страсть къ изящнымъ нарядамъ была въ ней не кокетствомъ, но что она считала это обязанностью къ себѣ самой и къ природѣ, которая надѣляла ее такою красотою.

Майё простодушно любовалась ея прелестными формами, ея изящнымъ нарядомъ и не вспомнивъ даже о своемъ безобразіи и о своемъ нищенскомъ рубищѣ. Она весьма справедливо разсудила, что безумная не могла бы одѣваться такъ умно и съ такимъ вкусомъ. Майё съ удивленіемъ и не безъ волненія подошла потихоньку къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей ее отъ мадамъ де-Кардовиль; между-тѣмъ однако же она думала, что эта бѣдная дѣвушка дѣйствительно помѣшана, но только теперь временно находится въ

здоровъ умѣ. Чтобы увѣриться, что это точно Адриенна, Майё сказала робкимъ голосомъ, однако жь довольно-громко, чтобы та могла слышать: — Мадмоазель де-Кардовиль? — Кто меня зоветъ? сказала Адриенна и быстро поднявъ голову, она невольно вскрикнула отъ удивленія и почти испугу.... Неожиданное, внезапное появленіе этой дѣвушки, блѣдной, безобразной, вицеписи одѣтой, необходимо должно было произвестн неприятное впечатлѣніе на мадмоазель де-Кардовиль, столь страстную къ красотѣ и граціи.... Страхъ и отвращеніе прѣмелькнули на выразительномъ лицѣ ея. Майё не замѣтила впечатлѣнія, произведеннаго ея появленіемъ.... Не трогаясь съ мѣста, устремивъ глаза на Адриенну, сложивъ руки съ какимъ-то страстнымъ удивленіемъ или, лучше сказать, благоговѣніемъ, она любовалась ослѣпительной красотой мадмоазель де-Кардовиль, которую видѣла, можно сказать, въ первый разъ, потому что сквозь окно не могла разсмотрѣть ея хорошенько; то что Агрикола говорилъ ей о дивной прелести своей покровительницы, казалось ей тысячу разъ ниже дѣйствительности; Майё никогда, даже въ поэтическихъ мечтахъ своихъ не воображала себѣ такого пеностижимаго совершенства. По странному сближенію, зрѣніще идеальной красоты повергло въ неизъяснимый восторгъ обѣихъ этихъ дѣвушекъ, столь несхожихъ между собою, оба эти противоположныя лица красоты и отвратительности, богатства и нищеты. Послѣ этой невольной данн удивленія, Майё сдѣлала еще шагъ къ забору. — Что вамъ надобно? вскричала мадмоазель де-Кардовиль, съ отвращеніемъ, которое не укрылось отъ Майё. Поэтому она робко потупила глаза и сказала тихимъ голосомъ: — Извините, что я осмѣлилась обезпокоить васъ... но время дорого.... я пришла къ вамъ.... отъ Агриколы....

Произнося эти слова, Майё съ безпокойствомъ подняла глаза: она боялась, что мадмоазель де-Кардовиль, можетъ-быть, забыла имя бѣднаго мастераваго, который два раза приходилъ къ ней, во къ удивленію и радости ея, страхъ Адриенны совершенно разсѣялся при имени Агриколы. Она приблизилась къ рѣшеткѣ и, смотря на Майё съ любопытствомъ спросила: — Вы пришли отъ мосьё Бодуэна? Кто же вы? — Его приемная сестра, сударыня.... я швея и живу въ одномъ домѣ съ нимъ....

Адриенна, казалось, что-то вспомнила, потомъ совершенно успокоилась и, послѣ минутнаго молчанія, сказала съ ласковою улыбкою: — Такъ это вы совѣтовали мосьё Бодуэну, просить, чтобы я внесла за него обезпеченіе? — «Какъ, сударыня.... вы помните?» — Я никогда не забываю того что благородно и великодушно. Мосьё Бодуэнь съ большимъ чувствомъ говорилъ мнѣ о вашей добротѣ и преданности къ нему.... не мудрено, что я это помню.... Но какимъ образомъ вы попали сюда.... въ монастырь?... — «Мнѣ говорили, что здѣсь мнѣ, можетъ-быть, дадутъ,

работы, но, къ-несчастію, настоятельница мнѣ отказала.» — Но какъ же образомъ вы меня узнали?... — «По вашей удивительной красотѣ... мнѣ говорилъ о ней Агрикола.» — Я думаю, скорѣй... не по этому ли? сказала Адриенна и, улыбаясь, захватила розовыми своими пальчиками кончикъ одного изъ локоновъ своихъ шелковистыхъ, золотистыхъ волосъ. — «Извините, сударыня, отвѣчала Майё съ полу-улыбкою, которая такъ рѣдко появлялась на лицѣ ея: Агрикола поэтъ: онъ съ почтительнымъ восхищеніемъ, описывалъ мнѣ дивную красоту своей покровительницы и разумеется не забылъ ни одного изъ вашихъ рѣдкихъ совершенствъ». — Что же заставило васъ подойти ко мнѣ? — «Надежда оказать вамъ, можетъ-быть, довольно важную услугу. Вы были такъ милостивы къ Агриколѣ, что я осмѣливаюсь раздѣлить его признательность къ вамъ.» — И очень хорошо дѣлаете, моя милая, сказала улыбаясь Адриенна: такимъ образомъ я получаю двойную награду, хотя до-сихъ-поръ только желала добра мосьё Бодуэну и еще ничего не могла для него сдѣлать.

Во время этого разговора Адриенна и Майё съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Майё не постигала какимъ-образомъ женщина помѣшанная можетъ говорить такъ, какъ Адриенна; притомъ она сама удивлялась съ какою смѣлостью, съ какою свободою ума отвѣчала Адриеннѣ: Майё не знала, что эта рѣдкая дѣвушка обладаетъ преимуществомъ душъ добрыхъ и прекрасныхъ, возвышать все что приближается къ нимъ съ любовью. Мадмоазель де-Кардовиль, съ своей стороны чрезвычайно удивлялась, что простая дѣвушка, одѣтая какъ нищій, говорила такъ хорошо и съ такимъ приличіемъ. Чѣмъ болѣе смотрѣла она на Майё, тѣмъ болѣе первое непріятное впечатлѣніе, произведенное на нея видомъ этой дѣвушки, замѣнилось другимъ чувствомъ, совершенно противоположнымъ. Съ обыкновенною быстротою и мелочною наблюдательностью жещицы, она замѣтила, что подъ старымъ чернымъ креповымъ чепцомъ Майё были каштановые, гладкіе и лоснящіеся волосы; что длинныя, худыя и бѣлыя ея руки, были совершенно чисты, хотя и выставлялись изъ-подъ изорванныхъ рукавовъ: доказательство, что чистоплотность, уваженіе къ себѣ, по-крайней-мѣрѣ боролись у ней съ ужасною нищетою. Кромѣ-того въ блѣдности задумчиваго лица этой бѣдной дѣвушки, въ умномъ, кроткомъ и робкомъ выраженіи глазъ ея, Адриенна находила какую-то трогательную прелесть, скромное достоинство, которыя заставляли забывать ея уродливость, Адриенна страстно любила красоту физическую; но при своемъ возвышенномъ умѣ, при своей благородной душѣ и чувствительномъ сердцѣ, она не могла не цѣнить и нравственной красоты, которая сіяетъ иногда на смиренномъ, страдальческомъ лицѣ. Но только ей еще въ первый разъ случалось замѣчать этого роду красоту, потому что по своему богатству, положенію въ свѣтѣ и

образу жизни, она совѣмъ не знала класса людей, къ которому принадлежала Майё. Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго прекрасная герцогиня и бѣдная швея съ возрастающимъ изумленіемъ разсматривали другъ друга, Адриенна сказала Майё:— Не мудрено угадать отчего мы обѣ такъ удивляемся. Вы, вѣроятно, находите, что для помѣшанной я говорю довольно разсудительно, если только вы слышали, что я съ ума сошла. А я нахожу, прибавила мадмоазель де-Кардовиль съ соболѣзнованіемъ, такъ сказать почтительнымъ: что благородство вашего образа выраженія и вашихъ манеръ, дотога не согласно съ вашимъ жалкимъ положеніемъ, что мое удивленіе должно быть еще больше вашего. — «О, вскричала Майё, съ такимъ искреннимъ и глубокимъ выраженіемъ блаженства, что глаза ея наполнились слезами: о, такъ я угадала?... такъ-то что мнѣ говорила о васъ, неправда?... Я такъ и думала. Вы такъ прекрасны, такъ милостивы, у васъ такой пріятный, милый голосъ, что мнѣ никакъ не вѣрилось, чтобы съ вами случилось такое ужасное несчастье... Но, Боже мой, отчего же вы здѣсь?... какъ это могло случиться?....» — Милая моя, сказала Адриенна, глубоко тронутая привязанностью, которую оказывала ей эта добрая, рѣдкая дѣвушка: а какъ же могло случиться, что вы съ такимъ необыкновеннымъ умомъ, съ такимъ пѣжнымъ сердцемъ живете въ такой нищетѣ?... Но погодите: я вѣдь не всегда буду здѣсь.... и тогда мы обѣ займемъ мѣста, которыя принадлежатъ намъ по праву. Повѣрьте, я никогда не забуду, что въ такую минуту, когда вы лишились работы, своего единственнаго средства существованія, вы, несмотря на свое безпокойство, вздумали обо мнѣ, рѣшились подойти ко мнѣ, чтобы оказать мнѣ услугу.... Вы, точно, можете оказать мнѣ большую услугу.... и я очень рада этому, потому что тогда буду лично обязана вамъ.... Вы увидите, какъ я употреблю во зло свою признательность, прибавила она съ восхитительною улыбкою. Но надобно прежде подумать о другихъ, а потомъ уже о себѣ, сказала она. Мосё Бодуэнъ, должно быть, въ тюрьмѣ? — «Благодаря великодушію одного изъ своихъ товарищей, онъ теперь, я думаю, уже вышелъ изъ тюрьмы. Отецъ вчера представилъ обезпеченіе за него и ему обѣщали, что сегодня Агриколу выпустятъ.... Но онъ еще изъ тюрьмы писалъ мнѣ, что ему надобно сообщить вамъ одну тайну, чрезвычайно важную». — Мнѣ? — «Да.... Сегодня, я надѣюсь, Агрикола будетъ на волѣ. Какимъ образомъ можетъ онъ сообщить вамъ эту тайну?» — Ему нужно сообщить мнѣ тайну? повторила съ удивленіемъ мадмоазель де-Кардовиль. Не понимаю, что бы это такое могло быть, но во всякомъ случаѣ, покуда я здѣсь, мосё Бодуэнъ не можетъ сообщить мнѣ ничего, ни прямо ни посредствомъ другихъ; надобно подождать, пока я выйду отсюда. Этого мало: надобно еще вырвать изъ этого монастыря двухъ дѣвушекъ, ко-

торыя еще несчастіе меня.... Здѣсь насильно держать дочерей маршала Симона. — «Какъ же вы ихъ знаете?» — Мосё Бодуэнъ сказалъ мнѣ, что онѣ пріѣхали въ Парижъ. Онѣ говорилъ, что имъ пятнадцать лѣтъ и что онѣ изумительно похожи другъ на друга.... Вчера, гуляя, по обыкновенію, по саду, я замѣтила, что двѣ бѣдныя дѣвушки, печальныя, заплаканныя, подходятъ къ окнамъ, одна въ нижнемъ, другая надъ нею въ верхнемъ этажѣ.... Я, по какому-то предчувствію, тотчасъ подумала, что это должны быть тѣ самыя сиротки, о которыхъ говорилъ мнѣ мосё Бодуэнъ.... Я, принимаю въ нихъ живѣйшее участіе, потому что онѣ мои родственницы. — «Ваши родственницы?» вскричала Майё съ величайшимъ удивленіемъ. — Да, онѣ мнѣ родня. Я ничего не могла для нихъ сдѣлать, такъ по-крайней-мѣрѣ старалась знаками показать имъ, какъ трогаетъ меня ихъ несчастіе; по слезамъ, по разстроеннымъ личикамъ этихъ милыхъ дѣвушекъ, я тотчасъ догадалась, что ихъ держатъ въ монастырѣ насильно, какъ меня въ этой лечебницѣ. — «Понимаю... вы, вѣрно, сдѣлались жертвою непріязни своихъ родныхъ?» — Какова бы ни была судьба моя, положеніе этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ еще хуже моего.... Онѣ бѣ такомъ отчаяніи, что я боюсь за нихъ. Всего мучительнѣе для нихъ то, что ихъ, бѣдныхъ, разлучили. Судя по тому, что сейчасъ сказала мнѣ одна изъ нихъ, я догадываюсь, что онѣ, какъ и я, сдѣлались жертвами злодѣйскихъ умысловъ.... Но теперь, благодаря вамъ, ихъ можно будетъ спасти. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, мнѣ невозможно было имѣть никакихъ сношеній ни съ кѣмъ, кромѣ людей, принадлежащихъ къ этому заведенію.... Мнѣ не даютъ ни перьевъ, ни бумаги: такъ писать я не могу. Выслушайте со вниманіемъ, что я вамъ скажу и мы, можетъ-быть, избавимся отъ угнетенія. — «О, говорите, говорите, я все готова сдѣлать». — Солдаты, который привезъ этихъ дѣвушекъ во Францію, отецъ Агриколы, здѣсь? — «Здѣсь.... Ахъ, если бѣ вы видѣли его отчаяніе, его бѣшенство, когда воротясь домой онъ не нашелъ дѣвушекъ, которыхъ видѣла ему умирающая мать!» — Но только ради Бога, чтобы онъ не прибѣгалъ къ насилію: этимъ онъ все погубитъ. Возьмите этотъ перстень—и она сняла одинъ изъ своихъ перстней—отдайте ему.... пусть онъ сходитъ тотчасъ же.... Вы не забудете имени и адреса, которыя я скажу вамъ? — «О, не беспокойтесь, не забуду; Агрикола только однажды сказалъ мнѣ ваше имя.... однако жъ я его не забыла. У сердца есть своя память». — Вижу, моя милая.... Такъ помните же имя графа де-Монбронъ. — «Графъ де-Монбронъ.... не забуду». — Это одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей.... Онъ живетъ на Вандомской Площади, въ домѣ, подъ номеромъ седьмымъ.... — «На Вандомской Площади, номеръ седьмой.... Буду помнить». — Пусть отецъ мосё Бодуэна сходитъ къ нему нынче же вечеромъ; если графа нѣтъ дома, такъ надобно

подождать. Пусть онъ велитъ сказать ему, что пришелъ отъ меня и въ доказательство представитъ этотъ перстень. Попросите, чтобы онъ рассказалъ графу все:... что дѣвушекъ похитили, что ихъ держатъ здѣсь въ монастырѣ, что меня посадили будто сумасшедшую въ больницу доктора Баленіе. Графъ узнаетъ голосъ истины.... Онъ человѣкъ чрезвычайно умный, опытный и пользуется большимъ вліяніемъ. Онъ тотчасъ приметъ всѣ нужныя мѣры, и завтра или послѣ завтра, я увѣрена, мы съ этими бѣдными сиротками, будемъ свободны.... и все это.... благодаря вамъ.... Но время дорого, насъ могутъ застать съ вами.... Ступайте скорѣе, моя милая....

Потомъ, собираясь идти, Адриенна сказала Майѣ съ такой трогательной улыбкою, съ такой ласковостью, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что Майѣ не могла сомнѣваться въ искренности ея словъ: — Мосье Бодуэнъ говорилъ мнѣ, что по сердцу я стою васъ.... Теперь я вижу, какъ много лестнаго для меня въ этихъ словахъ.... Хотѣлось бы мнѣ обнять васъ какъ сестру, прибавила она... къ-сожалѣнію, это невозможно.... такъ дайте же мнѣ по крайней-мѣрѣ пожать вашу руку.

Въ выраженіи, съ которымъ прекрасная герцогиня произнесла эти слова, было столько искренности, что Майѣ не обинуясь, положила исхудалую свою руку, въ полненькую прекрасную ручку Адриенны и та съ чувствомъ ея пожала.

Вдругъ, въ саду доктора Баленіе послышались чьи-то шаги. Адриенна убѣжала и скрылась за густыми деревьями, сказавъ Майѣ:—Мужайтесь.... и надѣйтесь!

Все это сдѣлалось такъ скоро, что Майѣ не могла опомниться: она не трогалась съ мѣста и слезы, но слезы сладостныя, текли по лицу ея. Дѣвушка такая, какъ Адриенна де-Кардовиль обходится съ нею какъ съ сестрой, жметъ ей руку, говоритъ, что гордится тѣмъ, что стѣнитъ ея по сердцу!... Есть слова, бываютъ ощущенія, которыя заставляютъ прекрасную душу забывать цѣлые годы страданія и показываютъ ей самой ея собственное величіе. Такъ было теперь и съ Майѣ, несчастной страдальцей, которая до-тѣхъ-поръ таилась въ нищетѣ и уничиженіи: благодарныя, великодушныя слова Адриенны придали ей на минуту сознание своего собственного достоинства..... Она сложила руки и съ неизяснимымъ выраженіемъ признательности подняла глаза къ небу....

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, Майѣ пробралась изъ саду во второй этажъ и тихонько постучалась въ двери бѣлешей комнаты. Монахиня отворила дверь. — Позвольте спросить, не здѣсь ли мамзель Флорина, которая привезла меня? спросила Майѣ. — «Ей нельзя было ждать васъ такъ долго, отвѣчала мо-

нахия: вы, вѣрно, отъ матушки?»—Да.... отъ матушки. .. сказала Майё, потупивъ глаза: сдѣлайте милость, научите меня, какъ мнѣ отсюда выйти.—«Пойдемте, я провою вась»....

Майё съ трепетомъ пошла за монахиней: она боялась какъ бы не встрѣтиться съ настоятельницею, потому что та, конечно, удивилась бы, отчего она такъ долго оставалась въ монастырѣ. Наконецъ первыя ворота монастыря затворились за Майё. Она проворно прошла черезъ большой дворъ и подходя къ комнатѣ дворника, услышала, что кто-то говоритъ грубымъ голосомъ: — Видно, Жеромъ, нынче надобно караулить пуше, чѣмъ когда-нибудь.... Я положу въ ружье двѣ лишнихъ пули.... Матушка приказала ходить дозоромъ вдвое чаще обыкновеннаго.... — «А мнѣ, братъ, Николай, ружье не нужно: у меня коса насажена прямо и я ее выточилъ славно.... Оружіе, не что, садовничье, а за себя постоятъ».

Эти слова, которыя Майё слышала невольно, чрезвычайно встревожили ее. Она подошла къ каморкѣ дворника и попросила отпереть ворота:—Откуда это ты изволила пожаловать? сказалъ дворникъ, выставившись изъ своей конуры съ двуствольнымъ ружьемъ, которое онъ заряжалъ, и подозрительно посматривая на Майё. — «Я была у матушки», робко отвѣчала Майё. — Полно такъ ли? грубо сказалъ дворникъ. Ты что-то не больно взрачна... Ну, да чертъ съ тобой.... улепетывай скорѣй....

Ворота отворились и Майё вышла. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, она съ величайшимъ удивленіемъ увидѣла Угрюма, который бѣжалъ ей на встрѣчу. За нимъ проворно шелъ Дагоберъ. Майё поспѣшила на встрѣчу старику, какъ-вдругъ полный, звучный голосъ закричалъ вдали:—Эй, Майё!

Дѣвушка оглянулась: съ другаго конца улицы къ ней бѣжалъ Агрикола.

==

